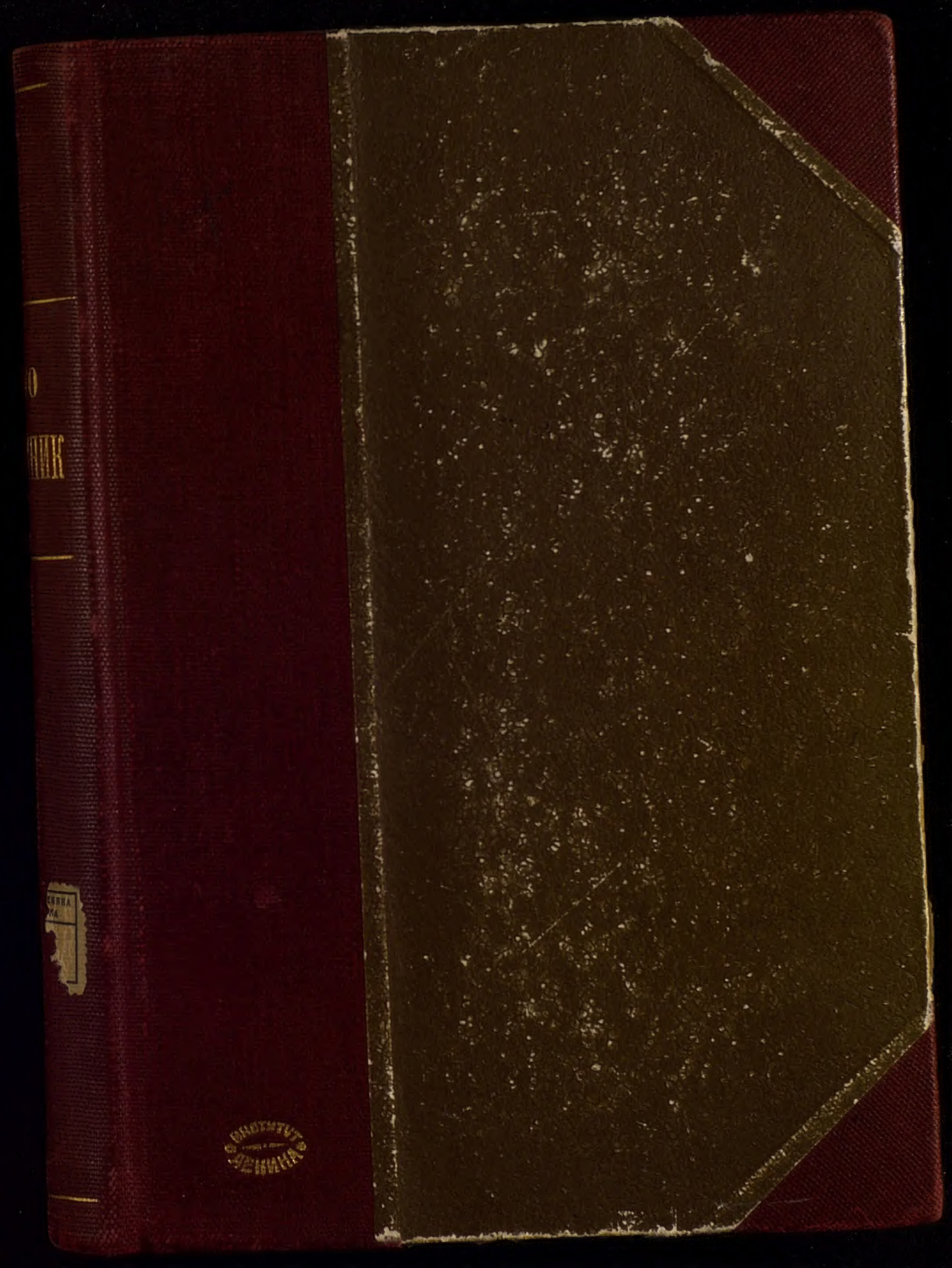
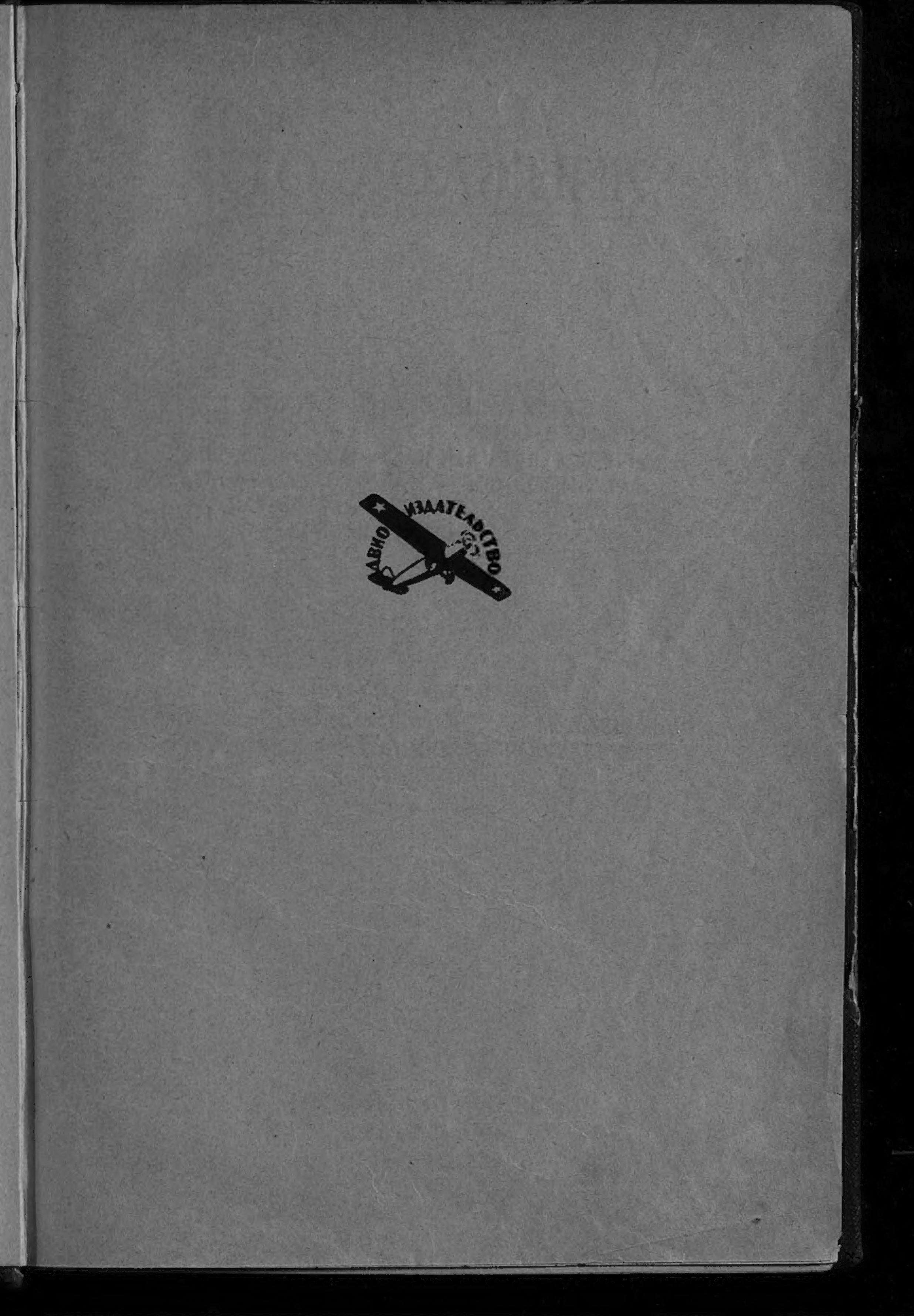

ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

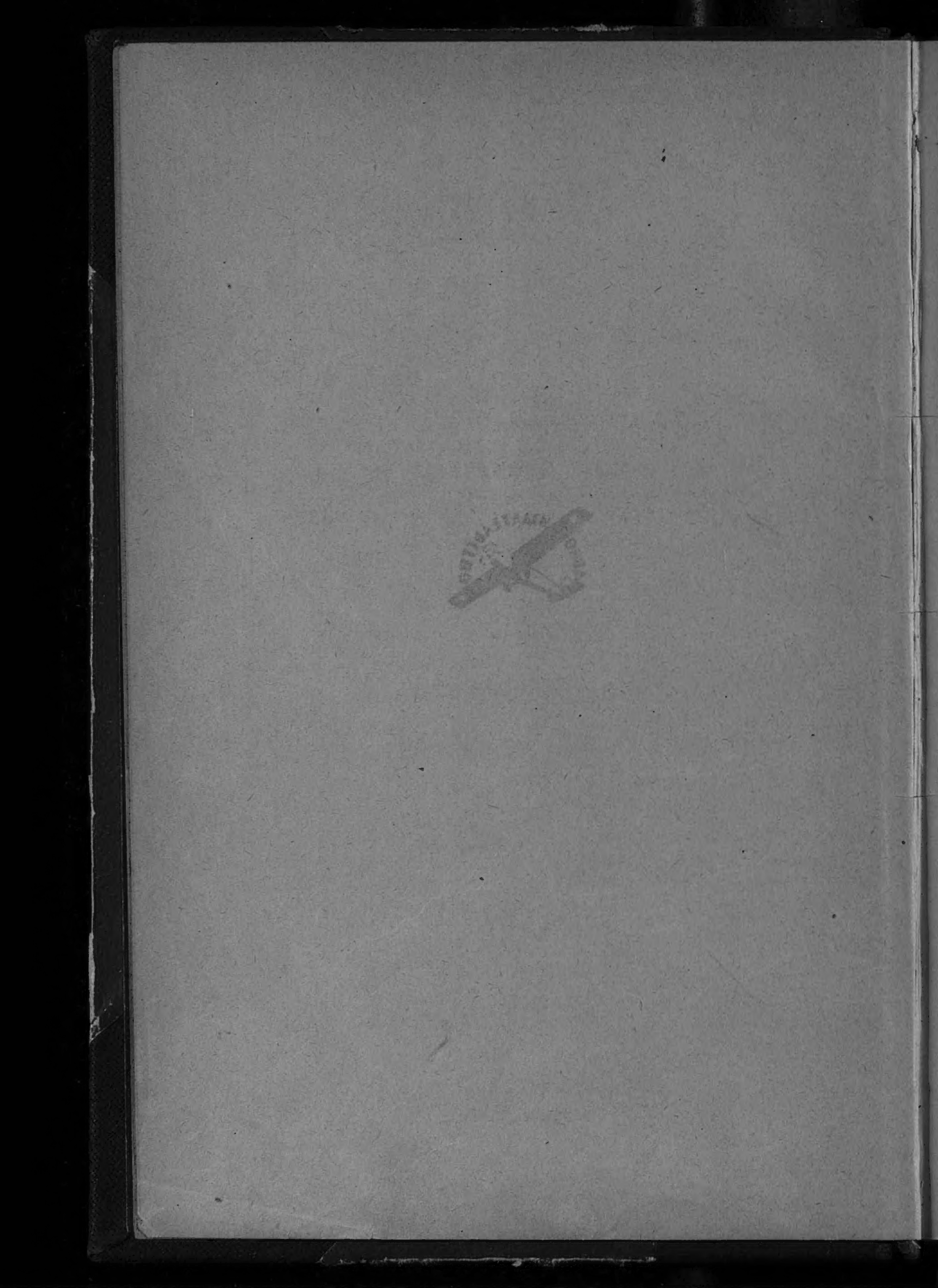
КТО ДОЛЖНИК?

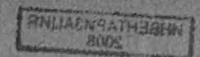
К ВОПРОСУ О ФРАНКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

АВИОИЗДАТЕЛЬСТВО

АВИО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

КТО ДОЛЖНИК?

СБОРНИК
ДОКУМЕНТИРОВАННЫХ СТАТЕЙ
ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ
МЕЖДУ РОССИЕЙ, ФРАНЦИЕЙ И ДРУГИМИ
ДЕРЖАВАМИ АНТАНТЫ ДО ВОЙНЫ 1914 г.,
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И В ПЕРИОД
ИНТЕРВЕНЦИИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. Г. ШЛЯПНИКОВА, Р. А. МУКЛЕВИЧА
И ПРОФ. Б. И. ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКОГО

АВИОИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — 1926

Отпечатано в типо-хромо-литографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“ Мосполиграф.
Москва, Арбат, Филипповский пер., 11.
Главлит № 45372. — Тираж 15.000.
Обложка художник Г. С. Бершадского.

ОТ РЕДАКЦИИ

Выпускаемый нами сборник „Кто должник?“ имеет целью дать ответ на те многочисленные и разнообразные претензии политиков и дельцов буржуазной Европы, которые пред‘являются Советской России на основании договоров, заключенных царским правительством. Та настойчивость, с которой выступают в защиту царских договоров заправилы различных стран, а также вражда к непризнающей этих договоров Советской России достаточно ярко свидетельствуют о том, в чьих интересах эти договоры заключались. Наш сборник вскрывает их тайные пружины, а вместе с тем разоблачает и те державы, которые пользовались положением царизма для эксплоатации русских народных масс. Существование царизма в нашей стране за последние два десятка лет держалось преимущественно на поддержке международного финансового капитала. За эту поддержку царизм отдавал всю страну, ее многомиллионное население и земельные богатства банкирам Европы. Особенно выгодно использовал положение царизма французский капитал. Правительствам французского капитала удалось заключить ряд соглашений, которые почти полностью подчиняли международную политику царизма своим империалистическим видам.

За такие „услуги“ царское правительство получало золотые займы. Интересно отметить, что крупный французский капитал избегал вкладывать свои

капиталы в такое рискованное дело, как поддержка царизма в России и эту патриотическую честь он предоставил капиталам мелких сбережений, зарабатывая сам огромные суммы на одном только размещении царских займов. В течение многих лет французское правительство поддерживало царские займы, как средство обеспечения безопасности страны от Германии, а печать и банкиры получали доходы. Теперь, задним числом, французское правительство пытается прикрыть материальные интересы финансовой, империалистической олигархии заинтересованностью обманутых и ограбленных мелких людей.

В сборнике читатель найдет справки о том, куда шли те миллиарды золотых франков, которые в виде займов поступали в царскую казну. На это золото французское правительство обязывало царское правительство возводить крепости, увеличивать вооружения, строить стратегические железные дороги. На те же деньги велась подготовка войны и в этих же целях содержалась огромная армия. Вражда бывших союзников царского правительства к Советской России понятна: лишиться такой дешевой и крупной материальной силы в тот момент, когда международные противоречия крайне обострились, — потеря большая.

Свержение царизма в марте 1917 года было первым предупреждением правительствам союзных стран, вызвавшим глубокую тревогу в их рядах. Политические деятели и правительства Европы великолепно знали враждебное отношение революционно-демократических элементов России к царским союзам и к финансовой поддержке царского правительства, но последовавшие события успокоили их. Мартовская революционная волна подняла на высоту власти ли-

беральную буржуазию, связанную империалистическими целями с правительствами союзников. „Революционная демократия“ в лице социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков стала на поддержку своей буржуазии и общими силами они успокоили союзников, приняв на себя фактически выполнение царских обязательств и лишь на словах требуя отказа от „захватных целей“. Наша РСДРП (б) была тогда еще не в силах заставить свою буржуазию отказаться от захватных намерений и разорвать империалистический блок. Лишь Октябрьская революция разорвала империалистические цепи тайных договоров и соглашений, которыми были скованы рабочие и крестьяне нашей страны.

Враждебное отношение к Союзу Советских Социалистических Республик со стороны буржуазных правительств прямо пропорционально их материальной и политической заинтересованности в эксплоатации бывшей России. Выход из войны и отказ рабочих и крестьян нашей страны служить интересам союзнического, англо-французского капитала является основной пружиной ненависти к СССР. Борьба с большевизмом, многочисленные кровавые интервенции, поддержки Деникина, Колчака, Врангеля и прочих генералов контр-революции против рабоче-крестьянской власти имели все ту же корыстную цель подчинения нашей страны власти капитала и возвращения иностранному капиталу его былых привилегий. Эти кровавые атаки давно отбиты, но борьба продолжается и ныне. Изменились лишь ее приемы. Особенно упорную борьбу за сохранение своих привилегий и выгод ведет бывшая союзница России — капиталистическая Франция, за спасение которой от военного разгрома уложены миллионы

русских крестьян и рабочих. Причины этой вражды не являются секретом для нас. Октябрьская революция, положившая конец господству крупного капитала, одновременно с этим положила конец использовыванию военной мощи нашей страны во славу французского капитала.

Какие огромные выгоды извлекал французский капитал из военного союза с Россией документы нашего сборника иллюстрируют наглядно. Не менее доказательно выявлена роль русских армий в деле спасения Франции и Англии от военного поражения. Взаимоотношения между русским правительством и правительствами Франции и Англии окрашены циничной односторонностью в пользу последних, при полном пренебрежении к интересам России и к „серой российской скотине“ — солдату.

Статьи и документы вскрывают тайные страницы системы военных соглашений, приведших мир к войне. Эта система разорвана пока только нашей страной, а в остальном мире великих держав она продолжает служить основанием для дипломатии.

Авторы статей нашего сборника „Кто должник?“ являются военными деятелями, имена которых связаны с военной историей нашей страны. Большинство из них были видными участниками Мировой войны и периода подготовки к ней, а поэтому их труд является особенно важным и ценным.

ОБ АВТОРАХ КНИГИ „КТО ДОЛЖНИК?“

В составлении настоящего сборника приняли участие следующие лица:

Зайончковский, А.

Командовал во время Мировой войны 30-м и 18-м армейскими корпусами; позже командовал армией в Добрудже из русских, румынских и сербских войск; в 1919-20 г.г. — начальник штаба XIII армии. Теперь профессор Военной Академии РККА.

Лукирский, С.

Во время Мировой войны был генерал-квартирмейстером штаба главнокомандующего армиями северного фронта: начальником штаба главнокомандующего армиями северного фронта; помощником начальника штаба верховного главнокомандующего; в 1918 году состоял помощником верховного руководителя Высшего Военного Совета.—Профессор Академии Воздушного Флота; профессор Военной Академии РККА.

Новицкий, В.

Командовал во время Мировой войны 2-м Сибирским корпусом и позже 12-й армией. В 1917 году был главнокомандующим армиями северного фронта и флота Балтийского моря. В том же году был назначен помощником военного министра. В 1922 году был послан за границу для участия в работах Генуэзской Конференции. Профессор Военной Академии РККА.

Базаровский, А.

Во время Мировой войны был генерал-квартирмейстером штаба VIII армии; в 1921 г. врид. нач. штаба войск Сибири; инспектор главного управления военных учебных заведений в период времени с 1921 по 1923 год. Профессор Военной Академии РККА.

Захаров, П.

Во время Мировой войны командовал 55-й пех. дивизией на германском фронте. Профессор Военной Академии РККА.

Костяев, Ф.

Состоял для поручений при ставке верховнаго главнокомандующего и позже командовал 132-ой дивизией во время Мировой войны; в 1918 году был начальником полевого штаба Рев. Воен. Совета Республики; с 1920 по 1924 г.г. был военным представителем Российско-Украинско-Польской Пограничной Комиссии.

Шталь, А.

Бывший помощник начальника Морского Генерального Штаба. Профессор Морской Академии.

Егорьев, В.

Бывший начальник иностранного отдела Морского Генерального Штаба; редактор журнала „Морской Сборник“. Профессор Морской Академии.

Шведе, Е.

Штурманский офицер флота. Пр. Морской Академии.

Быков, П.

Минный офицер флота. Работает в Штабе Морских Сил.

Бонч-Бруевич, М.

Во время Мировой войны был ген.-кварт. III армии у ген. Рузского (львовская операция); ген.-кварт. сев.-зап. фронта; при Керенском был главнокомандующим армиями сев. фронта; позже — военный руководитель. Высшего Военного Совета; в 1919 году — начальник штаба Реввоенсовета. Состоит в распоряжении РВС и зав. Государственным Техническим Бюро Аэрос'емки.

Свечников, М.

Во время Мировой войны был нач. штаба и команд. войсками Оссовецкой крепости; командовал 106 пехотной дивизией; в 1918 г.— главнокомандующий всеми войсками Финской Красной Гвардии; в 1920 г. команд. каспийско-кавказским фронтом. Профессор Военной Академии РККА.

Какурин, Н.

Во время Мировой войны был нач. штаба III Забайкальской казачьей бригады; в 1920 г.—помощник командующего армиями западного фронта; в 1922 г.— командующий войсками Бухаро-Ферганского района. Профессор Военной Академии РККА.

Снесарев, А.

С 1919 по 1921 г. начальник Академии Генерального Штаба (позже Военной Академии) РККА. Командир IX армейского корпуса во время мировой войны.

Андерс, А.

Во время Мировой войны состоял в ставке верховного главнокомандующего. В 1920 г.—пом. нач. штаба южн. фронта; с 1922 г. нач. штаба Украинского Военного округа. Помощник директора акц. общества „Добролет“.

Слащев, Я.

В старой армии был преподавателем пажеского корпуса; потом командовал батальоном в 191› г.; начальник ударного отряда 2-й дивизии в 1917 г.; командовал лейб-гвардии Финляндским полком. Во время службы у белых был в 1917 г. начальником штаба Кубанской дивизии; в 1919 г. командовал 5-й белой дивизией; был начальником обороны Крыма; в 1920 г. к фамилии его присоединено имя „Крымский“; в том же году произведен в генерал-лейтенанты. В 1920 же году уволен со службы у белых. Штатный преподаватель Высшей стрелковой школы.

А. ЗАИОНЧКОВСКИЙ.

ФРАНКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДО ВОЙНЫ 1914 ГОДА.

Франко-русский союз и военные конвенции.— Политическое соглашение. — Военная конвенция 1892 — 93 г.—Утверждение договора Николаем II.— Возобновление политического соглашения в 1899 г.— Совещание начальников штабов в 1900 и 1901 г. г.— Поведение Франции во время Русско-японской войны. После Русско-японской войны.— Совещание начальников штабов в 1906 году.—1906 — 07 г. г.— Совещание начальников штабов в 1907 г.— I балканский кризис 1908 — 1909 г.г.— Совещание начальников штабов 1908 г. — Австро-сербский конфликт. — Период между первым и вторым балканскими кризисами. — Багдадская дорога.— Совещание начальников штабов в 1910 и 1911 г.г. — Переговоры о проливах.— II балканский кризис. — Анатолийские жел. дороги. — Китайский заем. — Миссия Сандерса.— Последние совещания начальников штабов и жел.-дорожн. заем. — Французские нравоучения России при об'явлении войны.

Франко-русский союз и военные конвенции.

В основу сношений между Францией и Россией до начала войны 1914 года легли: 1) политическое соглашение 1891 года, переписанное в 1899 году, и 2) ряд военных конвенций, периодически изменяемых и дополняемых особыми протоколами начальников генеральных штабов на их совещаниях, устраиваемых по мере приближения к 1914 году все чаще и чаще.

Эти военные конвенции по своему характеру резко делятся на 2 части, соответствующие двум периодам.

Первый период охватывает время от 1892 до 1901 г., после чего идет длительный перерыв до 1906 года, и второй период — с 1906 по 1914 год.

Здесь важно отметить, что первый период вполне определенно характеризуется:

1) Большой инициативностью со стороны французов и излишней осторожностью со стороны русских.

2) Желанием французов придать конвенции односторонний и формальный характер, обеспечивающий преимущественно их интересы, и успешной борьбой генерала Обручева (начальника штаба), с целью придать конвенции одинаково справедливый для обеих сторон характер.

3) Большой уступчивостью французов при заключении первой конвенции и

4) Первым радикальным изменением конвенции в пользу французов в 1900—1901 годах, вероятно, как следствие первых крупных русских займов, сделанных в царствование Николая II.

Политическое соглашение.

Политическое соглашение было официально оформлено в августе 1891 года письмами Гирса (русский министр иностранных дел) от 9/21 августа 1891 года, барона Моренгейма (русский посол в Париже) от 15/27 августа 1891 года и ответным письмом Рибо (французский министр иностранных дел) от того же числа. Первоначальный проект соглашения был составлен французами и принят

русским правительством в несколько измененном виде. Ниже помещаются параллельно: текст, предложенный французами, и принятый русскими, при чем в последнем подчеркнуты фразы, существенно изменяющие текст французского предложения.

Французское предложение[1].

1) Nécessité pour les deux Cabinets de consacrer l'entente cordiale qui les unit, en déclarant qu'ils se concerteront sur toute question qui pourrait mettre en cause la paix de l'Europe.

2) Pour le cas où la paix serait effectivement menacée par l'initiation de l'une des Puissances liées par la Triple Alliance, les deux Gouvernements pourraient juger en même temps nécessaire d'arretér par avance les mesures dont la réalisation de cette éventualité imposerait l'adoption immédiate et simultanée aux deux parties.

Принятый текст.

1) Afin de définir et de consacrer l'entente cordiale qui les unit et désireux de contribuer d'un commun accord au maintien de la paix qui forme l'objet de leurs voeux les plus sincères, les deux Gouvernements déclarent qu'ils se concerteront sur toute question de nature à mettre la paix générale en cause.

2) Pour le cas où cette paix serait effectivement en danger et spécialement pour celui ou l'une de deux parties serait menacée d'une agression, les deux parties conviennent de s'entendre sur les mesures dont la réalisation de cette éventualité imposerait l'adoption immediate et simultanée aux deux Gouvernements.[2]

Между предложенным французским и принятым русским текстами имеется существенное отличие, заключающееся в следующем:

В статье 1-й русское правительство сильно подчеркнуло миролюбивый характер соглашения, поставив условие сохранения мира в центр всего соглашения, что совершенно отсутствовало во французском проекте.

В статье 2-й французский проект обусловливал соглашение только нападением держав Тройственного Союза, т.-е. фактически Германии; русский же проект и здесь обобщал вопрос об угрозе общему миру и специально об угрозе нападением на одну из договари-

---

[1] Редакция не дает русского перевода (для экономии места) в виду того, что автор одновременно излагает ниже содержание текста.

[2] Это политическое соглашение было второй раз подтверждено 27—28 июля (8—9 августа) 1899 года обменом писем между графом Ламсдорфом (русский министр иностранных дел) и Делькассе (французский министр иностранных дел).

вавшихся сторон, не упоминая о Тройственном Союзе.

С этой точки зрения поведение французов во время Японской войны и во время кризиса 1908 года совершенно не соответствовало духу политического соглашения.

Военная конвенция 1892—93 г.

Проект военной конвенции был составлен только через год после заключения политического соглашения, а фактически она была заключена через два года, т.-е. в августе 1893 года.

Получить определенную военную конвенцию, имеющую силу официального обязательства (подчеркиваю эти слова, так как французы особенно напирали на такую форму, а мы первоначально всеми силами старались избежать ее, чтобы не связывать свою свободу в военных действиях), особенно старались французы, как в целях парламентской борьбы, так и в целях агрессивных, насколько можно об этом судить по частному письму от 31 октября 1892 года Рибо к Гирсу. Оттянуть заключение такой конвенции всеми силами старался Гирс, опасаясь, с одной стороны, что это станет известно немцам, и они, чтобы сорвать соглашение, могут обрушиться на Россию, а, главное, «боясь ею связать свободу действий императора в серьезном вопросе о войне» (из письма Гирса к Ванновскому от 13 мая 1892 года).

Первоначальный проект или, вернее, общие основания военной конвенции были выработаны французами и переданы русскому правительству в виде записки графа Монтебелло от 24 февраля 1892 года.

Основы этой записки заключались в следующем:

1) Записка имела в виду исключительно оборонительную войну, вызванную нападением Тройственного Союза.

2) В основание соглашения клался принцип взаимности, что выражалось в одновременной мобилизации, вслед за началом мобилизации армий Тройственного Союза и в быстроте ее, чтобы избежать хоть на несколько дней отдельного нападения на Францию или Россию соединенных сил противной стороны.

3) Записка подчеркивала необходимость «основательного об'единения средств борьбы для достижения общей цели».

4) Французы главным условием борьбы ставили «уничтожение всеми имеющимися силами главного противника», т.-е. Германии. Исходя из этого заключения, французский генеральный штаб обещал выставить против немцев $^5/_6$ своих перволинейных войск и выражал

желание, чтобы Россия выставила против Германии около ½ своих сил, т.-е. разделила бы их поровну между главным фронтом для России, каковым был австрийский, и второстепенным, каковым, по существовавшим в то время у нас планам войны, был германский.

Вслед за этим французским генеральным штабом был составлен полный проект военной конвенции, который встретил горячее возражение со стороны русского начальника штаба генерала Обручева (записка его Александру III в марте — апреле 1892 года), которому и удалось хоть отчасти исправить многие специфические стороны французского предложения. В таком исправленном виде проект, одобренный в принципе, но не утвержденный, а только одобренный Александром III, и был подписан генералами Обручевым и Буадеффром 17 августа 1892 года.

Ниже помещаются параллельно параграфы французского предложения и подписанного проекта конвенции для более удобного сравнения различия между ними.

Projet de convention militaire.

La France et la Russie étant animées d'un égal désir de conserver la paix et n'ayant d'autre but que de parer aux nécéssités d'une guerre défensive provoquée par une attaque des forces de la Triple Alliance contre l'une ou l'autre d'entre elles sont convenues des dispositions suivantes:

Французское предложение.	*Принятая редакция.*
1) Dans les cas où les forces de la Triple Alliance ou seulement de l'Allemagne viendraient à se mobiliser, la France et la Russie, à la première annonce de l'évenement et sans qu'il soit besoin d'un concert préalable, mobiliseront immediatement et simultanement la totalité de leurs forces et les porteront le plus près possible de leurs frontières.	1) Si la France est attaquée par l'Allemagne ou par l'Italie soutenue par l'Allemagne, la Russie emploiera toutes les forces disponibles pour attaquer l'Allemagne. Si la Russie est attaquée par l'Allemagne ou par l'Autriche, soutenue par l'Allemagne, la France emploiera toutes ses forces disponibles pour combattre l'Allemagne.
2) Si la France ou la Russie sont attaquées effectivement par les forces de la Triple Alliance (ou seulement de l'Allemagne) les deux Puissances dirigeront contre l'Allemagne la totalité des forces qui ne sont pas rigoureusement indispensables sur d'autres points. Ces forces s'engageront à fond et en toute diligence de manière à ce que l'Allemagne ait à lutter à la fois à l'Est et à l'Ouest.	2) Dans le cas où les forces de la Triple Alliance ou d'une des Puissances qui en font partie, viendraient à se mobiliser, la France et la Russie, à la première annonce de l'évenement et sans qu'il soit besoin d'un concert préalable, mobiliseront immédiatement et simultanement la totalité de leurs forces, et les porteront le plus près possible de leurs frontières

3) Dans l'hypothèse la plus défavorable, c'est à dire dans l'hypothèse où toutes les forces de la Triple Alliance entreraient en action la France estime que le chiffre des forces de campagne qu'elle pourra opposer à l'Allemagne sera de 1.300.000 hommes et que ces forces seront concentrées à la frontière le 14 jour à partir de l'ordre de mobilisation.

Dans la meme hypothèse la Russie estime que le chiffre des forces de campagne qu'elle pourra opposer à l'Allemagne sera de 800.000 hommes et que ces forces seront concentrées à la frontière le jour à partir de l'ordre de mobilisation; des forces sensiblement égales devant être opposées à l'Autriche.

4) Les Etats-Majors des armées des deux pays se concerteront en tout temps pour préparer et faciliter l'exécution de mesures prévues ci-dessus [3]).

5) La France et la Russie ne concluront pas la paix séparement avec la Triple Alliance. Quel que soit le resultat des événements de la guerre, chacune des deux Puissances défendra les intérêts de l'autre comme les siens propres, lors du réglement définitif.

3) Les forces disponibles qui doivent être employées contre l'Allemagne sont de côté de la France de 1.300.000 hommes, du côté de la Russie de 700.000 à 800 000 hommes. Ces forces s'engageront à fond et en toute diligence, de manière à ce que l'Allemagne ait à lutter à la fois à l'Est et à l'Ouest.

4) Les Etats-Majors des armées des deux pays se concentreront en tout temps pour préparer et faciliter l'execution des mesures prévues ci-dessus.

Ils se communiqueront, dès le temps de paix tous les renseignement relatifs aux armées de la Triple Alliance qui sont ou parviendront à leur connaissance. Les voies et moyens de correspondre en temps de guerre seront étudiés et prévus d'avance.

5) La France et la Russie ne concluront pas la paix séparement.

6) La présente convention aura la même durée que la Triple Alliance.

7) Toutes les clauses énumérées ci-dessus seront tenues rigoureusement secrètes.

Принципиальное различие в обоих документах сводится к следующему:

1) Французы выделяли в обособленное положение Германию, заставляя Россию мобилизовать свои войска без сговора при мобилизации или армий всего Тройственного Союза или только одной Герма-

[3]) По французскому проекту ст. 5, а ст. 4 здесь указано статьей 5-ою применительно к принятому проекту.

нии, т.-е. предусматривали случай, опасный исключительно для Франции, так как нападение одной Германии на Россию не представлялось вероятным. Между тем, вполне естественный и исключительно опасный случай нападения на Россию Австрии, тайно или явно поддержанной Германией, не вызывал мобилизации французской армии и оставлял Россию одну. Обручев ввел поэтому в конвенцию статью 1-ю, в которой, взамен мобилизации Франции при нападении Австрии на Россию, дал безобидную для России компенсацию Франции обязательством мобилизации России в случае мобилизации Италии против Франции, чего по всей политической обстановке в то время, как и впоследствии, быть не могло. К сожалению, Гирс смотрел с меньшим предвидением вперед, чем Обручев, и очень не сочувствовал этому изменению.

Впоследствии, как увидим, французы добились уничтожения этой прибавки Обручева [4]).

2) Статья 2 и 3 французских предложений стесняли оперативную свободу русских армий, заставляя Россию направить против Германии все ее силы, кроме числа, строго необходимого для сохранения на других пунктах, предоставляя ей оставить против ее главного врага, Австрии, силы, не превосходившие сил этой последней. Кроме того, переход для русских армий против Германии указывался в виде решительного и наиболее быстрого наступления.

Обручев отстоял полную оперативную самостоятельность русских войск, ограничившись только обязательством выставить на германской границе определенное количество войск и наступательный характер их действий.

И эту поправку Обручева французам удалось впоследствии отчасти уничтожить.

3) В своем предложении (ст. 5) французы хотели заставить Россию защищать во время мирного договора ее интересы, как свои собственные. Правда, это обязательство было обоюдным, и интересы Франции нигде не сталкивались с русскими, но подобное обязательство всетаки могло быть чревато последствиями при тех аппетитах Франции, которые могли сильно нарушить политико-экономическое

---

[4]) Постепенно, и в особенности после 1906 года, по мере того, как французские деньги лились в карманы царского правительства, Франция последовательно аннулировала все те поправки, которые удалось сделать Обручеву в первоначальной конвенции, и, в конце-концов, привела конвенцию к основному своему проекту исключительного обслуживания русскими войсками французских интересов.

равновесие Европы. Версальский мир дает нам понятие об этих аппетитах.

Впрочем, эта данная в последующие протоколы конвенций совершенно не входила.

Впоследствии все высказанные в 1892 году французами первоначальные пожелания вошли в протоколы совещаний начальников штабов, и это служит отличным доказательством, что означенные протоколы изменялись по воле французов и в их исключительную пользу.

Обмен письмами с проектом конвенции между русским и французским военными министрами не удовлетворил французского правительства, которое выражало желание (письмо Рибо к Гирсу 31 октября 1892 года), чтобы проект скорее обратился в конвенцию. Одним из основных мотивов такого желания был новый германский закон об усилении армии, направленный против России и Франции.

Для характеристики отношения русского правительства к соглашению с Францией—может послужить пометка Александра III на приводимом письме Рибо 9/21 ноября 1892 года: «Не понимаю, чего они хотят еще. Кажется, могли бы теперь успокоиться».

Письмом 26 августа 1892 года Буадеффр сообщал Обручеву, что французское правительство вполне одобрило заключенный проект конвенции, с некоторыми техническими поправками, от которых впрочем скоро отказалось. В отношении же немедленной общей мобилизации, в случае отдельного нападения Австрии или Италии, французское правительство полагало:

1) Что в этом случае положение было бы не столь опасно, и оба правительства имели бы время сговориться об общих мерах.

2) Что Австрия или Италия не выступят без полной уверенности в поддержке Германии, а в таком случае соглашение вступает в свою силу.

3) Что необходимо Германию рассматривать, как душу союза, и что это—единственная держава, которая может одновременно атаковать Россию и Францию.

4) Что производство общей мобилизации против одной Австрии или Италии придаст им вид нападающих в глазах Европы, тогда как при выжидании мобилизации Германии эта роль переходит к ней.

Все эти замечания не лишены основания, но главная их отрицательная черта для России заключалась в том, что в случае нападения на нее Австрии, Франция обязывалась конвенцией только к переговорам, которые могли ни к чему не привести. Союзных обязательств ее в этом случае к России не было, а была только добрая воля.

Конвенция в приведенной выше редакции была утверждена нотой Гирса, адресованной Монтебелло от 15/27 декабря 1893 года, и ответной нотой Монтебелло от 23 декабря 1893 (4 января 1894)

Утверждение договора Николаем II.

При вступлении на престол Николай II в двух письмах, от 11 и 28 ноября 1894 г., на имя президента республики, подтвердил в скрытой форме ненарушимость обязательств своего отца.

В 1897 году франко-русское соглашение было заменено союзом, о чем Николай II поведал в своем застольном тосте, но письменных документов по этому поводу не найдено. И это было сделано, несмотря на все меры, предпринимавшиеся Вильгельмом II, чтобы отдалить Россию от Франции. Наиболее сильными в этом отношении были письма его от 25 октября 1895 года и 9 ноября 1893 года (переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. стр. 13 и 31).

Внешняя политика Франции, обеспеченная в Европе соглашением с Россией, приняла особо экспансивный характер в смысле расширения своих владений в Африке, где интересы ее в Марокко и в долине Нила сталкивались с интересами Англии. Такое положение приводило обе эти державы к натянутым и даже враждебным друг к другу отношениям, что в 1898 году едва не привело к войне из-за занятия французами Фашоды; в этом инциденте Франция уступила Англии, отчасти по совету России.

Возобновление политического соглашения в 1899 году.

Летом 1899 года в Петербург прибыл министр иностранных дел Делькассе с целью письменно возобновить союзный договор 1891 года и военную конвенцию 1893 года, в виду того, что они были подписаны лицами, уже сошедшими со сцены.

Оба эти документа были возобновлены обменом писем между графом Ламсдорфом и Делькассе 27—28 июля (8—9 августа) 1899 года, суть которых сводилась к следующему

„Le Gouvernement Impérial de Russie et le Gouvernement de la Republique Française toujours soucieux du maintien de la paix générale et de l'equilibre entre les forces européennes.

„Confirmant l'arrangement diplomatique formulé dans la lettre du 9 (21) Août 1891 de Mr. Giers, celle du 15 (27) Août du baron Mohrenheim et la lettre responsive de Mr. Ribot, portant également la date du 27 (15) Aout 1891,—

Ils decident que le projet de Convention militaire qui en a été le complement et qui se trouve mentionné dans la lettre de Mr. Giers du 15 (27) Décembre 1893 et celle de Mr. le come

Montebello du 23 Décembre (4 Janvier) 1893/4 demeurera en vigueur autant que l'accord diplomatique conclu pour la sauvegarde des intérêts communs et permanents des deux pays.

„Le secret le plus absolu quant à la teneur et à l'existence même des dits arramgemens devra être scrupuleusement observé de part et d'autre".

Совещания начальников штабов в 1900 и 1901 годах.

В совещаниях начальников штабов в 1900 и 1901 г.г. уже проглядывает давление французского генерального штаба или вернее французского капитала над русскими обязательствами.

В протоколе 1900 года указывались следующие изменения основной конвенции:

1) Обязательство военной конвенции продолжается до существования политического соглашения (глава 1-я, § 1).

2) Главное изменение сути конвенции заключалось в ст. 4 главы 1-й: „En ce qui concerne l'article 2 relatif à la mobilisation simultanée les deux Chefs d'Etats-Majors sont d'accord sur l'interprêtation qui resulte immediatement du texte de cet article, mais ils sont d'avis qu'il pourrait y avoir inconvenient pour les deux Etats dans certaines circonstances à se passer d'un concert préalable s'il s'agissait de la mobilisation partielle ou même générale d'une autre puissance de la Triple Alliance que l'Allemagne et ils sont convenus d'en référer à leurs gouvernements respectifs".

Этим постановлением у н и ч т о ж а л а с ь д о с т и г н у т а я с таким трудом Обручевым р а в н о ц е н н о с т ь р у с с к о - ф р а н ц у з с к о г о с о ю з а для обеих сторон. О б е с п е ч и в а я Ф р а н ц и ю с о с т о р о н ы Г е р м а н и и, Р о с с и я н е о б е с п е ч и в а л а с ь е ю о т н а и б о л е е о п а с н о г о и в е р о я т н о г о д л я н е е с л у ч а я н а п а д е н и я А в с т р и и, т а й н о п о д д е р ж а н н о й Германией или явно Румынией, Турцией и пр.

3) Начальник русского штаба (Сахаров) заявил, что переход в наступление с достаточными силами против немцев для него представляется возможным уже на 18 день, чем его французский коллега (ген. Делянн) признал себя вполне удовлетворенным, заявив, что этому он придает громадное значение (глава 3).

Таким образом, и здесь то, что с трудом отстоял Обручев, т. е. о п е р а т и в н у ю с в о б о д у р у с с к и х в о й с к, б ы л о п р и н е с е н о в ж е р т в у п о ж е л а н и я м ф р а н ц у з с к о г о ш т а б а и о б с т а н о в к е н а ф р а н ц у з с к о м ф р о н т е.

4) В виду весьма натянутых отношений между Францией и Англией после Фашоды, в конвенцию был включен и случай обоюдной помощи в предположении войны той или другой державы с Англией. При этом, если одна Англия нападет на Францию, то Россия сосредоточивает на афганской границе 300—380 тысяч, с которыми наступает на Индию; в случае же войны Англии с Россией, французы сосредоточивают у Ла-Манша 100—150 тысяч и угрожают Англии десантом.

Это соглашение было во всех отношениях исключительно необходимо и полезно только французам.

Большая уступчивость русского штаба перед французским вызвала даже опасение графа Ламсдорфа, который в письме генералу Куропаткину 4 февраля 1901 года предостерегал военного министра «не связывать Россию никакими формальными соглашениями и довольствоваться теми прекрасными, но не компрометирующими нас документально отношениями, которые ныне существуют между Россией и Францией».

Совершенно иного взгляда в этом отношении придерживалось французское правительство, и Делькассе в письме к Ламсдорфу 16 мая 1901 года требовал, чтобы соглашения начальников штабов подтверждались министрами иностранных дел, что придавало бы им обязательство международного акта; Ламсдорф отклонил это, окончательно связывавшее Россию, предложение, под предлогом, что оно может стеснять технические суждения начальников штабов, но позднее французы добились и этого условия.

В феврале 1901 года состоялось второе совещание начальников штабов, Сахарова и Пендлека, на котором тон французов стал еще более требовательным. Они уже ставят определенные условия России, а именно: 1) отвлечь с французского фронта часть германской армии, достаточную для того, чтобы предоставить французам наиболее шансов для успеха в решительном бою начала кампании, что можно достигнуть переходом русскими войсками германской границы на 14-й день, в силах, достаточных для успешного действия против 6—7 германских корпусов; 2) воздействовать, в случае французской неудачи, на французское общественное мнение вторжением на 14 день в пределы Германии русских войск и 3) сосредоточение всех условленных конвенций русских войск против Германии на 12 день.

Сахаров на это сообщил, что выраженные заявления будут приняты к сведению при последующих работах русского штаба; в настоя-

щее же время имеется возможность первое условие выполнить не на 14-й, а на 18-й день; все предназначенные конвенцией войска сосредоточить к 28 дню. Ускорение же того и другого срока зависит исключительно от усиления железных дорог, и необходимые работы могли бы быть выполнены в 2 года, но потребуют значительных финансовых средств.

«Ген. Пендлек заявил, что ускорение боевой готовности русской армии с целью перехода в наступление к указанному выше сроку настолько важно для Франции, что французский министр иностранных дел готов обсудить вместе с русским министром условия финансовой комбинации для постройки соответствующих стратегических железных дорог» (глава 3-я, §§ 2 и 3).

Протоколом 1901 года кончается первый период военных соглашений между Францией и Россией.

Конвенция, построенная на широких началах равноправности обеспечения русских интересов и сохранения возможно полной оперативной свободы, эта конвенция при Николае II в связи с начатыми займами, уже начинает приобретать сильно специфический характер помощи французам.

1) В политическом отношении она оказалась направленной исключительно против Германии или всего Тройственного Союза.

2) Она была расширена обязательствами на случай борьбы с Англией в тот момент, когда эта война угрожала Франции, при чем обязательства для России носили более тяжелый характер, чем для Франции.

3) Россия связала себя теми определенными оперативными обязательствами, которые могли быть выполнены только в ущерб ее собственным интересам и планомерному ведению войны и которые служили исключительно для спасения французской армии.

4) С полной ясностью определилась та цель, для которой Франция щедро снабжала Россию деньгами, а именно: сооружение необходимых для французской победы стратегических путей на русском фронте.

Поведение Франции во время Русско-Японской войны.

Почти одновременно с началом русско-японской войны Франция заключила 8 апреля 1904 года соглашение с Англией, поделив с нею спорные сферы влияния в Африке.

В это время отношения между Россией и Англией были более или менее нормальны, несмотря на заключенный Англией союз с Япо-

нией, так как этот союз еще давал возможность держать Англии нейтралитет.

Перед заключением англо-французского соглашения Ламсдорф в виду этого предписал 18/31 марта 1904 года русскому послу в Париже не делать из переговоров Франции с Англией шума, а, напротив, отнестись к соглашению очень доброжелательно и даже в известной степени присоединиться к нему, чтобы использовать его с моральной стороны (см. приложение 1).

Но когда осенью 1904 года Англия заняла такое враждебное в отношении России положение, которое могло каждый день обратиться в открытую войну, то получилось нечто весьма странное: Россия, ведя войну с Японией, находилась в союзе с Францией, которая в свою очередь заключила соглашение с Англией, находившейся в союзе с Японией и намеревавшейся воевать с Россией.

Франция была поставлена в необходимость, в случае открытого разрыва между Россией и Англией, выбирать, на чьей стороне ей оставаться, и Ламсдорф (28 октября 1904 года Нелидову) опасался ставить ей категорический вопрос о том, на чью сторону она станет, чтобы не подвергать парижский кабинет сильному испытанию и не открывать перед другими державами истинный характер франко-русского союза (см. приложение 2).

Почти одновременно русский посланник в Мюнхене доносил, что во время свидания в Киле Эдуарда VII с Вильгельмом II туда был приглашен французский депутат, барон д'Этурнель Констан, который имел ежедневные длительные беседы с Вильгельмом (см. прилож. 3). Результатом этих свиданий была большая агитационная кампания в печати в пользу англо-франко-германского сближения.

При таких условиях Россия совершенно не могла иметь уверенности в том, что она может опереться при всяких обстоятельствах на своего французского союзника, который и в действительности не сыграл за этот период сочувствующей роли даже в размерах, допускаемых дружественным нейтралитетом.

Иллюстрацией отношений Франции могут служить следующие мелкие факты:

В Сайгоне было разоружено русское судно «Диана», экипаж которого французы отказались отпустить, ссылаясь на невозможность отступать от нейтралитета (Ламсдорф Алексееву 10 сентября 1904 года).

Желание французского адмирала Дюбайль перевести экипаж «Решительного» из Чифу в Шанхай не встретило одобрения француз-

ского правительства (телеграмма Лессара из Пекина 8/21 сентября 1904 года).

Это вызвало следующую телеграмму Ламсдорфа Нелидову 19 сентября 1904 года:

«Отказ дружественной нам Франции отпустить на родину экипаж и команду крайсера «Дианы» несомненно имел решающее влияние на образ действий других держав в аналогичных случаях. Это обстоятельство производит впечатление крайне невыгодное для Франции, которую обвиняют в чрезмерном страхе перед Японией».

Французы отказались даже протестовать против занятия японцами дома русского консульства в Инкоу, не говоря уже о том, что они отказали нам во всякой помощи при покупке военных судов (телеграмма Нелидова из Парижа 14/27 июля 1904 года).

Таким оригинальным положением во время войны весьма ловко воспользовался Вильгельм II. Будучи главою враждебного России союза, он обратился в самого усердного ее друга, помогая России в войне, в размерах, превосходящих допустимое нейтралитетом. Разумеется, это делалось исключительно с корыстными целями, из которых главная заключалась в желании уничтожить франко-русский союз и, по возможности, подчинить всецело Россию своему влиянию.

Вильгельм не упускал в своей переписке с Николаем случая отмечать неблаговидное поведение Франции против России, и в этом заключается интерес переписки для занимающего нас вопроса. Поэтому некоторые выдержки из писем здесь приводятся:

1) «У меня был интересный разговор с французским военным агентом. На мое замечание, что меня поражает, почему французы не послали в качестве твоих союзников своего флота к Порт-Артуру, чтобы препятствовать его блокаде до тех пор, пока не придет твой балтийский флот, он ответил, что это верно, но что приходится считаться с другими державами. По многим намекам мне стало ясно то, чего я всегда опасался,—что англо-французское соглашение имело один главнейший результат, а именно, помешать французам помочь тебе» (письмо от 6 июня 1904 года. Переписка, страница 61—62).

2) Когда поставка немцами угля эскадре Рожественского вызвала самый грозный протест Англии, то Вильгельм писал:

«Эту новую опасность должны встретить сообща Россия и Германия, которым пришлось бы обеим напомнить твоей союзнице Франции об обязательствах, принятых ею на себя в силу договора о двойственном союзе с тобой и указать на «Casus foederis». Не может быть и речи о том, чтобы на подобное приглашение Франция попыталась

уклониться от исполнения своей бесспорной обязанности по отношению к своему союзнику. Хотя Делькассе ярый англофил, но он достаточно умен для того, чтобы понять, что английский флот совершенно не в состоянии спасти Париж» (телеграмма от 14/27 октября 1904 года. Переписка, стр. 69—70).

3) «Мне достоверно известно, что не дальше, как в декабре прошлого года, французский министр финансов Рувье заявил, по собственному почину, финансовому агенту одной державы, что Франция ни в коем случае не присоединится к вам в русско-японской войне даже, если Англия станет на сторону Японии... Полная уверенность, что Франция намерена оставаться нейтральной и даже оказывать дипломатическую поддержку Англии—вот причина необыкновенно грубой уверенности английской политики настоящего момента. Это неслыханное положение вещей изменится к лучшему, как только Франция очутится перед необходимостью выбрать, к кому ей примкнуть, и когда ей придется открыто высказаться за Петербург или за Лондон...» (письмо от 30 октября 1904 года. Переписка, стр. 72—73).

Восхваляя дальше мудрое решение Николая II передать случай с эскадрой Рожественского в Северном море третейскому разбирательству гаагского суда, Вильгельм продолжал:

«Ведь именно этот упорно выставляемый в извращенном виде случай и использовали французские радикалы, Клемансо и остальная сволочь („Tagrag and bobtail"), как довод против того, чтобы Франция выполняла в отношении России возлагаемые на нее договором обязательства... Как мне сообщили, Делькассе и Камбон примкнули в этом вопросе к британской точке зрения и, сообразно с этим, отношение французского правительства определилось, как сочувствующего Англии»...

Но как печально ни смотрел Вильгельм на себялюбивое поведение Франции во время японской войны по отношению к России, его взгляд был все-таки более оптимистичен, чем Ламсдорфа, боявшегося, как мы уже видели, даже задавать французам вопрос, как они поступят в случае нашей войны с Англией, вопрос, на который Вильгельм отвечал так оптимистически.

Ламсдорф был уверен, судя по его вышеприведенному дипломатически тонкому намеку, что Франция окажется не на нашей стороне.

4) «Я получил кое-какие французские газеты, в которых прочел следующие суждения о Брестских торжествах (визит английского флота французскому): «Двенадцать лет назад у нас были Тулон и Кронштадт; это был брак по любви. Как во всех таких браках, и

гут наступило общее разочарование, особенно со времени войны 1904—1905 годов. Тепер у нас Брест и Коус; это брак по расчету, и, как все подобные браки, он повлечет за собой супружество по рассудку». Для союзника так бросать свою «amie et alliée»! Французам было бы весьма полезно, если бы ты натянул возжи потуже. Конечно, их 10 миллиардов франков, помещенные в России, мешают им отстраниться вполне, но такие речи показывают, до чего уже довела их лесть англичан» (письмо от 27 июля 1905 года. Переписка, стр. 105—107).

Видя полную отчужденность своей союзницы, демонстрировавшей свою более чем тесную дружбу с Англией, Николай II, под влиянием оказываемой ему Германией реальной помощи и льстивых слов Вильгельма, согласился, наконец, на несбыточный на практике союз Германии, России и Франции, который и был проектирован во время свидания в Биорке летом 1905 года. Во всем этом инциденте самый тонкий историк не найдет ни одного мгновения, когда бы русское правительство изменило верности союзу с Францией, хотя оно и имело к тому большие основания.

А между тем самый факт свидания обоих императоров в Биорке произвел на французов, выявивших в полной мере с своей стороны анти-союзное поведение, потрясающее волнение и страх. Ламсдорф (1905 года послам в Париже, Лондоне и Берлине, № 374-5-6) писал по этому поводу:

«Известие о свидании двух соседних императоров вызвало, по словам здешнего французского посла, большую тревогу в Париже; агентские телеграммы говорят об ошеломляющем впечатлении, произведенном этим событием на общественное мнение республики.

«Трудно себе об'яснить это явление, особливо после систематических нападок части французской прессы на франко-русский союз, от которого она советовала поскорее избавиться... Из обмена взглядов между монархами выяснилось, что миру в Европе не угрожает опасность и что по вопросу о Марокко, ныне главным образом интересующему Францию, следует ожидать полюбовного соглашения»...

В этой телеграмме, утвержденной Николаем II, интересно одно место, а именно упоминание о Марокко, из-за которого в это время отношения между Францией и Германией так натянулись, что грозили войной. И при явно враждебном отношении Франции к России правительство этой последней все-таки идет на помощь своей вероломной союзнице. А между тем Вильгельм, как это явствует из всей даль-

нейшей дипломатической переписки, никогда не мог простить России, что в последовавшей по марокким делам Алжезирасской конференции Россия усердно стала на сторону Франции, что и принудило Германию к уступкам.

В конце длинной телеграммы Ламсдорфа встречается следующий, характеризующий недоверие России к своей союзнице, абзац:

«В заключение считаю долгом для вашего личного сведения присовокупить, что, не питая к г. Рувье того искреннего доверия, которым пользовался его предшественник Делькассе, находим необходимым, чтобы вы тщательно следили за развитием устанавливающихся за последнее время более дружественных отношений между нынешним кабинетом республики и германским правительством».

Но такое неприязненное отношение Франции к России не помешало ей вслед за окончанием русско-японской войны ссудить России заем в 2½ миллиарда франков. Об этом русский посол (телеграмма Нелидова Ламсдорфу 6/19 апреля 1906 года, № 31) доносил:

«При большом участии французского министра финансов Пуанкаре блестящим успехом закончилась финансовая операция России на французском рынке. Она заключила заем свыше 2¼ миллиардов франков вне участия Ротшильдов и вообще еврейских капиталов и вопреки помехи германского правительства».

Этот заем был заключен при оригинальных условиях:

1) В России только что кончилась революция, едва не свергшая монархию.

2) Заем был дан за месяц до созыва первой Государственной Думы.

3) Против него высказывалось открыто общественное мнение большинства русского общества, т. е. не только все революционные, но и оппозиционные царизму группы.

4) Такой «колоссальный» заем был сделан в то время, когда, по вине Франции, союз ее с Россией треснул, и его надо было скрепить, что Франция могла сделать только деньгами, т. е. купить себе помощь России. Она ее и купила, так как впоследствии всем своим поведением показала, что смотрит на Россию, как на обслуживающую ее страну.

После Русско-Японской войны.

Второй период франко-русских сношений наступил после переломного периода 1904—1906 г.г., и здесь взаимные отношения России и Франции, в особенности касательно вопросов подготовки к войне, существенно изменились.

Мы не видим уже двух равноправных сторон, как это было при Александре III, а видим Россию в роли обслуживающей военные и политические интересы Франции, в каковой она бессменно и оставалась не только до начала Мировой войны, но вплоть до Октябрского переворота 1917 года. Начальник русского генерального штаба переходит на роль какого-то экзаменующегося школьника, он уступает своему коллеге по всем спорным пунктам, с трудом отвоеванным генералом Обручевым. Их совещания внушают полное убеждение, что Россия не может рассчитывать на свою союзницу в поддержке русских интересов, что и кладет отпечаток на всю ее дальнейшую политику.

Совещание начальников штабов в 1906 году. Типичным в этом отношении служит совещание начальников штабов, происходившее в Париже в 1906 году.

Ослабление России после войны с Японией, только что заключенный в Париже 2½-миллиардный заем, закабаливший русский народ помимо его воли в услужение французам, и, наконец, опора, которую эти последние получили в сближении с Англией, послужили для французского правительства основанием показать свое лицо без всяких косметических прикрас.

В марте 1906 года французским послом в Петербурге, при письме от 22 марта (4 апреля) 1906 года, была передана министру иностранных дел дерзкая программа и опросный лист, на который на совещании в Париже должен был ответить генерал Палицын, первый начальник только что утвержденного самостоятельного генерального штаба (см. приложение 4).

Предлагалось, на основании постановлений предшествовавших совещаний:

1) Определить количество войск, которое обе стороны в состоянии мобилизовать.

2) Если, благодаря событиям на Дальнем Востоке, Россия не в состоянии мобилизовать силы, предвиденные конвенцией, то какие временные меры русское правительство предполагает принять, чтобы согласоваться с принципами заключенного союза.

3) Сколько действующих войск Россия может выставить на западной границе империи.

4) Каково будет их вооружение и количество припасов.

5) Во сколько дней предназначенные силы могут сосредоточиться на границе.

6) В каких пунктах будет произведено сосредоточение.

7) До какой цифры будет доходить численность русских войск в разные дни мобилизации.

8) Предполагает ли русский генеральный штаб наступать или обороняться.

9) В какой, приблизительно, срок предполагается прогрессирующее восстановление русских вооруженных сил.

Иначе, как экзаменационным листом, да притом в форме очень некрасивой, этот вопросник нельзя назвать.

Некрасивою подобную любознательность французов я считаю потому, что они находились в договорных отношениях с Англией, еще очень враждебной нам, а в Париже бряцали англо-французским оружием в виде застольных речей короля Эдуарда и миссии Френча на французских маневрах.

Совещание состоялось в Париже 8/21 апреля 1906 года между генералами Палицыным и Брен, при чем основную конвенцию оно в корне изменило (см. приложение 5) в пользу французов в следующем:

1) Было решено, что постановления совещания должны быть утверждены правительствами, т. е. принято условие, тщетно предлагаемое французами с 1892 года и всегда нами отклоняемое, чтобы на войне не стеснять оперативную свободу главнокомандующего.

2) Статья 1-я конвенции была в корне изменена в том смысле, что основа соглашения заключается в обеспечении договаривающихся от нападения Германии, в отношении которой Австрия и Италия являются случайными спутниками (les satellites éventuels). О невыгодах для России такого толкования упомянуто выше.

3) Было установлено, что германская армия является главным об'ектом, против которого оба генеральных штаба должны направить и вести борьбу с полной энергией и всеми находящимися в их распоряжении средствами. Т. е. этим окончательно связывалась для нас оперативная свобода (против французов был только один враг, немцы, а против нас еще австрийцы, румыны и, может быть, Швеция). Против Австрии, нашего главного врага, мы могли направить только остатки войск от германского фронта.

4) Было формулировано предложение 1901 года, что одновременная и без предупреждения мобилизация Франции и России вызывается только мобилизацией германской армии.

5) Французы уменьшили свои обязательства в отношении России. В конвенции французы давали обязательство перейти на 10-й день со всеми силами в наступление против немцев, а в 1906 году они только обещались предпринять развертывание, „lequel est preparé

pour permettre l'offensive». Подготовить наступление и наступать — две вещи неодинаковые.

6) Русский штаб дал обязательство «употребить все усилия для того, чтобы направить все имеющиеся в его распоряжении средства на пользу достижения общих интересов».

7) Французский штаб резко отказался от предложенной им же самим статьи о взаимной помощи при войне с Англией, так как для Франции опасность таковой войны миновала; для России же она сугубо увеличилась.

Протокол 1906 года является поворотным пунктом в сношениях между Россией и Францией. В нем не только удовлетворены все первоначальные пожелания французского правительства, пред'явленные им в 1890 году, но удовлетворены с избытком и с полным забвением каких-либо частных интересов России.

Если мы сравним существовавшие к тому времени у нас планы войны, то увидим, что они совершенно не соответствовали условиям протокола 1906 года. Таким образом, обязательства, принимаемые нами вразрез с нашими интересами, вызывались какой-то другой привходящей причиной, а именно—денежными обязательствами, которые заставляли нас действовать исключительно на защиту французских интересов.

Палицын вынес из разговоров с Бреном впечатление, что французы с нами неискренни, относятся к союзу с Россией вполне равнодушно и возлагают все упование на Англию, желая и нас с нею связать. Русский же посол в Париже подозревал, что между французским и английским штабами намечены некоторые общие меры, которые французы считали неуместным нам сообщать (см. приложение 6).

Подозрения русского генерального штаба пошли еще дальше, и он получил сведения, что французы намерены сообщить англичанам суть франко-русской военной конвенции. Запросили по этому поводу парижское посольство.

Военный агент Лазарев верил в это, а заместитель посла, Неклюдов, не верил (письмо Неклюдова Извольскому 18/31 мая 1907 года).

Мотивы Лазарева состояли в том, что Англии известно финансовое участие Франции в постройке стратегической Оренбурго-Ташкентской железной дороги, совпавшей с фашодским инцидентом, и англичанам желательно узнать, как далеко зашло соглашение с Францией в отноше-

нии Средней Азии. II Лазарев верил, что Франция способна выдать конвенцию. «Она при настоящих политических сочетаниях и при нынешнем составе правительства особенно дорожит всесторонней поддержкой Англии».

Неклюдов же доносил: «Во Франции все еще дорожат союзом с Россией, и парижский кабинет более всего на свете опасается дилеммы «Р о с с и я и л и А н г л и я» и все свои усилия направляет и будет направлять к достижению идеальной для него формулы «Р о с с и я и А н г л и я».

Разрывать союза французы, разумеется, не хотели, но односторонне использовать его—да.

1906 и 1907 г.г. отмечены в политической жизни России длительными переговорами с Англией для выработки соглашения по азиатским делам.

Соглашение это было нужнее всего для Франции, и она принимала в нем самое деятельное участие. Так, она воздействовала на Японию путем предоставления ей займа при условии соглашения с Россией, а Клемансо признался Извольскому, что «заключением соглашения с Англией и Японией Россия оказала услугу Франции, столь пострадавшей от временного ослабления русского международного положения» (доклад Извольского Николаю II 6 ноября 1907 года).

Но в делах, касавшихся исключительно русских интересов, Франция не только не поддерживала России, но и становилась во враждебный ей лагерь, в особенности, когда это касалось Австрии и интересов этой последней на Балканском полуострове.

Так, в начале 1907 г. имелись данные подозревать Францию в участии в проекте образования на Балканах враждебной России группировки из Турции, Греции и Румынии против Болгарии (Нелидов—Ламсдорфу 8/21 февраля 1907 г., № 15).

Немудрено, что такое поведение нашей союзницы вызывало иногда взрыв общественного мнения в России, которое между прочим выявлялось в резких статьях русских газет. Летом 1907 года газеты выражали свое возмущение заискиванием парижского кабинета перед Берлином и финансированием Францией Багдадской железной дороги.

Но Франция очень боялась такого охлаждения, боялась сильно натягивать струну своей эгоистичной политики, выступала с опровержениями и уверяла в том, что она «более, чем когда-либо, дорожит союзом с Россией и ставит его в основу своей внешней политики». В этом последнем сомневаться было нельзя, так как без этого Франция

была бы раздавлена Германией, но на союз-то французы смотрели очень односторонне: в виде исключительного обслуживания Россией французских интересов.

Русский представитель во Франции Неклюдов находил, что нападки наших газет правильны, и в длинном частном письме (от 28 июня—11 июля 1907 года) Извольскому давал полную картину сути франко-русского союза (см. приложение 7).

Он признавал, что поведение французского общества в отношении России дает повод к нареканиям и к горькой критике:

1) Соглашение с Англией в то время, когда эта последняя горячо придерживалась интересов Японии.

2) Поведение французского правительства и его посла в отношении внутренних событий в России.

3) Отказ в кредитах без разрешения Думы (отменено).

4) Редакция франко-японского договора, против которого мы неоднократно протестовали.

Наше долготерпение относительно союзника Неклюдов об'яснял в о п р о с о м о з а й м а х н а е д и н с т в е н н о д е н е ж н о м д л я н а с парижском рынке. Он рекомендовал стараться взять от союза то, что можно, и справить траур о том, чего больше нет.

Но в это время Россию беспокоила не только моральная сторона союза, но и таинственные переговоры между Францией, Англией и Испанией относительно Средиземного моря (Нелидов — Извольскому 14/27 июля 1907 г.).

Для сравнения взаимных отношений между союзниками интересно сопоставить, что на бывшем в то же время свидании Николая II с Вильгельмом, в Свинемюнде, русское правительство всеми силами старалось улучшить отношения между Францией и Германией на почве Марокко (доклад Извольского Николаю II 6 августа 1907 г.).

Совещание начальников штабов в 1907 г.

Совещание начальников штабов, происходившее летом 1907 года в Петербурге между теми же лицами, коснулось только мелочей, ни в чем не изменивших характерных черт совещания 1906 г.

Первый балканский кризис 1908—1909 г.г.

1908—1909 г.г. Европа вообще, и в частности Россия, пережила весьма сложный Балканский кризис из-за аннексии Австрией Боснии и Герцоговины и из-за провозглашения Болгарией своей независимости. Кризис этот кончился полным дипломатическим поражением России, которая принуждена была в марте 1909 года подчиниться дерзкому ультиматуму Германии.

Тяжелые для России результаты этого кризиса во многом зависели от индиферентного и даже двуличного поведения ее союзницы, Франции. Англии я в этом отношении не касаюсь, так как она не была еще связана с Россией общей политической и военной конвенцией и, обещавши России дипломатическую поддержку, дала ее.

Она сделала даже больше и устами своего короля (Эдуарда VII) дала России следующий совет:

„Tachez donc de mieux vous arranger avec la France. Soyez bien avec Allemagne, mais ne leur sacrifiez pas la France. Ils ont besoin d'y voir clair et ils me semblent bien inquiets... Je connais Paris: ils sont gens à perdre la tête" (Бенкендорф — Извольскому 6/19 февраля 1908 г.).

Совершенно в ином виде представляется поведение Франции, что легче всего проследить по нижеследующим выдержкам из подлинных документов.

Русский посол в Париже давал в своих двух письмах такую характеристику отношений Франции:

«В силу создавшегося здесь внутреннего положения (влияние левых партий с Жоресом во главе) и принятого республикой политического направления, поддержка нашей политики не может быть деятельной. В области внешних сношений первое место занимают для Франции ее отношения с Германией и, как средство обеспечения с этой стороны, стоит союз с Россией, соглашение с Англией, а также сохранение дружеских отношений с Италией. Кроме того, ее занимает марокский вопрос и сохранение дальневосточных владений... При таких условиях рассчитывать на нее (Францию), как на силу, кажется мне едва ли верным (Нелидов — Извольскому 6/19 марта 1908 г., № 22)»...

Особых иллюзий у русского представителя в отношении того, что может дать союз с Францией в отстаивании русских интересов, не было.

Еще большим пессимизмом проникнут его следующий доклад (Нелидов—Извольскому 29 мая 11 июня 1907 г., № 45):

«Французское правительство с некоторых пор относится довольно безразлично к мировым и даже обще-европейским делам, непосредственно не затрагивающим его выгод; в интересующем же Францию марокском вопросе Англия не желает принимать деятельного участия. В отношении же Германии французы так боятся всего, что могло бы их вовлечь в затруднения, и так ясно сознают свою слабость перед врагом, который, в случае одержания над ним победы ан-

глийским флотом, вознаградит себя за потери на счет западного соседа, что мне представляется совершенно немыслимым, чтобы правительство республики могло связать себя какими-нибудь обязательствами, которые имели бы в виду нарушение в этом направлении европейского мира».

Когда аннексия состоялась, то Нелидов доносил из Парижа:

«Положение на Ближнем Востоке приняло обостренный характер. Оно носит на себе характер того безучастия, с которым французское правительство взирает на международные события, когда к ним непосредственно непричастна Франция и когда не затронуты самые чувствительные для нее материальные интересы (Нелидов—Извольскому 2/15 октября 1908 г.)».

Франция пошла еще дальше, и письмо президента республики на сообщение Франца-Иосифа об аннексии обратило внимание прессы своими самыми сердечными выражениями симпатии к Австрии (Извольский—Нелидову 18/31 октября 1908 г.).

Переговоры в Париже об очередном русском займе прекратились, и русские фонды стояли там ниже других (Чарыков—Извольскому 1/13 октября 1908 г.).

Наш долг Франции достигал, по свидетельству министра финансов, в 1908 году 8½ миллиардов.

Совещание начальников штабов 11/24 сентября 1908 г.

В сентябре 1908 г. состоялось новое совещание начальников штабов в Париже, отличавшееся весьма большой требовательностью генерала Брена по отношению к России и, в особенности, по улучшению железных дорог и армии. На этом совещании требования, пред'являемые Францией России, увеличились обязательством мобилизоваться также и в случае мобилизации Германии против Англии без каких-нибудь взаимных обязательств со стороны Англии.

Австро-Сербский конфликт.

Вопрос об аннексии в конце 1908 г. свелся к австро-сербскому из-за нее конфликту, в котором Россия стала на сторону Сербии, а в действительности продолжалась все та же дипломатическая борьба между Россией и Австрией на фоне балканских дел. В виду захватнических тенденций Австрии, безоговорочно поддержанной Германией, создавшееся положение грозило войной.

Одновременно с этим немцами был раздут очередной инцидент в Марокко, который, однако, весьма скоро закончился не только соглашением между Францией и Германией, но и сближением между этими странами. Подобное сближение, случайно или нет, совпало с особенно

сильной воинственностью Австрии, что Извольский приписывал подозрительному поведению французов, франко-германскому сближению и чрезмерному любезничанью Парижа с Веной.

„Vous savez,— писал он 1 февраля 1909 г. Нелидову — que le cabinet impérial a accueilli pour sa part avec la plus vive sympathie l'accord franco-allemand que nous envisageons comme un gage de plus pour le maintien de la paix et comme pouvant contribuer à une détente dans les affaires Balcaniques... L'attitude bienveillante observée par la diplomatie et par la presse française à l'égard de l'Autriche-Hongrie et la détente survenue dans la relation entre la France et l'Allemagne permettraient peut être au cabinet de Paris de prendre l'initiative de l'action susindiquée. Si au contraire la Russie se trouvait isolée en presence d'une agression de l'Autriche contre la Serbie, il en résulterait une situation des plus dangereuses et un coup irréparable pour notre système actuel d'alliance et d'ententes politiques..."

Даже такой поклонник соглашения с Францией и Англией, как Извольский, был возмущен неблаговидным поведением французского кабинета.

«А между тем, писал английский посол, Германия беспрерывно внушала русскому правительству, что единственный исход из угрожающего ей унижения, это оставить своих западных друзей и через Берлин притти к соглашению с Веной. Франция чрезвычайно заботилась сохранить мир, желая быть в наилучших отношениях с Австрией... Большое сомнение возникло в душе Извольского—будет ли его союзник безусловным его приверженцем, если наступит кризис» (годовой отчет сэра Никольсона своему правительству за 1909 г. Архив).

Такое сомнение было вполне своевременно.

«Мы честно исполнили долг союзника,—говорил Пишон Нелидову;—но так как для наших двух стран, из которых ни одна не желает войны, создалось весьма опасное положение, то я считаю своим долгом избежать опасности и не доводить дело до крайности (Нелидов — Извольскому 18 февраля—3-го марта 1909 г.)»...

Русский посол прибавлял к этому:

«Антимилитаризм и социализм сделали во Франции громадные успехи, но в особенности меркантильные заботы французов и их громаднейшие богатства делают их ультрапасифистами. Если французы будут атакованы или будут затронуты их прямые интересы, то народ пойдет, как один; но итти за кусок сербской территории, это, в глазах французов, преступная глупость».

Вслед за этим французское правительство совершенно перешло на сторону центральных держав против России и приняло на себя инициативу во враждебных России предложениях, сфабрикованных в Вене и Берлине, которые не увидели света только ввиду отказа лондонского кабинета их поддержать (циркулярная депеша Извольского 9/22 февраля 1909 г.; Извольский—Нелидову 14/27 февраля 1909 г. и годовой отчет Никольсона за 1909 г.).

Все это вызвало, по словам Никольсона, «взрыв негодования у Извольского, который пошел так далеко, что заявил, что Франция перешла со всеми пожитками на сторону Австрии и практически доказала цену, которую она придает своему союзу с Россией».

Россия все-таки осталась верна франко-русскому союзу, в награду за что должна была подчиниться унизительному германскому ультиматуму в марте 1909 года.

Период между первым и вторым балканскими кризисами.

Германский ультиматум Россия приняла, не посоветовавшись с Англией и Францией. На вопрос Никольсона, чем это вызвано, Извольский ответил, что это было бесполезно, так как он знал, что «Англия предложит только дипломатическую поддержку, а Франция уже доказала всю сомнительность надежды на ее реальную помощь (годовой отчет Никольсона)».

Впрочем, эффектный успех центральных держав заставил понять французов, что дальнейшее наступательное движение немцев на Балканском полуострове грозит резким усилением Германии, которое может нарушить с таким трудом установившуюся безопасность Франции в Европе.

Пишон заявил, что «долг Франции и Англии обеспечить в будущем Россию от новых попыток Австрии компрометировать „la solution satisfaisante“ (Нелидов—Извольскому 12/25 марта 1909 г.).

Только этим обстоятельством, и отнюдь не своим долгом перед Россией, а также готовностью Франции к войне в 1912 году, можно об'яснить ее более приличное поведение во время балканского кризиса 1912—1913 г.г. Пока же французы продолжали свою эгоистическую политику.

Багдадская дорога.

В 1910 году началось, в 1911 году было заключено соглашение между Россией и Германией, обеспечивающее хоть немного интересы России на ее малоазиатской границе при постройке немцами с участием мирового капитала Багдадской магистрали.

Это соглашение, ни в чем не затрагивающее Францию, вызвало в ней бурю негодования, что «Россия становится в Берлине в более выгодное положение, чем Франция, скомпрометировавшая свои отношения к Германии ревностным служением русским интересам» (?!) (Извольский—Сазонову 5/18 января 1911 г., № 3, и частное письмо того же числа).

В 1911 году дело постройки малоазиатских дорог оживилось и вновь—во вред России. Франция устраивала Турции заем на постройку железных дорог, между прочим—на русской границе, что меняло в худшую сторону наше здесь стратегическое положение, и только угроза, что это потребует увода нами с западной границы не менее 2-х корпусов, заставила французов пойти на минимальные уступки (Извольский—Сазонову 18/26 марта; Сазонов—Извольскому 7/20 июня и Сазонов—послам в Константинополе и Париже 21 марта 1911 года, №№ 376 и 377. Журнал Совета Министров 10 мая 1912 г.).

«Франко-русской дружбы больше нет,—доносил 1 декабря 1910 года Неклюдов Сазонову,—но Франция последовательно вверила России 11 миллиардов своих народных сбережений, и это финансовое соображение сыграло большую роль в том благоразумии, которое выказали по отношению к внутренним событиям в России государственные люди Франции... Все понимают, что франко-русский союз, особенно при наличии нашего соглашения с Англией, есть единственная база, на которую может опираться французская политика и которая обеспечивает Франции безопасность и сохранение мира без ущерба ее достоинства».

Внешняя политика Франции была совершенно не так безобидна, как ее старался обрисовать русский представитель. В ней одинаково об'единялись все партии, от Haute Banque, этого настоящего руководителя внешней политики страны, до левых течений, за исключением крайней левой группы, с Жоресом во главе. Центром тяжести этой политики были империалистические стремления на обладание Марроко и распределение свободного французского капитала на варварских условиях по всем странам, нуждавшимся в деньгах, и не стесняясь никакими союзническими обязательствами (Турция, Венгрия, Китай). (Извольский—послу в Париже 31 декабря/13 января 1919 г., № 1223.).

С Россией, гарантировавшей Франции безопасность со стороны Германии, она считалась только в тех размерах, которые обеспечивали сохранение франко-русского союза. Долговые обязательства

России являлись большой, с этой стороны, гарантией, но, несмотря на это, Франция с исключительной щепетильностью относилась к каждому факту сближения Германии с Россией даже по их частному делу (Извольский — Нератову 4/17 августа 1911 г.).

В активной политике Франции самое важное место занимал вопрос о Марокко, который во всех своих фазисах встречал полную поддержку со стороны русского правительства. Так было и в 1911 г., когда Германия принуждена была под давлением России и Англии отступиться от Марокко и согласиться на протекторат в ней Франции (письма Шебеко из Берлина 15/28 апреля и Бекендорфа — от 13/26 апреля; 22 июня/5 июля; 17/30 августа; 29 августа/11 сентября 1911 г.).

Совещание начальников штабов в 1910 и 1911 г.г.

В 1910 и 1911 г.г. состоялись очередные совещания начальников штабов. Первое из них не представляет собою в интересующем нас отношении чего-либо нового, но совещание 1911 г. носит некоторый специфический оттенок.

Надо заметить, что с 1910 г. в России была существенно изменена дислокация мирного времени с оттяжкой части войск из Варшавского округа на Волгу. Это обстоятельство очень смутило и перепугало французов, которые начали изливать в своей прессе массу нареканий на русское правительство. Наше военное министерство принуждено было отправить в Париж ряд оправдательных документов, подтверждавших, что перемена дислокации не уменьшает боевой готовности русской армии. Но французы воспользовались этим случаем, чтобы на совещании 18/31 августа 1911 г. окончательно закабалить русскую армию и заставить ее действовать по их указке и исключительно в их интересах. Заслуживают внимания следующие мысли этого совещания:

1) Слова «оборонительная война» не следует понимать в том смысле, что «война будет вестись оборонительно». Напротив, от России требовалось энергичное наступление, насколько возможно — одновременное с французами и со всею скоростью.

2) Поражение германских войск при каких бы то ни было обстоятельствах ставилось первой и основной целью союзных войск.

3) Подтверждалось еще раз, что только мобилизация германской армии вызывает одновременную мобилизацию России и Франции.

4) Вопрос об Австрии французским генералом решался очень просто: что Австрия не пойдет за Германией, если эта последняя начнет войну в 1911 году (надо помнить, что в это время шел очередной конфликт между Францией и Германией из-за Марокко).

Трудно допустить такое политическое недомыслие у французского генерала, чтобы он действительно думал, что говорил, так как аннексия Боснии и Герцоговины показала всему миру, что обе эти державы тесно связаны друг с другом. Вернее такой фразой начальник французского штаба хотел совершенно сбросить в своих требованиях с расчетов Австрию и частные интересы России.

5) Французы указывали, что их армия, поддержанная англичанами, готова начать наступление против немцев, и указывали что «цель, которую должны преследовать русские войска, заключается в том, чтобы заставить Германию задержать на восточной границе возможно большее количество сил». Они выражали настойчивое желание, чтобы русские войска перешли бы в наступление против немцев возможно ближе к 18 дню.

И тон требований французского генерала и предметы обсуждений, совершенно не касавшиеся интересов и потребностей русского фронта, а только исключительных интересов французского фронта, показывают, что в 1911 году французы еще более, чем раньше, смотрели на Россию и ее армию только с точки зрения обслуживающего элемента.

На этом совещании французами был вновь поднят вопрос о скреплении протоколов подписями председателей советов министров, на что Извольский предупреждал Сазонова, что этот способ был нами признан по вышеизложенным мною причинам нежелательным (Извольский — Сазонову 5/18 января 1912 г.).

Переговоры о проливах.

В это же время (осень 1911 года) Россией был вновь выдвинут жгучий для государственных людей того времени вопрос о проходе русского военного флота через константинопольские проливы.

В декабре 1911 года (записка Сазонова Николаю II «для памяти»), после признания при содействии России французского протектората над Марокко, петербургский кабинет попробовал заручиться обязательством французского правительства в благосклонном отношении к нашему желанию развить и укрепить наше положение в Северном Китае и в отношении проливов. Наше желание ограничивалось получением от Франции такого обязательства: „La France s'en-

gage à considerer avec bienveillance les intérêts russes dans la question des detroits du Bosphore et des Dardanelles et à ne pas s'opposer à la réalisation des projets que la Russie pourrait avoir en vue relativement aux dits détroits et aux territoires adjacents" (Сазонов — Извольскому 22 сентября 1911 г., № 631).

Но после длительных напоминаний и переговоров, французский министр иностранных дел дал нашему послу такого рода обещание:

„Le gouvernement français reste disposé à échanger des vues à cet égard avec le gouvernement russe, si des circonstances nouvelles rendaient nécessaire un examen de la question des détroits" (письмо де Сельвик — Извольскому 4 январа 1912 г.).

Этому ответу предшествовало письмо от 4 ноября 1911 года Извольского, в котором он, сообщая о принятии Россией соглашения между Францией и Германией относительно Марокко, высказывал уверенность, „que la France nous témoignera de son côté, des dispositions analogues dans certaines questions dans lesquelles le gouvernement français n'est pas directement interessé, mais qui touche de près aux intérets russes"...

Эти частные интересы России Извольский видел в проливах, в тайных соглашениях с Японией (17 июня 1907 и 21 июня 1910 г.г.) и в Северном Китае.

В заключение наш посол выражал уверенность, „qu'au moment où la France amie et alliée de la Russie va asseoire sur de nouvelles et solides bases sa situation dans le nord de l'Afrique, le gouvernement français auquel le cabinet impériale n'a cessé d'acorder à cet effet son appui diplomatique le plus sincère, est prêt à son tour à nous assurer qu'il reconnait notre liberté d'action dans les régions des détraits, ainsi que du nord de la Chine, et qu'il ne refusera pas son assentiment aux mesures que nous pourrions prendre afin d'y garantir nos interêts et d'y consolider notre situation".

Но такой взгляд и надежды Извольского не были поддержаны французским правительством, которое «опасалось» выдать нам такие обязательства в отношении проливов. «Подобно тому, — писал Извольский, — как Франция заявила нам текущим летом, что она не может допустить утверждения какой-либо посторонней державы в Марокко, с своей стороны и мы обязаны предупредить Францию, что Россия не может допустить перехода проливов в иные руки, кроме русских» (Извольский — Сазонову 10/23 ноября 1911 г.).

В довершение свидетельства враждебности Франции к этому проекту, наше посольство в Париже сообщало, что г. Палеолог

(впоследствии посол в Петербурге) заверил Рифата-пашу, что «политика Франции по восточным делам неизменно имеет в виду целость Оттоманской империи и ее упрочение» (Севастопуло — Сазонову 1/14 августа 1912 г.).

Последний перед войной период франко-русских сношений (1912—1914 г.г.).

Еще вслед за окончанием первого балканского кризиса Франция и Англия убедились в опасности для их личных интересов оставлять Россию без поддержки в случае ее столкновения с Австрией и Германией по Балканским делам. Это, как приведено выше, было ясно указано Пишоном русскому послу Нелидову. С этого времени начинается большее сближение между тремя державами Антанты, и они последовательно переходят к совместному обсуждению всех вопросов международной политики, могущих вызвать европейский пожар.

Но и здесь Россия играла обслуживающую роль, получая крохи в империалистической политике своих союзниц и с трудом, и то только отчасти, отстаивая свои частные интересы. Короче, Россия всецело пошла на поводу своих союзниц, и это в особенности выявилось, когда во главе французского правительства появилась властная фигура Пуанкаре, а во главе русского посольства в Париже стал Извольский, ярый поклонник Тройственной Антанты.

Такая сплоченность Антанты дала им возможность пережить до 1914 года несколько кризисов и вступить в Мировую войну одновременно и без колебаний.

Под'ем патриотической волны во Франции, воинственность Пуанкаре и его военного министра Мильерана, законченное окружение Германии, нежелание этой последней остановиться в своих морских вооружениях и все увеличивающийся рост военного могущества европейских государств,—все это показывало, что Европа готова к войне, что она подошла к ней вплотную и что необходим только случай, который помог бы оправдать ее перед народами.

С этой точки зрения и следует рассматривать последний перед войной период. Этим только и об'ясняется некоторое ухаживание за Россией в последний период, если можно так назвать несколько более близкое принятие Англией и Францией участия в частных интересах России. У наших союзников за этот период явилось одно опасение,—что Россия не захочет воевать, и подобный страх также был одной из причин ухаживания за нами. Но вместе с этим Францией были приняты и особые меры в окончательном подчинении военных планов России своим интересам.

В течение этого времени на политическом горизонте Европы возникло несколько вопросов, которые могли повести к открытому столкновению и потребовали совместных действий Антанты.

Во главе их стоит второй балканский кризис, который охватывает итальяно-турецкую и балканскую войны.

Второй балканский кризис.

Летом 1912 года Пуанкаре посетил Петербург, будучи еще председателем совета министров. Во время этой поездки:

1) Впервые заключенная военно-морская конвенция была скреплена, по давнишнему желанию французов, подписями (обмен писем) его и Сазонова.

2) Пуанкаре начальнически указал, что он придает весьма важное значение исполнению нами выраженного в протоколе совещания начальников штабов пожелания французского генерального штаба об усилении провозоспособности нашей железнодорожной сети, ведущей к западной границе, путем прокладки второй колеи на указанных в протоколе линиях.

Подобные требования и в такой категорической форме мог пред'явить только имеющий на это право, а председатель совета французских министров мог свое право основывать только на денежных выдачах со специальной целью, т.-е. на займах.

3) Как бы для того, чтобы окончательно выявить истинный смысл франко-русского союза, Пуанкаре вслед за этим, говоря о возможных осложнениях на Балканах, предупредил, что «французское общественное мнение не позволит правительству решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину применения casus foederis» (доклад Сазонова Николаю II 14 августа 1912 г.).

К этому именно и вела настойчивость французов в изменении введенного Обручевым параграфа об обязанности Франции мобилизоваться при нападении Австрии на Россию.

Когда началась Балканская война, то поведение Франции было совершенно иное, чем в 1909 году, что об'ясняется не союзническими обязательствами к России, а следующим постановлением совета французских министров: «Ныне Франция признает, что территориальный захват со стороны Австрии затрагивает обще-европейское равновесие, а потому

и собственные интересы Франции» (Извольский — Сазонову 25 октября/17 ноября 1912 г.).

На этот раз чрезмерное миролюбие России во время развития кризиса вызвало не только удивление, но и неудовольствие французского правительства, которое довольно недвусмысленно подталкивало Россию на принятие более агрессивных мер в подготовке к войне (Извольский — Сазонову 5/18 декабря 1911 г.).

По меткому выражению русского военного агента (его донесение из Парижа 3 января 1913 г., № 2), у французов в это время «самой опасной мыслью являлось соображение, что если мы так мало принимаем участия в балканском вопросе, то явится ли когда-нибудь действительный повод, достаточный для нашего вооруженного вмешательства в пользу интересов чисто французских».

Граф Игнатьев приводит весьма интересный разговор с ним военного министра Мильерана, безусловно имевший провокаторский характер, выдержки из которого приводятся в приложении № 8.

Игнатьев высказывал предположение, что Мильеран имел при этом ту заднюю мысль, что Австрия, расправившись с Сербией, успеет, в случае нашего запоздалого вмешательства, перекинуть все свои силы на нашу границу; их армий будет при этом достаточно, чтобы приковать нас к юго-западной границе и этим облегчить Германии решительное сосредоточение всех ее армий против Франции (письмо Игнатьева начальнику генерального штаба, от 6 декабря 1912 г., № 505).

Но в оплату за свою готовность во всякую минуту оказать России свою дружескую и союзническую помощь, французское правительство усердно просило нас не предпринимать каких-либо отдельных действий без предварительного обмена мнений с союзной Францией (Извольский — Сазонову, 17/30 января 1913 г.).

Анатолийские железные дороги. Но, если направление балканских дел, течением которых затрагивалась непосредственная угроза Франции войной, заставляло ее считаться с Россией, то в отношении событий, затрагивающих исключительно русские интересы, поведение ее оставалось попрежнему эгоистичным.

Проект подписания французами контрактов с Турцией в отношении постройки анатолийских железных дорог в районах, серьезно затрагивавших не только экономические, но и стратегические интересы России, вызвал даже со стороны Сазонова (телеграммы Сазонова Извольскому 19 и 22 июля 1913 г., №№ 2194 и 2115) указание французскому правительству на «недопустимость столь коренного

расхождения с нами союзной державы в вопросе, грозящем серьезными осложнениями».

По мнению автора статьи в газете «Temps» от 15 апреля 1912 года, «ошибки и колебания французской дипломатии на востоке сыграли в руку соперниц Тройственного Согласия».

И нельзя не согласиться с характеристикой французского союза, сделанной Коковцевым (доклад Николаю II от 19 ноября 1913 г.): «Франция никогда не отойдет от нас в крупных вопросах общей политики, особенно глубоко затрагивающих ее жизненные интересы, но там, где эти интересы не затронуты, где преобладают интересы русские и европейские, там Франция будет бесспорно весьма сдержана».

Китайский заем.

1911—1914 г.г. были отмечены предоставлением группою европейских и американских банков большого займа Китаю, что, совместно с получаемыми заимодателями правами, могло нарушить особые интересы России в Северном Китае, Манчжурии и Монголии. Россия и отчасти Япония протестовали против решения этого дела без их участия. На почве этих споров возникла длительная финансово-дипломатическая переписка с попыткой достигнуть соглашения. При этом и здесь поведение Франции и Англии было такое же, как и в вопросе о Багдадской и Анатолийских железных дорогах.

Миссия генерала Сандерса.

Последним европейским конфликтом перед мировой войной, миролюбиво законченным, было назначение, по инициативе Вильгельма, в Константинополь немецкой военной миссии с генералом Лиман фон-Сандерс во главе, который должен был командовать константинопольским корпусом.

Этим затрагивались не только интересы России, но и других стран, почему давление на Германию и Турцию было произведено со стороны всех держав Антанты, при чем разногласие происходило только в средствах и размерах давления, так как Англия и Франция и здесь не становились всецело на защиту русских интересов.

Последние совещания начальников штабов и железнодорожный заем.

Обслуживающая роль России в отношении Франции окончательно обрисовывается последними совещаниями начальников штабов и железнодорожным займом на постройку стратегических линий. Здесь французы окончательно скинули маску союзнического приличия, которой прикрывались раньше при выдаче займов. Теперь мы дошли до предела: французы ставили определенные условия военной подготовки, на которую должны были итти ссуждаемые ими деньги.

Оба совещания в 1912 и в 1913 г.г. состоялись—первое в Париже и второе в Петербурге—между генералами Жоффром и Жилинским. Сравнение этих двух совещаний между теми же лицами показывает, насколько требования французов становились более настойчивыми и определенными, а вмешательство их в нашу военную подготовку более полным.

1) Во введении осталось тоже указание абсолютной необходимости для обеих сторон начать решительное и, насколько возможно, одновременное наступление всеми силами и со всей скоростью.

2) В статье первой указывалось, что поражение германских армий остается, каковы бы ни были обстоятельства, первой и главной целью союзных армий. В совещании 1913 года это обязательство еще муссируется следующей добавкой: «и это теперь еще более, чем раньше, в виду значительного увеличения относительного военного могущества Германии в Тройственном Союзе».

3) В статье 2-й обязательство одновременной мобилизации при мобилизации только Германии было добавлено еще следующим выгодным исключительно для Франции обязательством: «также будет обстоять дело (т.-е. одновременная мобилизация России и Франции) в случае всякого военного действия германской армии против той или другой из союзных держав» (протокол 1913 года).

4) В статье 3-й, касающейся планов сторон и характера действий, указывалось:

В 1912-м году.	*В 1913-м году.*
а) Жоффр настаивал на плане одновременной атаки германцев с двух сторон, применяя максимум комбинированных усилий. Французы стягивают на германский фронт все свои силы, кроме нескольких резервных дивизий на альпийской границе, так что цифра 1.300.000 человек будет в действительности на германской границе превзойдена.	а) Тоже, что и в 1912 году. Французы обещают сосредоточить на германском фронте свыше 1.500.000 человек, из которых большую часть—на 10-й день и начать с ней наступление на 11-й день.
б) Жилинский в принципе соглашался о необходимости согласовать во времени усилия, направленные главными силами обеих союзных армий против Германии. Но усиление австрийской армии заставляет Россию разделить свои силы, выделив,	б) В этом году Жилинский дал определенные обещания, что Россия выставит против Германии по меньшей мере 800.000, которые в большей своей части будут сосредоточены на русско-германской границе на 15-й день и начнут наступательные опе-

кроме того, часть против Швеции и против Турции.

Жоффр возражал, что поражение Германии немедленно рассеет все опасения за поведение Швеции и Турции. Поэтому надо во что бы то ни стало стремиться к уничтожению сил Германии.

в) Вопрос о плане действий и расположении французских войск не протоколировался ни в одном из заседаний. Что же касается русских войск, то на совещаниях 1912 и 1913 г. г. в отношении их заносилось в протоколы не только согласие, но и указания Жоффра.

В этом году он согласился относительно полезности смелого перенесения к югу (в передовой театр) центра тяжести русских армий и расположения главных сил в условиях, позволяющих им предпринять наступление в общем направлении на Алленштейн, если немцы расположатся в Восточной Пруссии или попытаются наступать оттуда на Варшаву, или же маневрировать на левом берегу Вислы для наступления на Берлин, если немцы развернутся на линии Торна-Познани или же начнут от этой базы наступать на Варшаву или Ивангород.

г) Жоффр отметил, что рельсовые пути, служившие для сосредоточения русской армии, не все с двойной колеей и указывал на необходимость перешить их на двухколейные и даже учетверить.

В частности им было указано удвоить:

1) Линию Петербург—Тапс—Валк—Рига—Муравьево—Кошедары. Жилинский не присоединился к мнению Жоффра в отношении этой линии.

2) Участок Брянск—Гомель—Лунинец—Жабинка и линия Орел—Брест-Литовск—Жабинка.

рации тотчас же после 15-го дня. К концу 1914 года срок сосредоточения этих сил будет сокращен еще на 2 дня.

Жоффр и в этом году не отрицал необходимости для России сохранить большие силы против Австрии и Швеции, но подтверждал, что поражение Германии значительно облегчит операции, направленные русскими войсками против других держав.

в) Оба начальника штаба согласились о необходимости направить наступление в центр Германии; в полезности сосредоточить русские силы так, чтобы ими можно было или бить противника, сосредоточенного в Восточной Пруссии, или итти на Берлин южнее этой линии, если сосредоточение германских сил произойдет на левом берегу Вислы. Во всяком случае, необходимо во что бы то ни стало преследовать уничтожение сил Германии в самом начале операции (в этом, как известно, и прошла на русском фронте вся кампания 1914 г.). Для выполнения такого задания необходимо сократить до минимума срок мобилизации и сосредоточения союзных войск.

2) В этом году Жилинский сообщил Жоффру, какие работы за истекший год исполнены.

Исполнено.

Учетверить: 1) Участок Жабинка—Брест-Литовск и Седлец—Варшава.

Перешить на русскую колею линии Варшава—Краков и Варшава—Торн.

Исполнено.

Заменено прокладкой двухколейного пути от Рязани и Тулы до Варшавы. Жоффр с этим согласился.

Кроме того, установлена в дополнение к прежним дорогам необходимость удвоить линии:

1) Батраки — Пенза — Ряжск —Богоявленск - Сухиничи—Смоленск.

2) Ровно — Сарны—Лунинец —Барановичи.

3) Лозовая—Полтава—Киев —Сарны—Ковель или постройка линии Гришино—Ковель.

Кроме того, для наступательных операций было Жоффром указано необходимым отодвинуть русские дороги от левого берега Вислы и увеличить средства переправы через реку у Варшавы.

д) В этом году Жоффром было высказано пожелание, чтобы группировка русских сил в Варшавской губернии была такова, чтобы она представляла для Германии прямую угрозу.

В такую форму вылилась военная конвенция между Францией и Россией к началу Мировой войны[5]), форму, совершенно не соответствовавшую первоначальным ее основам.

В 1892 г. она носила характер обоюдной страховки не только со стороны всего Тройственного Союза, но и со стороны отдельных наиболее враждебных его членов: Германии для Франции и Австрии для России; в 1913 г. она обратилась исключительно в страховку Россией Франции со стороны Германии.

В 1892 г. оба государства сохраняли свою оперативную самостоятельность в размерах, допускавших ведение войны и в интересах каждый своего государства; в 1913 г. Россия была этого окончательно лишена, и ей было предоставлено воевать против Австрии лишь поскольку это не будет мешать интересам французов в борьбе их с Германией.

С 1906 г. конференции начальников штабов уже имеют характер не собеседования двух равных сторон, а контроля и указаний французов русскому генеральному штабу.

Наконец, с 1912 г. замечается такое направление французами

[5]) В 1912 году была заключена еще и Военно-Морская Конвенция (см. ниже статью В. Егорьева и Е. Шведе).

русского железнодорожного строительства, раньше проявлявшегося только в скрытой форме, которое должно быть охарактеризовано словом «заказы, делаемые французами русскому правительству».

Это последнее условие определялось и теми займами, которые Франция давала щедрой рукой России не только в видах выгодного помещения французских капиталов, но и в значительной доле для военной подготовки России к совместным с Францией действиям против Германии. С 1912 года Франция не ограничилась в этом отношении скрытым давлением на Россию, но установила и свой контроль над тратой даваемых России займов, с целью направления их по прямому назначению.

Этот контроль вылился, кроме определенного указания тех линий железных дорог, которые должны быть вновь построены и улучшены, в особой миссии Делькассе и в определенных указаниях употребления железнодорожного займа.

20 марта 1913 г. Пуанкаре, отправляя Делькассе послом в Россию, писал между прочим Николаю II:

„Lorsque j'avais eu l'honneur d'être reçu l'an dernier par votre majesté à Péterhof, j'avais attiré sa haute attention sur l'utilité qu'il (Делькассе) y aurait, d'après l'avis de nos Etats Majors, à hâter la construction de certaines voies de chemin de fer sur la frontière occidentale de l'empire. Le grand effort militaire que le gouvernement français se propose de faire pour maintenir l'équilibre des forces européennes rend aujourd'hui particulièrement urgent les mesures corrélatives sur la nécessité desquelles les Etats-Majors des deux pays alliés se sont mis d'accord. M. Delcassé entretiendra votre majesté et son gouvernement de ces importantes questions"...

В этих словах письма роль Делькассе, как контролера расходования денег и советчика, ясно проглядывает.

Летом 1913 г. французское правительство предложило России ежегодный заем на парижском рынке от 400 до 500 миллионов франков при выполнении русским правительством следующих двух условий (Коковцев — Сазонову, июнь 1913 г.):

1) немедленное начало постройки стратегических линий, предусмотренных соглашением с начальником генерального штаба, и

2) значительное увеличение наличной силы русской армии в мирное время.

С своей стороны русское правительство старалось всеми силами заменить указание постройки определенных линий общими фразами.

«но едва-ли можно ожидать, чтобы французы удовольствовались предлагаемым В. Н. Коковцевым ответом» (Шиллинг — Сазонову, 2 сентября 1913 г.). Русское правительство в своем ответе 27 сентября/10 октября 1913 г. приняло предложение, но без обозначения тех линий рельсовых путей, которые были указаны в протоколах начальников штабов.

С целью выторговать у французов большую свободу распорядиться даваемым России займом, Коковцев предпринял поездку в Париж для переговоров «с нашими друзьями и союзниками, которых я охотно променял бы на кого угодно,—настолько тяжело вести с ними переговоры по всем тем вопросам, которые не затрагивают их собственной шкуры» (Коковцев — Нератову, 21 сентября 1913 г.).

В результате восторжествовала французская точка зрения, и в декабре 1913 г. было принято наше следующее обязательство в отношении постройки железных дорог: „Les travaux de chemin de fer dont les chefs d'état-major français et russe ont reconnu la nécessité au cours de leurs conférences du mois d'août 1913 seront entrepris le plus tôt possible, de manière à être terminés dans un délai de quatre ans, la dépense sera imputée, au gré du gouvernement impérial, soit sur les ressources des emprunts ci-dessus visés, soit sur les disponibilités du budget de l'empire".

Коковцев уступил, чтобы только скорее получить деньги.

Этим, собственно, кончаются военные соглашения Франции и России до войны, которые правильнее всего заключить следующими двумя телеграммами из Парижа в момент об'явления войны:

Французские нравоучения России при об'явлении войны.

1) От военного агента в Париже военному министру: 18/31 июля 1914 г. «Военный министр об'явил мне в приподнятом сердечном тоне о твердом решении правительства на войну, просил меня подтвердить надежду французского генерального штаба, что все наши усилия будут направлены против Германии и что Австрия будет признаваться quantité negligeable".

2) От военного агента в Париже 19 июля/1 августа 1914 г., № 221. «Об'явлена общая мобилизация в 3 часа 40 мин. дня. Военный министр выразил пожелание: 1) повлиять на Сербию, попросив скорее перейти в наступление... 2) быть уведомленным о сроке начала нашего наступления против Германии. Наиболее желательным для французов направлением нашего удара продолжает являться Варшава — Позен».

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Ламсдорф—Нелидову 18/31 марта 1904 г.

Vos rapports sur les arrangements projetés entre la France et l'Angleterre sont palpitant d'intérêt et ont attiré l'attention particulière de l'Empereur. Les explications données par Mr. Delcassé sont très satisfaisantes et je pense que nous ne devons en aucun cas nous donner l'air d'être alarmés par le rapprochement entre la France et l'Angleterre. Tout au contraire, il me semble habile de l'accueillir de la meilleure grace au point de nous y associer jusqu'à un certain point de vue de l'utilité que nous pourrions en retenir comme effet moral.

№ 2.

Ламсдорф—Нелидову 20 октября 1904 г.

Je suis tout à fait de votre avis, qu'il faudrait autant que possible éviter de poser la question catégorique: que ferait la France en cas de notre rupture avec l'Angleterre? Ce serait mettre le Gouvernement Français à une trop grande épreuve tandis qu'il est de notre pur avantage de faire planer sur cette question un certain vague et laisser les autres puissances ignorer le vrai caractère des engagements stipulés par notre entente avec la France en les exagérant... Je suis loin de vouloir abuser de nos relations p'amitié avec la France, mais il me semble cependant qu'en cas de rupture avec l'Angleterre les Français auraient tout avantage à se ioindre à nous.

№ 3.

АРХИВ НЕЛИДОВА.

Копия с донесения от 24 августа/6 сентября 1884 г., за № 12.

От Вестмана из Мюнхена, 1904 г.

В последнее время германская печать, как В. С. вероятно небезызвестно, стала заниматься вопросами о возможности сближения Франции с Германией, иначе сказать—об осуществлении франко-германского союза. Поводом к поднятию сего вопроса в прессе, послужило свидание короля Эдуарда с императором Вильгельмом в Киле, где находился также и барон д'Этурнель Констан, известный французский депутат, ревностный сторонник идеи всеобщего мира (бывший делегат на Гаагской конференции). По его собственным уверениям, он отправился в Киль вследствие полученного им оттуда приглашения и пробыл там более недели, ежедневно встречаясь и беседуя с германским императором. Мюнхенская «Allgemeine Zeitung» посвятила кильскому свиданию статью, при сем в вырезке, приводя в ней ряд мыслей и соображений, высказанных бароном д'Этурнелем по поводу франко-германского сближения одному из своих немецких единомышленников, Фриду, обратившемуся к нему с запросом относительно подробностей его пребывания в Киле. Так как со стороны барона не последовало никакого опровержения, то следует полагать, что все, приписываемое ему в газете, было действительно сказано, а это приобретает некоторое значение и вес в устах личности, пользующейся большим уважением в ученом мире, как во Франции, так и у нас.

В общих чертах сказанное бароном д'Этурнелем может быть вкратце передано следующим образом:

Сближение между Францией и Германией неизбежно в будущем в виду того, что оно полезно обеим сторонам, Германии, однако, более чем Франции. Англо-французский договор и заключенный вскоре после него договор англо-германский, еще недавно казались мало вероятными, а между тем они оба состоялись и могут быть теперь отнесены к числу уже совершившихся фактов. Таким образом, может осуществиться и франко-германское сближение, но для его успеха необходимо заранее подготовить умы к взаимным благоразумным уступкам; к сему следует прибавить, что прежнее недоверчивое отношение императора Вильгельма к Гаагскому посредническому суду в международных столкновениях, по уверениям французского депу-

тата, стало ныне исчезать, и он сам стал мало-по-малу обращаться в искреннего приверженца идеи Гаагской конференции.

В уме барона д'Этурнеля франко-германское сближение, есть необходимое условие для достижения главной цели, к которой стремятся все искренние приверженцы идеи всеобщего мира, а, именно, к заключению европейского союза в виду всеобщего разоружения, а теперь, быть может, в виду также и желтой опасности. Из сказанного бароном не видно, какого рода могли бы быть, по его мнению, возможные уступки, как со стороны Франции, так и со стороны Германии. Об этом он пока умалчивает, находя еще несвоевременным распространяться о самых условиях сближения.

Конечно, вопрос еще далеко не созрел, но факт, что им начинают заниматься в обеих странах люди серьезные, пользующиеся всеобщим уважением, как ученые и публицисты, — факт этот кажется мне все-таки достойным обратить на себя внимание, и это тем более, что, повидимому, всему этому движению стали отныне покровительствовать король Эдуард и император Вильгельм.

Германские и баварские газеты, передавая подробности кильского свидания со слов самого барона д'Этурнеля, не вполне разделяют его оптимизм по поводу возможности осуществления ныне франко-германского союза. Они все согласны в том, что таковой союз в высшей степени желателен, но сильно сомневаются, что его возможно будет заключить так легко и скоро. Мечта о реванше среди французов, по общепринятому мнению в Германии, все еще очень сильна и исчезнет только тогда, когда во Франции появится новое, молодое поколение и окончательно свыкшееся с непоправимым прошедшим.

Таково в действительности мнение большинства благоразумных людей в Германии, что не мешает им, однако, итти навстречу благоразумным французам в подготовке ими почвы к взаимному сближению.

№ 4.

Программа совещания и список вопросов французского генерального штаба, предложенных нашему начальнику генерального штаба перед совещанием начальников штабов в Париже 8/21 апреля 1906 г.

(Приложение к письму французского посла Ламсдорфу 22 марта 4 апреля 1906 г.)

1. Les deux Chefs d'Etat-Major généraux étudieront en commun la Convention de 17 Août 1892, qui est et démeure la charte militaire de l'alliance.

Ils étudieront pareillement les clauses des procès—verbaux rédigés par leurs prédécesseurs, les 19 Juin—2 Juillet 1900 le 8/21 Fevrier 1901.

II. A l'occasion de cet examen, les deux Chefs d'Etat-Major généraux, préciseront l'importance des forces que les deux pays alliés seraient actuellement en état de mettre sur le pied de guerre.

III. Si, par suite des évenements d'Extrème-Orient, la Russie n'était pas actuellement en état de mobiliser l'effectif prévu par-la Convention de 1892 le chef d'Etat-Major général de l'armée Russe vaudrait bien faire connaître les dispositions, transitoires que le Gouvernement Impérial compte prendre pour se conformer au principe de l'alliance. Le Général Brun accueillerait avec un particulier intérêt ce que le général Palitzyne faisait pouvoir lui confier pour répondre aux questions ci-après:

a) Combien de combattants la Russie pourrait elle concentrer sur la frontière occidentale de l'Empire?

b) Quel serait leur armement?

c) Quelle serait l'importance des approvisionnements?

d) En combien de jours les forces disponibles de l'armée Impériale pourraient-elles arriver sur la frontière?

e) Sur quels points s'opérerait la concentration?

f) A quel chiffre s'éléveraient les effectifs aux différents jours?

g) L'intention de l'Etat-Major Russe est-elle de prendre l'offensive?

h) A quelles échéances approximatives l'Etat-Major Russe fixe-t-il la reconstitution progressive des forces militaires de 'Empire?

IV. Les deux Chefs d'Etat-Major généraux se communiqueront les renseignements qu'ils possèdent sur les armées que la convention de 1892 leur assigne comme adversaires éventuels, et sur les plans d'opération des dites armées.

№ 5.

Procés—Verbal

de l'entretien du 8/21 Avril 1906 entre les chefs d'Etat-Malor Généraux des Armées Russe et Françaice.

Il a été convenu entre les deux Chefs d'Etat-Major généraux que le document qui suit n'engagera leur responsabilité qu'à partir du moment où il aura été sanctionné par l'approbation dûment notifiée de leurs Gouvernements respectifs.

Chapitre I.

I. A la lecture de la Convention militaire de 1892 M. le général Palitzyne insiste sur ce que le but essentiel de ce document qui constitue la base des accords entre les deux Etats-Majors est d'assurer aux deux alliés une protection mutuelle contre une agression de l'Allemagne dont l'Autriche et l'Italie ne seraient que les satellites éventuels. M. le général Brun déclare que telle a été toujours la manière de voir de l'Etat-Major français. L'armée allèmande est donc l'objectif principal contre lequel les deux Etats-Majors doivent engager et poursuivre la lutte avec toute leur énergie et tous leurs moyens disponibles.

2. A propos de l'art 2 de la Convention de 1892, les deux chefs d'Etat-Major généraux sont d'avis que la mobilisation de l'armée allemande oblige la Russie et la France à mobiliser immédiatement et simultanément toutes leurs forces á la première nouvelle de l'événement et sans qu'il soit besoin d'un concert préalable, mais qu'en cas de mobilisation partiale ou même générale de l'Autriche ou de l'Italie seuls, ce concert préalable leur parait indispensable. Ils conviennent donc de prier leurs Gouvernements respectifs de vouloir bien préciser ce point qui a déjá éveillé l'attention de leurs prédecesseurs.

Chapitre II.

I. Mr. le général Brun fait connaître les moyens de correspondance rapide avec la Russie dont l'Etat-Major français disposerait en cas de guerre. Il ajoute qu'il semblerait avantageux pour moins éveiller l'attention, de disposer en langage chiffré d'un dictionnaire composé de phrases de convention en plusieurs langues et en style d'affaires de commerce, de famille etc. M. le général Palitzyne trouve cette proposition très pratique et prie l'Etat-Major français de vouloir bien se préoccuper le plus tôt possible de la rédaction de ce dictionnaire. Il s'engage de son côté a procéder á la création d'une nouvelle ligne de communication destinée á compléter celles que l'Etat-Major français a prevues.

2. Les deux Chefs d'Etat-Major sont d'avis que les échanges de renseignements sur l'adversaire présenteraient une importance toute spéciale pendant les sept premiers jours. M. le général Brun fait connaître sommairement les dispositions que compte prendre l'Etat-Major français pour se procurer des renseignements. M. le général Palitzyne s'efforcera de faire adopter en Russie des mesures analogues.

Chapitre III.

1. Les deux Chefs d'Etat-Major généraux échangent sommairement les renseignements qu'ils possèdent sur les forces dont l'Allemagne disposerait en cas de guerre et constatent l'identité presque complète de leurs vues à cet égard. En ce qui concerne la répartition initiale des forces allemandes entre les deux théâtres Est et Ouest, les deux Etats-Majors ne peuvent faire des hypothèses plus ou moins probables. Toutefois les deux chefs d'Etat-Major estiment d'un commun accord que l'Allemagne portera vraisemblablement son principal effort au debut contre la France, sans cependant exclure l'hypothèse inverse.

2. M. le général Palitzyne et M. le général Brun croient moins que leurs prédécesseurs à l'emploi par l'Etat-Major allemand de navettes à grande echelle d'un théâtre á l'autre du moins tant que l'armée allemande n'aurait pas obtenu de succès décisifs sur l'un d'eux. Bien que les Allemands disposent avec leurs lignes ferrées d'un instrument matériel qui leur permettrait d'éffectuer une pareille manoeuvre, elle composterait néanmoins de très sérieuses difficultés d-éxécution et serait comme le fait remarquer. M. le général Palitzyne, en contradiction avec l'esprit même de la stratégie allemande consistant à s'acharner pour le même adversaire jusqu'à ce qu'il soit terrassé.

3. M. le général Brun indique en traits généraux les dispositions prévues par l'Etat-Major français pour le rassemblement de l'armèe sur la frontière, lequel est préparé pour permettre l'offensive.

4. M. le général Palitzyne, de son côté déclare qu'en ce qui concerne le contingent russe il lui est impossible pour le moment de rien dire de précis sur l'epoque et la zone de son rassemblement, pas plus que sur son mode d'emploi, qui seront subordonnées du reste, en partie à l'action de l'adversaire. Mais il s'engage sans jamais perdre de vue que la défaite de l'Allemagne serait le but stratégique principal, à utiliser au mieux des intérêts communs outes les ressources dont il pourrait disposer. Le chef d'Etat-Major général russe ajoute:

1) que materiellement l'armée russe a moins souffert qu'on supposait de la campagne de Mandchourie;

2) que dès maintenant cette armée serait en état de se mobiliser, bien que dans un délai plus considérable;

3) que vers la fin du mois d'Août prochain presque toutes les troupes seront repatriées;

4) qu'à partir du mois d'avril 1907 les troupes auront reconstitué leurs cadres, réorganisé leur mobilisation, repris leur instruction normale et seront en état de lutter comme éléments combattants solides, mais sans posséder encore tous les accessoirs nécessaires pour être véritablement ce que les Allemands appellent „operationsfähige“ *).

Chapitre IV.

En ce qui concerne l'hypothèse d'une guerre que les gouvernements russe et français décident d'entreprendre en commun pour s'opposer á une extension éventuelle de l'Allemagne aux dépens de la monarchie austrohongroise les peux chefs d'Etat-Major ne voient pour le moment rien d'utile à ajouter aux échanges de vues de leurs prédécesseurs.

Chapitre V.

A propos des passages des procès-verbaux de 1900 et 1901 où il était fait allusion á l'appui que la France et la Russie pourraient se prêter mutuellement en cas de guerre avec l'Angleterre, M. le général Palitzyne demande catégoriquement à M. le général Brun s'il peut compter qu'en pareille éventualité l'Etat-Major français mettrait à éxécution les mesures exposées dans les procés-verbaux. Il ajoute qu'il attache une grande importance à une reponse positive sur cette question. M. le général Brun répond qu'aux termes des procès-verbaux de 1900 et 1901 les mesures prévues ne pourraient recevoir leur éxécution qu'en vertu d'une convention entre les deux gouvernements et qu'aucune convention de cette nature n'a été portée à la connaissance de l'Etat-Major français.

Chapitre VI.

Etant donné l'état de choses actuel les deux chefs d'Etat-Major généraux sont convaincus qu'il serait désirable et utile d'avoir une nouvelle entrevue en 1907.

Signé:

Le chef d'Etat-Major général de l'Armée Française Brun.

Le chef d'Etat-Major général de l'Armée Russe Palitzyne.

---

*) prêtes à toute espece d'opérations.

№ 6.

Весьма секретно.

Париж 20 апреля / 3 мая 1906 г.

Его сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич!

В Париже появился недавно проездом в Россию с юга Франции начальник генерального штаба нашего, генерал-лейтенант Палицын. Я был извещен частным образом об ожидавшемся его приезде, когда министр иностранных дел дружески спросил меня, осведомлен ли я об этом и должен ли он считать меня официально причастным к пребыванию здесь генерала Палицына.

Я ответил г-ну Буржуа, что не имею никакого делового отношения к приезду начальника нашего генерального штаба, который, возвращаясь из частного отпуска, пользуется проездом через Париж, чтобы лично познакомиться и обменяться мыслями со своим французским товарищем по должности.

По приезде в Париж генерал Палицын не замедлил посетить меня и об'яснил мне, что поставив в известность о цели своего путешествия Ваше сиятельство, желал бы иметь мои указания относительно политических вопросов, которых ему непременно придется коснуться, пересматривая с генералом Брен (Brun) составленные их предместниками протоколы и проекты военных конвенций.

Но особенно обращало на себя в этом отношении внимание генерала Палицына, — это связь, существующая между Францией и Англией, так как при последних переговорах имелись в виду некоторые меры на случай совместных военных действий против Англии.

Я об'яснил начальнику генерального штаба, что измененные отношения Французской Республики к ее за-Ламаншской соседке едва-ли допустят принятие со стороны здешнего правительства каких-либо обязательств, в виду совершенно невероятного столкновения между Францией и Англией, все поводы к каковому были тщательно предусмотрены в заключенной между ними в начале 1904 года конвенции.

По окончании переговоров своих с французским начальником генерального штаба генерал Палицын принес мне составленный между ними по этому предмету протокол. В нем более или менее подтверждаются или об'ясняются постановления предыдущих сделок подобного рода. Устанавливается между прочим, что обязанность немедленной мобилизации русской и французской армий обусловливается только мобилизацией германских войск, но не распространяется на мобилиза-

цию союзных с Германией армий австрийской и итальянской, относительно которых в случае их приведения на военную ногу должно состояться между петербургским и парижским кабинетами особое соглашение.

Относительно статьи, касающейся Англии, в протоколе сказано (и редакция этого параграфа была вторично просмотрена с целью придать ей более ясности), что на запрос генерала Палицына, как относится к ней французское правительство, — генерал Брен ответил приблизительно следующее: «статья эта представляет только обмен личных взглядов между тогдашними начальниками штабов; для придания ей действительного значения и применимости, должно состояться политическое соглашение между обоими правительствами. Такового соглашения французскому генеральному штабу сообщено не было».

Передав мне означенный протокол для прочтения и отправления на его имя в С.-Петербург курьером, генерал Палицын сообщил мне и личные впечатления, вынесенные им из разговоров как с генералом Бреном, так и с принявшим его накануне от'езда министром иностранных дел.

Общий смысл этих впечатлений тот, что французы с нами не вполне искренни, что, несмотря на их горячие дружеские уверения, они к союзу с нами относятся почти равнодушно; что они представлялись генералу тесно связанными англичанами и желающими тем или другим способом привязать к Англии и нас.

В разговоре с г-м Буржуа генерала поразила большая сдержанность министра, тщательно уклонявшегося от прямого ответа на поставленный ему нашим начальником штаба вопрос: считает ли себя французское правительство связанным обязательствами, изложенными в статье прежнего протокола, касающейся возможности совместных действий против Англии?

При свидании моем в тот же день с г-м Буржуа, последний сам заговорил со мною о посещении его генералом Палицыным.—«Генерал должен был найти меня очень сдержанным,—сказал он мне,—но я не счел возможным вступать с ним в об'яснения по вопросу чисто политического свойства, о котором я готов обменяться мыслями с вами, и который в сущности подлежит решению наших правительств».

Я ответил министру, что начальник русского генерального штаба действительно желал и надеялся получить более положительное об'яснение по вопросу, представляющему для него важность с чисто военной точки зрения. Если существует предвидение возможности

совместных действий против Англии, то он должен, при распределении военных сил империи, принять в Средней Азии некоторые меры, которые предусмотрены прежним протоколом, но которые для наших исключительно нужд непременного значения не представляют. Вопрос его имел, следовательно, с его точки зрения некоторое основание.

Министр иностранных дел сообщил мне по этому поводу, что генерал Палицын сказал ему, будто Россия никаких завоевательных видов на Индию не имеет и потому может ограничиться в Средней Азии исключительно оборонительными мерами, и на вопрос министра, таково-ли мнение нашего правительства, ответил утвердительно.

Такое положение вещей, как я об'яснил министру, нисколько не исключает для нас возможности столкновения с Англией из-за других причин, и нам весьма важно было бы знать, можем ли мы в таком случае рассчитывать еще на предположенное в прежних сделках содействие Франции.

Г-н Буржуа возразил мне, что вопрос этот, исключительно политический, доселе не был обсуждаем между нашими кабинетами, и потому ему не казалось уместным вступать о нем в рассуждение с начальником нашего генерального штаба. Мне же он готов высказать личное свое мнение, что при существующих ныне между Францией и Англией дружеских отношениях и при явном стремлении лондонского кабинета к сближению с Россией, он не видит оснований для обсуждения мер, которые отнюдь не оправдывались бы обстоятельствами.

Я не мог скрыть от министра, что предвидел его ответ, но тем не менее счел нужным вызвать это об'яснение, так как им устанавливалось измененное до некоторой степени, хотя и не менее дружеское, отношение между нашими двумя государствами. Доселе нас связывала общность интересов по отношению не только к Германии, но и к Англии, с которой Франция, быть может, еще более России опасалась возможности столкновения; теперь положение дела иное; возможность борьбы с Англией отстранена для Франции, но не для нас, хотя мы ее вовсе не желаем и, напротив того, хотели бы по возможности отдалить причины, могущие ее вызвать.

Министр с чувством выразил мне горячее желание своего правительства всячески способствовать устранению всяких недоразумений между нами и англичанами, чем в значительной степени упрочено было бы повсеместно мирное течение дел.

Что же касается до оценки расположения к нам французов, сделанной генералом Палицыным, то я считаю своей обязанностью высказать о ней мое чистосердечное суждение.

Дружеское отношение к нам французского правительства и расположение населения не уменьшилось. Мы только-что получили этому блестящее доказательство. Союз с Россией остается, по глубокому моему убеждению, основанием французской политики.

Но наши неудачи в японской войне и внутренние потрясения не могли не отозваться на доверии к нашей силе и к возможности для нас в настоящих условиях точно исполнить принятые на себя союзным договором обязательства. Генерал Палицын сам признал нужным об'яснить в подписанном им и генералом Бреном протоколе, что только к весне будущего года мы в состоянии будем вполне возобновить силы, которыми могли бы свободно располагать в случае войны на западе. Сведения здешнего военного ведомства находят эту уверенность чрезмерною и представляют наше военное положение гораздо менее упроченным. Отсюда и проистекает со стороны здешних военных властей по отношению к нам некоторая сдержанность. Весьма естественно, что при таких условиях, в виду усиленного по тем же соображениям давления на Францию со стороны Германии, здесь явилось стремление обеспечить себя сближением с Англией, которая, в свою очередь, при натянутости своих отношений с Германией искала поддержки на материке. Мне представляется более чем вероятным, что между парижским и лондонским военным управлениями происходили по этому поводу об'яснения и намечены некоторые общие меры, которые здесь не считают уместным нам сообщать. Но отсюда до заключения союза, который бы к тому же отдалял Францию от нас, — еще очень далеко, и я убежден, что ни французское правительство, ни лондонский кабинет на подобный шаг не решатся; является, однако, вопрос, какое положение приняла бы Франция в случае разрыва между Россией и Англией? Не будучи связана обязательствами на подобный случай ни с одной из этих держав, Республика осталась бы, без сомнения, нейтральной и направила бы свои старания к мирному улажению затруднений к предупреждению борьбы.

К этой же цели, путем сближения между нами и Англией, направлены и теперь старания французской дипломатии, которая вместе с тем ищет в таковом соглашении еще большего для себя обеспечения против Германии.

Эти-то откровенно признаваемые старания, генерал Палицын и принял за желание привлечь нас к англо-французскому союзу и совершенно основательно считал опасным для нас вступать в какие-нибудь сделки, которые могли бы стеснять нашу свободу действий

по отношению к Германии, ставя нас в возможность быть вовлеченными во вражду с нею из-за выгод, нам чуждых.

По моему глубокому убеждению, мы должны всячески избегать вмешательства в вероятную, в более или менее отдаленном будущем, борьбу между Англией и Германией. Наши точки соприкосновения с первой из этих держав лежат вне Европы, тогда как сношения наши с средне-европейской империей — чисто соседственные. Мы должны обеспечить себя от возможности подвергнуться ее на нас давлению, и лучшим средством для этого служит союз наш с Францией, которая твердо его держится и искренно желает скорейшего восстановления нашей военной мощи. Первым условием для достижения этой цели должны быть сохранение нашего мирного развития и избежание всяких внешних осложнений. Соглашение с Англией может не только в значительной степени отстранить опасность подобных осложнений, но и подготовить нам путь для дальнейшего развития наших интересов в странах, где они встречаются с великобританскими. Настоящая минута представляется для об'яснений в этом смысле тем более благоприятною, что, как тому имеются многочисленные несомненные доказательства, лондонский кабинет сам их желает, имея именно в виду возможность столкновения с Германией, на каковой случай ему важно было бы себя обезопасить со стороны России.

Хотя вышеизложенные соображения и выходят за пределы моей прямой деятельности, они стоят, однако, в близком с нею соприкосновении. Потому и позволил я себе изложить их здесь с полной искренностью, имея, главным образом, в виду, об'яснить и отчасти исправить впечатления, вынесенные из Парижа генералом Палицыным. Они могли бы представить в неверном освещении отношения к нам французского правительства, которые, я могу заверить, вполне искренни, неизменно зиждясь на союзном договоре, точно отвечающем и расположению к нам французского народа.

Примите, милостивый государь, уверения в глубоком моем почтении и совершенной преданности. *Нелидов.*

№ 7.

Выдержка из частного письма Неклюдова Извольскому 28 июня (11 июля) 1915 года.

On doit se l'avouer avec franchise entre soi et à huis-clos, la conduite de la société française vis-à-vis de Russie à partir de nos premiers revers sérieux dans la guerre Japonaise prête le flanc à des critiques très amères.

„L'entente cordiale" avec l'Angleterre, hâtée et baclée au moment même où cette dernière prenait encore passionnement partie pour le Japon; l'attitude du Gouvernement Français et de son représentant à St. Petersbourg vis-à-vis des évenements intérieurs de la Russie; le refus de tout crédit ulterieur en dehors des décisions de la Douma: les reproches acrimonieux adressés à la Russie pour les capitaux français soi-disant emperillés par la politique extérieure et intérieure du Gouvernement Russe: en dernier lieu—les termes de redaction du traité franco-japonais consentés malgré vos avis reitérés—tout cela peut s'expliquer, se comprendre et en partie même s'excuser à un examen impartial, mais, tout cela a incontestablement amassé bien d'aigreur dans les sentiments de la partie conservatrice de notre société, laquelle actuellement paraît avoir le dessus dans les destinées politiques de notre patrie... Il est très aisé de critiquer notre longanimité vis-à-vis de notre alliée. Mais d'abord il y a toujours la question de nos emprunts du marché unique de Paris. Et puis lorsqu'on change les bases d'une politique vieille de quelques lustres, il faut encore et avant tout préparer d'autres bases, et ce n'est pas en ce moment où tout est si troublé et si bouleversé dans notre situation intérieure ainsi que dans la situation politique mondiale, qu'il serait aisé et prudent d'accomplir tout un changement de front à lignes incertaines et vagues, tout un bouleversement à buts indecis ou même ignorés. Tout ce que l'on peut faire, c'est de se rendre honnêtement compte des changements intervenus dans nos relations avec la France et surtout dans la situation de la France elle-même et de nous regler d'après cela sans regrets inutiles et sans rancunes dangereuses en tâchant de bien utiliser ce qui reste et de faire bravement notre deuil de ce qui n'est plus...

№ 8.

Выдержка из разговора русского военного агента в Париже, графа Игнатьева, с военным министром Мильераном 5/18 декабря 1912 г.).*

Мильеран. Какая же по-вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?

Гр. Игнатьев. Трудно предрешить этот вопрос, но несом-

*) Письмо Игнатьева начальнику генерального штаба от 6/19 декабря 1912 г. № 505. Воен. Уч. Арх., д. № 130, 328.

ненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер.

Мильеран. Хорошо, но оккупацию Сербии вы, следовательно, не считаете прямым для вас вызовом на войну?

Игнатьев. На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызывать европейской войны и принимать меры, могущие произвести европейский пожар.

Мильеран. Следовательно, вам придется предоставить Сербию своей участи. Это, конечно, дело ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине; мы готовы и необходимо учесть это. А не можете ли вы по крайней мере, мне об'яснить, что вообще думают в России о Балканах?

Игнатьев. Славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история выучила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей.

Мильеран. Но вы же, полковник, понимаете, что здесь вопрос ни Албании, ни сербов, ни Дураццо, а гегемонии Австрии на всем Балканском полуострове... Но вы все-таки, кое-что да делаете по военной части?

А. АНДЕРС

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ФРАНЦИИ

Довоенный период

Выполнение Россиею ее обязательств по отношению к Франции.— Марокксний инцидент.— Работа русской разведки в пользу Франции. — Русско-Японская война.— Заключение.

Статья, основанная на донесениях царских военных агентов, дополняет этим материалом работу профессора Заиончковского.

Выполнение Россиею ее обязательств по отношению к Франции.

Официальной формой взаимоотношений между б. Российской империей и Францией был франко-русский союз, не только политический, но и военный, заключенный еще Александром III и завершившийся совместными военными действиями против австро-германцев.

Помимо отношений военных и политических, а вернее, в прямой связи с ними, возникли отношения финансовые, известные теперь под общим названием «царских долгов».

Не входя в рассмотрение вопроса ни как велики эти долги, ни из каких отдельных статей они слагаются, что не является предметом нашего исследования, отметим лишь тот бесспорный факт, что львиная доля полученных от Франции займов, ставших ныне долгами, предназначалась и фактически употреблена на войну и на подготовку к ней.

Раз это так, то интересно проследить, в какой мере обе стороны выполняли и выполнили взятые на себя обязательства как во время войны, так и в период мирного времени, ей предшествовавший.

Исследование этого вопроса, главным образом, в период довоенный, и составляет предмет нашей статьи.

В начале девяностых годов наши сношения с Францией вылились в формальную военную конвенцию, которая в последующие годы дополнялась в зависимости от изменений, вносимых в мобилизационные планы обеих армий.

Что же было положено в основу этой конвенции и как ее понимали французы?

Вся внешняя политика Франции после 1870 года и вдохновляемая ей военная мысль может быть охарактеризована лозунгом: „Le danger allemand“ (германская опасность).

Французские военные авторитеты считали (и последующие события это подтвердили), что в случае войны немцы всей своей мощью обрушатся на них, и прежде чем Франция соберет все свои силы, а Россия успеет окончить свою мобилизацию и сосредоточение, Париж будет взят, и Франция будет вынуждена капитулировать

(этого последующие события не подтвердили, хотя осенью 1914 года Париж эвакуировался, и правительство выехало из столицы).

Отсюда выводы, легшие в основу конвенции, преследующей исключительную цель — спасение Франции от этого ожидаемого всесокрушающего удара.

В донесениях наших военных агентов, с протокольной точностью информировавших наш генеральный штаб о всех рзговорах, кои они вели с министрами и видными генералами по разным случаям, с несомненной ясностью вытекает, что французы именно так и расценивали союз с нами; этот союз считался ничем иным, как «Un gage de sécurité", т.-е. гарантией безопасности.

Ниже приводим выдержки из донесений военных агентов в Париже с текстами их разговоров с военными министрами Мессими и Мильераном (впоследствии известный президент республики), генералом Жоффром, Дюбайль и др.: Voulant rendre la coopération de son armée efficace, non seulement pour la Russie, mais pour les Français le tzar Alexandre III avait permis aux deux états-majors de préparer ensemble les moyens de nous aider à temps, et non aprés coup [1]).

La Russie, par l'immensité des espaces et la nature de ses communications intérieures, n'est invincible réellement qu'à la condition de ne rien précipiter et de ne rien risquer.

Mais ce qui est vrai pour la Russie agissant seule, est-il exacts pour l'alliée qui a besoin de son concours rapide?

En cas de guerre franco-allemande, la valeur de l'alliance n'existe plus militairement, si les Russes sont incapables de prendre de suit le contact avec l'ennemi commun et de l'obliger à combattre à l'Est, comme à l'Ouest [2]).

---

[1]) „Желая сделать работу своей армии действительной не-только для России, но и для французов, царь Александр III разрешил генеральным штабам обоих армий совместно подготовить способы помочь нам во время войны, а не после удара".

[2]) „Россия, благодаря громадности своего пространства и состоянию своих внутренних сообщений, в сущности непобедима, если не будет никуда спешить и ничем рисковать.

Но то, что вредно для России, выступающей отдельно, годится ли это для союзницы, нуждающейся в ее быстрой помощи?

В случае франко-германской войны, ценность союза, с военной точки зрения, перестанет существовать, если русские неспособны немедленно войти в контакт с общим врагом и вынудить его сражаться как на Западе, так на Востоке".

„Une concentration en arrière des troupes de couverture dont le maintien en Pologne, à proximité des avant-gardes allemandes, était un gage de sécurité pour nous, conformé à la convention militaire que nos deux états-majors ont écrite et signée“ [3]).

Сопоставляя эти донесения, выражающие мнение высших военных руководителей Франции, мы видим, что они совершенно ясно сознавали всю невыгодность предлагаемого способа действий для России и исключительную его ценность для себя и на проведении его упорно настаивали.

Генерал Жоффр при вступлении в должность начальника генерального штаба еще определеннее проводит ту же мысль.

Рапорт военного агента во Франции 19 января 1912 года, № 39, говорит:

«Генерал Жоффр при вступлении в должность начальника генерального штаба не проявил опасения, что наша, будто бы поздняя готовность лишает нас возможности оказать действительную помощь Франции с первых же дней главных операций на франко-германском театре. Напротив, генерал Жоффр сказал, что мы должны и мы будем в состоянии удержать на нашей границе те германские корпуса, которые теперь там находятся».

Еще более знаменательными являются его же слова по поводу нашей боевой готовности.

Видимо, французы, всегда отлично осведомленные о всем происходившем у нас, убедились, что мы выполняем взятые на себя обязательства, и учли реформы, проведенные военным ведомством после Японской войны.

Генерал Жоффр говорит (рапорт военного агента во Франции 29 марта 1912 г., № 146):

«Хотя мы давно не были в столь выгодном положении для начала военных действий против Германии, по мне известно, что через два года вы (русские) будете значительно более готовыми, нежели в настоящее время».

Чрезвычайно характерно, что французы совершенно официально запрашивали нашего военного агента о нашей готовности и сосредоточении в интересующих их районах и, главным образом, о состоянии путей сообщения.

---

3) „Сосредоточение русской армии в Польше в непосредственном соприкосновении с немецкими авангардами есть для нас гарантия безопасности, основанная на военной конвенции, которую генеральные штабы обеих армий составили и подписали“.

При той постановке вопроса о военной конвенции, которая изложена выше, вопрос о стратегических железных дорогах к нашей западной границе, разумеется, приобрел первенствующее значение, и французы не могли оставить его без внимания.

Известно, что в числе наших долгов есть и железнодорожные, но дороги эти строились не для нас, а для французов, так как они должны были обеспечить нашу помощь „à temps et non après coup“ [4]).

Рапорт военного агента во Франции 3 января 1912 г., № 3:

«Генерал Дюбойль, начальник штаба армии, спрашивал меня, уложена ли уже вторая колея между Брест-Литовском и Брянском и на участке Белосток—Барановичи. Этот вопрос очень интересует военного министра Делькассе».

Обзор военной литературы и печати, периодически представляемой военными агентами, дает в общем те же выводы (конечно, не касаясь вопросов чисто технических): французы больше всего беспокоятся вопросом: в состоянии ли Россия оказать немедленную помощь и тем, если не отвратить, то во всяком случае смягчить первый сокрушающий удар немцев?

Ниже приводится документ, иллюстрирующий отношение французских верхов к отрицательным по отношению к ним выступлениям в печати и оценивающий помощь, которую они от нас ожидали.

Рапорт военного агента во Франции 4 января 1912 г., № 8:

По поводу статьи генерала Maitrot в журнале „Le Correspondant“, в коей он сообщает весьма неблагоприятные и даже ложные сведения о нашей (русской) армии, умаляя в сильной степени ее оперативную способность, военный агент доносит мнение руководящих военных кругов:

«Подобные выступления французских военных писателей, конечно, весьма нежелательны, но от них прежде всего страдают сами французы, так как не мы (русские) нуждаемся в их помощи, а они в нашей».

С особой яркостью обрисовывается картина наших военных взаимоотношений в 1910 году, когда по мысли тогдашнего военного министра Сухомлинова был переработан наш мобилизационный план и план сосредоточения, и в связи с этим из Варшавского и Виленского военных округов по одному корпусу было переведено во внутренние округа, Московский и Казанский.

---

[4]) „Во время, а не после удара“ (см. выше).

Эта мера вызвала бурю негодования во Франции, при чем особенно резко реагировала военная пресса.

„Avouons que toute cette fraternité d'armes et d'aspiration n'existe plus. Nous sommes ignorées... La France est abandonnée..." [5])

Так писала „La France Militaire" официальный орган французского военного министерства.

Да оно с их точки зрения и понятно.

Ведь французы всю ценность военной конвенции видели в том, чтобы русские оттянули часть немцев на себя с первых дней войны, а тут вдруг два корпуса уводятся с западной границы.

Что такая мера не ухудшала нашей боевой готовности, а, напротив, ее упорядочивала, было сперва непонятно руководителям французской армии, которые, считая, что мы обязаны по конвенции блюсти их интересы выше своих, вмешались в этот вопрос дипломатическим путем.

В рапорте военного агента во Франции от 10 марта 1910 г., № 178, есть на это прямое указание.

Он доносит свой разговор с одним из представителей французского генерального штаба:

„Tandis que se poursuivent entre Paris et St. Pétersbourg des échanges de vues au sujet du deplacement decidé, mais non encore réalisé, du 5 corps d'armée de la circonscription de Varsovie"... [6])

Наш генеральный штаб, повидимомому, сумел доказать безопасность этих перемещений для французских интересов, так как перемена дислокации фактически состоялась.

Этот эпизод воочию доказывает, что французы твердо стояли на своем, пред'являли свои требования, а мы их исполняли, а если были малейшие отступления, то они нам даром не проходили, и мы должны были тотчас же раз'яснять, что во вред Франции они не идут.

Мароккский инцидент.

Следующий 1911 год дал опять повод французам проверить ценность для них союза с Россией. В этом году возник так называемый «мароккский инцидент». Переговоры по его разрешению велись в Берлине.

---

[5]) „Надо признаться, что все это братство по оружию и стремлениям более не существует. Нами пренебрегают. Франция покинута"

[6]) „Пока происходит обмен мнений между Парижем и Петербургом по уже решенному, но еще неосуществленному вопросу о переводе 5 армейского корпуса из Варшавского округа и т. д.".

Приводимые выдержки из донесений военного агента во Франции показывают, насколько в Париже нервничали по поводу возможного исхода этих переговоров.

Рапорт военного агента во Франции 21 июля 1911 г., № 267:

«В здешних, не только дипломатических и политических сферах, но и в общественных, проявляется нервность и беспокойство, в связи с идущими теперь в Берлине переговорами...

Возможна мобилизация или оставление старослужащих под знаменами после окончания ими срока действительной службы».

Его же рапорт 4 августа 1911 г., № 269:

«За последние два-три дня с новой силой возобновились тревожные статьи в газетах, разговоры и слухи о возможности серьезных осложнений с Германией, в связи с дипломатическими переговорами в Берлине. Здесь сильно нервничают и волнуются».

6 августа сам посол в Париже, Извольский, доносит министру иностранных дел шифрованной телеграммой № 100 об отмене больших маневров, чтобы не отвлекать войск от границы, и о возможности оставления под знаменами старослужащих, подлежащих увольнению в запас.

Что же сделала Россия, чтобы помочь в эту трудную минуту своей союзнице?

12 августа созывается секретное совещание у председателя совета министров с участием начальника генерального штаба (повестка № 4431 от 10 августа 1911 г., «по Марокскому вопросу, причем, главным образом, будут обсуждаться наши обязательства по отношению к Франции»),—так гласит приглашение на совещание, посланное начальнику генерального штаба.

Протокола совещания нам, к сожалению, найти не удалось. Но несомненно, что его решения были достаточно тверды и категоричны и немедленно стали известны кому следует, так как уже 18-го августа во французских газетах появилось официальное сообщение, в котором, между прочим, говорится:

„Notre situation est bonne en Europe. Nous pouvons compter sur le complet appui de la Russie, qui, fidèle et loyale alliée, n'a cessé de nous soutenir avec l'energie nécessaire“[7]).

---

[7]) „Наше положение в Европе отлично. Мы можем рассчитывать на полную поддержку России, которая, верная и лойяльная союзница, не переставала нас поддерживать с необходимой энергией“ (рапорт военного агента во Франции, № 275).

После этого общественное мнение установилось, маневры состоялись (на них даже присутствовал один из великих князей), и резервисты были своевременно распущены по домам. Марокский инцидент ясно показал, что Россия по праву могла называться «alliée fidèle et loyale» в отношении Франции.

Могла ли Франция с тем же правом получить этот титул в отношении России — мы увидим ниже, когда коснемся вопроса о поведении нашей союзницы в период Японской войны и непосредственно ей предшествовавший.

Интересно отметить, что, не ограничиваясь непосредственною подготовкою к войне, Россия своими военными агентами обслуживала Францию и в области военной разведки.

Работа русской разведки в пользу Франции.

Краеугольным вопросом, интересовавшим французский генеральный штаб, был вопрос о позиции, какую займут в случае европейской войны нейтральные державы — Бельгия, Голландия и Швейцария.

Нашим военным агентам было поручено освещение этого вопроса, что ими было выполнено чрезвычайно тщательно.

Агентурные сведения, малейший намек в разговорах, приобретение документов,—все это отмечалось в донесениях, если имело какую бы то ни было ценность для нас или для французов — безразлично.

Сами по себе вооруженные силы малых нейтральных держав представляли мало интереса, но возможность использования территории являлась вопросом первостепенной важности. На эту сторону и обратил свое внимание наш военный агент в Бельгии.

Его рапорт 25 мая 1910 г., № 107:

«Германское правительство уже предупредило бельгийское о том, что, в случае необходимости, германские войска пройдут через Бельгию, и при условии беспрепятственного со стороны последней пропуска этих войск, ей будет гарантирована независимость».

№ 206 его же от 7 декабря 1910 г.:

«По имеющимся у меня сведениям, Германия предприняла ряд мероприятий с целью увеличения скорости мобилизации и сосредоточения армии, предназначенной, в случае франко-германской войны, для наступления через Бельгию, и что эта армия может начать свои действия уже на 7-й день по об'явлении войны». Далее дается подробное расписание по дням сосредоточения.

Наш военный агент в Бельгии дает в рапорте 1910 г., № 178, общий обзор бельгийских железных дорог, их мобилизацию и порядок сосредоточения.

На этом рапорте характерная резолюция кого-то из наших военных сановников: «для чего это нам», но дальше штаб раз'ясняет, что это нужно для французов.

В рапорте 1910 г., № 43, тот же военный агент доносит о постройке Германией военных платформ, железных дорог и мостов у бельгийской границы. В № 60 он дает сведения о работе завода Круппа. Между тем всем известно, сколь трудно добываются такие сведения.

Последующие события доказали, как верны были сведения нашего военного агента в Бельгии, а, следовательно, какую они должны были иметь ценность для французского генерального штаба.

Возможная позиция Голландии также внимательно изучается. Упоминается о существовании переписки Вильгельма с нидерландской королевой, где говорится, что если Голландия не укрепит своих портов, то немцы, дабы гарантировать себя от возможного занятия их англичанами, будут вынуждены занять их сами.

Русские же ведут и слежку за разведывательной работой германцев, направленной против французов.

Не может быть ни малейших сомнений в том, что Россия выполняла для Франции свои обязательства, по договору, самым искренним и бескорыстным образом. Но вот теперь, посмотрим, как выполняла свои обязательства другая сторона и что сделала для нас Франция.

Русско-Японская война.

Возьмем самый трудный для нас момент, период Японской войны. Казалось бы, что тут-то и должна выявиться вся ценность для нас военной конвенции и поддержки союзницы, если не вооруженной силой, то хотя бы строгим нейтралитетом в отношении нашего врага. Но беспристрастные документы говорят другое.

Несмотря на союз, на военную конвенцию и на общую с нами военную подготовку к войне, Франция еще перестраховывается, заигрывая с Японией.

16 сентября 1900 г. основывается франко-японское общество. Бюллетени общества не подлежат оглашению. В состав его входят принцы, министры обоих государств, общественные и государственные деятели, публицисты, а также Кане, Шнейдер, Крезо (французские Круппы) и, между прочим, известные своей вредной для России деятельностью японские офицеры Акаси и Мачида, чрезвычайно умело и успешно заведывавшие шпионством в России (рапорт военного агента № 23, от 9 февраля 1908 г.).

О деятельности того же общества доносит и военный агент в Лондоне 1908 г., № 32, от 5 марта. Но этого мало. Главное управление генерального штаба поручает военным агентам в Париже, Лондоне и Брюсселе следить за работой общества, и тут оказывается, что Япония, готовясь к войне с Россией, делает крупные военные заказы не только в Англии, Германии (это ни для кого не секрет), но и у нашей верной союзницы—Франции.

Наибольшее количество заказов падает на 1902, 1903, 1904 и 1905 годы, т.-е. как раз на период интенсивной подготовки к войне и самой войны. Данные о снабжении японцев подтверждаются рапортами военных агентов в Париже, №№ 17, 96; в Брюсселе, №№ 101. 148, 190, 329; в Лондоне, №№ 83, 99 и 152, 1908 г.

Сведения поверялись через военного агента в Японии, который и подтвердил рапортом № 448 от 1911 г., добавляя, что сверх перечисленного, у Крезо заказано 120 полевых орудий.

Главное управление генерального штаба (26 июля 1908 г., № 691—1324) дает общую сводку заказов Японии за эти годы, делая выноску: «сведения выписаны из заводских книг». Вот главнейшие данные о предметах военного снаряжения, отправленных из Франции:

58 скорострельных береговых орудий с лафетами, 9 и 12 сантиметров.

110 горных орудий 75 *мм*, с лафетами.

440 передков и зарядных ящиков.

264 ствола полевых орудий 75 *мм* и, что интереснее всего, «были выполнены и отправлены в течение Русско-Японской войны из Гавра, Антверпена и Марселя (для затруднения наблюдения):

4 береговых орудия 27 *см* на скрывающихся лафетах.

500 орудий 75 *мм*

2360 запасных частей к 75 *мм* орудиям.

19 береговых орудий 12 и 9 *см*.

Все с полным боевым комплектом, и, кроме того, разного военного снаряжения на 7.600.000 франков золотом (рапорт военного агента, № 17, от 20 марта 1908 г.).

В последующие за войной годы, когда Япония отнюдь еще не могла считаться нашим будущим союзником, а скорее числилась возможным противником, ее военные заказы во Франции продолжались.

А мы в это время свято выполняли лежавшие на нас по договору обязательства: строили стратегические железные дороги, увели-

чивали армию, ведя ее дислокацию сообразно с интересами Франции, вели для ее нужд разведку во всех странах и проч.

Чего стоила нам оказанная Францией военная помощь Японии в 1904—1905 г.г., подсчитать трудно. Судя по датам документов, вся эта интересная комбинация обнаружилась только в 1908 году, когда наш генеральный штаб опять заинтересовался Японией, стал следить за ее вооружениями и военными заказами, и это наблюдение, совершенно неожиданно, привело его к более ранним годам...

Несмотря на это, во время марокского конфликта мы, как ни в чем не бывало, твердо стали на сторону своей союзницы и опять заслужили от нее «лестный» титул «союзницы верной и лойяльной» (Alliée fidèle et loyale).

Заключение.

Приведенных данных совершенно достаточно для того, чтобы с несомненностью установить, что со времени заключения союза до начала войны 1914 года Россия полностью выполняла взятые на себя обязательства.

Она приняла план стратегического развертывания, преследующий исключительно цель облегчения положения Франции в первый период войны, для чего строила стратегические железные дороги и проводила соответствующую дислокацию армии.

Она вела разведку для нужд французского генерального штаба. В момент марокского инцидента, грозившего вооруженным столкновением между Францией и Германией, твердое вмешательство России избавило ее от этой угрозы. Наоборот, Франция, в период Японской войны, снабжала Японию оружием.

Этими главнейшими моментами характеризуются взаимоотношения обоих государств в довоенный период.

Начало войны 1914 г. дало пишущему эти строки случай лично убедиться, что обязательство военной конвенции оказать Франции помощь в первые же дни войны (á temps et non [aprés coup) фактически было нами выполнено.

В первых числах августа 1914 г., тогдашний верховный главнокомандующий, Николай Николаевич, пригласил находившихся при ставке военных представителей Франции, Англии и Сербии (других союзников в то время еще не было), и поручил мне, как ведавшему сношениями с иностранными представителями, отвезти их в Восточную Пруссию, границу которой мы только что перешли на участке Млава—Остроленка.

При этом он сказал:

«Несмотря на необходимость сосредоточения всех сил на Львов-

ском направлении и на Сане, где уже обозначился успех, который надо всемерно развивать, я усиливаю войска северо-западного фронта и приказываю им вести энергичное наступление в Восточной Пруссии для облегчения положения нашей союзницы Франции. Поезжайте туда, лично убедитесь, что нами сделано, и донесите о том своим правительствам».

Заявление это французским генералом Лагиш в тот же день было передано шифрованной телеграммой во французскую главную квартиру.

Бесспорным является факт, что этой операцией, произведенной в ущерб нашему плану и ухудшившей наше положение, оказавшей отрицательное влияние на все дальнейшее ведение войны на нашем фронте, мы спасли положение французов.

В заключение сам собой напрашивается вопрос: кто же у кого в долгу? И если по банковским бухгалтерским книгам, кои точно учитывали деньги, Россия действительно должна Франции несколько миллиардов рублей, то по неоспоримым историческим документам, не менее точно отражающим исторические события, Франция должна России нечто гораздо более ценное: *Россия дала Франции возможность достигнуть окончательной победы и разгромить Германию.*

В. ЕГОРЬЕВ и Е. ШВЕДЕ

ВОЕННО-МОРСКАЯ КОНВЕНЦИЯ 1912 г. И ПОСЛЕДУЮЩИЕ СНОШЕНИЯ ПО МОРСКИМ ВОПРОСАМ С ФРАНЦИЕЙ В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Военно-морекая конвенция 1912 г. — Первое совещание начальников морских генеральных штабов в июне 1912 г.—Второе их совещание в мае 1913 г.— Третье их совещание в июне 1914 г. — Сношения по военно-морским вопросам в течение Мировой войны.

Военно-морская конвенция 1912 г. Политическая и экономическая обстановка последней четверти прошлого столетия повела Францию к необходимости сближения с Россией, и в результате этого между обеими упомянутыми державами в 1892—1893 году было заключено военное соглашение (см. выше статью А. Зайончковского).

Однако, ни в тексте этой военной конвенции, ни на последующих совещаниях начальников штабов, ни разу не упоминалось о предстоящей совместной боевой деятельности обоих союзных флотов и даже не предусматривалась одновременная их мобилизация, согласованная с мобилизацией союзных армий. Такое пренебрежение к урегулированию морской политики Двойственного Союза можно об'яснить довольно поздним, сравнительно, учреждением морских генеральных штабов: во Франции морской генеральный штаб был сформирован в 1902 г., а в России в 1908 г.

Как только вся подготовка к морской войне сосредоточилась в руках одного определенного учреждения — морского генерального штаба — тотчас же определилась необходимость в координации морских стратегических мероприятий Франции и России. Франция, сосредоточившая весь свой флот на Средиземноморском театре, могла существенно облегчить задачу по сохранению господства на Черном море за русским флотом путем воспрепятствования прорыву через проливы австро-итальянских морских сил; таким образом, достигалось бы обеспечение левого фланга русской армии, что в свою очередь улучшало бы общую стратегическую обстановку на сухопутных театрах союзников. Эти соображения являлись руководящими с русской стороны, при подготовке почвы для будущего морского соглашения. Французское морское командование, в лице своего генштаба, также неоднократно намекало на необходимость совместной работы обоих штабов, но не брало на себя инициативы ведения соответствующих переговоров. Фактическим инициатором военно-морской конвенции явился русский военно-морской агент в Париже, капитан 1 ранга Карцов, выяснивший предварительно, что французский морской министр Делькассэ и начальник морского генерального штаба вице-адмирал Обер (Aubert)

сами сознают необходимость сближения обоих генморов (морских генеральных штабов), и заручившийся согласием русского посла Извольского на принятие предварительных шагов в начале 1911 г. Донесения капитана Карцова первоначально не встретили одобрения русского морского генерального штаба, и лишь после вступления в должность начальника генмора вице-адмирала Ливена стало возможным приступить к оформлению соглашения, и русскому военно-морскому агенту было поручено начать переговоры. Цель переговоров состояла в установлении полной связи между обоими генморами, при чем русский морской министр предлагал организовать эту связь на началах полного взаимного доверия и откровенности. Французский морской министр принял последнее предложение и приказал своему генмору, не теряя времени, еще до официального заключения соглашения, совместно с русским военно-морским агентом в Париже, выработать схему организации непрерывных сношений генморов. Таким образом, уже с начала 1912 года французский генмор приступил к ознакомлению русского агента с различными секретными документами, при чем единственным условием, поставленным французским морским министром, являлось сохранение полнейшей секретности установившихся сношений, пока они не будут оформлены соглашением.

Первое совещание начальников морских штабов в июне 1912 г.[1]

Все предварительные переговоры были заключены к началу июня 1912 г., а 18 июня/1 июля в Париж прибыл начальник морского генерального штаба вице-адм. Ливен. 19 июня/2 июля состоялось первое совещание Ливена и Обера. Цель своей поездки адм. Ливен формулирует следующим образом[2]): «Обсуждение некоторых стратегических вопросов и выяснение возможности вступить в постоянные сношения с французским морским генеральным штабом». На совещании выяснились затруднения по выполнении намеченной цели, вследствие отсутствия «формальной почвы и уполномочий для передачи друг другу секретных документов». После длительных обсуждений совещавшиеся пришли к заключению, что самый удобный и правильный путь —распространение на флот военной конвенции 1892 г., или, вернее, заключение подобной же военно-морской конвенции, в дополнение к военно-сухопутной.

Французское министерство иностранных дел составило соответствующий проект, принятый и подписанный обоими нагенморами

---

[1]) Дело арх.Морискома (Морск. Истор. Ком.) № 117 и № 4239.

[2]) Собственноручная весьма секретная справка в.-адм. Ливена. Дело № 4239.

(начальники морских генеральных штабов), а впоследствии ратифицированный подписями морских министров Григоровича и Делькассэ и министрами Сазоновым и Пуанкарэ. Принятый проект морского соглашения гласит следующее:

Проект морского соглашения. 1. Морские силы Франции и России содействуют друг другу во всех случаях, в которых соглашением предусматриваются и предуказываются совместные действия сухопутных войск.

2. Совместные действия морских сил должны быть подготовлены еще в мирное время. Для этой цели командующие тем и другим флотом должны сейчас же непосредственно вступать в сношения, обмениваться всеми сведениями, изучать все предполагаемые возможности войны и согласовать свои стратегические соображения.

3. Начальники штабов того и другого флотов должны лично совещаться друг с другом не менее одного раза в год; они должны будут вести протоколы своих совещаний.

4. Настоящее соглашение в отношении срока, на который оно заключается, его действительности и секретности приравнивается к военному соглашению от 17 августа 1892 года и к последующим соглашениям.

Париж, 16 июля 1912 г.

Начальник французского морского генерального штаба *С. Обср.*
Начальник русского морского генерального штаба князь *А. Ливен.*
Морской министр *Делькассэ.*
Морской министр *И. Григорович.*

Согласно последнему пункту конвенции, срок ее действия распространялся на весь период существования Тройственного Союза.

Не дожидаясь окончательного утверждения проекта соглашения, нагенморы приступили к выполнению его третьего пункта, т.-е. к обмену мнениями. Предварительно было установлено, что выработанные на совещании соображения «не обязывают ни к чему правительства обеих стран».

Рассмотрены были следующие вопросы [3]):

1) Обеспечение черноморского флота от вторжения австро-итальянского флота в случае войны Тройственного Союза против Тройственного Согласия (Россия, Франция, Англия). Здесь допускались два варианта: а) Россия не посылает на Средиземноморский

[3]) Секретный протокол „Первый обмен стратегическими взглядами между нач. русского и французского генморов" д. № 4239.

театр подкреплений из Балтики и б) эскадра Балтийского моря переводится в Средиземное море. Необходимость помешать прорыву австро-итальянских морских сил через проливы влекла за собой изменение в развертывании французского флота, которому в таком случае предстояло сосредоточиться не в Тулоне, а ближе к восточной части Средиземного моря — в Бизерте. Французский генмор вполне согласился с такой постановкой вопроса [4]). В случае, если бы австро-итальянскому флоту все же удалось пройти в проливы — французский флот должен следовать за ним. Вариант «б» встретил некоторые затруднения со стороны французов, так как Бизерта не имела достаточного оборудования для базирования двух флотов, и, кроме того, в ней отсутствовал запас нефти, необходимой для русских судов; французский генмор, однако, согласился заняться разработкой этого варианта.

2) Полная невозможность участия французского флота в боевых действиях на северном театре. Этот театр предоставлен англичанам.

3) Радиосвязь. Решено усовершенствовать радиостанции Севастополя и Бизерты.

4) Вероятные операции на Севере. По желанию русского сухопутного генерального штаба адм. Ливен ставит вопрос о возможности производства демонстрации французского флота на побережье Швеции, чтобы отвлечь сухопутные силы Швеции от финляндской границы, освободив тем самым русские части, необходимые на восточном фронте. Выяснилась полная невозможность подобной операции вследствие сосредоточения главных сил французского флота в Средиземном море.

5) Дальневосточный театр. Здесь морские силы обоих союзников настолько незначительны и удалены друг от друга, что исключается всякая возможность совместных действий.

6) Обмен взглядов о переустройстве Балтийского флота.

7) В виде резюме, роли отдельных флотов по обеспечению господства на морях распределились так:

В Средиземном море — Франция.

В Северном море — Англия.

В Балтийском море — Россия.

В Черном море — Россия (только против одной Турции).

---

[4]) В действительности перенос базирования на Бизерту диктовался переносом базирования итальянского флота на Таренто, значительно удаленного от Тулона, так что никакой „жертвы“ этим не приносилось России.

В ряде последующих совещаний было выработано секретное согласие об обмене сведениями между русскими и французскими флотами, обеспечивающее сохранение возможной секретности; сведения о своих флотах предполагалось посылать по мере необходимости, руководствуясь особыми правилами; сведения о флоте вероятных противников — ежемесячно.

Тотчас же по от'езде из Парижа адм. Ливена было приступлено к выработке особого краткого шифра для переговоров обоих нагенморов.

С сентября 1912 г. началась правильная передача французским морским генеральным штабом сведений об иностранных флотах и ответы на запросы русского генмора. В области радиосвязи вскоре удалось достичь значительных улучшений: Россия приступила к усилению свеаборгской и севастопольской радиостанций, а оборудование в Бизерте второй радиостанции (по образцу севастопольской) предположено было закончить к августу 1913 г. В октябре 1912 г. французский генмор, при участии русского военно-морского агента, выработал секретный свод сигналов для сношений союзных флотов между собою.

Для выполнения первого пункта протокола совещания, в связи с усилением австрийского флота, французский морской министр составил проект изменения сроков закладки новых кораблей, о чем известил русского морского агента; в то же время принимались меры к оборудованию Бизерты для сосредоточения в ней главных сил средиземноморского флота, и к концу 1913 г. особым декретом Бизерта была об'явлена главной операционной базой французских морских сил в Средиземном море.

Военно-морская конвенция, заключенная между Россией и Францией, не имела такой большой стратегической важности, как военно-сухопутная конвенция, и не налагала никаких существенных обязательств ни на одну из договорившихся сторон.

Действительно, стратегические соображения, высказанные на первом совещании нагенморов (к тому же еще и «не обязывающие ни к чему обе стороны»), не пред'явили к России никаких обязательств, кроме поддержания господства на Балтийском и Черном морях, что и так составляло основную задачу русских морских сил; французский флот, обязанный препятствовать прорыву австроитальянских сил в проливы, брал на себя более серьезное обязательство, но и здесь оно не расходилось с его собственными основными задачами. Принятие секретных сигнальных сводов являлось превхо-

дящим обстоятельством, так как совместные действия обоих флотов можно было считать более, чем проблематичными; таким образом, единственным существенным результатом подписанной конвенции и первого совещания было решение обмениваться сведениями как о своих флотах, так и полученными агентурным путем сведениями о флотах вероятных противников.

Второе совещание русского и французского нагенморов в мае 1913 г. [5]

Для участия во втором совещании, вновь назначенный начальник французского морского генерального штаба в.-адм. Ле-Брис прибыл в мае 1913 г. в Петербург.

В ряде состоявшихся переговоров были подтверждены положения, изложенные в протоколе совещания 1912 г., а в дополнение к ним второе совещание пришло к выводу о необходимости установления совместной разведочной службы, имеющей целью насколько возможно полное выяснение передвижений, вступления и выхода из строя военных судов Тройственного Союза, в особенности же австрийского флота — в Средиземном море и германского — в Балтийском, и постановило немедленно приступить к изучению наилучших способов такой совместной разведочной службы, а также способов непосредственной и срочной передачи добытых сведений обоим штабам.

Из числа пожеланий, высказанных совещанием, отметим следующие: 1) возможна такая обстановка, при которой окажется необходимым проход черноморского флота через проливы; желательно, чтобы оба генштаба изучили вопрос, каким образом французский флот должен комбинировать свои действия с русским черноморским флотом для облегчения такого сосредоточения союзных морских сил в Средиземном море; 2) желательна организация мощной радиостанции в водах Балтийского моря. Протокол второго совещания нагенморов был подписан 18/31 мая 1913 г.

Согласно условиям военно-морской конвенции, адмиралу Ле-Брис было показано все, что могло интересовать Францию, Русскому генмору удалось получить согласие адмирала Ле-Бриса на командование двух офицеров на французских подводных лодках

В связи со вторым совещанием нагенморов стоят совещания по делам секретного свода сигналов для сношений союзных флотов между собою. Проект этого свода был доставлен в Петербург одновременно с приездом адм. Ле-Бриса, а для окончательной его обра-

[5] Дела арх. Морискома, № 117 и 4239.

ботки состоялась посылка одного из офицеров русского генмора в Париж; в августе 1913 г. французский генмор обратил вообще чрезвычайно серьезное внимание на все вопросы, связанные с морской конвенцией, и для ведения всех дел по ним была образована особая должность «секретаря морской конвенции», при чем для обеспечения полной секретности многие сведения нигде не записывались, а передавались устно.

Третье совещание нагенморов в июне 1914 г. [6]

В третьем совещании приняли участие новые лица — вновь назначенные нагенморы, вице-адмиралы Русин и Пивэ.

Прием в.-адм. Русина носил особенно официальный характер, при чем выяснились некоторые детали отношений главы французской республики к воссозданию русского флота. Адм. Русин имел случай дважды беседовать с президентом Пуанкарэ. Пуанкарэ в обоих случаях проявил крайний интерес к срокам готовности и элементам новых русских судов; тон его вопросов отличался требовательностью: он спрашивал, как начальник своего подчиненного, и не раз высказывал неудовольствие по поводу медленного, по его мнению, хода постройки линейных кораблей типа «Севастополь»: президент остановился, между прочим, на вопросе о постройке быстроходных черноморских крейсеров и подчеркнул, что Германия уже имеет подобные крейсера в Средиземном море, которые, несомненно, там и оставит в случае войны; во время этих бесед президент выказал большую осведомленность в морских вопросах.

Происходившие затем совещания имели двоякий характер: 1) совещание нагенморов по особо секретным делам и 2) совещание по вопросам, вошедшим в протокол, подписанный нагенморами.

Кроме того, состоялось совещание в.-адм. Русина с начальником высшей морской школы по вопросам организации и методов преподавания в высшей морской школе.

Запротоколированные совещания касались некоторых изменений в существующих сигнальных кодах для связи между союзными флотами, организации сношений по радиотелеграфу и особого делопроизводства генмора. Главнейшая работа совещания вылилась в новую конвенцию, регулирующую обмен сведениями между обоими генморами, взамен подписанной в 1912 году адмиралами Ливеном и Обером, и в дополнительное соглашение от 23 июня 1914 г. Новая конвенция предусматривала следующий порядок взаимного обмена

---

[6]) Дело арх. Морискома № 117.

сведениями: особо секретные сведения направляются в запечатанных конвертах в собственные руки нагенморов, менее секретные — передаются через военно-морских агентов; сведения об иностранных флотах сообщаются возможно скорее. Дополнительное соглашение состояло из двух пунктов: первый из них предусматривал взаимное обязательство разрешения командировок офицеров для плавания на судах обоих союзных флотов; второй пункт устанавливал взаимное право пользования базами союзника в случае войны.

На основании второго пункта была составлена подробная инструкция для входа русских судов во французские порта в военное время (архив Морск. Ист. Ком.).

После окончания работ совещания участники его предприняли плавание на судах средиземноморского флота, участвовали в маневрах и боевых стрельбах и имели возможность ознакомиться с секретными приборами, методами стрельбы, боевой организацией французского флота и т. п.

Как видно из донесений русского военно-морского агента в Париже за 1913 г., французский генмор в мирное время выполнял обязательства, возложенные на него конвенцией, довольно добросовестно. Но с началом Мировой войны положение меняется.

Сношения по военно-морским вопросам в течение Мировой войны 1914—1918 г.г.

Франция продолжала стоять на основе пунктов военно-морской конвенции 1912 г., предусматривавших взаимное содействие морских сил обоих союзников, и придерживалась по отношению к русскому флоту тех требований, которые вытекали из стратегических соображений, выработанных на ежегодных совещаниях нагенморов; в то же время большинство просьб со стороны России отклонялось под благовидными предлогами или выполнялись, но с указанием на сложность и затруднительность просимого содействия.

Правильность высказанных соображений можно проследить на целом ряде конкретных примеров. Самые сношения в течение Мировой войны заключались в ежедневной совместной работе французского военно-морского агента с начальником статистической части русского генмора, в обмене сведениями в сношениях через посредство нашего военно-морского агента в Париже по более важным вопросам. Нет возможности привести в кратком очерке перечень всех сношений по военно-морским вопросам, громадное большинство которых касалось чисто технического снабжения; ограничимся здесь перечислением лишь наиболее существенных обра-

щений французского генмора к русскому и, наоборот, с указанием результатов этих сношений.

В первый период Мировой войны, когда в военных действиях участвовал лишь балтийский флот, естественно, что сношений по важным оперативным вопросам не было вовсе, и только сообщались друг другу сведения о противнике. Второй период, когда в число воюющих держав вступила Турция, начался со стороны Франции первым нарушением стратегических пожеланий совещаний, а, именно, — пропуском германских крейсеров «Гебена» и «Бреслау» в Константинополь (см. ниже статью Шталя).

С момента начала военных действий на черноморском театре замечается оживление сношений Франции и России по морским вопросам, выразившееся, главным образом, в давлении на оперативную свободу черноморского флота. Так, вскоре после начала дарданелльской операции, 16 февраля 1915 года, русский посол в Париже, Извольский, сообщая о действиях союзников, подчеркивает, что французский морской министр Делькассэ высказал твердую надежду на «соответствующие действия флота и войск», подчиненных командующему черноморским флотом [7]). Дальнейшие действия черноморского флота, имевшего базу в большом расстоянии от Босфора и потому не бывшего в состоянии постоянно поддерживать блокаду и предпринимать длительные операции, подобно дарданелльской операции союзников, вызвали постоянные нарекания со стороны французского морского командования, передававшиеся русским высшим командованием—командующему черноморским флотом и вызывавшие известную нервность на местах, ярко проявившуюся в оценке советов союзного командования адмиралом Эбергардом [8]). Французское командование неоднократно обращалось к ставке главкома с требованием, чтобы черноморский флот поддерживал своими операциями операции союзников у Дарданелл. Так, например, когда союзный флот предполагал произвести бомбардировку Дедеагача, французское правительство настояло на бомбардировании Варны и Бургаса черноморским флотом [9]), для подтверждения солидарности всех союзников в действиях против Болгарии. Настаивая на бомбардировке известных пунктов, французское правительство в то же время стесняло свободу выбора цели для обстрела, стремясь охранить от стрель-

---

7) Дело арх. Морискома № 768, стр. 26.
8) „ „ „ № 787, стр. 61.
9) „ „ „ № 4374, стр. 4-11.

бы сооружения, в которых был заинтересован французский капитал: угольные копи в Зунгулдаке, водопровод в Константинополе, здание католического духовного училища—в Варне [10]). Пример неохотного выполнения взятых на себя обязанностей мы усматриваем в ответе французского морского штаба на просьбу русского командования усилить наблюдение за австрийским флотом, вызванную сообщением агентуры о предстоящем прорыве австрийского флота из Адриатического моря, в феврале 1915 г.; французское адмиралтейство ответило, что флот принял особенные меры, которыми он тяготится и которые желательно ослабить, как только к тому представится возможность [11]).

В июне 1916 года, в связи с посылкою в Балтийское море английских подводных лодок, возник вопрос о такой же переброске на Балтийский морской театр нескольких французских подлодок [12]): для выяснения отношения французского правительства к подобной просьбе русскому военно-морскому агенту было предложено войти в предварительные сношения с французским морским министерством.

Проект этот встретил резкое противодействие со стороны французского морского министра. По последнему вопросу можно предвидеть возражение в том смысле, что ни конвенции, ни протоколы совещаний не предусматривали обязательного участия французских судов в операциях на Балтийском морском театре; но в указанных документах так же ничего не упоминалось об обязательном присоединении к французскому флоту в Средиземном море каких-либо русских судов, а между тем французское правительство не раз высказывало недовольство по поводу отсутствия русских судов в составе флота, блокирующего Дарданеллы; когда присоединившийся к этому флоту линейный корабль «Чесма» был отозван на северный морской театр,— французское правительство протестовало против такого отозвания [13]). Между прочим, когда для судов, купленных в Японии и предназначенных для операций на Севере и у Дарданелл, потребовались снаряды, то Франция отказалась принять на себя большую часть заказов [14]).

Основные пункты конвенции и последующих к ней дополнений заключали в себе обязательства обмена сведениями, для облегчения

---

[10]) Дело арх. Морискома № 786, стр. 61.
[11]) » » » № 768, стр. 36.
[12]) » » » № 4383.
[13]) » » » № 4238, стр. 27 и 4542, стр. 12.
[14]) Дело арх. Морискома № 4568, стр. 42.

которого и предусматривались взаимные командировки русских и французских офицеров на суда флота. Казалось бы, что в этом вопросе, налаженном еще в мирное время, не должно было наблюдаться никаких трений и в военное время. Однако действительность показала иное. Французский капитан 1 ранга Дюмениль, присланный на русский флот, встретил самое внимательное отношение и был допущен к наиболее секретным делам; в то же время лейтенант Апрелев[15]), командированный русским генмором на французский средиземноморский флот, вначале вовсе не вовлекался в штабную работу и его поездка в Адриатическое море прошла совершенно бесцельно из-за скрытности французов. Лишь получив сведения об отношениях русского личного состава к кап. 1 р. Дюмениль, французское морское командование изменило свою тактику[16]).

Как уже указывалось, во время войны большинство сношений обоих генморов касалось вопросов снабжения и перевозок, т.-е. направления морскими путями в Россию различных военных грузов, а из России — войск на западный и салоникский фронты и продовольствия и сырья во Францию и Англию: пшеницы, сахара, спирта, льна и дерева. Союзники пользовались положением России, не бывшей в состоянии продолжать войны без подвоза военного снабжения извне.

---

[15]) Дело архива Морискома, № 4258, стр. 49 и 4542, стр. 12.

[16]) Лейтенант Апрелев сносился с представителями генмора не только служебными рапортами, но и полуофициальными письмами, допускавшими большую откровенность и искренность в оценке событий. В одном из этих писем (от 30/XII 1916 г., дело № 4542, стр. 12) приводится впечатление автора от посещения русских сухопутных офицеров в Салониках. Не имея прямого отношения к теме настоящего очерка, это описание представляет тем не менее выдающийся интерес, как свидетельство беспристрастного лица, не заинтересованного в том или ином уклоне изложения действительности. Со слов русских сухопутных офицеров Апрелев пишет, что „французы, посылая наши войска на убой, сами остаются в стороне и не желают нам помогать; если у них большие потери, то это всегда несчастные сенегальские негры, которых они так же мало жалеют, как и наших и сербов. В вопросах питания и снабжения наши войска терпят самые унизительные условия: винтовки, пулеметы, телефоны—все самого худшего качества, лом и старье. Постоянные случаи присылки гнилого мяса и грубые отказы, в случае претензии с указанием, что русские могут питаться и этим. Благодаря дурным телефонам и нежеланию французских артиллеристов высылать в пехотные цепи своих наблюдателей, были случаи расстрела французской артиллерией наших войск, с причинением им тяжелых потерь... и т. д

и пред'являли категорические требования по доставке им продовольствия, главным образом, пшеницы. Вопрос ставился весьма определенно: в случае отказа Россией представить известное количество пшеницы, союзники лишали ее тоннажа, доставлявшего ей военные грузы [17]).

Францию и Англию очень беспокоил вынужденный различными обстоятельствами простой тоннажа (задержка пароходов) в Архангельске, но в то же время французское правительство позволяло себе в своих портах задерживать без особой надобности и без того малочисленные русские пароходы.

Так, например, обстояло дело с пароходами «Тамбов» и «Ярославль», доставившими русские войска в Марсель и предназначенными к посылке в Америку. Путем длительных переговоров французское правительство добилось согласия России на предоставление ему этих пароходов для перевозки сербской армии с острова Корфу в Салоники. Переписка тянулась целый месяц, с 17 апреля по 18 мая 1916 г. [18]). Пароходы стояли, а когда было получено согласие России, то оказалось, что фактической надобности в пароходах не было, и лишь, чтобы не показать себя в невыгодном свете, французское командование все же задержало «Тамбов» на один рейс. Кроме того, французское правительство усиленными просьбами добилось получения во временное пользование еще целого ряда пароходов («Чихачев», Екатеринослав», «Одесса», «Кузьма Крючков» и др.).

При перевозке русских войск Франция допускала целый ряд упущений: пароходы были перегружены (например, «Гималайя», «Эрл Форвар» и др.); не оставалось места для лазарета; транспорты не снабжались условленною охраною, хотя им приходилось проходить в районах, угрожаемых неприятельскими подлодками; французские конвоиры встречали транспорты с войсками не у Норд Капа, а значительно ближе к французским портам.

Французская пресса оглашала во всеуслышание факты прибытия русских войск в Брест, благодаря чему последующие транспорты подвергались опасности быть атакованными германскими подводными лодками [19]).

Снабжение русской армии французскими и итальянскими ружьями требовало также многочисленных сношений между обоими

---

17) Дела арх. Морискома № 4385, стр. 61, № 4514, стр. 12, № 2519.
18) Дела арх. Морискома № 4505, стр. 21, № 4568, стр. 49.
19) Дела арх. Морискома №№ 2462, 2464, 4505.

генморами. В виду поздней доставки ружей, пароходы не смогли пройти в замерзший Архангельск, и ружья пришлось выгрузить на Мурмане и переправлять с большими трудностями на оленях и другими средствами через Финляндию в Россию [20]); доставленные же ружья оказались самых устаревших образцов.

Из вопросов, касающихся снабжения, упомянем дело о заказах для морского ведомства аэропланов. После вступления в войну Италии Франция, согласно конвенции, заключенной с последней, должна была предоставить ей 6 гидроаэропланов вместе с личным составом; на основании этого авиационные фирмы изготовляли в первую же очередь итальянские гидроаэропланы, вместо русских [21]). Весьма непредупредительное отношение проявляла Франция по отношению к выполнению заказов морского ведомства на взрывчатые вещества (в частности для мин).

После революции переписка между генморами осложняется целым рядом новых вопросов по отказам Францией в кредитах, по попыткам реквизировать русские грузы и т. п. [22]).

Октябрьская революция еще ухудшила отношение французского командования к экипажам русских судов, обслуживавших Францию, и потребовала защиты их от притеснений французских властей, угрожавших списанием на берег и посылкою в африканские колонии экипажам, несогласным продолжать службу на определенных условиях [23]).

Приведенными примерами сношений России и Франции, конечно, далеко не исчерпывается вся переписка по военно-морским вопросам между обоими союзниками за время мировой войны; но уже и эти примеры говорят за себя. Хотя эти примеры показывают, что большинство уклонений Франции от своих обязательств или неточное их выполнение не могло иметь серьезного влияния на ход военных событий, но они все-таки интересны, потому что лишний раз специфически характеризуют поведение Франции по отношению к России в военное время.

---

20) Дело арх. Морискома № 4358.
21) „ „ „ № 4384, стр. 6-8.
22) „ „ „ № 3162.
23) Дело Арх. Морискома № 4535, стр. 42.

С. ЛУКИРСКИЙ

АВТОРИТЕТНЫЕ СУЖДЕНИЯ В ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ВЛИЯНИИ ДЕЙСТВИЙ РУССКОЙ АРМИИ НА ХОД СОБЫТИЙ В МИРОВУЮ ВОЙНУ 1914—1918 г.г.

Труд С. Лукирского выполнен при
оструднистве А. Базаревского
и Н. Беляева.

Влияние действий русской армии на ход военных событий, в случае возникновения большой европейской войны, стало обсуждаться задолго до Мировой войны как нашими будущими союзниками, так и врагами.

Собирательным выражением этих суждений, и при этом весьма характерным, может послужить военно-литературный труд французской службы полковника Артура Буше — стратегическое исследование, под наименованием «Победоносная Франция в войне будущего», появившееся в печати за несколько лет до начала Мировой войны.

В этом труде Буше приводит суждение немцев о военной мощи Франции, сопоставляемой немцами с военной мощью Германии. При этом в Германии приходят к доказательным заключениям о несравненной слабости Франции в случае единоборства ее с Германией.

Такое суждение должно было, конечно, чрезвычайно подрывать моральные силы Франции. Поэтому видимою целью труда полковника Буше является попытка рассеять распространявшееся мнение и выдвинуть на видное место сильные стороны своей страны, в случае вооруженной борьбы ее с Германией, и тем утвердить надежды на успешный исход ее для Франции.

Видное место при этом получает упование на военную помощь русской армии, которая должна крупно умалить грозные, подавляющие силы Германии, долженствующие неминуемо обрушиться на Францию. Вот некоторые выдержки из труда п-ка Буше:

«(Введение. *Германия и Франция.*) Германия проводит сравнение между собою и Францией. Глядя на себя, немцы видят в Германии сильную монархию, население которой растет в геометрической пропорции. Различные слои его тесно связаны общей любовью к родине. Монарх пользуется почти неограниченною властью и составляет гордость своих подданных. Армия прекрасно организована и снабжена. Высшее командование обеспечено в мирное время так же, как и в военное. Все, начиная со старшего и кончая младшим, руковод-

ствуются одной и той же военной наукой «бессмертного Клаузевица», так успешно примененной знаменитым Мольтке.

«Глядя на французов, они видят во Франции сильно расстроенную республику, где некоторые партии, гордясь своим антипатриотизмом и антимилитаризмом, избрали своим девизом «война—войне». Видят нацию, остающуюся, приблизительно, на той же степени прироста населения, нацию, которую немцы превзошли количественно на 15 миллионов. Глава правительства не пользуется почти никакой настоящей властью и даже не распоряжается правами, предоставленными ему законом. Правительство, которое в общем почти ежегодно меняется, и поэтому неспособно к правильной последовательности в прогрессе, который оно старается провести в исполнение. В зависимости от обстоятельств оно старается то увеличивать, то уменьшать военную силу страны. Будучи стеснено в своих действиях теми лицами, которые привели его к власти, правительство это при разных назначениях обращает больше внимания на общественное мнение, нежели на достоинства назначаемых лиц. Контингент новобранцев таков, что приходится брать в войска людей, отвечающих требуемым условиям лишь на половину. Высший командный элемент находится лишь в периоде зачатка. Совещательные собрания расходятся во мнениях, когда дело касается защиты страны. В армии большое число офицеров считает карьеризм военной доблестью.

«Армия до сих пор ищет единства военной науки.

«Конечно, Германия ни одной минуты не сомневается, что если бы ей пришлось воевать с Францией, она раздавила бы ее в несколько дней так, чтобы лишить ее возможности когда-либо снова подняться.

«Повидимому, Германия считает себя в праве заставлять Францию исполнять свои требования и обращается с ней в мирное время, как с побежденной страной.

«Франция крайне миролюбивая страна, которая имеет возможности улаживать конфликты со своими соседями всеми способами, кроме решения их оружием.

«Но французы, во-первых, народ гордый, который всегда исполнит то, что ему прикажет его честь. Они никогда не допустят требований Германии, если требования эти будут носить мало-мальски оскорбительный характер. Они не уступят Германии без большого вознаграждения ни одной пяди земли своих колоний, которые они завоевали кровью своих сынов.

«Франция должна говорить громко и решительно, так как имеет на это полное право. Ее враг 1870 года ошибается, учитывая слабость французов. Это будет доказано в прилагаемом труде.

«Мы докажем, что если Франция сумеет стратегически воспользоваться теми средствами борьбы, которые она подготовила на границе, то даже, будучи поставлена в самое невыгодное положение, она все же будет иметь преимущество над своим противником. Морально, достаточно будет в период мобилизации принять энергичные меры, чтобы восстановить во французской армии ее прежнее значение, которое когда-то сделало французов первыми солдатами в мире.

«В нескольких словах мы дадим понять, что если мы будем атакованы, то мы убеждены в том, что останемся победителями (стр. 1—5)».

«Если бы завтра вспыхнула война, нас, конечно, поддержали бы наши две союзницы — Россия и Англия — с тем большей энергией, что они не сомневаются, что всякое поражение, нанесенное нам, было бы непоправимым поражением для них...

«Как велика будет поддержка, которую окажет нам Россия?

«Это фактор самой большой важности, который нам должен быть в точности известен, с одной стороны, чтобы встретить всякое разочарование, с другой, чтобы прочно основать свои надежды. Поэтому величайшим интересом для нас является знание плана войны России (стр. 6.)».

«Так как начало действий России будет довольно позднее, то спрашивается: не могло ли бы это государство с первых дней действовать частью войск таким образом, чтобы заставить Германию удержать на русской границе несколько корпусов, которые, вследствие этого, не попали бы на западную границу Лотарингии (стр. 21)?»

Обсуждая вопрос немедленного вторжения передовых русских корпусов на территорию Германии до окончания сосредоточения всех сил, Буше заключает:

«Надо сознаться, что если такие действия России и давали бы Франции некоторые преимущества, то взамен этого они имели бы громадное неудобство, именно — было бы гораздо труднее довести до комплекта части, предназначенные для вторжения в пределы Пруссии. В виду этого и первоначальные действия могли бы быть не совсем

удачны. Россия, думая, конечно, прежде всего о собственной защите, отказалась бы от такого рода действий... (стр. 23)».

Придя к заключению, что немцы вероятнее всего обратятся большей частью своих сил против Франции, Буше вместе с тем высказывает уверенность в том, что «с двадцатого дня немцы должны будут отзывать все большую и большую часть корпусов с лотарингского театра для того, чтобы, перебросив их на свою границу с Польшею, остановить вторжение массовых русских армий. Для немцев будет очень важно... достигнуть решительного результата до 20 дня».

«В начале войны Россия ничем не может нам помочь... (стр. 57)».

Следует обратить внимание на то, что при естественном самом горячем желании автора этого труда найти возможность для союзной России скорого вступления ее корпусов в борьбу с Германией, Буше должен был притти к выводу, что это оказалось бы для русской армии чрезмерным шагом, грозящим последующими неудачами.

И вот этот-то именно шаг русская армия сделала в действительности и при этом исключительно ради самоотверженной скорейшей помощи Франции, что и будет нами раскрыто ниже.

Нам кажется, что наиболее верной оценкой влияния действий русской армии на ход событий в мировую войну может быть та оценка, которая делается ныне нашим бывшим противником в лице его авторитетнейших вождей. Ее мы и полагаем в основу приводимого ниже военно-литературного материала, пополняя его попутно выдержками из других заграничных военно-научных исследований поставленного вопроса. Однако, воспринимая все нижеприводимые суждения, надобно иметь в виду ошибочно вкоренившееся в сознание германцев некое надменное отношение к русской армии и недооценку ее истинных достоинств.

Да и у самих цитируемых нами немецких авторов, рядом с подобною недооценкою, приводятся сведения о крупных военных достижениях русской армии и делается признание той тяжелой непрестанной озабоченности боевой работою русской армии, которую проявляло германское военное командование в течение всей войны.

В суждениях французских авторов надобно учитывать их склонность умалить, замолчать значение русской армии и тем приумножить победные лавры армии французской.

Приводя ниже суждения о значении действий русской армии в Мировую войну, мы приурочиваем их к хронологическому ходу

событий и преимущественно иллюстрируем влияние этих действий на ход событий на французском фронте.

Генерал Людендорф в своем фундаментальном труде под наименованием «Мои воспоминания о войне 1914—1918 годов», говоря о принятом решении германского верховного командования напасть с началом войны на Францию и обороняться пока против России, полагает, что «быстрая развязка в сторону Франции была необходима, чтобы иметь возможность своевременно отвратить большую опасность русского вторжения в сердце Германии. Наступление на Россию и оборона на Западе при существующей обстановке заранее означали бы, как это показали многочисленные военные игры, затяжную войну и были в виду этого забракованы генералом графом фон-Шлиффеном [1]) (том 1, стр. 25)...»

Таким образом, германская армия обратилась всею своею мощью против нашей союзницы Франции. Насколько велика была тяжесть этого молниеносного удара, насколько угрожающе для Франции вследствие этого сложились события с началом войны и как рядом с этим велика была боевая услуга русской армии, самоотверженно вторгнувшейся в Восточную Пруссию и Галицию, показывают свидетельства иностранных авторитетов, приводимые ниже.

Начальник второго бюро французского генерального штаба полковник Дюпон в своем труде, под наименованием «Высшее германское командование», вышедшем в печати с предисловием генералиссимуса Жоффра, говорит нижеследующее:

«13 августа 1914 года, вопреки всем нашим ожиданиям, великий князь Николай Николаевич сообщает, что «Виленская и Нарвская армии перейдут в наступление на рассвете следующего дня».

«Действительно, 14 августа они трогаются по направлению к Восточной Пруссии».

В Восточной Пруссии Германия оставила VIII армию в составе: 1, 17, 20 и 1-го резервного корпусов, 3-ю резервную дивизию и одну кавалерийскую бригаду.

«Командующий этими силами генерал фон-Притвиц смущен; он предполагает очистить всю Восточную Пруссию и отойти на Вислу от Торна до Данцига...».

«...25 августа, вечером, следуют два корпуса, снятые с французского фронта: гвардейский резервный, взятый из армии фон-Бюлова, и 11-й армейский корпус из армии фон-Гаузена; эти корпуса сопровождаются 8-й кавалерийской дивизией.

---

[1]) Начальник германского генерального штаба с 1891 по 1905 г.

«Эти силы прибудут после сражения под Таппенбергом; подобно корпусу Друэ д. Эрлон в сражении при Линьи, они в современном соответственно масштабе прошатались бесполезно от одного поля сражения к другому. Возможно, что это и было нашим спасением. Предположите, что гвардейский резервный корпус был бы 7 сентября на своем месте, между армиями фон-Бюлова и фон-Клука, 11-й корпус и саксонская кавалерийская дивизия 9 сентября были бы в армии Гаузена и Ля-Фер-Шампенуаз, какие могли бы быть последствия?»

«При виде этой ошибки германского генерального штаба в 1914 г. Мольтке старший должен был перевернуться в гробу».

«С первых дней русско-французского союза французский генеральный штаб приложил все усилия, чтобы убедить русских в необходимости быстрого вмешательства, прежде чем немцы сумели бы раздавить нас всеми своими силами».

«Никогда в течение всего этого долгого периода мы не встречали столько доброй воли и такого понимания обстановки, как накануне войны. В августе 1913 года генерал Жоффр, сопутствуемый главными офицерами генерального штаба, провел месяц в России с царем и великим князем. Он сумел их убедить. Они дали даже больше, чем обещали, несмотря на противодействия, о которых говорит г. Палеолог.

«Николай Николаевич имеет право на благодарность Франции (стр. 7—8)».

Положение французской армии в начале августа 1914 года под ударами германской армии было действительно критическое.

Русский военный агент в Париже доносил о нем в ставку русского верховного главнокомандующего телеграммою от 12 августа, за № 2152, в таких выражениях:

«...французские армии перейти в наступление в ближайшем уже едва ли смогут. Я ожидаю в самом лучшем случае медленного отступления... весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и от переброски на русский фронт германских корпусов... Потери с обеих сторон громадны, вследствие ожесточенного характера сражения... Во многих французских полках они достигают 50 проц. Дух англичан продолжает держаться надеждою на окончательный благоприятный исход и выручку с нашей стороны».

Французский генерал Манжен в своем труде «Как закончена война», вышедшем из печати в 1923 г., говорит следующее относительно вторжения первой русской армии ген. Ренненкампфа в пределы Восточной Пруссии 15 августа 1914 года, т.-е. непосредственно

перед первым сражением на р. Марне (стр. 44): «Германский план кампании заключался в очень быстрых операциях во Франции; затем, после поражения своего западного противника, — в наступлении против России. Он основывался на соображениях о медленности мобилизации и сосредоточения русской армии, которую приходилось везти издалека по территории, где железные дороги были недостаточны. Несмотря на эти трудности и вопреки всякому правдоподобию, русские армии вступили в Восточную Пруссию 15 августа. Генерал Ренненкампф выступает из Вильны и угрожает Кенигсбергу; генерал Самсонов идет из Варшавы для того, чтобы соединиться с ним на р. Алле; болота Нарева и Мазурские озера разделяют обе группы. 20 августа у Гумбинена три германских армейских корпуса несут поражение от Ренненкампфа и вынуждены отступать...

«Однако три австрийских армии вторгаются в Польшу. Они отбрасываются армиями Рузского и Брусилова, которые овладевают Львовом и Перемышлем 12 сентября и вступают в Венгрию».

«Гинденбург... преследуя русских, захвативших Восточную Пруссию, терпит неудачу у Августова после ожесточенных боев с 25 сентября по 30 октября, а великий князь Николай в конце октября наносит австро-германцам кровавое поражение на Бзуре...

«После сражения западнее Вислы, которым заканчивается длинный ряд ожесточенных боев, где Гинденбург тщетно пытается сломить русский фронт, расположение русских растягивается от Немана до румынской границы...

«Союзники никогда не должны забывать услуги, которая была им оказана Россией, начавшей кампанию неожиданно быстро, с целью овладеть Восточной Пруссией в то время, когда русская Польша была под угрозою.

«Благодаря этому наступлению, не только 11 армейских корпусов, составлявших германский заслон, были удержаны на русском фронте, но сверх того два корпуса были взяты с французского фронта и, таким образом, отсутствовали во время сражения на Марне. Все германские резервы отвлечены на восток и в частности четыре вновь сформированных корпуса».

Французской службы полковник Де-Витт-Гизо в своем труде, под названием «Крупные этапы побед 1914 — 1918 г.г.», вышедшем из печати в 1923 году, говоря об операциях 1914 года, указывает (стр. 49, 89):

«...по настоянию генерала Жоффра и французского правительства, Россия, чтобы выручить нас, чтобы сковать германские кор-

пуса в Пруссии и засвидетельствовать солидарность союзных фронтов, отважно перешла в наступление. На юге, в Галиции, она разбила австрийцев у Львова (26 авг. — 2 сент.), а на севере, вступив 17 августа в Восточную Пруссию, опрокинула германцев у Гумбинена, угрожая Кенигсбергу, что побудило германский генеральный штаб отозвать с французского фронта четыре дивизии. Наши союзники оказали нам, таким образом, огромную услугу».

Французской службы майор П. Луи Ривьер в своем труде под заглавием: «О том, чего никто не имеет права не знать о войне 1914 — 1918 годов», изданном в 1921 году, обсуждая вопрос о действиях русской армии и влиянии их на военные события в Мировую войну, делает заключение: «Германия рассчитывала на медленность русской мобилизации и хотела быстро покончить с Францией, а затем обратиться против восточного своего противника, до тех пор только сдерживаемого, и сокрушить его в свою очередь. Этот план Германии был разрушен непосредственной быстротой операций наших союзников (стр. 21)...»

Действиями русских армий в Восточной Пруссии в августе 1914 года наш бывший противник был крайне обеспокоен и при этом как раз в те дни, когда развивались решающие события на французском фронте, на котором сосредоточено было Германией все внимание и подавляющая часть наличных сил. Поэтому и всякая помеха в достижениях здесь успеха должна была приобретать необычайную болезненность.

Ген. Людендорф в своем труде «Мои воспоминания о войне 1914 — 1918 г.» так отмечает события этих дней, вспоминая обстоятельства, при которых он был экстренно вызван в ставку, в Кобленц, в связи с неудачами германской армии в Восточной Пруссии и надвигавшейся здесь серьезнейшей военной опасностью:

«Генерал фон-Мольтке писал: «На вас возлагается новая трудная задача, может быть, даже более трудная, чем штурм Льежа... Я не знаю ни одного человека, к которому бы я имел столько доверия, как к вам. Может быть вы спасете еще положение на Востоке. Не будьте злы на меня за то, что я отрываю вас от должности в тот момент, когда вы стоите перед решительными действиями... Вы должны принести эту жертву отечеству. Император также надеется на вас. Конечно, на вас не падет ответственность за то, что произойдет, но с вашею энергией вы можете предотвратить самое худшее. Идите же на новое призвание, самое почетное, какое может получить солдат. Вы не обманете оказанного вам доверия».

«Генерал фон-Штейн, в то время генерал-квартирмейстер, а позднее военный министр, заканчивал свое письмо по этому же поводу таким образом: «Вы нам необходимы. Этого требуют государственные соображения. Задача очень трудная, но вы с нею справитесь (стр. 38)».

Эти выдержки из писем лиц, стоявших во главе командования германской армией, с большою выразительностью показывают размеры того волнения и той серьезнейшей озабоченности, кои охватили руководителей армий наших противников в дни русского вторжения в Восточную Пруссию и вслед за нашими первоначальными боевыми успехами на этой территории.

Генерал Людендорф сообщает далее в своих воспоминаниях: «20 августа 8-я германская армия атаковала у Гумбинена русскую армию ген. Ренненкампфа. Наступление, несмотря на первоначальные успехи, не дало решительных результатов. Пришлось прекратить бой. С тех пор армия находилась в полном отступлении к западу, между озером Мауер и рекою Прегель, за рекою Ангерап, а частью отходила севернее реки Прегель за реку Дейме на передовую позицию крепости Кенигсберг. 1-й армейский корпус должен был грузиться на железную дорогу на станциях западнее Инстербурга и перевозиться в Гослерсгаузен в распоряжение штаба армии, 3-я резервная дивизия перевозилась из Ангербурга в Алленштейн и Гогенштейн на усиление XX армейского корпуса... (стр. 40). Командиру XX армейского корпуса была вверена южная граница Восточной Пруссии... Наревская армия генерала Самсонова сильно теснила его...

«Генерал фон-Мольтке сказал мне, что 8-я германская армия предполагает очистить весь район к Востоку от р. Вислы, оставив только гарнизоны для обороны крепостей (стр. 41)...»

«Отступление за Вислу вело бы нас к поражению. При превосходстве сил русских нам не удалось бы удержать линию Вислы; по меньшей мере мы не были бы в состоянии в сентябре поддержать австро-венгерскую армию. Последовал бы полный разгром. Положение, которое я застал, было несомненно весьма серьезно... Решение дать сражение базировалось на учете медлительности русского командования. Наша задача победить, несмотря на то, что мы уступали в силах, глубоко оправдывала это решение, связанное с страшными трудностями... Огромная армия Ренненкампфа висела, как грозная туча на северо-востоке. Ему стоило только двинуться, и мы были бы разбиты... Только немногие знали, какие заботы и опасения вызывала у меня Неманская армия (стр. 43, 44)...»

Это положение в Восточной Пруссии вынудило германское верховное командование притти к решению о необходимости немедленно перебросить с французского фронта для усиления 8-й германской армии три армейских корпуса в разгар решающих действий против Франции. Однако назревание неудачи для германского оружия на французском фронте позволило перебросить в действительности только гвардейский резервный и XI армейский корпуса и 8-ю кавалерийскую дивизию. Людендорф высказывает большое сожаление по поводу этого ослабления французского фронта.

«Особенное значение, — говорит он, — получило то, что предназначенные для востока подкрепления были взяты с правого крыла, на котором лежала решительная задача (стр. 52)...»

В другом месте своего труда Людендорф высказывается так: «На западе германское наступление закончилось неудачно. Правое крыло западной германской армии было недостаточно сильно и захватывало недостаточный фронт. Удаление гвардейского резервного и XI армейского корпусов зловеще дало себя знать (стр. 60)...»

Точно так же и генерал Э. Ф. Фалькенгайн, бывший в то время начальником генерального штаба германской армии, а до 14 сентября 1914 г. военным министром, в своем труде, под наименованием «Верховное командование», отмечает факт переброски части сил с французского фронта в Восточную Пруссию, как мероприятие, очень вредно отразившееся на проведении главнейшей операции:

«Общее положение срединных держав сделалось к середине сентября в высокой мере затруднительным... Фронт между Уазой и Реймсом держался лишь с трудом против ударов нажимающего противника. Также и в Шампани немецкие линии еще не приобрели достаточной устойчивости. К тому же, по ту сторону Уазы угрожала опасность действительного обхода со стороны врага. Правое германское крыло, стоявшее на этой реке без значительных резервов, висело в воздухе... Других резервов пока не было. Все еще давало себя сильно чувствовать ослабление западного фронта, обусловленное переорганизацией командования на востоке перед сражением под Танненбергом. Для этой цели из боевой линии из'яты были три корпуса... Это ослабление значительно увеличило бывший уже налицо численный перевес неприятеля на западе. Войсковые соединения, из'ятые для переброски, были взяты в западной половине фронта значит, с его ударного крыла. Поэтому отсутствие их было особенно чувствительно при решительном сражении на Марне да и после него (стр. 20)...»

В другом месте своего труда Фалькенгайн утверждает следующее, в связи с запросом, откуда можно было почерпнуть силы для поддержки в сентябре 1914 г. австро-венгерской армии: «Ослабление западной армии было недопустимым. Также нельзя было предположить, что можно будет оттуда своевременно перебросить достаточные силы на помощь союзникам. Против подобной попытки предостерегал тот факт, что отсутствие частей, взятых с запада перед сражением на Марне и под Танненбергом, дало себя остро почувствовать на западе; на востоке же оно не принесло существенной пользы. Об этом приходится сказать вторично, так как едва ли возможно достаточно подчеркнуть гибельное влияние этого факта на ход этого периода войны (стр. 29)...»

И несмотря на таковые умозаключения, германскому верховному командованию пришлось, в сентябре того же года, вновь уделить очень большие подкрепления в сторону русского фронта, как это будет отмечено ниже, и, конечно, с неизбежными последствиями для успеха германского оружия на французском фронте.

«...Всякие попытки нажать на востоке до полного закрепления фронта на западе должны были создавать на последнем невыносимое положение, в то время, как на востоке, в виду позднего времени года, нельзя было надеяться на решительный успех (стр. 24)...»

Такое положение на западе и создалось из-за воздействия русских операций в Восточной Пруссии, хотя и проведенных весьма неудачно. Рядом с этим имел место блистательный натиск русских армий на австро-германскую армию в Галиции.

Вот какие отзывы даются заграничною военною литературою относительно этой операции русских армий.

Генерал Людендорф в своем труде «Мои воспоминания о войне 1914—1918 г.г.», в связи с обозрением военных событий в августе и сентябре 1914 года, говорит:

«В конце августа нельзя было отрицать трудности положения австро-венгерских армий, имевших против себя подавляющее большинство русских. Начальник австро-венгерского генерального штаба, генерал фон-Конрад со своей точки зрения был совершенно прав, когда требовал от нас наступления через Нарев. Но так как 8-я германская армия уступала в силах армии Ренненкампфа, то это было неосуществимо. Всякое движение в направлении на Млаву и на Пултуск в любой момент могло быть остановлено наступлением Ренненкампфа на линию Алленштейн—Эльбинг. Ничего другого не оставалось, как сначала разделаться с русскою армиею (стр. 53)...»

«Австро-венгерская армия была совершенно разбита и отошла с огромными потерями за реку Сан. Русские следовали за нею; русское вторжение в Моравию, а затем в Верхнюю Силезию стало возможным. Надо было помочь австро-венгерской армии, иначе она могла быть уничтожена... Подкрепления должны были подойти непосредственно, и надо было придать им возможно большую силу. Западный же фронт усилить мы были не в состоянии (стр. 61)...»

Германского генерального штаба капитан Х. Риттер, в своем труде, под наименованием: «Критика мировой войны», изданном в 1921 году, так отмечает последствия удара русских армий в Галиции:

«...грозовые августовские бои отняли у австрийской армии силу и способность для выполнения задачи, выпавшей на нее в сентябре. Вместе с цветом австро-венгерского войска, под палящим солнцем болотистых долин Танева и Верещицы, погибла и их моральная стойкость. Спасенные в то время остатки были поражены язвою разложения (стр. 111)...»

Вследствие такого положения германское верховное командование приняло решение организовать наступление на среднюю Вислу с запада со стороны Познани и Верхней Силезии, что вылилось, в так называемую, осеннюю кампанию 1914 года в Польше. Генерал фон-Гинденбург с главными силами 8-й армии должен был следовать в Верхнюю Силезию для непосредственной поддержки австро-венгерской армии. Эти силы образовали 9-ю армию. Она была образована из 8-й кавалерийской дивизии, XI, XVII и XX армейских корпусов, гвардейского резервного корпуса, 35 резервной дивизии и ландверной генерала Бредова и ландверного корпуса Войрша. Наступление началось 28 сентября.

«Ответный план великого князя, — говорит Людендорф, — был большого размаха и для нас весьма опасен. Свыше 30 русских армейских корпусов, тесно сосредоточившихся, подавшихся сильно вправо, должны были переправиться через Вислу между Варшавою и устьем Сана, а другие части должны были переправиться далее к югу через Сан. 14 дивизий были предназначены для того, чтобы разбить пять дивизий группы Макензена. Великий князь хотел произвести сильный охват 9-й германской армии с севера, на фронте атаковать как ее, так и австро-венгерские армии, а на левом крыле удерживаться на высотах восточнее Перемышля... Если бы этот план удался, то победа России, на которой Антанта строила свои стратегические соображения, была бы обеспечена (стр. 73). С 15 октября ген. фон-

Макензен отбивал южнее Варшавы сильные неприятельские атаки... Бой у Козениц навсегда останется в моей памяти... Все войска, принимавшие участие в этих боях, вспоминают о них с ужасом (стр. 74)...»

«У германского верховного командования резервов больше не оставалось... Австро-венгерской армии не удалось к югу от Вислы переправиться через Сан и продвинуться восточнее Перемышля... Положение 9-й армии становилось все напряженнее... От верховного командования нельзя было рассчитывать что-нибудь получить. Вновь сформированные армейские корпуса были двинуты на Ипр, а XXV резервный армейский корпус был переброшен в Восточную Пруссию, где обстановка стала угрожающей... Между тем положение под Варшавою приняло оборот, требовавший немедленного решения. Неприятельский охват развивался все в более ощутительной близости. Неприятельский нажим со стороны Новогеоргиевска и Варшавы все усиливался. Господствовало ужасное напряжение. Принять сражение было бы слишком рисковано... Вечером, 17 октября я нашел, что наступила пора отдать приказ об отступлении... В ночь с 17 на 18 октября русские сами перешли через Сан. Австрийцы потерпели у Ивангорода чувствительное поражение и отступили к Радому... 27 октября был отдан приказ об отступлении, которое, можно сказать, уже висело в воздухе. Положение было исключительно критическое. Благодаря октябрьской операции мы выиграли время, но сама она не удалась. Теперь, казалось, должно произойти то, чему помешало в конце сентября наше развертывание в Верхней Силезии, и последовавшее за ним наступление: вторжение превосходных сил русских в Познань, Силезию и Моравию... Русские следовали за нами всеми силами. В Восточной Пруссии и у Млавы они также вели атаки крупными силами. Положение становилось очень серьезным (стр. 75—79)...»

Капитан германского генерального штаба Х. Риттер в своем труде «Критика мировой войны» делает такое заключение после обследования событий этих дней: «Блестяще задуманная и, против ожидания, удавшаяся во всех предварительных стадиях, операция окончилась неудачею... По прежнему возникла угроза полного разгрома Австрии и раз'единения германских и австрийских сил русскими, проникающими клином через Краков и Бреславль (стр. 113)...»

Создавшееся положение вновь потребовало переброски сил с французского фронта на русский. Людендорф называет те части, кои были направлены на восточный фронт Германии. Это были: кавалерийский корпус фон-Рихтгофена; кавалерийский корпус фон-Хол-

лена; III резервный, XIII армейский, II армейский корпус и XXIV резервный корпус.

«И все же средства, которыми мы располагали 10 ноября (для контр-удара), к началу операции были недостаточны»,—говорит Людендорф (стр. 74—79 и 86).

Влияние победных действий русских армий в конце августа и в сентябре 1914 г. в Галиции на ход военных событий генералом Фалькенгайном в его труде «Верховное командование» определяется следующим образом:

«Австро-венгерская армия отступала от Сана... В середине сентября в германской главной квартире созрело убеждение, что, в виду слабости и общего состояния союзных войск, решение вопроса о том, где и когда остановится это наступление, зависит исключительно от воли неприятеля... должна была возникнуть серьезная угроза для провинции Силезии. Но захват, хотя бы временный, русскими Верхней Силезии является недопустимым. Он отнял бы у Германии могучие источники питания промышленности и очень скоро сделал бы ведение войны немыслимым. Также нельзя было упускать из виду и опасности русского приближения к Чехии. Оно, вероятно, повело бы к внутренним волнениями в двуединой монархии, которые совершенно парализовали бы ее военную мощь. И, наконец, что, пожалуй, было тогда одним из самых верных соображений, казалось, что дальнейшие успехи русских над австро-венгерскими силами должны были уничтожить надежду на переход балканских держав, а, главным образом, Турции, на сторону срединных держав. Начальник генерального штаба считал совершенно необходимым достичь этого последнего присоединения. В случае, если бы не удалось запереть для Антанты на продолжительное время проливы между Черным и Средиземным морями, пришлось бы значительно сократить надежды на благоприятный исход войны. Россия была бы освобождена от своей изолированности, столь чреватой последствиями. Но эта-то именно изолированность и давала более верные гарантии, чем это могли дать военные успехи, что мощь исполинского государства должна иссякнуть, так сказать, сама собою... Россия не могла на долгий срок совместить требования такой борьбы с ломкою всей своей хозяйственной жизни, вызванной внезапным изолированием от внешнего мира, вследствие закрытия западных границ и Дарданелл. Из этих соображений вытекала сама собою необходимость немедленной, непосредственной и широкой поддержки союзников. Конечно, не легко было ответить на вопрос, как же это сделать (стр. 28 и 29)...»

«Ослабление западной армии было недопустимым. Также нельзя было предположить, что можно будет оттуда своевременно перебросить достаточные силы на помощь союзникам... Конечно, в глубоком тылу обучались многочисленные пехотные дивизии. И все же, молодые германские части еще нельзя было в то время рассматривать, как готовые для действия. Пришлось отказаться от наиболее естественной и, в случае удачи, самой действительной операции для выручки союзников. Она сводилась бы к продолжению наступления из Восточной Пруссии для глубокого удара по России или Восточной Польше. Предпосылкою для такой косвенной поддержки была бы переброска дальнейших значительных сил на северный фланг союзников для их непосредственной поддержки. Без этого, вышеуказанные последствия дальнейшего русского продвижения в Силезию сказались бы ранее, чем неприятель почувствовал бы удар из Восточной Пруссии настолько сильно, чтобы приостановить нажим на австро-венгерскую армию. Затем являлось еще большим вопросом, каким образом вообще можно было провести такую широкую операцию в виду позднего времени года на этих широтах и перед началом «бездорожья (стр. 29 и 30)...»

Аналогичные соображения говорили и против операций на восточном берегу Вислы, против линии болот по нижнему течению Нарева, являвшихся естественною преградою, к тому же хорошо укрепленной. Вследствие этого начальник генерального штаба решил продолжение преследования из Восточной Пруссии вести лишь небольшими силами 8-й армии... Главные же силы тамошних войск были ускоренным темпом переброшены в Верхнюю Силезию и южную Познань. Оттуда они должны были перейти в наступление, совместное с австро-венгерскою армиею. Если вновь имелось в виду наступление, несмотря на удар, полученный войсками этой армии, то это оправдывалось произведенным за это время подвозом многочисленных подкреплений... «Генерал фон-Фалькенгайн поставил в полную известность политических руководителей государства о своем мнении насчет серьезности общего положения на фронтах военных действий... Нет никаких данных отчаиваться в удовлетворительном исходе войны, но события на Марне и в Галиции отодвинули ее исход на совершенно неопределенное время. Задача быстро добиться решений, что до сих пор являлось основой для немецкого способа ведения войны, свелась к нулю. Если и можно было допустить, что не повторится то, что послужило причиной неудачи во Франции, то уже нельзя было ни нагнать драгоценного незаменимого времени, ни вытравить

влияния Марнского отступления на усиление вражеской воли к победе. Также было ясно, что нельзя будет вполне залечить раны, обозначавшиеся у союзников, хотя лишь частично, но вполне отчетливо... «Приходилось крепко рассчитывать на гораздо большую продолжительность войны, чем каковая была принята и еще принималась. Благодаря этому возникали требования непомерной величины ко внутренней жизненной силе срединных держав. Как они с этим справятся, не было еще вполне ясно, и большое облегчение получало всякое облегчение давления, испытываемого этими державами с обеих сторон. Если бы политические органы страны отыскали путь к соглашению с врагами — с военной точки зрения было равносильно, на востоке или на западе, — то казалось бы желательным к нему прибегнуть (стр. 31 и 32)...»

Вот в какой степени расстроили планы действий и надежды Германии действия русской армии и в Восточной Пруссии и в Галиции. Уже тогда даже военное командование неприятельской армии заговорило о необходимости искания мира.

Далее генерал Фалькенгайн повествует следующее: «Наступление, предпринятое к концу сентября 9-й германской и австро-венгерскими армиями по обоим берегам верхнего течения Вислы, цели не достигло. Хотя неприятельские силы, успевшие переправиться через Вислу и Сан, были оттеснены при их дальнейшем продвижении, но, когда противник ввел в действие главные силы, положение изменилось... враг успел своевременно перебросить значительные силы из Галиции на север. Он получил также подкрепления из глубокого тыла. Таким образом, русским не только удалось оттеснить австро-венгерское северное крыло левее Вислы, но даже угрожать от Варшавы охватом северному крылу 9-й германской армии. Чтобы избежать такой опасности, армия должна была в конце сентября отступить по направлению на Силезию, что принудило австро-венгерскую армию тоже отойти (стр. 33)...» Снова в середине октября стали раздаваться с восточного фронта настойчивые просьбы о помощи, обращенные к западу. Нельзя было оспаривать их обоснованности, но, несмотря на это, начальник генерального штаба, в виду развития событий во Франции, не был в состоянии удовлетворить их хотя бы приблизительно. В особенности пришлось отклонить поддержанное командованием 9-й германской армии требование австро-венгерского главного командования о переброске, приблизительно, тридцати дивизий с запада на восток. Такая передача

сделала бы положение на западе безнадежным. Никогда преимущества, ожидаемые от такой переброски на восток, не могли бы уравновесить всех ее отрицательных последствий, даже если и не принимать в расчет, что перевозка этих сил взяла бы столько времени, что они не могли бы улучшить создавшегося затруднительного положения. Учитывая общее положение на востоке, оставалось занять выжидательное положение... 9-я армия была пополнена поэтому, в виду ее очень больших потерь, посылкой почти всех имеющихся в глубоком тылу обученных формирований. Один из вновь сформированных корпусов из Германии был уже ранее передан на восток, так как после переброски 9-й армии в Силезию, там опасались прорыва русских на южном крыле ослабленной 8-й армии, со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями. За корпусом последовали две кавалерийские дивизии с западного фронта... Переброска дальнейших сил с запада могла иметь место лишь по достижении существенных результатов в операциях на франко-бельгийском театре военных действий (стр. 34)...»

А между тем на французском фронте немцы ощущали недостаток сил для выполнения самых неотложных оперативных целей, и по поводу этого Фалькенгайн свидетельствует: «Снова жгучим становился вопрос не только об опасности для немцев быть окончательно отрезанными от бельгийского побережья, но также и о чувствительном охвате их правого крыла. От этого нужно было решительно избавиться. Раз бы это не удалось, — тем самым делался бы невозможным подготовляемый, в виде ответа на британский план взять Германию голодом, сильный нажим на Англию и на ее морские сообщения посредством подводных лодок, аэропланов и дирижаблей,— невозможным, в виду малого тогда радиуса их действия. Попутно с этим возникал также и вопрос о возможности удержания территории на севере Франции и на западе Бельгии; а между тем потеря их имела бы и свои печальные последствия (стр. 36, 37)...»

Рядом с этой обрисовкой тяжелого положения на западе в конце сентября 1914 года Фалькенгайн признает: «уже появились признаки, что на востоке поставленная цель едва ли будет достигнута. Казалось, что нельзя будет уже остановить русских на Висле и на Сане, при их численном превосходстве и при уменьшенной боеспособности некоторой части наступающих. Этого и действительно не удалось сделать. Почти одновременно с тем, как, начиная с 17 октября, германские колонны на западе перешли в наступление на Изере, пришло известие, что союзники не смогут удержаться

на Висле и Сане. Вскоре там пришлось приступить к отходу под давлением контр-атак, предпринятых превосходными силами противника. Можно было надеяться более или менее прочно держаться лишь в Карпатах, за Дунайцем, Нидою и за верхнею Пилицею. Но с самого начала можно было предвидеть с уверенностью, что и на этой линии противник будет угрожать нашему флангу с севера. Перехваченные радиотелеграммы неоспоримо подтверждали это. Они давали нам возможность с начала войны на востоке до половины 1915 года точно следить за движениями русских с недели на неделю, и даже зачастую со дня на день, и принимать соответствующие противомеры. Это, главным образом, и придавало войне здесь совсем иной характер и делало ее для нас совершенно иною, гораздо более простою, чем на западе. Командующий германскими силами на востоке решил в начале ноября 1914 г. использовать такое положение для нанесения неожиданного удара... (стр. 37—38). Мысль о прорыве французского фронта пришлось бросить. Для ее осуществления не хватало сил после того, как все резервы как живой силы, так и снарядов были потрачены для восточного фронта. Против такого предприятия также сильно говорили открывавшиеся в Польше перспективы. Очевидно, русские и не подозревали о той грозе, которая собиралась против них на левом берегу Вислы. Они продолжали медленно продвигаться на запад... Правда, в противоположность взгляду, высказываемому главнокомандующим восточным фронтом, было ясно, что позднее время года и численный перевес русских не допустит решающего успеха на востоке (стр. 39—42)...»

Так именно, как теперь уже всем известно, и вышло на самом деле: никакого существенного поступательного успеха достигнуто немцами не было; однако, была ими устранена та большая угроза, которая создавалась наступательным движением русских по левую сторону Вислы.

Между тем, — как свидетельствует Фалькенгайн, — «около семи пехотных дивизий и одна кавалерийская дивизия были сняты с западного фронта и скорейшим способом переброшены на восток в распоряжение главнокомандующего этим фронтом... во Франции решили перейти к чистой обороне... Началась позиционная война в тесном смысле этого слова, со всеми ее ужасами (стр. 42)...»

Что касается так называемой лодзинской операции, Фалькенгайн удостоверяет следующее:

«Смело задуманная, превосходно подготовленная и стремительно проведенная операция на левом берегу Вислы, в которой

вскоре могли принять и первые эшелоны прибывающих с запада войсковых соединений, имела в начале блестящий успех. Последний временно ввел в заблуждение даже таких опытных начальников, как те, которые находились в штабе восточного фронта... Очень скоро в Польше стало ясно, насколько неприятельское командование успело подучиться с начал августа... Немецкое наступление застопорилось и грозило даже обратиться в отступление, когда дальнейшие прибывающие с запада части дали ему новую поддержку... Германские силы иссякли для дальнейшего наступления (стр. 44, 45)...» «После короткой передышки в конце декабря 9-я германская армия возобновила на Равке и Бзуре свое наступление в направлении на Варшаву, чтобы облегчить фронт союзников, а также и сильно стесненный Перемышль, последний оставшийся у них оплот в средней Галиции, приковывая русские силы в северной Польше. Попытка эта не имела никаких достойных упоминания результатов (стр. 57)...»

Генерал Людендорф приходит к точно такому же заключению относительно конечного результата лодзинской операции: «Но крупная оперативная цель — уничтожить русских в излучине Вислы — не была достигнута. Наши силы оказались для этого недостаточными... Русские до конца ноября сильно нажимали на 9-ю армию, а также вели атаки южнее (стр. 90 и 94).

Кампания 1914 г. не дала желательных результатов... Уже в конце 1914 г. австро-венгерское верховное командование опасалось падения Перемышля к весне 1915 года и вторжения крупных неприятельских сил в Венгрию. Русские продолжали атаки против армии генерала Бороевича и захватили гребень Карпат (стр. 94)...» Таким образом, русская армия вынудила Германию вновь отвлечь свое внимание и большие силы на восток и при этом без всяких существенных результатов. Русская армия была приостановлена, но сохранила полную способность вновь и вновь угрожать Германии и чрезвычайно связывать действия ее на западе.

Генерал Людендорф, излагая события войны 1915 года, высказывает нижеследующие суждения:

«В 1915 г. Антанта стремилась выиграть войну усилиями русских... С начала января русские начали уводить войска с фронта западнее Вислы, чтобы обратить их на Север. Если нам удалось опередить своими действиями ходы противника, то пришлось считаться с возможностью сильных контр-атак как от Немана, так и от Нарева. Контр-атаки состоялись. Ярость и настойчивость, с какой они велись,

создали для нас трудные моменты. Великий князь был настоящим солдатом и полководцем... Я не могу судить, было ли верховное командование в состоянии уже тогда выделить с запада на восток те силы, которые оно выделило в апреле. Всякая прибавка сил, конечно, была бы для нас желательна. Но основное решение — двинуть все на Россию было принято лишь позднее... Положение германских войск перед Гродной было исключительно трудным... русские отчаянно сражались в Августовских лесах... Тактический результат зимнего сражения в Мазурии был значителен... В идею операции входила и атака Осовца при поддержке пушек самого крупного калибра... Между тем атака Осовца не прогрессировала, фронтально его нельзя было взять, несмотря на нашу сильную артиллерию... Был отдан приказ приостановить форсирование Бобра и атаку на Осовец... 10-я армия не могла сохранить занимаемого ею расположения. Чтобы прикрыть ее фланг с востока, были нужны крупные силы, каковых на-лицо не имелось... Одновременно 10-я армия получила приказ выделить часть сил, так как далее к западу обнаружилась острая нужда в подкреплениях. Начиналось сильное русское встречное наступление на наш длинный фронт, вдоль южной границы Западной и Восточной Пруссии. К тому же русские начали нас беспокоить и севернее Немана. По всей германской границе к востоку от Вислы разгорался бой... Наступление австро-венгерской армии для освобождения Перемышля не имело никакого успеха. Русские вскоре перешли в контр-атаку. Судьба Перемышля должна была совершиться. По всему восточному фронту мы находились в ожидании русских атак (стр. 98 — 100)...»

«Потребность в отдыхе у германских войск была столь велика... что командование армией решило окончательно отказаться от мысли о дальнейших активных действиях и перейти на позиционную войну... Русские атаки на южном фронте становились все упорнее, а бои все ожесточеннее...

«До 7 марта русские безуспешно вели непрерывные атаки между Млавою и Хоржеле, неся тяжелые потери... Беспрерывно поступали ко мне просьбы о подкреплениях со стороны начальников с южного фронта... Русские ворвались в Мемель, взяли Таурогеn и произвели сильный нажим на тильзитском направлении. Резервы были поглощены на других фронтах... Пришлось выслать запасный батальон. Это показывало, насколько мы израсходовались, как велики были бои с начала февраля и как они истощили наши силы (стр. 110)...»

Так, несмотря даже на крупный на этот раз успех германцев, нанесших поражение русской 10-й армии в феврале месяце, было тягостно общее положение их, создаваемое действиями русской армии в ее целом.

В труде генерала Фалькенгайна, «Верховное командование», имеются также весьма показательные признания, отчетливо обрисовывающие огромную роль русской армии и в этот период войны. Так Фалькенгайн, между прочим, говорит:

«Начальник генерального штаба в начале крепко держался мысли применить новые корпуса на западе. Но чтобы остановить происходившее передвижение русских сил на австро-венгерский фронт, он потребовал от главнокомандующего на востоке предприятия, пользуясь резервами фронта, нового отвлекающего удара против русского фронта западнее Вислы... Австро - Венгерскому командованию был предложен проект разгрома Сербии при помощи сил, намеченных для карпатской операции, которые могли быть подкреплены некоторыми немецкими частями, взятыми с восточного фронта...

Однако, вскоре обнаружилось, что этого проекта провести было нельзя. Скоро оказалось невозможным, из-за нараставшего русского нажима, снять для Сербии какие-либо австро-венгерские части с карпатского фронта. Наоборот, даже части, уже бывшие на Дунае, пришлось взять для поддержки на Карпатах. Относительно состояния союзных войск возникли серьезные сомнения, насколько их фронт вообще может быть прочен без сильной немецкой поддержки. Его разложение было бы роковым... Надо было переходить к немедленной и непосредственной поддержке карпатского фронта. Он уже поглотил наличные немецкие силы, предназначенные для операции у Пилицы... Непрерывному притоку русских сил необходимо было здесь положить предел, иначе в недалеком будущем наряду с падением Перемышля мог последовать непоправимый прорыв в Венгрию. Отсюда необходимость отвлечения, при помощи удара в другом пункте, являлась до крайности настоятельной. Вот почему, с болью в сердце, начальник-генерального штаба должен был решиться на использование на востоке молодых корпусов, т.-е. единственного к этому моменту общего резерва. Такое решение знаменовало собою дальнейший отказ, и притом уже на долгое время, от всяких активных предприятий крупного размаха на западе. Нельзя было питать надежду суметь серьезно поколебать англо-французский фронт при помощи лишь имевшихся в виду новых формирований... Если при этом начальник генерального штаба

вначале еще рассчитывал идущие на восток прекрасные войска, по выполнении ими там своей задачи, применить затем где-либо еще, то потом он ясно себе представил всю ненадежность подобного расчета... Только одно соображение реально оправдывало новое решение, а именно: убеждение, что иначе Австро-Венгрия в короткий срок рухнет, придавленная гнетом войны.

В середине января 1915 г. генерал-фельдмаршалу ф.-Гинденбургу были предоставлены в распоряжение четыре корпуса общего резерва—лучшие, какими когда-либо на войне располагала Германия для осуществления наступления из Восточной Пруссии. Австро-венгерское наступление в Карпатах, в котором, рядом с участвовавшими в нем австро-венгерскими частями, работала и так называемая «Южная армия», составленная из трех немецких и нескольких австро-венгерских дивизий, застопорилось уже после самого короткого продвижения... Скоро союзным войскам опять пришлось отбиваться от русских контр-атак... Скоро стало ясно, что уже нельзя рассчитывать на освобождение Перемышля или на какой-либо иной сокрушительный успех... Несколько позднее началось наступление в Восточной Пруссии, при чем 8 февраля разгорелось в Мазурских озерах зимнее сражение... Русская 10-ая армия в лесах Августова легла большею своею массою. Но рядом с этим и немецкие силы дошли до пределов боеспособности. При своем состоянии, потрясенном условиями погоды и продовольственными трудностями, они не могли уже сломить сопротивления русских подкреплений, скоро и искусно брошенных им навстречу... Создавалась необходимость заполнять те провалы, которые образовались в немецких рядах на западе в результате поведенных в крупном масштабе отвлекающих атак французов и англичан... Было поведено еще одно наступление сосредоточенными резервами фронта... против нижнего Нарева. Оно так же мало продвинулось вперед, как малы были и все дальнейшие успехи на севере. Наоборот, русские своими контр-атаками в некоторых пунктах достигли перевеса. Силы для этого отчасти взяты были из Польши с западного берега Вислы, но русский фронт здесь оставался на своих прежних местах. Попытки с немецкой стороны использовать это обстоятельство для активной деятельности в этом районе оказались также безрезультатными. К середине марта союзники вновь на всем восточном фронте были принуждены перейти к обороне... австро-венгерским частям, против которых русские вели главный нажим, удавалось вообще лишь с большим усилием сохранить свое положение. Это особенно почувствовалось, когда, после падения 22 марта Перемышля, освободилась рус-

ская блокирующая армия. Операции против обоих флангов русского фронта не оправдали возлагавшихся на них далеко устремленных ожиданий.

Уже в первые дни марта начальник генерального штаба был принужден отказаться от осуществления мысли взять обратно, по выполнении задачи, недавно посланные на русский театр войны войсковые части. К счастью, в этот момент он мог решиться на это без каких-либо тяжких последствий...[1]) Все же завершенные операции сделали свое дело в том смысле, что русским нанесены были большие потери, которые, принимая даже в расчет, что и союзникам пришлось потерпеть тяжелый урон, должны быть названы совершенно исключительными. Поэтому австро-венгерскому главному командованию было предложено, перейдя на Карпатах к строжайшей обороне, нанести внезапный удар Сербии. Это было желательно для обеспечения тыла и фланга намечаемого в ближайшее время фронта против Италии и для открытия пути, чтобы именно теперь поспешить на помощь туркам, крайне теснимым у Дарданелл. Однако, момент для внесения такого предложения оказался неудачным. Русские в своих атаках, согласно сведений с карпатского фронта, не ослабевали, и союзники держались здесь не прочнее, чем прежде. Об отдаче сил с этого фронта не могло быть и речи. Напротив, в конце марта, по просьбе австро-венгерского главного командования, пришлось вновь послать германскую поддержку (стр. 61—66)...

Летняя кампания на русском фронте в 1915 г. была вынуждена для Германии тем тягостным положением здесь, которое было создано русской армией. Вот как обрисовывает положение дел в предшествующей этой кампании период генерал Фалькенгайн в своем труде «Верховное командование»:

«Несмотря на сильную прослойку австро-венгерского фронта немецкими войсками... не только не наступило равновесия сил, к которому стремились, но приходилось с тревогою предвидеть дальнейшие русские попытки прорваться в Венгрию... Но те чудовищные потери, которые несли русские при их беспощадно веденных атаках зимою в горах Карпат, могли быть возмещены лишь пополнениями из дурно обученных людей. Неоднократно обнаруживались признаки начинающейся недостачи оружия и патронов. Но тем не менее, будучи и в таком состоянии, русские угрожали австро-венгерскому фронту, в виду понижения духа некоторых частей союзных войск, и притом угро-

[1]) Вследствие ослабевших нажимов на германский фронт со стороны французских войск (примечание наше).

жали в такой степени, которая в дальнейшем становилась невыносимой... О создании резервов при таких условиях не могло быть и речи. А между тем командование считало их безусловно необходимыми... Командование Австро-Венгрии снова просило немецкое верховное командование о поддержке путем присылки десяти новых немецких дивизий»...

«Обзор военного положения, как Турции так и Австро-Венгрии, не представлял ничего утешительного. Пришел момент, когда дальше нельзя было уже откладывать решительного наступления на востоке... Для предприятия были назначены особенно испытанные части. Они были обильно снабжены, насколько это было тогда возможно, артиллерией, даже самой тяжелой, которая до того момента едва ли применялась в полевом бою, а также снарядами и минометными частями. В части были назначены многочисленные офицеры, точно усвоившие на западном фронте наиболее яркие из новых приемов войны (стр. 77 — 82)...».

«2-го мая 1915 г. под командованием Макензена началась галицийская операция по прорыву русского фронта на участке Горлица — Громник. В ней участвовала 11 немецкая армия (8 немецких дивизий, 2 австро-венгерские и 1 австро-венгерская кавалерийская дивизии) и 4 австро-венгерская армия (1 нем. дивизия, 5 австро-венгерских дивизий, 1 австро-венгерская кав. дивизия)... Неприятель понес ужасные кровавые потери. Число захваченных пленных и имущества быстро дошло до невероятных размеров... Однако, благодаря подходу очень крупных русских подкреплений, наступили новые обстоятельства... 4 австро-венгерская армия достигла нижнего Сана лишь своим правым флангом...но едва-едва выдерживала русские контр-удары. Признаки разложения в некоторых из ее частей были налицо... Продолжать наступление собственными силами 11 германская армия была уже не в силах... Несмотря на получаемую поддержку, 3 австро-венгерская армия делала столь же мало удовлетворительные шаги, как и примыкающая к ней 2 австро-венгерская армия, австро-венгерская армейская группа Шурмая и южная армия. 7 австро-венгерская армия в Буковине выдерживала тяжкую борьбу, в которой преимущества были в большинстве случаев на стороне русских. В результате на всем атакуемом фронте операции грозили застопориться. Определенным результатом этого было то, что или все сосредоточенные здесь немецкие силы оказались бы крепко прикованными к району или последовали бы тяжкие контр-удары русских В первом случае наступил бы надлом в ведении общих операций нем-

цами, а во втором—с большею вероятностью последовал бы в недалеком будущем разгром Австро-Венгрии. Единственной реальной мерой против такой опасности главная квартира считала подвод достаточных свежих немецких частей в Галицию. Поэтому она распорядилась направлением этих сил в самом широком, пока еще возможном, размере... Было вновь притянуто все до последнего батальона, без которого еще можно было обойтись на немецком фронте. Рассчитывать на Австрию, к сожалению, было уже невозможно».

«С западного фронта были взяты 2½ дивизии. Этим самым здешние резервы свелись к едва-едва терпимому минимуму...»

«Была подготовлена перевозка двух немецких дивизий из Сирии, где они закончили было свое развертывание (стр. 86—101)...»

«События, завершившиеся обратным взятием Львова 22 июня 1915 г., имели большой смысл для срединных держав. Но достигнуто было еще не все».

«Противник мог из своего практически неисчерпаемого людского запаса вновь пополнить потери, которые по строгому подсчету далеко превышали пол-миллиона.

К сожалению, в австро-венгерских частях не немецкого или невенгерского происхождения понизилась боеспособность. В состоянии ли были некоторые части отбить натиск противника без немецкой помощи? При таком положении дел было ясно, что о прекращении операций на востоке не могло быть пока и речи (стр. 102—103)...»

Таким образом, и на этот раз блестящий успех Германии, создавшийся из-за бедственного состояния в русской армии снабжения огнеприпасами и оружием, безнадежно застопоривается, и фронт русской армии вновь делается грозным, несказанно тяготит немецкое командование и отвлекает к нему многочисленные силы, урезывая тем или и вовсе уничтожая возможные успехи германского оружия на западном фронте.

Генерал Фалькенгайн был упорный сторонник общего оперативного замысла—сперва нанести сокрушительные удары на западе. Устремление же до сего времени на восток, сосредоточение усилий в этом направлении ему представлялось нецелесообразным и не сулящим осязательных стратегических результатов в виду неиссякаемых людских источников России и ее необ'ятных пространств. Поэтому, может-быть, можно заподозрить Фалькенгайна в заведомо скептической оценке операций германской армии на востоке.

Генерал-фельдмаршал Гинденбург и его идейный вдохновитель, генерал Людендорф были горячие проводники иной, противоположной

оперативной идеи: они настойчиво требовали самого широкого развития действий против русской армии, ожидая от них самых существенных, решающих стратегических результатов. Вот почему будет весьма интересным обратиться и к суждениям о тех же событиях лета 1915 г. генерала Людендорфа, развиваемым им в труде его «Мои воспоминания».

«К середине апреля обстановка на Карпатах стала еще более напряженной. Армия генерала Бороевича была отброшена за Карпатский хребет... Наступил момент, когда помочь было необходимо. Мы отправили туда по железной дороге 25 резервную дивизию, находившуюся наготове при 9 армии. Она явилась как раз во время, чтобы предупредить самые тяжелые последствия... Германское верховное командование приняло теперь решение искать развязки на русском фронте. План был величествен, и мысль ослабить свои силы на западе, несмотря на господствующее там напряжение, свидетельствовала о большой решимости, не отступающей ни перед какою ответственностью... *Антанта, как и раньше, продолжала возлагать все надежды на Россию*...

«Генерал фон-Макензен был назначен командующим новой 11 армией, которая состояла, главным образом, из войск, переброшенных с запада. В начале мая он должен был нанести фланговый удар в западной Галиции и разбить русских, которые, не считаясь с потерями, вели наступление в Карпатах (стр. 112—114)...»

«Утром, 2 мая 1925 г., войска ген. фон-Макензена блестяще выполнили тщательно подготовленную атаку и прорвали русский фронт на среднем Дунайце... Но союзники могли развивать свой успех в общем только фронтально, хотя они и очень старались добиться местных охватов... Фронтальное оттеснение русских в Галиции, как оно ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны. Они с боем отходили на столько, на сколько тыловые сообщения позволяли нам продвигаться. Русские еще не сражались на своей собственной земле и до нее могли еще уступить значительное пространство. К тому же при этих фронтальных боях наши потери являлись немаловажными... 13 июля 12 и 8 германские армии (с границы Пруссии) перешли в наступление... Русские повсюду оказывали упорное сопротивление и несли тяжелые потери... В Польше, в излучение Вислы также вступили в дело 9 германская армия и армейская групша генерала фон-Войрша (стр. 117—121)».

«Операции союзных армий в Польше, восточнее Вислы, привели, как я того и ожидал, к фронтальному следованию за русскими с не-

прерывными боями. Правда, производились попытки охватить русских, но они оставались всегда тщетными. Хотя русской армии и не позволили задержаться, но уйти ей удалось. Русские часто предпринимали ожесточенные контр-атаки крупными силами, а многочисленные участки заболоченных рек и ручьев представляли им вновь возможность устроиться и успешно оказывать дальнейшее сопротивление. Беспрерывное движение в течение нескольких недель по плохим дорогам и большей частью при неблагоприятной погоде потребовало от наших войск большого напряжения. Одежда и обувь оборвались, снабжение продовольствием становилось затруднительным, построек для размещения войск на ночлег было очень мало, так как русские при отступлении систематически уничтожали или сжигали все продовольственные средства и селения. Скот они угоняли с собою... Условия подвоза с каждым днем усложнялись.... Высокое напряжение сентябрьских дней опять дало нам лишь тактический успех. Приходилось выходить из исключительно тяжелых кризисов (стр. 122—138)...».

Отто Мозер в своем труде под заглавием «Краткий стратегический обзор Мировой войны 1914 — 1918 г.г.», вышедшем в печати в 1921 г., делает следующие показательные выводы из обследования результатов кампании 1915 г. на русском фронте:

«Фалькенгайн считал стратегическою необходимостью освободить австро-венгерскую армию от разрушительного давления русских армий на более или менее продолжительное время. Австро-венгерское командование было в подавленном состоянии... Это и было причиной направления немецких армейских резервов, главным образом, на восток. Причины, побудившие принять решение о переброске немецких резервов на восток, были постольку роковыми, поскольку английской армии в 1915 году предоставлялось время и возможность для беспрепятственного усиления и боевой подготовки. Эта чрезвычайно важная данная должна была бы привести к иному решению вопроса об устранении бесспорного критического положения на востоке (стр. 63 и 64)...»

Увлечение германского верховного командования размерами преследования русской армии, не приостановленного на линии Немана и Буга, Мозер осуждает и делает такое заключение:

«Для всего дальнейшего хода войны роковым был тот факт, что Фалькенгайн отказался от своего решения, фактически принятого в конце августа и уже изложенного было в приказе, относительно остановки на Буге, и отдал распоряжение о дальнейшем продвижении центра немецкой армии на 150 километров. Эта операция, доведенная до линии Пинска, потребовала новых трех недель времени. Фалькен-

гайн полагал, что это движение является преследованием русских войск, расстраивающим их силы. На самом же деле, это продвижение вылилось в ряд новых, утомительных и богатых потерями атак против ряда хорошо оборудованных русских позиций. Обороняя эти позиции, русские вместе с тем несли незначительные потери... Таким же неудачным было одобрение плана Конрада и командования востоком относительно наступления на юге и севере...

«Результатом этих решений было прежде всего то, что силы центра немецкой восточной армии были окончательно истощены, и что сербский поход был отложен на зиму, т.-е. на самое неблагоприятное время года на этом театре военных действий...

«Командование востоком вынуждено было... занять оборонительные позиции на более или менее длительное время. Итак, надежда на возможность достижения крупной победы на севере фланговым и тыловым ударом не оправдалась. Она и не могла быть осуществлена наличными немецкими силами против бдительного и сильного противника. Таким образом, блестяще начатый поход на востоке в 1915 г. закончился в конечном результате: на севере небольшим, а на юге сравнительно крупным успехом русских. Войска немецкого восточного фронта также были истощены до крайнего предела и должны были создавать для себя позиции в ноябре и декабре, т.-е. среди зимы...

«Само собой понятно, что время шестимесячного наступления центральных держав на востоке, с целью обезврежения русских, было использовано западными противниками... В конце сентября последовало франко-британское наступление в Артуа и Шампани... Подготовка этого наступления была доведена до наивысшего предела...

«Немецкая западная армия устояла в этом сражении, длившемся месяц и сопровождавшемся тяжелыми кризисами... Но напряжения и жертвы войск первой линии были так велики, что нервная сила армии была потрясена до крайнего предела... и была лишена последней радости: она не дождалась, чтобы в ее поредевшие и утомленные ряды прибыли свежие немецкие резервы... Но если бы немецкое верховное командование 13 августа, т.-е. в тот день, когда оно сознало, что дальнейший прорыв и окружение на русском фронте невыполнимы, приостановило движение своих войск на Немане и Буге и немедленно начало перебрасывать на западный фронт дивизии, годные для борьбы на этом фронте, то к концу сентября в распоряжении верховного командования имелось бы достаточно резервов, чтобы нанести решительный контр-удар (стр. 73—77)...»

Весьма показательными являются некоторые замечания генерала Фалькенгайна в его труде «Верховное командование» относи-

тельно силы противодействия русской армии в ответ на наступление противника летом 1915 года, когда русская армия была вынуждена драться против крупных соединенных сил Германии и Австро-Венгрии, будучи сама крайне дурно снабженною.

Осенью 1915 года германское верховное командование указало главнокомандующему восточным фронтом, «что не признается возможным окончательно уничтожить того врага, который крепко решил не уступать, не считаясь с размерами жертв людьми и территорией, раз он поставлен под серьезную угрозу, и у которого в распоряжении имеется необ'ятная Россия... Начатое 9 сентября наступление германского восточного фронта всюду натолкнулось на энергичное сопротивление... Начальник генерального штаба уже 19 сентября убедился, что более уже не было шансов добиться каких-либо успехов крупного значения... Наступательные операции, которые австро-венгерское главное командование вело с конца августа, не только не дали каких-либо решительных выгод, но вызвали в ходе вещей отрицательный поворот крупного значения... Левое крыло 7 австро-венгерской армии в первой трети сентября понесло тяжелое поражение на западном берегу Серета. Положение оказалось возможным восстановить лишь тем, что верховное командование заявило свое согласие ввести в дело те силы, которые были назначены к отправке на сербскую границу. 4-я австро-венгерская армия, двигавшаяся из района Луцка на линию Дубно—Ровно, была в такой мере потрясена сильным русским контрударом, что приходилось опасаться серьезных результатов (стр. 128, 129, 131, 133, 140, 141)...».

В силу такой обстановки на русском фронте и при наличии явных приготовлений англо-французов к нанесению германской армии сильного удара, Германия, как свидетельствует о том генерал Фалькенгайн (стр. 143), сделала попытку добиться политического сближения с Россией, рассчитывая на то впечатление, которое могло быть произведено на Россию успехами германской армии в Галиции и далее на восток летом 1915 г.

Ценность для Германии достижения такого сближения выражена в следующих суждениях начальника генерального штаба, высказанных политическому руководству Германии:

«С военной точки зрения достижение мира на востоке имело бы столь большую цену, что отказ от территории по сравнению с таковым достижением не играл бы решительно никакой роли... Со стороны Берлина против этого не было заявлено возражений. Государственный канцлер, напротив, сообщал о начале нужных шагов; но они, к сожалению, остались без результата. Напротив, они принесли с собою такое

обострение противоречий, что Германия сочла более соответственным временно вовсе разрушить мосты к востоку (стр. 144 и 145)...»

Ради еще более широкого освещения событий войны в 1915 г. и значения в этот период русской армии мы приводим ниже еще несколько выдержек из различных источников в области заграничной военно-научной литературы.

Генерал фельдмаршал фон-Гинденбург в своем труде «Из моей жизни», изданном в 1920 г., говорит между прочим:

«В начале 1915 г. австро-венгерская армия в Карпатах должна была в тяжелой борьбе защищать венгерские поля, коим угрожало вторжение русских... Австро-венгерскому главному командованию мысль о решительной операции на востоке была поэтому особенно близкой. Оно склонялось к этому не столько из военных, сколько из политических соображений. Прогрессивное понижение ценности австро-венгерских вооруженных сил не могло оставаться для него тайною (стр. 122 и 123)...»

Пьер Канар в своем труде под наименованием «Три облика вождей: Фалькенгайн, Гинденбург, Людендорф», изданном в Париже в 1923 г., говоря о событиях войны в 1915 г., утверждает, что наступление австро-германцев этого года на русском фронте было вызвано «необходимостью спасти Венгрию, вторжением в которую угрожали русские с вершин Карпатских гор...

«Спустившись в Венгрию, русские заставили бы изнемочь элемент наиболее сильный в политическом и военном отношениях сложной империи Габсбургов, и это было бы чрезвычайно важно. Надо было, если возможно, этому помешать... Фалькенгайн мог питать сильный натиск фаланги Макензена только подкреплениями, взятыми последовательно то с западного фронта, то с других участков восточного фронта... Немцы не достигли желательного им результата потому, что русская армия, весьма испытанная, еще существовала и была способна современем к восстановлению. С марта 1916 г. она действительно атаковала немцев... огромными силами и с такими материальными средствами, которых она до сего еще никогда не имела (стр. 42, 43, 47, 105)...»

План кампании 1916 г. включал: со стороны Германии—атаку Вердена, каковой германское верховное командование придавало необычайно важное значение для исхода дальнейшей борьбы с Францией, а со стороны Австро-Венгрии — наступление из Тироля в Италию.

«Из этого для всего восточного фронта, говорит Людендорф, вытекали две задачи: во-первых, выделение на другие фронты части

войск и, во-вторых, отражение русских атак, которых можно было ожидать с уверенностью (стр. 167).»

Русская армия действительно не осталась безучастной к событиям на фронте своих союзников, и то, что ею было сделано ради выручки их, получило нижеследующую оценку наших тогдашних противников, склонных, как выше было указано, скорее умалять силу ударов русской армии, нежели их преувеличивать. Генерал Людендорф в своем труде «Мои воспоминания о войне 1914—1918 годов» свидетельствует:

«Русское наступление, намеченное во 2-й половине марта против фронта главнокомандующего востоком, далеко выходило из рамок простой попытки оттянуть на себя силу. Это был решительный бой и, как таковой, заранее распланированный. Найденные приказы гласили об изгнании врага из пределов империи... Артиллерийский бой велся с невиданною на востоке силою и 17 марта продолжался. 18 марта начались пехотные атаки и продолжались с перерывами до конца марта.... План был задуман широко... Район атаки был обширен и хорошо выбран... С 18 по 21 марта положение 10-й германской армии было критическое. Русские обладали огромным численным превосходством. Всеми овладело напряженное беспокойство о дальнейшем... Положение армейской группы Шольца и 8-й армии было не менее тяжелым... Неприятельские атаки у Двинска были особенно упорны... К концу марта русские атаки уже истощились. Как тогда говорили без преувеличения, они утонули в «болоте и в крови». Потери русских были чрезвычайны (стр. 169 и 170)...»

Генерал Фалькенгайн в своем труде «Верховное командование 1914 — 1916 г.г. в его важнейших решениях», говоря о том же периоде операций в 1916 г., свидетельствует нижеследующее:

«Еще неожиданнее, чем отсутствие отвлекающих операций на западе, явилось начало таковой операции—и в очень большом размере в северной части восточного фронта во 2-ю половину марта. 18 марта русские на участке озера Дрисвяты—Поставы и по обеим сторонам озера Нароч повели атаку очень большими силами и при большом расходе снарядов. В ближайшие дни они продолжали свои попытки в многочисленных пунктах почти всего фронта до пункта южнее Риги. Атаки продолжались с исключительным упорством до начала апреля, но их можно было скорее назвать кровавыми жертвоприношениями, чем атаками. Колонны плохо обученных людей, наступавших в неповоротливых густых строях и предводимых столь же необученными офицерами, терпели страшный урон...

«Не было никакого сомнения, что атаки со стороны русских были предприняты только под давлением их западных союзников и для их поддержки. Никакой ответственный начальник, не находящийся под внешним принуждением, не мог бы столь малоценные войска повести против столь прочно оборудованных позиций, какими располагали немцы. Если бы даже были достигнуты первоначальные успехи, их нельзя было использовать при состоянии дорог в это время года... Атаки велись с обычным у русских презрением к смерти отдельного бойца (стр. 219 и 220)...»

Во второй половине мая последовала атака австро-венгерских сил против фронта Италии.

Вначале это наступление имело успех, затем сделалось затрудненным, по свидетельству Фалькенгайна, у «австро-венгерского верховного командования возникли даже сомнения, удастся ли удержать собственные позиции на Изонцо, также ослабленные в пользу тирольской операции свыше всякой меры, если неприятель поведет против них атаку. Но прежде, чем из этого неутешительного положения могли быть сделаны нужные выводы, 4 июня в Галиции, как гром из ясного неба, разразилась беда... 5 июня со стороны союзников последовал в немецкую главную квартиру настоятельный зов о помощи. Русские под начальством Брусилова накануне этого дня атаковали почти на всем фронте от излучины Стыри у Колки, ниже Луцка до румынской границы...

«Наступление, как на Волыни, так и в Буковине имело огромные результаты. К востоку от Луцка австро-венгерский фронт был прорван беспрепятственно, и не более как в два дня образовался зияющий провал в добрых 50 километров шириною. Части 4-й австро-венгерской армии, которые до сих пор там стояли, исчезли до жалких остатков...

«7-я австро-венгерская армия в Буковине хлынула назад на всем фронте; первое время нельзя было и предвидеть, когда и где удастся ее остановить... Все имевшиеся в распоряжении резервы сохранившихся участков, а особенно—немецкие южной армии и фронта Лепзингена, были немедленно брошены на угрожаемые пункты. И однако, когда 7 июня стали известны потери союзников людьми и материалом, а также ближайшие данные о поведении частей в боях, нельзя было уже сомневаться в том, что без сильной немецкой поддержки в близком будущем всему фронту в Галиции грозит полный разгром... Новое вторжение русских в Венгрию или новая угроза Силезии для немецкого верховного командования недопустимы. Наступле-

ние первого или второго случая привело бы к скорому истощению срединных держав.

Итак, налицо была существенно изменившаяся обстановка. Возможность такого краха в рассуждениях начальника генерального штаба, конечно, никогда не учитывалась. Он считал его доселе невозможным (стр. 222—225)...»

И несмотря на столь тяжелые условия, в которые русская армия вновь поставила германское командование, Фалькенгайн, сделав анализ возможностей для облегчения их, приходит к выводу:

«Было совершенно правдоподобно, когда штабы обоих немецких фронтов сообщили, что они мало по малу, смотря по обстановке, еще могут доставить силы для галицийского фронта, но что они не в силах: ни создать из них большой ударной группы, ни еще менее сделать это с требуемой скоростью, как то было предложено австро-венгерским главным командованием.

«Русские слишком многому успели научиться. К тому же чисто численное превосходство русских после потери свыше 200 тысяч человек, понесенной союзниками в три дня, стало слишком крупным. Надежды добиться на западе решительного исхода раньше, чем Австро-Венгрия развалится не только в военном отношении, но и политически, также не имелось налицо. А развал этот при всех обстоятельствах знаменовал собою проигрыш войны. В результате оставалось применение системы частных поддержек... Конечно, положение на западном фронте уже и при таком скромном заимствовании резервов делалось значительно менее благоприятным. От мысли сильным контр-ударом задушить в зародыше находившееся в процессе подготовки английское отвлекающее наступление приходилось отказаться. Подготовленные для этого общие резервы людей и снаряжения были, благодаря отдачам на восток, значительно ослаблены. Но позволительно было надеяться на то, что храбрым войскам запада и без этой помощи удастся пережить надвигающуюся грозу... 4—5 немецких дивизий—из них по одной с фронтов принца Леопольда и Гинденбурга, а три—с западного фронта должны были сосредоточиться в районе Ковеля... Противник в районе Луцка прошел вперед около двух переходов за Стырь... и, не щадя человеческих жертв, вновь и вновь бросал на союзные линии свои мало-по-малу подходящие подкрепления. Наоборот, в некоторых пунктах удалось значительно потеснить его назад, правда, только после тяжелых боев во второй половине июня месяца и притом после полученных дальнейших немецких подкреплений. Последние по большей части вновь были взяты с запада... Армейская группа Войрша в районе восточнее Барановичей сама в се-

редине июня была атакована более чем в пять раз превосходными силами... Южнее Днестра русские в своем быстром победоносном беге не только заняли всю Буковину, но в конце июня дошли до Тлумача и Коломыи, т.-е. глубоко во фланг Южной армии...

«Одновременно в горах противник двинулся к венгерским перевалам... И сюда подвозились немецкие подкрепления... Но эти подпорки оказались недостаточными, чтобы длительно повлиять на всеобщее отступательное движение. Несколько раз и они, когда их соседи сдавали, также смывались прочь обтекающими их русскими массами... Фронт в конечном результате нуждался в дальнейшей заботе... Новая австро-венгерская армия—12-я—должна была в начале июля сформироваться на Днестре, выше Галича, из слабых частей, снятых с итальянского фронта, западного, северной части восточного и с других... При только что описанных мероприятиях играл уже некоторую роль учет позиции Румынии. Эта позиция, с каждым шагом русских вперед, становилась все менее благоприятной (стр. 223—226)...»

Чрезвычайно важно свидетельство Фалькенгайна относительно содействия русским в эти дни со стороны Франции. Фалькенгайн заверяет: «В Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме. Его результаты во всяком случае решительно не повлияли на размер двигавшихся на восток подкреплений. Положение дел здесь все еще считалось действительно серьезным, но уже не критическим... В конце концов, для боев на Сомме остается вразумительным активом лишь то воздействие, которое они оказали на события западного фронта (стр. 243 и 244)...».

В противоположность этому, как свидетельствует далее в своем исследовании событий войны генерал Фалькенгайн, — «для русских начало боя на Сомме было сигналом к удвоенным усилиям на востоке. Без сомнения, в этом случае они следовали вновь данным указаниям руководителей Антанты. Едва ли мыслимо, чтобы их собственные вожди могли еще рассчитывать на решительные результаты...

«В течение июля и первой половины августа наступательные попытки русских велись беспрерывно на всем огромном восточном фронте, часто одновременно на многих пунктах. Участок фронта Гинденбурга был атакован у Риги, Фридрихштадта и Двинска, на озере Нароч, у Сморгони и Крево, в большинстве случаев, конечно, только демонстративно. Против армейской группы Войрша, фронта принца Леопольда, противник бросался с исключительным упорством в районе восточнее Барановичей, и притом—бесчисленное число раз. Фронт Линзингена должен был часто отражать его удары на нижнем Стоходе и

средней Стыри. 2-й австро-венгерской армии приходилось тяжко бороться у Вербена, восточнее Брод, и около Залосьце и т. д. Согласно всех донесений, потери русских должны были быть прямо чудовищными...

«Проектированное на фронте эрцгерцога Карла наступление, имеющее целью принудить русские части в Карпатах к отходу за Днестр, чтобы там вызвать улучшение в настроении Румынии, не дошло до осуществления. Приходилось назначенные для этого войска, едва только они прибывали, применять для закрепления хрупких участков, и вообще, при бедности резервов, требовалось крайне подвижное их применение позади всего боевого фронта, чтобы справляться с русскими на тех участках, против которых они намечали тот или иной нажим (стр 245 и 246)...»

«На западном театре сила натиска врагов, дошедшая в боях на Сомме до своего крайнего напряжения, была сломлена... Если оказалось невозможным положить конец натиску французов и превратить его при помощи немецкого контр-удара в дело, выгодное немцам, то это приходится приписать исключительно ослаблению резервов на западе, а оно явилось неизбежным из-за неожиданного разгрома австро-венгерского фронта в Галиции, когда верховное командование не сумело своевременно опознать решительного перенесения центра тяжести русских из Литвы и Курляндии в район Барановичей и в Галицию (стр. 260)».

Генерал Людендорф в своих «Воспоминаниях» передает ту же фактическую обстановку этого периода войны, ни в чем при этом не расходясь с Фалькенгайном, и сопровождает свое повествование нижеследующими признаниями, ярко вырисовывающими то огромное влияние на ход событий мировой войны, которое порождено было действиями русской армии летом 1916 года:

«Германское наступление на Верден не дало решительных результатов... Антанта имела в виду нанести сильный удар самому опасному противнику—германской армии. На западе он должен был вылиться в атаку на Сомме. На востоке русские должны были атаковать главными силами Барановичи, Сморгонь и Ригу. Бои на австро-венгерском фронте, начавшиеся в первых числах июня у Луцка, Тарнополя и на Днестре, на первое время должны иметь преимущественно демонстративный характер... Лишь неожиданно крупные успехи, одержанные над австро-венгерскими войсками, заставили русских отказаться от осуществления большого наступления на фронт главнокомандующего востоком и перенести центр тяжести действий против австро-венгерских войск, сохраняя при этом и удар на Барановичи...

«Разбитая австро-венгерская армия получила возможность собрать свои остатки только у Затурцы и Кисслина.

«Напряженность обстановки не позволяла обождать прибытия всех подкреплений, чтобы одновременно перейти в атаку... Контр-атаки имели лишь местный успех... Это был один из наисильнейших кризисов на восточном фронте...

«Мы рискнули еще больше ослабить наши силы; на это же решился и генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский... Мы продолжали выискивать отдельные полки, чтобы поддержать левое крыло фронта Линзингена, у Ковеля. Если бы последнее откатилось еще дальше, то трудно даже себе представить, что бы с нами случилось. Протекали очень тревожные дни. Мы ожидали все, что могли, и знали, что если противник нас атакует, то нам неоткуда ждать помощи. Так и случилось. 16 июля русские с чрезвычайною энергиею атаковали со стороны рижской предмостной позиции, непосредственно западнее Двины...

«Еще не закончились эти бои, когда в конце июля появились явные признаки того, что надо ожидать продолжения атак у Барановичей и на Стоходе. Мы с жутким опасением ожидали этих боев. Войска были истощены напряженными боями... Австро-венгерские войска потеряли всякую веру в свои силы и всюду нуждались в германской опоре...

«Было ясно, что русские подготовляют новый могущественный удар, а мы исходили кровью на Сомме: австро-венгерские войска испытывали сильный нажим на итальянском фронте. В воздухе пахло бурею, а нервы напрягались до крайности (стр. 176—183)...»

«В конце июля восточный фронт опять пережил тяжелые дни. Тем временем русское наступление разразилось; бои, казалось, будут длиться без конца. Русские сильно атаковали наши войска. Сменять истощенные части можно было лишь в очень тесных пределах. 28 июля началась большая русская атака вдоль Стохода, и с неслыханною энергиею продолжалась до вечера 1 августа. Русские сосредоточили в данном пункте во много раз превосходные силы, которые они беспрерывно вводили в бой, не считаясь с потерями. Во многих местах наступали моменты кризиса (стр. 186, 188 и 190)...»

Капитан германской службы Х. Риттер в своем труде «Критика Мировой войны», рассматривая события лета 1916 года, делает также несколько весьма показательных замечаний, относящихся к значению русских наступательных действий в этот период войны:

«Русское летнее наступление 1916 года должно было развиваться параллельно с наступлением западных держав на Сомме.. Но оно

разразилось в марте... К счастью, сила удара русского наступления весьма быстро ослабела, вследствие неслыханного хищнического истребления людского материала.

«Когда этот план потерпел крушение, русское командование обратило внимание на свои другие фронты, которые должны были поддерживать главное наступление, задуманное для сопровождения наступления на Сомме.

«Одновременным сильным натиском у Риги, Сморгони и Барановичей предполагалось пошатнуть германский восточный фронт с целью поддержать своих западных союзников...

«Тогда же тирольское наступление стало безнадежным. 2 июня, следовательно, перед началом боя на Сомме, началось восточнее Луцка наступление Брусиловской армии...

«Начавшийся бой на Сомме был предоставлен на стороне германцев своим собственным силам. Потребность оказать помощь австрийским войскам ослабила северную часть германского фронта вплоть до наличного состава рекрутских депо... К жестоким ударам молота на Сомме присоединилось генеральное наступление русских на фронте от Румынии до Восточного моря...

«Германия, вся израненная, истекала кровью. Наступил кризис, ставший вопросом жизни...

«Деморализация австрийской армии сильно ускорила подтачивающую работу энергии наступления на Сомме и вызвала на арену действий Румынию... Вступление Румынии в войну 27 августа 1916 г. вновь воскресило на германском восточном фронте опасность, только что перед тем с таким трудом отведенную (стр. 140—143)...».

У Отто Мозер в его труде «Краткий стратегический обзор Мировой войны 1914 — 1918 годов» имеются нижеследующие, весьма интересные замечания, относящиеся к событиям войны весною и летом 1916 года:

«По взаимному соглашению союзников, состоявшемуся еще до половины февраля, т.-е. до наступления немцев на Верден, решительное наступление должно было начаться 30 июня на Сомме, после окончательного сосредоточения английских войск и боевых средств. Кроме того, ему должно было предшествовать наступление на русском фронте, намеченное на 15 июня с целью отвлечения сил противника с западного фронта...

«Немецкий западный фронт нуждался в подкреплениях не только изнутри страны, но и со стороны восточного фронта и австро-венгерских войск... С начала мая все грознее и грознее надвигалась буря решительного наступления Антанты... Казалось, наступал кризис войны...

Но ни немецкий восточный фронт, ни Австро-Венгрия не могли дать помощи потому, что Антанта настояла на том, чтобы русские своим наступлением не дали возможности германцам делать переброски на запад к Вердену.

«18 марта, т.-е. в неблагоприятное время года, началось неожиданное наступление русских у Нарочского озера и у Постав, распространившееся впоследствии до Риги и длившееся вплоть до начала апреля. Это наступление было предпринято громадными силами, как людскими, так и материальными, и велось крайне энергично... Русские войска шли в бой с фантастическим самоотвержением...»

Факт этого русского наступления указал на следующие два явления. Во-первых, что не было достигнуто серьезного, а тем более длительного ослабления русской наступательной силы и воли; во-вторых, что немецкий восточный фронт действительно нуждался в той полумиллионной армии, которая была расположена между Ригою и Пинском. Необходимость наличия на востоке таких сил подкреплялась также тем, что значительная доля немецких войсковых частей была сильно утомлена тяжелыми боями при неблагоприятном времени года, погоде и местном грунте, а также связанными с этими боями спешными и беспощадными переброcками по лесистым и болотистым дорогам для преодоления серьезных боевых кризисов. Каждую минуту могли возобновиться русские атаки...

«Совершенно иным, даже катастрофическим было положение австро-венгерской армии... Австро-венгерское наступление в Тироле создало глубиною прорыва опасное положение для итальянского фронта. Однако сильные итальянские контр-атаки приостановили наступление австро-венгерцев уже к концу мая. В начале июня Австро-Венгрии пришлось совсем отказаться от этой операции в силу того, что 4 июня австро-венгерский фронт в Галиции на протяжении 300 *км* от Луцка до Черновиц был атакован русскими войсками. Австро-венгерцы были совершенно разгромлены...

«Если бы в этот критический момент, в начале июня англо-французские войска перешли в решительное наступление, то даже, не добившись сразу прорыва, они так сковали бы немецкий западный фронт, что немецкое верховное командование не было бы в состоянии удовлетворить настойчивую прось-

бу о помощи Австро-Венгрии, переданную 5 июня. Это тем более, что и на немецком восточном фронте Гинденбурга и Леопольда на стороне русских все еще было превосходство в силах.

«Необходимость восстановления положения на австро-венгерском фронте, южный фланг которого был снова отброшен к Карпатским перевалам, потребовала переброски в июне и июле всех немецких резервов, которые только можно было выделить на западном, а позднее и на восточном немецком фронте, из группы Гинденбурга, и, наконец, в Македонии. В общем немцы перебросили в Галицию 20 дивизий...

«Не удалось провести ни одного намеченного плана о переходе в решительное наступление с целью ликвидировать наиболее опасный кризис на восточном фронте...

«Брусиловское наступление определило тот крайний момент, когда нужно было приостановить наступление на Верден, ставшее бесцельным...

«Немецкие войска на других фронтах, частью уже бывшие в бою, частью же готовившиеся вступить в бой, буквально взывали о поддержке их войсками, орудиями и снарядами не только в целях обороны, но и для нанесения контр-удара (стр. 92—96)...»

Русскому июньскому наступлению уделяют очень много внимания все военные исследователи событий мировой войны, единогласно признавая за ним чрезвычайно важное значение для исхода операций на всем театре войны и конечных результатов последней.

Ниже приводятся только самые краткие выдержки из ряда военно-литературных трудов, появившихся в печати через несколько лет по окончании мировой войны.

Генерал-фельдмаршал фон-Гинденбург в своем труде под названием: «Из моей жизни», изданном в 1920 году, повествуя о кампании лета 1916 года, говорит:

«На востоке русское наступление дошло до самого гребня юго-восточных Карпат. Вряд ли возможно было с имевшимися в нашем распоряжении силами удержать при новом наступлении эту последнюю защиту Венгерской равнины. И в районе перед северо-западной частью Карпат положение было чрезвычайно напряженным. Хотя натиск русских к этому времени несколько ослабел, но нельзя было рассчитывать, чтобы эта передышка оказалась длительной... Политическое положение в самой Австро-Венгрии летом 1916 года было тяжелым... Быстрое крушение сопротивляемости на галицийско-волынском фронте породило в широких массах австро-венгерского народа большой песси-

мизм и недоверие, и это нашло отзвук в народном представительстве. Руководящие круги Австро-Венгрии, несомненно, находились под влиянием именно такого настроения. Уже не в первый раз к нам доходили отзвуки подобных опасных настроений (стр. 148, 152)...»

Цитированный выше Пьер Капар («Три облика вождей: Фалькенгайн, Гинденбург, Людендорф»), оценивая военные события в 1916 году, делает такое общее заключение относительно влияния на ход войны русского июньского наступления:

«4 июня Брусилов атаковал к югу от Припяти от Волыни до Буковины. Потерпев неудачу в центре, он без труда прорвал австрийцев на двух флангах—на Стыри и на Днестре. Целиком потрясенный, потерявший свыше 200 тысяч пленными в три дня, австрийский фронт казался близким к полному разгрому, что заставило тотчас же послать ему в помощь германские войска, взятые с западного (французского) фронта, которым удалось во второй половине июня приостановить Брусилова на Стоходе, то-есть на его правом крыле. Но левое крыло русских продолжало свое продвижение на Днестре и в Карпатах... Однако положение центральных держав оставалось серьезным. Верден не был взят; сражение на Сомме началось в июле; итальянцы на плато Азиаго смогли остановить австрийское наступление... Дорого обошедшиеся немцам демонстративные в начале атаки Брусилова, предпринятые с довольно слабыми средствами, угрожали поражением Австрии и доказали, что русская армия восстановила (после неуспеха в 1915 году) силу свою и твердость (стр. 61 и 132)...».

Французской службы генерал Манжен, в своем труде под заглавием «Как закончена война», 29-е издание которого вышло из печати в 1922 году, излагая события войны в период 1916 года, устанавливает нижеследующее:

«В 1916 году 21 февраля германцы начали атаку Вердена, которая продолжалась настойчиво в продолжение весны, так что союзники могли опасаться падения французской цитадели. 15 мая того же 1916 года австро-венгерская армия, в составе 38 дивизий, поддержанных мощною артиллериею, под общим начальством эрц-герцога Евгения, атакует в Трентино итальянцев. Продвинувшись вперед на 12—20 километров, австрийцы в то же время отбросили итальянцев на юг, на последние отроги Альп, которые господствуют над всею долиною реки Адиж, угрожая тылу оборонявшихся на левом берегу этой реки».

«В это самое время русское наступление в Галиции привлекает на север все австрийские силы, которыми можно было еще располагать. Начав наступление ранее намеченного срока, с целью по-

мочь угрожаемой Италии, генерал Брусилов 4 июня атакует на фронте от Припяти до Румынской границы, протяжением 350 километров. К концу июня он достигает Стохода в Волыни и Карпат на юге Галиции, продвинувшись вперед от исходного положения на 100 километров и захватив 200 тысяч пленных. Австро-германское наступление в Италии приостановилось; в начале июня с французского фронта берутся четыре германских дивизии, а в конце этого же месяца еще четыре. Вынужденное временами приостанавливаться для восстановления железных дорог и организации снабжения, наступление Брусилова заканчивается лишь в сентябре захватом в конечном результате 420 тысяч пленными, 2.500 пулеметов и бомбометов и 600 орудий...»

Повествуя о событиях на Салоникском театре войны, генерал Манжен делает такое замечание:

«Турецкие войска были отвлечены в Азию наступлением русских в Армении... и их деятельность в Европе сильно уменьшилась (стр. 99, 101)...»

Французской службы полковник Де-Витт-Гизо в своем военно-научном труде под наименованием «Крупные этапы победы 1914—1918 г.г.», изданном в Париже в 1923 году, при изложении событий на театрах войны в лето 1916 года свидетельствует нижеследующее:

«Австрия начала свое наступление 15 мая, отбросила итальянцев и в пятнадцать дней вынудила их отступить к югу от плато Азиаго на последние отроги гор, которые командуют над равниною Виченцы. В виду этой новой угрозы обратились к русским с просьбой действовать поспешно и сильно. Брусилов, который должен был произвести южнее Пинских болот сначала только демонстрацию, переходит в наступление, ничего не щадя, всеми четырьмя армиями. Он опрокидывает две австрийских армии, на флангах которых имеются две германские армии Ботмера и Линзингена, снова овладевает Буковиною, захватывает часть Галиции, занимает вершины Карпат, берет 420 тысяч пленными, 6000 орудий, 2.500 пулеметов (стр. 120)...»

Французской службы майор, П. Луи Ривьер в своем труде «О том, чего никто не имеет права не знать о войне 1914—1918 годов» (Ce que nul n'a le droit d'ignorer de la guerre 1914—18»), изданном в 1921 году, делает между прочим такой весьма показательный вывод:

«В сентябре 1916 г. борьба утихает. Она дает нашим союзникам, русским, 420 тысяч пленными, 600 орудий, ослабление Австрии, которая вместе с тем прекратила наступление, предпринятое в мае

против Италии. Мы сами использовали эту победу: германские дивизии, посланные Германией на помощь Австрии, отсутствовали на Сомме (стр. 23)...»

Подытоживая результаты ведения Германией борьбы, как они слагались к концу 1916 года и к началу 1917 года, генерал Людендорф в своем труде «Мои воспоминания» заключает:

«Несмотря на то, что 1916 год закончился для нас столь благоприятно, перспективы на следующий год войны были крайне серьезны...»

«Чтобы добиться окончательной победы, Антанте надо было атаковать наши еще не успевшие отдохнуть войска возможно раньше и еще ожесточеннее, чем осенью 1916 года...».

«Россия приступила к особенно обширным новым формированиям...»

«Германия и ее союзники ничего не могли сделать в противовес этому...»

«Техническое снаряжение армий Антанты достигло такого совершенства и силы, которого раньше не имело. На западе это проявилось с беспощадною ясностью. Сражения 1916 года на востоке обнаружили и здесь весьма значительное повышение технических военных средств, проявившееся особенно в обилии снарядов.

«Россия частично перенесла свою военную промышленность в Донецкий каменноугольный бассейн и значительно развила ее. Япония спабжала все усерднее. С окончанием постройки Мурманской железной дороги и техническим усовершенствованием Сибирской, должен был возрасти также ввоз из Японии, Америки, Англии и Франции. На всех театрах военных действий Антанта имела возможность усилить свое численное превосходство тем громадным плюсом, который давали усовершенствования во всех областях военной техники и нанести нашим войскам еще больший ущерб, чем это имело место на Сомме и под Верденом... При создавшемся положении сравняться в силах было невозможно... Наше положение было чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным. О наступлении думать не приходилось, мы должны были держать наготове резервы для обороны...»

«Наше поражение казалось неизбежным в случае, если война затянется. К тому же основы нашей экономики не отвечали требованиям войны на истощение. Силы на родине были подорваны. С тяжелою заботою мы думали о материальной поддержке нашего существования, а также о наших душевных силах (стр. 244—246)».

Вот какое положение сложилось на стороне Германии уже к концу 1916 года в результате борьбы с нею, в которой, как мно-

жество раз было ясно из всего вышеизложенного, такую видную, крупную и решающую роль играла русская армия.

Это положение обнаруживало уже критическое ослабление Германии, при котором дальнейшая борьба с нею не могла представить таких тяжелых затруднений для наших союзников, как это имело место в первые три года войны.

В дальнейшую борьбу с Германией русская армия вложила такой крупный залог конечной победы, что, в случае даже выхода ее теперь из борьбы, за нею должна была остаться крупнейшая доля прямого участия в окончательном, исчерпывающем борьбу успехе. А между тем в действительности русская армия в 1917 году продолжала борьбу и оказала сильное влияние на ее последующее течение.

Отто Мозер («Краткий стратегический обзор Мировой войны 1914—1918 годов»), устанавливая обстановку к концу 1916 года, делает такое замечание:

«Народ и армия не сознавали, какая огромная забота лежала на верховном командовании в отношении дальнейшего ведения войны и как немного было стратегических возможностей в их распоряжении. И это по той простой, но глубоко трагической причине, что состояние немецкой армии не давало возможности предпринять решительного наступления в ближайшем будущем ни на востоке ни на западе.

«Если бы, однако, было решено нанести удар на одном из фронтов, например, на нижнем Серете, где, казалось, представлялась возможность сбить русско-румынский фронт фланговым ударом, то другие фронты должны были бы рухнуть по причине недостатков резервов.

«Но только такие решительные удары могли дать победу и привести к окончанию войны...»

«Внутри страны стали обнаруживаться все сильнее и сильнее признаки разложения монархического, государственного и военного авторитетов, а также гражданской морали. Правда, этому сильно содействовало непроведение крайне необходимых и решительных реформ с целью увеличения политических и финансовых прав тех народных слоев, которые или сражались на фронте, или действительно работали и несли огромные жертвы. Разложение внутри страны должно было вредно отразиться на пополнениях, а через них и на фронтовых войсках...».

«Еще хуже было положение Австро-Венгрии (стр. 104 и 107)...»

О влиянии русской армии на ход событий Мировой войны в 1917 году много раз указывает в своем труде «Мои воспоминания» генерал Людендорф, который с 29 августа 1916 года был призван на

пост первого генерал-квартирмейстера при начальнике генерального штаба, каковым был назначен вместо Фалькенгайна Гинденбург.

Вот некоторые показательные суждения генерала Людендорфа, относящиеся к оценке положения в упомянутый период войны:

«По человеческому разумению, центр тяжести нашей обороны в 1917 году должен был лежать на западе, хотя бы острота положения на востоке и продолжалась...»

«На востоке я учитывал преимущественно возможность наступления в южной части фронта против австро-венгерских войск.

«Но в конце января главнокомандующего востоком, а также и нас, неожиданно всполошил удар русских в направлении на Митаву; поспешно стянутыми резервами едва удалось его локализировать...»

«На востоке наступила огромная перемена. В марте, споспешествуемая Антантою, революция свергнула царя...»

«1 июля 1917 года началось наступление русских—сначала только в Галиции... План русского наступления был задуман широко. Атаки должны были развиться у Рижского предмостного укрепления, на озере Нароч, у Сморгони и южнее и на всем фронте Восточной Галиции, от железной дороги Тарнополь—Зборов—Львов вплоть до Карпат... Благодаря большому количеству перебежчиков, предстоящее наступление русских не являлось тайною для главнокомандующего востоком. Он принял все меры для отражения наступления. Но для контрудара, к которому он стремился, были необходимы подкрепления с запада... Шесть дивизий были взяты с западного фронта и переброшены на восток. Больше выделить в то время было невозможно. На западном фронте начальники с большою неохотою отдавали дивизии на восток. Они не уясняли себе, какой крупной цели мы достигали... Русское наступление в Восточной Галиции сопровождалось большим расходом боевых припасов; атаки велись в густых массах... 1 июля большие русские силы прорвали австро-венгерский фронт между Зборовым и Бжезанами. Австро-венгерские войска массами передавались противнику. Главнокомандующий востоком должен был ввести в бой значительные резервы, чтобы 20 июля задержать натиск... 6 и 7 июля русское наступление против 3 австро-венгерской армии южнее Днестра увенчалось полным успехом... Только что прибывшая свежая германская дивизия пыталась остановить отступление, но была увлечена общим потоком. Русские продвинулись до Ломницы и заняли Калущ. Положение главнокомандующего востоком было критическое. Он сосредоточил на тарнопольском направлении предназначенные для контрудара между Зборовом и Серетом войска, и туда же были в пути дивизии с запада... Надо отметить еще особенно сильную атаку, последо-

вавшую 21 июля у Крево, южнее Сморгони. Русские прорвали там ландверную дивизию, которая оборонялась необыкновенно храбро... Несколько дней обстановка была очень серьезной, пока наши резервы и артиллерийский огонь не восстановили положения. Русские очистили наши окопы. Это уже были не прежние русские солдаты»...

«В горах от Фокшан до границы, 24 июля началась русско-румынская атака с целью отвлечь наши силы. Удар пришелся по слабому участку фронта и имел успех (стр. 1, 2, 9, 10, 26 и 28, т. II)...»

Обрадовавшая было германское верховное командование русская революция, однако, принесла ему вскоре много разочарований, помимо вышеуказанного перехода русской армии в наступление.

Генерал Людендорф делает в своем труде «Мои воспоминания», между прочим и такие признания:

«Теперь, задним числом, я могу утверждать, что наше поражение явно началось с русской революции (стр. 37, т. II)...»

«Бои на западном фронте являлись для нас тяжелыми, как никогда, и сопровождались такими огромными потерями, каких еще ни разу не испытывала германская армия. Несмотря на это, верховное командование не могло усилить западный фронт войсками с востока. Нам надо было, наконец, завершить всю свою работу на востоке, а для этого мы должны были быть там достаточно сильными. Надо было разбить Россию и Румынию, чтобы затем в 1918 году завершить войну на западе... Иначе в 1918 году сложилась бы слишком большая угроза... На востоке мы должны были продолжать обмолачивать Россию и наносить ей новые удары, чтобы развалить этот колосс (стр. 62, 63, том II)...».

«1-го сентября 1917 года состоялось форсирование немцами Западной Двины у Икскюля, юго-восточнее Риги... Я облегченно вздохнул... 21 сентября сильной и хорошо обдуманною атакою была взята предмостная позиция у Якобштадта».

«Теперь удар должен был быть направлен на острова Эзель, Моон и Даго. Для операции требовалась линейная дивизия и бригада самокатчиков, которые и были переброшены на восток с фландрского побережья... 16 октября остров Эзель был уже наш, 18 мая Моон, а затем и Даго (стр. 68, 71, 72 и 88, т. II)...».

«В ноябре 1917 года на восточном фронте у нас было приблизительно 80 дивизий, что составляло одну треть всех наших сил (стр. 90, том II)...»

«С момента развала России я считал, что наше военное положение более благоприятно, чем Антанты (стр. 96, т. II)...»

«Мирные переговоры в Брест-Литовске начались 22 декабря 1917 г. Так как Мировая война продолжалась, то ход их должен был оказать большое влияние на военные решения. В конце концов, вопрос сводился к тому, будут ли эти переговоры вестись так, чтобы мы могли перейти в наступление и успешно закончить эту титаническую борьбу, чтобы избежать печальной судьбы побежденных... Большевики стремились превратить брестские переговоры в широкий агитационный поход для пропаганды своих идей. По нашим внутренним условиям это представляло большую опасность, так как только очень немногие понимали силу разлагающего влияния большевизма в социальном отношении..»

«Мне было ясно, что большевизм, с поддержкою Антанты или без нее, безразлично, является для нас очень опасным врагом, для сдерживания которого нам придется расходовать много военных сил, даже если будет заключен мир (стр. 120, 122, т. II)...».

«Тон Троцкого становился в Бресте все агрессивнее... Он угрожал нам отозвать русских делегатов... Он и Антанта радовались затяжке переговоров... Всякому, не вполне слепому, человеку становилось совершенно ясно, что цели большевиков сводятся к тому, чтобы вызвать у нас революцию, а, следовательно, и разгром Германии».

«Переговоры не двигались с места. Таким способом, каким они велись в Бресте, вообще нельзя было добиться мира, а возможно было лишь еще больше надорвать наши моральные силы. Я сидел в Крейцнахе, как на углях (стр. 127, т. II)...».

«Это естественно создало полную невыясненность на востоке; мы не могли оставаться там на полпути. В любой момент там могла вспыхнуть новая опасность, а мы должны были ввязаться на западе в борьбу не на жизнь, а на смерть»...

«В данный момент русская армия не являлась боевым фактором. Но Антанта только ждала случая укрепить русский фронт, да и большевистские вожди были люди дела, которые могли работать агитацией, а если оставить им время, то они сумели бы без Антанты пустить в ход оружие».

«Русский фронт ежеминутно мог возродиться тем или иным путем. Румыния также никогда не заключила бы мир, если бы Россия не подписала его первая. В таком случае наступление на западе становилось совершенно безнадежным, а вместе с ним мы упускали момент, когда являлась возможность победоносно закончить Мировую войну (стр. 131, т. II)...»

«Если Россия остается изувеченной теперь, после войны, закончившейся победою ее союзников, для которых она в 1914 году таскала

каштаны из огня, то это явление совершенно самостоятельного порядка (стр. 135, т. II)...»

«Благодаря брест-литовскому миру, заключенному 3-го марта 1918 года, и прелиминарному миру, подписанному 5 марта, напряжение на восточном фронте было значительно ослаблено. Но настоящий мир с Россиею не наступил, и вследствие этого продолжала существовать опасность образования нового восточного фронта, к чему Антанта и большевики пока что стремились в молчаливом согласии. Только когда советское правительство заметило, что Антанта угрожает его существованию и хочет установить в России другое правительство, от которого она ожидала большего для войны, только тогда оно отвернулось от Антанты (стр. 143, т. II)...»

«Силы, которые мы оставляли на востоке, были, конечно, еще слишком велики. Но приобретенный нами мир там пока что, имел весьма вооруженный характер, и в связи с ним нам еще предстояло пережить много критических моментов... Бесконечные пространства восточного фронта, которые нельзя было и сравнивать с нашими расстояниями, требовали известного количества войск, если мы хотели разрешить наши задачи так, как их требовала военная и экономическая обстановка (стр. 144, т. II)...».

Для уяснения вопроса о тех войсковых силах, кои русская армия отвлекала своими действиями из состава германской армии в различные периоды Мировой войны, по свидетельству заграничной военной литературы, можно воспользоваться трудом французской службы генерала Бюа, озаглавленным: «Германская армия во время войны 1914—1918 г. г.», изданном в Париже в 1920 году. Ниже приводятся выдержки из этого исторического исследования:

«К 1 ноября 1914 года из общего числа 138 германских пехотных дивизий на русском фронте было 32 дивизии, то-есть свыше 23% сил Германии (без Австро-Венгрии)».

«Тяжелое положение, создавшееся для Германии на русском фронте, вынудило германское верховное командование к изменению его первоначального плана; теперь Гинденбург и Людендорф требовали все усилия направить против России, чтобы раздавить ее...»

«С конца 1914 года эти идеи получают осуществление и приводят к двум наступлениям: одному, еще скромному, которое было предпринято в феврале 1915 года и повело ко второму сражению в районе Мазурских озер и к освобождению Восточной Пруссии, и другому, несравненно более значительному, начавшемуся в мае и имевшему целью не более и не менее, как уничтожение русского военного могущества...»

«Чтобы выполнить эти операции, германцы должны были одновременно брать дивизии с западного фронта... и приступать к формированию дивизий новых. Переброска с запада на восток, начатая в конце ноября 1914 года, заканчивается только в первой половине 1915 года... В продолжение восьми месяцев с французского на русский фронт были переброшены 15 старых германских пехотных и 9 кавалерийских дивизий...»

«Но русский фронт Германии усилился не только дивизиями, раньше существовавшими. Наступление в районе Мазурских озер вызвало формирование девяти резервных дивизий по три полка в каждой, которые в свою очередь были отправлены на русский фронт. В результате русский фронт, который до 1 ноября 1914 года удерживался не более как 32 германскими дивизиями, 1 марта 1915 года отвлекал уже 48 дивизий, а к концу августа того же года—67 дивизий из общего их числа у Германии 172, что составляло на этот раз 39% германских сил...»

«Конец 1916 года характеризуется наиболее критическим положением германской армии...»

«В июне (Галиция), в июле (Сомма) оба фронта Германии были прорваны союзниками с ожесточением, которое грозило Германии разгромом»...

«Германское верховное командование было убеждено в твердости германского фронта на западе и полагало, что большая опасность грозит на востоке...»

«С июня 1916 года четыре дивизии покидают Францию и направляются в Галицию, где австрийцы отходят под ударами русской армии...»

«Наше (французское) наступление на Сомме, очевидно, замедлило переброску, так как в июле можно было констатировать уход на восток только двух дивизий; но начиная с момента, когда пришли к заключению, что можно держаться на западном фронте, переброска на восток возобновляется с большею интенсивностью; шесть дивизий покидают французский фронт в августе, две в сентябре и, наконец, в октябре отправляются еще три,—всего 15 дивизий...»

«Вместе с вновь сформированными дивизиями число германских дивизий на русском фронте доходит до 73-х».

«С другой стороны, на французском фронте, вследствие новых формирований в Германии, число дивизий остается, а именно 130 вместо 125, но число батальонов уменьшается с 1.376 на 1.311... В октябре 1916 года из общего числа 205 германских пехотных дивизий на русском фронте находилось 75, то-есть почти 37%... Несмотря на

деморализацию русского фронта в 1917 году, он продолжал отвлекать на себя крупные германские силы. Так, к 1 августа этого же года на русском фронте находилось 86 германских пехотных дивизий из общего их числа 236, т.-е. попрежнему 37%, а к 1 декабря 1917 года — 74 дивизии из 238, то-есть почти 32%».

«Даже в 1918 году число германских пехотных дивизий на русском фронте было еще велико, постепенно уменьшаясь с 57 в январе 1918 года до 26 в октябре того же года из общего их числа 238 и 213 дивизий, то-есть соответственно 20% и 13% (стр. 19, 21—30, 53, 58 и 65)».

В заключение необходимо отметить еще одно обстоятельство, касающееся азиатских фронтов. В официальном издании английского военного министерства под наименованием «Статистика военных усилий британской империи во время великой войны», появившемся в печати в 1922 году, находятся, между прочим, сведения о количестве турецких сил, отвлекавшихся русскою армиею в течение Мировой войны.

Согласно этих сведений русский кавказский фронт к 24 июня 1918 года, то-есть, когда старой русской армии уже не было, приковывал 62 тысячи турецких войск, в том числе 4½ тысячи немцев и 254 орудия. На палестинском фронте в это время было 83½ тысячи и 523 орудия, а на месопотамском—19½ тысяч и 112 орудий.

Такое отвлечение турецких сил на кавказский фронт самым существенным образом повлияло на достижение успеха британскими войсками в 1918 году в Месопотамии и союзных — в Палестине.

А. ШТАЛЬ

ПРОРЫВ „ГЕБЕНА“ И „БРЕСЛАУ“ В ЧЕРНОЕ МОРЕ

Оценка франко-русской морской конвенции. — Упущение „Гебена“ союзным флотом. — Следственная Комиссия. — Влияние „Гебена“ на ход операций в Черном море. — Выводы и заключения.

Оценка Франко-русской морской конвенции.

Заключенная в 1912 г. Франко-русская морская конвенция состояла из 4 основных пунктов:

1. Флоты обоих держав должны действовать в тех же случаях, в каких будут действовать армии.

2. С этой целью согласованные действия должны подготовляться в мирное время, для чего начальники морских генеральных штабов уполномачиваются обмениваться всякими сведениями, обсуждать стратегические задачи, разрабатывать вопросы совместных действий и вообще все касающееся возможных операций.

3. Начальники обоих генеральных штабов должны обязательно раз в год видеться для обсуждения этих вопросов, и о результатах их свиданий должны быть составлены протоколы.

4. Срок конвенции истекает одновременно с конвенцией военно-сухопутной.

Главным побудительным мотивом для заключения конвенции с русской стороны было стремление укрепить наш левый фланг фронта (черноморский флот) путем:

1) противодействия соединению австрийского флота с турецким,

2) облегчения условий выхода черноморского флота в восточную часть Средиземного моря.

Схема для начала официальных переговоров была такова:

— Обмен сведений по всем военно-морским вопросам тактическим и техническим.

— Обмен секретными сведениями о морских силах иностранных держав.

— Выработка связи между генеральными штабами общего шифра, свода сигналов на случай совместных действий под общим командованием.

— Разбор морской обстановки в связи с военной, имея руководящей целью содействие успеху на сухопутных фронтах, что должно было привести к недопущению французским флотом подкрепления турецкого, частью австрийского.

Принимая во внимание, что появление австрийского флота в Черном море, т.-е. на левом фланге фронта, упиравшегося в Черное море, может вызвать серьезные события, парализовав связь европейского фронта с азиатским, и прекращение наступательной способности

флота, французский морской министр и начальник морского генерального штаба признали необходимым ввести в план развертывания французского флота противодействие неприятельскому флоту пройти через Дарданеллы.

На совещании начальников морских генеральных штабов в Петербурге, в мае 1913 г. (адм. Ливен и Ле-Брис), признано необходимым установить *разведочную* службу для выяснения движений, вооружения и выхода военных судов Тройственного Союза и особенно австрийского флота в Средиземное море.

В виду могущего представиться случая, когда обстановка потребовала бы от русского флота прохода проливов, признать полезным изучить, каким образом французский флот, не отклоняясь от нормальной роли в Средиземном море мог бы комбинировать свои действия для *облегчения стратегического сосредоточения* в Средиземном море обоих союзных сил.

Что же касается французов, то заключение конвенции им было нужно, чтобы подвинуть дело англо-французской конвенции, более существенной, и попутно *выяснить для себя планы России на юге* (проливы).

Дальнейшие события показали, что союзники отнюдь не стремились облегчить выход черноморскому флоту в Средиземное море. С началом войны наблюдение за выходом из Адриатики и слежка за Гебеном, прорвавшимся в Дарданеллы, было командующим французским флотом предоставлено британскому командованию.

Таким образом, самый существенный пункт, послуживший мотивом для заключения конвенции, не был выполнен вследствие исключительных забот французского командования о своих узких интересах и полного пренебрежения союзными.

В дальнейшем результаты конвенции сводились к отсутствию активных действий французского флота в Адриатике для уничтожения австрийского флота и в безобразно ведомой блокаде Отранто, вызывавшей неоднократные и настойчивые требования русского правительства о более бдительном наблюдении за австрийским флотом [1]).

Упущение „Гебена“ союзным флотом.

В истории флотов нет примера, чтобы один корабль сыграл роль, подобную той, которая выпала на долю «Гебена». Все подвиги и разрушения, причиненные знаменитыми крейсерами, вроде «Алабамы» или «Эмдена», бледнеют пред теми бедствиями, причиной которых был «Гебен», столь решительно повлиявший на ход событий не

---

[1]) См. статью В. Егорьева и Е. Шведе.

только на Черном море, но и на всем восточном театре, можно сказать,—на весь ход Мировой войны. Приход «Гебена» в Дарданеллы, окончательно припечатав германо-турецкий союз, заключенный 2 августа 1914 г., был решающим событием, подвинувшим Турцию на войну [2]), разорвавшим связь России с союзниками и повлекшим неисчислимые последствия.

Над всем 1915 годом, великим отступлением русской армии, лишенной материальной помощи союзников вследствие закрытия Дарданелл, над кровавыми боями в Закавказье, над изолированным, отрезанным положением России и ее конечным поражением витает мрачная тень «Гебена», порожденная бездеятельностью французского флота.

Вход германских крейсеров в Дарданеллы имел следствием то, что «война длилась столько лет, ибо это было событие решающее, которое отделило Россию от ее союзников и которое менее чем в год повлекло за собой ее поражение и разрушение» [3]). Эти слова американского посланника в Константинополе, пережившего на месте все фазы события, были истиной, ставшей очевидной теперь, когда мы имеем свидетельство Людендорфа [4]), что вступление в войну Турции позволило Германии продолжать войну лишних два года.

По плану сосредоточения французской армии было необходимо перевезти возможно скорее из Алжира XIX корпус и большую часть оккупационных войск из Марокко и Туниса. При различных возможных решениях этого вопроса важно было не раздумывать над ним в момент действия.

Взвесив все преимущества и невыгоды всех мыслимых комбинаций, французский высший совет национальной обороны признал за лучшее движение транспортов отдельно, вменив им в обязанность итти самым полным ходом к портам их назначения, в то время как французский боевой флот (Armée Navale) будет добиваться господства на море быстрым и сильным наступлением против всякого противника.

---

[2]) 9/22 окт., по сообщению англ. посла Маллета, австр. посол настаивал на об'явлении войны. Энвер в тот же день дал определенный ответ, что турецкий флот будет выслан в Черное море и он вместе с адм. Сушоном без всяких затруднений вызовет враждебные действия.

[3]) „Morgenthau Memoires". Payot et C° edit.

[4]) Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914-18.

Эти указания в последний раз перед войной были закреплены в общих инструкциях, помеченных датой 7 апреля 1914 г. Командующий французским средиземно-морским флотом, адмирал Буе де-Лапейрер, присутствовал при решении высшего совета национальной обороны и способствовал выработке инструкции самому себе.

За несколько дней до об'явления войны, когда весь французский флот после маневров уже стоял наготове в Тулоне, командующий флотом, т.-е. тот же самый Буе де-Лапейрер в письме морскому министру Готье, от 28 июля, предлагает в полную противоположность с установленными ранее положениями об отдельном движении транспортов — собрать транспорты в общий конвой, эскортируемый непосредственно его боевыми судами.

30 июля правительство, явно удивленное, ответило ему телеграммой, что он не может ни в чем изменить данных ему инструкций в подобный момент и изложило свои резоны в письме, где напоминалось, что военный отдел (Le Departament de la guerre) должным образом осветил риск движения отдельных транспортов, но что он его учитывает в виду необходимости перевезти африканские войска в самый короткий срок и что он решительно признает необходимым такое ускоренное движение. Командующему флотом напоминалось, что решения приняты после тщательного изучения, в котором сам адмирал принимал участие, что эти решения исключают всякую мысль о конвое, так как транспорты должны итти полным ходом, и в заключение добавлялось, что со времени издания инструкции они не вызывали никаких замечаний со стороны командующего и что невозможно в момент выполнения изменить планы—плод совместной работы двух министерских отделов, в основу которой было положено решение высшего совета национальной обороны [5]).

При этом следует заметить, что соотношение сил за это время нисколько не изменилось к худшему в Средиземном море; наоборот, первоначальные планы предусматривали враждебные действия австро-итальянского флота. Последние же данные о положении и движении итальянского флота говорили в пользу того, что Италия останется нейтральной.

Вышесказанный ответ, посланный командующему флотом со специальным курьером, в виду его важности, был доставлен ему 31 июля.

По намеченному плану французский флот должен был 1-го августа быть у Алжирских берегов, но опасения вызвать конфликты

---

5) Bienaimé. „La guerre navale"

побудило отложить распоряжение о выходе флота из Тулона до последней возможности [6]).

Получив известие (ложное) из Бизерты 2-го августа, в 7 час. вечера, о появлении «Гебена» «у тунисских берегов», адм. Лапейрер отменил всякий выход транспортов до прибытия эскорта, о чем телеграфировал министру.

Правительство, располагая более точными сведениями о движении германских крейсеров, послало следующее телеграфное приказание командующему флотом, которое он получил 2 августа в 9 час. вечера: «Гебен» и «Бреслау» прибыли в Бриндизи в ночь на 1-е августа, выходите в море и с получением известия о начале военных действий задержите их. Совет министров еще раз решил, что перевозка войск производится отдельными судами. Военный отдел принимает на себя всякий риск».

Правительство знало, что война будет об'явлена на другой день; оно хотело, чтобы в этот момент Armée Navale получила необходимое преимущество для преграждения пути 2 германским крейсерам, выход которых из Адриатики в сицилийские воды, повидимому, указывал на попытку набега на запад.

3 августа в 4 час. утра Лапейрер вышел в море со всем флотом, двигаясь малым 12-узловым ходом. Походный порядок и назначение эскадр (1-я в Филиппвиль, 2-я в Алжир, 3-я в Оран) и фактическое разделение флота на высоте Балеарских островов по указанным направлениям совершенно определенно указывало, что командующий не имел мысли итти на поиски «Гебена» для преграждения ему пути, по крайней мере между Сицилией и Тунисом.

3 августа в 6 час. вечера командующий был уведомлен о нейтралитете Италии, но и это не побудило его ускорить свое движение. В виду того, что он продолжал настаивать на идее конвоя, после того как дважды это ему было формально запрещено и ссылался при этом на п. п. 6 и 7 инструкции [7]), французское правительство третий раз подтверждает приказание телеграммой 3 августа в 9 час. вечера: «Сообразно с видами военного отдела, правительство решило, что конвой не должен быть образован и что суда, отправленные в назначенные часы, изолированы своим полным ходом. Вы должны считать аннулированными и недействительными п. п. 6 и 7 вашей инструкции от 7 апреля 1914 г. По просьбе английского адмирала

[6]) Corbett. Naval operations. Vol. I.

[7]) П. п. 6 и 7 инструкции 7/IV 1914 г. предусматривали образование конвоя при условии что это не задержит чувствительно отбытия транспортов.

согласуйте ваши действия с ним для увеличения безопасности транспортов и уничтожения германских крейсеров. Война с Германией об'явлена».

На запрос английского адмирала: «Адмиралтейство желает согласованных действий между французскими и английскими силами. Чем бы я мог помочь вам всего лучше?» Лапейрер отвечал: «Благодарю Вас за доброе сообщение. Занятый ныне в западной части Средиземного моря прикрытием перевозки войск, я бы был вам очень признателен, если бы вы могли *наблюдать в Адриатике за движением флотов итальянского, австрийского и германского*. Вы будете уведомлены, когда я снова получу свободу моих движений».

Этот ответ был послан в ночь с 3 на 4-е августа адмиралом, который уже трижды получил приказание итти на неприятеля, а не заниматься конвоем и главная задача которого была уничтожить неприятеля, когда обстановка наиболее тому благоприятствовала, т. к. он, имея дело только с 2-мя германскими крейсерами, лишенными базы, имел на своей стороне подавляющее превосходство сил и еще, кроме того, предложение содействия английского адмирала. Командуя неоспоримо главными силами, он передавал заботу о всем вражеском флоте на плечи командующего английскими силами и вдобавок в то время, когда Англия еще не об'являла войны.

После разделения флота в море, Лапейрер получает радио 4 августа в 4 час. 50 мин., что «Гебен» и «Бреслау» только что бомбардировали Бон и Филиппвиль.

Ускользнув от наблюдения британских легких крейсеров, «Гебен» и «Бреслау» обнаружили свое присутствие французскому адмиралу, который *не искал* их, но половина его сил (1-я эск. адм. Chocheprot) прямо направлялась в пункт, где они находились и, продолжая двигаться в том же направлении, встретились бы с «Гебеном».

Теперь Лапейрер начинает спешить, но вместо того, чтобы итти на неприятеля, он спешит полным ходом на корабле «Courbet» со 2-й эскадрой в Алжир и приказывает 1-й эскадре (шедшей навстречу «Гебену») повернуть тоже в Алжир, чтобы остановить германские крейсера у Алжира, надеясь, что они продолжат свою демонстрацию вдоль побережья [8]). Весь французский флот собрался в Алжире 4 августа в 5 часов вечера.

---

[8]) Рапорт Лапейрера от 7/VIII уже новому морскому министру Оганьеру, вступившему в должность 4/VIII.

В 6½ час. вечера телеграммой из Парижа Лапейрер был уведомлен, что британские крейсера поддерживают контакт с «Гебеном» и «Бреслау», которые были в 50 милях к северу от Боны в 10 час. утра.

5 августа на рассвете, как известно, «Гебен» прибыл в Мессину, уйдя от преследования британских крейсеров.

С 5 августа, когда еще французский адмирал имел время итти к Мессине, где укрывались германские крейсера, конечно, уже не могло быть вопроса о надобности конвоя. Тем не менее 1-му отряду (адм. Chocheprot) было приказано итти в Филипвиль, чтобы там взять конвой. 2-му отряду (адм. Le Brise) остаться в Алжире, чтобы эскортировать суда, которые выйдут из этого порта, 3-й группе, направленной в Оран и прибывшей туда 4 августа, приготовиться эскортировать западный конвой. Одновременно с приказанием об образовании этих конвоев, командующий, имея флаг на «Courbet» с кораблями «Condorcet» и «Vergniaud», образовал специальный отряд «погони», вышедший из Алжира 5 августа, в 8½ час. утра.

Это была первая попытка наступательного поиска со времени отбытия из Тулона и, как это ни невероятно, приходится сказать, что он направился к Балеарским островам, вместо того, чтобы итти на восток, даже после уведомления из Бизерты в 12½ ч. (когда он был еще в 50 милях к северу от Алжира), что британский адмирал ищет к югу от Сардинии германские крейсера, которые 4 августа, в 5 час. вечера были у южной оконечности Сардинии, уходя на восток.

Отряд адмирала Лапейрера прошел ночью между Балеарскими и Питиузкими островами, направляясь к берегам Испании. «Погоня» в таком виде, конечно, не может быть названа иначе как только отступлением. 6 августа, в 1 ч. дня, 2-й отряд вышел из Алжира с конвоем по направлению Майорки; 1-й отряд, прибывший в Филиппвиль в 5 ч. утра, эскортирует один транспорт в Аяччио.

Отряд адмирала Лапейрера, продолжая свое отступление, соединяется на С.-З. от о. Ивиса (Питиузские острова) с кораблями «Jean Bart» и «France», шедшими из Гибралтара, и продолжает с ними путь к берегам Прованса.

В 12¾ и 16½ ч. командующий уведомлен о нахождении «Гебена» и «Бреслау» в Мессине, но это не меняет его намерений; он телеграфирует министру, что «продолжает путь с «France» и «Jean Bart» без инцидентов (см. чертеж на странице 157).

Такая картина продолжается, и 7 августа 1-й отряд идет 8-узловым ходом вдоль Сардинии и Корсики, берет из Аяччио еще 2 транспорта и направляется в Тулон.

2-й отряд, миновав Балеары, соединяется у мыса Creux с отрядом «погони» адмирала Лапейрера, который отсылает 2-й отряд в Алжир, а сам приводит конвой в Сетт, после чего направляется в Тулон.

8 августа, в 7 ч. у., 1-й отряд из Аяччио и отряд адм. Лапейрера приходят в Тулон. 2-й отряд находится на пути в Алжир, чтобы конвоировать транспорты, хотя им ровно ничего не угрожает.

В результате оказывается: 1) замедление на 4 дня прибытия войск, столь нетерпеливо ожидаемых военным министром; 2) «Гебен» и «Бреслау» ускользают из Мессины.

Следующая телеграмма, посланная 8 августа в 9 ч. 30 м., должна была, наконец, положить предел этому замечательному стратегическому маневру командующего французскими морскими силами в Средиземном море: «прекратить немедленно всякую проводку транспортов с войсками. Надзор за ними будет возложен на специальный дивизион. Соберите всю Armée Navale как можно скорее в Бизерте, пополнив запасы топлива. Ваше назначение—соединить ваши усилия с английской эскадрой, чтобы помешать австрийской эскадре пройти через Дарданеллы в Черное море, но вы употребите силу только в случае, если австрийцы попытаются туда проникнуть».

Действительно, пора было вспомнить, что где-то существует австрийский флот, и что французский флот мог сделать что-то лучшее, чем вертеться вокруг транспортов, которым никто не угрожал. Командующий французским флотом знал это с 5 августа.

Если бы он действовал решительно, он предупредил бы германские крейсера на линии Сардиния—Алжир. Сцепившись там с ними, или следуя за ними, он блокировал бы их в Мессине вместе с английской эскадрой, куда германские крейсера вынуждены были зайти для погрузки угля.

Вместо этого командующий французским флотом:

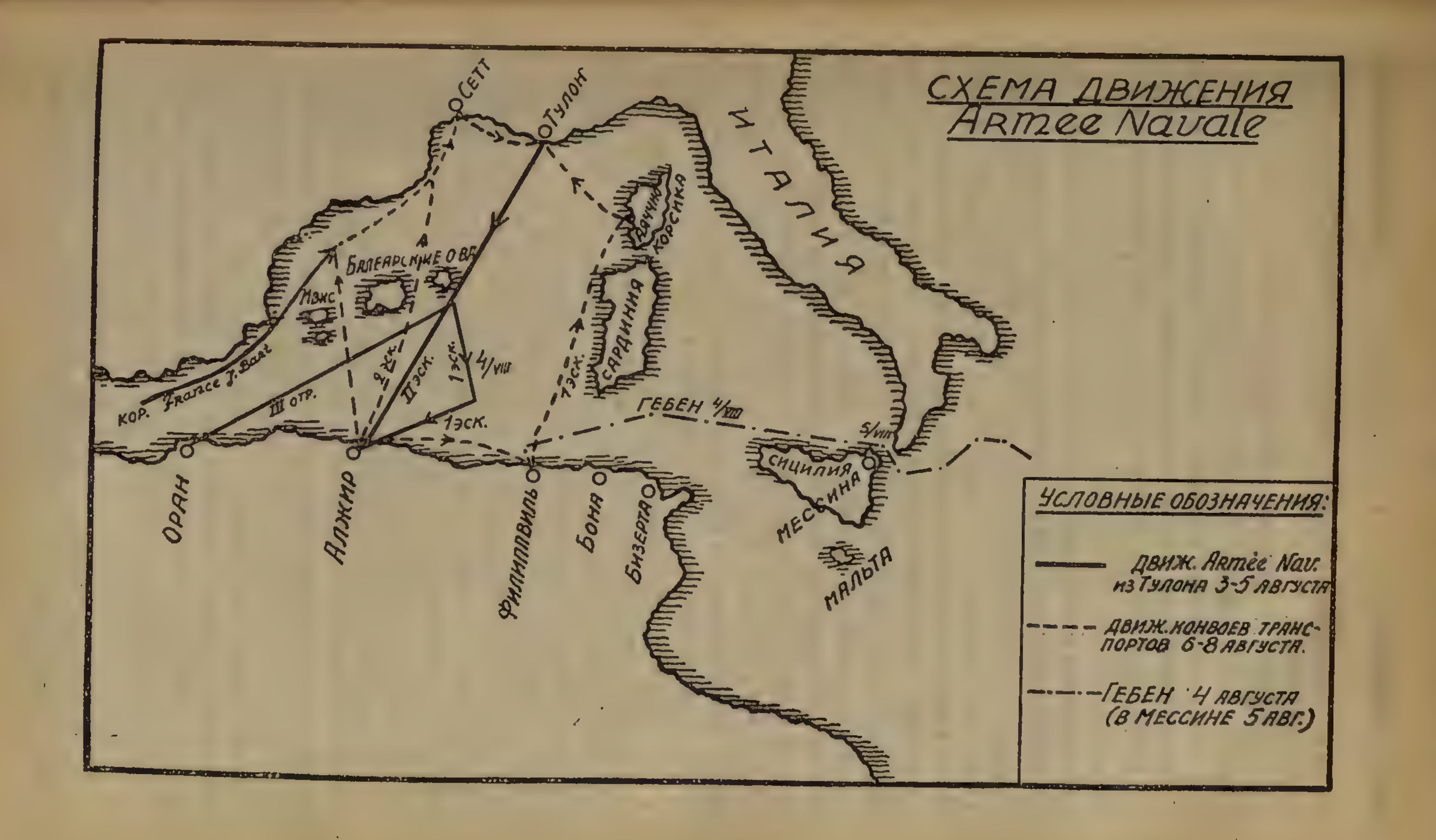
1) Вышел из Тулона всей армадой в Алжир, вместо того, чтобы отрядом быстроходных и сильных судов итти на неприятеля.

2) Не вел разведки.

3) Не захотел войти в контакт с британской эскадрой.

4) Шел медленно и не спеша, дал полный ход только после бомбардировки Бона и Филиппвиля.

5) Переложил на плечи британского командующего наблюдение за всем неприятельским флотом.

СХЕМА ДВИЖЕНИЯ
Armee Navale
ИТАЛИЯ
КОРСИКА
САРДИНИЯ
СИЦИЛИЯ
МЕССИНА
МАЛЬТА
БАЛЕАРСКИЕ О ВА
СЕТТ
ТУЛОН
ОРАН
АЛЖИР
ФИЛИППВИЛЬ
БОНА
БИЗЕРТА
ГЕБЕН 4/VIII
5/VIII
4/VIII
1 эск.
II эск.
III отр.
КОР. France J. Bart
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
ДВИЖ. Armée Nav. из Тулона 3-5 августа
ДВИЖ. КОНВОЕВ ТРАНСПОРТОВ 6-8 АВГУСТА.
ГЕБЕН 4 АВГУСТА (В МЕССИНЕ 5 АВГ.)

6) Эскортировал конвой, никем не угрожаемый, вопреки прямому приказанию.

7) Замедлил прибытие войск на 4 дня.

8) Явно уклонялся от встречи с «Гебеном».

Только опасением встречи с «Гебеном», страхом, внушаемым им, следует об'яснить малую заботу командующего французским флотом об его поисках. Это явствует из его показаний Морской Следственной Комиссии [9]).

«Французский флот только что кончил большие маневры; подводная часть судов обросла; «Courbet» вместо 20 узлов мог дать только 17; «Danton»—12; «Patrie»—16; «Charlemagne»—17. Крейсера тоже потеряли 1—2 узла. Я не говорю о миноносцах, которые были в большом числе, но которые ни к чему не могли послужить, т. к. было крайне неблагоразумно посылать эти суда в море, когда там был такой корабль, как «Гебен». «Гебен» имел 10 одиннадцатидюймовых пушек, стрелявших на 15 километров, ход 28 узлов: он мог принять сражение или уйти от сражения. Это был господин моря. Почему я не преследовал неприятеля? Потому, что не мог. Это был бы несчастный охотник, бегущий за зайцем, который утомился бы без пользы, и вы видите, на каком расстоянии он оказался через 4 дня от того, кто его преследовал».

Расстройство эскадры было всецело виной того, кто ею командовал уже три года почти с неограниченными полномочиями; адмирал занимал перед тем пост морского министра, и пребывание на этом посту отучило его, повидимому, от повиновения.

Правда, что «Гебен» имел 28 узлов хода. Но он был один. Его пушки стреляли дальше на 2 километра, но их было только 10. Он не имел базы, он действовал в закрытом ограниченном бассейне, он нуждался в топливе, он не мог ходить все время полным ходом.

Скорость—один из важнейших стратегических и тактических элементов, но имеет и слабые стороны. Не говоря о возможности повреждений, скорость зависит и от состояния подводной части и качества топлива и состояния механизмов. При ограниченном запасе топлива и при затруднениях пополнить его для корабля, изолированного от баз, скорость не может являться решающим аргументом, так как полным ходом нельзя пользоваться неограниченное время. Что касается дальности стрельбы, то это также важный элемент, но,

---

[9]) Протокол Морской Следств. Комиссии 5 августа 1918 г. опроса адм. Лапейрера (стенографированный и им исправленный).

чтобы им пользоваться, надо определенные условия времени и особенно видимости.

Нельзя придавать абсолютного значения скорости хода и дальности стрельбы даже в одиночном бою, но они еще больше стушевываются при наличии нескольких противников.

Нельзя быть господином моря с десятью 280-*мм* и двенадцатью 150-*мм* пушками, несмотря на превосходство в скорости и дальности стрельбы, когда корабль один, и у него оспаривают это господство 13 броненосцев с шестьюдесятью четырьмя 305-*мм*, семидесятью 240-*мм*, тридцатью 190-*мм* и тридцатью шестью 164-*мм* пушками, имея еще на своей стороне 3 английских крейсера с 27 узлами хода с 24 двенадцатидюймовыми орудиями.

Это 16 против одного в главных силах, не считая десятка легких крейсеров, полезных хотя бы для разведки и могущественных флотилий эскадренных миноносцев и подводных лодок, которые также должны, ведь, учитываться руководителем маневра.

Это была сила подавляющая, если ее использовать не для погони, как пытался возражать Лапейрер, а для стратегического окружения в закрытом бассейне, которого «Гебену» невозможно было избежать и которое его принудило бы к бою или сдаче или интернированию.

Не сделав этого, Лапейрер упустил почти верный случай запереть германские крейсера в Мессине.

Английское морское командование в Средиземном море также упустило «Гебена». Не входя в исследования сложных основных причин, можно вкратце сказать, что непосредственной причиной первого упущения было известное решение английского кабинета о недопущении военных действий до истечения срока ультиматума. Непосредственной причиной второго упущения была диспозиция адмирала Мильна и, в связи с этим, неприсылка линейных крейсеров адмиралу Трубриджу, тщетно им ожидаемых и без которых он один, если бы даже и вступил в бой, не мог бы помешать прорыву «Гебена».

Наконец, причиной третьего упущения была медлительность адм. Мильна по выходе 8 августа из Мальты, а затем «ошибочная» телеграмма адмиралтейства об об'явлении войны Австрией.

Следственная комиссия, назначенная британским адмиралтейством в результате оправдала обоих адмиралов в сентябре 1914 года.

Если соображения Трубриджа могут еще быть приняты во внимание, тем более, что он имел вторую задачу—следить за выходом

австрийцев из Адриатики, то эти соображения неприменимы к Лапейреру.

Если наша черноморская эскадра, состоящая из 4 тихоходных броненосцев, имевшая единственную базу, не могла поймать «Гебена», то и это не могло бы служить оправданием Лапейреру, располагавшему 13 французскими броненосцами, 3 английскими очень быстроходными линейными крейсерами с 12-дюймовой артиллерией и 5-ю англо-французскими базами в западной части Средиземного моря.

Следственная комиссия.

Последствия упущения «Гебена», сказавшиеся для Франции в пресечении морского сообщения с Россией, в ускользновении из рук французского морского командования главенства на Средиземном море над союзным флотом [10]), и пассивность французского флота, в связи с укрепившимся убеждением, что восточный конфликт затягивается до бесконечности и требует жертв,—все это побудило французский парламент образовать морскую комиссию в 1915 г. для расследования причин упущения «Гебена».

Комиссия по изучению дела обнаружила, что не одна слепая судьба была виновницей всех бед. Ее доклад определенно устанавливал сущность ошибок и указывал лиц, от которых зависело их устранение. Извлечение из протоколов морской следственной комиссии, приводимое в книге адм. «Bienaimé [11]), ярко характеризует деятельность бывшего французского морского министра Оганьера и его взаимоотношения с начальником морского генерального штаба адм. Пиве и командующим флотом адм. Лапейрером.

Идея «сохранения флота» (theorie de la flotte intacte) была господствующей у морского министра Оганьера.

Последний, вследствие случайных политических комбинаций, только что вступил в должность с начала войны (до этого он занимал пост министра народного просвещения) и являлся—вместе со своим морским генеральным штабом—высшим морским командованием и руководителем операций французского флота. Вот как Оганьер обосновал свою теорию при опросе его морской комиссией в заседаниях 22 января и 11 февраля 1915 года:

«На севере, — говорит он, — вероятно произойдет сражение между английским и германским флотом. Даже в случае победы,

---

10) Которое вверялось именно ему англо-французской морской конвенцией 6 августа 1914 г.

11) Vice Amirale Bienaimé. „La guerre navale 1914-15. Fautes et Responsabilités". Paris, 1920.

первый, конечно, понесет большие потери в кораблях и людях, и для Франции будет важно притти к нему на поддержку с «нетронутым флотом» и притти к миру с серьезным добавочным аргументом (avec un serieux appoint)».

Сколько в этом заявлении легкомыслия и лицемерия!

Затем позднее, настаивая на этой исключительной концепции, он добавил в ответ на сделанные ему возражения, «что это было мнение адмирала Лапейрера, командующего французским Средиземноморским флотом, и что он, министр, воздерживаясь давать военные указания, вполне одобрил точку зрения командующего флотом».

Сколь невероятно это предположение не считаться с невозможностью для французского флота покинуть Средиземное море, то-есть главный морской театр французов, до уничтожения австрийских и германских судов! Это фатальное заблуждение или сознательное лицемерие висело над каждой операцией французского флота, не использовавшего своих возможностей относительно безвыходного положения «Гебена».

К докладу комиссии приложены об'яснения адмирала Пиве, бывшего начальника морского генерального штаба при Оганьере до половины декабря 1914 года.

Его об'яснения подтверждают самым решительным образом положения доклада морской следственной комиссии.

«Как начальник морского генерального штаба, я должен признать правильность упреков, сделанных докладчиком (адм. Bienaimé) адмиралу Лапейреру. Когда я составлял телеграмму от 2 августа, я был далек от мысли, что адмирал Лапейрер не сделает немедленно всего возможного, чтобы захватить два германских крейсера, о положении которых мы сообщали ему час за часом. Я не мог вообразить, что он выйдет в море со всем флотом, в составе которого находились и тихоходные суда, скорее вредные, чем полезные, в поисках неприятеля. И что вместо того, чтобы исполнить приказание итти за противником, не теряя ни минуты и воспользовавшись содействием английских крейсеров, он употребит все свои силы на непосредственное прикрытие транспортов...

«Как это ни тягостно,—заявляет Пиве,—я должен удостоверить вредную пассивность флота, приводившую в недоумение всех, кто интересовался его деятельностью. Сколько раз наш морской агент в Лондоне передавал удивление британского адмиралтейства и итальянского посольства, что после об'явления Италией нейтралитета не последовало немедленных серьезных наступательных операций французской Armée Navale против австрийского флота и его баз.

«Штаб не раз, в августе и сентябре 1914 г., указывал командующему, что не только морской отдел, но и правительство настаивает на совершении важных военных операций против Австрии. На эти настояния всегда был ответ, что Мальта слишком далеко расположена от Адриатики, чтобы французский флот смог предпринять крупную операцию у австрийских берегов».

Пиве определенно заявил, что «в морском министерстве с момента, когда вступил Оганьер в управление, создалось течение, противное стремлениям штаба вести войну и преодолеть непостижимое сопротивление командующего флотом для побуждения его к действиям, которые всеми признавались необходимыми».

Об'яснения, сделанные бывшим морским министром Оганьером перед морской комиссией 18 августа 1917 г., сводились к неблаговидным инсинуациям против своего начальника морского генерального штаба, которого он вынудил оставить должность 13 декабря 1914 г., и к утверждениям, опровергнутым документально.

Аргументы, выдвигаемые им для защиты Лапейрера от ответственности за упущение «Гебена», были совершенно не обоснованы.

Он утверждал, что приказание, посланное Лапейреру 2 августа его предшественником, морским министром Готье, противоречит инструкциям, и что командующий флотом не был обязан искать германского крейсера и еще менее—их преследовать, а также, что его наблюдению была вверена западная часть Средиземного моря, а в восточную доступ ему был запрещен предшествующей конвенцией 10 февраля 1913 г.[12]).

Все его утверждения опровергнуты документально и делают морского министра с командующим флотом ответственным за упущение «Гебена», за бездеятельность флота и за все последствия, которые отсюда проистекли.

Влияние „Гебена" на ход операций в Черном море.

Еще в декабре 1913 года командующий русскими морскими силами в Черном море предвидел возможность появления германских крейсеров в составе турецкого флота. Рапортом на имя морского министра 27 декабря 1913 г. он докладывал о необходимости принятия соответствующих мер в виду серьезности положения, вследствие усиления Турции в ближайшем будущем 2 дредноутами и возможности совместного участия крейсера «Гебен» и 2-х легких германских крейсеров.

[12]) Не получившей ратификации. Англо-французская морская конвенция была заключена в Лондоне 6 августа 1914 г. и стала известна командующему флотом 8 августа.

Упущение «Гебена», недостаточность снабжения черногорской и сербской армии через Адриатику и слабость наблюдения французского флота за австрийским тяжело отразились на обстановке на Черном море и на судьбе Сербии.

Такое положение дела не перестает тревожить русское морское командование на Черном море и показывает, насколько далеко было французское морское командование от мысли об облегчении выхода русского флота в Средиземное море, согласно русской конвенции 1912 г. и протоколов совещания обоих начальников морских генеральных штабов 1913 и 1914 г. г.

17 августа 1914 г. командующий черноморским флотом пишет министру иностранных дел: «Когда вопрос о «Гебене» и «Бреслау» выяснился окончательно, флотами союзников были сделаны минимальные и запоздалые попытки помешать проходу их в Дарданеллы, следствием чего явилось почти беспрепятственное присоединение их к турецкому флоту. Необходимо самым определенным образом поставить в известность Францию и Англию, что появление в проливах австрийских судов лишит наш флот возможности оспаривать господство на море. Это обстоятельство изменит стратегическую обстановку в пользу наших противников, кто бы они ни были, в смысле свободы для них перевозки морем войск, припасов и снабжения, лишив нас тех же преимуществ.

«В связи с указанным изменением положения на черноморском театре войны последует изменение к худшему на главном театре, т. к. потеря содействия армиям со стороны флота потребует сосредоточения большого числа корпусов на границах Турции и Румынии, что может быть сделано только за счет ослабления главных наших сил».

Насколько можно судить по слабому надзору за «Гебеном» и по ходу дипломатических переговоров, Англия также не особенно беспокоилась об усилении Турции на Черном море, а скорее опасалась внезапных действий русского флота у Босфора. Обращая внимание России на необходимость воздерживаться от вызывающих действий по отношению к Турции, Англия сама весьма решительно не допускает выхода не только «Гебена», но и вообще военных турецких судов в Эгейское море [13]). Вышедший 13 сентября в Эгейское море турецкий миноносец был остановлен английским военным кораблем, заявившим, что английская эскадра получила предписание не вы-

---

[13]) Телеграмма Извольского 12/25 сент. № 444.

пускать ни одного турецкого судна из Дарданелл и стрелять по ним в случае выхода [14]).

Английское правительство, вследствие подчинения турецкого флота германскому командованию, решило не допускать выхода турецких судов в Эгейское море [15]). После инцидента с турецким миноносцем Турция закрывает Дарданеллы. Совсем другая картина развертывается в Черном море.

По приходе «Гебена» в Константинополь ставка дает командующему черноморским флотом широкую директиву (от 8/21 авг.): «в случае получения от посла в Константинополе известий о разрыве с Турцией, действовать по вашему усмотрению».

Но министр иностранных дел под воздействием Антанты связывает волю командующего черноморским флотом к активным действиям. 16/29 августа он телеграфирует командующему черноморским флотом: «Предлагаю придерживаться мнения, что нам важно сохранить мирные сношения с Турцией, пока не определится перевес франко-русских войск над австро-германскими. Считаю поэтому нежелательным какое-либо вызывающее действие против турок, могущее усилить влияние тех турецких деятелей, которые стоят за войну. Сам по себе выход «Гебена» в Черное море не означает разрыва, и меры против него допустимы только в случае полной уверенности в успехе. С общей политической точки зрения, разделяемой Францией и Англией, как имеющих миллионы мусульманских подданных, весьма важно, чтобы война с турками, если бы она оказалась неизбежной, была бы вызвана самой Турцией. Все эти соображения склоняют меня к выводу о нежелательности инициативы разрыва с Турцией с нашей стороны».

На совещании 28 авг./11 сент. министр иностранных дел высказывается за то, что в случае появления турецкого флота в Черном море, нашему флоту, во избежание возможности столкновения, следует временно не выходить из Севастополя [16]).

Тогда ставка начинает колебаться, и ее колебания передаются командующему черноморским флотом. Сообщение посла в Турции от 8/21 сентября о выходе «Гебена» принимается, как неприятный, но терпимый факт.

---

14) Телеграмма Гирса 14/28 сент.

15) Телеграмма Извольского 17/30 сент. (сборн. док).

16) Отношение нач. ген. морск. штаба команд. Черн. флотом от 14 сент. № 6099/153.

Под воздействием политики, ставка дает директиву, явно стесняющую действия командующего флотом, и ставит его в крайне невыгодное положение в случае внезапного нападения турецко-германского флота: «не ищите встречи с турецким флотом, если только он не займет явно угрожающего положения».

Это приказание, полученное командующим черноморским флотом после похода флота вдоль берегов Румынии и Болгарии, в связи с выводом войск даже с Кавказа на фронт, командующий принимает за ясное указание, что верховному командованию нежелательно все, что могло бы вызвать или ускорить войну с Турцией. Поэтому он ограничивается плаванием у Севастополя, в пассивном ожидании событий и помирившись с мыслью о возможности внезапного нападения турецко-германского флота. Таковым внезапным нападением и началась война.

Союзная стратегия в Средиземном море допустила «Гебена» и «Бреслау» ускользнуть в Дарданеллы, и оба крейсера появились в Черном море.

Русская политика находилась под давлением союзной, требовавшей не проявлять никаких мер против Турции и создавшей явно угрожающее положение для нас на Черном море, в то время как союзники держали определенную блокаду Дарданелл, не допуская выхода из Черного моря не только «Гебена», но даже и миноносца.

Англия, предвидя неизбежность войны с Турцией, стремилась лишь оттянуть об'явление ее до завершения оборонительных мероприятий в Египте.

Наша политика, будучи под давлением союзной, была несамостоятельна, неопределенна и несогласована со стратегией, давая неприятелю время на подготовку. Не было понимания политической и стратегической обстановки, побуждавшей Турцию к неизбежному выступлению. Политика наша требовала «не вызывать войны». Политика давила на стратегию: «не ищите встречи с турецким флотом, если только он не займет явно угрожающего положения». Этим она поставила стратегию в невыгодные условия, не обеспечив от войны, не дав союза с Болгарией, не установив определенной точки зрения на появление «Гебена» в Черном море.

Директива «не ищите встречи»... связала командующего флотом и обрекла его на опасность пассивного ожидания при крайне невы-

годной стратегической обстановке, лишив его возможности следить за неприятелем даже таким трудным способом, как—всей эскадрой.

С появлением «Гебена» в Черном море задача черноморского флота—обеспечить все побережье от неприятельских покушений и пресечь все неприятельские перевозки—стала для него непосильной и невыполнимой в полной мере. Это было бы возможно лишь при абсолютном господстве на море, но с появлением «Гебена» оно становилось спорным, не допускавшим разделения флота, и вызвало необходимость всегда, при каждой операции, держать всю морскую силу в кулаке и периодически заходить всем флотом в базу для пополнения припасов. Следовательно, ведя операцию или находясь где-либо со всем флотом в одном пункте моря или в базе, командующий флотом не мог парализовать ударов «Гебена» в другом пункте, ни поймать его при наличии одной базы и превосходящей скорости «Гебена».

Блокада Босфора была также непосильна нашему флоту, вынужденному держаться соединенно при наличии «Гебена» и удаляться периодически в базу, настолько отдаленную от Босфора, что наш флот проводил бы больше времени на переходах, чем нес бы блокадную службу.

Таково было влияние «Гебена» на ход операций в Черном море.

«Гебен» так и остался не пойман до конца войны, хотя и был поврежден в бою 5/18 ноября 1914 г. и подорван затем на нашем минном заграждении у Босфора 13 декабря 1914 г.

Выводы и заключения.

1. Возможность появления «Гебена» в Черном море предвиделась русским морским командованием с учетом тяжелых последствий для наших морских и сухопутных операций.

2. Прорыв «Гебена» являлся результатом бездеятельности французского флота и затем британского командования.

3. Он повлек за собой закрытие на все время войны Дарданелл и пресечение наших морских сообщений с союзниками и снабжение нас боезапасами и снаряжением.

4. Он повлек изменение к худшему в соотношении сил на Черном море, нарушил наши планы, изменил к худшему все условия борьбы на Черном море и лишил нас господства на море.

5. Под давлением Антанты, директивами верховного командования командующий черноморским флотом сразу был поставлен в тяжелое положение выжидания удара со стороны противника; как результат—внезапный набег турецко-германского флота на Севастополь, Одессу и др. порта Черного моря.

6. Следствием прорыва «Гебена» явилась необходимость держать весь флот в кулаке.

7. Следствием прорыва «Гебена» явилась необеспеченность побережья от набега и бомбардировок неприятельских крейсеров и, как результат,—причиненные им разрушения. Необеспеченность морских сообщений и, как результат, — захват и уничтожение наших транспортов.

8. Следствием прорыва «Гебена» явилось стеснение всех операций черноморского флота, невозможность блокады и закупорки Босфора, трудность и малоуспешность анатолийской блокады и пресечения неприятельского подвоза.

9. Следствием прорыва «Гебена» явилось значительное продление войны и роковые последствия этого продления (см. выше о словах американского посла в Константинополе и о свидетельстве Людендорфа).

В. НОВИЦКИЙ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ОПЕРАТИВНЫХ УСЛУГ, ОКАЗАННЫХ РОССИЕЙ БЫВШИМ СОЮЗНИКАМ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914—1918 г.г.

Вопрос о сравнительном участии России и Антанты в Мировой войне. — Военная подготовка союзников: Англии, Франции, Италии, Америки. — Оперативное использование сил: Англии, Франции, Италии, Америки.— Боевое напряжение русских вооруженных сил. — Влияние, оказанное на западный фронт выходом России из войны.

Вопрос о сравнительном участии России и Антанты в Мировой войне.

Вопрос о сравнительном участии в Мировой войне России и государств Антанты представляет очень важный интерес, но вместе с тем он, конечно, слишком сложен для того, чтобы быть разрешенным одними общими рассуждениями. Он, естественно, требует подробного и обстоятельного рассмотрения. Для более удобного исследования, его можно расчленить на несколько частных вопросов, соответственно тем моментам мировой войны, которые являются наиболее характерными для участия в ней России и ее союзников.

По отношению к Антанте эти частные вопросы могут быть формулированы следующим образом: 1) соответствовала ли военная подготовка наших союзников к Мировой войне характеру тех политических задач, которые они ставили себе в этой борьбе, и той роли, которую они намечали себе в составе коалиции? 2) использовали ли они с началом войны все или большую часть имевшихся у них средств для доставления анти-германской коалиции в первых же военных действиях решающего превосходства над противником и скорейшего достижения конечной цели войны?

Что касается России, то наше исследование должно выяснить следующие вопросы: 1) имело ли участие русских вооруженных сил в военных операциях, особенно первого, наиболее тяжелого для союзников, периода войны, серьезное значение для общего положения на театре военных действий? 2) каковы были неблагоприятные для союзников последствия выхода России из рядов коалиции и заключения ею Брестского мирного договора с Германией?

Ответы на эти вопросы дадут нам возможность составить себе ясное представление о сравнительном значении тех усилий, которые были затрачены вооруженными силами России — с одной стороны, и наших союзников — с другой, для решения важнейших стратегических задач при борьбе с общим врагом, а, следовательно, и помогут нам выявить характер и ценность военно-оперативных услуг России в деле достижения Антантой победы над центральными империями.

Военная подготовка Англии.

Военная подготовка Англии к мировой войне совершенно не соответствовала широкому, смелому и активному характеру британской политики, рассматриваемой как в мировом, так и особенности в европейском масштабе. Ведя агрессив-

ную политику во всех частях света, принимая участие во всех международных осложнениях, где бы таковые ни происходили, и становясь нередко во враждебное положение к могущественным континентальным державам Европы, Англия, тем не менее, не принимала необходимых мер к развитию своих сухопутных вооруженных сил, оставаясь по-прежнему только военно-морской державой. Это представляется тем более странным, что вероятность столкновения с Германией обнаружилась для англичан еще задолго до мировой войны, неизбежность же такового стала очевидной уже за несколько лет до нее, когда великодержавные стремления Германии и ее претензии на мировое господство, в связи с чрезвычайным развитием ее морских сил, становились явно угрожающими для международного положения Англии.

Несмотря, однако, на все это, Англия упорно оставалась при своей традиционной, устаревшей военной системе вербованной армии. Правда, за несколько лет до войны в этой стране началось движение в пользу перехода к всеобщей воинской повинности, к системе вооруженного народа, но никаких практических результатов это движение в то время не дало; хотя во главе его стояли весьма популярные в стране военные и политические деятели, из коих необходимо особенно отметить покойного фельдмаршала Робертса, тем не менее консервативные настроения в военном деле были так сильны в Англии, что вербовочная система сохранялась не только до войны, но и в первые 1½ года военных действий (воинская повинность в Англии введена в начале 1916 года). И только те тяжкие поражения, которые понесла английская армия в 1914 году, только этот кровавый опыт вынудил нацию перейти к военной системе, более соответствовавшей условиям современной войны.

Помимо различных других своих недостатков, вербовочная система не способствует накоплению в населении запаса обученных военному делу людей, почему и затрудняет широкое развитие вооруженных сил в военное время. Этот именно недостаток английской военной системы и явился одной из важнейших причин того, что Англия не могла выставить с первых же дней войны сильной, боеспособной армии, а в дальнейшем должна была потерять много времени на создание новых боевых сил. Таким образом, мы видим, что характер британской военной системы, несоответствовавший духу и потребностям времени, и упорный консерватизм нации в военном деле привели к тому, что в момент вооруженного столкновения с одним из опаснейших противников, Англия не могла оказать своим союзникам соответствующей мощной поддержки на сухом пути.

Все это, впрочем, вполне согласовалось с традиционным характером мировой политики Англии, которая всегда считала себя обязанной воевать собственными боевыми средствами только на морях, где ее военное могущество являлось неоспоримым, а на сухопутных театрах предпочитала проливать кровь своих союзников или вассалов. Однако эта эгоистическая система ведения войны, так часто применявшаяся англичанами в прошлом и нередко приводившая их к блестящим результатам, на этот раз не удалась: широкий, могучий размах мировой войны потребовал от британской нации несколько большего, чем уменье эксплоатировать союзные контингенты, и в результате этого Англия оказалась не готовой к борьбе, лицом к лицу с могущественным врагом.

Другой неблагоприятной особенностью английской военной системы являлось то обстоятельство, что несмотря на довольно большую общую численность армии мирного и военного времени, Англия не могла, вследствие нецелесообразного распределения своих вооруженных сил по территории империи, использовать для войны в Европе все или большую часть своих сил [1]). Численность ее постоянной армии мирного времени непосредственно перед войной составляла 410.000 человек, но из них лишь 132.000, т. е. 32 процента находились в Европе, хотя, конечно, именно здесь сосредотачивались важнейшие военные и политические интересы Англии и здесь им угрожала наибольшая опасность. Из 845.000 человек мобилизованных войск военного времени, из коих 566.000 находились в Европе, только 166.000 (так называемая экспедиционная армия) предназначались и были приспособлены для использования с первых же дней войны на европейском театре; остальные войска частью оставались в пределах соединенного королевства для внутренней обороны и пополнения убыли в экспедиционной армии, а частью были разбросаны в заморских владениях Англии.

Следовательно, мы видим, что в то время, когда другие европейские государства, после мобилизации своих постоянных армий, могли выставить в поле количество войск, в несколько раз превосходившее своей численностью армию мирного времени [2]), Англия могла послать

[1]) Вооруженные Силы Британской Империи. Спб. 1911. Издание главного управления генерального штаба. Все, приводимые мною в этой записке, цифры извлечены из различных наших официальных источников, изданных как главным управлением генерального штаба перед войной, так и военно-исторической комиссией в последнее время.

[2]) Франция: армия мирного времени 910.000 чел., мобилизованные войска 2.575.000; Германия 870.000 и 4.216.000; Россия—1.232.000 и 4.900.000.

на европейский театр войны только 166.000, т.-е., всего лишь 40,5% своих вооруженных сил мирного времени и 19,7% таковых военного времени. Такой жалкий результат мобилизации вооруженных сил Англии, естественно, не мог не повлиять весьма пагубно на то участие, которое приняли английские войска в первых крупных боевых столкновениях с германцами, а вместе с тем и на исход этих сражений, определивший собой дальнейшее неблагоприятное для союзников развитие военных событий.

Непредусмотрительность англичан в деле подготовки к европейской войне не исчерпывается вышеизложенным, а распространяется также и на вопрос о переброске войск в вероятный район боевых действий.

До 1906 года британское правительство мало думало об этом [3]), но с этого времени, под впечатлением поступавших из различных источников сведений о намерении Германии, в случае войны с Францией, нарушить бельгийский нейтралитет, Англия обнаруживает большой интерес к этому вопросу. В качестве покровительницы Бельгии и одной из пяти держав, подписавших договоры 1831 и 1839 годов, обещавшие этой стране «вечный нейтралитет» и «неприкосновенность ее территории», Англия начала в 1906 году переговоры с Бельгией по вопросу о переброске своих войск, в случае необходимости, на бельгийское или французское побережье [4]). Эти переговоры велись с перерывами до 1914 года, и хотя ими и была намечена высадка 150 — 160-тысячной английской армии в течение 10 — 13 дней на участке Кале — Дюнкерк или на бельгийском берегу между Зеебрюгге и Остенде, но никакого определенного результата они не дали. В общем, от этих переговоров осталась одна идея о высадке на материке английской экспедиционной армии, но никаких практических мер для быстрейшего выполнения этой операции предпринято не было; это вполне подтверждается теми условиями, при которых происходила в действительности эта высадка в августе 1914 года; медлительность

[3]) Зимой 1905-1906 г. г. в период марокских недоразумений и возникших опасений германского нападения на Францию, велись непродолжительные переговоры между Англией и Францией о совместных действиях на суше, но они не привели ни к какому соглашению и не установили никаких определенных взглядов на эти действия (Repington. The First World War 1914 1918. vol. I, p p. 1-16).

[4]) Некоторые документы, относящиеся к этим переговорам, помещены в приложении к 1-ому тому сочинений Штегемана Hermann Stegemanns Geschichte des Kriges. Об этих переговорах имеются интересные сведения у генерала Куля в его книге: Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges, Berlin 1920.

высадки поставила союзные армии, особенно же бельгийскую, в тяжелое положение в первых же больших сражениях этой войны.

Из всего сказанного о подготовке Англии к Мировой войне видно, что в отношении трех важнейших факторов этой подготовки: общего характера военной системы, определявшего собой большую или меньшую гибкость и легкость использования всех имевшихся средств для войны; численности войск, предназначенных для военных действий в Европе и мероприятий по переброске этих войск на материк, — Англия не была готова к войне. Задаваясь широким планом сокрушения германского империализма, опиравшегося на военную мощь Германии на европейском материке, англичане тем не менее пренебрегали созданием крупных военно-сухопутных сил, необходимых для выполнения такого плана. Об'являя войну Германии, Англия вследствие этого, представлялась опасной для своего противника только на морских путях; становясь в ряды анти-германской коалиции, она выходила на арену борьбы с ничтожными силами, не имевшими почти никакой боевой ценности для противодействия могучему натиску германских армий. Разве при таких условиях нет достаточных оснований притти к заключению, что Англия покушалась с негодными средствами, что в ее неготовности коренилась одна из важнейших причин неудачных боевых действий союзников и затяжного характера этой войны? Если бы Англия оказалась в момент об'явления войны в военном отношении организованной и боеспособной, соответственно высокому уровню своей культуры, широкому развитию своей промышленности и техники, богатству своих материальных средств, то шансы союзников на успех в первые же дни кампании возросли бы значительно.

Военная подготовка Франции. Военная подготовка Франции к Мировой войне, конечно, значительно превосходила таковую же Англии и последняя не может итти ни в какое сравнение с ней. Франция уже издавна готовилась к борьбе со своим вековым противником — Германией, создавши упорной, систематической работой нескольких поколений одну из лучших армий в мире и сосредоточивши почти всю свою военную мощь в пределах европейских владений. При этом заслуживают особенного внимания те героические усилия, которые были затрачены французами на доведение своей постоянной армии до той огромной численности, до которой она дошла к лету 1914 года, превзойдя численность германской армии. Такое развитие вооруженных сил мирного времени было достигнуто, главным образом, установлением (военным законом 7 августа 1913 года) трехлетнего срока службы, давшего возможность держать под знаменами одновременно три

возрастных класса. Эта мера довела численность французской армии до 910.000 человек, т.-е., на 40.000 человек более германской. Для того, чтобы составить себе представление о той тягости, которая налагалась на население Франции существованием такой многочисленной армии, достаточно сказать, что последняя составляла 2,1% всего населения, а денежные расходы на содержание ее давали более 30 франков на человека (для Германии эти цифры соответственно были 1,26% и 20 франков, для России — 0,68% и 14 франков) [5]. Вообще напряжение французского милитаризма было настолько велико к 1914 г., что германский генеральный штаб, на основании одного этого признака, считал войну с Францией неизбежным явлением в течение ближайших же лет.

Если к этому прибавить, что Франция в то время располагала в населении огромным контингентом людей, прошедших военное обучение (вместе с постоянной армией — 4.900.000 чел. [6]), т.-е. почти столько же, как и Германия), то мы должны притти к заключению, что в отношении военной подготовки мирного времени Франция достигла блестящих результатов, которые создавали для нее благоприятную обстановку для достижения с первых же дней войны превосходства над противником.

Однако с об'явлением войны французы не использовали этих благоприятных условий и не достигли тех преимуществ в развертывании своих сил, которые были так возможны и так необходимы для общих интересов коалиции. Это нетрудно показать сопоставлением следующих цифр. Имея около 5 миллионов обученных военному делу людей, из коих около 1 миллиона (постоянная армия) находилось в состоянии большой боевой готовности, Франция выставила с началом войны перволинейную армию численностью всего лишь в 1.856.000 человек, а всего со второлинейным формированием — 2.575.000; располагая 1.325.000 резервистов, она вывела в поле к этому времени лишь 26 резервных дивизий и 18 резервных бригад, что составляло около 450.000 человек. Если прибавить к этому 496.000 человек,

---

[5]) Kuhl. Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges.— М. Павлович. Милитаризм, маринизм и война 1914-1918 г. г.

[6]) Согласно расчетам сенатора Думерга (Note sur la réorganisation de l'armée fransaise), ген. Бюа (L'Armée Allemande pendant la guerre 1914-1918) считает 4.829 тыс., а Куль, в вышеупомянутой книге,—4.364 тыс. Следует думать, что цифра Думерга точнее.

использованных для пополнения постоянной армии до штатов военного времени, то все-таки останутся еще неиспользованными 380.000 человек хорошо обученных и молодых резервистов (30—32-х лет), не говоря уже о $2\frac{1}{2}$-миллионной массе территориальных войск.

Странным является то обстоятельство, что страна, проявившая так много энергии, самопожертвования и упорства в создании могущественной армии мирного времени, так скупо развернула свои боевые силы с наступлением войны. Французские исследователи мировой войны считают, однако, что Франция проявила крайнее напряжение в период мобилизации и первоначального развертывания, достигнувши даже численного превосходства над противником [7]); что же касается еще оставшихся в то время нетронутыми огромных масс, распыленных в населении, то такое положение вещей, говорят они, представляется вполне целесообразным, потому что в современной войне военное могущество основано не на силе перволинейной армии, а на численности резервов, дающих возможность пополнять потери и восстановлять боевую мощь новыми формированиями.

Однако, такое об'яснение похоже на запоздалое оправдание этих неудачных мероприятий более поздними соображениями, которые явились уже в дальнейшем ходе войны и никоим образом не могли быть предусмотрены в ее начальный период. В то время ни одна из сторон, конечно, не предусматривала возможности такой затяжной борьбы, какая установилась впоследствии на всех фронтах; все государства, принявшие участие в этой войне, были полны уверенности и решимости привести борьбу к решительному результату в кратчайший срок, а при таком настроении какое могло быть разумное оправдание оставлению без употребления огромных масс боеспособных людей?

До сих пор еще ничем не доказано, что операции современных массовых армий не могут дать решительного результата той или другой стороне при первых же боевых столкновениях и что необходимо искать решения в длительном использовании глубоких резервов. Наоборот, опыт мировой войны показал, что если решение почему-либо не могло быть достигнуто первоначальным общим наступлением перволинейной живой силы, то уже никакие глубокие резервы к решению не приводили, а исход затяжной борьбы был уже поставлен в зависимость не от оперативных условий, а от факторов совершенно другого порядка (экономических, политических, социальных). Поэтому необхо-

---

7) Бюа говорит, что французы выставили первоначально на 2 дивизии больше германцев.

димо стремиться к тому, чтобы добиться решения при первом же натиске, в первых же генеральных сражениях, достижение чего, помимо других обстоятельств, может быть облегчено, между прочим, и численным превосходством над противником. Никогда, в течение всей Мировой войны отсутствие этого численного превосходства у обеих сторон не сказалось столь ярко на ходе боевых операций, как в первоначальный период этой войны, до сражения на Марне включительно, в тот именно период, который нерешительностью своих достижений предопределил характер всей дальнейшей борьбы. Быть может, никогда еще на войне роль числа не имела такого огромного значения, какое она могла бы иметь в этот период: потому что, главным образом, отсутствие численного превосходства и у немцев и у французов не дало возможности первым извлечь всех выгод из их первоначальных успехов на пути движения к Парижу, а после этого и тем и другим — добиться решительной победы на Марне. У немцев не хватило сил для осуществления своего грандиозного плана обхода левого фланга англо-французских армий и затем окружения их в районе мозельских крепостей; у французов оказалось недостаточно сил для развития своего блестящего флангового контр-маневра и превращения своей стратегической победы в полное поражение противника. Кто может сказать, к чему привел бы тот или другой решительный исход марнского сражения? Возможно ли отрицать, что капитуляция 1-й германской армии на Марне, а затем обход союзниками правого германского фланга и прорыв ими неприятельского центра на р. Эне, дали бы совершенно новый оборот всей войне и отбросили бы разбитого противника за пределы Франции? А для достижения таких результатов, подготовленных стратегическими успехами англо-французских армий, не хватало лишь численного превосходства на стороне союзников.

Таким образом, вопреки уверению французских авторов, — мы приходим к заключению, что Франция не проявила того крайнего напряжения сил в начале войны, которое являлось необходимым для достижения быстрой и решительной победы над германцами и которое вполне гармонировало бы с ее страстным стремлением добиться возмездия за поражения и унижения 1870 — 1871 годов.

Военная подготовка Италии.

Италия вступила в ряды анти-германской коалиции по истечении почти всего первого года войны (1 июля 1915 г.), т.-е. тогда, когда затяжной характер последней обрисовался уже вполне определенно, когда появление на арене борьбы нового, тем более не очень сильного союзника, не могло дать коалиции решающего превосходства. Кроме того, Италия вела войну на второстепенном театре, сосредоточивши все свои силы против тако-

го противника, поражение которого не могло изменить общего хода борьбы в благоприятном для союзников направлении. Трудный для ведения боевых операций гористый характер театра в значительной степени ослаблял наступательную силу итальянских армий, почему, несмотря на огромное численное превосходство над противником в начале военных действий (36 дивизий против 12 австрийских) [8]), они не достигли никакого успеха. Все эти обстоятельства делают ненужным исследование тех сил, которые были подготовлены итальянцами для войны, потому что этим силам принадлежало второстепенное, совершенно местное значение, и большее или меньшее напряжение их не могло чувствительно влиять на развитие событий в европейском, а тем более мировом масштабе.

Военная подготовка Америки. Соединенные Штаты Северной Америки вступили в войну настолько поздно — к лету 1917 года, когда Россия фактически уже вышла из рядов воюющих, — что характер их военной системы и военная подготовка к мировой борьбе не имеют никакого практического значения при рассмотрении вопросов, касающихся взаимоотношений России и ее союзников в пределах ведения военных операций.

Итак, можем ли мы сказать, что наши союзники сделали все зависевшее от них для возможно большего накопления сил с целью приобретения подавляющего превосходства над противником и скорейшего достижения решительных результатов? Конечно, нет. И Англия и Франция, ведя борьбу лишь частью своих вооруженных сил, упорно приберегали другую часть таковых, а Италия с Америкой (если возможно считать оба эти государства с начала войны на стороне держав Согласия) и все свои силы — до известного срока, как бы на черный день, для использования в собственных интересах, как будто бы рассчитывая, что кто-то другой ослабит мощь и энергию их могучего противника. Не Россия ли это, с ее неисчерпаемым запасом живой силы, с ее самоотверженной верностью союзным договорам, с ее бескорыстием и готовностью бороться за чужие ей интересы? К сожалению, да, этот кто-то именно и была Россия, и на ней-то, главным образом, и рассчитывали союзники отыграться, чтобы сберечь свои собственные силы.

Оперативное использование сил союзников. Посмотрим же теперь, как были в действительности использованы союзниками на театре военных действий в оперативном отношении те войска, которые могли быть направлены ими навстречу германскому наступлению.

[8]) Gen. Capello: Note di guerra.

Теория военного искусства, опираясь на опыт военной истории, требует, для обеспечения успеха, предупредить противника полным стратегическим развертыванием, т.-е. сосредоточить в вероятных районах боевых операций в возможно кратчайший срок все имеющиеся у нас силы и средства, чтобы в первых же боевых столкновениях с неприятелем обеспечить себе превосходство сил, захватить в свои руки инициативу, подчинить себе волю врага и сразу же приобрести решительные оперативные преимущества на театре военных действий. Это — так называемый принцип крайнего напряжения сил в начале войны, один из основных, важнейших принципов стратегического искусства. В какой же мере он осуществлен союзниками при завязке Мировой войны?

Англия. Мы видели, что из общего, довольно значительного числа своих сухопутных войск Англия предполагала, не позже как через две недели после об'явления войны, сосредоточить в Бельгии или северной Франции небольшую экспедиционную армию, численностью в 166.000 чел. Это уже само по себе представляло явное нарушение указанного выше принципа, потому что при этих условиях большая часть английских сухопутных сил оставалась в начале войны не использованной; но, по крайней мере, те войска, которые выдвигались на театр военных действий, должны были выполнить свое стратегическое развертывание без большого запоздания, примерно, к 17 августа, т.-е. еще до занятия германцами Брюсселя и до окончания французскими армиями перегруппировки на бельгийской границе. И весьма возможно, что если хотя бы эти английские войска появились в указанный срок на левом фланге французского стратегического фронта, то исход боевых операций в Бельгии, в первых числах августа мог бы быть несколько иной, и дальнейшее их развитие на театре войны, быть может, шло бы медленнее и более успешно для союзников. Но, к сожалению, даже это не было выполнено англичанами.

Начавши высадку своих войск на французском побережьи (в Булони) 7 августа 1914 года, они к 21 августа сосредоточили в районе Ландреси — Мобеж 4 армейские дивизии и 5 кавалерийских бригад, всего 65.000 человек. Эти ничтожные силы оказались на пути наступления 1-й германской армии, в три раза превосходившей их численностью, почему в первом же сражении у Монса, 23 — 24 августа, они были разбиты и с тяжелыми потерями отброшены к верхней Уазе. И уже на всем дальнейшем пути своего отступления до окрестностей Парижа эти разбитые войска не могли оправиться, не имели возможности восстановить свою боеспособность, не были в состоянии

задержать энергичного наступления победоносных германских корпусов. Это быстрое и решительное поражение англичан в первом же боевом столкновении поставило в очень тяжелое положение левое крыло французских армий, тоже отступавших в это время после боевых неудач в пограничном сражении. Таким образом, неудачное стратегическое развертывание англичан поставило их слабые силы под сильные удары превосходного противника и в значительной степени способствовало неудачному развитию для союзников военных действий в Бельгии и Франции в течение всего августа.

По мере того, как развивались боевые операции, шло усиление английских войск, находившихся во Франции; но, конечно, подобная переброска из Англии боевых сил по мелочам не могла создать благоприятных стратегических условий для союзников и лишь подвергала подвозимые войска поражению по частям. До какой степени нецелесообразно велось сосредоточение этих войск на театре военных действий, видно из следующего: 25 августа в район ле-Като, при отступлении английской армии от Мобежа к Уазе, прибыла 4 дивизия; 17 сентября, во время боевых действий на р. Эне, к армии присоединилась 6-я дивизия; 3 октября на бельгийском побережье, у Остенде, высадилась 7-я морская и 3-я кавалерийская дивизии; 20 октября во Фландрию прибыла индийская (лагорская) дивизия; 11 ноября туда же была подвезена 8-я дивизия; наконец, в период военных действий во Фландрии, в течение октября и первой половины ноября, к английской армии разновременно присоединилось около 20.000 чел. различных территориальных войск. Всего к середине ноября, к окончанию маневренного периода, было перевезено во Францию около 165.000 чел., т.-е. в течение 3½ месяцев с начала войны мелкими частями было сосредоточено только то количество войск, которое должно было быть переброшено сюда в течение двух недель, к началу боевых действий, для одновременного введения их в дело.

Затем, с установлением позиционной войны на Западе, когда стало очевидным, что борьба затягивается надолго, началось более широкое развитие английских вооруженных сил, особенно в начале 1916 г., с переходом Англии ко всеобщей воинской повинности; и только на 4-ом году войны англичане, наконец, сосредоточили на театре военных действий те 63 дивизии, которыми определяется общее количество войск, выставленных ими в эту войну в Европе [9]).

[9]) Общее число мобилизованных на Великобританских островах к октябрю 1918 г. составляло 4.970.902 чел. (Bellona, 1921). Эта цифра значительно возрастает, если к ней прибавить индийские и колониальные контингенты.

Мне могут возразить, что все государства, принимавшие участие в затянувшейся на несколько лет Мировой войне, постепенно развивали свои вооруженные силы и время от времени выставляли в поле новые формирования. Однако существует большая принципиальная разница между положением Англии и других государств в этом вопросе: образование новых войск последними вызывалось или появлением нового противника, что приводило к боевым операциям в новых районах (напр., для Германии — выступлением на стороне Согласия Италии, Румынии и Америки; для России — выступлением на германской стороне Турции и Болгарии), или необходимостью пополнять огромные потери в выставленных ими миллионных армиях; между тем Англия должна была создавать новые формирования просто потому, что она начала войну ни с чем, потому что та гигантская работа, которую другие государства, вследствие своей отличной военной организации, выполнили в краткий мобилизационный срок, была растянута Англией на месяцы и на годы. Впрочем, англичане сами так именно и смотрели на свою организационную работу: лорд Китченер, вскоре после своего назначения военным министром, сказал, что Англия *должна создать* армию, соответствующую ее мировому положению, и что эта армия придет на смену боевым силам сотрудников, когда они будут ослаблены и истощены в тяжелой борьбе [10]). Следовательно, сами англичане признавали, что в этом случае дело идет не столько об усилении или пополнении своих войск, сколько о создании заново вооруженных сил, которых до сих пор у них не существовало.

Сводя все сказанное о стратегическом развертывании англичан на материке Европы, мы приходим к заключению, что — подобно тому, как и их подготовка к войне, — оно не удовлетворяло самым скромным требованиям военного искусства, не оказало никакой существенной помощи союзникам, способствовало тяжким неудачам в первых же сражениях с германцами, а потому неизбежно привело к затяжке боевых операций.

Но такие жалкие результаты сухопутных операций могут найти себе об'яснение, а быть может и некоторое оправдание в том соображении, что Англия всегда стремилась, главным образом, к усилению своего могущества на морях, к развитию своих морских сил. Однако, достигла ли она каких-нибудь решительных результатов в области морских операций? Обладая наиболее могущественным флотом в мире, к тому же еще усиленным морскими силами своих союзников, Англия имела огромное превосходство над германским флотом. Тем не менее,

[10]) Repington. The First World War 1914-1918. Vol. I, p. p. 21-22.

она не сумела ни уничтожить морских сил Германии, ни воспрепятствовать развитию ее подводного флота, ни установить действительной блокады германских берегов. И даже в единственном морском сражении этой войны, в Ютландском бою, англичане не только не могли нанести решительного поражения немцам, но сами потерпели тактическую неудачу.

Следовательно, как на сухом пути, так и на морских путях, Англия не внесла в общее дело союзников той доли своего участия, которая соответствовала бы ее мировому положению и ее колоссальным средствам; она не приложила к достижению важнейших целей войны тех напряженных усилий, которые возможны были при наличии упорства, настойчивости и энергии, — этих характерных качеств британской нации.

Франция. Развертывание боевых сил Франции происходило, конечно, более целесообразно, быстро и планомерно, чем указанное развертывание английских сил; однако и на стороне французов возможно отметить крупные недочеты в этом отношении, повлиявшие неблагоприятно на первые же боевые операции французских армий, а вместе с этим и на дальнейший ход европейской войны.

Несмотря на то, что намерение Германии нарушить бельгийский нейтралитет в случае войны с Францией, было давно известно французам, и в европейской военной литературе этот вопрос обсуждался целый ряд лет[11]), тем не менее французский генеральный штаб к началу 1914 г. составил оперативный план № 17, согласно которому почти вся масса французских мобилизованных войск должна была развернуться на восточной границе Франции, от Бельфора до Монмеди, и лишь незначительная их часть — на небольшом участке бельгийской границы от Монмеди до Шарлевиля[12]). Согласно этому плану и произошло развертывание французских армий по окончании мобилизации. Французское развертывание не считается с вероятным втор-

---

11) Об этом писали во Франции: Тено, Бонналь, Ланглуа, Метро, Буше, Галинэ, Бюа, де-Лакруа, Купийо, Мордак, Бруар; в Германии—фон Бернгарди; в Бельгии—Бриальмон, Дежарден, Дюкарн. Уже в 1895 г. французский капитан Галинэ в своей книге La frontière menacée определенно указывал на неизбежность нарушения нейтралитета Бельгии при вторжении немцев во Францию.

12) Об этом плане имеются интересные сведенния у двух французских авторов: Фернанда Анжерана, La bataille de la frontière Août 1914) Briey и анонимного автора брошюры Le Plan XVII Etude Strategique. На русском языке этот план (в переводе с английского) приведен в № 2-3 „Военного Зарубежника“ за 1922 г.

жением германцев через Бельгию, как бы устанавливая самостоятельный маневр для начала кампании — наступление своих главных сил в Эльзас-Лотарингию. Это вполне подтверждается содержанием упомянутого выше плана № 17, где лишь вскользь, на всякий случай, говорится о возможных действиях войск левого фланга, «в случае необходимости», на нейтральной территории. Однако, само собою разумеется, что если французы стремились к выполнению своего собственного плана с тем, чтобы, не подчиняясь воле противника, удержать инициативу действий в своих руках, то им следовало принять меры к упреждению германцев в открытии боевых операций.

Между тем никаких мер для этого не было предпринято. Франция об'явила войну Германии уже после об'явления ей таковой немцами; во время развертывания французских армий, войскам, прибывшим в пограничные местности, было указано не приближаться к границе ближе 10 километров, во избежание преждевременных столкновений с противником [13]), что дало возможность германским пограничным войскам легко овладеть важными в оперативном отношении пунктами в приграничной полосе французской территории (перевалами, дефиле, узлами путей, ж.-д. станциями и т. п.); наконец, французским войскам было воспрещено, без особого приказания главнокомандующего, вступать на нейтральную территорию (Бельгии и Люксембурга) [14]) и такое приказание было дано лишь после того, как стало достоверно известным, что германские войска вступили на эту территорию. Все эти запаздывания, опасения и осторожности привели к тому, что немцы начали наступление раньше французов, захватив инициативу действий в свои руки, и вынудили французское главное командование отказаться от первоначального оперативного плана и принять опасное решение — изменить группировку своих армий соответственно изменившейся обстановки.

Эта перегруппировка началась 15 августа и едва закончилась к вечеру 20-го, к завязке большого пограничного сражения. Следовательно, в то время, когда правое германское крыло (I-я и II-я германские армии) уже форсировало р. Маас, французы лишь приступили к исправлению ошибок своего первоначального стратегического развертывания и производили эту перегруппировку в течение всего того времени, когда противник нанес бельгийцам целый ряд поражений, оттеснил все их силы к Антверпену и занял почти всю Бельгию. В результате всего этого создалось весьма неблагоприятное положение для

---

[13]) Lucien Cornet. Histoire de la guerre. Vol. I.

[14]) О таком запрещении дважды упоминается в плане № 17.

союзников: разбитая бельгийская армия была отрезана от англо-французских армий, а эти последние были вынуждены вступить в большое пограничное сражение без надлежащей оперативной подготовки, едва успевши занять назначенное им расположение, не установивши связи, как между собою, так и внутри своих районов, не организовавши разведки о неприятеле. Все эти обстоятельства привели к поражению союзников в боевых действиях 21—25 августа и к отступлению их разбитых войск к югу. Естественно, что при тех тяжелых условиях, при которых французам приходилось организовать противодействие германскому наступлению в дни 15 — 25 августа, явилась необходимость обратиться за помощью к своему восточному союзнику и потребовать от него надавить на общего врага с востока, для отвлечения части его сил с западного фронта; Россия, всегда готовая жертвовать для общего дела собственными интересами, бросилась, еще не готовая, в Восточную Пруссию и потерпела там крупную неудачу.

Из вышеизложенного явствует, что Франция не только не собрала для первых ударов всех своих наличных сил, но и не сумела использовать в оперативном отношении те силы, которые были выставлены ею в поле, вследствие чего она подвергла крупному поражению все свои армии в пограничном сражении и в боях в Эльзас-Лотарингии и две наши армии в Восточной Пруссии, что, в свою очередь, привело в ближайшее время к новым большим жертвам и к затяжке войны на продолжительное время.

Италия. Оперативное использование вооруженных сил Италии происходило лишь в пределах своего театра военных действий и не имело широкого значения для стратегического положения союзников на главном театре. В виду особенностей местности в районе боевых операций итальянцы отвлекли на себя сравнительно незначительную часть австрийской армии. Италия решилась принять участие в борьбе лишь после того, когда Австро-Венгрия сильно ослабела под мощными ударами русских армий и, когда вследствие этого, война не связана была с большим риском; кроме того, Италия весьма скупо предоставляла свои войска для различных общих с союзниками предприятий вне своего района боевых действий. Так, лишь в последний год войны две итальянских дивизии были отправлены во Францию, а разновременно небольшие итальянские отряды командировались на Балканский полуостров (в Албанию и Салоники).

К этому необходимо добавить, что общий характер ведения войны Францией и Италией не только в начале военных действий, но и в последующее время, был ярко эгоистический, с определенным стремлением поберечь себя, потребовать побольше от союзников, особенно от сговорчивой, щедрой на жертвы России. В исследовании Н. Валентинова «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г.г.» имеется много интересных указаний по этому вопросу. Я приведу здесь лишь более характерные. На конференции союзников во Франции (в ставке Жоффра) 8 декабря 1915 года, наш военный представитель, генерал Жилинский, встретил «сильнейшее» противодействие своему предложению начать в ближайшее время одновременное наступление. «Генерал Порро (итальянский представитель), — пишет Жилинский генералу Алексееву 17 декабря, — сразу же заявил, что к марту итальянская армия готова не будет...» «Вообще желания начать активные операции генерал Порро не высказал; сквозило, наоборот, намерение затянуть переход в наступление...» «Но главное дело в том, что в самом Жоффре я подметил желание, чтобы будущей весной Россия первая начала наступление, и я боюсь, чтобы он не стал потом выжидать, и при доказанной его медлительности, он не растянул промежутка между началом наступления нашей и французской армии...»[15]). В другой раз Жилинский сообщает, что Жоффр «весь погруз в подготовке и настолько медлителен, что подвинуть его на наступление раньше определенного на совещании срока, т.-е. раньше весны, нет решительно никакой надежды и возможности. На это рассчитывать совсем нельзя. Из созерцательной неподвижности французов могут вывести только немцы...» [16]). Подробное изучение Н. Валентиновым документов, относящихся к этому вопросу приводит его к заключению, что «французы придерживались гораздо более узкого взгляда на предстоящие в войне задачи, чем генерал Алексеев, пытавшийся об'единить все фронты для выполнения единого плана»[17]). Понятно, что этот «узкий» взгляд был взглядом, подразумевавшим в себе работу только на пользу одной французской армии. Наконец, по поводу конференции в Шантильи 12 марта 1916 года, автор говорит следующее: «Отношение союзников к основным вопросам общей стратегии возбудило, повидимому, в ставке большое неудовольствие. Генерал Алексеев не скрывает своего мнения, что тенденция генерала Жоффра играет в руку врага...» «Противник, — пишет Алексеев Жи-

---

15) Н. Валентинов, ч. I, стр. 85-86.
16) Там же, стр. 89.
17) Н.Валентинов, ч. I, стр. 94.

линскому в телеграмме от 22 февраля, — не будет справляться у Жоффра, окончил он подготовку или нет, а атакует сам, как только климатические условия и состояние дорог позволят сделать это»[18]). *Несмотря, однако, на столь пассивное состояние своих армий, в течение всего длительного периода позиционной войны, союзники все же находили возможным побуждать нас к наступлению, постоянно требовать от нас массовых жертв и великих напряжений.*

Америка. Что же касается Соединенных Штатов Северной Америки, то участие их вооруженных сил в европейской войне имело более широкое значение, чем итальянских, как потому, что они действовали на главном театре, так и вследствие их большой численности. Тем не менее, общая сумма средств и жертв, потраченных американцами во имя общих интересов союзников, несравненно меньше того, что затрачено другими членами анти-германской коалиции. Америка начала войну очень поздно, когда противник, когда-то могучий, уже обнаруживал заметное физическое и моральное ослабление и, кроме того, в три предшествовавшие года войны приемы ведения боевых действий настолько уже были выработаны, что американцам приходилось брать все уже готовое, не затрачивая ни материальных средств, ни человеческих жизней для достижения тех или иных выводов оперативного характера. Правда, Соединенные Штаты выслали во Францию большое количество разных технических средств, но, если принять во внимание колоссальное развитие американской промышленности различных видов, то едва ли это техническое оборудование американской экспедиционной армии могло потребовать сильного напряжения производственных сил страны.

Численность американских войск, перевезенных на французский фронт, выражается в следующих цифрах [19]).

Перевозка началась в июне 1917 г., т.-е. лишь на 3-й месяц после об'явления войны (5 апреля). Такая затяжка вызывалась необходимостью создавать многочисленные новые формирования, вследствие малой численности армии мирного времени (230 тысяч человек) и неприспособленности всей военной системы страны к быстрому развертыванию этой армии. Первая американская дивизия прибыла во Францию в июне 1917 г.; затем до весны 1918 г. было перевезено еще 5

---

[18]) Там же, стр. 101-102.

[19]) Gen. Pershing. Annual Report of Secretary of War. 1918; col Yres. The War with Germany.

дивизий, к июлю 1918 г. еще одна дивизия. После этого, по просьбе версальского высшего военного совета, перевозка войск была значительно ускорена и к концу военных действий (к ноябрю 1918 года) американская армия в Европе состояла из 53 дивизий, а всего около 1½ миллионов людей. Было бы, однако, ошибочным считать, что такое количество войск в действительности было к тому времени введено в бой на французском фронте: дело в том, что американские войска доставлялись во Францию почти в сыром виде и нуждались еще в продолжительном обучении, которому они и подвергались в учебных лагерях, устроенных с этой целью в тылу различных участков боевого фронта. Собственно же в военных действиях в течение 1918 г. участвовала лишь незначительная часть американских войск, находившихся во Франции (около одной трети). Своими сухопутными силами Америка не успела принять большого участия в борьбе с Германией, и в общих усилиях союзников сломить военное могущество этой державы американцам принадлежит весьма скромная доля. Однако, еще более скромная роль в этом деле должна быть отведена сильному американскому флоту, который в то время уже не находил для себя предметов для действий в европейских водах.

Италия и Америка упустили удобный момент для вступления в ряды воюющих в начале войны, когда соединенные силы всех союзников могли бы привести борьбу к более быстрой развязке; но тогда пришлось бы, конечно, потратить большее количество средств, напрячь больше усилий, принести больше жертв, подвергать себя большему риску. А этого ни один из этих союзников не желал.

Из всего сказанного об оперативном использовании союзниками своих вооруженных сил для нас теперь ясно, что оно оставляло желать весьма многого: или оно было несвоевременно, или велось неискусно, или имело в виду достижение своих частных, эгоистических целей. Вообще же сепаратных стремлений в нем было слишком много и во всяком случае значительно больше, чем склонности действовать в пользу общих интересов и общих задач коалиции.

Перейдем теперь к исследованию обстоятельств, определяющих собой значение России в рядах анти-германской коалиции и ценность ее военного сотрудничества с союзниками.

Боевое напряжение русских вооруженных сил.

Этот вопрос следует расчленить на две части: во-первых, каково было общее напряжение русских усилий, направленных к нанесению решительного поражения тем силам противника, которые находились против России и, во-вторых, как были, в общих чертах, использованы

силы и средства, выставленные Россией, с точки зрения общих интересов коалиции.

В противоположность Англии, Россия в полной мере осуществила принцип крайнего напряжения сил в начале войны; в течение нескольких дней мобилизации она привела на военное положение все войска, находившиеся в европейских областях, и развернула их все одновременно на своей западной границе: две армии против Германии; четыре—против Австрии и по одной—на Балтийском и на Черноморском побережьях. В это время (в первых числах августа) оставались вне театра военных действий: кавказская армия, занимавшая выжидательное положение до выяснения намерений Турции, и войска Сибири и Туркестана, задержанные малой пропускной способностью наших азиатских железных дорог. Однако, как только перевозка сибирских и туркестанских войск была закончена, были сформированы две новые армии (IX и X) и в первых числах сентября, т.-е. через 6—7 недель после об'явления войны, все вооруженные силы, разбросанные в мирное время по необ'ятной территории государства, были сосредоточены на западной границе и брошены в наступление. 4 миллиона русских воинов спешили на помощь трем миллионам союзников. Следовательно, в этом отношении Россия выполнила все, что возможно было требовать от нее в видах скорейшей помощи своим союзникам.

Она не только начала войну наступательными действиями, но приступила к ним даже до окончания своего полного развертывания, рискуя всеми невыгодами своей стратегической неготовности, лишь бы возможно скорее поддержать союзные армии в их борьбе с могучим противником. Это наступление велось двумя группами армий по двум направлениям: меньшая группа вторглась в Восточную Пруссию, большая—в Галицию: эти оба вторжения, естественно, должны были оказать благоприятное стратегическое воздействие на положение союзников на Западе, особенно же в этом отношении значительным оказалось влияние нашего продвижения в Восточной Пруссии: не только этим было отвлечено на некоторое время внимание германского главного командования от операций на французском фронте, но и часть германских сил с этого фронта была направлена на Восток. Эти силы состояли из гвардейского резервного корпуса, принадлежавшего к составу II германской армии, XI (саксонского) корпуса, из III германской армии и 8-й (саксонской) кавалерийской дивизии, из VI армии. Кроме того, V корпус из состава V германской армии был от-

тянут в район Меца, на случай, если бы потребовалось дальнейшее усиление германских войск на восточной границе [20]).

Таким образом, 6 пехотных и 1 кавалерийская дивизия были оттянуты с французского фронта, при чем 4 дивизии — из состава право-фланговых армий, которым принадлежала решающая роль в общем наступлении германцев.

Это ослабление германских сил на Западе ставят, обыкновенно, в связь лишь с неудачей, постигшей немцев в сражении на Марне; между тем, оно оказалось неблагоприятным для германского наступления и весьма благотворным для стратегического положения союзников еще до Марны, в первом же большом сражении на бельгийско-французской границе (в так называемом пограничном сражении) 21—24 августа. Хотя все союзные войска понесли здесь крупное поражение, тем не менее благодаря указанному выше ослаблению правого германского фланга, левофланговой (5-й) французской армии, подвергшейся концентрической атаке II и III германских армий, удалось избегнуть окружения и полного разгрома; если бы немцы имели здесь (в боях у Шарлеруа и Динана) одним—двумя корпусами больше, то 5 французская армия, несомненно, погибла бы, а вместе с тем, по всей вероятности, произошла бы катастрофа и с английской армией, которая оказалась бы отрезанной от французских войск и обойденной с обоих флангов.

Следовательно, в этом случае отступление союзников к Марне происходило бы в более тяжелых условиях, и само сражение на этой реке оказалось бы невозможным. Ослабление немцами своих сил на Западе не только облегчило впоследствии союзникам успешное ведение боев в этом сражении, но оно дало возможность их армиям, еще раньше этого, после первых тяжких неудач на бельгийской границе, благополучно отойти к югу и занять между Парижем и Верденом именно то положение, в котором мог быть ими выполнен решающий марнский маневр.

В настоящее время мнение о связи, существующей между ослаблением германских сил на Западе и результатами марнской операции, стало общим местом и едва ли можно найти сочинение о первом периоде этой войны, в котором не указывалось бы на это. Тем не менее, дабы не быть заподозренным в пристрастном, благоприятном для России истолковании этих событий, я считаю необходимым привести здесь мнения по этому вопросу иностранцев. Прежде всего остановлюсь

---

[20]) Этот корпус бездействовал здесь до сражения на Марне, в котором он принял участие не всеми своими силами.

на свидетельствах таких авторитетов, как фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф, которых, конечно, нельзя считать недостаточно ориентированными в этом вопросе или склонными преувеличивать значение этих явлений.

Гинденбург говорит по этому поводу следующее:[21]) «Сущность дела заключается в том, что наше верховное командование признало себя вынужденным преждевременно перебросить на восток крупные силы с Запада, где оно искало скорого решения борьбы. Я не касаюсь того, повлияла ли на эту переброску переоценка успехов, достигнутых нами на Западе, но во всяком случае эта переброска привела нас к разделению сил: от одной цели отклонились в сторону, другой—не могли достигнуть».

Людендорф в своих воспоминаниях о войне дважды касается этого вопроса:[22]) в одном месте он говорит, что решение верховного командования ослабить германские силы на Западе переброской войск в В. Пруссию было преждевременно, при чем особенно неблагоприятно было то, что войска были взяты из право-фланговых армий, которым принадлежала решающая роль в наступлении; в другом месте он выражается еще определеннее, утверждая, что переброска войск с Запада ослабила правое крыло германцев, которое уже в дальнейшем наступлении не могло производить необходимого натиска на противника и что явившаяся результатом этого неудача немцев на Марне привела к затяжке войны. Также оценивает эту меру и официальное германское описание мировой войны, в заключительной главе 1-го тома[23]).

Доказательством же того, что положение немцев в В. Пруссии, вследствие наступления здесь наших армий, представлялось для германской главной квартиры весьма тяжелым, могут служить нижеследующие выдержки из письма начальника штаба верховного главнокомандующего, генерала фон-Мольтке к Людендорфу, в котором он уведомлял последнего о его назначении начальником штаба VIII армии, в В. Пруссию[24]). «Перед вами, — пишет Мольтке, — лежит новая тяжелая задача, может быть более тяжелая, чем овладение Лютихом. Я не знаю никого другого, к кому я чувствовал бы такое доверие, как к вам. Быть может вам удастся спасти положение на Востоке». И в другом месте: «Вы должны принести эту жертву отечеству. Конечно,

---

21) Aus meinem Leben. Berlin 1920, Стр. 117-118.

22) Meine Kriegserinnerungen 1914-1918. Berlin. 1919. Стр. 45-54.

23) Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914 bis 1918, Erster Band. Berlin. 1925.

24) Ludendorff. Стр. 32.

вы не можете быть ответственным за то, что произойдет там, однако, с вашей энергией вы можете отвратить то худшее, что нам угрожает».

Заслуга русских вооруженных сил в общем деле борьбы с германской коалицией далеко не исчерпывается этим эпизодическим отвлечением неприятельских сил с главного театра войны, давшим возможность союзникам выиграть генеральное сражение, резко видоизменившее стратегическую обстановку на западном фронте. Активная деятельность русских армий, постепенно утверждая в сознании германцев наличность серьезной опасности со стороны России, вынудила германское главное командование приступить к систематическому усилению своих войск на русском фронте как путем переброски их с французского фронта, так и формированием новых частей. Так, предпринятые нами в ноябре 1914 г. действия на левом берегу Вислы заставили немцев перебросить с западного фронта на наш — 8 пехотных и 5 кавалерийских дивизий; в январе 1915 г. вновь было переброшено еще 2 пехотных дивизии; кроме того, за это время против России было направлено 8 вновь сформированных пехотных дивизий. Затем, в течение апреля и мая немцы опять перебросили на наш фронт 11 пехотных и 4 кавалерийских, а в течение лета 1915 г.—еще 4 пехотных дивизии. Итого, с начала войны до нашего общего отступления в 1915 г., немцы усилили свои войска на русском фронте на 37 пехотных и 10 кавалерийских дивизий (из них переброшено с французского фронта 29 пехотных и 10 кавалерийских) [25]).

При этом необходимо отметить, что случаи обратной переброски германских войск с нашего фронта на западный были очень редки. Россия решительно не допускала усиления неприятельских войск против Франции и Англии, давая этим возможность своим союзникам приобрести численное превосходство в силах. Но значение России в общей борьбе сделается более рельефным, если вспомнить, что она притянула на себя всю австро-венгерскую армию, а на Кавказском фронте — почти всю турецкую, облегчив военные действия союзников, особенно же англичан в Дарданеллах, Египте и Месопотамии. Одно это распределение неприятельских сил может служить ярким доказательством ценности услуг, оказанных союзникам Россией.

Таким образом, мы видим, что развитием наших активных операций как против Германии, так и Австрии мы вынудили противника изменить план войны и перенести в 1915 г. на Восток центр

---

[25]) Н. Валентинов. „Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914-1918 г. г." часть I, глава II. Труды Военно-Исторической Комиссии. Москва, 1920 г.

тяжести наступательных действий. Этим мы выполняли не только наши стратегические задачи, но и, в гораздо большей степени, задания общей стратегии союзников. Россия принимала на себя те удары, которые при ее меньшей активности вероятно пришлись бы на долю англо-французских и сербских армий. Следовательно, русская стратегия сыграла в этот период войны выдающуюся роль: она дала возможность союзникам, особенно же Англии, накоплять в течение всего первого года борьбы те силы, с которыми они могли в дальнейшем не только более успешно противодействовать наступательным попыткам противника, но и самим приступить к активным операциям.

Однако, несмотря на это, союзники и в 1916 г., когда Россия была уже сильно истощена 2-летней борьбой, все же пред'являли к ней требования, не соответствовавшие ее силам и выгодные только для них. Раньше всего, для облегчения итальянских армий, наше верховное командование побуждалось Антантой к энергическому наступлению на юго-западном фронте, что привело нас к крупной наступательной операции в Луцком районе, весной и летом 1916 г., в ущерб нашему наступлению на западном фронте, где находились в то время более важные для нас предметы действий; к тому же, наше наступление южными армиями, несмотря на большие потери и крупный тактический успех, не привели нас к решительному стратегическому результату. Затем, вопреки желанию русского верховного командования, союзники настояли (в августе 1916 года) на выступлении Румынии, взвалив, таким образом, на плечи России всю тяжесть поражений, понесенных румынами. Русское командование неоднократно указывало союзникам на то, что выступление румын, не обещая существенных выгод для общих интересов коалиции, поставит русскую армию в тяжелое положение, что оно удлинит на несколько сот верст протяжение русского фронта, в то время, как слабая и недостаточно боеспособная румынская армия не будет в состоянии занимать этот новый участок фронта и потребует помощи от русских армий. Но Антанта, преследуя лишь свою эгоистическую цель — отвлечение возможно больших сил противника с западного фронта (в частности, Франция—ослабления германского натиска на Верден)—настойчиво добивалась согласия России на этот шаг и, в конце концов, путем широких обещаний оказать помощь как доставкой необходимого боевого снаряжения, так и наступлением салоникской армии, добилась согласия русского верховного командования. Как известно, вскоре после своего выступления, Румыния понесла тяжкие поражения в боевых столкновениях своей армии с австро-германскими войсками, потеряла значительную часть своей территории и была вынуждена просить

помощи у России; русскому верховному командованию пришлось образовать новый, румынский фронт, для занятия и удержания которого были переброшены войска с других, более важных для русских интересов боевых участков, а это, в свою очередь, привело к необходимости отказаться от наступательных действий на некоторых важных для нас операционных направлениях (напр., на Стоходе, на виленском направлении и на др.). В результате всего этого, к концу 1916 г. на румынском фронте находились три русские армии (4-я, 6-я и 9-я), в составе 36 пехотных и 11 кавалерийских дивизий, а в течение 3—4 последних месяцев этого года численность германских войск на восточном фронте увеличилась на 28 дивизий. Вот, следовательно, какую крупную массу неприятельских войск отвлекли с запада наши, совместно с румынами, действия в Молдавии и Добрудже. Эти действия не дали нам ничего, кроме огромных потерь и оперативных невыгод на других участках фронта, но зато они облегчили положение союзников во Франции,—они спасли Верден! Эти потери и эти невыгоды,—это—новая крупная жертва, принесенная Россией во имя верности своим обязательствам, как союзника Антанты, как члена анти-германской коалиции.

Для того, чтобы вообще дать понятие о том, как велики были те силы противника, которые мы привлекли на себя, достаточно привести следующие цифры: к ноябрю 1916 года наши армии на австро-германском фронте имели перед собой 131 дивизию противника, а в то же время англо-французско-бельгийские армии, усиленные двумя русскими бригадами, 129 дивизий[26]); к середине января 1917 г. наши армии удерживали на австро-германском и кавказском фронтах 187 неприятельских дивизий, или 49% всех сил противника, действовавших в Европе и Азии, тогда как наши союзники имели в то время перед собой на французском и итальянском фронтах только 162 неприятельских дивизии[27]). И, несмотря на это, они постоянно, при всяком удобном случае, пред'являли нам требования наступать, действовать более энергично и активно, отвлекать на себя еще большее количество неприятельских войск. Так было в 1915 г. во время разгрома сербской армии; этого требовали от нас в период германской атаки Вердена и в мае 1916 г. для облегчения положения Италии; с подобными же требованиями

---

[26]) Военно-Исторический сборник. Вып. I-й, 1919 г., приложения

[27]) А. И. Деникин. Очерки русской смуты. т. I. вып. I-й. стр. 31-39.

союзники не постеснялись обратиться к нам даже в 1917 г., когда вспыхнувшая революция ясно обнаружила непригодность наших войск для дальнейшего ведения войны. Для этого в апреле французское правительство командировало в Петроград одного из членов кабинета, социалиста Альберта Тома, с поручением подогревать воинственное настроение временного правительства. И безумное наступление юго-западного фронта в июне этого года, доставившее нам столько потерь и причинившее нам столько бедствий, должно послужить тяжелым укором эгоистической политике Антанты. Но когда русские армии находились в тяжелом положении, как, например, при своем отступлении летом 1915 г. или когда они нуждались в помощи для развития своего успеха, как это было в мае 1916 г. в период Луцкого прорыва, — ни одна из союзных армий не шевельнулась для отвлечения на себя неприятельских резервов.

О том напряжении сил, которое проявила Россия в борьбе с австро-германцами, по сравнению с союзниками, можно составить себе представление по следующим данным: к 1 мая 1916 г. мы имели на европейском фронте (не считая кавказской армии) 4.500.000 человек, а соединенные армии Франции, Англии, Италии и Бельгии в Европе — 5.563.000 чел.; к 1-му ноября того же года эти цифры были соответственно 6.860.000 чел. и 6.578.000 чел. К лету 1917 г. мы имели на всех фронтах 10.500.000 чел., а союзники—7.253.000 человек [28]). Вообще же к тому времени Россия мобилизовала с начала войны около 18.000.000 (из коих 7½ миллионов составляли убитые, искалеченные, пленные и дезертиры), к тому же времени все государства Антанты (считая и вновь вступившую в ряды воюющую Америку) — около 21 миллиона человек [29]).

Влияние, оказанное на западный фронт выходом России из войны.

Перейдем теперь к рассмотрению того, в какой степени прекращение войны на русском фронте в 1917 г. способствовало усилению германцев на Западе и облегчению им борьбы с союзниками. Выход России из рядов воюющих, конечно, освободил некоторое количество неприятельских войск, до тех пор находившихся на нашем фронте, и дал возможность германцам перебросить их во Францию. Однако, значение этой переброски, несомненно, преувеличивается нашими бывшими союзниками и, вообще, неправильно ставится в непосредственную связь с брестским договором.

---

[28]) Военно-Исторический сборник. Вып. II, 1919 г. Приложения.

[29]) А. И. Верховский. Записка „Ответственность союзников за крушение нашей армии в 1917 г.“.

Во-первых, во время переговоров в Бресте, наши представители настаивали на включении в мирный договор статьи, воспрещавшей нашему противнику использовать для военных действий на Западе те войска, которые к началу переговоров находились на русском фронте. Как известно, подобное запрещение, хотя весьма кратковременное, удалось ввести в условия перемирия, заключенного между сторонами в декабре 1917 г.; но если того же не удалось добиться при выработке текста мирного договора, то на это повлияли, конечно, те общие условия, в которых находилась в то время Россия, та трудная обстановка, при которой приходилось нашим представителям вести переговоры после февральского наступления германцев. Во всяком случае, Россия ясно обнаружила свое желание не создавать для союзников, своим выходом из войны, лишних затруднений в борьбе с Германией.

Во-вторых, не все германские войска, находившиеся на русском фронте, были переброшены на Запад, а те, которые были перевезены туда, снимались с нашего фронта не одновременно. Справедливость этого мнения вполне подтверждается свидетельством Людендорфа в его воспоминаниях о войне, где он говорит, что «Брестский договор не дал, в сущности, прочного мира на Востоке; положение там оставалось все еще неопределенным и имелись основания подозревать молчаливое соглашение между Советской Россией и союзниками. Это обстоятельство, конечно, не давало возможности использовать для западного фронта все войска, находившиеся в России... Те силы, — продолжает он, — которые оставались на Востоке, все же еще были значительны. Ведь мы имели там лишь хорошо вооруженный мир, много опасностей еще таилось на этом фронте». Тем не менее Людендорф признается, что более 40 дивизий были перевезены с русско-румынского фронта, при чем они передали оставшимся дивизиям людей старших сроков службы в обмен на младшие сроки. «Хотя главное командование в течение всего лета 1918 года и пользовалось всяким случаем, чтобы снять с восточного фронта все, что оказалось здесь свободным, однако, — говорит Людендорф, — необ'ятные пространства Востока, с размерами которых несоизмеримы германские массы, требовали, действительно, больших сил, если мы желали лежавшие перед нами задачи разрешить в соответствии с нашими военными и экономическими интересами» [30]).

В-третьих, переброска германских войск с восточного на западный фронт во всем своем об'еме не связана с брестским договором

---

[30]) Людендорф, стр. 457—460.

и началась еще тогда, когда немцы убедились, что наша разлагающаяся армия не представляет собой опасного противника и не пригодна к активным действиям. Об этом, между прочим, говорит Гинденбург в своей книге «Aus meinem Leben», рассматривая подготовку, которую вели немцы к наступлению 1918 года: «с 15 декабря, — говорит он, — на русском фронте установилось полное затишье в военных действиях. Но еще раньше этого, в виду начавшегося разложения русской армии, мы стали уводить оттуда значительную часть своих боевых сил [31])».

Следовательно, не столько брестский договор, как определенный дипломатический акт, сколько общее, стихийное ослабление наших боевых сил, как результат революционных потрясений, привело к сосредоточению на Западе германских войск восточного фронта.

Наконец, в-четвертых, прибытие германских войск из России едва ли могло в значительной степени увеличить боевую мощь Германии на западном фронте, потому что в большинстве случаев эти войска уже потеряли не малую долю своей боеспособности и были близки к разложению. Продолжительное бездействие на русском фронте, частое братание с разложившимися русскими войсками и вредное влияние военной оккупации Украины, — все это должно было крайне неблагоприятно отразиться на дисциплине и настроении германской солдатской массы, среди которой в то время велась уже широкая пропаганда в пользу мира, и потому нет ничего невероятного в предположении, что именно войсковые части, привезенные из России, внесли первые семена разложения в германские армии на Западе [32]).

Это приводит нас к тому выводу, что если переброска германских войск с восточного на западный фронт и дала некоторое численное увеличение армий противника, действующих против союзников, то значение этого материального приращения неприятельских сил ослаблялось невысокими боевыми качествами этих уже разлагавшихся подкреплений. Если же принять во внимание, что окончательное торжество союзников над Германией достигнуто отнюдь не их военным превосходством, не их искусством в стратегических или тактических действиях, вообще не победами их оружия, а обязано своим происхождением разложению германских вооруженных сил, вызванному

---

[31]) Стр. 305.

[32]) К такому мнению склоняются и некоторые германские исследователи этой войны. Генерал Куль определенно говорит об этом в своей упомянутой выше книге.

политическими и экономическими условиями внутренней жизни страны, то нельзя не притти к заключению, что переброска германских войск с Востока на Запад принесла более пользы союзникам, чем Германии. Та именно русская революция, из-за которой союзники хотят возложить на Россию ответственность за ослабление коалиции, вынесенная за пределы России и прокатившаяся волной по Германии, и дала союзникам возможность так быстро и так легко добиться решительного поражения своего противника.

А. БАЗАРЕВСКИЙ

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ФРОНТА НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СИЛ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В продолжение всей Мировой войны русские отвлекают крупные силы центральных держав и дают союзникам время и возможность развернуть свою мощь. — Наступательные действия русских против Восточной Пруссии. — Положение к концу 1914 г.— Использование на русском фронте всего общего резерва немцев. — Весна 1915 г. и обстановка на русском фронте.—Лето 1915 г. — Летом и осенью 1915 г. положение на русском фронте вынуждает Германию на французском, а Австро-Венгрию на итальянском фронте придерживаться пассивного образа действий и продолжать переброску сил на восток. — Атака германцами Вердена и наступление Австро-Венгрии в Тироле. — Наступление армий Брусилова летом 1916 г. — Русский кавказский фронт. — Военное напряжение России. — Русское наступление 1917 г. — Заключение.

В продолжение всей Мировой войны русские отвлекают крупные силы центральных держав и дают возможность и время союзникам развернуть свою мощь.

Русский фронт, со дня об'явления империалистической войны и до 1-го декабря 1917 г., а отчасти и до окончания войны, играл весьма существенную роль не только потому, что наступательные операции велись часто в ущерб России, исключительно для того, чтобы помочь своим союзникам, но также и потому, что он постоянно отвлекал с остальных фронтов крупные силы германцев, австрийцев, турок и болгар.

Это обстоятельство дало возможность державам Согласия с 1914 по 1918 г. постепенно накапливать силы, в частности Англии, а затем и Соединенным Штатам развернуть свою мощь, а Франции, ослабленной в 1914 г., оправиться, добиться присоединения к Антанте Италии, Румынии и других государств и сохранить прифронтовую полосу от грозившего ей разрушения.

Для того, чтобы не быть голословным, интересно отметить, какие силы центральных государств были отвлечены в разное время на русский, а затем русско-румынский фронты и какое влияние это имело на операции на других фронтах.

При этом необходимо подчеркнуть, что приводимый ниже цифровой материал извлечен не только из дел штаба русского верховного командования, но также из немецкой и французской литературы и из данных штаба ген. Жоффра, фигурировавших на междусоюзных конференциях в Шантильи.

Наступательные действия русских против Восточной Пруссии.

С самого начала войны Россия, развернув огромные силы и начав широкие наступательные операции, как против Германии, так и Австро-Венгрии, привлекла на свой фронт *почти всю австро-венгерскую армию, а также и крупные силы германцев.*

Так, из общего числа 123 германских пехотных дивизий на русский фронт по окончании мобилизации было направлено сначала

лишь 26 пехотных дивизий [1]), но зато там была сосредоточена почти вся австро-венгерская армия, в составе 40 пехотных дивизий, численностью 367 [2]) тысяч бойцов.

Наступление I и II русских армий в августе 1914 г. в Восточную Пруссию «вопреки всем нашим (французским) ожиданиям,—как говорит Дюпон [3]),—и критическая обстановка», — создавшаяся там (в Восточной Пруссии»), послужила причиной особенно неудачного и рокового мероприятия,— переброски с Запада на Восток непосредственно перед сражением на Марне четырех пехотных и 1 кавалерийской дивизии, что довело число германских пехотных дивизий на русском фронте до 30 (не считая нескольких кавалерийских), числивших в своем составе 180 тыс. бойцов [4]).

Самым убедительным доказательством того, какое значение имела для сражения на Марне столь несвоевременная для немцев переброска этих пяти германских дивизий на русский фронт, могут служить слова Фалькенгайна [5]): «войсковые соединения, из'ятые для переброски, были взяты с западной половины фронта, значит, с его ударного крыла. Поэтому отсутствие их было особенно чувствительно при решительном сражении на Марне, да и после него»...

А Дюпон по этому поводу говорит так: «они (русские) дали даже больше, чем обещали... Николай Николаевич (верховный главнокомандующий) имеет право на благодарность Франции.

В последующее время состав австрийских, а особенно германских войск на русском фронте продолжает быстро увеличиваться, при этом численность здесь германцев росла значительно быстрее, чем на французском фронте.

Так, на французском фронте в период времени с начала войны и до конца 1915 г. германских бойцов было, по словам Фалькенгайна [6]), от 1.700—1.970 тысяч, т.-е. число их за первые 1½ года

---

1) Buat. „L'Armée Allemande pendant la guerre de 1914-1918“. Стр. 20.

2) Фалькенгайн. „Верховное командование“, стр. 266. Конрад фон Гетцендорф насчитывает 400 тыс. бойцов (Aus meiner. Dienstzeit 1906-1918. B. IV. Стр. 805).

3) Дюпон. Высшее германское командование“, стр. 8.

4) Отто-Ф-Мозер. „Краткий стратегический обзор Мировой войны 1914—1918 г. г., стр. 32.

5) Фалькенгайн. „Верховное командование“, стр. 20.

6) Фалькенгайн, стр. 266-267.

почти не увеличилось. На русском же фронте в конце декабря 1914 г. их было уже свыше 500 тыс. человек, т.-е. увеличилось в три раза по сравнению с августом и сентябрем 1914 г., а в конце апреля 1915 г. — 639 тысяч, кроме 664 тысяч австро-венгерцев. Иначе говоря, все многочисленные новые формирования Германии, главным образом, направлялись на Восток.

Положение к концу 1914 г.

Такое быстрое и значительное увеличение германских сил на русском фронте не могло не сказаться на положении союзной армии во Франции и Бельгии чрезвычайно благоприятно.

Там в это время, после поражения немцев на Марне, происходили сражения на р. Эн, «бег к морю», а затем и во Фландрии. В результате этих боев, немцы, не будучи в состоянии подкрепить свои силы свежими резервами, приостановили там свое наступление и перешли к позиционной и при этом оборонительной войне, продолжавшейся до 21 марта 1918 г.

Однако, германское верховное командование, — говорит Фалькенгайн (на стр. 57 и 68 названного выше сочинения), — имело «основание надеяться, что будет выиграно время, чтобы подготовить для решительного удара (во Франции), действительно, достаточные силы людьми и средствами. Обстановка на Востоке не позволила созреть этим планам»[8]).

И, действительно, здесь на русском фронте обстановка к концу 1914 г. для немцев складывалась грозно.

Русские потрясли до основания австро-венгерскую армию. Главная масса русских войск приблизилась к германской границе западнее Вислы и угрожала вторжением в чрезвычайно важные в экономическом отношении области, Силезию и Познань. Перемышль—оплот австрийцев в средней Галиции—был осажден. Русские войска стояли на границе Венгрии и готовились к ее обладанию. Часть Восточной Пруссии была занята.

Продолжавшиеся активные действия русских угрожали самому существованию Австро-Венгрии. Разложение ее «было бы роковым [8]); оно устранило бы из общего дела Венгрию, наиболее сильного носи-

---

[7]) Удар немцы смогли нанести лишь через три года—в 1918 году, т.-е. тогда, когда Англия обладала сильной армией, на стороне держав Согласия находились Соединенные Штаты, а Германия заметно стала слабеть. В 1914 и 1915 г. г. положение западного фронта было для Антанты неблагоприятно, но сильная тогда Германия вынуждена была заняться нейтрализацией России.

[8]) Фалькенгайн, стр. 62.

теля боевых тенденций в двуединой монархии. Надо было переходить к немедленной и непосредственной поддержке карпатского фронта. Он уже поглотил наличные немецкие силы»... И непрерывному притоку русских необходимо было здесь положить предел, иначе в недалеком времени, на-ряду с падением Перемышля мог последовать непоправимый прорыв в Венгрию. Вот почему с болью в сердце начальник генерального штаба (Фалькенгайн) должен был решиться на использование на Востоке молодых корпусов, единственного к этому моменту общего резерва.

Использование на русском фронте всего общего резерва немцев.

Такое решение знаменовало собой дальнейший отказ и притом уже на долгое время от всяких активных предприятий крупного размаха на Западе.

Таким образом, грозная обстановка, созданная героическими усилиями русских войск на Востоке, вынудила германское верховное командование перенести свои усилия на русский фронт, в явный и существенный ущерб военным интересам Германии, что постоянно подчеркивает Фалькенгайн в своем сочинении «Верховное командование».

Но такое перемещение центра усилий с Запада на Восток могло быть выполнено для Германии лишь путем отказа и притом уже на долгое время от всяких активных предприятий крупного размаха на Западе.

В результате принятого немцами решения, на русский фронт стали направляться не только вновь сформированные в Германии войска, но и многие старые дивизии спешно перебрасывались туда из Франции и Бельгии. Так, кроме переброшенных в ноябре 1914 г. из Франции на русский фронт 2-х полевых пехотных дивизий [9]) (3 и 4) и в декабре 6-ти пехотных и 6-ти кавалерийских дивизий (5-я, 6-я, 25-я, 47-я и 48-я резервные и 26-я полевая пехотная, 2-я, 4-я, 5-я, 6-я, 8-я и 9-я кавалерийские дивизии), в начале 1915 г. в Восточную Пруссию были направлены... «лучшие, какими когда-либо на войне располагала Германия [10])», вновь сформированные 9 пехотных дивизий, составивших новую X армию ген. ф.-Эйхгорна. Там они приняли участие в так называемом зимнем сражении в Мазурских озерах. При этом все эти дивизии в результате этого боя... «надолго сделались непригодными к бою» [11]).

---

[9]) Buat. L'Armée Allemande pendant la guerre de 1914-1918 Стр. 26 и 27.

[10]) Фалькенгайн, стр. 48.

[11]) Тоже, стр. 63.

Но Фалькенгайн не ограничивался столь интенсивной переброской войск на русский фронт, но и... «предпочтение в удовлетворении потребностей (в снарядах) всегда отдавалось восточному фронту» [12]).

Весна 1915 г. и обстановка на русском фронте.

«...К концу марта 1915 г. (после наступления французов в Шампани и англичан в Артуа) в немецкой главной квартире пришли к прочному убеждению, что западным противникам (французам и англичанам) на ближайшее время не удастся добиться решительных результатов, если бы даже части войск, находящиеся в процессе формирования на западном фронте, пришлось вновь применить на Востоке, дабы на ближайшее время поколебать наступательную энергию русских. Этим верховное командование достигло необычайной свободы решений, тем более ценной, что общее положение дела на Востоке уже вновь омрачалось»,—говорит Фалькенгайн

Кроме вышеуказанных неблагоприятных для Германии обстоятельств, на русском фронте появились новые. Начавшаяся Дарданелльская операция вызвала необходимость тесной связи с Турцией. Она была возможна лишь через Румынию. Чем более ослабевала сила сопротивления Австро-Венгрии на Карпатах, тем эта связь становилась более трудной.

Несмотря на усиление Австро-Венгерского фронта германскими частями «не только не наступило равновесие сил, к которому стремились, но приходилось с тревогой предвидеть дальнейшие русские попытки прорваться в Венгрию» [14]).

...«русские угрожали австро-венгерскому фронту, в виду понижения духа некоторых частей союзных войск, и притом угрожали в такой степени, которая в дальнейшем становилась невыносимой [15]).

Лето 1915 г.

Перемышль пал. В результате для наступательных маневренных действий освободилась целая русская армия. Поэтому германцы стали усиленно перевозить на русский фронт... «особенно испытанные части [16]). Они были обильно снабжены,

---

12) Фалькенгайн стр. 78.
13) Тоже, стр. 69.
14) Тоже, стр. 77.
15) Тоже, стр. 50.
16) Тоже, стр. 82.

насколько это было тогда возможно, артиллерией, даже самой тяжелой, которая до того момента едва ли применялась в полевом бою, снарядами и минометными частями».

В результате, 2 мая, под начальством ген. Макензена, началась галицийская операция по прорыву, отвлекшая с западного фронта, как то будет видно ниже, массу войск и не позволившая Германии и Австро-Венгрии повести решительное наступление на Италию, об'явившую войну Австро-Венгрии 23 мая.

Так, к 25 мая 1915 г. неприятельские дивизии по различным фронтам были распределены следующим образом: из общего числа 171 [17]) германских дивизий на русском фронте было 64 (из коих 17 полевых из общего числа 50 полевых дивизий), на французском—106 и на итальянском—1.

Из 11 кавалерийских дивизий лишь одна 7-ая была на французском фронте, а все остальные на русском.

В апреле—мае 1915 г. [18]) на русском фронте [19]) было 1.303 тысячи австро-германских бойцов, в то время как на французском—1.900 тысяч германских.

Если силы противника на обоих этих фронтах примем за 100 [20]), то русский фронт, следовательно, отвлекал 41% общего числа бойцов.

Летом и осенью 1915 г. положение на русском фронте вынуждает Германию на французском, а Австро-Венгрию на итальянском фронтах придерживаться пассивного образа действий и продолжать переброску сил на Восток.

Это обстоятельство, естественно, повлияло на пассивный образ действий немцев на западном фронте, на возможность производства атаки французами 9 мая в Артуа, а затем в сентябре снова в Артуа и Шампани и на отсутствие решительного контр-удара со стороны немцев.

План войны Фалькенгайна, как известно, ставил целью достижение такого ослабления боеспособности русских, чтобы можно было бы нанести решительный удар на Западе, во Франции и Бельгии.

Однако, несмотря на успешное наступление австро-германцев на русском фронте, русские представляли столь грозную, а потрепан-

---

17) Бюа, стр. 28, 29.

18) Фалькенгайн, „Верховное командование", стр. 266—267.

19) Без Кавказа.

20) Италия об'явила войну Австро-Венгрии лишь 23 мая 1915 г. Болгария Сербии— 11 октября того же года; Салоникского фронта еще не было; Дарданелльская операция отвлекла относительно мало германских сил; на остальных второстепенных театрах австро-германцы были также в незначительных силах.

ная русскими Австро-Венгрия уже столь ненадежную силу; что план Фалькенгайна был видоизменен в обратном порядке. В результате центральные государства, желая надолго обеспечить себя от покушений со стороны русских, стремились продолжать свой нажим на Востоке тем более, что русские часто наносили своим противникам успешные контр-удары.

Последствием этого было то, что германское верховное командование не прекращало направлять на русский фронт вновь сформированные войсковые части, а также и старые, находившиеся на западном фронте до сентября 1915 г.

За 3 месяца, с 1 июня по 1 сентября, на русский фронт были направлены из Франции 4 старых пехотных дивизии (44 резервная, 54, 58 и 115), а из внутренних областей Германии — 6 (83, 84, 14 ландверная, 37, 85 и 86), а во Францию перевезены всего лишь 2 пехотных дивизии (8 резервная баварская и 56).

Несмотря на приостановку русскими германского наступления и на значительную переброску войск в Сербию, где подготавливался окончательный ее разгром, к 12 октября 1915 г. [21]) из общего числа 70 австрийских пехотных дивизий на русском фронте было 44, т.-е. 63% и 56 германских пехотных из общего числа 172, т.-е. 33%, и, кроме того, все 11 германских и 9½ австрийских кавалерийских дивизий.

К этому времени на итальянском фронте было всего лишь две германских и 22 австрийских дивизии, бывших в состоянии лишь пассивно обороняться.

Сербский фронт отвлек на короткое время 10 германских, 4 австрийских пехотных и 1 австрийскую кавалерийскую дивизии, не считая болгар.

Неизменное отвлечение русскими столь больших сил противника, и на такое продолжительное время, позволило английской армии вырасти почти до размеров французской армии. Она приняла на себя от французов довольно значительный участок фронта, до Араса включительно, и стала решительно поддерживать боевые предприятия французских войск. Поражение английской армии стало теперь трудным.

Желание поколебать французский фронт привело к атаке Вердена. Поэтому германские силы на западном фронте в конце

---

[21]) Сведения штаба русск. верх. главноком (дело № 703, Военно-ученый архив), кои совпадают с данными ген. Бюа на стр. 28 и 29 (относительно германских вооруженных сил).

1915 г. и начале 1916 г. увеличивались преимущественно за счет сербского фронта [22]).

Австро-Венгрия же предприняла в мае 1916 г. наступление в Тироле.

Атака германцами Вердена и наступление Австро-Венгрии в Тироле.

Однако, несмотря на подготовку к наступательным операциям в районе Вердена и в Тироле, австро-германское верховное командование не решалось существенно ослабить свои силы на русском фронте, где к 12 марта 1916 г. [23]) было 52 германских и 42 австрийских дивизии. На французском фронте в это время было 118 германских дивизий, на итальянском 24½ австрийских и на салоникском 10½ болгарских, 13 турецких и 5 австрийских, то-есть англо-французский фронт отвлекал на себя 42% всех неприятельских пехотных дивизий, русский — 34% [24]), салоникский — 15%, а итальянский — 9%, не считая 11 германских и 11½ австрийских кавалерийских дивизий, которые полностью находились на русском фронте.

Наступление армий Брусилова летом 1916 г.

4-го же июня в Галиции... «как гром из ясного неба, разразилась беда» [25]) — началось брусиловское наступление на фронте, протяжением до 300 километров, от Луцка до Черновиц. Успех был столь значителен, австро-венгерские силы были так потрясены, что 7-го июня... «нельзя было уже сомневаться в том, что без сильной немецкой поддержки в близком будущем всему фронту Галиции грозит полный разгром» [26]). Продолжение продвижения русских создавало новую угрозу — вторжение русских в Венгрию и Силезию. Для ликвидации ее, на русский фронт стали перебрасываться свежие дивизии из Франции и Италии.

Одних только германских пехотных дивизий за время с июня по октябрь 1916 г. включительно, перевезено из Франции на русский фронт 15 [27]), в результате чего, ко времени выступления Румынии, число германских пехотных дивизий на русском фронте дошло до 62

---

[22]) Бюа, стр. 35 и 36. С ноября 1915 г. по май 1916 г. во Францию перевезено 9 германских дивизий.

[23]) Военно-ученый архив. Дело штаба верх. главнокомандующего № 703.

[24]) Не считая Кавказского фронта.

[25]) [26]) Фалькенгайн, стр. 223, 225.

[27]) Бюа, стр. 40 и 41 и „Periodical index of german divisions" (сведения англ. главной квартиры. Военно-ученый архив, дело № 448).

из общего числа 177 германских дивизий, а... «Австро-Венгрия постепенно прекратила наступление в Италии и также перебросила войска на восточный (русский) фронт»,—говорит Людендорф [28]).

Таким образом, наступательные действия русских в Галиции так сильно повлияли на германское верховное командование, что оно даже не посчиталось с англо-французским наступлением на Сомме [29]) и не только отправило на Восток вновь сформированные дивизии, но даже ослабило свой западный фронт, отправив в Россию в период времени с июня по октябрь 12% общего числа германских пехотных дивизий, бывших во Франции и Бельгии.

Кроме того, русское наступление в сильной степени повлияло на выступление Румынии на стороне Антанты, чего так хотели Франция и Англия и что было так невыгодно для России.

Переброска войск со всех фронтов ныне уже на русско-румынский фронт продолжалась усиленным темпом.

В результате, по данным штаба французского верховного командования, опубликованным на конференции верховного командования союзных армий в Шантильи 2/15 ноября 1916 г. [30]) на русском фронте к этому времени было 104 неприятельских пехотных дивизии, из коих 64 германских, 38 австрийских и 2 турецких. Если к этому числу прибавить почти всю германскую конницу, находившуюся на русском фронте, большую часть австрийской, а также и те пехотные дивизии, которые действовали против русских и румын (последние к этому времени были почти совсем разбиты) на румынском фронте, то увидим, что Россия отвлекала на себя в ноябре 1916 года 130½ [31]) пехотных дивизий противника, из коих 74 германских, 49 австрийских, 3½ болгарских и 4 турецких, из общего числа 306 дивизий, из коих 204 было германских, 85 австрийских, 12 болгарских и 5 турецких [32]), то-есть 43% общего числа всех неприятельских дивизий [33]), 36% германских и 58% австрийских.

---

[28]) Людендорф. „Мои воспоминания о войне 1914-1918 г. г." т. I, стр. 188.

[29]) Наступление началось 1 июля, а в июле и августе из Франции переведено на русский фронт 8 германск. дивизий (1, 121, 195 200, 123, 117, 10 баварская 187). Бюа.

[30]) Военно-ученый архив. Дела ставки верх. главнокомандующего № 447 и 703 и Военно-Исторический сборник № 2, стр. 221.

[31]) Военно-ученый архив. Дела ставки вер. главнокомандующего № 447 и 703 и Военно-Исторический Сборник № 2, стр. 221.

[32]) Из числа действовавших на европейских театрах. Остальные 45 турецких дивизий сражались на азиатских фронтах.

[33]) Кроме почти всей германской и австрийской конницы, находившейся на русском фронте.

По сведениям русского штаба верховного главнокомандующего [34]), в ноябре 1916 г. на русском фронте было 23 неприятельских кавалерийских дивизии, 7.220 орудий, из коих 1.720 тяжелых, при огромном превосходстве неприятельской гаубичной и тяжелой артиллерии по сравнению с русской. Так, у противника была на 1.019 гаубиц и 453 тяжелых орудия больше, чем у русских. Всего же у противника было на русском фронте 1.267 тысяч только одних штыков.

В это время во Франции и Бельгии находилось 129 германских пехотных дивизий, а на итальянском фронте 34 австрийских. Остальные 12½ неприятельских дивизий были на салоникском фронте.

Эти цифры ясно показывают, какую огромную роль в ноябре 1916 г. играл русский фронт, отвлекая $^2/_5$ германских и $^3/_5$ всех австрийских сил, считая в составе их и кавалерию.

Отсутствие достаточных сил, необходимость ликвидировать русско-румынское передвижение на румынском фронте (отнюдь не Сомма), заставила Гинденбурга **прекратить атаку Вердена** [35]) — для Франции результат первостепенной важности.

С другой стороны, французы получили возможность атаковать немцев в районе Вердена и одержать здесь существенный успех в период времени с 24 октября по 18 декабря 1916 г.

Успехи англо-французов на Сомме в сентябрьских боях, некоторое продвижение итальянцев на Изонцо в сентябре и октябре 1916 г., а также и занятие ген. Сарайлем 17 сентября Флорины, а 18 ноября Монастыря, могло произойти лишь вследствие отвлечения на русский фронт столь крупных сил противника. При этом число неприятельских дивизий на русском фронте продолжало увеличиваться до конца года, дойдя к 11 декабря 1916 г. [36]) до 133 пехотных и 23½ кавалерийских, общей численностью 1.163 тысячи штыков и 62 тысячи сабель.

Русский кавказский фронт своими активными действиями отвлекает на себя 60 % турецких пехотных дивизий.

В Азии влияние русского кавказского фронта на распределение турецких сил было не менее значительным. Всего к 1 ноября 1916 г. на азиатских фронтах было 45 турецких пехотных дивизий. Из них 27, т.-е. 60% находились на русском фронте, на Кавказе и в Персии и лишь 18 дивизий, т.-е. 40% сражались против англичан в Месопотамии и в Палестине.

Отвлечение столь значительных турецких сил об'ясняется

---

34) Военно-ученый архив. Дело № 703.

35) Людендорф: „Мои воспоминания", т. II, стр. 198.

36) Военно-ученый архив. Дело штаба верховного главнокомандующего, № 703.

активными действиями русских, выразившимися в овладении Эрзерумом, Исфаганом, Трапезундом, имевшими большое стратегическое и политическое значение.

Такое отвлечение турецких сил на русский фронт не позволило туркам вести подготовленной уже операции по направлению к Суэцкому каналу и Египту, а англо-индийский корпус в Месопотамии получил большую свободу для действий.

Военное напряжение России.

Какое же напряжение потребовалось от России для отвлечения такой большой части неприятельских сил? К 1 ноября 1916 г. в России числилось 1.929 [37]) тысяч одних только штыков на фронте (кроме того 1,5 миллиона пополнений), в то время как в Англии на всех фронтах всего было 864 тысячи (и 500 тысяч пополнений), а во Франции 1.550 тысяч (и 331 тыс. пополнений) [38]).

Русское наступление 1917 г.

В 1917 г. весеннее наступление англо-французов на Сомме, Эне и в Шампани почти не повлияло на изменение численности германских дивизий на русском фронте, которых до июня 1917 г. было 72—75. Но русское наступление в июле 1917 г. вызвало германский контрудар, для которого потребовалась спешная переброска из Франции многих отличных дивизий.

В результате, к 29 августа 1917 г. по сведениям русского верховного командования [39]) на русском европейском фронте [40]) числилось [41]) 90 германских, 39 австрийских, 4 турецких и 3½ болгарских пехотных, 9⅔ германских, 12½ австрийских и 1 болгарская кавалерийских дивизий.

Иначе говоря, русский фронт, не считая Кавказа, отвлекал на себя 136½ неприятельских пехотных и 23 кавалерийских дивизий,

---

[37]) Военно-ученый архив. Дело штаба верховного главнокомандующего № 703 и Военно-Исторический Сборник № 2, стр. 221.

[38]) Всего на русском фронте к 1 окт. 1916 г. числилось 6.853.000 людей и 1.875.000 лошадей (в том числе на кавказском фронте 702 т. людей и 245 т. лошадей), не считая 1.500 000 людей, числившихся в запасных тыло-частях и 1.050.000 людей, в то время призывавшихся на военную службу. Эти цифры были сообщены начальнику французской военной миссии ген. Жанену 15 октября 1916 г. при № 2153 (Военно-ученый архив, дело № 447 штаба верховн. главнокомандующего).

[39]) Военно-ученый арх. Дело штаба верх. главноком. № 703.

[40]) Кроме кавказского фронта.

[41]) Бюа считает, что в августе 1917 г. из общего числа 236 дивизий, на французском фронте было 147, на русском—86 и Македонском—3.

общей численностью 1.263.200 штыков и 39.600 сабель, а также 8.260 орудий [42]).

В это время во Франции и Бельгии находилось 143 германских дивизии, и на македонском фронте—3.

Таким образом, русский фронт уже после февральской революции отвлекал на себя 38% общего числа германских и 47% австрийских пехотных дивизий и почти всю австро-германскую конницу.

Даже после октябрьской революции к 1 декабря 1917 г. [43]) из общего числа 238 германских дивизий русский фронт отвлекал на себя 74, то-есть 31%.

И лишь после этого число германских дивизий на русском фронте стало постепенно уменьшаться, не спускаясь ниже 32. Дальнейшее уменьшение (до 26) происходило вследствие постепенного уменьшения общего числа германских дивизий.

Заключение. Из изложенного видно огромное влияние русского фронта на распределение сил Германии и ее союзников.

Каждый раз, когда военное положение Франции, Англии или Италии делалось затруднительным, или даже серьезным, слабо снабженные техническими средствами русские войска своими активными действиями отвлекали на себя такую массу сил своих врагов, что обстановка на фронтах остальных великих держав Антанты улучшалась. Так было во время первого великого сражения на Марне, до известной степени предопределившего окончательную победу Франции, так было в 1916 г., когда сначала наступление Брусилова приостановило стремительный натиск австро-германцев на Италию, а затем выступление Румынии (вопреки желаниям русского верховного командования) и активные действия русско-румынского фронта вынудили немцев прекратить атаку Вердена и начать переброску своих войск против вновь образовавшегося фронта. То же самое происходило и в другие периоды.

Русский кавказский фронт сыграл не меньшую роль, отвлекая на себя крупные силы турок во время дарданелльской операции, а также при наступательных операциях англичан в Месопотамии и Палестине.

---

[42]) Во Франции и Бельгии немцы имели, примерно, к этому времени 16.000 орудий (Rivière „Ce que nul n'a le droit d'ignorer de la guerre" 1914-1918, стр. 13).

[1]) Бюа, стр. 53.

В конечном результате, русский фронт, неся огромные потери, но постоянно ведя активные операции, отвлекал на себя такую массу неприятельских войск вообще и германских в частности, что Германия, по существу, не была в состоянии после первого сражения на Марне вести широких наступательных операций на главном театре— во Франции и Бельгии, — в продолжение всех трех лет участия в войне России и неизменно придерживалась пассивного образа действий, не считая атаки Вердена, опять-таки прекращенной вследствие активных действий русских и румын, о чем совершенно ясно свидетельствуют руководители германской армии в это время, Гинденбург и Людендорф.

Эти три года, в продолжение которых русский фронт занимал грозное положение по отношению к Германии и ее союзников и тем отвлекал на себя столь крупные силы, что она вынуждена была на главном театре быть пассивной, — позволили Франции, Англии и Италии развить свою военную промышленность, усилить свое техническое могущество, а также привлечь на свою сторону чуть ли не весь мир с сильнейшим государством, Соединенными Штатами, во главе. Несомненно, только передышка, предоставленная Франции и Англии активными действиями русского фронта в течение первых трех лет войны, дала им возможность вырвать в 1918 г. победу.

П. ЗАХАРОВ.

ПРИЧИНЫ РАЗГРОМА АРМИИ ГЕН. САМСОНОВА И БЕРЛИНСКИЙ ПОХОД, КАК ПРИЧИНА ЛОДЗИНСКОЙ КАТАСТРОФЫ.

Вина союзников в разгроме II армии Самсонова в Восточной Пруссии и I армии Ренненкампфа. — Берлинский поход, как причина лодзинской катастрофы.

Вина союзников в разгроме II армии ген. Самсонова в Восточной Пруссии и I ген. Ренненкампфа.

Военной конвенцией между Россией и Францией 1891 г. и последующими ее изменениями предусматривалось, что на 14-й день по об'явлении войны русские армии должны начать наступление против Германии, что, по существу, и было исполнено. Главковерх Николай Николаевич 1/14 августа 1914 г. сообщил французскому послу М. Палеолог, что виленская и варшавская армии начнут наступление «завтра утром, на рассвете» [1].

В какой мере подобное решение соответствовало создавшейся к тому времени обстановке, увидим ниже; но факт нашего выполнения своих обязательств о наступлении остается налицо. Мы вступили в эру крайне сложных взаимоотношений с нашими союзниками, так неудачно начавших кампанию на западном фронте, и немедленно почувствовали всю тяжесть искупления чужих ошибок.

1/14 августа от нашего военного агента в Париже, графа Игнатьева, мы получили две крайне тревожных телеграммы [2], в которых он, выясняя, что немцы осуществляют план нападения главными силами на Францию через Бельгию, пессимистически продолжает: «вся эта картина, в связи с характером боев, дает мне основание предполагать, что французские армии перейти в наступление в ближайшем будущем едва ли смогут. На мой взгляд выясняется, что весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и переброски на наш фронт германских корпусов», и заканчивает, что «в выручке с нашей стороны черпают надежду и англичане»...

Планомерность наступления русских армий, таким образом, с первого же дня разбивается о роковые события на Западе, и мы вторгаемся в В. Пруссию, насилуя противодействующую осуществлению замысла обстановку.

---

[1]) М. Палеолог. Царская Россия во время Мировой войны, стр. 99.

[2]) Н. Валентинов. Сношения с союзниками 1914-1918 г. Ч. I, стр. 21—23.

Готовясь к вторжению, сосредоточивая на виленском фронте I армию Ренненкампфа, мы в пределах времени были в состоянии оформить ее задачи и состав, но сделать этого по отношению к варшавской II армии Самсонова мы успеть не могли; ни в своем составе, ни в постановке целей наступления эта армия не получила необходимого оформления.

Тем не менее, командующий фронтом, г. Жилинский 13 августа (31 июля) отдает свою первую директиву [3]) о переходе обеих армий в решительное наступление против VIII германской армии.

Если I армия при своей неполной готовности могла начать движение, чтобы 4—17 августа перейти границу, то для II армии Самсонова эта задача оказалась неосуществимой.

Уже 3/16 августа состав ее, из начальных 4-х корпусов, изменяется в сторону включения новых трех: 1-го армейского, 23-го и гвардейского, стоявших на сольдауском направлении. Скромная задача координированных действий с I армией расширяется в сторону разгрома германцев и необходимости отрезать их как от Кенигсберга, так и от крепостей на Нижней Висле; и так как включение новых сил происходило в период осуществления первого замысла, то естественно, что все происходит вне продуманной проработки нового плана.

Находясь под явным и настойчивым давлением «извне», русское командование ясно отдавало себе отчет в разыгрывающейся драме и в неизбежном катастрофическом исходе затеянной операции. Оно учитывало, что замысел основного плана — вторжение в В. Пруссию — осуществим, но при условии учета нужного для этого времени. Командование видело, что три собранных корпуса на Висле чисто механически были втиснуты во II армию. Замысел армейского командования (Самсонов), готовившегося наступать на фронте Руджаны-Пассенгейм, впоследствии расширенного до Каслау, естественно, требовал переработки планов; но гонимое жестокими требованиями обще-союзнической обстановки — наступать без промедления—русское командование вынуждалось исполнить эти требования, нарушая тем самым элементарные принципы управления. Очевидная уродливость операций все же не помешала 1 армии одержать скромные успехи в боях у Сталюпенена и Гумбинена.

Паника юнкеров и помещиков в Берлине сделала свое дело. Два корпуса [4]) с правого фланга германской армады, безудержно катившейся через Бельгию к Парижу, снимаются в самые роковые

[3]) Вацетис. Боевые действия в В. Пруссии, стр. 11-17.

[4]) Людендорф. Мои воспоминания, стр. 51-52.

минуты с самых опасных мест и отправляются на Восток, тем самым создавая для французского командования более благоприятную обстановку. Париж, при создавшихся условиях, находит силы для действий против ослабленного правого фланга; германская армада заколебалась, а затем покатилась назад, создав перелом, как начало новой фазы войны.

Приход корпусов на восточный фронт произошел как бы с запозданием. Людендорф с Гинденбургом, прибывшие вместо отставленного Притвица, останавливают отводимую им к Нижней Висле VIII армию, учитывая ее благоприятное положение по отношению ко II разрозненной руской армии Самсонова и в 4—5 дней устраивают разгром последней.

18 августа (2 сентября) подошедшие корпуса с освободившейся армией бросаются против Ренненкампфа и, начав операцию 22 августа, в неделю изгоняют русских из В. Пруссии, частью лишь войск ведя преследование их до р. Немана.

С явной, неоспоримой и исключительной очевидностью, признанною ныне всем миром, первопричина этой катастрофы определяется, как последствие неуспехов французских армий и отсюда вытекавших настойчивых требований спасти положение французов жертвою двух русских армий.

Подтверждение этого мы находим в дневнике Палеолога [5]). Под датой 16/29 августа мы читаем ценное заключение: «Сражение, завязавшееся у Сольдау, продолжается ожесточенно. Каков бы ни был окончательный результат, достаточно уже того, чтобы французские и английские войска имели время переформироваться и продвинуться вперед»... Здесь же приводятся слова Сазонова: «армия Самсонова уничтожена; но мы должны были принести эту жертву Франции»...

Историку не представит особых затруднений найти первопричину разгрома, если операция будет учтена на фоне обще-союзнических отношений и политического воздействия Франции на высшее русское командование, решившееся на подобную жертву. Отсутствие организации в управлении, неясность задач, недопустимая торопливость под давлением событий на западном фронте, — вот условия и причины, потребовавшие от нас такой жестокой расплаты, в виде потери двух армий, а в них свыше 110 тыс. человеческих жертв. Франция настоятельно требует от России наступления. Это требование идет по всем линиям французского представительства в России, с самых первых дней войны.

---

[5]) М. Палеолог. Царская Россия. Дневник, 26-29 августа.

Наш военный агент в Париже еще 5/18 августа, т.-е. в самом начале сосредоточения, за № 2032 [6]) сообщает в ставку, что французский военный министр «совершенно серьезно полагает возможным для нас вторжение в Германию и движение на Берлин со стороны Варшавы, при чем заканчивает ожиданием от ставки соответствующих по этому вопросу об'яснений»...

10/23 августа главковерх сообщает нашему послу в Париже, «что, в виду нетерпения французов, поручается сообщить высшему французскому командованию, что наступление русских войск против Германии производится большими массами с наибольшей скоростью, совместимой с требованиями благоразумия, и что вообще наше наступление ведется самым неуклонным образом»...

Успокоительные заверения в тот же Париж направляет и ген. Данилов [7]), прося доложить Жоффру—уже после Самсоновского разгрома, — что «мы можем с удовольствием констатировать факт переброски части сил немцев против нас, чем облегчается положение французов, и что, вероятно, позволит им перейти к проявлению соответствующей активности»...

Если неуспехи французских армий сразу же начали видоизменять наши основные соображения войны на северо-западном фронте, т.-е. против Германии, то несколько иначе и планомернее развивались наступательные операции в сторону осуществления основного нашего плана, на юго-западном фронте.

На галицийском фронте основная задача армий выполнялась медленно, но с неуклонной настойчивостью; между тем как потерей двух армий в В. Пруссии мы оказались отброшенными в неясное будущее и необходимость повторных действий по овладению В. Пруссией, дабы подойти ко второму фазису, так настойчиво пред'являемому союзниками, т.-е. походу на Берлин.

Дальнейший ход событий, однако, не оправдал такой логической предпосылки. Связь между операциями наших двух фронтов, в части осуществления общего плана, начинает порываться, и вне

---

6) Военный Архив. Дело ставки № 391. Отчет дипломатич. канцелярии.

7) Валентинов. Сношения с союзниками 1914-1918 г., стр. 23.

учета общей обстановки, 21 августа (4 сентября), т.-е. после разгрома II армии, ставка в лице ген. Данилова в тот же Париж шлет заверения, что «как только выяснится ожидаемое отступление австрийцев, немедленно будут приняты меры к переброске больших сил на германский фронт, при чем имеется в виду также развитие наступательных действий по левому берегу Вислы»...

Поражение немцев на Марне улучшило положение Франции; но одновременно все же обнаружилось, что, несмотря на их отступление, общее положение союзников оставалось угрожающим; поэтому Жоффр принимает все меры воздействия на русское командование, с целью добиться скорейшего повторения наступления против Германии.

Под давлением французского министра иностранных дел Делькассе, наш посол в Париже, Извольский, 4/17 сентября, № 403 [8]), доносит: «несмотря на блестящую победу, одержанную французской армией на Марне, немцы отступили в полном порядке и сохранили, повидимому, полную способность к продолжению боя»... Дальше, в своей пространной телеграмме, он развивает идею приветствия наших побед над австрийцами и сообщает одновременно и о ропоте французского командования, что $^5/_6$ германских сил действуют на их фронте, а против $^1/_6$ мы не можем выставить достаточных сил, создавая тем впечатление, что Франция одна выдерживает натиск германского колосса...

Несомненно, Жоффром через Делькассе продиктованная телеграмма определяет состояние французской армии, и союзники теперь опять ищут надежду на свое облегчение в новых наступлениях русских армий.

«Я не был удивлен, — пишет М. Палеолог [9]), — получив сегодня утром, 1 сентября, ст. стиля, телеграмму от Делькассе, в которой он снова поручает мне настаивать перед императорским правительством о немедленном наступлении русских войск в Германию. В Бордо — резиденция

[8]) Валентинов. Сношения с союзниками в 1914-18 г. г.
[9]) Павлович, М. Советская Россия и Франция, стр. 38.

переехавшего из Парижа правительства — опасаются, что наши союзники, увлеченные своими сравнительно легкими победами в Галиции, не относятся с достаточным вниманием к немецкому фронту, концентрируя все свои силы для открытия пути на Вену».

С получением телеграммы М. Палеолог отправляется к военному министру Сухомлинову [10]) и ставит категорический вопрос: «чрез сколько дней армии районов Немана и Нарева будут способны возобновить движение вперед»? Получив на это необычайно сдержанный ответ, с указанием действительного положения остатков этих армий, невозможности немедленного наступления, недопустимости новых неосторожностей и новых катастроф, Сухомлинов указывает при этом, что для спасения французской армии Россия уже пожертвовала 110 тыс. человеческих жизней.

Давление на русское правительство не в меньшей мере распространялось и на ставку. Янушкевич, под влиянием требований со стороны генералов и политиков Франции, в телеграмме от 5/18 сентября, № 4084, в Париж телеграфирует для передачи Жоффру: «Мы рассчитываем, что в скором времени явится возможность большую часть сил, собранных против Австрии, направить против Германии, в наиболее опасном для нее направлении, но для этого необходимо обеспечить левый фланг и тыл окончательным поражением австрийцев. Мы с полным напряжением уже теперь усиливаем наши войска против Германии, для чего не останавливаемся пред привлечением на театр военных действий войск с наших азиатских границ»...

«Граф Игнатьев должен заявить Жоффру, что мы делаем решительно все для полного напряжения сил и средств с целью обеспечить конечный успех против общего врага»...

Наш посол в своем сообщении от 8/21 сентября сообщает, что «французское правительство с самым живым удовлетворением узнало о проекте главнокомандующего — не останавливаясь над второстепенными соображениями и препятствиями, как

---

[10]) Валентинов. Сношения с союзниками в 1914-18 г. г.

только Австро-Венгрия будет выведена из строя, итти на Берлин со всей совокупностью своих сил, в дальнейшем добавляя о скорой встрече там обеих союзных армий»....

Под давлением настойчивых требований союзников, русское командование в своих соображениях затруднялось полностью учитывать серьезную обстановку, создавшуюся на фронте.

Здесь должна была бы быть организованной настоящая и глубоко продуманная операция, по составу сил возможная к осуществлению. Но этого налицо не было. Русское командование, находясь под влиянием союзников, утратило нить основного замысла и фактически стояло около полумер, отлично учтенных Людендорфом. Видя отступление остатков двух русских армий, Гинденбург—Людендорф рассчитывали, что русские на этих фронтах в ближайшее время не смогут начать решительных действий, хотя они и имели сведения о группировке новых сил по ту сторону рек Немана и Нарева. По мнению Людендорфа, продолжение фронтального преследования армии Ренненкампфа, разбитой лишь в меньшей своей части, не сулило надежд на скорые положительные результаты.

От этого преследования надо было отказаться и по другим, более веским соображениям, а именно — в учете того тяжелого положения, которое складывалось у австрийцев на галицко-польском фронте [11]).

Там австро-венгерская армия, наполовину разбитая, отступала на Сан. Ее слабая внутренняя спайка не могла выдержать подобных потрясений; русские же победоносно продвигались вперед. За разгромом австрийцев осуществлялся полный развал двуединой монархии; русские на свою сторону перетягивали бы колебавшиеся балканские народности, а одновременно с этим создавалась бы угроза Силезии, германской житнице, с ее могучими источниками питания, с металлургической и каменноугольной промышленностью. Недопустимость потери Силезии диктовалась и политическими соображениями, ибо через нее Россия протягивала бы руку помощи дружественно к ней расположенной Чехии.

На сумме приведенных соображений и построено было решение Гинденбурга-Людендорфа о необходимости немедленной и широкой помощи австрийцам, путем оставления для преследования Ренненкампфа небольших сил VIII армии ген. Шуберта и срочной переброски

---

[11]) Фалькенгайн. „Верховное командование“, стр. 26-31.

главной массы в Верхнюю Силезию и Познань для совместного перехода в наступление с австрийцами.

Начатое наступление союзных австро-германских сил на обеих берегах р. Верхней Вислы и на фронте Ивангород—Варшава, цели не достигло [12]). Хотя русские, успевшие переправиться через Вислу и Сан на юго-западном фронте, и были временно оттеснены, но при введении ими в дело главных сил, положение австрийцев ухудшилось. Подошедшие с тыла корпуса русских бросаются чрез Варшаву и Новогеоргиевск и против германской армии. Для последней создается угрожающая обстановка, почему для спасения общего положения германское высшее командование решается на отступление в направлении к Силезии и дальше к юго-западу.

Берлинский поход, как причина лодзинской катастрофы.

Союзные армии австро-германцев с чрезвычайной быстротой откатываются в юго-западном направлении. Русские II и V армии преследуют их медленно и безрезультатно, так как все пути сообщения для них разрушены.

В своей телеграмме главкому юго-западного фронта, Иванову, начальник штаба ставки, Янушкевич, от 17/30 октября [13]), высказывает свои соображения об отходе IX германской армии, указывая, что Рузскому, главкому сев.-западного фронта, верховное командование разрешает продвижение на фронт Ленчица—Вольборж—Сендов, оговариваясь, что ставка успех этого продвижения и его безопасность ставит, однако, в зависимость от скорейшего выхода русских корпусов IV и IX армий юго-западного фронта на указанный им фронт Конск — Сандомир. Таким образом, ходом событий русское командование стало пред лицом вновь создавшейся обстановки, совершенно ясной в своих двух основных положениях для будущих задач:

а) естественной необходимости развития успеха на всем юго-западном фронте и

б) составления нового плана операций для всего северо-западного, в результате создавшегося положения на левом берегу р. Вислы и в Восточной Пруссии.

При ясности первого положения (а) несомненная сложность крылась во втором (б). Начальный план войны требовал ликвидации восточно-прусского фронта, и затем лишь (позже) учитывались операции на левом берегу Вислы. Ликвидация, как мы видели, окончилась

---

[12]) Фалькенгайн. „Верховное командование“, стр. 33-34.

[13]) Военный архив. Дело ставки № 472.

потерей двух армий, и мы приступили к подготовке к повторным действиям, между тем как за Вислой очутились перед мыслью, навязываемой нам союзниками, т.-е. замыслом глубокого вторжения в Германию.

На фоне приведенной сложности ставка и начинает поиски решений для примирения создавшихся противоречий и ищет ответа у командования двух фронтов.

Ответы фронтов закладываются в основу директивы от ставки, преподанной 20 октября (3 ноября) ст. стиля [14]).

В сложном послании, рисуя обстановку в целом, Янушкевич указывает, что конечной целью, к которой должны быть направлены все наши усилия, является глубокое вторжение в Германию, причем главную массу наших армий предположено направить в промежуток между Вислой и Судетами. Эта операция требует постепенного выдвижения армий, развернутых на левом берегу Вислы, на соответствующий фронт, а независимо от того—и прочного обеспечения обоих флангов этих армий как со стороны Нижней Вислы, так и со стороны Галиции. Обеспечение флангов этой операции является настолько важным, что главковерх не считает возможным дальнейшее продвижение корпусов II и V армий до тех пор, пока не будут достигнуты более решительные результаты в Восточной Пруссии и на р. Сан.

В постановке частных задач мысли эти уточняются определенным указанием Рузскому—сломить упорство германцев в В. Пруссии, с выходом I и X армий на Нижнюю Вислу; Иванову ставится задача — одержание решительного успеха над австрийцами в Галиции оттеснением их к западу. Что касается армий, развернутых (II и V) на левом берегу Вислы, то им предложено принять все меры к упрочению своего положения и соответственному устройству тылов...

Всеоб'емлющая директива ставки, при всей ее сложности, все же дает вполне исчерпывающие, притом положительные указания, что ходом событий, оказавшиеся по ту сторону Вислы II и V армии останавливаются, пока не будут выполнены главные задачи обеспечения их флангов путем овладения В. Пруссией и Галицией.

---

[14]) Военный архив. Дело ставки № 472, телегр. № 5368.

Ход дальнейших событий в корне нарушает приведенную директиву. Успехи в Галиции обнаруживаются немедленно; мероприятия в В. Пруссии не соответствовали истинному положению вещей, ибо задуманная операция I и X армий оказывалась совершенно невыполнимой.

Ставка подходит к разрешению вопроса путем закрывания глаз на В. Пруссию, хватаясь темпераментно за глубокое вторжение в Германию, на основе достигнутых ген. Ивановым на юго-западном фронте успехов.

21 октября (4 ноября) Иванов [15]) доносит Янушкевичу, что сопротивление австрийцев на всем фронте сломлено и получает приказание «*развивать энергичное наступление, каковое самым решительным образом должно быть поддержано армиями севзапфронта, о времени и порядке наступления коих будет выработано соглашение завтра при встрече*».

В следующие два дня Иванов доносит [16]) о новых положительных успехах своих армий.

22 октября во время этой встречи Рузского с Янушкевичем, под влиянием политического давления союзников, устанавливается ближайшая цель оттеснить противника — к тому времени фактически ушедшего—из наших пределов, находящихся против II и V армий, и начать дальнейшее вторжение в Германию *первоначально на фронте «Познань—IV армия»*, при чем IV армия передается в его (Рузского) распоряжение.

Однако, начало осуществления этой операции предваряется армией Макензена, который осуществляет фланговый удар со стороны Торна. Теперь уже ставка имеет раскрытые карты германского командования и отменяет все распоряжения по вторжению, лаконически указывая, что основной задачей северо-западного фронта является «необходимость во что бы то ни стало разбить противника, наступающего на фронт Плоцк—Униев. Ген. Иванову тем же распоряжением передается его IV армия, временно включенная перед тем в состав северо-западного фронта; подчеркивается опасность положения с севера, с требованием особого давления всего юго-западного фронта, дабы спасти создавшееся положение. Начинается новая операция, в ее дальнейшем развитии получившая название «лодзинской катастрофы».

---

[15]) Военный архив. Дело ставки № 472, телегр. № 5400.

[16]) Военный архив. Дело ставки № 472, телегр. №№ 2820 и 2866.

Авантюра похода на Берлин так же, как и Самсоновская операция оказались результатом давления на ставку союзников в осуществление явно недопустимого стратегического плана, глубоко противоречившего основному замыслу первого фазиса войны и не дававшего надежд на успех. Этой-то авантюре мы и обязаны лодзинской катастрофой.

Спасая положение II и V армий, мы прекратили жизнь и работу всех остальных частей фронтов. Задачи в В. Пруссии отметены в сторону. Все, до глубоких тылов страны, было снято и брошено в жертву на искупление заведомо неосуществимой идеи, навязанной извне [17]. Вновь, как и в В. Пруссии, по счетам мы уплатили сотни тысяч новых человеческих жизней, пока из катастрофы не выбрались на стабилизованный фронт рек Бзуры и Равки.

Ход событий, а впоследствии и история, подтвердили обоснованность этого взгляда. Перетянув с западного фронта на восточный 8 германских пехотных и 5 кавалерийских дивизий [18], мы выдвинули для Германии этот восточный фронт на положение главного. Дальнейшее насыщение этого фронта пошло в сторону переброски сюда втрое увеличившихся сил за счет западного фронта [19]; Франция же получила радикальное облегчение своей армии.

Самсоновская операция и берлинский поход втянули русских в тяжелые и ненужные две пагубных операции; союзники же «вне зависимости от исхода этих операций», как откровенно выразился французский посол М. Палеолог [20], построили на них не только собственное военное счастье, но и спасение страны в целом.

---

[17]) Павлович, М. Советская Россия и Франция, стр. 41.

[18]) Валентинов. Сношения с союзниками. Часть I, гл. 2-я.

[19]) Валентинов. 29 пех. и 10 кав. дивизий.

[20]) М. Палеолог. Царская Россия. Дневник, 26-29 августа.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Телеграмма военного агента в Париже Игнатьева в ставку от 30 июля (12 августа), № 2152 и от 1/14 августа, № 2153.

Немцы овладели окончательно Льежем, что дало им возможность пользоваться бельгийскими железными дорогами. Против Антверпена они выставили резервные части. На левом берегу Мааса они ведут наступление шестью или семью корпусами, при чем овладели всей линией Самбры до Мобежа. Их кавалерия продолжает стремительно двигаться на запад в направлении на Лиль и уже перешла границу между Туркуен и Турне. Английская армия отступает от Монса на линию Валансиен — Мобеж. Первая левофланговая армия медленно отступает на линию Бомон—Айве. Немцы имеют повсюду превосходные силы, что подтверждает предположение, что за каждым действующим корпусом следует соответствующего номера резервный. На правом, южном, берегу Мааса с немецкой стороны действуют на фронте от Динана до Арион не меньше семи корпусов и резервные части, кои вчера отбросили к границе французскую армию в четыре корпуса, предпринимавшую наступление по фронту Невшато-Виртон. Из Люксембурга на фронт Логви—Спинкур ведут бой три германских корпуса. На Нанси ведут атаку четыре корпуса и еще некоторые части. Французы удерживают в своих рядах проходы в Вогезах. В Эльзасе, занятом французами до Кольмара, у немцев оставлены только ландверные части. Вся эта картина, в связи с характером боев, дает мне основание предполагать, что французские армии перейти в наступление в ближайшем будущем уже едва ли смогут. Я ожидаю в самом лучшем случае медленного отступления. На мой взгляд, выясняется, что весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и переброски на наш фронт германских корпусов. Эта переброска будет облегчена немцам, находящимся в их распоряжении бельгийскими жел. дорогами, порча коих, к сожалению, неосуществима. Потери с обеих сторон громадны,

вследствие ожесточенного характера сражения и открытого наступления днем. Во многих французских пехотных полках они достигли 50 проц. Дух англичан продолжает держаться надеждой на окончательный благоприятный исход и выручку с нашей стороны (Воен. архив. Дело ставки № 391 и Валентинов, стр. 22).

№ 2.

Его же от 5/18 августа, № 2032.

Французский военный министр совершенно серьезно полагает возможным для нас вторжение в Германию и движение на Берлин со стороны Варшавы, при чем желательно,—в виду того, что, по соглашению начальников генеральных штабов, наши армии должны были начать серьезное наступление с двадцатого дня мобилизации,—в случае задержки последнего, дать французам соответствующие об'яснения (Воен. архив. Дело ставки № 391, стр. 6).

№ 3.

Телеграмма английского посла министру иностранных дел от 3/16 августа № 2269, а последнего в ставку.

Английский посол передает предложение своего правительства отправить три или четыре русских корпуса чрез Архангельск во Францию для присоединения к англо-французским войскам с целью помешать немцам оттянуть свои силы с Запада на Восток против нас. (Воен. архив. Дело ставки № 391. Отчет, стр. 9).

№ 4.

Телеграмма морского военного агента в Лондоне от 6/19 августа, № 111.

Первый лорд адмиралтейства поручил мне передать следующие предложения для доклада нашему верховному командованию: в случае достижения английским флотом полного господства на Балтийском море, путем либо непосредственного развития флота в Северном море, либо вызовом его на бой путем разрушения Кильского канала,—каковое первый лорд считает возможным путем воздушной или минной атаки,—не найдет ли Россия желательным и возможным предпринять сильную дессантскую операцию на северном германском побережьи в обход укрепленных линий Вислы или даже Одера, для

дальнейшего наступления на Берлин. Все нужные транспорты были бы доставлены к указанным нами портам в любом числе английским адмиралтейством (Воен. архив. Дело ставки № 391).

№ 5.

Телеграмма главковерха в Париж от 10/23 августа, № 17 русскому послу Извольскому.

Поручается довести до сведения французского высшего командования, что наступление наших войск против Германии производится большими массами и выполняется с наибольшей возможной скоростью, совместимой с требованиями благоразумия и что вообще наше наступление ведется неуклонным образом (Воен. архив. Дело ставки № 391, стр. 7 отчета).

№ 6.

Телеграмма ген. Данилова в Париж от 24 августа (6 сентября) военному агенту, № 3672.

Передайте Игнатьеву от меня, для разговора с главной квартирой Жоффра, что мы можем с удовлетворением констатировать факт переброски части немцев против нас, чем облегчается положение французов, и что, вероятно, позволит им перейти к проявлению соответствующей активности (Валентинов, стр. 24).

№ 7.

Телеграмма из Парижа русского посла Извольского 4/17 сентября № 403.

Несмотря на блестящую победу, одержанную французами на Марне, немцы отступили в полном порядке и сохранили, повидимому, полную способность к продолжению боя. Роли союзных французской и русской армий по отношению к Германии сейчас определяются следующим образом: французы наступают, имея против себя $^5/_6$ германских сил, а мы, как явствует из последних телеграмм, остановились пред $^1/_6$ этих сил. Об'ясняется это, конечно, тем, что мы имеем дело с двумя противниками, из коих Австрия выставила все, что могла. Полное поражение, нанесенное нами Австрии, приветствуется во Франции самым восторженным образом, и в нем видят залог наших дальнейших побед не только над империей Габсбургов, но и над Германией. Но как в публике, так и в военных кругах убеждены, что Россия достаточно могущественна, чтобы справиться с $^1/_6$ германских

сил, независимо от операций против Австрии. Для этого требуется полное напряжение наших сил против Германии именно в настоящий первый период войны. Между тем, как будто выясняется, что мы не выставили против Германии всех тех сил, которыми мы можем располагать при сложившихся благоприятных обстоятельствах — нейтралитете Румынии, Турции и союзе с Японией. В одном из последних сообщений прямо сказали, что необходимость уделить главное внимание галицийскому театру временно помешала нам иметь в Восточной Пруссии достаточные силы. Все это, разумеется, высказывается в деликатной форме, но я не считаю себя в праве умолчать об этой причине и не предупредить вас о назревающем, может-быть, недоразумении, чтобы не сказать противоречии, между нами и французами, которые убеждены, что в настоящую минуту Франция почти одна выдерживает натиск германского колосса. Недоразумение это следует непременно рассеять и дать французам уверенность, что мы увеличиваем наши силы на германской границе с надлежащей интенсивностью. Мне кажется, что этого всего легче достигнуть предлагаемым вами способом, а именно — непосредственным обменом мнений между обоими главнокомандующими, каковой обмен сейчас, насколько мне известно, вовсе не существует (Валентинов, Н., стр. 25).

№ 8.

Телеграмма из Парижа министра иностранных дел Делькассе 1/14 сентября М. Палеологу.

Я не был удивлен, получив сегодня, 1 сентября (14) ст. стиля, телеграмму от Делькассе, в которой он снова поручает мне настаивать пред императорским правительством о немедленном наступлении русских войск против Германии. В Бордо опасаются, что наши союзники, увлеченные своими сравнительно легкими победами в Галиции, не относятся с достаточным вниманием к немецкому фронту, концентрируя все свои силы для открытия пути на Вену. (Павлович, М. Россия и Франция, стр. 38).

№ 9.

Телеграмма французского посла М. Палеолога от 8/21 сентября в ставку.

Французское правительство узнало с живым удовлетворением о проекте великого князя, предполагающего, не останавливаясь пред второстепенными соображениями и препятствиями, как только Австро-

Венгрия будет выведена из строя, итти на Берлин со всей совокупностью своих свободных сил. Со своей стороны французская армия не ограничит своих усилий французской границей, ни даже Эльзас-Лотарингией, но будет продолжать свое движение навстречу императорской армии до того дня, когда союзные правительства смогут получить для своих народов законное удовлетворение и создать в Европе новый строй, который гарантирует на долгие лета общий мир (Валентинов, Н., стр. 26. Секр. архив ген. штаба).

№ 10.

Телеграмма военного агента Ермолова в Лондоне от 7/20 октября, № 9293.

Китченер передал мне следующее: 150 воинских поездов с германскими войсками прошли в течение 29 и 30 сентября и 1 октября ст. стиля чрез Кельн к франко-бельгийской границе. Кроме того, 200 поездов прошло через Аахен 30 сентября и 1 октября ст. стиля к французской границе. Кроме того, много войск прошло Везель 1 октября ст. ст. в направлении на запад. Китченер полагает, что это были два германских корпуса, взятые с тыла восточного германского фронта, т.-е. из Бреславля, Познани и В. Пруссии, и что немцы решили опять их временно перебросить на запад, пользуясь перерывом нашего наступления, дабы с помощью означенных двух корпусов попытаться прорвать центр ген. Жоффра, силы которого едва уравновешивают силы немцев во Франции. Вследствие чего Китченер считает, что если наше наступление не возобновится в течение, примерно, одной до двух недель, то положение англо-французской армии во Франции сделается опасным, и что, прорвав центр ген. Жоффра, немцы опять перебросят те же два корпуса и более против нас, причем во время операции прорыва англо-французов немцы будут действовать против нас только оборонительно на укрепленных позициях. Совершенно воздерживаясь от каких бы то ни было советов, Китченер желал бы все вышеизложенное довести до сведения нашего главковерха (Воен. архив. Дело ставки № 391 и Валентинов, Н., стр. 28—29).

М. БОНЧ-БРУЕВИЧ

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ РОССИИ НА КАРПАТСКУЮ ОПЕРАЦИЮ 1915 ГОДА В ПЕРИОД ЕЕ ЗАМЫСЛА И В ПЕРИОД КРИЗИСА.

Карпатская операция и вопрос о выступлении Румынии.— Отношение Франции и Англии к нашим неудачам в карпатской операции.—Выступление Италии и его влияние на карпатскую операцию.—Заключение.

Карпатская операция и вопрос о выступлении Румынии.

В течение Мировой войны западные союзники России неоднократно диктовали русской армии задания, шедшие в явный разрез с теми стратегическими планами, которыми должна была руководствоваться эта армия. В результате этого влияния союзников, обыкновенно, происходило вовлечение русской армии в тяжелые, ненужные для России операции, которые, однако, приносили прямую пользу союзникам, во-первых, тем, что отвлекали с их фронта значительные германские силы и, во-вторых, тем, что приводили к достижению политических комбинаций, главным образом, выгодных не для России, а для ее западных союзников. В результате, союзники отыгрывались на жертвах, приносимых Россией людьми и экономической разрухой. Все это особенно наглядно и доказательно проявилось в карпатской операции 1915 г.

Эта операция, вопреки об'ективным стратегическим соображениям и планам ген.-ад. Рузского и ген. Алексеева, была в марте 1915 г. утверждена верховным главнокомандующим в качестве главной задачи ближайшего периода войны. В письме ген. Янушкевича обоим главнокомандующим фронтами от 6/19 марта за №№ 1717/3311 и 1718/3312, указывалось, что... «верховный главнокомандующий имеет своей основной целью перейти всем северо-западным фронтом к чисто-оборонительного характера действиям, а юго-западному фронту предназначает главнейшую задачу будущей части кампании. Общая при этом идея та, чтобы действовать активно, начиная с левого фланга юго-западного фронта, продвигаясь в направлении, примерно, к Будапешт и далее в обход всей линии Краков—Познань—Торн. Посему, по мере возможности, в зависимости от обстановки, от успешности пополнения кадров укомплектованиями, соответствующее количество войск будет переброшено на юго-зап. фронт для его усиления и обеспечения успеха его действий. Это направление и этот характер действий избраны еще и потому, что они дают нам возможность войти в связь с румынской армией, в случае ее присоединения к нам. Это все было сообщено присланному генералом Жоффром офицеру для связи к его сведению и руководству»...

В настоящее время уже с полной определенностью можно сказать, что новые задачи сев.-зап. и юго-зап. фронтам явились следствием ожидания выступления Румынии против центральных держав, которого весьма настойчиво добивались Франция и Англия [1]).

Разбираясь в вопросе, какое же значение для России могло иметь это выступление Румынии, нужно прежде всего отметить, что Румыния своею территорией примыкает непосредственно к России и поэтому присоединение ее к державам согласия увеличило бы западный театр военных действий и протянуло бы западный фронт до Дуная. Другие державы согласия, не соприкасающиеся с Румынией, могли только стремиться к согласованию действий румынской армии со своими оперативными планами и поддерживать ее материально, направляя все ей необходимое окружным путем, через Россию. Таким образом, выступление Румынии привело бы к непосредственным совместным действиям румынской и русской армий на одном театре военных действий, что обязало бы румынскую армию развивать свои действия по одному общему плану с русской армией; план этот, указывая задачи сев.-зап. и юго-западному фронтам, должен был бы установить задачу и для румынской армии; короче говоря, румынская армия получила бы значение третьего—«румынского фронта», на ряду с нашими двумя фронтами—сев.-западным и юго-западным. В боевых действиях этих трех фронтов установилась бы также и взаимная тактическая связь, на сколько, вообще, она может существовать между армиями соседних друг другу фронтов. Такого рода связанность действий румынской армии и наших фронтов была безусловно выгодной для России в том случае, если бы в лице Румынии, нашего нового союзника, мы хоть сколько-нибудь могли рассчитывать на сильную армию, с высокой боевой подготовкой, мощно вооруженную и обильно снабженную всем необходимым; если бы в лице Румынии мы могли видеть страну, подготовленную к войне, в экономическом отношении и в смысле подготовки ее территории, как театра военных действий. В таком случае выступление Румынии усилило бы нашу мощь на западном театре военных действий—между Балтийским морем и Дунаем.

Ожидая выступления Румынии, весьма желательного для Франции и Англии, русское верховное главнокомандование совершенно отчетливо представляло себе слабость ее военной мощи. Ему известно было, что Румыния может выставить армию всего около 250 т. человек; что эта армия не имеет боевого опыта текущей войны;

---

[1]) См. труд А. Базаревского „Влияние держав Согласия на выступление Румынии и невыгоды этого выступления для России“.

что, вообще, она слаба в боевом отношении, благодаря невысоким качествам офицера и солдата; что в румынской армии нет тяжелой полевой артиллерии; что армия недостаточно обеспечена боевыми припасами, снаряжением и продовольствием; что в армии недостаточно транспортных средств... Известно было и то, что Румыния торговала с самого начала Великой войны продуктами своего сельского хозяйства, продавая их одновременно и державам согласия и центральным государствам, и что в то же время ее армия не была в достаточной степени обеспечена запасами собственного продовольствия, а слабая промышленность страны не позволяла рассчитывать на обеспечение армии собственным оружием, боевыми припасами и снаряжением. Дороги в Румынии были слабо разработаны, поэтому передвижение войск и транспортов было весьма затруднительным.

Все это, вместе взятое, приводило русских к ясному представлению о том, что Румыния представляет собой слабого союзника, который может добиться боевого успеха только при оказании ему помощи всякого рода со стороны его союзников. Признавалось, что такая помощь в материальном отношении может быть получена от Франции и Англии впоследствии, но на первых порах необходимость оказания такой помощи этому новому союзнику целиком ложилась на Россию. Поддержка же румынской армии живою силою (войсками) полностью уже падала на одну русскую армию, так как наши западные союзники всегда были очень осторожны в отношении разброски своих сил и, конечно, в начале 1915 г. не могло быть и речи о посылке французских или английских войск на румынский фронт.

Итак, русская армия, оперирующая с румынской на одном театре военных действий, должна была учитывать возможность выделения части своих сил на усиление румынской армии. Эта тяжелая обязанность, пока только предполагаемая, внушала русскому верховному главнокомандованию особенно серьезные опасения при учете им стратегического положения румынского фронта, если бы таковой образовался, благодаря выступлению Румынии.

Стратегическое положение будущего румынского фронта характеризовалось в то время следующими особенностями:

1. Протяжение фронта—около 600 верст—не соответствовало величине румынской армии, не свыше 250 тыс. человек.

2. Левый фланг румынского фронта (Добруджа) открыт, доступен удару со стороны Болгарии и потому требовал серьезного обеспечения; во всех переговорах о выступлении, Румыния выдвигала требования усилить ее посылкой войск в Добруджу.

3. Левый фланг доступен удару с водного пространства: с Черного моря и Дуная.

4. Правый фланг румынского фронта требовал обеспечения, которое целиком ложилось на наш ю.-з. фронт.

Из этого краткого перечня стратегических свойств румынского фронта вытекает, что:

1. Русская армия должна была выделить часть своих сил для усиления румынского фронта; между тем в начале 1915 г. (январь—март), когда постепенно назревал вопрос о выступлении Румынии, наш с.-з. фронт, по плану генерала Рузского, должен был сосредоточить свои силы и, кроме того, получить усиление переброской сил с ю.-з. фронта для нанесения решительного удара германцам; в то же время ю.-з. фронт подготавливал карпатскую операцию, которая к марту 1915 г., как известно, была признана «главнейшей задачей» будущей части кампании. Следовательно, усиления румынского фронта можно было бы достигнуть только уменьшением наших сил на одном или другом из главных операционных направлений, что, несомненно, болезненно отозвалось бы на наших главных операциях, и даже значительный успех румынского фронта, имеющего второстепенное значение, не вознаградил бы наших неудач на главных операционных направлениях, каковые неудачи представлялись возможными именно вследствие недостаточно полного сосредоточения наших сил для той или другой главной операции.

2. Требовалась отправка некоторых сил в отдаленный район военных действий, т.-е. в Добруджу, имеющую специальное значение для Румынии, в виду румыно-болгарских отношений; отправленные в Добруджу части ни в каком случае не могли бы быть приняты к участию в наших главных операциях.

3. Пришлось бы привлечь наш Черноморский флот к совместным действиям с румынским фронтом. В частности, по отношению к карпатской операции образование румынского фронта представляется обстоятельством, уменьшающим шансы на ее успешность.

Таким образом, *с точки зрения интересов России и русской армии, выступление Румынии вовсе не являлось настолько полезным, чтобы ради его достижения стоило решаться на карпатскую операцию и тем более признавать ее главнейшей задачей будущей части кампании.*

Это было сделано под давлением и в пользу Франции и Англии, но в ущерб интересам России...[2]) Карпатская операция, в том значе-

[2]) См. труд. А. Базаревского (вышеуказанный).

нии, какое ей было придано верховным главнокомандующим в марте 1915 года, совершенно не соответствовала стратегической обстановке на театре между Балтийским и Черным морями. В это невыгодное кровавое предприятие русская армия была вовлечена ее западными союзниками, для которых выступление Румынии, а потому и Карпатская операция, как один из призывов к такому выступлению, являлись несомненно выгодными.

Для западных союзников России выступление Румынии, действительно представлялось весьма выгодным, так-как неготовность вооруженных сил Англии и бережное отношение Франции к расходованию своего людского материала безусловно требовали возможно большего отвлечения германских сил на русский фронт.

С точки зрения интересов русской стратегической обстановки на театре между Балтийским и Черным морями—всякого рода выступления и боевые мероприятия, направленные к отвлечению германских сил с англо-французского фронта, являлись задачами политического характера. Таким образом, только «политика», а не «стратегия» диктовала карпатскую операцию, как призыв к выступлению Румынии.

В это время (январь—март 1915 г) стратегическая обстановка повелительно требовала нанесения германцам удара на левом берегу Вислы (план ген. Рузского и ген. Алексева); этот удар назрел, благодаря целому ряду предшествующих боев в этом районе, которые поставили находившиеся здесь силы германцев в весьма затруднительное положение. Решение верховного главнокомандующего перенести главную операцию на Карпаты, уступая требованиям политики, в конец разбивало все стратегические планы, возможные в это время, выручало германцев из затруднений и ставило дальнейшую судьбу русской армии в зависимость от явно-проигрышной карпатской операции, в которую была втянута лучшая половина всех наших сил, действовавших на театре между Балтийским и Черным морями.

Но... это было выгодно нашим западным союзникам и совершилось ради воздействия на Румынию, только им и выгодного.

С самого начала войны русская армия своими решительными действиями неоднократно отвлекала на себя силы центральных держав, облегчая этим положение своих западных союзников, эгоизм которых, видимо, не нашел в этом себе полного удовлетворения. Не дав времени русской армии оправиться от потрясений галицийской битвы, варшавской операции, лодзинской операции и ее затянувшегося окончания—в виде боев на р.р. Бзуре и Равке—они продолжали тре-

бовать от нее новых кровавых жертв, ради достижения собственных целей и, главным образом, для сохранения своего людского материала, по их мнению, гораздо более драгоценного по сравнению с русским солдатом... Со стороны союзников уже в это время (январь — апрель 1915 года) было заметно стремление умалить значение России в Великой войне. Стремясь противодействовать такому умалению, г. Янушкевич, в своем письме от 20 марта (2 апреля) 1915 г. за № 1860, сообщил министру иностранных дел Сазонову материалы по этому вопросу. Между прочим в этом письме говорится: «За истекший период войны Россией принесено очень много жертв ради общей пользы союзников и проявлено не менее самопожертвования ради облегчения положения Франции на ее восточном фронте. Ради облегчения этого положения Россия начала преждевременное наступление в Восточную Пруссию и заставила этим немцев, оставшихся с началом войны на нашем фронте, не считая второочередных войск, всего 9 пехотных и 1 кавал. дивизию, в августе перебросить с западного фронта на наш 4 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Затем, предпринятый нами, опять-таки ради облегчения наших союзников на Западе и, по их просьбе, перенос действий на левый берег Вислы, который пришлось связать с добровольным отказом от представлявшегося возможным и выгодным предварительного разгрома австрийских армий, заставил немцев перебросить в ноябре с их западного фронта на наш еще 8 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. Наконец, в январе вновь было переброшено с западного фронта на наш 2 полевых дивизии. В общем за истекший период войны всего было переброшено немцами с их западного фронта на восточный 14 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Кроме того, из числа вновь сформированных немцами дивизий за время войны было направлено против России 8 дивизий. Весьма характерным является то обстоятельство, что за истекший период войны число первоочередных, т.-е. полевых и резервных германских дивизий, по сравнению с началом войны увеличилось на нашем фронте с 9 пехотных и 1 кавалерийской до 31 пехотной и 7 каваллерийских (общее же число дивизий на нашем фронте, считая и ландверные, доходит ныне до 50), тогда как на западном фронте число первоочередных пехотных дивизий, считая и принявший участие в сухопутных действиях корпус морской пехоты, совершенно не увеличилось и осталось равным 72, а число кавалерийских дивизий даже уменьшилось с 10 на 4.

«Таким образом, Россия решительно не допустила за минувший период войны усиления германских войск против Франции и Англии, дав этим возможность своим союзникам приобрести численное пре-

восходство в силах. Необходимо при этом отметить, что на ряду с постоянной переброской германских войск с западного фронта на наш, до сих пор не было ни одного случая, чтобы германская часть, появившаяся на нашем фронте, была переброшена на западный. Россия крепко держит перед собою все то, что направляется противником против нее... Но значение России в общей борьбе союзников станет еще более рельефным, если вспомнить, что Россия притянула на себя всю австро-венгерскую армию, силою, не считая ландштурма, до 46 пехотных дивизий, облегчая этим ведение переговоров с Италией и Румынией и остановив новый удар против Сербии и что Россия же нанесла грозный удар Турции на Кавказе под Сарыкамышем, приведший к упадку духа последний и по настоящее время притягивает к себе на кавказский фронт свыше 200 батальонов турецкой армии, облегчая тем самым борьбу союзников не только в районе Дарданелл, но и в Египте и в Месопотамии» [3]).

Приведенное письмо ясно указывает на то, что в течение 1914 и начале 1915 г. все наши операции предпринимались, развивались или заканчивались—к выгоде союзников, с подчинением их требованиям, а именно: преследование австро-венгерской армии после галицийской битвы (августа 1914 г.) было нами ограничено, так как часть сил была направлена на среднюю Вислу для развития наступления со средней Вислы, между Новогеоргиевском и Ивангородом, на запад, на левый берег Вислы; наступление на левом берегу Вислы (сентябрь—октябрь 1914 г.), втянувшее нас в лодзинскую операцию, было предпринято ради облегчения положения союзников. Наконец, карпатская операция была признана главнейшей задачей будущего периода кампании (начало 1915 года) ради привлечения Румынии к выступлению против центральных держав. Это выступление во всяком случае должно было оттянуть, и действительно, оттянуло некоторые силы с англо-французского фронта; это было выгодно для наших западных союзников во всяком случае, т.-е. не считаясь с тем, к чему бы привело Румынию ее выступление и как бы оно отозвалось на положении и действиях русской армии. Известно, что выступление Румынии закончилось разгромом ее армии, а для России это выступление досталось ценою разрушения всех ее стратегических планов, вытекавших из положения дел на театре действий ее армий между Балтийским и Черным морями и, в частности, ценою карпатской операции, совершенно ненужной с точки зрения войны

---

[3]) Труды В. Ист. Ком. Н. Валентинов. „Сношения с союзниками", ч. I, стр. 42-43.

России против центральных держав. Но, повторяем, все это было выгодно нашим западным союзникам, которые ставили вопросы так, что они (Франция и Англия) ведут Мировую войну, а Россия, хотя и состоит их союзником, но представляет из себя лишь вспомогательную силу, обладающую численно большим человеческим материалом, и потому обреченную всегда жертвовать своими собственными интересами ради достижения целей на западно-европейском театре, который, таким образом, возводился нашими западными союзниками на степень главного театра Мировой войны.

Между тем, следует признать, что значение русского театра войны между Балтийским и Черным морями этим взглядом несомненно умалялось, а вместе с тем упускались и те возможности, которые могли бы иметь решительное влияние на сокрушение могущества центральных держав. В пренебрежении значением русского театра военных действий заключается, между прочим, одна из причин затяжного характера войны на сокрушение Германии.

В то же время вынужденная подчиненность действий русской армии оперативным планам наших западных союзников, признававших себя главными участниками развернувшейся борьбы, приводила к тому, что русская армия не могла в своих действиях руководствоваться определенным, цельным, стратегически выработанным планом и должна была многократно, с явным вредом для себя, бросаться от одного замысла операции к другому, вовсе не вытекающему из стратегических соображений или из интересов России, а диктуемому лишь требованиями союзников. В этом дергании бесспорно повинно наше верховное главное командование, слишком чувствительное к эгоистическим требованиям союзников, но в этом же обстоятельстве заключается и оправдание против упреков командованию русской армии в отсутствии у него определенных оперативных планов, против указаний на недостаток у него военного искусства и, вообще, умения вести войну...

В 1914—1915 г.г. военное могущество России позволяло разговаривать с союзниками иным тоном, но этот тон не был во время взят теми, кто обязан был его взять и держать на должном уровне... В результате вырабатывалась наша покорность западным союзникам ради выдержки каких-то сентиментальных, сверх-союзнических обязательств, не вытекавших из каких-либо конвенций, а вслед за этим, как следствие, явился ряд кровавых боевых операций, начатых и развивавшихся ради удовлетворения чрезмерных требований союзников и притом с недопустимой степенью пожертвования интересами России и русской армии.

Итак, выступление Румынии давало союзникам надежду на переброску некоторой части германских сил с западного германского фронта на восточный; в этом его главное значение для наших западных союзников.

Отношение Франции и Англии к нашим неудачам в карпатской операции.

Карпатская операция началась нашим наступлением в Галиции и в Карпаты, которые, развившись для нас удачно, вскоре встретило упорное сопротивление со стороны противника и... приостановилось. Ставка запросила ген. Иванова телеграммой от 29 марта (11 апреля) 1915 года, № 9495, «о причинах вынужденной задержки в развитии наступления за Карпаты» и к этому добавила, что «желательно знать, когда Вы предполагаете возможным начать продолжение еще незаконченной операции Вашей, имея в виду, что остановка крайне невыгодна ни в политическом, ни в военном отношении, давая возможность нашим противникам также подтянуть подкрепления и усилить свои новые позиции, сделав их трудно-доступными».

В ответ на этот запрос г.-ад. Иванов ответил телеграммой 30 марта (12 апреля) 1915 года № 4615, содержание которой указывает, что г.-ад. Иванов считал причинами остановки наступления в Карпатах: затишье на других фронтах, слабость нашей наступающей группы на направлении Стрый — Мункач, недостаточную пропускную способность железных дорог, потери и утомление войск, распустившиеся дороги, местами бездорожье, снега, медленность наступления в горах и затруднительность подвоза.

Под влиянием остановки наступления в Карпатах ставка начала опасаться перехода в наступление противника.

По мнению ставки, «германцы несомненно производят перегруппировку своих войск, внутренний смысл которой еще не выяснен... Возможно и даже вероятно, что германцы имеют в виду собрать значительные силы на австро-венгерской территории, дабы не дать развиться нашему наступлению за Карпаты, несомненно, их обеспокоившему как по военным, так и по политическим причинам. Имеются указания о вероятности удара германцев на центр III армии с целью выйти на правый фланг наших войск, перевалivших главный Карпатский хребет, каковой удар может обещать успех, в силу происшедшей растяжки фронта русской армии».

В то время, когда ставка уже начала предвидеть близко надвигающуюся возможность удара германцев со стороны Кракова во фланг и тыл карпатской группы, втянувшейся в горы, г.-а. Иванов опасался усиления напора противника из-за Карпат и, главным образом, в рай-

оне Дукла, не придавая серьезного значения опасности со стороны Кракова.

Опасения ставки относительно удара со стороны Кракова вскоре оправдались; в ночь с 18 на 19 апреля (1—2 мая) 1915 года части армии г. Макензена атаковали ополченские бригады, расположенные на правом фланге 9-го корпуса, и отбросили их к востоку от р. Дунаец; кроме того, после жесточайшего артилерийского обстрела, германцы стремительно атаковали левый участок 9-го и весь фронт 10-го корпуса; германцы врезались в наше расположение между 9-м и 10-м корпусами. В результате, 10-й корпус отступил на фронт Ржепеник — Бнеч — Вартне; для заполнения прорыва между 9 и 10-м корпусами направлены резервы. Начальник штаба юго-западного фронта, донося об этом в ставку, добавил, что из состава войск ю.-з. фронта ничего нельзя отправить на поддержку III армии... Между тем армия г. Макензена продолжала развивать достигнутый успех и сосредоточивала свои удары по-очередно на разных участках III армии. В течение времени с 19 апреля (2 мая) по 9 (22) мая 1915 г. III армия была отброшена за р. Сан, а затем и далее, в направлении на Люблин—Холм (см. в прилож. схемы № 1 и № 2). Соседние с нею армии и все армии юго-западного фронта вынуждены были также к отступлению.

Верховный главнокомандующий сообщил Жоффру и Китченеру о наших неудачах, вызванных наступлением армии г. Макензена, телеграммами от 24 апреля (7 мая) 1915 г. за № 225 [1]), в которых, между прочим, говорилось: «Новая переброска германских войск с западного фронта, в количестве по крайней мере 4 дивизий, и их сосредоточение в Галиции на фронте Дунаец—Горлица с большим количеством других войск, собранным нашим противником в этом районе, а также большое превосходство в артилерии и в особенности в снарядах, позволили нашим противникам в последних боях одержать тактический успех, который заставляет нас оттянуть наши войска несколько к востоку на подготовленные позиции с тем, чтобы сократить фронт и присоединить их к прибывающим резервам. Временный успех наших врагов на одном из секторов нашего обширного фронта не может повлиять на общий ход операций, в особенности в виду решительного наступления, которое вы обещали предпринять, и если совершенно необходимая посылка снарядов, обещанных французским правительством, произойдет безотлагательно. Все меры для того, чтобы локализировать успех противника приняты, но выполнение их потребует известного времени».

[1]) Труды В. Ист. Ком. Н. Валентинов. Сношения с союзниками. ч. I, стр. 44.

Телеграммой 27 апреля (10 мая 1915 г. [5]) Жоффр ответил: «Наступление французских войск, о котором я извещал ваше императорское высочество, началось вчера 9 мая в районе к северу от Арраса и будет вестись с самой большой энергией». Кроме того, другой телеграммой Жоффр подтвердил снятие германцами с французского фронта гвардейского корпуса и двух или трех вновь сформированных дивизий, только что перевезенных в Карпаты и выразил: «я считаю всякое новое снятие сейчас невозможным». Относительно присылки снарядов никакого извещения от Жоффра не последовало.

27 апреля (10 мая) 1905 г. № 631 наш военный агент Ермолов передал ген. Янушкевичу телеграмму Китченера, в которой между прочим было сказано: «Я слежу с живейшим интересом за операциями в Карпатах и западной Галиции, где немцы как-будто делают последнее усилие скорее с политической целью, имеющей в виду Италию. Я спрашиваю, есть ли что-нибудь, что я мог бы сделать, чтобы быть полезным вашему высочеству и императорской армии» [6]).

3 апреля (13 мая) 1915 г. Китченер телеграфировал английскому представителю в ставке: «Я очень хотел бы получить точные сведения относительно русского отступления в районе Карпат и Галиции; говорят, что русские находятся сейчас на линии Дверник—Санок—Ропчице—Щуцин и что они должны были отойти от линии нижней Ниды. Благоволите сообщить мне, имеют ли они намерение еще отступать или находятся сейчас в положении, позволяющем принять действительные меры, чтобы остановить австрийское продвижение. Можете ли Вы мне сказать, какие потери они потерпели и понесли».

Верховный главнокомандующий счел нужным раз'яснить положение дела в Галиции и еще раз обратить внимание союзников на переброску на наш фронт германских частей.

1/14 мая 1915 г. за № 238 верховный главнокомандующий телеграфировал Жоффру и Китченеру следующее: «В течение месяцев мая и апреля германцы снова перевезли на наш фронт по крайней мере семь или вернее даже 11 дивизий пехоты и 3—4 дивизии кавалерии. Сосредоточив на Дунайце и в районе Горлицы многочисленные войска и массу артиллерии, обильно снабженную снарядами, они перешли в наступление против нашей III армии и одержали успех. Потери в этой армии очень велики». «Мы надеемся сохранить линию Сана. В виду того, что германские силы значи-

---

[5]) Тоже, стр. 45.

[6]) Тоже, стр. 45—46

тельно уменьшились на западном фронте, содействие союзных армий могло бы выразиться в энергичном и непрерывном наступлении. С начала войны число полевых и резервных дивизий пехотных возросло на нашем фронте с 9 до 38 и, быть может, даже до 42, а число кавалерийских дивизий с 1 до 9 или 10. Это увеличение включает по крайне мере 80 или даже 90 полков пехоты, а также 48 или 54 полков кавалерии, снятых с западного фронта. Наоборот, ни одна германская часть, раз введеная в действие на нашем фронте, не могла, вследствие наших усилий, быть переведена на западный фронт. Было бы очень желательно, чтобы в будущем переброска германских войск на наш фронт не могла иметь места. Было бы также желательно заставить Италию ускорить свое вступление в действие, облегченное сейчас начатым союзными армиями наступление, а также тем обстоятельством, что все австро-венгерские силы, сосредоточенные на нашем фронте, на нем удерживаются. Для нас совершенно необходимо получить как можно скорее артиллерийские снаряды, а также ружья с патронами. Недостаток снарядов был, конечно, одной из главных причин неудачи, которую потерпела наша третья армия. Наше положение на всех других участках нашего фронта прочное» [7]).

В ответ на это обращение верховного главнокомандующего Жоффр ответил 11/24 мая 1915 г. телеграммой с выражением сочувствия русской армии и обещал сделать все возможное для ее поддержания: «великолепное усилие южных русских армий в течение последних недель возбуждает наше восхищение. Благодаря их храбрости, им удалось, избежав прорыва и не потеряв боеспособности, нейтрализовать превосходные неприятельские силы, нанести им громадные потери и оказать тем громадную услугу общему делу. Это — прекрасная страница для славы русской армии... В виду этого доказательства героизма и благодаря также вступлению в действие Италии, мы вправе ожидать самых прекрасных результатов. Я со своей стороны стараюсь для этого изо всех сил при содействии наших английских и бельгийских союзников» [8]).

Телеграммой 5/18 мая 1915 г. Жоффр обещал расследовать, по каким причинам завод Крезо не выполнил до этого времени свои заказы.

---

[7]) Тоже, стр. 46-47.

[8]) Тоже, стр. 48.

Итак, со стороны французского главнокомандующего — восхищение, пожелания, надежды и... признание за русской армией *«громадной услуги общему делу»*, но действительной помощи оказано не было.

В ответ на обращение верховного главнокомандующего от 1/14 мая 1915 г., № 238, Китченер передал 3/16 мая 1915 г. через нашего посла в Лондоне выражение его глубокого сочувствия III армии, в доблестности действий которой он уверен. Далее Китченер сообщил, что энергичные меры приняты, чтобы найти в скорейший срок снаряды, которые великий князь просил ему доставить. В виду многочисленных заказов, уже выполняемых в Америке, будет трудно получить эти снаряды раньше, чем через несколько месяцев, но все будет сделано, дабы сократить этот срок.

Таким образом, со стороны английского главнокомандующего, — сочувствие, и... обещание помощи, которая, однако, может осуществиться еще не скоро.

Верховный главнокомандующий не был удовлетворен ответами Жоффра и Китченера; телеграммой 10/23 мая 1915 г. он снова обращает внимание Жоффра и Китченера *на увеличение на нашем фронте неприятельских сил*. «Последние бои, — телеграфировал верховный главнокомандующий, — доказывают с несомненностью переброску на наш фронт, по крайней мере, 10 дивизий пехоты, а именно, гвардейского корпуса, 10 полевого корпуса, 41 резервного корпуса и нескольких сводных дивизий. Число перевезенных дивизий, вероятно, еще больше, так как каждый день опознаются новые полки. Эта переброска, хотя она и осложняет стратегическое положение русских армий, является тем не менее с общей точки зрения своевременной для того, чтобы *облегчить развитие успехов, уже достигнутых наступлением союзных армий на западном фронте*».

Следовательно, в то время (10 мая ст. стиля), когда ставился под сомнение вопрос о возможности для III армии удержаться на р. Сан, когда боеспособность этой армии следовало признать потерянной и когда несомненно было, что г. Макензен готовится к новому удару на III армию, — наши западные союзники видели в этом положении только предмет своего восхищения и признавали действия III армии *«громадной услугой общему делу»*. Это вполне подтверждает выраженное выше соображение о том, что союзники считали главным решительным театром свой западный театр военных действий и *смотрели на действия русской армии, как на вспомогательные действия*, ценные по-стольку,

по-скольку этими действиями русская армия отвлекала германские силы с главного театра, хотя бы это отвлечение стоило потери боеспособности русских войск, отвлекающих на себя германские силы. С такой точки зрения, действительно, ценою крови русской армии достигались благоприятные возможности для армий наших западных союзников.

Верховное главнокомандование русской армии к весне 1915 г. вполне ясно представляло себе этот взгляд союзников на значение действий русской армии; это подтверждается следующими словами ответа верховного главнокомандующего на извещение Жоффра от 5 мая нов. стиля относительно перехода союзных армий в наступление: «Я был очень рад узнать, что вы имеете намерение вести энергичное наступление на западном фронте. Развитие этого наступления мне кажется в настоящее время облегченным не только вследствие переброски германских сил на наш фронт, достигший числа, по крайней мере, в 10 дивизий пехоты, но также благодаря выступлению Италии, к счастью ставшему совершившимся фактом».

Однако, и наступление союзников, и выступление Италии не изменили положения дел на юго-западном фронте: Германия продолжала неуклонно осуществлять свое стремление одержать решительный успех на русском театре; при этом русская армия оставалась предоставленной только своим собственным средствам борьбы, принявшей решительный характер, так как германцы обратили теперь русский (восточный) театр военных действий в главный. Постепенно развивавшиеся действия, начиная с 10/23 мая, закончившиеся полным отступлением русских армий из Галиции, вполне подтверждают эту мысль, которая была установлена в ставке значительно позже 10/23 мая и была выражена впоследствии верховным главнокомандующим Жоффру и Китченеру телеграммой 4/17 июля 1915 г. следующего содержания: «Настоящее положение на нашем фронте заставляет думать, что германцы осуществляют широкую наступательную операцию, имеющую целью район между Наревом и Вислой и линией Ивангород—Холм, при чем действия ведутся одновременно со стороны севера и юга по направлению к фронтам Остроленка — Пултуск и Люблин — Холм. Есть, кроме того, признаки, что наступление подготовляется также с запада по направлению к Варшаве. В виду большой активности, проявленной

нашими противниками на всем нашем фронте, кажется весьма мало правдоподобным, что они могли уменьшить общее число войск, направленных против нас, и можно было бы скорее думать, что вместо нескольких дивизий, возвращение которых на западный фронт доказано, другие свежие дивизии перевезены на наш фронт. Прибытие свежих войск делает гораздо более затруднительными операции наших армий. В виду этих обстоятельств, каждое действие союзных армий, устраняющее возможность новых перебросок германских войск на восточный фронт, имеет большое значение. Было бы вместе с тем желательно с вашей стороны указать высшему командованию итальянской армии значение ее деятельности в этот период кампании в интересах всех союзников» [9]).

В то время, когда велись эти сношения и когда со стороны французского главнокомандующего поступали заверения, что им принимаются меры побудить Англию оказать содействие наступлению на западном фронте всеми своими свободными силами и Италию энергично вести свое наступление, дабы освободить Россию от напора германцев, — отступление русских армий юго-западного фронта, а затем и северо-западного, продолжалось в крайне тяжелых условиях, без какой бы то ни было помощи со стороны союзников, видимо, вполне удовлетворенных отвлечением главного внимания германцев и их значительных сил на русский фронт.

Восхищения, слова одобрения и выражения благодарности за преданность русской армии обще-союзному делу продолжали поступать от союзных главнокомандующих к верховному главнокомандующему многострадальной русской армии. Ставка оставалась неудовлетворенной и недовольной всеми этими внешними выражениями междусоюзного этикета; недовольство это еще более увеличивалось при известии о той медлительности, с которой подготовлялись на западе наступательные операции.

Таким образом, карпатская операция, закончившаяся отступлением наших армий юго-западного фронта, в значительной мере утративших боеспособность, протекала без помощи со стороны союзников, но им оказала громадную помощь отвлечением с западного фронта значительных германских сил.

Карпатская операция, как средство побудить Румынию к выступлению против центральных держав, не достигла своей цели:

---

[9]) Тоже, стр. 49-50.

операция закончилась потерей Галиции и обессилением армии юго-западного фронта; Румыния не выступила.

Остались в выигрыше только наши западные союзники, так как с их фронта германцы оттянули на наш фронт значительные силы.

Выступление Италии и его влияние на карпатскую операцию. План главнокомандующего армиями северо-западного фронта, ген. Алексеева, сводившийся к нанесению удара германцам на левом берегу Вислы соединенными силами северо-западного и юго-западного фронтов, верховным главнокомандующим, как известно, не был одобрен. Свои настояния относительно операции северо-западного фронта генерал Алексеев повторил в особом письме ген. Янушкевичу, который ответил ему следующим письмом от 14/27 апреля 1915 г., № 2058[10]): «В ответ на письмо вашего высокопревосходительства от 11 апреля имею честь сообщить нижеследующее. Верховный главнокомандующий считает, что его директива, сообщенная мною главнокомандующим фронтами, не подлежит пока изменению. Его высочество напоминает лишь, что переход к активным действиям без предварительного предупреждения, не подлежит осуществлению. В то же время великий князь совершенно не допускает мысли хотя бы короткого удара в пределах Восточной Пруссии. В настоящее время начавшаяся операция на Карпатах, особенно в виду только что выяснившегося подписания союзного договора с нами и нашими союзниками Италией (сие последнее обстоятельство сообщается для исключительного вашего личного сведения), сохраняет первенствующее значение и обязывает всемерно способствовать успешному завершению начатого дела. Для этого, несомненно, придется в ближайшем будущем передать одну пехотную дивизию, о чем и считаю необходимым вас предупредить»...

Это письмо является документом, подтверждающим, что карпатская операция, кроме побуждения к выступлению Румынии, сохранила свое первенствующее значение также вследствие решенного выступления Италии; иначе говоря, было признано необходимым вести эту операцию до конца для выдержки отношений к Италии и нашим западным союзникам, не считаясь с целесообразностью этой операции с точки зрения стратегической обстановки на русском театре. Ставка осталась до конца верной этому решению, невыгодному для России.

Архивная справка показывает что 22 апреля/5 мая 1915 г., начальник штаба юго-западного фронта г. Драгомиров, на основании

---

[10]) Дело Шт. Верх. Главноком. 369е, № 3, ч. X, л. 245.

результатов наступления армии г. Макензена в течение 19—22 апреля, пришел к заключению о необходимости немедленного отвода армии юго-западного фронта за р. Сан и выразил свои соображения в телеграфном разговоре с генерал-квартирмейстером при верховном главнокомандующем [11]); его соображения были обоснованы фактическими данными. Это предложение было отклонено ставкой; армиям было приказано удерживаться в занимаемом положении, на условной линии, к западу от р. Сан. 27 апреля/10 мая 1915 г., начальник штаба юго-западного фронта повторил свое заявление о необходимости немедленного отвода армий юго-западного фронта к востоку на р.р. Сан и Днестр, и признал создавшееся на юго-западном фронте стратегическое положение безнадежным; при этом г. Драгомировым было выражено сомнение в возможности для III армии удержаться даже и на р. Сан, так как корпуса этой армии понесли значительные потери, и противник, усилившись, развивает свое наступление с явным намерением глубокого прорыва ее фронта [12]). План дальнейших действий, представленный Драгомировым в письме начальнику штаба верховного Главнокомандующего от 27 апреля/10 мая 1915 г. [12]), не получил одобрения.

Таким образом, карпатская операция продолжала развиваться, как в видах привлечения Румынии к выступлению, так и вследствие сначала ожидаемого, а затем состоявшегося уже выступления Италии, вопреки оперативным соображениям, вытекавшим из обстановки.

От выступления Италии ожидались крупные результаты и, особенно, оттяжка австрийских сил с русского фронта, где г. Макензен продолжал развивать свое наступление.

В письме от 22 апреля/5 мая 1915 г., № 1344 [13]), Жоффр выразил верховному главнокомандующему свои ожидания, связанные с предстоящим вскоре выступлением Италии, следующими словами: «Приближение итальянского вмешательства ожидается. Два офицера, командированных генералом Кадорна, прибыли в мою главную квартиру и произвели на меня наилучшее впечатление искренностью и точностью своих заявлений. Я усиленно настаивал, чтобы срок итальянского наступления, назначенного дипломатическим протоколом самое позднее на 26 мая (13 мая ст.ст.), был несколько приближен.

---

[11]) Д. Верх. глав. 369, к, № 3, ч. XI, л. 62.

[12]) Тоже, л. л. 166-168, 230-231, 292-293.

[13]) Валентинов (см. примеч. выше) ч. I. стр. 74-75.

Они не могли принять точного обязательства в этом смысле, но они уверяли меня, что самое позднее 26 мая, а, вероятно, несколько ранее этого числа, Италия начнет наступление всеми своими силами в общем на Лейбах, оставляя против Трентино лишь завесу. Вашему высочеству, конечно, будет принадлежать в совещаниях, предстоящих в вашей главной квартире с представителем Италии, определение согласования действий русской, сербской и эвентуально румынской армии на общем их театре военных действий против Австро-Венгрии...».

... «Я в будущем предвижу возможность непосредственного сотрудничества французских армий с итальянскими лишь в случае, если успехи последних—с одной стороны, и положение на нашем собственном театре — с другой, поведут нас к рассмотрению возможности диверсии, например, в южной Германии. Эта эвентуальность мне кажется еще далекой. Было бы, конечно, весьма желательным, чтобы военное вмешательство Италии дало себя знать возможно скорее. Я нахожу, однако, что так, как оно происходит, и не высказываясь об его действительном значении, оно не может не иметь значительных последствий, заставляя наших противников ослабить их силы, уже сильно растянутые на их различных фронтах...».

Жоффр в этом письме нарисовал картину будто-бы предстоящих вскоре совместных действий против Австро-Венгрии русской, сербской, итальянской и даже румынской армий. Конечно, с такой точки зрения вскоре ожидаемое выступление Италии являлось бы ближайшим облегчением нашего положения в Галиции и в Карпатах; выступление Румынии (эвентуально) рисовалось бы дальнейшей подмогой... В письме делается намек на возможность согласования действий скорее русской армии с итальянской, чем итальянской и французской.

Такие перспективы были приняты нашей ставкой «на веру»: проблематическое выступление Румынии, состоявшееся только 27 августа/9 сентября 1916 года против Австро-Венгрии, 29 августа/11 сентября 1916 года против Турции и 31 августа/13 сентября 1916 года против Германии и Болгарии, дало повод признать карпатскую операцию 1915 г. «главнейшею»; выступление Италии, ожидавшееся 13/26 мая 1915 г., в самый тяжелый период карпатской операции, подавало надежду на оттягивание австро-венгерских войск с нашего фронта. Но подобно тому, как выступление Румынии явилось обманутою надеждой по отношению к карпатской операции, ибо произошло гораздо позже, так и выступление Италии не принесло нам того облегчения, которого мы вправе были ожидать,

по уверениям союзников, в самый тяжелый период борьбы с армией г. Макензена — в Галиции и на Карпатах.

В ответном письме Жоффру, спустя почти месяц, 16/29 мая 1915 г., № 2423 [14]), верховный главнокомандующий пишет: «Я с удовольствием узнал, что вы имеете намерение продолжать энергичное наступление на западном фронте. Развитие этого наступления мне кажется сейчас облегченным, не только благодаря переброске германских войск на наш фронт, каковая достигла уже по крайней мере количества девяти дивизий пехоты, но также благодаря вмешательству Италии, к счастью ставшему осуществившимся фактом. Это вмешательство осталось пока как будто без большого влияния на число войск, направленных против нас, так как энергия их действий нисколько не уменьшилась. Представляется поэтому возможным, что противники, вынужденные сосредоточить силы против Италии, составят их, главным образом, из частей, снятых с западного фронта». Вот причина, по которой и выступление Италии не облегчило нашего положения в карпатской операции: вероятнее всего, что наши противники большую часть сил, направленных против Италии снимали с французского фронта и тем облегчали положение только наших западных союзников.

Таким образом, выступление Италии послужило облегчением положения на англо-французском фронте, так как оно имело своим последствием уменьшение сил противника на этом фронте.

Верховный главнокомандующий, отклонив план ген. Драгомирова, основанный на фактах развития карпатской операции после 22 апреля/5 мая 1915 г., в надежде на ближайшую помощь со стороны итальянской армии на дальнейшее вступление в действие румынской армии, — довел напряжение сопротивления наших войск наступлению г. Макензена до высшего предела, за которым наступила потеря их боеспособности и неизбежная необходимость непрерывного отступления. Выступление Италии повлияло на карпатскую операцию в том смысле, что создало во мнении верховного главнокомандующего невозможность своевременно отказаться от этой операции и затем—надежду на помощь со стороны итальянской армии—в виде оттягивания австро-венгерских сил с нашего фронта на итальянский; эта надежда не сбылась, и наши армии, не поддержанные со стороны, понесли поражение, так как чрезмерно втянутые

[14]) Тоже, стр. 75.

в карпатскую операцию, израсходовали собственный наступательный порыв до конца.

Выгоды для России от выступления Италии и Румынии не оправдались в действительности, и потому карпатская операция, связанная с этими выступлениями, оказалась нецелесообразной для нас во всех отношениях, если не считать непосредственного ее влияния на положение наших западных союзников, выразившегося в уменьшении германских сил на англо-французском фронте.

Заключение.

Заключая все вышеизложенное, необходимо отдать себе ясный отчет в следующем.

В основе Мировой войны 1914—18 г.г. лежит борьба Франции на сокрушение могущества Германии, под прикрытием которого Германия постепенно стремилась к достижению экономического превосходства; к этой борьбе присоединилась Англия по причинам того же порядка. Популярность войны с Германией среди населения Франции в значительной мере поддерживалась идеей «реванша» за поражение Франции в 1870—71 г.г.

Таким образом, безошибочно можно утверждать, что со времени образования франко-русского соглашения, твердо установилось представление, что главная роль в борьбе с Германией будет принадлежать Франции; на долю России выпадала роль второстепенная, вспомогательная, состоящая в притягивании на себя хотя бы части германских сил и в борьбе с Австро-Венгрией, которая, несомненно, выступит против России, как только завяжется борьба между Германией и Францией.

В связи с этим установилось, что западно-европейский театр, франко-германский, является главным театром военных действий и что французской армии, поддержанной теми или иными ее союзниками, будет предстоять главная роль в поражении Германии. Между тем, западно-европейский театр, к началу войны 1914—18 г.г. представлял из себя укрепленный фронт, образуемый крепостями, находящимися во взаимной связи,—со стороны Франции, и такой же фронт—со стороны Германии. К такому театру военных действий были совершенно неприложимы основы той стратегии, которая являлась в это время господствующей и которая выработалась по опытам войн XIX столетия, войн подвижных, маневренных. При всякого рода исследованиях возможных действий на западно-европейском театре, его укрепленные фронты принимались во внимание; столкнувшись с их влиянием, военная мысль всегда искала выхода в рассуждениях относительно возможности обхода этих укрепленных

фронтов; таким обходом, через Бельгию, и началась война 1914 — 1918 г.г.

Однако, военная мысль в своих исследованиях оказалась недостаточно проникновенной и не углубилась в раз'яснение вопроса о том, во что же может вылиться борьба на западно-европейском театре, если обходом крепостных фронтов с той или другой стороны не будет достигнуто решение кампании. Вера в решающее значение обходного маневра была настолько глубока, что создалось даже убеждение, будто война на Западе должна закончиться в 3—4 месяца...

Иначе говоря, военная мысль упустила из виду возможность того положения столкнувшихся сторон, которое во время самой войны 1914—1918 г.г. получило название позиционной войны, затянувшей всю кампанию вместо четырех месяцев на четыре года.

Если принять в основание, что конечной целью действий держав Согласия являлся разгром Германии и притом, разумеется, в кратчайший срок, так как длительная война невыгодна во всех отношениях, то следует признать, что в этой задаче—западно-европейский театр был действительно главным театром Великой европейской войны только до тех пор, пока здесь возможен был ее маневренный характер. С того времени, когда на этом театре выявилась так называемая позиционная война, — западно-европейский театр перестал быть главным театром европейской войны, потому что доступы к жизненным центрам Германии сделались наиболее трудно доступными именно с этого театра военных действий, т.-е. с этого театра трудно было нанести Германии смертельный удар. Только ревнивое упорство Франции, которая решила своим собственным оружием добиться успеха над Германией, втянуло державы Согласия в четырехлетнюю войну, со всеми ее тяжкими последствиями как для победителей, так и для побежденных. Это упорство имело своим последствием признание франко-германского театра военных действий все-таки главным театром и в период позиционной войны, тогда как на самом деле с самого начала позиционной войны этот театр утратил свое главенствующее значение.

Достигнуть решения всей кампании путем успеха на второстепенном театре, без сомнения, возможно; но это достижение дается слишком тяжелым напряжением: приходится сосре-

доточивать чрезмерно большие силы, затрачивать слишком много времени, расходовать чересчур большие технические средства; следовательно,—нести слишком чувствительные и притом излишние потери во время военных действий и ввергать воюющие государства во все тяжкие потрясения, неразрывно связанные, как учит опыт мировой истории, с каждой кампанией, чрезмерно затянувшейся.

Военное искусство состоит в решении проблемы каждой войны с наименьшим трудом и малою кровью. К достижению верных и быстрых решений в каждой войне существует единственный путь, а именно — ясное представление в каждый период войны о том, какой именно театр военных действий является главным и потому—на каком именно театре в данный период войны надлежит искать решений всей кампании, посредством сосредоточения и введения в дело превосходных сил и средств, с уверенностью в том, что достижение успеха на главном театре является вместе с тем решением проблемы всей кампании. Таким образом, один и тот же театр военных действий, вообще говоря, не может оставаться главным во все периоды войны.

Какой же театр военных действий сделался действительно главным с того времени, когда — после операции на Марне — англо-французская и германская армии перешли к позиционной войне?

Для ответа на этот вопрос припомним, что в конце сентября и в октябре 1914 г., по требованию союзников, русские армии повели наступление со средней Вислы в плацдарме левого ее берега; это наступление было приостановлено ударом армии ген. Макензена со стороны Торна, в обход правого фланга наших армий, действовавших на левом берегу Вислы. Обход привел к Лодзинской операции, которая окончилась в ничью, благодаря слабости нашего Ловичского отряда, наскоро собранного и двинутого тремя колоннами для противодействия обходу армии ген. Макензена, готового уже обратиться в окружение наших право-фланговых корпусов, действовавших к западу от Вислы. В двадцатых числах ноября 1914 г., наши II и V армии вышли из боя и благополучно отошли за р.р. Бзура и Равка.

В течение декабря 1914 г. германцы сделали несколько попыток прорваться к Варшаве; это повело к провопролитным боям на Бзуре и Равке, у Боржимова, Болимова и Воли Шидловской; прорыв к средней Висле германцам не удался; наши армии удержали свое положение. К концу декабря 1914 г. германцы, видимо, ослабев, прекратили свои атаки. Главнокомандующий армиями северо-западного

фронта ген. Рузский считал лодзинскую операцию и последовавшие за нею бои на р.р. Бзуре и Равке «подготовкой» к решительному удару для окончательного сокрушения германцев на левом берегу Вислы, к северу от р. Пилицы. Для осуществления этого решительного удара г. Рузский просил ставку о переброске в северо-западный фронт с юго-зап. несколько корпусов, имея в виду, что положение дел на юго-западном фронте вполне допускало такую переброску. По тем или иным причинам, но такая переброска корпусов не состоялась; между тем силы с.-з. фронта были настолько истощены, что решительная атака его собственными силами представлялась совершенно невыполнимой.

На совещании 4—17 января 1915 г. в г. Седлеце атака на левом берегу Вислы была признана несоответствующей имеющимся в северо-западном фронте силам и боевым средствам; поэтому было решено сдерживать германцев на Бзуре и Равке, не допуская их прорыва к средней Висле, в частности—к Варшаве, и нанести германцам решительный удар в Восточной Пруссии из района Пултуск—Остроленка, действуя отсюда вновь сформированной XII армией совместно с X армией, последней — со стороны Мазурских озер. Это решение было половинчатым и даже в случае успеха не открывало пути к сердцу Германии. Сосредоточение сил XII армии, рассчитанное к определенным срокам, нарушилось: части запаздывали прибытием, германцы успели занять водоразделы между правыми притоками р. Нарев; поэтому все действия с нашей стороны выразились в лобовых атаках вдоль водоразделов, что сопровождалось крупными потерями в людях и ничтожными результатами в отношении поставленной задачи. В общем, удар в Восточной Пруссии не состоялся.

Главным театром военных действий на русско-германском фронте, в декабре 1914 года — феврале 1915 г., был северо-западный театр, потому что здесь, после длительных боев, германские силы были настолько сильно потрясены, что достаточно было с нашей стороны трех свежих корпусов, чтобы достигнуть решительного поражения германцев на левом берегу Вислы, что открывало нам путь в пределы самой Германии.

Этот же театр, и, в частности, плацдарм левого берега Вислы был в то время главным театром всей Европейской войны. И вот почему:

Во-первых, подступы к центральным областям Германии из плацдарма левого берега Вислы, через Польшу, были в достаточной мере открыты, так как имеющиеся здесь германские крепости не представляли из себя такого сплошного фронта, как на французской границе.

Во-вторых, германские силы в этом плацдарме были незначительны; если бы, под угрозой решительного удара, германцы сняли крупные силы со своего западного фронта, то это дало бы возможность англо-французам с успехом развить свои наступательные действия — одновременно с ударом, наносимым на левом берегу Вислы.

В-третьих, австро-германская армия в это время еще не успела оправиться после поражения, нанесенного ей русской армией в галицийской битве, вследствие чего наш левый фланг находился в полной безопасности.

В-четвертых, удар на левом берегу Вислы, в случае успеха, создавал непосредственную угрозу внутренним областям Германии и потому вернее и проще решал вопрос о полном сокрушении Германии, которое являлось основной проблемой войны.

Стратегия союзников не посчиталась с этими соображениями; в то же время их политика создала условия, еще более усиливающие вредное влияние этой стратегической ошибки тем, что продиктовала русскому верховному главнокомандованию карпатскую операцию, утвержденную им ради побуждения к выступлению Италии и Румынии.

Таким образом, вместо нанесения решительного удара на левом берегу Вислы, и затем устремления всех сил в центральные области Германии, получился длительный процесс позиционной войны на Западе, авантюристическая карпатская операция на юго-западном фронте и немощная попытка нанести германцам удар в Восточной Пруссии.

Карпатская операция явилась отвлечением русских сил от главной задачи сокрушения Германии, к несбыточному фантастическому походу на Берлин через Буда-Пешт и Вену, нелепому по своему стратегическому замыслу, но удовлетворявшему запросам политики наших западных союзников. Эта авантюра стоила России потери боеспособности лучшей половины ее вооруженных сил и, конечно, уменьшила потери союзников, так как значительные силы германцев, как известно, были оттянуты в Карпаты и Галицию.

Попытка нанесения удара в Восточной Пруссии, благодаря подготовке карпатской операции, была осуществлена недостаточными силами, при недостатке технических средств, так как лучшие силы остались в юго-западном фронте, куда направлялась и большая часть всякого рода технических средств.

Для нанесения решительного удара на левом берегу Вислы, в январе 1915 г., могли быть сосредоточены достаточные силы переброской с юго-западного фронта; не хватало тяжелой артиллерии, снарядов, патронов и некоторых технических средств.

При широком и правильном понимании державами Согласия основной проблемы войны, состоящей в сокрушении Германии, безразлично кем-либо из держав Согласия и на каком бы то ни было театре,—наши западные союзники должны были сосредоточить на главный театр военных действий, т.-е. в плацдарм левого берега Вислы превосходную тяжелую артиллерию и прочие технические средства, и настаивать не на авантюристической карпатской операции, а на сосредоточении наших сил также в плацдарме к западу от средней Вислы, для нанесения здесь сокрушительного удара германцам, достаточно подготовленного боями варшавской и лодзинской операции, и также боями на р.р. Бзуре и Равке.

Но... они этого не сделали; не сделали потому, что они, видимо, думали не только о сокрушении Германии, но и о том, что сокрушивший Германию союзник получит в будущем слишком большое влияние в Европе, и что сильная Россия вообще нежелательна для Западной Европы... Соображения чистой стратегии Мировой войны были принесены в жертву этим побочным, узким соображениям эгоистического склада.

Наши западные союзники затянули войну; наше слабое правительство оказалось неспособным потребовать от их стратегии более правильных решений, и не смогло отстранить от себя давления их политики на нашу стратегию, давления, разрушившего все наши стратегические планы, с явным ущербом для России, как это резко проявилось в карпатской операции.

А. БАЗАРЕВСКИЙ

ВЛИЯНИЕ ДЕРЖАВ СОГЛАСИЯ НА ВЫСТУПЛЕНИЕ РУМЫНИИ И НЕВЫГОДЫ ЭТОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ РОССИИ.

Выгоды выступления Румынии на стороне держав Согласия для Франции и Англии. — Полная возможность сохранения Румынией нейтралитета.—Выгоды для России от сохранения Румынией нейтралитета.— Настояния Антанты. — Выступление Румынии и его тяжкие последствия для России. — Тяжелые жертвы со стороны России принесли Франции и Англии неоценимую помощь. :: ::

Выгоды выступления Румынии на стороне держав Согласия для Франции и Англии.

С началом Мировой войны Румыния колебалась, не зная на чьей стороне выступить, кто больше даст и что ей выгоднее. Она явно стремилась к тому, чтобы принять участие в борьбе только тогда, когда будет обеспечено достижение ее целей без тяжелой длительной борьбы с сомнительным исходом, а просто — ударом в спину слабеющей стороне...

Для держав Согласия выступление Румынии против центральных держав было выгодно. Поскольку для России минусы такого выступления, чисто с военной точки зрения, значительно перевешивали плюсы, постольку для Франции, Англии и Италии об'явление войны Румынией минусов не имело и было выгодным во всех отношениях.

Выступление Румынии на стороне держав Согласия означало, благодаря выгодному ее географическому положению, политическую победу дипломатии Антанты над Германией, новое соотношение сил на Балканах в пользу держав Согласия создавало моральные предпосылки для поддержания воинственного настроения в народе и в армии; закрывало для Германии пользование продовольственными и сырьевыми рессурсами Румынии; давало приращение военных сил держав Согласия; ослабляло Тройственный Союз, вынужденный растянуть свой фронт и отвлекать войска из Франции, Бельгии, Македонии, Италии, Палестины, Месопотамии, где войска враждебной державам Согласия коалиции стойко сопротивлялись; могло бы дать возможность развивать военные действия в операционных направления, чрезвычайно опасных для центральных держав— на Софию [1]), Константинополь, Будапешт, в обход и тыл укрепленным позициям противника; облегчало положение салоникского союзного фронта и Сербии; при успешных военных действиях могло бы прервать путь Германии в Азию, а это означало бы экономическую

---

[1]) Приложение № 7.

изоляцию центральных держав и осуществление блокады их в полной мере и проч.

Но все это могло быть достигнуто, как совершенно ясно было тогда русскому верховному командованию, руками не румын, а русских, чего, как то будет видно ниже, не оспаривали и представители Франции, Англии и Италии.

Полная возможность сохранения Румынией нейтралитета.

В случае выступления Румынии на стороне центральных держав, все военные выгоды оказались бы на стороне германской коалиции, но на это пойти Румыния не могла, так как военное положение Тройственного Союза было неустойчивым, а экономическое — крайне тяжелым. Впрочем, на выступление Румынии против держав Согласия никто в центральных государствах не рассчитывал, и они стремились лишь к поддержанию ее нейтралитета, сохранившегося с начала войны.

Близ границ Румынии до июля 1916 г. никаких сколько-нибудь значительных сил Тройственного Союза не было. Так что об угрозе Румынии со стороны германской коалиции не могло быть и речи. А между тем нажим Франции и Англии на Румынию начался уже в январе 1916 г.; Германия же в это время настаивала только на сохранении Румынией нейтралитета.

Лучшими доказательствами этого могут служить отсутствие каких-либо враждебных военных действий по отношению к Румынии со стороны Тройственного Союза до выступления ее в конце августа 1916 г., хотя германской коалиции не могли не быть известны настояния Франции и Англии на об'явлении ею войны центральным державам, а затем и показания лиц, занимавших в Мировую войну в Германии выдающееся положение. Так, описывая события конца 1915 г., Фалькенгайн говорит [2]):

... «Не будет ли целесообразнее дорогу на Восток искать не через Сербию, а через Румынию? Но мысль эту пришлось оставить. Выгоды пути через Румынию были на-лицо: освобождение Австро-Венгрии от беспокойств из-за Румынии и приобретение богатой зерном страны. Но невыгод было больше. По мнению политического руководства, не было надежды каким-либо путем привлечь Румынию на сторону срединных держав. Поэтому пришлось бы ее, как и Сер-

---

[2]) Фалькенгайн. „Верховное командование“, стр. 104, 150.

бию, брать силою оружия. Уже этот факт заставляет смотреть на предприятие, как на нежелательное. Для Германии не было смысла без особой к тому нужды создавать себе еще нового открытого врага»...

Дальше Фалькенгайн говорит [3]): «Поэтому уже весной 1915 г. пришлось рассмотреть вопрос, не будет ли целесообразным заставить Румынию силою оружия занять позицию, более отвечающую ее нравственным обязательствам? Ответ был отрицательный. Пока русский нажим в Венгрии и Галиции тяготел над Австро-Венгрией полным своим весом, какая-либо операции против Румынии или через нее была невозможна. Для этого не располагали нужными силами, хотя сила сопротивления Румынии, считаясь с недостатком у нее оружия и снаряжения, признавалась тогда невысокой»...

...«Болгария не могла вести операций против Румынии, пока ее южный и западный фланги не были обеспечены против Греции и Сербии»...

Говоря о лете 1916 г., Фалькенгайн [4]) подчеркивает относительно Румынии, что ...«опять были в ходу серьезные переговоры о присоединении (ее) к Антанте. Сделавшиеся известными фразы короля и королевы, а также некоторых из руководящих людей, не оставляли более никакого сомнения об их истинном настроении и намерениях. Одновременно также было указано, что необходимый для выступления Румынии военный материал уже отправлен через Россию.

«Однако», — продолжает Фалькенгайн, — «естественная мысль предупредить угрожающее румынское наступление своим собственным — в июне месяце не была выполнена. Такой же невыполнимой она оставалась в июле и августе. Силы и средства. необходимые для трудной наступательной операции через южные Карпаты и Трансильванские Альпы, нужны были в другом месте. Еще меньше можно было думать о том, чтобы держать их наготове для обороны в юго-восточной Венгрии»...

Таким образом, вышеизложенное совершенно ясно показывает, что до августа 1916 г. никаких реальных угроз по адресу Румынии со стороны Центральных держав не существовало, и она совершенно свободно могла попрежнему сохранять нейтралитет, продавая и продовольствие и сырье не только Герма-

---

3) Фалькенгайн. „Верховное командование", стр. 189.

4) Тоже, стр. 233.

нии и Австро-Венгрии, но и державам Согласия, как то было, например, в январе 1916 г., когда Румыния продала Англии 80 тысяч вагонов хлеба. Никто из центральных держав не угрожал Румынии и непосредственно перед ее выступлением.

Выгоды для России от сохранения Румынией нейтралитета.

Если теперь обратиться к рассмотрению вопроса о том, выгодно ли было для военных интересов России выступление Румынии на стороне держав Согласия, или же военная обстановка для России складывалась так, что сохранение Румынией нейтралитета, никем не угрожаемое, более соответствовало целям русского верховного командования, то легко прийти к заключению, что второе решение Румынии было для России выгоднее, чем первое. Действительно, в случае выступления Румынии:

1. Протяжение русского фронта, и без того достигавшее 1.300 *км*, неизбежно должно было быть продлено еще, по крайней мере, на 450 *км*, считая от Черновиц, по прямой линии, до Дуная.

Нейтралитет Румынии обеспечивал левый фланг русского фронта. Выступление Румынии на стороне держав Согласия, при неподготовленности ее к войне, вынуждало русское командование принять особые меры для обеспечения левого фланга русского фронта и юго-западной России с Бессарабией, Одессой и Николаевым.

2. Необходимо было оказать весьма существенную вооруженную поддержку Румынии, обладавшей слабой армией, численностью. в действительности, не свыше 250 тыс. бойцов, плохо организованной, отсталой, необученной, не воспринявшей опыта войны, бедно снабженной вооружением, современными техническими средствами, взрывчатыми веществами, предметами вещевого довольствия, при отсутствии тяжелой артиллерии, достаточного числа паровозов, автомобилей и проч.

3. Пришлось бы, следовательно, оказывая поддержку Румынии, не обладавшей средствами для оказания действительного сопротивления центральным государствам, ослаблять русские силы на важнейших и опаснейших операционных направлениях на Ленинград, Москву и Киев и направлять их на второстепенный, обособленный и удаленный театр военных действий.

4. Если с огромными трудностями и возможно было оказать помощь Румынии в Молдавии, то совершенно невыгодно это

было в Добрудже, тем более, что обеспечение тыла русских войск в этом случае было бы в руках недостаточно надежной румынской армии.

5. Румыния предварительным условием своего вступления в войну пред'явила требования реальной поддержки только со стороны России, ее вооруженных сил, и именно в Добрудже.

6. Для России невозможно было, при неизбежной растяжке фронта, не только собрать достаточной силы для удара против немцев или австрийцев, но и для противодействия их широким наступательным предприятиям.

7. Пришлось бы перебрасывать войска при неимоверно неблагоприятных условиях, вследствие скверного состояния румынских железных дорог и слабой их пропускной способности, а также вследствие малого числа русских железнодорожных линий [5]), подходивших к румынской территории.

8. Эти обстоятельства, а также и большие расстояния лишали возможности привлечь части, отправленные в Румынию, особенно в Добруджу, для временного усиления русских армий на главных операционных направлениях.

9. Необходимо было, поэтому, разбрасываться. А какие бы успехи ни были одержаны на второстепенном театре, — русская неудача на важнейших направлениях была бы решающей.

10. С 4-го июня 1916 г., вследствие начавшегося успешного брусиловского наступления, можно было перевозить войска лишь издалека, с фронта к северу от Полесья, а это и затрудняло, и замедляло переброску войск.

11. Необходимо было предоставить свой русский, недостаточный транспорт для перевозки имущества для Румынии из Франции и Англии через Архангельск и Владивосток на огромные расстояния— свыше 2.500 и 10.000 километров,—так как другой связи с поставщиками не было. Делать это приходилось в явный ущерб снабжения русских войск.

12. Неизбежно вызвало бы содействие румынам со стороны русского черноморского флота, что хотя и не повело бы к большим осложнениям, но во всяком случае отвлекло бы часть морских сил от главной цели действий.

Все эти доводы для русского верховного командования были тем более убедительны, что часть русских войск должна была дер-

---

[5]) Приложение № 8.

жаться наготове на случай войны со Швецией, державшейся достаточно двусмысленно; кроме того, необходимо было развивать действия в Малой Азии, в районе Эрзерума. Русскому командованию было ясно, что почти все результаты выступления Румынии могли быть достигнуты союзным салоникским фронтом, при достаточном его усилении и активных действиях, к чему Франция, Англия и Италия отнюдь не стремились, опасаясь за свои главнейшие операционные направления.

В действительности, все тяжкие последствия выступления Румынии для России оказались еще более пагубными, чем это предполагалось до об'явления ею войны.

Настояние Антанты.

Все эти доводы не держались русским верховным командованием в секрете, а неоднократно были доводимы до сведения ген. Алексеевым и его представителями начальникам иностранных военных миссий при штабе верховного английских генералов Уотерса, а после Вилльямса, и итальянского главнокомандующего, французских генералов По, а затем Жанена, ген. Ромеи при личных свиданиях, а также и в многочисленных документах, часть коих в копиях прилагается, и адресованных им генералу Жоффру, ген. Робертсону, начальнику британского генерального штаба, французскому военному агенту в Ленинграде ген. маркизу де-Лягиш, представителям русского верховного командования при главных квартирах французской (ген. Жилинскому) и итальянской (полк. Энкелю) армий, русскому военному агенту в Бухаресте, полк. Татаринову, а также и русскому министру иностранных дел Сазонову.

Между прочим, некоторые из иностранных представителей при переговорах и в письменных сообщениях старались убедить ген. Алексеева, что выступление Румынии выгодно и полезно, главным образом, для России [6]), и, что, если они и стараются побудить румын вступить в войну, то только из-за их желания помочь России, что, как видно из вышеизложенного, отнюдь не соответствовало действительности.

Из письменных сообщений ген. Алексеева представителям иностранных армий, в коих излагались то те, то другие доводы, можно отметить нижеследующие: 1 февраля — ген. По [7]) о невозможности послать 200 тыс. русскую армию для защиты Добруджи, слишком тесной для такой армии и отвлекаемой на удаленный, второстепенный театр.

---

[6]) Приложение № 1 (Военно-ученый архив. Дело № 62, ч. 11).

[7]) Военно-ученый архив. Дело штаба верх. главноком. № 3, ч. 20.

Почти исчерпывающий ответ, затрагивавший невыгоды для России выступления Румынии на стороне держав Согласия, был дан ген. Алексеевым ген. По, 8-го марта 1916 г.

Последний 3 марта довел до сведения ген. Алексеева содержание телеграмм, полученных им от ген. Жоффра [8]), сущность которых заключалась в нижеследующем: ген Жоффр настаивает на чрезвычайно важном значении совместных действий с Румынией, которая не была бы в состоянии оказать серьезного сопротивления категорическому требованию наших противников [9]), и, которая не смогла бы ответить отказом на вполне возможный и вероятный ультиматум Австро-Германии. При этом Жоффр считал, что выступление Румынии возможно, если румынское правительство сможет рассчитывать на немедленное содействие русской армии. «Нет такой цены, за которую мы не должны купить содействие Румынии», — писал Жоффр. От России при этом требовались следующие меры: выработка общего плана операций для обеих армий; большие русские силы для совместных с румынской армией действий на границах Румынии; предварительное сосредоточение русских сил по близости от румынской границы; обеспечение гарантий в приобретении территориальных приращений в Буковине и Трансильвании.

Провести эти предположения в жизнь Жоффр предполагал таким образом: Румыния, согласно ее желанию, берет на себя ведение операций в австрийских провинциях, а на Россию возлагаются операции в районе Дуная, с наступлением в пределы Болгарии силами около 200.000 — 250.000 человек. Наступление их не могло не быть успешно при одновременном наступлении от Салоник на Софию англо-французского экспедиционного корпуса.

В общем, ген. Жоффр полагал, что необходимость активного на стороне союзников выступления Румынии должна была иметь решающее значение, и следовало отбросить всякие соображения второстепенной важности, как-то: достоинства плана кампании, каковое обстоятельство, по мысли Жоффра, не могло явиться причиной несговорчивости России.

---

8) „Стратегический очерк войны 1914-1918 г.г. Румынский фронт" Изд. ВВРС, 1922 год, стр. 52.

9) А единственное требование их заключалось в том, чтобы Румыния продолжала сохранять нейтралитет. См. выше.

8-го марта ген. Алексеев ответил генералу По на записку от 3-го марта [10]), что, бесспорно, присоединение Румынии к нашему союзу составило бы важнейший фактор [11]) в развитии настоящей войны: поэтому, новому нашему военному агенту в Бухаресте, полковнику Татаринову, была поставлена задача выяснить взгляды и пожелания румынского правительства и военного министерства и установить основы военного соглашения.

«Первое донесение, — писал Алексеев генералу По, — полученное от полковника Татаринова, давало право предполагать, что стремления Румынии направлены к сохранению нейтралитета до той минуты, пока успех не склонится решительно на сторону нашего союза и не обеспечит румынам достижения их политических целей, без тяжелой, длительной борьбы, с колеблющимся, иногда сомнительным исходом».

«Эта основная черта румынской политики, — продолжает Алексеев, — обозначилась совершенно определенно. Только когда балканская кампания закончилась полным успехом для наших противников [12]), когда на Балканах были значительные германо-австрийские силы, когда со дня на день ожидали оставления союзными войсками Салоник, когда противник считал возможным привлечь турецкую армию к общим действиям на европейском театре войны, — Румыния сочла себя угрожаемой, ожидала пред'явления ей ультиматума со стороны Германии и впервые высказала более или менее определенно свои требования, при исполнении коих она выступит в числе наших союзников.

Но общая обстановка с той минуты сильно изменилась. На Балканах осталось ничтожное количество германских войск; австрийские войска—в Албании и Черногории; союзные силы, заняв прочное положение у Салоник и на Халкидонском полуострове, сковали свободу действий болгарской армии, которая, притом, не обнаруживала стремлений развивать дальше свои активные предприятия и имела перед собой задачу обеспечить себе сделанные завоевания; события в Малой Азии, закончившиеся взятием Эрзерума, исключили вероятность привлечения турок к боевым действиям на европейском материке».

---

[10]) „Стратегический очерк войны 1914-18 г.г. Румынский фронт“, Изд. ВВРС, 1922 года, стр. 60.

[11]) Фактор, как выше указывалось, несомненно важный, но для русских военных интересов невыгодный

[12]) Повидимому, ген. Алексеев упоминает о разгроме Сербии.

«Можно было сказать, — писал Алексеев, — что Румынии никто не угрожал и руководитель ее политики снова мог проводить в жизнь свою идею (и действительно проводил)—принять участие в борьбе только тогда, когда будет обеспечено достижение цели. В этом сказывалась не слабость или колебание руководителя политики, а очень верный расчет представителя государства, хотя и несильного в военном отношении, но находящегося в выгодном положении и сохранявшего возможность применить свою вооруженную силу только тогда, когда это было ему полезно».

«Такова моя ориентировка, существенно отличающаяся от изложенной в записке от 3 марта (полученной Алексеевым от По). Следовательно, привлечение Румынии к нашему союзу теперь же требует безусловного и в полном об'еме выполнения ее пожеланий, которые пред'являются в существенной своей части исключительно к России и к ее вооруженным силам.

«Выработка соглашения и общего плана действия возложена, как выше сказано, на полковника Татаринова, от которого еще не получено донесений, так как переговоры находятся в первоначальном периоде. Я могу, следовательно, говорить об этом вопросе, основываясь на разговоре с г. Филипеско [13]) и на записях генерала Лягиша, и его превосходительства начальника военной миссии».

Суть требований Румынии заключается,—по мнению Алексеева,—повидимому, в следующем:

а) Немедленное сосредоточение русской армии, силою в 250.000. на румынской границе; армия меньшей силы не отвечает пожеланиям румын.

б) При об'явлении войны армия эта выступает в Добруджу и обеспечивает южную границу Румынии. Только наступательные действия в Болгарии против германо-болгарских войск вполне обеспечат румынскую армию с левого фланга и отчасти с тыла.

в) Театром военных действий главных сил румынской армии должны служить Буковина и Трансильвания, что позволяло бы, путем занятия этих провинций, надежно обеспечить осуществление румынских стремлений.

«Полагаю,—продолжает Алексеев,—что в политическом отношении никаких затруднений не встретится, так как ни Трансильвания, ни Буковина не составляют предмета вожделений России».

---

[13]) Министр финансов Румынии.

«Суть сводится к тому, чтобы свыше семи корпусов русских вооруженных сил снять с главных операционных направлений, ослабить себя на самых существенных участках, и без того растянутого на 1.300 километров своего стратегического фронта, и отправить их на обособленный и удаленный театр военных действий, который в общем ходе войны занимает все-таки второстепенное значение. И все это сделать, когда противник все свои усилия снова сосредоточивает на западном и восточном фронтах и здесь имеет в виду искать решения участи войны.

«Мы лишены будем возможности собрать на фронте против Германии и Австрии необходимые силы для нанесения решительного удара, ибо отправим весьма сильную армию (250.000 бойцов) для выполнения наступательной операции на Балканах. Мы должны будем обречь себя на опасно-пассивное прикрытие границ наших и направлений на Петроград и Москву.

«Мы не можем быть уверены, что вступление в борьбу Румынии (если бы это вступление состоялось, в чем уверенности быть не может) отвлечет на Трансильванскую границу более или менее существенные силы австрийцев и облегчит выполнение решительной наступательной операции нашему юго-западному фронту.

«Пример Италии не дает нам права на уверенность в этом.

«Удаленность балканского театра лишает нас возможности привлечь из отправленных туда 6—7 корпусов какую-либо часть для временного усиления наших армий на главных операционных направлениях, вследствие больших расстояний и неудовлетворительности путей».

«Неужели все это, — писал Алексеев, — не противоречит ни одному из основных принципов военного искусства [14])? По моему мнению, мы разбросаем свои силы, будем гоняться за многими целями, прежде чем достигнем главной, основной, против главного врага. Какие успехи мы ни одержали бы на второстепенном театре, наша неудача на важнейших направлениях все-таки будет означать общую неудачу русской армии. Победа нашей армии над германской армией

---

[14]) О чем говорил Жоффр в записке от 3 марта, на которую отвечает Алексеев.

разрешит и румынский вопрос; только тогда Румыния присоединится к нам, и мы получим возможность отправить необходимые силы для наступательной операции на Балканах и против Турции.

«При оценке стратегического положения русской армии нужно принимать во внимание не только ее растянутый стратегический фронт, но и: а) необходимость иметь наготове часть сил для войны со Швецией и б) усилить существенно наши войска на Кавказе соответственно расширению театра действий и направлению значительных турецких подкреплений в Малую Азию.

«В ноябре 1915 г. у нас в Бессарабии была сосредоточена сильная армия, и, однако, это не подвинуло Румынию в ее решении выйти из нейтрального положения. Разве мы можем ручаться, что, вновь собрав там 250.000 бойцов и выведя их из боевых линий в важнейшие минуты, мы поставим Румынию перед совершившимся фактом и заставим ее об'явить войну? Опыт минувшего не дает такой уверенности. Для чего же в решительную минуту мы будем иметь 250.000 бездействующих солдат?

«В этом вопросе расчет должен преобладать перед гадательными предположениями, из области которых мы не выйдем до тех пор, пока полковник Татаринов не представит результата своих реальных переговоров с румынским военным министерством. Причиной несговорчивости России по принятию предложений и плана Румынии могут явиться соображения не второстепенной, а первостепенной важности, именно установления плана, опасного и вредного для нашей армии и грозящего ей неуспехом на Двине или на направлении к Москве.

«Ответствуя прежде всего перед Россией, я не имею права представить на благоусмотрение государя императора план, который, ставя на первое место цели второстепенные, поставил бы в опасное положение русскую армию на жизненных для нее направлениях. Мы не можем отправить 250.000 бойцов на Балканы: это противоречит основным требованиям военного дела. Мы можем обеспечить Добруджу, левое крыло румын, а затем остальные войска иметь на юго-западном фронте для действий плечо к плечу с правым крылом румын. К этому нужно прибавить, что Болгария пока не думает грозить Румынии, ничем не высказывает своих стремлений занять Добруджу и вторгнуться в Бесса-

рабию. Какая же цель нам расходовать свои силы именно теперь на Балканскую операцию, когда эти силы можем с большей пользой применить на главном театре? Таковы инструкции, данные полковнику Татаринову, на основании которых им ведутся переговоры. До получения от него донесений о ходе этих переговоров, я не считаю возможным продолжать изложение своих соображений, основанных только на предположениях. Убежден в том, что в отношении Румынии теперь более важно искусство дипломатии, чем составление плана войны, которой Румыния пока совершенно не желает. Когда же она действительно признает нужным воевать, то выработка соглашения не составит труда».

Однако, Жоффр был настойчив.

14-го апреля он телеграфировал генералу По [15]): «обратите внимание ген. Алексеева на то, что все усилия русской [16]) и французской дипломатии направлены в настоящее время к тому, чтобы добиться выступления Румынии в момент предстоящего нашего (французского) наступления, и что это является фактором чрезвычайной важности, который необходимо учитывать при выборе того или иного решения».

О невыгодах выступления Румынии ген. Алексеев неоднократно писал и русскому министру иностранных дел Сазонову и русским военным представителям за границей.

Так, 26 января он, на запрос Сазонова, писал, что оказание помощи Румынии ляжет исключительно на наши плечи, что, с чисто военной точки зрения, нам выгоднее было бы принятие Румынией нейтралитета, даже с демобилизацией армии, что обеспеченный нейтралитет прикрывал сам по себе нашу границу от Черновиц до Дуная, сокращал наш стратегический фронт, освобождая от разброски сил и давая возможность избегнуть непосредственной борьбы с болгарами.

7-го февраля генерал Алексеев снова писал Сазонову, что если мы примем обязательство собрать в Добрудже 200 тыс. русскую армию, то мы должны будем собрать и другую, достаточной силы армию, дабы обеспечить обнаженное левое крыло нашего юго-запад-

---

[15]) „Стратегический очерк войны 1914-1918 г. г. Румынский фронт". Изд. ВВРС, 1922 года, стр. 66, 50 и 51.

[16]) Сомнительно, так как все мотивы против выступления Румынии, генер. Алексеев сообщил и русскому министру иностранных дел Сазонову.

ного фронта, прикрыть пути на Одессу, Николаев с северо-запада и обеспечить тыл и правый фланг румынской армии.

«Откуда мы возьмем эту новую армию»?—спрашивает Алексеев: — с Петроградского и Московского направлений. С главных направлений мы искусственно переместим центр тяжести на направление второстепенное, в явный ущерб будущей кампании...» —Силы наши,—продолжает Алексеев, — для громадного фронта ограничены, и с легким сердцем нельзя отправлять армии туда, куда *влекут нас союзники* настоящие и, возможно, будущие».

4 марта русский посол в Париже телеграфировал [17]), что французское правительство было очень озабочено известием о разногласиях между нами и румынами, возникающими вследствие нашего, якобы, стремления направить их силы против Болгарии, тогда как они настаивали на том, чтобы им было предоставлено действовать, главным образом, в пределах Буковины и Трансильвании.

Французское правительство так сильно опасалось последствий возможного разрыва переговоров, что даже президент телеграфировал об этом непосредственно Николаю II [17]).

5 марта Алексеев сообщал Сазонову [17]), что он не согласен с доводами Жоффра относительно выступления Румынии и формы помощи, какую должна была оказать ей Россия, что неустранимого противоречия взглядов между Румынией и Россией еще не обнаружилось. Но, повидимому, в это серьезное дело капитаном Пишоном, французским военным агентом в Бухаресте, вносилась неуместная нервность, скороспелость. Прием обращения к царю указывал *на стремление французского правительства навязать нам свою точку зрения и вынудить совершенно невыгодное и опасное, с военной точки зрения, решение.*

Министр финансов Румынии, Филипеско, генералы По и Лягиш определенно указывали на желание союзников,—писал Алексеев,— отправить 250 тысяч наших войск воевать против болгар и помогать румынам завоевать Трансильванию и Буковину»...

«По долгу службы перед Россией и государем, — продолжал Алексеев, — я не имею права доложить верховному главнокомандующему о необходимости принятия такого плана и присоединиться к такой авантюре. Другим наименованием я не могу определить предпо-

---

[17]) „Стратегический очерк войны 1914-1918 г. г. Румынский фронт". Издание ВВРС, 1922 года, стр. 56.

лагаемого плана, при данной обстановке и условиях. 250.000 человек — около $^{1}/_{7}$ части наших войск. Наш фронт тянется на 1.200 верст; нам предлагается растянуть еще верст на 600. Наши союзники настойчиво проводят мысль, что только успех на главном театре, т.-е. на своем французском фронте, даст победу, и потому там именно на 700 *км* имеют около 2 миллионов французов и 40 дивизий бельгийцев и англичан; они скупы на всякие выделения на второстепенные театры. Нам горячо советуют ослабить на 6—7 корпусов наш западный фронт—пути на Петроград, Москву и Киев — и взять на свои плечи новую сложную операцию на Балканах, ранее ослабления германцев и австрийцев и до убеждения, что союзники будут способны начать какие-либо серьезные операции, на что пока надежд нет... наша победа над немцами решит и румынский вопрос; по достижении нами успеха на путях к Петрограду и Москве, можно думать об отправлении армии на Балканы, но до этого времени все наши усилия должны быть сосредоточены на жизненнейших для нас участках фронта.

«Присоединение теперь же к румынским и французским планам ослабит нас, непомерно растянет нашу армию, лишит возможности не только собрать достаточные силы для удара против немцев и австрийцев, но и для противодействия их предприятиям к Петрограду и Москве. Это основное положение я не имею права упустить из виду в моих докладах его величеству, и с этой точки зрения не могу сойти, пока буду занимать настоящую должность.

«Первая телеграмма полковника Татаринова, которую я (Алексеев) сообщил вашему высокопревосходительству (Сазонову), говорит о том, что румыны решатся самостоятельно на войну только тогда, когда союзники на всех фронтах перейдут к наступательным действиям [18]). Для нас это при современных условиях наилучший вывод. Рассчитывать, что на румын нападут, оснований мало, ибо большая часть сил германцев с Балканского полуострова уже оттянута, а приближающаяся весна с решительными событиями на русском и французском фронтах, конечно, заставит обоих противников отказаться на время от развития операций на удаленных второстепенных театрах.

Вот ряд соображений, из коих вы изволите усмотреть, насколько отвечает нашим истинным интересам отвлечение сильной армии на Балканы. Обеспечение же наших южных губерний на маловероятный

---

18) Слова Братиано, сказанные полк. Татаринову 17 февраля в Бухаресте („Стратегический очерк войны 1914-1918 г. г. Румынский фронт". Издан. ВВРС, 1922., стр. 51).

случай движения германо-болгарских сил через Добруджу к Одессе нами принимается во внимание. Рассчитывать теперь на то, что в таком движении примут участие и турецкие войска, после событий на Кавказе [19]), едва ли основательно».

Из этих сообщений генерала Алексеева видно, каков был характер инструкций, дававшихся полковнику Татаринову и генералу Жилинскому.

Последнему генерал Алексеев 29 апреля, между прочим, сообщал [20]), что Румыния предпочитает сохранить свободу действий и опасается примкнуть к нам до той минуты, пока обстановка не выяснит окончательно, что это для них выгодно и безопасно.

При этом Алексеев говорит, что требования Румынии растут, что ею пред'является уже новое требование—до начала румынскими войсками наступления, русские войска должны овладеть районом Рущука, ибо без этого румынская армия не могла считать обеспеченным свой тыл и левый фланг.

Даже если бы мы приняли такое невозможное обязательство, то «это повлекло бы за собой какое-либо новое мало выполнимое требование со стороны румын, чтобы оттянуть решение и не связывать себя конвенцией». Чем больше французская дипломатия, а особенно капитан Пишон стремились привлечь румын, тем более последние переоценивали свое значение и важность присоединения их к союзу, и тем более повышали требования.

Это обстоятельство, а также невыгоды вовлечения Румынии в войну побудили генерала Алексеева дать полковнику Татаринову наставление [20]) держать себя спокойно, корректно, вести переговоры, но ясно показать, что мы не стремимся вовлечь румын в войну.

Между тем наступила весна. Серьезные операции на русском и французском фронтах создали к середине июня для союзников обстановку, весьма благоприятную. Французы имели успех под Верденом. Успешное наступление русского юго-западного фронта привело левофланговую IX русскую армию, действовавшую близ северной границы Румынии, на фронт Нижнюв, Делатынь [21]), при чем наступление продолжалось на Станиславов, Галич. Болгарская армия была поставлена в необходимость сосредоточить свои силы на салоникском

---

[19]) Взятие Эрзерума.

[20]) „Стратегический очерк войны 1914-1918 г. г.“, изд. ВВРС, стр. 66, 67.

[21]) Приложение № 8.

фронте. Трансильвания была занята лишь слабыми отрядами австрийского гонведа. На эту обстановку, столь благоприятную для выступления Румынии, указывал Жоффр, который в своей телеграмме генералу Алексееву и французскому военному агенту в Бухаресте от 28 июня [22]) подчеркивал, что все условия, ставившиеся Румынией для ее выступления на стороне Антанты, соблюдены, настаивал теперь на немедленных активных действиях. В то же время Алексееву стало известно из упомянутой телеграммы от 28 июня, а также из других источников (от полковника Татаринова), что генерал Илиеско написал Жоффру следующее: «Я готов немедленно установить месяц и число первого дня мобилизации на 40 дней ранее, в который мне будет гарантировано прибытие в Яссы первого поезда с огнестрельными припасами. Мне нет необходимости запрашивать мнение г-на Братиано, чтобы дать вам это заверение, мы с ним вполне солидарны, и я отвечаю за короля».

26 июля Пуанкаре снова телеграфировал [23]) Николаю II, настаивая на скорейшем заключении соглашения между Россией и Румынией о выступлении последней, а следовательно и на помощи, которую русская армия должна оказать румынской.

Таким образом, военная обстановка сложилась так, что Румыния могла смело рассчитывать на достижение ее целей без тяжелой длительной борьбы. Слабеющая сторона уже определилась. Надо было лишь толкнуть падающего. С другой стороны, Франция и Англия делали все, чтобы удовлетворить предварительные требования Румынии, и систематически настаивали на безотлагательном об'явлении ею войны. Все это создавало выступление Румынии совершенно неизбежным. Но так как оно должно было весьма существенно повлиять на положение русского фронта, то для того, чтобы быть в полной мере осведомленным, а также и для возможного согласования действий румын и русских, Алексееву пришлось посчитаться с обстановкой, созданной в Бухаресте Францией и Англией и в ряде телеграмм, посланных Татаринову дать соответствующие указания [24]). При этом, опасаясь за левый фланг русского фронта, за южную часть Бессарабии и за Одессу, Алексеев дал даже обязательство в крайности направить в Добруджу одну—две дивизии. В дальнейших

---

[22]) Приложение № 2 (Военно-ученый архив. Дело № 62, часть 1).

[23]) Государственный архив, 11 отдел., телеграмма № 3410 от 26 июля 1916 г.

[24]) Военно-ученый архив. Дело штаба верх. главноком. № 62, ч. I.

телеграммах, адресованных полковнику Татаринову, генерал Алексеев обязался с возможной скоростью подавать грузы, направленные для Румынии Францией и Англией через Архангельск и Владивосток, оказать содействие румынской армии русским черноморским флотом, с предоставлением Румынии разрешить вопрос о направлении операций, сообразуясь исключительно со своими общими политическими и военными условиями.

А 29 июля Алексеев телеграфировал Татаринову [25]), что, хотя принципиально наступление румын в Болгарию нежелательно, ибо оно ослабляло бы силу ударной трансильванской армии, но нам нельзя становиться в противоречие с настойчивым желанием союзников и приходится поддержать их. «Конечно, это повлечет необходимость, — писал Алексеев, — назначить в Добруджу три наши пехотные дивизии. Задача сводится теперь к тому, чтобы ускорить выступление румын, ибо дальнейшее промедление их лишит выгод внезапности и неготовности австрийцев»...

Таким образом, Франция и Англия создали такую обстановку и так упорствовали на выполнении Румынией принятых на себя обязательств, что выступление ее стало неизбежным, и русское верховное командование в ущерб своим интересам вынуждено было итти на уступки и готовиться оказать Румынии помощь, без каковой она обойтись никак не смогла бы.

Насколько невыгодной и тогда считал Алексеев эту уступку, показывают нижеследующие слова его в телеграмме от 6 августа (24 июля) [26]) Татаринову: «Никогда не стремился привлечь румын к нашему союзу, но раз наш противник допускает возможность такого решения, то интересы дела требуют решения принимать быстро, дабы не дать неприятелю времени закончить подготовку.

Что касается обязательства, взятого на себя Францией и Англией по отношению к русско-румынскому фронту — наступление на салоникском фронте—то оно, судя по телеграмме Жилинского от 3 августа [27]) и сообщению Робертсона [28]) от 9 августа, не должно было принять тех размеров, как это было обещано.

---

25) Телеграмма № 3798 (Военно-ученый архив. Дело штаба верх. главноком. № 445).

26) Телеграмма № 3949 (в деле № 62, ч. I. Военно-учен. архив.).

27) Приложение № 3 (Воен.-уч. архив. Дело шт. верх. глав. № 62, ч. I).

28) Приложение № 4 (Воен.-уч. архив. Дело штаба верх. глав. № 62 ч. I).

Так, 3 августа ген. Жилинский телеграфировал генералу Алексееву, что ген. Жоффром передана министру Бриану секретная записка по румынскому вопросу [29]), в которой указывалось, что при создавшейся обстановке главная цель союзников заключалась в том, чтобы добиться немедленного выступления Румынии, на чем настаивали и англичане, для чего стоило итти на все уступки, так как это облегчало бы положение салоникской армии, наступления коей так не хотели англичане, и затруднило бы Германии и Австро-Венгрии усиление их армий молодыми возрастами и продолжение войны в 1917 г.

Но 9 августа и ген. Вильямс (начальник английской военной миссии при штабе русского верховного главнокомандующего) сообщил ген. Алексееву от имени начальника Британского генерального штаба, ген. Робертсона [30]), что он озабочен не менее, чем кто-либо стремлением заставить Румынию выступить и будет продолжать делать все возможное и благоразумное для содействия переговорам, но что в случае выступления Румынии не позже 14 августа целью действий союзных войск у Салоник будет лишь удержание болгарских войск на греческой границе [31]).

13 августа и ген. Уотерс писал Алексееву [32]), что совещание в составе Ллойд-Джоржа, французского военного совета и Жоффра поручило английскому и французскому послам в Ленинграде воздействовать на русское правительство, чтобы оно послало в Добруджу столько войск, сколько нужно, чтобы принудить Болгарию заключить мир.

В результате таких настойчивых требований Франции и Англии 17 августа в Бухаресте были подписаны политическое соглашение и военная конвенция.

---

[29]) Приложение № 3 (Воен.-уч. архив. Дело штаба верх. глав. № 62 ч., I).

[30]) Приложение № 4 (Воен.-уч. архив. Дело штаба верх. глав. № 62 ч., I).

[31]) 10 августа Вильямс прислал Алексееву уведомление, что английск. минист. иностр. дел сообщило своим послам в Ленинграде и Бухаресте о целях союзного наступления на салоникском фронте.

[32]) Воен.-уч. архив. Дело штаба верх. г-щего № 428. На сообщении Уотерса имеется следующ. резолюция Алексеева: 13/VIII-1916 „Пусть г. г. французы и англичане благоволят взять на себя эту работу, не возлагая ее на русскую армию. У последней много своих задач (одно слово неразб.) трудных. В таком смысле дайте ответ ген. Уотерсу“.

27 августа Румыния об'явила войну Австро-Венгрии, 29-го — Турции и 31 августа — Германии и Болгарии.

27 августа русский 47 корпус (2 пех. и 1 кавалер. дивизии) под начальством ген. Заиончковского, вступил в пределы Румынии для действий в Добрудже, а 28 августа румыны перешли границу Трансильвании. Неизбежность выступления Румынии была так очевидна и так назрела с румынской и союзной точки зрения, что румыны и поддерживавшие их Франция и Англия согласились на посылку в Добруджу трех дивизий вместо 200—250 тысячной армии, на которой настаивали ранее. Зато русская IX армия 31 августа, для обеспечения правого фланга румын, перешла в наступление на Сигот против превосходного противника, на фронте от Рура-Рукада до Дорна-Ватра, протяжением около 70 *км;* противник имел 81 батальон и 45 эскадронов, а русские — 63 батальона и 73 эскадрона. Однако, наступление продолжалось в крайне тяжелых условиях до 26 сентября. Части IX русской армии (8-й и 3-й кон. корпуса) за это время понесли потери в 145 офицеров и 10.058 солдат.

Доказательством того, что Румынии и в августе 1916 г. ни Германия ни Австро-Венгрия не угрожали, и она могла с пользой для России оставаться нейтральной, служит показание Людендорфа и Фалькенгайна. Первый говорит [33]): «Австро-Венгрия ничего не сделала для защиты своего правого фланга и Семиградья ни в мирное время, ни во время войны. Пропускная способность скудной дорожной сети была ничтожна. Укреплений не было сделано, чтобы не «раздражать» Румынию. Зато Австро-Венгрия спокойно смотрела на то, как Румыния укреплялась у самой границы Семиградья».

Об отсутствии реальной угрозы по адресу Румынии осенью 1916 г. со стороны центральных держав говорит и Фалькенгайн, сообщая, что [34]) «австро-венгерское главное командование получило внушение крепко поддерживать продолжение переговоров австро-венгерского правительства с Румынией о цене за продолжение ее нейтралитета»...

Да кроме того, вряд ли военная обстановка, сложившаяся для Германии и Австро-Венгрии так неблагоприятно летом 1916 г., могла способствовать их агрессивным действиям против Румынии.

Но так как Германии и Австро-Венгрии не могли не быть известны настойчивые требования Англии и Франции о выступлении

---

[33]) „Мои воспоминания о войне 1914-1918 г.г.“, стр. 199.

[34]) Фалькенгайн. „Верховное командование“, стр. 254.

Румынии на их стороне, то кое-какие меры предосторожности были приняты. Но конвенция об общем образе действий в случае враждебного выступления Румынии была заключена центральными державами лишь 29 июля, то-есть, примерно, лишь за месяц до об'явления войны Румынией.

Все это с очевидностью показывает, что Румынии никто не угрожал и что она могла оставаться нейтральной, как того требовала обстановка на русском фронте и как того хотело верховное русское командование.

Уже 8 сентября, после неудачи в Добрудже — потери Базарджика и Туртукая — румынский король телеграфировал царю [35]) с просьбой поддержать румын «на задунайском фронте и провести наступление на других фронтах, как было условлено (?), чтобы ослабить тем натиск»...

Туда, в распоряжение генерала Заиончковского, была послана 115 пех. дивизия (с Кавказа).

Но этого, конечно, оказалось, как и нужно было ожидать, мало... В штаб русского верховного главнокомандующего посыпались телеграммы со всех сторон и из Румынии, и из Франции, и от начальников иностранных военных миссий при штабе верховного русского главнокомандования с настоятельными просьбами, советами, требованиями оказать помощь румынам.

Поток телеграмм усилился с началом наступления австро-венгерских армий в Трансильванию, беспорядочным отступлением оттуда румын и с наступлением германской армии Макензена из-за Дуная на Бухарест. Для того, чтобы картина стала ясной, достаточно упомянуть только о нескольких настояниях этого рода.

Так, 15 сентября ген. Жоффр телеграфировал [36]) о желательности безотлагательной посылки новых русских войск на юг от Дуная для усиления румынских войск и оказания им моральной поддержки, в которой они нуждались.

29 сентября [36]) и 4 октября [36]) ген. Жоффр писал ген. Жанену о необходимости усиления наступательных действий русско-румынских армий (уже армий), имея в виду придать им решающее значение на дунайском фронте.

---

35) Приложение № 5 (Воен.-ученый архив. Дело штаба верховного главнокомандующего № 62. часть II).

36) Военно-ученый архив. Дело штаба верховного главнокомандущего, № 447;

28 сентября Братиано телеграфировал начальнику румынской военной миссии [36]) при штабе русского верховного главнокомандующего, ген. Коанда: «Наши войска отброшены к Кронштадту, срочность мощного русского вмешательства в Трансильвании, к несчастью, является более очевидной, чем когда-либо. Прошу не упустить ничего, чтобы оно произошло без запоздания. 24 часа имеют большое значение при настоящем положении дел».

В этот же день и ген. Илиеско телеграфировал ген. Коанда [36]), что более необходимо, чем когда-либо, чтобы три русских корпуса пришли скорее, иначе положение станет серьезным.

19 октября и 3 ноября ген. Жоффр снова телеграфировал ген. Жанену [36]), [37]), что действия на восточном фронте должны сводиться к остановке наступления в Трансильвании и к производству серьезного усиления с целью вывести Болгарию из строя.

9 и 10 ноября Жоффр телеграфировал ген. Жанену [38]), что доведение итальянских войск у Салоник до 3 дивизий обусловливается уверенностью, что генерал Алексеев имеет действительное намерение предпринять действия, могущие вывести Болгарию из строя «в высших интересах коалиции».

26 ноября Жоффр телеграфировал [38]), что испытанные румынами неудачи тревожат во Франции общественное мнение, парламент, правительство и просил генерала Гурко, заместившего Алексеева, уехавшего по болезни в Севастополь, поддержать румын у Бухареста.

В тот же день генерал Бертело (начальник французской военной миссии в Румынии) телеграфировал [38]) через Жанена: «Просите, чтобы безотлагательно в распоряжение румынской армии были предоставлены 40 пехотных и 8 кавалерийских дивизий и кроме того армейский корпус, составляющий резерв генерала Лечицкого. Настаивайте. Необходимы срочность решения и быстрота исполнения».

28 ноября Пуанкаре (президент Франции) обратился к Николаю II [38]), прося также поддержки румын.

Все эти, а также и другие настойчивые просьбы, заставили русское верховное командование беспрерывно, насколько то позволяла весьма незначительная пропускная способность немного-

---

[36]) Военно-ученый архив. Дело штаба верховного главнокомандующего, № 447;

[37]) Тоже. Дела №№ 428—448.

[38]) Военно-ученый архив. Дело штаба верховного главнокомандующего № 448.

численных железных дорог, в ущерб интересам России, уменьшая шансы русского успеха на важнейших, жизненных и опаснейших для нее направлениях, перебрасывать русские дивизии в Румынию.

Жоффр в телеграмме от 30 ноября [38]) Жанену вынужден был признать «широкое» и «щедрое содействие, оказываемое русскими армиями румынской армии».

Все это было следствием настояний Франции и Англии о выступлении Румынии, чего так опасалось русское верховное командование.

Но обязательства, павшие на Россию, вследствие выступления Румынии, оказались в действительности гораздо более тяжкими, чем то можно было предполагать ранее.

Так, к 24 января 1917 г., согласно доклада ген. Гурко царю, на румынском фронте, от горы Ботошу [38]), что западнее Ботушан, до д. Кислица, что восточнее Измаила, протяжением 450 *км*, находились три русские армии (IX, IV и VI), в составе 36 пехотных и 11 кавалерийских дивизий (15 армейских и 3 конных корпуса) — всего 535 русских батальонов и 430 сотен и эскадронов и лишь одна (2-я) румынская, занимавшая небольшой участок от д. Монестирка-Кашинуль (юго-западнее Бакеу) до Прешти-де-Сус (юго-западнее Аджуд), протяжением всего 30 *км*. В состав II румынской армии входили 5 пех. и 1 кавал. дивизии — всего 74 батальона и 16 эскадронов.

Всего войск на румынском фронте к этому числу было: 423 тысячи штыков, 44.400 шашек; орудий — 1.615 легких, 259 гаубиц, 162 горных, 174 тяжелых; из них румынских лишь 44.700 штыков, 2.100 шашек, 276 легких орудий, 35 гаубиц и 20 тяжелых орудий, т.-е. около 10%.

Иначе говоря, русские сосредоточили в Румынии значительно большие силы, чем Англия, Франция, Италия, вместе взятые, на салоникском фронте, имевшем для общего стратегического положения держав Согласия на Балканском полуострове не меньшее значение, чем выступление Румынии.

Все остальные румынские части реорганизовывались под руководством французского генерала Бертело в тылу IX русской армии.

Таким образом, Россия удлинила свой фронт на 420 *км*, перебросила за 4 месяца громадные силы в пределы Румынии из состава

---

[38]) Военно-ученый архив. Дело штаба верховного главнокомандующего № 48.

армий всех фронтов, но преимущественно из армий, расположенных севернее Полесья, то-есть с важнейших петроградского и московского направлений.

Румыния поглотила для своей защиты 23% общего числа русских пехотных и 37% кавалерийских дивизий (всего было соответственно 156 и 58), находившихся на фронте, не считая Кавказа.

Это привело к значительному ослаблению всего русского фронта. В течение последних месяцев 1916 г. он, надрывая свои силы, выполняет чисто пассивную задачу питания румынского фронта, вместо того, чтобы развить успех брусиловского наступления. Русским дивизиям пришлось занимать длинные участки до 20 *км* и более, а в среднем 10 *км* и бессменно сидеть в окопах при суровых климатических условиях.

При этом русские войска так засели в Румынии, что извлечь их оттуда при ужасающем состоянии румынских железных дорог было более чем затруднительно. И это до некоторой степени должно было повлиять на ход кампании 1917 г.

Это станет особенно ясным, если мы рассмотрим, какие русские войска находились на территории Румынии к 12 августа 1917 г. [39]), то-есть после попытки наступать, согласно решения временного правительства. В VIII, IX, IV и VI русских армиях, на территории Румынии, в это время находились 58 пехотных и 8½ кавалерийских дивизий, если не считать 18 пехотных и 2 кавалерийских дивизий VIII армии, расположенных на участке между Днестром и румынской границей и таким образом обеспечивавших правый фланг румынского фронта. В это время румынских войск, реорганизованных под руководством французского генерала Бертело, на фронте находилось 10½ пехотных и 3 кавалерийских дивизий, составлявших I и II румынские армии и располагавшихся между русскими армиями: IV и VI — I румынская армия, IX и VI — II румынская армия. Во время наступления немцев в районах Фокшаны и Окна, в июле 1917 г., части IV русской армии имели еще в себе силу оказать помощь румынским войскам.

Во всяком случае, число русских войск в Румынии до их демобилизации почти не уменьшалось. А демобилизация их началась здесь, вследствие различных политических событий, лишь в конце декабря 1917 г.

---

[39]) Военно-ученый архив. Дело штаба верховного главнокомандующего № 676.

Вместе с тем, поражение Румынии вызвало необходимость для России принять близкое участие в реорганизации румынской армии, снабдить ее материальной частью, одеждой и продовольствием, а также взять на себя попечение о снабжении десятков тысяч румынских беженцев.

Таким образом, как и предвидело русское верховное командование, выступление Румынии глубоко и отрицательно сказалось на общем стратегическом положении всего русского фронта.

Тяжелые жертвы со стороны России принесли Франции и Англии неоценимую помощь.

Что же выиграли непосредственно Англия и Франция чисто в военном отношении в результате выступления Румынии?

Одним из наиболее важных последствий выступления Румынии было прекращение атаки Вердена, где, по словам Фалькенгайна [40]), «более чем три пятых всех вооруженных сил Франции до августа 1915 г. были перемолоты на мельнице маасского района».

По этому поводу Людендорф совершенно определенно говорит [41]):

... «Предварительно же мы собирали дивизии, предназначенные действовать против Румынии, и добились от его величества важного приказа — приостановить атаку верденской крепости»...

То же, примерно, говорит и Гинденбург [42]).

...«Мы не могли думать о решительном наступлении, вследствие недостатка сил у Вердена и на Сомме, хотя я и стремился к этому. Вскоре после моего назначения главнокомандующим армией [43]), я был вынужден, на основании общего положения, дать на утверждение его величеству императору приказ о прекращении нашего наступления у Вердена».

Таким образом, Франция обязана окончанием тяжкой для нее драмы под Верденом исключительно выступлению Румынии, которое зато легло столь тяжким бременем на Россию.

За август, сентябрь, октябрь и ноябрь 1916 г. с французского фронта на русско-румынский перевезено по числу батальонов 7 пехотных дивизий, а организационно—9 и 1 кавалерийские [44]) дивизии

---

40) Фалькенгайн, стр. 244.

41) Людендорф. „Мои воспоминания“, т. II, стр. 198.

42) Гинденбург, стр. 23.

43) Назначение Гинденбурга состоялось 29 августа, а об'явление Румынией войны Австро-Венгрии—27 августа.

44) Бюа. стр. 39-42.

(195, 200, 123, 117, 10 баварская, 187, 208, 3 гвард., альпийский корпус, 8 бав. рез., 12 бав., 16, 215, 53 рез., 15, 7 кав. дивизии; обратно во Францию перевезены 208, 199, 43 рез., 9, 20 и 3 гв.). Во всяком случае, число германских батальонов, бывших во Франции и Бельгии, за это время уменьшилось с 1.376 до 1.311, а число германских дивизий на русско-румынском фронте увеличилось с 45 до 73 и даже до 75.

Доведя в октябре 1916 г. число германских дивизий на русско-румынском фронте до 75, немцы держали здесь все время до декабря 1917 г. 71—86 своих дивизий, за исключением февраля, когда это число спустилось до 68.

Иначе говоря, немцам пришлось держать на русско-румынском фронте в общем не менее 30—35% общего числа их дивизий до декабря 1917 г.

Это обстоятельство, естественно, не могло не повлиять на то, что французы одержали успех под Верденом в октябре и декабре 1916 г., и что в 1917 г. во Франции и Бельгии немцы придерживались пассивного образа действий и тем дали Англии и Франции возможность и время продолжать накапливать средства борьбы, а Соединенным Штатам—развернуть свою мощь и притти своим союзникам на помощь.

На положение дел салоникского фронта выступление Румынии подействовало весьма благотворно.

Против трех русских армий румынского фронта (кроме VIII) и маленькой румынской, к 24 января 1917 г. [45]) находилось, по сведениям штаба русского верховного командования, 5 неприятельских армий, в состав которых входили дивизии: 13 германских пехотных, 2 германских кавалерийских, 11 австрийских пехотных и 5 кавалерийских, 5 турецких и 3 болгарских пехотных.

Очевидно, что болгарские и турецкие дивизии усилили бы салоникский фронт противника, а часть последних, вероятно, и свои азиатские—в Палестине и Месопотамии.

Но, несмотря на столь существенное ослабление неприятельского салоникского фронта, ген. Саррайль особой активности, вопреки обещаниям, данным неоднократно Жоффром и Робертсоном [46]) и русским и румынам, не проявлял, если не считать незначительных насту-

---

[45]) Военно-ученый архив. Дело штаба верховного главнокомандующего, № 703.

[46]) Приложения, №№ 4 и 6.

пательных действий в середине сентября на Флорину [47]) и в середине ноября на Монастырь, которые на действия против румын не оказали никакого влияния.

Несомненным следствием нахождения Румынии в рядах держав Согласия и «компенсацией» России за ее жертвы для Румынии и держав Согласия был насильственный захват румынами Бессарабии, а также овладение всем русским имуществом, как государственным, так иногда и частным, находившимся в Румынии в феврале 1918 года после ухода оттуда русских вооруженных сил.

---

[47]) Приложение № 7.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Английская миссия.

20/VIII 1916 г.

Относительно предложения, чтобы Россия отправила еще большее число войск в Добруджу, главная мысль была, что таким образом Россия могла бы получать в течение зимы по железной дороге тяжелые орудия и другие материалы, которые иначе не будут получены ею перед маем месяцем 1917 г.

Французские и английские представители, военные и статские, при конференции думали, что прибытие большой армии на границу Добруджи принудило бы Болгарию заключить мир от страха.

Я поручен уведомить ваше превосходительство, однако, что вполне признано, что вопрос, касающийся различных выгод и невыгод предложения, мог быть, конечно, решен исключительно вами, и что отправление еще большего числа войск в Добруджу было предложено только в интересах России, представители которой неоднократно докладывали, что без тяжелых орудий и снарядов нельзя прорваться через немецкие позиции.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и полной преданности.

Уотер[48]).

Его превосходительству генерал-адъютанту Алексееву.

Резолюция ген. Алексеева:

„*20/VIII. Сколь велики заботы о нас!! Какое великодушие!!*“

№ 2.

Mission Militaire Française en Russie.

G. Q. G. le 15/28 Juin 1916.

Le Général Janin a l'honneur de présenter ses respects à Sa

Фр. воен. миссия в России.

Ставка 15/28 июня 1916 года.

Генерал Жанен, свидетельствуя совершенное свое почте-

---

[48]) Начальник английской военной миссии при штабе верховного главнокомандующего.

Haute Excellence, Monsieur le Gén. Alexeieff Aide de Camp Général de Sa Majésté Chef d'Etat-Major Général des Armées Russes et lui exposer ce que suit.

Le Gén. Joffre vient de transmetre à Notre Attaché Militaire à Bucarest le télegramme suivant, en le chargeant de faire ressortir aux yeux de l'Etat-Major Roumain les considerations qu'il renferme.

„La situation actuelle est éminement favorable à l'intervention de l'armée Roumaine. Toutes les conditions réclamées par les Roumains se trouvent realisées ou sur le point de l'etre.

En effet:

1) Les Russes atteignent les Carpates sur les talons des Autrichiens battus.

2) Les offensives générales des Alliés déja commencées victorieusement par les Russes vont s'intensifier sur tous les fronts et se declencher simultanément.

3) Les Empires Centraux attaqués de toutes parts ne disposent plus de disponibilités suffisantes pour alimenter un nouveau théâtre d'opérations face à la Roumanie.

4) L'armée Bulgare forcée de faire face à Salonique n'a plus que quelques battaillons sur la frontière Roumaine. L'Armée d'Orient, retenant devant elle les divisions Boulgares à la frontière Grecque, remplit le même rôle que dans l'esprit Roumain devaient jouer les troupes Russes en Dobrudja.

5) L'Autriche en particulier ne peut faire de prélevements ni sur le front Italien où son attitude actuelle, les distances, la lenteur des communications, la penurie du réseau ferré ne lui permettent que des emprunts limités, ni encore moins sur le front Russe où l'Allemagne peut à peine l'empêcher d'échapper à un anéantissement sans avoir pu lui éviter le désastre.

ние его высокопревосходительству ген.-ад. Алексееву, начальнику штаба верховного главнокомандующего, имеет честь сообщить нижеследующее:

Ген. Жоффр только что отправлена нашему военному агенту в Бухаресте нижеследующая телеграмма, при чем поручено выяснить румынскому генер. штабу значение изложенных в ней соображений.

„Современная обстановка исключительно благоприятна для выступления румынской армии. Все ставившиеся Румынией условия в настоящее время выполнены или же будут выполнены в ближайшем будущем.

Действительно:

1) Русские достигают Карпат на плечах разбитых австрийцев.

2) Наступательные операции союзников уже победоносно начатые русскими, будут одновременно с возрастающей интенсивностью развиваться на всех фронтах.

3) Центральные державы, атакованные со всех сторон, не располагают более свободными силами для отправки подкреплений на новый театр военных действий против Румынии.

4) Болгарская армия, будучи поставлена в необходимость сосредоточить свои силы на Салоникском фронте, принуждена оставить лишь несколько батальонов на румынской границе Восточная армия, удерживая перед собой болгарские дивизии на греческой границе выполняет ту самую роль, которую по соображениям румын должны были сыграть русские силы в Добрудже.

5) В частности, Австрия не имеет возможности снять сколько-нибудь крупные части ни с итальянского фронта, откуда она может перевести лишь незначительные силы, в виду создавшейся обстановки, удаленности этого театра, медленности сообщений и слабого развития железнодорожной сети, ни тем более с русского фронта, на котором Германии с трудом удалось ей дать возможность из-

бегнуть уничтожения, не имев, однако, возможности избавить ее от катастрофы.

6) La Transylvanie n'est occupée que par de faibles fractions de Honved et des dépôts.

6) Трансильвания занята лишь слабыми отрядами гонведа и людьми, находящимися в запасных частях.

En conséquence la Roumanie laissant une centaine de mille hommes envahir sans grands risques le territoire ennemi. Son ravitaillement en munitions est assuré par la France à travers la Russie.

Таким образом, оставив около 100.000 человек для охраны своих границ и тыла, Румыния могла бы без большого риска вступить с 300.000 человек на неприятельскую территорию.

Снабжение ее армии снарядами обеспечено Францией перевозкой их через Россию.

Il est exsessivement peu vraisemblable de penser que de pareilles circonstances pourront se présenter à nouveau.

Чрезвычайно мало вероятно, чтобы подобные условия могли снова создаться в будущем.

Une action immédiate de la Roumanie trouvant un ennemi non prévenu est susceptible de produire les plus grands résultats. Exploiter l'état d'esprit actuel pour obtenir qu'il ne s'agisse pas non seulement d'une mobilisation mettant les esprits en éveil mais d'un déclenchement de l'offensive la suivant d'aussi prés que possible".

Немедленное активное выступление Румынии против неподготовленного к этому противника может иметь самые крупные последствия.

Используйте современное настроение, чтобы добиться не исключительно одной лишь мобилизации, которая заставит насторожиться, но и перехода к активным действиям, которые должны последовать за мобилизацией в возможно непродолжительном времени".

En me communiquant cette dépêche, le Général Joffre ajoute ce qui suit:

Сообщая мне эту телеграмму, ген. Жоффр добавляет нижеследующее:

Le même télégramme a été adressé aux Commandants En Chef des diverses Armées Alliées et le Général Joffre leur a demandé de soutenir ce point de vue auprès de l'Etat-Major Roumain en envoyant, s'ils le jugent à propos des inctructions dans le même sens à leur Attachés Militaires à Bucharest.

Такая же телеграмма отправлена главнокомандующему отдельными союзными армиями, при чем ген. Жоффр просил их поддержать эту точку зрения перед румынским генеральным штабом, послав, если будет признано соответственным, аналогичные инструкции своим военным агентам в Бухаресте.

Entre temps le Général Iliesko a fait au Commandant Pichon, Attaché Militaire de France à Bucarest la déclaration suivante en l'autorisant à télégraphier textuellement ce qui suit, écrit sous sa dictée, au Général Joffre:

Тем временем генерал Илиеско сделал майору Пишон, французскому воен. агенту в Бухаресте, нижеследующее заявление, уполномочив его телеграфировать ген. Жоффр буквально нижеследующее, написанное под диктовку:

„Je suis prêt à fixer immediatement la date du premier jour de la mobilisation à 40 jours avant la date garantie pour l'arrivée du premier train de munitions à Jas-

„Я готов немедленно установить месяц и число первого дня мобилизации на 40 дней ранее дня, в который мне будет гарантировано прибытие в Яссы пер-

sy". Il ajoutait: „Je n'ai pas besoin de consulter M-r Bratiano pour vous donner cette assurance. Nous sommes parfaitement d'accord et je reponds du Roi".

La gravité de ces déclarations ne vous échappera pas.

La réalisation du désideratum posé par la Roumainie est de plus faciles.

Le premier bateau de munitions, le „Melbourne" arrive à Arkhangelsk le 1-er Juillet environ. Il peut sans difficultés être á Jassy le 15 Juillet et son chargement pourrait être livré à la Roumanie au lieu d'être entreposé à Karatchew.

Dès que le Gouvernement Roumain aura décidé d'intervenir il y aura lieu de diriger directement sur la Roumanie tout le matériel qui devait être provisoirement enmagasiné en territoire Russe.

Communiquez ce télegramme au Général Alexeieff et faites ressortir l'intérêt que présente la réalisation des garanties demandées par la Roumanie".

M. Janin.

вого поезда с огнестрельными припасами". Он добавил: „Мне нет необходимости запрашивать мнение г-на Братиано, чтобы дать вам это заверение, мы с ним вполне солидарны, я отвечаю за короля".

Вы, конечно, понимаете важность этих заявлений.

Нет ничего легче, как осуществить высказанное Румынией пожелание.

Первый транспорт с огнестрельными припасами („Мельбурн") придет в Архангельск около 1 июля. Груз этот может быть доставлен в Яссы без особых затруднений к 15 июля. Вместо отправки его в промежуточный склад в Карачеве, он мог бы быть передан Румынии.

Как только Румынское правительство примет решение выступить, необходимо будет направлять непосредственно в Румынию весь боевой материал, который предполагалось предварительно сосредоточить в складе, образуемом на русской территории.

Сообщите эту телеграмму генералу Алексееву и выясните все значение осуществления гарантий, требуемых Румынией.

Ген. Жанен.

Перевел и верно:
Ген. штаба полк. *Базаров*

№ 3.

Телеграмма

от ген. Жилинского ген. Алексееву. Подана из Франции 17 час. 55 мин. 21 июля. Получена 13 час. 41 мин. 22 июля 1916 года.

Сегодня генералом Жоффром передана Бриану секретная записка по румынскому вопросу. В ней указывается, что при создавшейся обстановке главная цель союзников добиться немедленного выступления Румынии, для чего стоит итти на все уступки. Далее указывается, что нежелание Румынии выступить против болгар приемлемо потому, что если румыны добьются безопасности южной границы, салоникская армия освободится от необходимости во что бы то ни стало, чего так не хотят англичане. [49]) Если же наоборот, болгары сами станут угрожать Румынии, то это может произойти лишь за счет их сил, находящихся на греческой границе, что позволит салоникской армии перейти в решительное наступление и одновременно вынудить к наступлению румын, на чем также настаивают англичане. Требование румын не заключать мира до за-

[49]) Неясность в копии телеграммы (*Ред*).

нятия ими уступаемой территории также признается приемлемым, так как мир будет заключен лишь с разбитым противником и никто не будет мешать румынам занять уступаемую зону. Вопрос о сербских школах может быть пересмотрен после войны.

В заключение записка настаивает на необходимости добиться от союзников широких уступок в целях немедленного выступления румын, так как при потере времени Австро-Германия использует зиму для нового усиления молодыми возрастами и продолжения войны в 17 г. Пока в записке указывается на огромное моральное влияние, которое окажет немедленное выступление Румынии на союзные армии, ныне втянутые в решительное наступление. Мне не известно, послана ли эта записка по инициативе Жоффра или по просьбе Бриана, но я знаю, что до сих пор между Брианом и Жоффром существовала полная солидарность по румынскому вопросу. Сообщение прошу держать в секрете от иностранных представителей 226.

Жилинский.

№ 4.

His Excellency General Alexeef G. C. M. G.
July 12/25 1916.

With the reference to Your Excellency's letter № 3675 of July 7/20, I have to day received from Gen. Robertson a telegram saying that it has been agreed with Roumania that the Allies will take, from the direction of Salonika, such offensive as is necessary to hold the Bulgarians, commencing their action one week before the entry into the war of Roumania.

Thus Gen. Robertson says that if Roumania should be ready to open hostilities by July 25 (August 7), then the Allied offensive from Salonika would commence on July 19 Aug. 1.

I have the honour to be etc.

Henbry-Williams.

Его высокопревосходительству ген. Алексееву, начальнику штаба верховного главнокомандующего.

По поводу письма вашего высокопревосходительства от 7/20 июля № 3675 я получил сегодня телеграмму от генерала Робертсона, сообщающего мне о состоявшемся с Румынией соглашении, согласно которому союзники предпримут с Салоникского направления наступление, необходимое для удержания болгар, каковое начнется на одну неделю ранее выступления Румынии.

При этом генерал Робертсон добавляет, что если Румыния будет готова открыть военные действия 25 июля (7 августа), то наступление от Салоник начнется 19 июля (1 августа).

Имею честь быть и т. д.

Ген.-лейтенант *Хенбри-Вильямс.*

Перевел и верно: ген.-шт. полк. *Базаров.*

12 июля 1916 года.

№ 5.

„Veuillez transmettre à Sa Majesté l'Empereur de Russie le télégramme suivant de la part de Sa Majesté le Roi de Roumanie:

„Благоволите передать его величеству императору России следующую телеграмму от имени его величества короля Румынии:

„Je me suis engagé avec toutes mes forces contre les ennemis de l'Entente sur la promesse que je serai soutenu sur tous les fronts. Je suis attaqué en Dobrougea par des forces très importantes pourvues d'artillerie supérieure à la mienne et je crois savoir que ces forces sont sur le point d'être considérablement augmentées et qu'à cet effet les Bulgares sont disposés au besoin de sacrifier quelque chose de leur front Sud.

Je demande à Votre Majesté de me soutenir sur le front Trans Danubien et de provoquer offensive sur les autres fronts tel qu'il a été convenu, afin de soulager pression que je subis.

Ferdinand Bratianu".

Я обязался выступить со всеми моими силами против врагов Антанты в виду обещания, что я буду поддержан на всех фронтах. Я атакован в Добрудже превосходными силами, снабженными артиллерией, превосходящей мою, и я предполагаю, что эти силы будут вскоре значительно увеличены, и в этом случае болгары будут готовы при необходимости пожертвовать частью войск с их южного фронта.

Я прошу ваше величество поддержать меня на Задунайском фронте и провести наступление на других фронтах, как было условлено, чтобы ослабить натиск, которому я подвергаюсь.

Фердинанд Братиано".

Получена в управлении ген. квартир. шт. верх. главнокомандующего 27-го августа 1916 года.

На копии имеется резолюция Николая II: „*К докладу завтра*".

№ 6.

Mission Militaire Francaise en Russie.

G. Q. G. Russe.

le 29 Juin — 12 Juillet 1916.

Secret.

Le Général Janin Chef de la Mission a l'honneur de présenter ses respects à sa Haute Exellence Monsieur le Général Alexeieff, Aide de Camp Général de sa Majesté Chef d'Etat-Major Général des Armées Russes et de lui communiquer pour information personnelle et secrète les instructions que la France a données à son Attaché Militaire à Bucarest.

Voici quel est l'etat de la question Roumaine actuellement.

Les conditions auxquelles M-r Bratiano subordonne l'entrée en action de la Roumanie sont remplies ou susceptibles de l'être sans delais.

En effet:

A) le premier train de munitions franchira la frontière Roumaine le 12 Juillet sera suivi très vraisemblablement et serasuivi de tout le matériel de guerre que la Rouma-

Французская военная миссия в России.

Ставка

29 июня—12 июля 1916 г.

Секретно.

Ген. Жанен, начальник миссии, свидетельствуя совершенное свое почтение его высокопревосходительству ген. ад. Алексееву, начальнику штаба верховного главнокомандующего, имеет честь сообщить для личного его сведения секретную инструкцию, данную Францией своему военному агенту в Бухаресте.

Вот в каком положении находится в настоящее время румынский вопрос.

Условия, от выполнения которых г. Братиано ставит в зависимость выступление Румынии, частью уже выполнены, частью могут быть выполнены в ближайший срок.

Действительно:

А) Первый поезд с боевыми припасами перейдет румынскую границу весьма вероятно 29 июня (12 июля); за ним начнет прибывать весь военный материал, полу

nie estime nécessaire à son intervention. La continuité de ravitaillement sera assurée si elle entre en action.

B) La poursuite de l'offensive générale est garantie par le caractère même des offensives des Alliés longuement préparées, déclenchées à l'heure fixée et qui seront poursuivies méthodiquement jusqu'à la rupture de l'equilibre ou l'usure de l'ennemi.

C) Le maintien de la situation actuelle Russe en Galicie et en Bucovine est assuré par le développement et l'étendue par la continuité des succès Russes, par la désorganisation de l'armée Autrichienne, incapable de reprendre l'offensive et par la situation des Réserves Allemandes qui sont accrochées partout et ne peuvent qu'à grand peine maintenir l'equilibre sur les fronts d'attaque temporairement.

D) La garantie contre l'hypothése d'une attaque Bulgare sur le Danube est donnée par l'offensive de l'Armée de Salonique qui se declenchera, si la Roumanie intervient qui accrochera l'Armée Bulgare et la mettra hors d'etat d'entreprendre une action sérieuse contre la Roumanie.

E) Le Gén. Alexeeff serait disposé même à donner une ou 2 Divisions en Dobrudja. Aucune crainte ne doit donc retenir le gouvernement Roumain pour agir.

Mais l'intervention de la Roumanie pour avoir une valeur doit être immediate. Une attaque vigoureuse de l'Armée décimée et en retraite sera tâche relativement facile pour l'Armée Roumaine desirieuse de réaliser ses aspirations nationales.

M. Janin.

чение которого Румыния признает необходимым для своего выступления. Дальнейшее непрерывное снабжение Румынии гарантируется ей, если она выступит на нашей стороне.

В) Продолжение общего наступления обеспечено самим характером наступательных действий союзников, которые подготовлялись в течение продолжительного времени, были начаты в условленный момент и будут методически развиваться вплоть до нарушения равновесия или истощения противника.

Б) Сохранение занятого русскими в данное время положения как в Галиции, так и в Буковине обеспечено развитием, размерами и непрерывностью русских успехов, расстройством австрийской армии, неспособной к переходу в наступление, и положением немецких резервов, которые связаны повсюду и лишь с большим трудом могут временно поддерживать равновесие на атакованных фронтах.

Г) Предположение о возможности для болгар произвести наступление со стороны Дуная совершенно отпадает, благодаря переходу в наступление салоникской армии, которое начнется в случае выступления Румынии и свяжет болгарскую армию, лишив ее возможности предпринять серьезную операцию против Румынии.

Д) Ген. Алексеев соглашается даже предоставить одну или две дивизии для направления их в Добруджу.

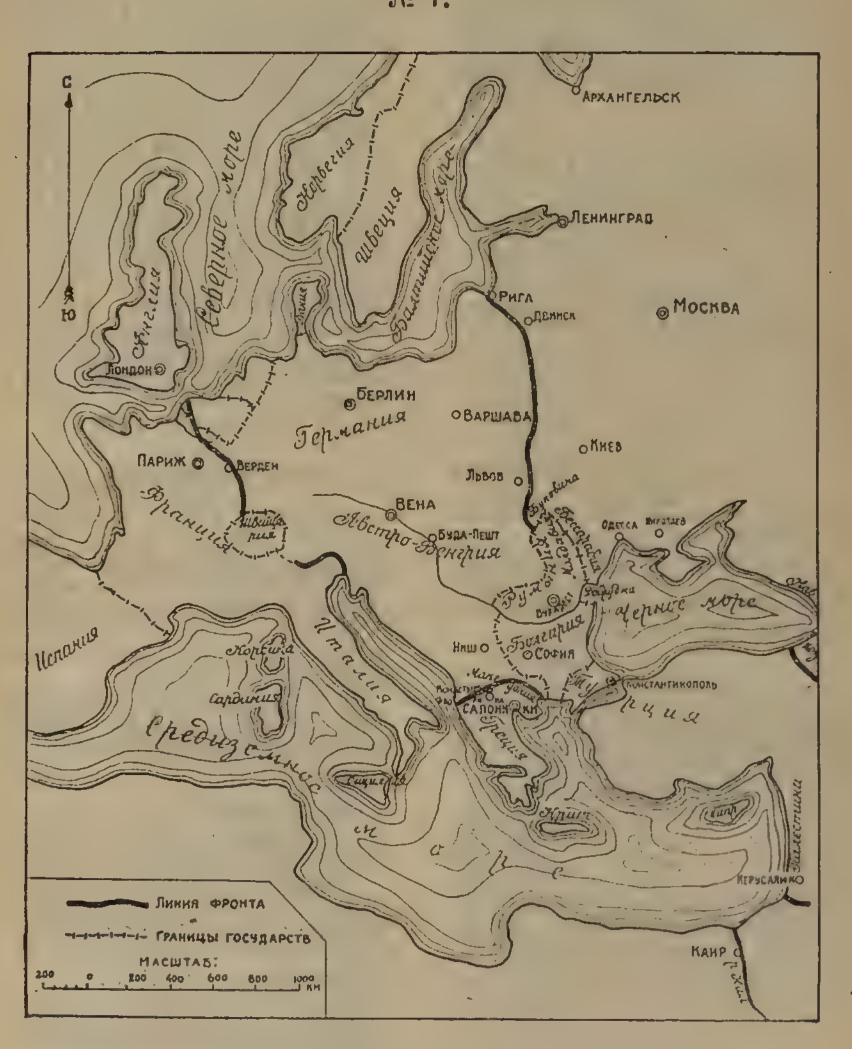
Таким образом, никакие опасения не должны удерживать Румынское правительство от выступления.

Однако, чтобы иметь значение, выступление это должно произойти незамедлительно. Энергичная атака расстроенной и отступающей австрийской армии является сравнительно легкой задачей для румынской армии, желающей осуществить свои национальные стремления.

М, Жанен.

Перевел ген. шт. полк.
Базаров.

№ 7.

Положение фронтов в 1916 г.

№ 8.

Схема Румынии.

А. БАЗАРЕВСКИЙ.

ЛИКВИДАЦИЯ НАСТУПЛЕНИЯ АВСТРИЙЦЕВ В ТРЕНТИНО в 1916 г.

Успешное наступление австрийцев в Трентино.— Оценка итальянцами своего стратегического положения и призыв о помощи к русской армии.— Обещания русского верховного командования.— Тяжелое положение Австро-Венгрии. Результат разгрома Австро-Венгрии — прекращение наступления австрийцев в Трентино.—Оценка влияния наступления русских итальянской главной квартирой.

Успешное наступление австрийцев в Трентино.

15 мая 1916 г. австрийцы, под начальством эрцгерцога Евгения, атаковали левый фланг итальянского фронта в Трентино [1]) между озером Гарда и р. Брентой, где расположение австрийцев и без того сильно выдавалось к югу.

Австро-венгерские войска прорвали укрепленное расположение итальянцев и, быстро наступая, овладели плато Семи Коммун, г.г. Арзиеро и Азиаго (30 мая), оттеснив итальянцев к югу на последние отроги гор.

При дальнейшем наступлении по кратчайшему направлению австрийцы спускались в Ломбардию и выходили при движении на юг в долину р. По, на юго-восток — в район Венеции, отрезывая неизбежно в обоих случаях сообщение правого фланга и центра итальянского фронта с внутренними областями Италии.

30 мая австрийцы находились от моря, в районе Венеции, в 70 километрах, в то время как правый фланг итальянских войск — не менее, чем в 100 *км.* Центр же итальянского фронта был удален от Венеции и от р. Бренты, вдоль правого берега которой велось наступление австрийцев, на 130 — 140 *км.*

Действия победоносных австрийцев облегчались тем, что они прорывались из сильно гористой местности, где наступательные действия крайне стеснены, в равнину. Положение итальянцев в этом случае, наоборот, делалось крайне затруднительным — они лишались горных кряжей, крайне выгодных для обороны.

Первоначальный успех австрийцев вызвал решение австрийского командования нанести итальянцам решительный удар, и 22 мая фельдмаршал эрцгерцог Фридрих отдал по австрийской армии приказ [2]), в котором, между прочим, говорилось:

...«Наконец, после почти года терпеливого ожидания, пробил желанный час наступления, час расплаты. Уже первый наш удар пробил значительную брешь в неприятельских позициях. Многое уже сделано, но еще больше впереди... Освободите вашу родину от враже-

---

[1]) Приложение № 4.

[2]) Военно-ученый архив. Дело № 659.

ского нашествия. Создайте отечеству ту юго-западную границу, которая вам необходима для обеспечения в будущем безопасности государства»...

Оценка итальянцами своего стратегического положения и призыв о помощи к русской армии.

С другой стороны, оценка итальянским командованием австрийского наступления в Трентино видна из телеграммы Жоффра, переданной генералу Алексееву [3]), начальнику штаба русского верховного главнокомандующего, через французского военного агента в Ленинграде, ген. де-Лягиш, 21 мая:

«Генерал Кадорна (начальник штаба итальянского короля — верховного главнокомандующего) только что известил меня, что против итальянской армии ведется серьезное наступление в Трентино и что он был бы очень счастлив, если бы русское наступление началось в возможно непродолжительном времени... Принимая во внимание настойчивую просьбу генерала Кадорна, я (Жоффр) полагаю существенно-важным, чтобы в отношении начала русского наступления не произошло какого-либо дальнейшего промедления [4]) (?) и прошу Вас возможно определеннее изложить настоящее мое мнение генералу Алексееву».

Более рельефно оценка стратегического положения итальянской армии изложена в сообщении начальника итальянской военной миссии при русской главной квартире генерала Ромеи, который 30 мая 1916 г. писал [5]) генералу Алексееву, что австрийцы, наступающие на правом берегу Бренты, выйдя в равнину, могут развернуться на кратчайших путях к Падуе и Венеции. Тогда они окажутся в тылу оборонительных линий Изонцо и Тальяменто и отрежут большую часть итальянской армии от всей страны, ибо перехватят все главнейшие грунтовые пути и железнодорожные артерии, ведущие из Италии во Фриуль, к правому флангу и центру итальянского фронта.

«Если бы наступающим австрийцам, писал Ромеи, удалось выполнить эту задачу, то моральные и материальные последствия были бы неисчислимы». Сообщая далее, что в районе австрийского удара итальянцы сосредоточили резервы, которые могут позволить предпринять встречное наступление, Ромеи говорит: «Но для достижения решительных результатов операция эта должна быть произведена одновременно и в

3) Военно-ученый архив. Дело № 887.

4) О каком промедлении идет речь—даже непонятно, так как междусоюзная конференция в Шантильи 14 февраля 1916 г. установила начало атаки на русском фронте 15 июня.

5) Военно-ученый архив. Дело № 458.

полной связи с общим наступлением русских армий юго-западного фронта.

Не только армия, но и весь итальянский народ проникнут глубоко укоренившимся убеждением, что настоящая война может быть решена только после одновременной атаки итальянской и русской армий против Австрии, являющейся слабейшим членом неприятельской коалиции».

Таким образом, энергичное наступление австрийцев скоро поставило итальянскую армию в критическое положение, и ее командование начало настойчиво взывать о русской помощи.

Насколько кризис в Италии принял угрожающие размеры, видно из нижеследующих двух телеграмм.

26 мая начальник канцелярии русского министра иностранных дел телеграфировал [6]) в штаб русской главной квартиры:

«Итальянский король обратился с личной телеграммой на имя государя императора, прося помочь Италии наступлением на нашем юго-западном фронте. Министр прибавил, что, не считая себя в праве высказываться по военному вопросу, он сообщил подобное же ходатайство итальянского правительства генералу Алексееву»...

Но нетерпение итальянцев было так велико, что уже через два дня, то-есть, 28 мая, начальник канцелярии министра иностранных дел (русского, барон Шиллинг) телеграфировал [7]) генералу Алексееву содержание телеграммы Гирса [8]), русского посла в Риме:

«Считаю долгом донести, что король и правительство в большом недоумении и огорчении, что на посланную государю императору телеграмму не последовало еще ответа [9]). Неуверенность в возможности отразить австрийское наступление создает весьма опасное настроение в стране, и, повидимому, в армии все настойчивее взывают к нашей помощи. Считаю крайне необходимым срочно поддержать дух итальянцев, хотя бы словом поощрения».

Обещания русского верховного командования помочь Италии.

Вернувшись 31 мая в Могилев из поездки на фронт, Николай II тотчас же телеграфировал [10]) итальянскому королю:

...«мой начальник штаба (ген. Алексеев) доложил мне, что 4 июня моя армия будет в состоянии начать атаку австрийцев. Эта дата несколько ранее той [11]),

---

[6]) Госуд. архив. 11 отдел. Телеграмма № 2252. См. Прил. 1-е.

[7]) „ „ „ № 2280. См. Прил. 2-е.

[8]) Телеграмма № 391.

[9]) Николай II был на фронте, а потому его ответ задержался.

[10]) Государственный архив. II отд. Приложение № 3.

[11]) 15-го июня.

которая установлена военным союзным советом для общей на всех фронтах. Я решил предпринять это изолированное наступление с целью оказать помощь храбрым итальянским войскам и во внимание к твоей просьбе»...

А еще раньше, 26 мая, Алексеев телеграфировал [12]) начальнику русской военной миссии при французской главной квартире, ген. Жилинскому, в ответ на его сообщение о том, что у итальянцев чувствуется растерянность, вследствие постигшей итальянскую армию неудачи:

...«начиная с 10 мая, итальянская главная квартира через нашего полковника Энкеля и здешнего военного представителя Ромеи обращалась с просьбами, по тону своему близкими к требованиям, произвести сейчас же, немедленно наступление на австрийском фронте нашими южными армиями... итальянская главная квартира утверждает, что при дальнейшем энергичном наступлении австрийцев не только будет исключена всякая возможность наступления итальянцев на Изонцо [13]), но впоследствии будут вынуждены оставить эту линию. Если же австрийцы дойдут до Тальяменто... то незначительными даже силами они могут мешать действиям на востоке, и итальянцы будут вынуждены ограничиться действиями на Трентино. Единственное средство помешать этой опасности — немедленный переход русских в наступление, в крайности, производство сейчас же демонстративного наступления, дабы удержать против себя силы австрийцев и оттянуть войска, вероятно, находящиеся в пути в Тироль.

«Отмечу, — писал Алексеев, — что уже 20 мая, вечером, Кадорна высказал Энкелю соображения, что не предвидит возможности осуществить установленную общим планом действий атаку на Изонцо: следствия событий последующих дней могли не изменить, а только утвердить Кадорну в решении, которое намечено было 20 мая, и напоминание о вероятной невозможности принять участие в будущей операции союзников считается, повидимому, только наиболее действительным средством побудить нас начать немедленную атаку армиями Брусилова».

«Лично считаю, — писал Алексеев, — что итальянцы не примут никакого участия в общей операции после понесенной неудачи; для парирования же наступления австрийцев на Трентино и нанесе-

---

[12]) Военно-ученый архив. Дело № 458.

[13]) Как было условлено на конференции в Шантильи.

ния им здесь сильного удара они имеют вполне достаточные силы, если соответственно сгруппируют войска и проявят решительную настойчивость. Втягивать нас без надлежащей подготовки немедленно в атаку, значит вносить в общий план союзников дальнейшее расстройство и обрекать наши действия на неудачу. Однако, *во имя помощи итальянцам*, которая, повидимому, является настоятельною, мы ускоряем нашу подготовку и, примерно, 2 июня (нов. стиля) южные армии будут в состоянии начать атаку»...

3-го июня Алексеев, в ответ на новый запрос Жилинского [14]) писал последнему [15]):

«Настойчивые просьбы итальянцев до личного обращения короля к государю *вынудили нас принять решение начать* атаку армиями Брусилова 22 мая (4 июня по новому стилю). Главный удар направлен на Луцк»... [17]).

Точное выполнение обещания русского верховного командования. Тяжелое положение Австро-Венгрии.

В соответствии с обещаниями, данными итальянской главной квартире, 4 июня юго-западный фронт г. Брусилова в составе 4-х армий (VIII, XI, VII и IX) перешел в наступление на фронте протяжением в 300 *км* от Луцка до Черновиц, нанося главный удар VIII армией в районе Олыка, на Владимиро-Волынском направлении.

По словам Фалькенгайна [18]), 4 июня в Галиции, «как гром из ясного неба разразилась беда».

И действительно, все четыре армии Брусилова в первый же день прорвали расположение австрийцев и стали энергично развивать свой успех.

«Уже 5 июня со стороны австрийцев, — говорит Фалькенгайн [19]), — последовал в немецкую главную квартиру настоятельный зов о помощи»... «наступление как на Волыни, так и в Буковине имело огромные результаты. К востоку от Луцка австро-венгерский фронт был прорван беспрепятственно, и не более как в 2 дня образовался зияющий провал в добрых 50 километров шириною. Части IV

---

[14]) Как было условлено на конференции в Шантильи.
[15]) № 174.
[16]) Военно-ученый архив. Дело № 458.
[17]) Приложение № 5.
[18]) *Фалькенгайн*. „Верховное командование", стр. 223.
[19]) *Тоже*, стр. 224 и 225.

австро-венгерской армии, которые до сих пор там стояли, исчезли до жалких остатков. Не существенно лучше, — продолжает Фалькенгайн, — обстояло дело после короткого колебания с VII австро-венгерской армией в Буковине. Она хлынула назад на всем фронте; первое время нельзя было и предвидеть, когда и где удастся ее остановить... Все имевшиеся в распоряжении резервы сохранившихся участков, а особенно немецкие южной армии и фронта Лизингена, были немедленно брошены на угрожаемые пункты. И однако, по словам Фалькенгайна, — когда 7 июня стали известны потери союзников (австрийцев) людьми и материалом, а также ближайшие данные о поведении частей в боях, нельзя было уже сомневаться в том, что без сильной немецкой поддержки в близком будущем всему фронту в Галиции грозит полный разгром... новое вторжение русских в Венгрию или новая угроза Силезии были для него (немецкого верховного командования) недопустимыми. Наступление как первого, так и второго случая привело бы к скорому истощению срединных держав. Итак, налицо — говорит Фалькенгайн, — была существенно изменившаяся обстановка. Возможность такого краха, конечно, никогда не учитывалась в рассуждениях начальника генерального штаба. Он считал его невозможным».

Из приведенных выше слов Фалькенгайна видно, в каком положении оказалась австро-венгерская армия после перехода армий Брусилова в наступление.

Результат разгрома Австро-Венгрии — прекращение наступления австрийцев в Трентино.

Для ликвидации критического положения австрийцев против русских, к югу от Полесья продолжавших серьезные наступательные действия и в июле, были направлены не только крупные силы австрийцев, переброшенных с итальянского фронта, но даже и германские дивизии, спешно переброшенные из Франции.

Об этом Людендорф, описывая действия армии Брусилова, говорит так [20]): «...германское верховное командование сделало на этих фронтах [21]) большие позаимствования, а также подвезло дивизии с Запада... Австро-Венгрия постепенно прекратила наступление в Италии и также перебросила войска на восточный фронт».

---

20) Людендорф. „Мои воспоминания о войне 1914-1918 г. том I. стр. 178

21) Т.-е. на фронтах Гинденбурга и принца Леопольда Баварского.

И Гинденбург говорит то же самое [22]: «австро-венгерское наступление со стороны южного Тироля должно было быть остановлено, в виду поражения на галицийском фронте».

А австро-венгерцы, действительно, понесли полное поражение. Русские армии юго-западного фронта при развитии успеха на фронте около 350 километров почти от Пинска до Черновиц проникли вглубь неприятельского расположения, в среднем, на 60 километров и захватили 420 тысяч пленных, 600 орудий [23]) и массу имущества.

Но напрасно было бы думать, что этот успех русских достигнут был легким трудом и малой кровью. Наоборот, потери, понесенные армиями Брусилова, были весьма велики (свыше 600 тысяч чел. [24]). Для пополнения русских армий потребовался, по словам генерала Иванова [25]), лично мне сказанным, дополнительный призыв миллиона ратников ополчения. Это не позволило в 1916 г. собрать урожай полностью и своевременно.

Так, надрывая свои силы, Россия выполнила свое обещание помочь Италии и Антанте.

Зато последствия разгрома австро-венгерской армии были для союзников более, чем существенны: «наступление потрясенных австро-венгерцев в Трентино было прекращено, был создан важнейший стимул для выступления Румынии на стороне держав согласия, чего так добивались Англия и Франция и что принесло им, а также и Италии, огромные выгоды.

Кроме того, поражение Австро-Венгрии в 1916 г., после которого она уже не была в состоянии оправиться, не могло не сказаться на всех ее последующих действиях, чем и воспользовалась Италия в 1917 и 1918 г.г.

Указать точно все австро-венгерские дивизии, переброшенные с итальянского фронта на русский с 4 июня 1916 г. и до выступления Румынии, не представляется возможным, так как на последний на-

---

[22]) „Воспоминания Гинденбурга", перевод Л. Шегло, издание 1922, стр. 4.

[23]) Louis Rivière. „Ce que nul n'a le droit d'ignorer de la guerre 1914—1918" стр. 23.

[24]) До выступления Румынии, в июне 1916 г., по сведениям штаба русского верх. главноком., было эвакуировано в глубокий тыл 197,069 раненых, в июле 172.377 (Военно-Исторический Сборник. Выпуск I, 1919 г., Москва", стр. 176).

[25]) Бывший главнокомандующий армиями юго-западного фронта.

правлялись не только дивизии в полном составе, но и части различных дивизий, тяжелая артиллерия, маршевые роты и прочее.

Однако, по сведениям итальянской главной квартиры, переданным в русскую главную квартиру, нашим представителем в Италии полковником Энкелем и генералом Ромеи, а отчасти по разведывательным сводкам штаба русского верховного главнокомандующего, где регистрировались вновь появившиеся на русском фронте австро-венгерские части, с итальянского фронта на русский были переброшены и там обнаружены [26]) девять пехотных дивизий (3, 6, 28, 34, 43, 44, 48, 57, 59) две горных бригады (6 и 18), 6 батальонов народных стрелков, отдельные полки 13, 29 дивизий и трех горных бригад. Кроме того, были сняты с итальянского фронта, но на русском фронте не были обнаружены, части шести пехотных дивизий (8, 9, 18, 22, 61 и 106 ландштурменной), которые, повидимому, были отведены в резерв на русский фронт или расформированы для пополнения разбитых на русском фронте дивизий.

Примерно, австрийцы перебросили на русский фронт около 30% всех сил, бывших до того времени на всем итальянском фронте (принимали участие в наступлении в Трентино 18 дивизий) [27]).

Оценка влияния наступления русских итальянской главной квартирой.

Теперь интересно проследить оценку влияния, произведенного наступлением армий Брусилова на стратегическое положение итальянского фронта со стороны бывших союзников России, а главное, самих итальянцев.

Луи-Ривьер [28]) говорит, что наступление русских... «отвлекло усилия, предпринятые в мае против Италии. Мы сами (французы) воспользовались этой победой: германские дивизии, переброшенные Германией на помощь Австрии, ослабили немцев на Сомме». Из Франции на русский фронт с июня до выступления Румынии были переброшены [29]) 7 германских дивизий (19, 20, 43 рез., 11 баварская, 1, 121 и 195), а из внутренних областей Германии четыре (201, 216, 217 и 14 ландверная).

Но самым лучшим доказательством огромной помощи, оказанной Италии русским фронтом, может служить сообщение генерала Ромеи

---

[26]) Военно-ученый архив. Дела №№ 713 и 759.

[27]) А. Заиончковский. Мировая война, стр. 270.

[28]) Commandant P. Louis Rivière. „Ce que nul n'a le droit d'ignorer de la guerre 1914–1918". Стр. 23 и 34.

[29]) General Buat. „L'Armée Allemande pendant la guerre de 1914–1918. Стр. 40 и 41.

ген. Алексееву еще 6 июня [30]), т.-е. в самый разгар операций Брусилова, о том, что ген. Кадорна возложил на него «честь повергнуть к подножию престола его императорского величества живейшую признательность верховного командования итальянской армии за предпринятое русскими армиями юго-западного фронта наступление». Вместе с тем генералу Ромеи «... поручено принести такую же благодарность его высокопревосходительству генерал-ад'ютанту Алексееву» [31]).

---

[30]) Военно-ученый архив. Дело № 887.

[31]) Благодарственная телеграмма была послана от имени Кадорны и ген. Брусилову, но в делах Военно-ученого архива не разыскана.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Директору дипломатической канцелярии.

От начальника канцелярии министра иностранных дел.

13 мая 1916 года № 2252.

Итальянский король обратился с личной телеграммой на имя государя императора, прося помочь Италии наступлением на нашем юго-западном фронте. Передавая сегодня по телеграфу это обращение его императорскому величеству, министр прибавил, что, не считая себя в праве высказываться по военному вопросу, он сообщил подобное же ходатайство итальянского правительства генералу Алексееву «для доклада государю своих соображений по этому поводу».

Спешу сообщить вышеизложенное на случай, если бы генерал Алексеев пожелал бы доложить государю таковые свои соображения прежде, чем последует ответ королю.

Подписал *барон Шиллинг.*

№ 2.

Директору дипломатической канцелярии.

От начальника канцелярии министра иностранны дел.

15 мая 1916 года № 2280.

Гирс телеграфирует за № 391. Ссылаюсь на свой № 387. Считаю долгом донести, что король и правительство в большом недоумении и огорчении, что на посланную государю императору телеграмму не последовало еще ответа. Неуверенность в возможности отразить австрийское наступление создает весьма опасное настроение в стране и, повидимому, в армии все настойчивее взывают к нашей помощи. Считаю крайне необходимым срочно поддержать дух итальянцев, хотя бы словом поощрения. . . . .

Подписал *барон Шиллинг.*

№ 3.

Ministre des Affaires Etrangères
18 мая 1916 г. Petrograd.

Передайте мою телеграмму итальянскому королю:

Je te demande bien pardon pour ma réponse tardive.

Etant absent pendant dix jours pour des inspections au midi je suis revenu ce matin. Du rapport fait par mon chef d'Etat-Major il resulte que le 4 juin n. st. mon armée pourra commencer l'attaque contre les autrichiens. Cette date est un peu en avant du terme fixé par le conseil militaire des alliés pour l'attaque générale sur tous les fronts. Je me suis résolu à faire cet effort isolé pour venir en aide aux braves troupes italiennes et en égard à ta demande. De tout mon coeur je te souhaite la complète réussite du prochain avancement de tes intrépides armées et je prie de croire à mon invariable amitié.

Nicolas.

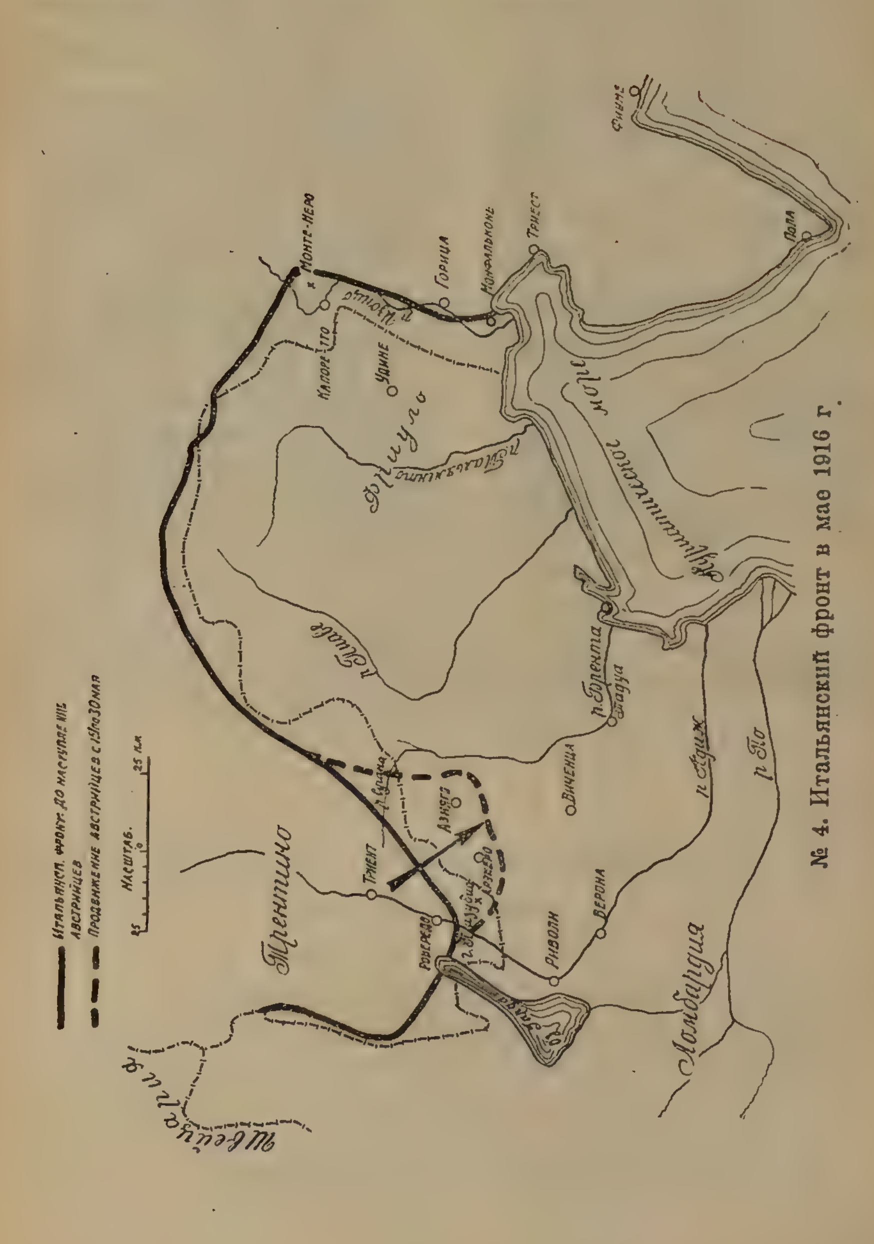
Министру иностранных дел.
18 мая 1916 г. Петроград.

Передайте мою телеграмму итальянскому королю:

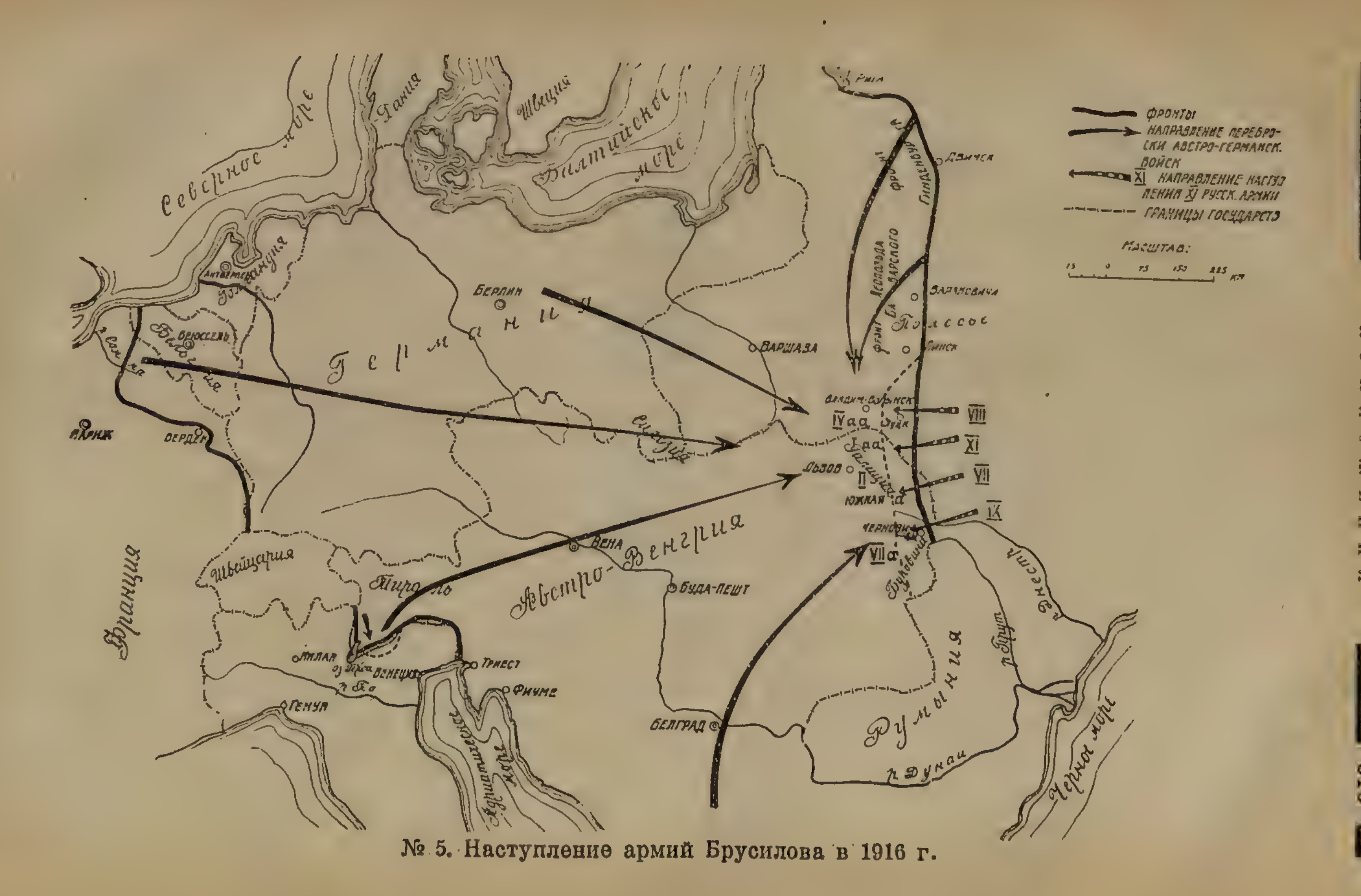
Прошу извинения за мой запоздалый ответ.

В продолжение десяти дней я инспектировал войска на юге и вернулся сегодня утром. Мой начальник штаба доложил мне, что 4 июня нового стиля моя армия будет в состоянии начать атаку австрийцев. Эта дата несколько ранее той, которая установлена военным союзным советом для общей атаки на всех фронтах. Я решил предпринять это изолированное наступление с целью оказать помощь храбрым итальянским войскам и во внимание к твоей просьбе. От всего сердца я желаю тебе полной удачи в будущем наступлении твоих бесстрашных армий и прошу тебя верить в мою постоянную дружбу.

Николай.

№ 4. Итальянский фронт в мае 1916 г.

№ 5. Наступление армий Брусилова в 1916 г.

А. СНЕСАРЕВ.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ РАСЧЕТЫ ДЕРЖАВ АНТАНТЫ.

Ныне, когда с момента начала Мировой войны протекло более 10 лет, исторические изыскания с достаточной яркостью установили, что многое в союзе держав Согласия, в смысле разумного и целесообразного боевого сотрудничества, было намечено неудачно, узко и односторонне, многое было просмотрено, многое было спроектировано слишком эгоистично, прибыльно для одной и убыточно для другой из сторон... Теперь более, чем ясно, что военные конвенции между Францией и Россией были проведены резко в пользу Франции и что они насильно вызвали на *однородное* поведение слишком *разнородные* боевые потенциалы. Эти конвенции ярко нарушены были Францией в ее плане первоначального стратегического развертывания, а Россия была вызвана на донкихотские шаги неразумной торопливости и несомненного риска. Но все эти недоговоры, злостное утилизирование России союзниками и общее отсутствие стратегической гармонии меркнут перед теми условиями разделения общего хозяйственно-экономического бремени, которое было возложено на страны Антанты тяжелыми требованиями длительной и всеохрупающей войны. Если стратегические и военно-организационные просчеты войны теперь подытожены тяжелыми и часто ненужными потерями, обилием моментов стратегически пустых или роковых по своим последствиям, равно как и несправедливым договором Версаля, то все эти ошибки в наши дни являются достоянием прошлого. Они сданы уже на мельницу истории и будут перемалываться длительным историческим просмотром и переделом до более терпимой и правильной нормы.

Совсем иное дело с хозяйственным наследием войны. Оно еще не завершено, не переведено в рамки какого-либо общепримирительного исхода, оно еще значится какими-то «долгами» или экономическими обязательствами одной и нескольких былых союзниц к другим. И тут пересмотр, поправка и более правильное подытоживание убытков и потрясений, понесенных союзниками, не только возможно, но и настоятельно нужно. И пересмотр этот должен быть совершен в корне, в существе дела, а не на старых основах торгово-капиталистических обязательств, которые и поныне, к сожалению, лежат в основе дела. Должны быть учтены все траты людьми, материалом, потерями территорий, разгромом народного достояния во всех формах и т. д. Лишь

тогда можно будет подвести итоги окончательного расчета и вытекающих из него обязательств. Иначе война представит собою лишь грубое утилизирование средств и достояний одного из более отсталых, менее богатых и технически слабых союзников, которому в свое время доставлялись по «хорошим» ценам орудия и материалы человеческого истребления и с которым будут рассчитываться только за одни эти орудия, не обращая внимания на понесенные им человеческие жертвы, материальную разруху и т. п. Рассчитываться так, это значит использовать союзника и боевого товарища, как нервно высасываемую колонию, экономически истекающую на ниве кровавой торговли. И вот именно на таком-то уродливом базисе Франция и Англия хотели бы, повидимому, расчитаться с Россией, более их пожертвовавшей людьми и более их разрушенной.

Разве не странно, что каждый пулемет, каждое орудие, проданное нам Францией и разбитое, может-быть, в первом же бою, остается навсегда долговой статьей на плечах России, а любой из ее погибших или искалеченных сынов — молодой и полный сил работник, который мог бы прожить еще 30—40 лет и представлял бы поэтому крупную экономическую ценность, — исчезает навсегда во взаимных учетах, словно бы жалкий трудовой нуль, бесконечно менее ценный какого-либо орудия или пулемета?

Подобный подсчет в хозяйственном подытоживании войны, сводящий к забвению экономическую ценность людских потерь и подсчитывающий только рубли и винтовки, является или недомыслием или слишком жадным притязанием капиталистических стран к своему боевому товарищу. Нравственная ценность такого подсчета не выше морали злостного ростовщика, вторгнувшего клиента в невыгодную сделку и затем пользующегося плодами своего жестокого обмана.

Настоящая статья имеет целью расценить экономический размах (об'ем) всех людских жертв, которые были во время войны принесены Россией, и показать, что уже хотя бы одни эти жертвы в расчетном послевоенном балансе представляют собою колоссальный для России актив. Актив, который во имя правды и морального подведения итогов войны не может быть забыт. Но останавливаясь на такой задаче, надо сказать, что предлагаемая статья не поведет к углублению вопроса и отчетливо научному решению, ибо для этого нет достаточно материала, а имеющийся налицо—слишком не прочен и нервен. Цель статьи — наметить лишь абрисы расходной суммы людских потерь, набросать ее облик и размеры, наметить и оттенить принципиальную ценность ее учета среди других расходов.

Современная война, при ее исключительных размерах, длительности и необычайности потрясения народной жизни, губит людскую массу не только боевыми орудиями на полях сражения, но и во всех углах страны и всеми путями. И наиболее крупными потерями при этом являются: потеря от уменьшения рождаемости, потеря от увеличения смертности и уже затем чисто боевые потери. Первые две потери давно вошли в обиход научных экономических изысканий и не вызывают в себе общих сомнений ни существом дела, ни методическими приемами исследования. Учитывая в нашем анализе людские потери, мы остановимся на следующих главных статьях: потери убитыми в боях, потери ранеными в боях, потери от «недорождаемости» и потери от увеличения смертности. Сумма таковых в России, сравненная с аналогичными суммами Англии и Франции, покажет то преобладающее место, которое принадлежит в этом отношении России, и тот хозяйственно экономический недобор, который несет русский народ при неправильно установленных основах расчета.

К сожалению, статистические данные о потерях в Мировую войну представляют собою спутанную, несовершенную и, главное, — неоднородную картину: начиная с безупречного и почти совершенного статистического материала Германии и отчасти Англии, мы имеем качественно нисподающую лестницу, кончающуюся совершенно ненадежным материалом Турции и балканских государств. Впрочем, для наших общих соображений достаточно будет и имеющегося материала, так как, повторяем, мы не подытоживаем окончательно, а лишь устанавливаем принципиальную важность и общие, хотя бы приблизительные, размеры людских потерь.

Картина боевых потерь, по данным бюро о потерях Отчетно-Статистического Отдела Управления РККА и по данным бывшего главного штаба характеризуется следующей таблицей:

Таблица № 1.

Боевые потери русской армии в войну 1914-1918 г.г.

Категории военно-служащих.	Убитых, умерших от ран и отравлен. газами.	Ранено и контужено.	Пропало без вести.	Пленных.	Всего.
Офицеров . . .	14.283	40.040	3.753	13.222	71.298
Врачей, чиновников и священников. . .	93	423	65	1.106	1.687
Рядовых	666.837	2.777.213	225.020	3.395.105	6.963.102
Всего	681.213.	2.817.676.	228.838.	3.409.433.	7.036.087

Эта таблица и по своей конструкции, и по итогам вызывает серьезную критику. Итог убитых, умерших и т. д. дает впечатление сильного преуменьшения, что легко об'ясняется обстановкой осведомления и сложной военной обстановкой вообще: осмотрительность главного штаба, клонящаяся к уменьшению потерь, систематичный убавок строевых донесений, затерянные данные и т. д. Столбец «раненых и контуженных» слишком упрощен и не предусматривает категорий ранения, что с экономической точки зрения было бы важно. Столбец «пленных» не указывает числа возвратившихся; столбец «пропавших без вести» заставляет думать об окончательной потере, что едва ли имело место... Словом, таблица не дает ответа, что именно, в конце-концов, уцелело для России и что из уцелевшего сохранило способность к работе. В конечном итоге приведенная таблица для целей нашего исследования практически мало полезна. Нам было бы важно из нее получить общий итог окончательных «экономических потерь» на полях сражения, т.-е. число людей, потерявших жизнь, превратившихся в калек, безвозвратно пропавших и не возвратившихся из плена. Но таблица на этот вопрос не дает надежного ответа. О таком итоге можно только гадать, и он едва-ли будет в сумме менее двух миллионов (одних убитых и калек не менее 1½ миллионов), а, вероятно, — больше.

Обращаясь к другим источникам, мы цифру окончательных потерь России на полях сражений чаще всего находим под формулой «убитых», особенно в тех таблицах, где «боевые» потери сопоставляются с потерями от недорождений и от увеличения смертности. И эта цифра определяется в 2½ миллиона. Такую цифру мы встречаем в книге Н. А. Троицкого «Военная География и Статистика Иностранных Государств»; ее же мы находим и в труде проф. А. А. Крубера «Общее Землеведение» (стр. 263), при чем автор относит ее только к Европейской России, т.-е. считает преуменьшенной для всей России. В труде М. П. Павловича «Итоги Мировой Войны» мы находим цифру убитых равной 1½ милл., но рядом с этой цифрой он приводит цифру 784,2 т. раненых и окончательно выбывших из строя и 800 тыс. взятых в плен и без вести пропавших. Столь резкое расхождение цифр — 2½ миллиона у одних авторов и 1½ миллиона у третьего — можно об'яснить тем, что первая цифра, вероятно, включила в себя и другие категории серьезных потерь, т.-е. калек, безвозвратно пропавших и т. д.

То обстоятельство, что цифры М. П. Павловича о раненых и пленных не согласуются с данными Отчетно-Статистического Отдела

Управления РККА, легко об'яснимо разными масштабами понятий и разными данными подытоживания результатов.

Для нас достаточно остановиться на цифре 2,5 миллиона, как на цифре «убитых», но включая сюда не только убитых в точном смысле, но и убитых в экономическом смысле (калек), а также безвозвратно для страны потерянных в плену и дезертирстве... На этой именно цифре (во всяком случае не преуменьшенной) можно остановиться по двум соображениям: во-первых, она фигурирует и в иностранных отчетах, и, во-вторых, она сама собою напрашивается из сравнения цифр убитых в России и в иностранных государствах.

Итак, будем считать, что Россия в Мировую войну потеряла убитыми 2½ миллиона, разумея при этом как убитых, умерших от ран и отравленных газами, так и радикально изуродованных ранами и окончательно погибших для страны пленников и дезертиров.

Обращаясь к потерям убитыми наших бывших союзников, а именно, Франции и Англии, мы для первой из стран чаще всего сталкиваемся с цифрой в 1,4 миллиона убитых. Эту цифру мы находим как в книге Н. А. Троицкого, так и в труде А. А. Крубера. Что в данном случае мы имеем дело с вышеприведенным суммарным понятием «убитых», вытекает из того, что М. П. Павлович приводит иную цифру убитых, а именно 870 тысяч, но рядом с нею он дает также цифры раненых и окончательно выбывших из строя, а также взятых в плен и без вести пропавших, т.-е. он дает лишь одно слагаемое (870 тыс.) из общей суммы в 1,4 миллиона.

Цифры убитых Англии не отличаются такой же устойчивостью, как цифры Франции. А. А. Крубер называет здесь 800 тысяч, Н. А. Троицкий — 650 тысяч. У М. П. Павловича мы встречаем еще более пониженную цифру, а именно 205,4 тыс., но рядом с этим приводится 102,5 тысячи раненых и окончательно выбывших из строя и 107,5 тысяч, взятых в плен и без вести пропавших. Нет никакого сомнения, что последняя цифра 205,4 тыс. значительно преуменьшена и что под нею разумеется лишь часть британских действительных потерь, потому что уже одна туземная армия Индии потеряла убитыми, ранеными и больными свыше 100 тысяч, из которых умерло около 40 тысяч (The Indian Year Book 1924).

Но, с другой стороны, и цифру А. А. Крубера придется считать сильно преувеличенной. Во избежание упрека в пристрастии мы все же берем эту наибольшую цифру, а именно — 800 тысяч.

В результате, таблица сравнительных потерь убитыми (в приведенном выше смысле) России, Англии и Франции получится такая:

Таблица № 2.

Потеры убитыми России, Франции и Англии в Мировую войну.

Страны	Число убитых в тысячах.	% от общей суммы убитых.	% от потерь России.
Россия	2500	53%	100%
Франция	1400	30%	56%
Англия	800	17%	32%

Таблица показывает, что Россия потеряла более половины от общей потери всех трех союзников. Она потеряла вдвое больше Франции и слишком втрое больше Англии. Можно ли эту роковую разницу считать навеки истертой из памяти Антанты и не подлежащей никакому компенсированию при той обстановке, когда союзницы ожидают расплаты за каждый устарелый аэроплан и застрявшую в Архангельске пару сапог.

Второй цифрой, которая могла бы нас интересовать, должна быть цифра раненых. Уже судя по приведенной нами таблице № 1, эта цифра должна быть крупной и должна превосходить цифру убитых, умерших от ран и отравленных газами, по крайней мере, в 3—4 раза. Но несмотря на такой большой отвес этой цифры, мы в нашем анализе вынуждены будем отказаться от ее использования. Цифра раненых по своей природе является гораздо менее уловимой статистически, чем цифра убитых. Понятие «раненый» слишком сложно и непрочно, чтобы его можно было использовать в целях статистического учета и прийти к надежным выводам. Категории раненых — кстати не совпадающие в разных армиях — не уточняют, а усложняют вопрос. Но если трудно подытожить сумму раненых в армиях вообще и затем сравнить полученные итоги, то еще бесконечно труднее подсчитать эквивалентные числу раненых *экономические потери*. Раненый первого класса еще ясен, он—совершенно потерянная экономическая ценность и поэтому может быть в этом смысле приравнен к убитому, да еще с тем дополнением, что, как нуждающийся в посторонней помощи, он представляет собою убыль государства *большую, чем один* убитый. Но анализ других классов ранения будет более замысловатым, и выравнение его хотя бы в долях с другими потерями может завести лишь в лес предположений и сведется к сомнительной игре в арифметику.

Выше изложенная трудность подведения суммы раненых, а затем перевода этой суммы на экономическую равноценность побуждает нас совершенно отказаться от использования этой цифры. Ни одной минуты нельзя сомневаться, что общая сумма раненых в России должна быть столь же выше соответствующих сумм Англии и Франции, сколь и сумма убитых. Более того, значительно более рациональные приемы лечения и организация для окончательных поправок раненых во Франции и Англии должны сводить итоги раненых и в качественном, и в количественном отношении еще к большему преобладанию числа их в России. Отсюда мы можем заключить, что, выбрасывая эту цифру из нашего рассмотрения, мы этим отнюдь не обнаруживаем научного пристрастия в пользу нашей страны, а, наоборот, добровольно лишаем себя одного из очень крупных слагаемых в споре об окончательной экономической компенсации.

Следующей цифрой, стоящей на очереди в нашем анализе, является цифра уменьшенной рождаемости, как результат пережитой войны. На фоне отсутствующей из страны огромной части мужского населения, равно как и общих потрясений от войны и страшных испытаний и лишений со стороны беженцев и пр., само появление цифры понятно. Другое дело, как и какими приемами ее учитывать. В этом отношении могут быть разные течения, до учета недоношенных детей включительно, но не входя в методическую сторону вопроса, повторим уже нами высказанное, что для наших целей достаточно приблизительных и не отчеканенных подсчетов. Во всяком случае установление рождаемости довоенной и сопоставление ее с рождаемостью после-военной, проведенное с нужными коррективами, даст для нашего анализа достаточно надежную цифру.

Обращаясь к источникам, мы найдем следующие цифры (одинаково у Н. Троицкого и у А. Крубера):

Таблица № 3.

Уменьшение рождаемости в России, Франции и Англии в результате Мировой войны.

Название стран.	Уменьшение рождаемости (в тысячах).	Потеря каждой страны в % от суммы потерь трех стран.	Потери стран, принимая потери России за 100.
Россия	8.300	78%	100
Франция	1.500	14%	18
Англия	850	8%	10

Результаты таблицы № 3 еще более разительны, чем в таблице № 2. Россия по цифре потерь от уменьшения рождений занимает исключительное место, равное $^4/_5$ от суммы потерь всех трех стран; она почти в четыре раза превосходит сумму потерь Франции и Англии, в семь раз превосходит Францию и в десять раз Англию.

Переходя, наконец, к последней цифре, намеченной нашим анализом, а именно к потерям от увеличения смертей, вызванным Мировой войной, мы встречаемся с цифрой той же статистической природы, как и цифра недорождений. Отсюда и все сказанное выше относительно последней должно относиться и к цифре увеличенной смертности. Тем с большим недоумением приходится констатировать, что эта последняя у разных авторов является разной и далеко не столь совпадающей, как цифра уменьшения рождений. Начнем с цифры России. В книге И. А. Троицкого цифра увеличения смертей определяется в 2¼ миллиона, между тем, как А. А. Крубер приводит оглушающую цифру—4,7 миллиона. Совершенно нет возможности отнестись с сознательной критикой к той или другой цифре, хотя большая осведомленность А. А. Крубера, использовавшего довольно широкий материал, как будто вызывает к себе большее доверие. Так же резко расходятся у этих авторов соответствующие цифры Франции и Англии. У И. А. Троицкого цифра потерь Франции равна 450 тыс., между тем, как у А. А. Крубера она равна 1.840 тыс.; соответствующая цифра Англии у Троицкого 250 тыс., у проф. Крубера 1 миллион. Мы видим,— цифра Крубера, относящаяся к России, вдвое больше цифры Троицкого, а цифра Крубера, относящаяся к Франции и Англии, вчетверо более цифр Троицкого. Столь резкое расхождение цифр и невозможность их выравнять по какому-либо авторитетному источнику заставляют обратиться к побочным соображениям, чтобы так или иначе остановиться на какой-либо определенной цифре. Изучение цифрового материала других стран, военные отчеты которых заслуживают значительного доверия, например, Германии или даже Италии, показывают, что потери (в результате войны) от увеличения смертности, чаще оказываются меньшими потерь от уменьшения рождения, но разница не превосходит 30—40%; говоря иначе, первая цифра составляет $^2/_3$—$^3/_4$ второй. Хотя нужно упомянуть, что есть и страны, в которых цифра увеличения смертей больше цифры уменьшения рождений; это мы, например, наблюдаем в Бельгии[1]). Во всяком случае цифры уменьшения

---

[1]) Цифра увеличения смертей, относящаяся к Сербии, в четыре раза превосходит цифру уменьшения рождений, но положение Сербии является исключительным, да и статистика ее вызывает на сомнения

рождений и увеличения смертей (в результате Мировой войны) оказываются не резко и неоднородно между собой расходящимися, а колеблющимися в своем количественном соотношении. А если это так, то цифры увеличения смертей, приводимые П. А. Троицким, вызывают к себе сомнения, так как они, исключая случая Сербии и Румынии, являются значительно меньшими, по сравнению с цифрами уменьшения рождений — в 2—4 раза. Не трудно было бы осмыслить и другими путями, что подобное соотношение между рассматриваемыми цифрами является мало вероятным, как это показывает опыт разносторонних и давнишних демографических исследований. Приведенные соображения заставляют нас остановиться на цифрах А. А. Крубера, при чем картина по увеличению смертности выразится следующим образом:

Таблица № 4.

Увеличение смертности в России, Франции и Англии в результате Мировой войны.

Название стран.	Увеличение смертности (в тысячах).	Потеря каждой страны в % от суммы потерь трех стран.	Потери стран, принимая потери России за 100
Россия	4.700	63%	100
Франция	1.840	24%	40
Англия	1.000	13%	21
В сумме . . .	7.540	100%	—

Таблица № 4 показывает ту же картину, что и таблица № 3. Россия и в смысле увеличения смертности также является страной гораздо более пострадавшей, чем ее былые союзницы: она потеряла от увеличения смертности в 2½ раза больше, чем Франция и в пять раз более, чем Англия.

Имеются, как результат Мировой войны, и другие потери людьми, как, например, окончательно пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена и т. д. Эти цифры для России будут опять-таки значительно преобладающими, чем соответствующие цифры Франции и Англии, но трудная статистическая уловимость этих цифр, а еще большая затруднительность сведения их к надежному экономическому эквиваленту, побуждают нас отказаться от соблазнительного подсчета, несомненно, крупной русской статьи. Сведя результаты трех таблиц (№№ 2, 3, 4) в одну, мы получим следующую сравнительную картину потерь людьми в результате Мировой войны:

Таблица № 5.

Потери людьми на полях сражений, от уменьшения рождаемости и увеличения смертности во время Мировой войны Россией, Францией и Англией.

Название стран.	Число убитых.	Потери от уменьшения рождений.	Потери от увеличения смертности.	Сумма потерь трех перечисленных категорий.	Общая потеря страны в % от суммы потерь 3-х стран.	Общая потеря стран, принимая потерю России за 100.
Россия . . .	2.500.000	8.300.000	4.700.000	15.500.000	68%	100%
Франция . .	1.400.000	1.500.000	1.840.000	4.700.000	20%	30
Англия . . .	800 000	850.000	1.000.000	2.650.000	12%	17
Сумма .	4.700.000	10.650.000	7.540.000	22.850.000	100%	

Мы не будем входить в роковой смысл освещенных этой таблицей данных. Нас в таблице интересует все тот же основной вывод, а именно: Россия от Мировой войны пострадала людьми несравненно больше, чем ее союзницы, а, значит, в своем грядущем трудовом потенциале потрясена несравненно более, чем Франция и Англия. В общей сумме потерь на ее долю выпадает более двух третей этой суммы (68%), а в отдельности абсолютно она потеряла в 3—3,5 раза более Франции и в 6 раз более Англии.

Конечно, здесь может возникнуть вопрос и об относительной тяжести потерь, понесенных странами, т.-е. о % этих потерь по отношению к общему населению стран. Считая такой прием исчисления ошибочным, так как в долговых обязательствах стран фигурирует только абсолютная величина, мы можем все же сказать, что и этот подсчет серьезно не изменит представленной картины. В этом случае мы должны только оговорить, что при вычислении населений Англии и Франции необходимо будет иметь в виду и населения колоний этих стран, так как колонии в Мировую войну значительно помогали своим метрополиям людскими контингентами. Достаточно упомянуть, что Франция, совершенно обезлюженная (в смысле боевого материала), уже к середине 1916 года была спасена своими черными частями. Что же касается Англии, то одна только Индия выставила до 1½ миллионов народу (1.457.000) на помощь Англии, из которых 943 тысячи служили вне территории Индии.

Подсчитав в процентах от довоенных населений России, Франции и Англии рассмотренные уже нами потери, мы получим такую картину:

Таблица № 6.

Относительные потери людьми России, Франции и Англии в Мировую войну.

Название стран.	Довоенное число жителей.	Потери убитыми на 1 тыс. довоенного населения.	Потери от уменьшения рождений на 1 тыс. довоенного насел.	Потери от увеличения смертности на 1 тыс. довоенн. насел.	Сумма потерь на 1 тыс. довоенного населения.
Россия	180.000.000	14	46	26	86
Франция	79.000.000	17	19	23	59
Британская империя.	435.000.000	1,8	2	2,3	6,1

И из этой таблицы мы опять получаем то же впечатление, как и из всех предшествующих: Россия не только абсолютно, но и относительно пострадала гораздо больше, чем ее союзницы. Лишь столбец с убитыми как будто выдвигает на первое место Францию, но остальные столбцы — повторно восстанавливают скорбное преимущество России; особенно же в этом отношении поучителен последний столбец: он говорит, что Россия относительно потеряла в 1½ раза более Франции и в 14 раз более Англии... Особенно в данном случае поучителен аристократизм Британии, драгоценная жизнь сынов которой на поле союзных претерпеваний погублена была в 10 раз менее по сравнению с французской и в 14 раз менее по сравнению с русской... Вразумительная правда в распределении союзнических плюсов и минусов...

Установив эти цифры, попробуем теперь определить, какое экономическое значение могла бы иметь эта ушедшая от нивы труда и пользы человеческая масса. Мы подходим к вопросу, сравнительно молодому в статистике, об оценке общей продукции в странах, о количестве общенародных экономических накоплений, о продуктивности отдельного человека, а отсюда и об его экономической ценности и т. п. Как в области методологической, так и в особенности в смысле точности, мы стоим перед темами, очень сложными и разно понимаемыми.

Сошлемся хотя бы на состояние вопроса в Индии, где как оценка национального богатства Индии, так и ежегодный доход ее на «среднюю голову» представляет необыкновенно разнообразную сферу решений [2]). Но, как мы говорили выше, нам достаточно лишь наметить общую канву решения, совершенно не входя в подробности.

Из общей ежегодной продукции в стране, проявленной во всех сферах народного труда и рационально суммированной, а кроме того внимательно прокорректированной всякими сопутствующими обстоятельствами (установленное раньше национальное богатство; динамика народного труда; текущая обстановка его применения; количество населения и т. д.) делается вывод о размерах годовой продуктивности (сведенной, конечно, к какой-либо определенной денежной оценке) отдельного человека этой страны. Ряд погодных исследований укажет эволюцию этой годовой продуктивности, отнесенной к отдельному человеку, и даст возможность определить какую-то среднюю за взятый ряд годов. Это и будет средняя годовая продуктивность человека рассматриваемой страны.

Найденная таким путем трудовая доходность отдельного человека подведет нас, в конце-концов, к его стоимости, как производящей инстанции. Он может быть приведен к сравнению с любой производящей инстанцией, будь то фабрика, торговое дело и т. д., но обычно его приводят к аналогии с определенной суммой капитала, приносящей тот же доход, как и рассматриваемый человек. Учет размеров процента, который при этом имеют в виду, относится уже к подробностям дела. В конце-концов человек определяется, как выраженная капиталом рабочая сила страны или, говоря иначе, определяется его экономическая стоимость. Таков в кратких словах путь, по которому человек может войти в аналогичную («равноправную») оценку со всеми другими материальными средствами, которых потребовала и в большинстве случаев погубила война, т.-е. со всеми орудиями, пулеметами, аэропланами, удушающими газами, сапогами, одеждой и т. д.

Обратившись теперь к таблице № 5, зададимся вопросом: как же определить тот излишек потерь, который понесла Россия сверх, так сказать, нормы, т.-е. тот излишек, за который она вправе потребо-

---

[2]) См., напр. S. Sarkar. Economics of British Jndia. Morison Industrial organisation of an indian Province, Dictionary of statistics, одно из позднейших изданий; заявления вицекоролей, вроде Карзона и т. д. Вопрос широко, хотя несколько смело, намечен был в свое время Barriol'ем в Revue Economique internationale XII—1910 и V—1914. La valeur sociale d'un individuum.

вать какого-то вознаграждения или экономического эквивалента? Для упрощения можно выходить из средней потери Франции и Англии, как нормы, которая явилась как бы для стран обязательной или естественной, и тогда превышение русских потерь над этой средней можно принять, как перерасход нашей страны, подлежащий какому-то удовлетворению. Как показывает таблица № 5, средняя из потерь убитыми Англии (800 тыс.) и Франции (1.400 тыс.), равна 1.100.00 человек, превзойдена Россией (2.500 тыс.) на 1.400.000 человек. Вот первая цифра, которая должна быть восстановлена в статьях актива России.

Определяя среднюю потерю Англии (850 тыс.) и Франции (1.500 тыс.) от уменьшения рождений в 1.175.000 чел. и сравнивая ее с потерями России в 8.300.000, найдем, что наши потери недорождениями превосходят «норму» на 7.125.000 человек.

Рассуждая так же по поводу цифр увеличения смертности, мы найдем, что цифра России превзошла соответствующую норму на 3.280.000 человек. В сумме мы издержали на 11.805.000 больше средней общей потери Франции и Англии. И за эту колоссальную цифру, излишне нами погубленную, мы должны и вправе получить эквивалент. Это есть принцип, непреложный и логичный.

Повторим нашу мысль: Англия и Франция, требуя с нас расплаты за каждый пулемет и за каждый рубль, исчезнувшие в горниле войны, не могут вычеркнуть из своей памяти 12 миллионов энергий и рабочих сил, принесенных нами на алтарь войны.

Нам остается сделать попытку расценить выведенную нами конечную цифру в 11.805.000 человек, т.-е. представить их в эквивалентных ей единицах ценности. Нужно иметь в виду, что цифры, входящие в конечную сумму, т.-е. убитых, недорожденных или сверхсмертных, неоднородны между собою, и должны быть проанализированы отдельно.

Прежде всего гибель 1.400.000 человек «убитыми» представляют собою исчезновение мужчин молодых, полных жизни и трудоспособности, ценность которых представляет наивысшую степень трудовой энергии человека (по сравнению, например, с женщинами, детьми или стариками). Не входя в подробности, в данном случае неинтересные, мы можем для простоты экономическую стоимость каждого погибшего, как молодого, трудоспособного человека, определить в 10.000 рублей. При этом условии сверхнормная потеря России убитыми окажется равной 14 миллиардам рублей. Мы видим, как уже при одной этой

одурманивающей цифре меркнут те крупные притязания, которые с такой уверенностью в правоте своих требований пред'являют к нам наши бывшие союзники. Но это пока только одна треть наших прав на вознаграждение.

Цифра недорождений поддается экономическому трактованию несколько труднее. Представляя собою в значительной мере теоретическое умозаключение, она требует к себе очень осмотрительного отношения. Цифра вызывает не мало возражений: учет войны, как главного фактора, влияющего на уменьшение рождений, более или менее гадателен; построение цифры сложно и не вполне отчетливо; выживание тех, что могли бы родиться, полно превратностей и т. д. Эти возражения, однако, не настолько решительны, чтобы побудить нас отказаться от цифры, раз таковая существует во всех государствах и является поэтому общепринятой и вообще допустимой.

Преследуя и здесь чисто общее освещение вопроса, мы можем позволить себе значительное упрощение, но и тут, оставаясь на нашей прежней системе, т.-е. стараясь скорее преуменьшить цифру, чем ее преувеличивать. Считаясь с тем, что детская смертность у нас до Мировой войны была колоссальна и что не было особенных данных к тому, чтобы характер ее мог измениться в ближайшие к войне годы, сделаем допущение, что из 7.125.000 человек недорожденных «по причине войны» дожила бы до трудового возраста только треть, или, говоря иначе, от уменьшения рождений наша страна потеряла 2.700 тысяч трудового возраста. Определяя экономическую ценность женщины в половину меньше мужской (все в тех же видах упрощения) и полагая число мужчин и женщин одинаковым, найдем, что потеря 2.700.000 человек при экономической ценности мужчин в 10.000 рублей равна потере суммы в 20 с четвертью миллиардов рублей.

Наконец, мы можем аналогично трактовать и излишек потерь России от увеличения смертности, т.-е. цифру 3.280.000. Допуская, что большинство смертей выпало на долю детей и стариков и определяя это большинство в $^2/_3$, получим, что в результате войны Россия потеряла 1.093.000 людей трудового возраста. Вновь допуская равенство в этой цифре мужчин и женщин и исходя из предпосылки, о половинной экономической ценности последней, мы найдем, что потеря 1.093.000 людей трудового возраста будет равна потере суммы в 5,9 миллиардов рублей.

Сложив полученные три цифры, мы увидим, что Россия от Мировой войны сверх нормы потерь, которую мы наметили для

каждой из трех союзных стран — России, Франции и Англии — потеряла 40.150.000.000 рублей, то-есть свыше 40 миллиардов рублей. Эта цифра, которую Россия потеряла сверх общей нормы, на которую она потрясла больше своих союзниц свое национальное благосостояние, которая сверхгнетом отразилась и еще отразится на будущем России, и которую тем не менее бывшие союзницы России хотят вычеркнуть из своей памяти и пытаются счесть несуществующей и непонесенной.

Мы ни одной минуты не скрываем от себя, как трудно нам будет отстаивать наши, казалось бы, явные права на огромную дополнительную плату со стороны союзниц при более справедливом распределении послевоенных экономических тягот. Одна уже природа цифр вызовет массу возражений, может-быть, и принципиальных, и, несомненно, возражений в сторону метода, подходов, подробностей и степени точности. Здесь целое море для обсуждений и пререканий, начиная с области экономического учета человеческой жизни и возможностей использовать существующий цифровой материал, проходя через непримиримые препоны разнородного леса статистических систем, разнохарактерности обстановки, условий труда и жизни, разнокачественности труда и кончая самой возможностью установить надежные подытожные результаты.

Но именно для того, чтобы предупредить большинство возражений, нами был проведен принцип возможного упрощения и обобщения данных на ряду с правилом неизменного снижения цифр. Мы защищаем только самое существо вопроса, которое сводится к следующему: Россия в итоге Мировой войны на ниве человеческих жертв понесла гораздо более, чем ее союзницы, и потеряла из-за этого неизмеримо большее количество ценностей, определяемых с экономической точки зрения 40 миллиардами рублей. Эта сумма не только не может исчезнуть по сравнению со всеми типами довоенных и послевоенных обязательств России, но и должна доминировать над ними. Не получив и не получая за эту потерю никакого экономического эквивалента, Россия, значит, в мировом союзническом деле в итоге оказывается обойденной и ограбленной.

Этого, конечно, не может быть допущено. Старая числовая и чисто торгашеская бухгалтерия не должна оставаться властительницей в деле послевоенного нивеллирования общих усилий и потерь. На сцену должен быть внесен новый, более человечный и передовой критерий выравнивания и учета всех трат, усилий, ошибок, удач, страданий и лишений; лишь этот критерий будет надежным судьей

в запутанной после войны международной, вообще, и экономической, в частности, коп'юнктуре.

На фоне этой правды не могут быть забыты, и тем или иным путем должны быть возданы России, ее сверх нормы потерянные 11.805.000 человек или, говоря материально, брошенные сверхрасходом 40 миллиардов рублей народного достояния [3]).

---

[3]) В свои расчеты автор ввел результаты только самой войны 1914—1918 г. г. Результаты же интервенции и гражданской войны остались незатронутыми... Очевидно, что их тоже надо учесть.

Ф. КОСТЯЕВ.

ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ, КАВКАЗЕ И В ТУРКЕСТАНЕ 1918—1920 г.

Обстановка, предшествовавшая интервенции на юге России, Кавказе и в Туркестане в 1918 г. — Франция и оккупация одесского района и Крыма. — Англия и оккупация Кавказа, Закаспийской области и действия в Каспийском море. — Помощь Деникину. — Помощь Врангелю. — Итоги интервенции на юге России, Кавказе и в Туркестане.

Обстановка, предшествовавшая интервенции на юге России, Кавказе и в Туркестане в 1918 г.

Еще до заключения Брестского мирного договора, до выхода России из Мировой войны, когда на юге России закреплялась Советская власть, а в некоторых ее районах — на Дону, Кубани — образовались контр-революционные организации Каледина, Алексеева, Корнилова, — официальные представители Франции и Англии сделали первую попытку связаться с этими организациями.

Формирования, производимые Калединым, Алексеевым и Корниловым на Дону, заинтересовали Францию и Великобританию, и их военные представители в России, в декабре 1917 года побывали в Новочеркасске и обещали от имени своих правительств значительную денежную помощь [1]).

Однако, это первое выступление Антанты на юге России не дало никаких результатов в течение года, несмотря на все призывы политических группировок и в частности Деникина, по независящим от нее причинам, главным образом, вследствие изменения политической обстановки на юге России и на Кавказе.

Обстановка же эта сложилась в средние 1918 года следующим образом: Украину и Крым оккупировали германцы, введя в нее более 40 дивизий и провозгласив гетманство Скоропадского; в Донской области создавалась при содействии Германии донская армия Краснова, которая вскоре активно выступила против Советской власти; контр-революционные формирования Алексеева — Корнилова — Деникина — добровольческая армия, которая ориентировалась на Антанту и была против помощи немцев, находилась около Екатеринодара; в Закавказье образовалось три независимых республики — Грузия, Азербейджан, Армения и само Закавказье частично было оккупировано турками или (Грузия) опиралось на немцев; наконец, Дарданеллы были закрыты для прохода судов Антанты.

Таким образом, доступ к контр-революционной добровольческой армии и к югу России был прегражден Германией и Турцией.

---

[1]) Лукомский, стр. 246-247.

Но перелом войны осенью 1918 года на французском фронте, крушение германской военной мощи, выход из войны Турции, открытие Дарданелл и поспешная эвакуация германцами Украины — радикальным образом изменяют отношение Антанты к югу России, к Закавказью, и в связи с общим планом борьбы с большевизмом, Франция и Англия активно выступают на юге России, проводя здесь вооруженную интервенцию, с оккупацией некоторых областей.

Уже в предвидении капитуляции Германии, глава французского правительства Клемансо письмом от 27 октября 1918 года ставит в известность командующего союзными войсками на Востоке ген. Франше д'Эспере о принятом «плане экономического изолирования большевизма России, в целях вызвать его падение»; вместе с тем, просит разработать план для создания «базы» союзных войск в Одессе и для выступления в Южной России, которое будет иметь связь с действиями на Востоке (приложен. 1). Немного позже от ген. Щербачева, являющегося представителем контр-революционных армий во Франции, ген. Деникин получил уведомление, датированное 16 ноября о том, что на совещании в Бухаресте с ген. Бертелло, командующим войсками в Румынии, ему удалось достигнуть значительных результатов [2]), которые сводятся к следующему.

1) Для оккупации юга России будет двинуто 12 дивизий французских и греческих, из которых одна прибудет в Одессу на-днях.

2) Главная база союзников — Одесса; одновременно будет занят и Севастополь.

3) По прибытии союзных войск в Одессу и Севастополь, они займут Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность добровольческой и донской армиям прочнее сорганизоваться и быть свободными для более активных операций.

4) В Одессу, как главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств: оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, аэронавтики, продовольствия и пр.

---

[2]) В ноябре 1918 года состоялось в Яссах знаменитое совещание политических группировок России, от меньшевиков до монархистов, которые решили просить помощи Антанты, а Милюков даже требовал введения 150 тыс. иностранных войск. Это Совещание послало телеграмму о вооруженном вмешательстве. Маргулиес „Год Интервенции", стр. 27-46.

5) Богатые запасы бывшего румынского фронта в Бессарабии и Малороссии, равно, как и таковые Дона, будут переданы в распоряжение добровольческих армий (приложение № 2). Наконец, от ген. Франше д'Эспере было получено Деникиным письмо, в котором было сказано: «Будьте уверены, что Франция, которая была всегда верна и лойяльна союзникам, достойным этого имени, не забудет истинно русских и не оставит добровольческую армию. Тотчас же, как только это будет возможно, я прикажу направить в Новороссийск военное судно и прислать боевые припасы и материалы, в коих вы нуждаетесь и о которых вы мне говорили [3])».

Исполнение этих обещаний не заставило себя долго ждать 23 ноября эскадра союзников прибыла в Новороссийск, а 27 ноября представители Англии и Франции приехали в Екатеринодар.

На официальном приеме прибывшие представители Франции определенно заявили, что союзники хотят возможно скорее увидеть возрожденную Россию, единый русский фронт и единое русское командование; что все борющиеся открыто или путем интриг против этих идей, являются не только врагами России, но и врагами союзников; что русским главнокомандующим на юге России является ген. Деникин и что теперь, когда Дарданеллы и Босфор открыты, союзники всем, чем могут, придут на помощь братской и союзнической добровольческой армии [4])».

В конце ноября и в декабре союзные войска произвели частичную, не в обещанном размере, высадку в Одессе, Севастополе и на Кавказе — в Батуме и Баку, а также появились в Закаспийской области. Скоро прибыло и снабжение для армий Деникина.

«Экономическая интервенция» Клемансо стала осуществляться.

По идее эта интервенция должна была преследовать цель удушения большевизма путем создания стального кольца вокруг России. Но на юге России она приняла своеобразный характер и велась своеобразными приемами.

Рост советской территории в 1918 году, укрепление ее власти в Предкавказье, в Туркестане, а также вероятное ее укрепление на Украине с уходом германцев, после поражения на французском фронте,—все это создало у Англии и Франции крайне тревожное настроение. Они почувствовали и стали понимать, что лозунги великой социальной революции должны потрясти умы не только Европы, но и

---

[3]) Воспоминания Лукомского, стр. 261.

[4]) Воспоминания Лукомского, стр. 259.

народов Востока, прежде всего, в странах, непосредственно прилегающих к России на юге и порабощенных западно-европейским империализмом. Явилась боязнь за проникновение этих идей и за рост революционного движения в Турции, Персии, Афганистане, Индии, Сирии, Месопотамии. Начавшееся национальное освободительное движение в Турции, противопоставившее себя контр-революционному и антинациональному правительству султана и боровшееся с международным империализмом за освобождение порабощенного халифата, понималось, как явный симптом этого революционного движения. Явилась мысль изоляции народов Востока, создания буферных государств на Кавказе и в Туркестане, на подобие буферных государств на западе.

В Лондоне носились с мыслью об образовании независимого Юго-Восточного Союза из Северного Кавказа и Закавказья.

Французы говорили об юго-западном правительстве на юге России.

С другой стороны, богатый юг России: Украина и Кубань— хлебом, Кавказ — нефтью, Туркестан — хлопком, давно привлекал внимание как Франции, так и Англии. Европа нуждалась во всем этом, особенно после разорения и истощения в империалистическую войну. Порты Черного моря, дававшие до 200 — 300 мил. пудов вывозного хлеба, могли прокормить Францию, а Кавказская нефть давала Англии выход из ее положения в поисках за нефтью.

Вопреки уверению официальных представителей, все действия Антанты сводились теперь к одному: ослабить Россию и свести ее на-нет. Это особенно подчеркивалось в период версальской конференции мира. Высказывалось мнение: «Сейчас, когда на месте России на Востоке появляется Великая Польша — русский вопрос потерял свое значение для европейского равновесия. Россия принадлежит скорее Азии, чем Европе». Значит Россия — колония. Значит ее можно расчленять и эксплоатировать. Она сделала свою историю, а теперь не нужна.

Все эти предпосылки — политические и экономические — ярко отразились на характере и районах интервенции.

В целях проведения интервенции, все окраины России были разбиты между Францией и Англией на сферы влияния и зоны действий, о чем состоялось 23 декабря 1918 г. между этими государствами особое соглашение [5]).

[5]) Воспоминания Лукомского, стр. 293.

Во французскую сферу влияния вошли: юго-запад (Украина), Крым, Польша и западная часть Дона; в английскую: север России (лесная полоса), Прибалтика, Кавказ и Кубань и восточная часть Дона [6]) (надо думать, что и Туркестан). Эта схема и была полностью осуществлена на юге, при чем интервенция выразилась в следующих трех актах.

а) В оккупации французскими и английскими войсками важнейших пунктов в сфере их влияния с вооруженным вмешательством.

б) В непосредственной помощи Деникину и Врангелю снаряжением и вооружением.

в) В блокаде берегов Черного и Каспийского морей.

Франция. Оккупация одесского района и Крыма. Ко времени появления французов на юге России вся Украина, эвакуированная немцами, была охвачена петлюровским движением. Гетман Скоропадский пал. Власть перешла к директории Украины. В Крыму было свое правительство. По всему югу разбросаны были формирования добровольцев армии Деникина. Обстановка для высадки и занятия юга России была крайне благоприятна.

17 — 19 декабря 1918 г. в Одессе высадился первый десант французских войск (части 56 пехотной дивизии) под командой ген. Борнуса; при этом гор. Одесса был занят при поддержке огня с французских судов русскими добровольцами, которые его очистили от враждебно настроенных петлюровцев.

По мере прибытия десанта были заняты главнейшие порты: Херсон, Николаев, а зона пребывания в одесском районе расширилась на 100 — 150 верст от побережья до линии Вознесенск — Тирасполь на севере. Численность войск постепенно увеличивалась, и к февралю 1919 г. в одесском районе находилось французских (цветные войска), греческих и польских войск [7]) до 12.000 штыков, хорошо вооруженных техническими средствами, танками, аэропланами и т. д.; силы эти постепенно увеличивались и были доведены в марте до 30 — 35 тысяч бойцов, при общей численности около 70 тыс. человек, главным образом, французских войск [8]) (главнокомандующий ген. Бертелло, а командующий в Одессе — ген. Ансельм).

[6]) Марголин. „Украина и Политика Антанты", стр. 120 и Маргулиес. „Год Интервенции", стр. 51.

[7]) Польских войск до 3.500 человек, греческих разных частей в начале только 2 тыс. Маргулиес. „Год Интервенции", стр. 225.

[8]) Кроме того, на юге России находилась бригада ген. Тимановского, в составе около 3.000 штыков, 1.500 сабель, 24 орудий и 6 броневиков.

Одновременно с занятием одесского района была произведена высадка небольших частей в Крыму, при чем в Севастополе находился гарнизон из двух батальонов 175 пехотного французского полка, батальона греков, двух батарей и вспомогательных французских войск. В марте в Крым прибыли до 4 тыс. алжирцев и сенегальцев.

Англо-французская эскадра, состоявшая из 3 дредноутов, 8 крейсеров, 12 миноносцев и большого числа транспортов (под начальством адмирала Амет) блокировала берега Черного моря, не пропуская ни одного судна не под союзным флагом. Этот флот базировался на Севастополь; часть его находилась в Одессе.

Но время пребывания этих войск на юге России не было продолжительным; с наступлением Красной армии в марте и апреле 1919 года, оккупированная зона постепенно была очищена. Защита Херсона французскими войсками, с потерею ими 400 солдат и 14 офицеров, повела к немедленному оставлению Херсона, Вознесенска, к очищению Николаева и к эвакуации Одессы 5—8 апреля. Эта эвакуация, совершенная под прикрытием судов французской эскадры, носила крайне спешный, панический характер [9]).

Французские и другие войска были посажены на суда и отбыли в Константинополь. Добровольческая же бригада Тимановского отошла в Румынию, а впоследствии была переброшена к Деникину. Такой же спешный характер носило и оставление Крыма. Еще 14 апреля французские и английские корабли защищали фланги Акманайской укрепленной позиции (у Феодосии), занятые добровольцами и атакуемые Красной армией. Но уже 16 апреля все суда и все учреждения добровольческой армии из Севастополя были эвакуированы при содействии французов в Новороссийск; французы же, заключив перемирие с красным командованием, задержались до 23 апреля; за это время сняли с мели свой корабль «Мирабо» и затем покинули Севастополь.

Такая поспешная эвакуация об'ясняется протестом общественного мнения против посылки французских войск на чужую территорию, поколебавшим даже положение Клемансо, получившего всего

[9]) Полковник Фрейденберг, нач. штаба Ансельма, говорил еще 25 марта: „воля союзников—Одессы не сдавать, и она не будет сдана“, а уже 3 апреля было об'явлено об оставлении Одессы. По официальному донесению командующего в Одессе ген. д'Ансельма продовольственное положение войск было катастрофическое, а состояние большевистских войск прекрасное. Это и боязнь за устойчивость своих войск дало основание Верховному совету эвакуировать юг. Воспоминания Лукомского, стр. 136-137.

45 голосов в палате при вопросе о вооруженном вмешательстве [10]); к этому же принудило и недовольство оккупантов и начавшиеся волнения во флоте и частью в сухопутных войсках.

4 месячное пребывание французских войск на юге России, носившее резко выраженные формы оккупации, ничего общего с интервенцией не имело.

В воззвании к жителям юга России главнокомандующий войсками Согласия в Румынии и на юге России, ген. Бертелло, пишет: «войска союзников направляются к вам только для того, чтобы дать вам порядок, свободу и безопасность», и далее: «злоумышленники захватили власть, угрожая жизни и имуществу всех мирных жителей и друзей порядка, создавая, таким образом, в вашей стране анархию, ведущую к полному разорению» (приложение № 3).

Итак, цель французских войск — борьба против большевизма и восстановление порядка.

В чем же она выразилась?

После оккупации юга России, французское командование фактически приняло на себя все функции высшей власти в крае не только в области военной, но и гражданской. Оно смещало и назначало лиц по разным отраслям управления по своему усмотрению, при чем не признавало ничьей, кроме своей власти.

Оно считало Деникина не как власть на юге, а лишь командующим армией и стремилось подчинить его главному французскому командованию в лице Бертелло. Когда Деникин захотел переехать со штабом в Севастополь, то главнокомандующий союзными войсками на Востоке передал через французскую военную миссию следующую телеграмму: «получил ваше извещение о предполагаемом переводе штаба ген. Деникина в Севастополь. Нахожу, что ген. Деникин должен быть при добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует» [11]).

Ведя борьбу за власть с Деникиным, который отрицательно относился к действиям французов на юге, принявшим характер оккупации, а не интервенции, французское командование в противовес этой власти, старалось создать себе подчиненное юго-западное правительство, как орудие, послушное для проведения своих экономических интересов на Украине. Для этого французское командование все время вело переговоры с местными политическими группировками и даже с директорией Петлюры, с которым в начале февраля 1919 года было

[10]) Маргулиес. „Год Интервенции", стр. 134.
[11]) Воспоминания Лукомского, стр. 282.

намечено особое соглашение. Предполагалось, что Петлюра сформирует в течение года армию в 300.000 человек, которая будет снабжена и обучена французскими инструкторами, после чего начнется совместное выступление против большевизма. Как условие военной конвенции, было поставлено 4 главнейших пункта, обращающих Украину фактически во французскую колонию: а) Франция получает концессии на 50 лет на все украинские жел. дороги; б) Украина берет на себя обязательство уплатить Франции причитающиеся ей долги старого царского и временного правительств; в) уплата процентов гарантируется той частью доходов с железных дорог, которые причитаются украинскому правительству.

Вся финансовая, торговая, промышленная и военная политика Украины в течение пяти лет со дня подписания договора ведется под контролем Франции (приложения № 4—6).

В попытках создать свое правительство на юге России, Франция перед самой эвакуацией Одессы образовала комитет обороны и продовольствия, имеющий значение правительства, подчиненного французскому командованию.

Верные своей политике неиспользовать собственную живую силу для борьбы с красными войсками и видя затяжной характер в создании боевой силы на юге, французское командование ищет новые формы для этой армии, которая вместе с тем была бы и послушным ее орудием. Оно предложило немедленно начать формирование смешанных бригад, в которых солдаты пополняются путем добровольного найма, командный состав комплектуется из уроженцев Украины властью Деникина, но в каждый полк придается то же количество командного состава из французских инструкторов [12]). Ф о р м и р у е м ы е ч а с т и Д е н и к и н у н е п о д ч и н я ю т с я.

Все эти действия французов вызывали самые острые возражения даже со стороны Деникина и повели к столкновению с союзными правительствами, которые сообщили Деникину свое постановление, подписанное 4 апреля 1919 г. и сводящееся к следующему:

а) в зонах своего действия, т.-е. в Крыму и во всей освобожденной Новороссии (Одесская зона с Николаевом и Херсоном), французское командование признавалось высшим по разрешениям всех вопросов, т.-е. должно было д е й с т в о в а т ь, к а к в о к к у п и р о в а н н ы х р а й о н а х, а, следовательно, и устанавливать гражданское управление, не руководствуясь в этом отношении указаниями ген. Деникина;

---

[12]) Воспоминания Лукомского, стр. 284.

б) французское командование в своей зоне должно было вести самостоятельные операции против большевиков, при чем оно и ген. Деникин будут, по мере возможности, оказывать друг другу взаимную поддержку;

в) относительно русских торговых судов Черного моря (надо понимать, что речь шла о приписанных к Одессе, т.-е. $^{9}/_{10}$ всех черноморских торговых судов), — распорядителями являются французы [13]).

Насколько такая точка зрения была противоестественна для интересов России и неприемлема даже для русской контр-революции, видно из ответа Деникина, который считал, что «освобождение России от советской власти должно было вестись русскими, а не иностранными руками. Войска союзников крайне желательно было бы получить лишь для обеспечения порядка в районе, который должен был служить плацдармом для формирования русской армии и базой при ее дальнейшем продвижении [14]).

Действия французских войск, выполнявших программу французского правительства Клемансо об «экономической интервенции», носили явный характер расхищения народного достояния России. Многочисленные документы свидетельствуют о той широкой эксплоатации местных богатств, о тех разрушениях, захватах, уничтожении имущества, которые произведены были оккупантами - французами. Наиболее яркими фактами, иллюстрирующими эту оккупацию, являются изложенные ниже.

а) Французское командование с прибытием в воды Черного моря захватило $^{9}/_{10}$ торгового флота и часть военных судов. Этот захват вызвал решительный протест Деникина, который, жалуясь на увод французами русских транспортов, просит, чтобы эти транспорты сопровождались британскими кораблями (приложение № 9).

При эвакуации Одессы, французским командованием было захвачено 112 торговых судов, груженных имуществом, что вызвало протест представителя советской власти на Украине, тов. Раковского (приложение № 10).

Более того, на требование возврата этих судов правительством Колчака и белым командованием, французы об'ясняли захват «правом войны» (приложение № 10а).

б) Бесчинства французских войск и моряков по опустошению складов и по присвоению имущества превзошли всякие ожидания.

[13]) Воспоминания Лукомского, стр. 295 (приложение № 7).
[14]) Воспоминания Лукомского, стр. 298 (приложение № 8).

В Севастополе и Николаеве были разграблены склады порта, подводных лодок, радиостанций, артиллерийские и интендантские; с заводов в Николаеве были вывезены материалы и даже предметы оборудования (приложение №№ 11 и 13).

в) Много имущества торговых и боевых судов было потоплено и уничтожено. Так, подорваны подводные лодки «Лебедь» и «Пеликан»; уничтожен «Элпидифор», после боя с двумя французскими миноносцами [15]) (приложение № 12); потоплена целая баржа с винтовками.

г) Наконец, при оставлении Севастополя 21 апреля французами были подорваны орудия севастопольской крепости (приложение № 13).

Убытки, причиненные непосредственным участием французов в захвате и уничтожении имущества, могут быть исчислены, примерно, в 125 миллионов рублей, не считая стоимости имущества некоторых складов.

В этот счет не входит огромное количество имущества и разного рода ценностей, захваченных белым командованием: из Одессы 800.000 франков золотом, а из Крыма разного рода ценностей, которые были положены в Константинополе во французские банки в общий фонд, идущий на поддержание контр-революционных организаций в России (приложения №№ 14 и 15).

Англия. Оккупация Кавказа, Закаспийской области и действия в Каспийском море.

В связи с новым курсом английской политики на Востоке, совершенно новое для Англии значение приобрел Кавказ. В целях обеспечения своих владений в Средней Азии, английское правительство всеми мерами начинает стремиться упрочить свое влияние во вновь образовавшихся кавказских республиках и создать, таким образом, политический барьер, ограждающий эти владения от проникновения коммунистического движения. В данном случае, как и всегда, не только одни политические соображения руководят политикой английского правительства, но и соображения чисто экономические. Русская нефть, на подобие нефти моссульской, притягивает внимание англичан. Для осуществления своего плана английское правительство решило воспользоваться оторванностью Закавказья и незакончившейся ликвидацией кавказского фронта после Мировой войны, протекавшей в связи с развалом старой армии в крайне тяжелых условиях. Благоприятный случай скоро представился. Образовав-

[15]) См. статью П. Быкова.

шийся в 1917 г. закавказский сейм не признал советской власти. Турция, желая компенсировать себя за счет России, тянулась в Закавказье. Турецкие войска Нури-паши в июне 1918 г. приблизились к Баку, где установилась власть советов.

Верные своему принципу эксплоатации чужих сил, англичане избрали для осуществления намеченного плана русского полковника Бичерахова, который командовал русским отрядом, расположенным на левом фланге кавказского фронта и непосредственно примыкавшим к правому флангу англичан в Месопотамии. После того, как началось разложение армии ген. Баратова, Бичерахов, получивший предложение от англичан остаться со своим отрядом у них на службе [16]), отправился в Персию для об'единения остатков армий ген. Баратова и Шкуро. Собрав до 12.000 человек, Бичерахов прибыл в Энзели. Англичане следовали за ним в некотором расстоянии. При помощи обмана и английских денег, Бичерахову удалось добиться решения националистов пригласить англичан для действий против советской власти. 13 июля 1918 г., под предлогом защиты Баку, осажденного турками, из Энзели прибыл английский отряд, силою в 600 человек, который вместе с Бичераховым захватил в Баку огромное количество военного снаряжения и вооружения. Однако, это пребывание не было продолжительным: обнаружившийся успех турок заставил англичан уйти в Энзели, Бичерахов же, по указанию англичан, двинулся на север, где и занял Петровск, взяв с собою 120 милл. рублей. После разгрома германо-турецких войск англичане в ноябре вновь пришли в Баку и окончательно там утвердились. Представители советской власти, уже ранее подвергавшиеся преследованию, были арестованы или бежали (приложение № 22), и в Баку, при поддержке англичан, образовалась местная национальная власть эс-эров и меньшевиков.

Почти одновременно, 23 ноября британский флот, вошедший в Черное море, высадил английский десант на противоположной стороне Кавказа—в Батуме,—в составе дивизии, под начальством генерала Форестье-Уокира, продвинувшийся до Тифлиса.

В Батумской области для ее управления был создан совет, подчиненный генерал-губернатору, которым был назначен британский генерал Кук Коллис.

---

[16]) Бичерахов был произведен в генералы английской службы и получал от англичан деньги, оружие и огнестрельные припасы (приложение № 21).

По заявлению английских генералов Денстервиль [17]) и Уокира, они пришли поддерживать порядок, чужды политического вмешательства и будут помогать временно образовавшимся правительствам.

На самом же деле все свелось к образованию самостоятельных закавказских республик—Грузии, Азербейджана и Армении—и к овладению русской нефтью.

Английские генералы, не стесняясь никакими условностями, открыто заявляли о проектах политической перекройки карты Кавказа. По словам Уокира, переданным представителю Деникина, в начале 1919 г., существует следующее предположение в отношении Закавказья: а) присоединение его к России в границах 1914 г. с автономным управлением в областях; б) признание самостоятельности образования республик с полным отделением их от России и в) образование соединенных штатов на Кавказе, или—как самостоятельного организма, отдельно от России, или—федерации с ней, с признанием ее суверенных прав [18]). То же говорили лондонские министры представителю контр-революции Б. Савинкову, которые шли дальше и включили в этот союз не только Закавказье, но и Северный Кавказ: все должно было составить независимый Юго-Восточный союз [19]).

Эта политика расчленения Кавказа стала сразу поддерживаться англичанами: они открыто стали на сторону кавказских республик, при чем не признавали ничьей другой высшей власти, кроме своей, на территории Кавказа.

Даже в отношении белых армий Деникина, при котором находились аккредитованные английским правительством официальные представители, и который, по их заявлению, выполнял однородные задачи по интервенции, английское командование на Кавказе стало не только в положение обособленное, но иногда и враждебное.

Деникину, не признающему образовавшихся отдельных кавказских государств, было указано, чтобы он «лойяльно» придерживался общей политики союзников на Кавказе, если же он будет действовать в направлении, неприемлемом для Великобритании, то ему

17) Командовавший отрядом в Баку г.-м. великобританской службы (приложения №№ 16 и 17).

18) Воспоминания Лукомского, стр. 301.

19) Б. Савинков. „Перед воен. коллегией суда“, стр. 88 (приложение № 18).

будет отказано в поддержке, и приостановлена доставка посылаемых запасов [20]).

В столкновении между Деникиным и грузинским правительством британское командование приняло сторону последнего и настояло на занятии грузинскими войсками Сочинского округа, потом силою возвращенного Деникиным. Для полной изоляции своей сферы влияния и недопуска Деникина к кавказской нефти, между добровольческой армией и закавказскими республиками английским командованием была установлена разграничительная линия: Кизил Бурон (на берегу Каспийского моря, между Дербентом и Баку)—Закаталы и далее, по главному Кавказскому хребту, до Туапсе на Черном море [21]).

Впоследствии в эту сферу влияния англичанами были включены Дегастан и Петровск, куда и были введены британские войска и Бичерахов. Попытка занять нефтяной район Грозного была предупреждена Деникиным.

Наконец, чтобы быть полным хозяином на Кавказе, британское командование ультимативно потребовало удаления добровольческих частей Пржевальского из Азербейджана, что вызвало горячий протест со стороны Деникина [22]).

Одновременно с оккупацией Закавказья и некоторых пунктов Предкавказья Англия провела оккупацию Закаспийской области и овладела водами Каспийского моря.

Достойным внимания является тот факт, что англичане, верные своему принципу, прикрываться в своих действиях желаниями русских политических группировок и организаций, вынудили разрешение на эксплоатацию нефти от закаспийского правительства, ничего общего не имевшего с Закавказьем [23]), хорошо использовав события в Закаспии, которые развивались следующим образом.

В июле 1918 г. в южном Туркестане вспыхнуло контр-революционное восстание против советской власти, которая здесь утвердилась с конца октября 1917 г. Но это восстание первое время, из-за недостатка вооружения и снаряжения, не имело успеха. Закаспийский

---

[20]) Сообщено Деникину военным представителем Англии, ген. Бригс. „Воспоминания Лукомского“ (приложение № 19).

[21]) Воспоминания Лукомского, стр. 305.

[22]) Воспоминания Лукомского, стр. 318.

[23]) Попытка создать об'единенное правительство Закаспия и Кавказа относится к более позднему сроку, чем соглашение о бакинской нефти, достигнутое закаспийским правительством (приложение № 20).

исполнительный комитет (правительство восставших), в виду безвыходности положения, обратился за помощью к англичанам, находящимся в Мешхеде, в Персии (приложение № 20), и 19 августа 1918 г. заключил с английским генералом Малиссоном соглашение, ставившее в полную зависимость это правительство от британского военного командования и отдававшее в руки англичан наиболее важные в экономическом отношении пункты Туркестана и Кавказа. По этому соглашению великобританское правительство обязуется «защитить гор. Баку всеми возможными способами до последнего момента и вывести, насколько возможно, мазут и нефть в Красноводск; имея в виду преимущественное значение Баку—защитить Красноводск пехотой и артилерией против всех попыток врага с моря». Кроме того, англичане обязаны были доставить снаряжение, вооружение, патроны и предоставить отряды для занятия пунктов, определяемых общим соглашением. Пользование Закаспийской железной дорогой обеспечивается для англичан. Шоссе Асхабад — Мешед ремонтируется. Вывоз хлопка воспрещается и производится только по особым пропускам.

Цель такого соглашения—«восстановление спокойствия и порядка в Закаспийском крае и русском Туркестане и оказание сопротивления турко-немецким планам (!) военных захватов и политического господства в Закаспии и Туркестане» (приложение № 20).

Комментарий к этому документу, если сопоставить цели и порядок их осуществления, не требуется: Англия получает свободу вывоза нефти из Баку через Красноводск и хлопка по особым разрешениям, при чем для этой цели обеспечивается движение по железной дороге и даже ремонтируется на русские средства шоссе.

Первая помощь англичан не замедлила появиться: на подкрепление восставших прибыло 800 солдат при одной полу-батарее. Повстанцы в скором времени перешли в наступление и уже в ноябре заняли линию Мерв—Кушка, угрожая Ташкенту, опоре красного Туркестана. Английскими войсками постепенно были взяты все главнейшие пункты, обеспечивающие Закаспийскую железную дорогу и Красноводск. Кроме того, при их содействии была очищена Бухара и захвачен Чарджуй. Англичанами первое время введены были два отряда, каждый силою 1 батальон, 1 батарея и 1 пулеметное отделение, которые расположились: отряд полк. Флеминга—в Красноводске и отряд полк. Польс—на линии Мерв—Кушка. Непосредственными

резервами этих отрядов являлись части северо-персидской армии, расположенной в Энзели, Казвине и Хамадане (приложение № 21).

Характер овладения закаспийской территорией виден из ультиматума по захвату крепости и города Керки, пред'явленного не только англичанами, но и подписанного французским представителем (приложения №№ 23 и 24).

Обеспечив первые успехи контр-революционных сил, англичане дали возможность им сорганизоваться и вырасти в силу, способную не только удержать Закаспий, но и поддерживать движение в Бухаре, создавая тем затруднения советской власти в нормальном строительстве в Туркестане, при чем это быстрое нарастание сил, руководимое Савицким и Джунковским, окрылило надежды Деникина (приложение № 27).

Английское военное командование по выполнении своих обязательств совершенно перестало считаться с правительством Закаспийской области, а стало вмешиваться во внутренние дела и занялось эксплоатацией края. Одним из актов этого вмешательства является переворот 1—3 января 1919 г., произведенный представителем великобританского правительства, капитаном Тиг-Джонсом, который привел к занятию английскими войсками правительственных учреждений в Асхабаде.

Другим актом такого вмешательства была организация убийства 26 бакинских комиссаров. Эти комиссары были переданы представителю великобританской военной миссии в Асхабаде, Тиг-Джонсону, который их перевел в Красноводск, где они были расстреляны 20 сентября 1918 г. Далее, по ордеру великобританского военного командования, из Красноводска были отправлены в Индию 65 человек, из которых несколько деятелей советской власти (судьба их неизвестна до сего времени).

Третьим актом является расправа с нашими дипломатическими представителями в Персии, захваченными в Баку и отправленными в Хамадан в распоряжение англичан (приложение № 22).

Обеспечив свое пребывание в Баку и восточной части Кавказа, а также в Красноводске, английское командование повело борьбу за овладение водами Каспийского моря.

Это овладение фактически произошло с занятием Баку, ибо каспийская флотилия, в составе семи вооруженных судов, подчинилась Бичерахову, этому агенту Англии.

Но подчинение флота было наружное, и даже сам Бичерахов в нем не был уверен. По его словам — «если я прикажу ему выйти

в море, может случиться, что вместо Красноводска или Энзели он очутится в Астрахани» (приложение № 21).

Английское командование, отлично учитывая это обстоятельство, с одной стороны, вооружило все, какие возможно было, суда своими средствами, а с другой, 1 марта 1919 г., разоружила русскую каспийскую флотилию Бичерахова, при чем командующий британской каспийской флотилией адмирал Норрис заверил: «всю ответственность за ведение операции против красных морских сил, сосредоточенных в Астрахани и за правильное снабжение морем уральского фронта, британское морское командование берет на себя» (приложение № 25).

Взяв весь флот в свои руки, британское командование старалось всеми мерами изолироваться от Деникина, и на его намерение произвести новое комплектование флота открыто заявляло, что оно этого не допустит (приложение № 25). Таков был страх у англичан перед русскими моряками, не прошедшими их фильтрацию, и вместе с тем, — желание единолично распоряжаться водами Каспийского моря.

И, действительно, с этого момента Красный русский флот, находящийся на астраханском рейде, фактически был блокирован.

Так произошел захват и закрепление англичанами Кавказа, Закаспии и Каспийского моря под своим господством, при содействии местных правительств из меньшевиков и эс-эров.

Только с переломом всей гражданской войны и борьбы с Деникиным и Колчаком в нашу пользу — англичане были вынуждены к выводу своих войск из пределов Кавказа и Закаспии.

Весной 1920 г. Красная армия, совместно с астраханской флотилией, значительно усиленная вновь прибывшими судами, овладевает 27 апреля Баку. Через месяц, 18 мая флотилия захватывает Энзели, откуда английские войска, на правах невоюющей стороны, уходят в Решт, а в руки Красного флота попадает 10 вооруженных судов, 10 транспортов и 4 английских гидроплана.

В Закаспии англичане, еще в конце мая 1919 г., после сформирования значительной силы белых армий, под начальством Савицкого, стали эвакуироваться, оставивши в своих руках лишь Красноводск (приложение № 27). Но очищение Закаспийской области и овладение Закаспийской железной дорогой, длилось почти 10 месяцев, с мая 1919 г. по февраль 1920 г., когда был освобожден Красноводск. Однако, в Закаспии английское влияние и помощь в скрытом виде

продолжались и после этого, и потребовалось еще два года боевой работы Красной армии для того, чтобы сломить басмачество и покончить с Энвер-пашою, субсидируемым Англией.

За 22½ месячное пребывание на Кавказе и за 16 месячное пребывание в Закаспии англичане проявили свою деятельность не только в политическом и в экономическом, но и в военном отношении.

Выдвижение отряда Бичерахова к Петровску, захват Красноводска, Мерва, Чарджуя — передало в руки англичан все главнейшие в военном отношении узлы путей и прочно закрепило за ними подступы к бакинской нефти и хлопковым районам.

С другой стороны, захват этих стратегических пунктов имел непосредственное влияние на оперативную деятельность Красной армии, ставя ее иногда в крайне тяжелое положение.

Так, овладение Петровском, этим узлом путей на Астрахань, Владикавказ и морскою базою в Каспийском море, — еще в ноябре 1918 г. повело к разгрому нашей армии (XI армия), оперировавшей в районе Кубани и Ставрополя.

Эта армия боролась в этот период с белыми армиями Деникина и Врангеля и стремилась не допустить ее выхода из гнилого угла района Екатеринодара на Северный Кавказ. Но, вследствие оккупации Петровска англичанами, она должна была базироваться не на железную дорогу Владикавказ — Петровск и далее водою на Астрахань, а на колесные пути, пролегающие по пустынной безводной местности на протяжении более 400 верст от Св. Креста на Астрахань.

Неудачные бои с Врангелем, перешедшим в наступление в ноябре 1918 г., привели эту армию к отходу по указанным колесным дорогам, и большая часть армии погибла, но не в боях, а вследствие тяжелых местных условий. Никакие попытки Красной армии к возвращению бакинской нефти не могли иметь успеха без занятия Петровска и непосредственной помощи флота. Петровск же давал возможность поддерживать связь с уральским фронтом и Закаспийской Областью.

Отсюда ясны те выгоды, которые приобретали англичане от захвата Петровска.

Английская каспийская флотилия также тщательно охраняла и воды Каспийского моря, следя за движением нашего астраханского флота. Этот флот весною 1919 г., желая хотя бы обеспечить за собою

[21]) Воспоминания Лукомского, стр. 316.

нефть в районе Эмбы (у Гурьева), вышел в море из Астраханского рейда и неожиданным нападением захватил форт Александровск, став одновременно во фланговое положение морским путям противника из Баку на Красноводск и Энзели. Но месяц спустя неприятельский флот, при содействии сильной английской гидроавиации, вынудил Красный флот вернуться в Астрахань, при чем бомбами английского гидроплана был затоплен эскадренный миноносец «Москвитянин» [25]).

Мало того, англичане не были чужды и дальнейших агрессивных намерений и дальнейшего проникновения в глубь советской территории, для захвата Астрахани, астраханского флота и действий в тылу уральского фронта.

Если это не было осуществлено, то скорее по причинам, независящим от англичан — отсутствия соответствующих наемных русских войск (Бичерахову англичане уже не доверяли, а свои войска боялись двинуть в глубь страны).

Тем не менее такая угроза со стороны англичан вызвала необходимость содержать в районе Астрахани достаточные силы Красной армии и усилить астраханскую флотилию.

Экономическая деятельность англичан свелась к эксплоатации местных средств и, главным образом, нефти и хлопка.

В Баку англичане наложили свою руку на лучшие Бибейбатские промыслы. Вывоз нефти был организован в трех направлениях: на Батум — по нефтепроводу (до середины 1919 г.), на Энзели и Красноводск — по Каспийскому морю. Каспийский и черноморский флот пользовались исключительно бакинской нефтью.

О характере эксплоатации нефти свидетельствует факт оставления ее в Батуме в период эвакуации, документальные данные азербейджанского правительства [26]), судовые книги нефтяного судна «Галилей», захваченного нами в Ленкоране в мае 1920 г. [27]) и многие другие.

Убытки от этого использования, по имеющимся еще неполным данным, определяются не менее, как 53 мил. рублей.

Использование хлопка в Закаспийской Области с занятием англичанами русских хлопковых участков имело тот же характер. В силу договора с закаспийским правительством англичане, по свидетельствам, получали разрешение на хлопок и его вывозили.

---

[25]) Боевая работа Красной армии и флота, изд. ВВРС 1923 г., стр. 85.

[26]) Сведения ЦКАКП от 30/IV-24 г. № 819.

[27]) Боевая работа Красной армии и флота 1918-23 г., стр. 85.

Не остались без внимания англичан также и другие богатства Кавказа — рыбные промыслы, марганцевая руда, табак и т. д., убытки по которым исчисляются десятками миллионов рублей.

Наконец, само пребывание англичан в Батуме, Баку, Красноводске и Каспийском море было сопряжено с расхищением военного и другого имущества, потоплением разного рода судов, порчею зданий, мостов, телеграфных линий.

В общем непосредственными своими действиями англичане принесли ущерб Советской России не менее, как в 388 мил. рублей, считая в том числе и задолженность британского командования правительству Азербейджанской республики около 49 мил. рублей и захваченные агентом Англии, Бичераховым в гор. Баку 120 мил. рублей (приложение № 26).

Политическая деятельность англичан, как уже говорилось раньше, ознаменовалась свержением советской власти в Баку и Закаспии, закреплением на местах местных политических группировок, противных этой власти, но покорных англичанам.

Оценивая общий характер оккупации англичанами Кавказа и Закаспия, необходимо констатировать, что эта оккупация принесла неисчислимые бедствия Советской России, которые не могут быть представлены только в виде убытков в 300 — 400 мил. рублей, причиненных непосредственными действиями англичан, но должны быть рассмотрены в более широком масштабе, а именно:

1). В течение почти двух лет (22½ мес.) Советская Россия была лишена не только бакинской нефти, дающей до 475 мил. пудов в год, но и нефти с острова Чиликена, из района реки Эмбы и Грозного, что все вместе составляет еще до 100 мил. пудов.

Отсутствие нефти, этого источника промышленно-экономической жизни страны, прекратило существование или привело в полный упадок многие заводские, фабричные предприятия. Транспорт железнодорожный и водный, ⅓ которого в прежней России пользовалась нефтью, был совершенно расстроен, тем более, что переход на каменный уголь встретил также не мало затруднений, ибо Донецкий бассейн находился в руках белых армий.

Наконец, многие нефтяные источники оккупационными властями были приведены в негодность и уничтожены. Если не принимать даже во внимание убытков от функционального расстройства промышленности и экономической жизни страны, а исчислить только стоимость нефти, как продукта, которого мы не получали и которым

мы не могли пользоваться, то и этот убыток достигает огромной суммы в полмиллиона рублей или около 1,3 миллиарда франков.

2) В течение 26 мес., с июня 1918 г. по сентябрь 1920 г., Советская Россия не могла получать совершенно хлопка из Туркестана. Перерыв сообщения по ташкентской дороге, вызванный событиями на Востоке и в Сибири, мог быть заменен связью с хлопковыми районами по закаспийской жел. дороге. Но захват английскими войсками этой дороги и в частности Красноводска лишил нас и этой последней возможности. Отсутствие хлопка, добыча которого у нас до Мировой войны достигла 8 мил. пудов в год [28]), повело к расстройству всей нашей текстильной промышленности. Потеря нами двухгодового сбора хлопка принесла нам непосредственный убыток не менее, как в 180 мил. рублей или 450 мил. франков.

3) Прекращение вывоза марганцевой руды, дающее в районе Чиатур до 35 мил. пудов в год, расстройство рыбного хозяйства в Каспийском море все это является также рзультатом оккупации.

4) Далее, на астраханском фронте, в целях обороны всего каспийского побережья от возможного его захвата английскими белыми войсками, пришлось иметь в течение почти полутора лет (с ноября 1918 г. по май 1920 г.) армию, средней численностью около 100 тыс. человек, и особую астраханскую флотилию, что повело к расходу не менее, как 180 мил. рублей (400 мил. франков) [29]).

Таковы экономические последствия вооруженной интервенции англичан на Кавказе и в Закаспии. Они принесли ущерб народному достоянию Советских республик только вследствие потери продуктов производства и необходимых расходов на содержание армии на общую сумму в 860 мил. рублей (2,2 миллиарда франков). А вместе с убытками, причиненными непосредственными действиями англичан или их агентов, до 1.250 мил. рублей (около 3.300 мил. франков).

В этот счет не входит функциональное расстройство экономической и промышленной жизни Советских республик, но учет его должен был-бы сюда войти, ибо английская оккупация лишила эти республики ценнейших продуктов в виде нефти и хлопка.

---

[28]) В Туркестане 7,3 мил. пудов, на Кавказе 0,7 мил. пудов („Статистический Ежегодник“ 1915 года).

[29]) Считая среднюю стоимость каждого бойца по опыту империалистической войны от 200 до 300 фр. в месяц (эти данные взяты из цифрового материала „Итогов Мировой войны“ М. Павловича); берем среднюю цифру в 250 фр. в месяц (в эту цифру входит продовольствие, обмундирование, расходы артил., санитарные и другие).

Помощь Деникину.

Один из ближайших помощников Деникина, Лукомский [30]), так описывает помощь Антанты в отношении доставки снабжения, а также его характера.

«Снабжение армии производилось, главным образом, двумя способами: через союзников и заготовлением через органы снабжения. Был еще третий способ—захват военной добычи от большевиков.

Союзники (привозили англичане, а французы принимали на себя половину стоимости предметов, доставляемых англичанами) доставляли предметы вооружения, снаряжения, боевые припасы, авиационное имущество, предметы инженерного снабжения и обмундирование.

По численности армии, на первое время доставляемых предметов снабжения было достаточно, но обмундирования было совершенно недостаточно; при постоянной перемене личного состава (убитые, раненые, больные, пленные, дезертиры) армия не могла быть одета даже сносно.

Заготовление предметов снабжения на своей территории средствами органов снабжения мы наладить как следует не могли...

Отчасти, конечно, это происходило вследствие неналаженности работы управления снабжения, но главная причина заключалась в недостатке денежных средств и невозможности приобретать за границей го, чего нельзя было достать на месте...

Что касается так-называемой военной добычи, то с ней дело обстояло совсем плохо...»

По его словам, военная добыча обогащала временно некоторые части, которые не делились с другими, и приняла скоро характер самоснабжения и товарообмена [31]).

Действительно, добровольческая армия, этот оплот белых на юге, в первый период своего существования на Кубани, когда она получала снабжение, частью с Дона [32]), частью путем военных добыч, находилась в крайне тяжелом положении.

В армии, по словам Дрейера, одного из постоянных сотрудников Врангеля, чувствовался недостаток решительно во всем, особенно же

---

[30]) Состоял в армиях Деникина в должностях пом. главкома и нач. воен. и морск. управления. Впоследствии председат. особого совещания.

[31]) Воспоминания Лукомского, стр. 194 и 195.

[32]) Краснов, атаман донского войска передавал из вооружения и боевых припасов, полученных от гетмана Скоропадского Деникину (Воспоминания Лукомского, стр. 74).

в технике: «Она не имела вовсе броневиков, ни тяжелой артилерии, ни даже необходимого телефонного имущества. Снабжение огнестрельными припасами было крайне недостаточно. Так, в течение всего августа, сентября и части октября на дивизию конницы в среднем выдавалось около 1.200 патронов в день (норма для шести человек), на батарею 2—4 снаряда в день. Медицинские средства отсутствовали вовсе [33]).

Ясно, что такое положение до крайности тормозило формирование добровольческой армии, которая в августе 1919 г. едва достигала 7 тыс. штыков и сабель [34]). Эта армия была обречена на ликвидацию в ее зародыше.

Но помощь Антанты, в лице Франции и Англии, радикальным образом меняет обстановку.

По достигнутому соглашению между представителями Франции и Англии размер снабжения, который подлежал доставке из-за границы на юг России, определялся по расчету на 250-тысячную армию [35]).

По плану командования добровольческой армии предполагалось, по «получении от союзников необходимой материальной части в течение января и февраля 1919 г... формирование и организацию новой армии закончить к маю месяцу 1919 г., и затем приступить, в полном согласии с адмиралом Колчаком, к последовательному очищению России от большевиков [36]).

Этот план стал скоро осуществляться. 19 февраля 1919 года в Новороссийск прибыл первый транспорт с вооружением, снаряжением, одеждой и другими предметами снабжения, а затем доставка их продолжалась регулярно до ликвидации армии Деникина.

По прибытии вооружения и предметов снаряжения и, в частности, техники, началось усиленное формирование частей добровольческой армии и их срочная отправка на подкрепление потерпевшей поражение донской армии Краснова, которая отступала совершенно расстроенной на юг, к Ростову [37]). Уже в апреле и мае на южном

---

33) „Крестный путь во имя Родины". Дрейер, стр. 1 и 2.
34) „ „ „ „ стр. 1.
35) „Воспоминания Лукомского", стр. 265.
36) „ „ стр. 132.
37) Такую оценку армии Краснова делает Головин в своей сводке 12 апр. 1919 года (приложение № 28.)

фронте появляются вновь созданные части добровольческой армии, достигшей в скором времени до 100 тыс. штыков и сабель (15 пех. и 25 кон. дивизий), при 918 пулеметах, 335 орудиях, 26 бронепоездах, 106 самолетах и 7 танках [38]). Эта армия принимает на себя расстроенную донскую армию, дает ей возможность реорганизоваться, пополниться и затем перейти в решительное наступление на север.

К сентябрю армия Деникина, разделенная уже на три армии—добровольческую, донскую и кавказскую, достигнув до 185 тыс. штыков и сабель, при 1.682 пулеметах, 534 орудиях, 24 танках, 18 броневиках, 37 бронепоездах и 57 аэропланах [39]), успешно пользуется временным отвлечением Красной армии на других фронтах, теснит Красную армию на север, занимает всю Украину, продвигается до Орла и угрожает Москве.

Такая метаморфоза нарастания армии Деникина за десять месяцев с 7-ми тысяч до 200 тыс. штыков и сабель, при полном отсутствии на занятой ею территории военных заводов, фабрик, нужных запасов и материалов, об'ясняется исключительно помощью Антанты. В частности, доставкой сильной техники—танков, аэропланов, броневиков с хорошими инструкторами из англичан — Антанта значительно способствовала успеху в боевых столкновениях во многих местах фронта: так, взятие Царицына, сильно укрепленного, с многочисленной артиллерией, исключительно обусловливается участием в этом бою танков, руководимых английскими инструкторами [40]).

Исключительное внимание, которое оказывалось армиям Деникина, этой надежде Антанты, и размер помощи ярко обрисованы в телеграмме британского военного министра на имя Колчака от 10 октября 1919 г., т.-е. в момент наибольших успехов Деникина (приложение № 29).

«Британское правительство,—говорится в этой телеграмме,—приняло решение сосредоточить свою помощь на фронте ген. Деникина...»

«Кабинет также полагает, что вследствие близости армий Деникина к Москве и занятия ею хлебных и угольных центров России, наиболее благоразумно продолжать ее снабжение». На этом основании, «кабинет согласился на мою просьбу спо-

---

38) Архив Красной армии. Дело № 5579, стр. 170.

39) „ „ „ дело № 47884.

40) „Крестный путь во имя родины". Дрейер, стр. 34.

ва ассигновать 14½ милл. фунтов на посылку снабжения и вооружения ген. Деникину».

«Британская миссия на юге России будет состоять из 2 тыс. офицеров и сержантов, главной заботой которых будет скорое и отвечающее нуждам распределение снабжения».

Комментарий к этому документу не требуется—помощь снабжением шла не только натурою, но и деньгами и людьми.

Недаром военный министр Англии, Черчилль, показывая в 1919 г. известному контр-революционеру Б. Савинкову карту с нанесенными на ней войсками Деникина, сказал: «Вот это моя армия»[41]), т.-е. армия, им созданная[42]).

Еще в феврале 1919 г. этот консервативный министр Англии определил характер помощи всем русским контр-революционным армиям следующими словами: «Англия не намерена посылать в Россию больших армий, но содействие, которое она окажет борющимся с советской властью, будет заключаться в снабжении оружием, снарядами, снаряжением, техническими средствами и помощью на добровольных началах» (приложение № 30).

Доставка всего необходимого на юг России, как говорит Лукомский, была организована так: «Французское командование спрашивало от нас перечня всего того, что нам надо; но мы только значительно позднее узнали о том, что Франция принимает на себя 50 % стоимости всего того, что присылалось на юг России распоряжением великобританского правительства, а что за все, сверх отправляемое по расчету на 250.000 человек, надо уплачивать хлебом и сырьем; что без товарообмена мы можем получить из Франции лишь часть запасов из оставшихся там по заказам России во время войны»[43]).

Посылку Францией снабжения через англичан подтверждает начальник славянского отделения французского министерства иностранных дел, ген. Облэ, который заявил одному из представителей контр-революционных организаций, Маргулиесу: «Мы,—говорит он,—присылаем снаряжение Деникину через англичан, таково наше соглашение с англичанами, мы не можем все делать сами» (приложение № 31).

---

[41]) „Б. Савинков перед коллегией Верховного Суда СССР 1924 г.“, стр. 92.

[42]) Все это дает прямой ответ на постоянные жалобы белогвардейской литературы о недостаточной помощи Англии и Франции. Эти жалобы в поисках виновника неудач понятны.

[43]) Воспоминания Лукомского, стран. 265.

Эти условия и взаимные расчеты характерны. Они показывают, что Англия и Франция заказы, неиспользованные старой русской армией, обратили на снабжение контр-революционных армий, борющихся против советских республик; видимо, на эти заказы безболезненно можно было обслужить 250 тысяч, так как за остальное, что превышало эту цифру, требовался наличный расчет русским хлебом. С ноября 1919 г. французы особенно настаивали на присылке хлеба с юга России за снаряжение, что неоднократно подтверждали представители Колчака и Деникина в Париже—Щербачев и Сазонов (приложения № 32 и 33).

Об использовании русских запасов из складов для борьбы против советской власти определенно указывает в своем письме на имя Деникина от 16 ноября 1918 г. тот же Щербачев, который говорит: «Богатые запасы быв. румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно, как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на всемогущество союзников» [44]).

К этому надо добавить, что по свидетельству Лукомского, «французское правительство оказывало полное содействие по получению вооружёнными силами юга России русского имущества, оставшегося во Франции после Европейской войны» [45]).

Вывоз имущества из Румынии начался значительно раньше прибытия транспортов в Новороссийск. Еще в декабре 1918 г. донской армии Краснова было отпущено пять с половиной тысяч винтовок, около 50 пулеметов и др. имущества (приложение № 34). Отправка имущества из Румынии сначала донской, а потом добровольческой армии, продолжалась и впоследствии [46]).

Помощь Антанты Деникину не ограничилась лишь посылкой имущества и материалов, ассигнованием денег и посылкой людей, но она широко проявилась и в других отраслях.

В 1918 г. представители Антанты приняли все меры к тому, чтобы слить активные силы контр-революции на юге, раздираемые властолюбием и политическими группировками, в одно целое. В этом их политика была совершенно отличной от той, которую они вели в оккупированных областях (Одесса, Крым, Кавказ).

---

44) Воспоминания Лукомского, стр. 261.
45) „ „ стр. 299.
46) „Год Интервенции". Маргулиес, стр. 220.

Неприязненное отношение между донской армией Краснова, который держался германской ориентации, и Деникиным было прекращено вмешательством иностранных миссий. Только по настоянию представителя английской миссии, ген. Пуля, Краснов согласился на подчинение донской армии главкому добровольческой армии (в конце декабря 1918 г.).

Это об'единение значительно усиливало белые армии, расширяло их задачи, особенно, если принять во внимание, что донская армия имела оборонительные тенденции—освободить Донскую область от большевизма. С об'единением сфера ее деятельности расширилась во всероссийском масштабе.

Далее, после разгрома деникинской армии, представители Антанты и англо-французский флот принимают самое деятельное участие в спасении остатков добровольческой армии и вывозят их в Крым, прикрывая эвакуацию Новороссийска огнем, обстреливая побережья (у Геленджика).

Особенную заботливость, граничащую с вмешательством в деятельность командования Деникина, среди которого царила полная растерянность и паника, проявляет начальник британской миссии, генерал Хольман. По его инициативе начался обстрел побережья, он лично руководил посадкою донской армии, используя для этого английские военные суда. Ту же роль выполняли и французские военные суда (приложение № 35); корабль «Вальдек-Руссо» и др.[47]).

В результате, остаткам армии Деникина (по сведениям, к марту 1920 г. до 35 тыс. добровольцев и до 10 тыс. донцов[48]), удалось укрыться в Крыму, вновь сорганизоваться и пополниться для новой борьбы с Советской Россией, в момент, исключительно благоприятный для дела контр-революции, в период вступления польской армии в пределы России и Украины.

Наконец, чтобы обеспечить свободный провоз оружия по Черному морю, англо-французский флот, после оставления одесского района и Крыма, не только не ослабил своей враждебной деятельности по отношению к советской власти России и Украины, а наоборот, ее усилил с апреля 1919 г.

Свои враждебные действия англо-французское командование старалось оправдать желанием добиться от украинского Советского правительства гарантий, что со стороны Украины и Крыма, лишенных самых элементарных средств защиты на море, вследствие захвата

47) „В стане белых“. Г. Раковский, стр. 227, 249—252.
48) „ „ „ стр. 266.

военного и коммерческого флота той же Антантою, не будет предпринято никаких военных действий против свободного плавания военных и коммерческих судов Франции и Англии.

Несмотря на полную абсурдность этого требования и даже желание пойти на него со стороны Советского правительства Украины, но в обмен на гарантии свободного плавания российского флота, деятельность англо-французского флота не прекращалась, а, наоборот, усиливалась.

В конце мая и начале июня 1919 г. англо-французский флот бомбардировал красные войска, действовавшие на юго-восточном берегу Крыма и помог частям армий Деникина утвердиться в Керчи, произвести десант под Феодосией и овладеть этим городом.

23 июля французский миноносец проник в одесский порт, обстрелял город и увел в открытое море парусники; одновременно другие французские военные суда обстреляли Очаков и Нижний Викторовский маяк, при чем Очаков сильно пострадал и наполовину был разрушен.

23 августа английский флот бомбардировал Одессу и, в частности, ее рабочий квартал, содействовал высадке белогвардейцев близ Сухого Лимана. Всякая попытка русских и украинских судов к плаванию пресеклась; они или захватывались или подвергались тщательному осмотру с изъятием нежелательных для французов и англичан лиц; даже рыбаки, и те не оставались без должного воздействия.

Целый ряд протестов советских правительств (приложения, №№ 36 и 38) к правительствам Англии и Франции о пиратских, с нарушением всяких международных законов, действиях англо-французского флота, оставались без последствий до полной ликвидации армий Деникина и Врангеля.

Такая деятельность англо-французского флота не только обеспечивала беспрепятственный провоз оружия и материалов, предназначенных для армий Деникина, но и оказывала ему всякое содействие по восстановлению его власти в нужных местах, а также терроризировала местное приморское население.

Вместе с тем, эти действия заставили принимать разного рода меры к обеспечению подступов с моря: на побережьи были воздвигнуты приморские батареи, установлены минные заграждения и выделены специальные войсковые части для охраны побережья и службы наблюдения [49]).

---

[49]) „Боевая Работа Красной Армии и Флота" 1918-23 г. г., стр. 87-88. Издание ВВРС.

Такова была помощь Франции и Англии Деникину, продолжавшаяся 16 месяцев, с 23 ноября 1918 г. по 22 марта 1920 г.

Эта помощь не только обеспечила формирование белых армий на юге, но и создала их, дала им средства для упорной, длительной борьбы против Красной армии; перенесла гражданскую войну на север советской России, до параллели Орла, захватила собою огромную территорию в 700—800 тыс. кв. километров с 35 мил. населением [50]), подвергнув ее всем ужасающим последствиям войны.

Напряжение, которое пришлось проявить в это время Советской России на юге, особенно в военном отношении, не поддается никакому описанию. Достаточно сказать, что если бы не выступление организованной к маю 1919 г. армии Деникина, то южная контр-революция, в лице Краснова, Петлюры и Скоропадского была бы совершенно ликвидирована, ибо Краснов уже был разбит, и советские войска дошли до базы донской армии—до Ростова, а вся Украина была очищена от петлюровщины. Но новая, свежая армия Деникина, нарастающая с изумительной быстротой, подвергла Красную армию новому тяжелому испытанию. На южном фронте в Красной армии, боровшейся против Краснова, которому так же оказывали содействие Франция и Англия, еще в декабре 1918—январе 1919 г. числилось до 105 тыс. штыков и сабель, т. е. 45% всех вооруженных сил Республики [51]). Появление же армии Деникина заставило развить вооруженные силы Республики и постепенно увеличить абсолютную цифру войск. К маю на южном фронте уже было около 128.000 штыков и сабель, при 3.201 пулемете, 664 орудиях, 35 бронепоездах, 10 самолетах [53]), а к сентябрю до 189 тыс. штыков и сабель, при 2.413 пулеметах и 682 орудиях, что уже составляло более 60% вооруженных сил Республики.

За этот период на южном фронте в разное время числилось от 500 тыс. до 1½ милл. мобилизованных, в среднем около 1 милл. в месяц [54]) только со стороны Советской России. Содержание такой массы войск должно было обойтись не менее, как в 1½ миллиард. руб. (4 миллиарда франков) [55]). Если же учесть и мобилизованных Деникиным, армия которого содержалась за счет старых русских запасов, а продовольствовалась и жила на территории России, то эта сумма должна еще увеличиться, по крайней мере, на один миллиард рублей

---

[50]) Сборник Статистических Сведений по СССР за 1918—23 г.г.
[52]) Архив Красной Армии, дело № 34803, стр. 224.
[53]) Архив Красной Армии, дело №47109.
[54]) Архив Красной Армии, дело № 20510.
[55]) Считая стоимость одного человека в мес. по 250 фр.

(2,6 миллиарда франков), имея в виду, что у Деникина, в среднем, числилось около 600 тыс. человек.

Огромнейшая территория Украины, Дона и Кубани, обращенные в театр военных действий, подверглись необычному экономическому истощению и разорению. Эти районы—житницы России, которые давали в мирное время до 400 милл. пудов излишков хлеба, богатые скотом, включающие в себя нашу кочегарку—Донецкий бассейн, были совершенно опустошены. Хлеб и частью уголь шел в уплату за доставляемое Францией и Англией военное имущество или потреблялся армиями воюющих.

Между тем, хлеб и частью донецкий уголь, а также сахар, по удовлетворении нужд потребляющих губерний, составляли один из главнейших предметов экспорта, дающего нам до 400—300 милл. руб. в год активного баланса, чего Советская Россия лишилась совершенно за время интервенции. Наши же потребляющие губернии остались без хлеба, угля и были обречены на голод.

Бесконечные реквизиции, главным образом, бесплатные, а также насилия, грабежи, погромы, убийства—вот характерные особенности борьбы на Украине.

«Грабежи,—пишет военный корреспондент армии Деникина Г. Раковский,—были возведены в систему. На них до последнего времени никто не обращал внимания» [56]).

То же подтверждает и сам Врангель, который указывает, что некоторые войсковые части имели иногда по 200 вагонов разного имущества при себе.

Местное население, после прихода армии Деникина, быстро терроризировалось; крестьян заставляли возвращать землю помещикам. Все, что можно было хотя бы заподозрить в сочувствии советскому строю, беспощадно искоренялось. Особенным преследованиям подвергалось еврейское население. На Украине, по неполным еще данным, до настоящего времени зарегистрировано до 400 погромов, с убийством до 100 тыс. евреев, и только за срок с января по сентябрь 1919 г. [57]). Все протесты Советского правительства не приостановили (приложения, 37 и 38) этих насилий, несмотря на всю ужасающую картину и полноту сведений.

---

[56]) „В стане белых“. Г. Раковский. От Орла до Новороссийска, стр. 11.

[57]) Перед судом Военной Коллегии Верховного Суда СССР Б. Савинков стр. 195.

Расхищение армиями Деникина на всей территории Украины и Кубани огромного количества складов, оставшихся еще после Мировой войны, порча и уничтожение этого имущества, железнодорожных мостов, зданий, оборудование заводов, фабрик и т. д., конечно, также принесли колоссальный ущерб народному достоянию Советской республики.

По имеющимся еще не полным данным, убытки по этой только рубрике исчисляются, примерно, в 2 миллиарда рублей.

Как на характерные примеры, можно указать: набегами Мамонтова только в Тамбовском артилерийском складе было уничтожено имущества более, чем на 70 милл. рублей; из Кременчуга было эвакуировано миллион комплектов обмундирования на 77 милл. рублей, а убытков по железнодорожному транспорту исчисляется более, чем на 347 милл. рублей (разрушение мостов, порча путей, подвижного состава и т. д.).

К этому надо добавить ущерб от разрушения, причиненного обстрелом англо-французскими судами Очакова, Одессы и других пунктов, от захвата судов, лодок и т. д.

Далее, захват Донецкого бассейна, помимо сокращения его работ, разрушения и порчи шахт, привели к тому, что Советская Россия в течение 18 месяцев была лишена угля своей кочегарки и при средней довоенной производительности Донецкого бассейна в 1.750 милл пудов в год потеряла только на стоимости угля, как продукта, около 550 милл. рублей [57]).

Наконец, блокада Черного моря, в связи с интервенцией, совершенно прекратила наш экспорт хлеба, сахара, что при активном торговом балансе в 300—400 милл. рублей в год, нанесло убытку на 500 милл. рублей. Все это должно быть учтено, так как эти продукты были вывезены Антантой.

Таким образом, деникинский период, в который должно быть включено и время борьбы с Красновым, принес непосредственных материальных убытков Советской России на общую сумму около 5,5 миллиардов рублей (около 2 миллиардов непосредственных убытков, 2,5 миллиарда содержание армии и около 500 милл. стоимости экспортируемых продуктов, хлеба, сахара, 550 милл. руб. потеря на угле), причем на половину этой суммы имеются документальные данные и акты, остальные исчислены по средним результатам.

В этот счет не входят убытки народному достоянию от функционального расстройства промышленных и экономических предприятий,

[57]) Считая среднюю стоимость пуда угля в 20 коп.

вследствие отсутствия южного хлеба, донецкого угля, обслуживавшего весь юг России, отрыв до 2 миллионов мобилизованных на занятой территории от производительного труда, а также расходы по социальному обеспечению лиц, потерявших трудоспособность на войне.

В это же не входят те налоги, которыми каждое правительство юга России облагало население, а если иметь в виду, что некоторые местности Украины, раздираемые междуусобной войной, переходили от одного правительства к другому (например, в Киеве было 13 правительств), то размер этих обложений, иногда даже контрибуций, будет значителен.

Помощь Врангелю.

Врангелевский период ознаменовался резким переломом в отношениях Англии и Франции к белому движению вообще, а на юге в частности, в виду общей неудачи этого движения.

В Англии, под влиянием сильного рабочего движения в пользу Советской России, боролось два течения: одно—за соглашение, другое—за борьбу с нею. Правительство, имея в своих рядах консервативных министров—Керзона, Черчилля,—стараясь поддержать борьбу против большевизма, стало искать новых форм этой борьбы, новых путей. Оно стало возлагать центр тяжести борьбы на окраинные буферные государства и потребовало еще в конце 1919 г. от Деникина их признания, установления дружественных соглашений с Польшей и Румынией и разрешения бессарабского вопроса.

Командированный в Новороссийск член английского парламента, Мак Киндер, должен был урегулировать все эти вопросы и, уезжая 15 января на миноносце в Англию, он просил передать Деникину о необходимости плебисцита в Бессарабии, свидания с Пилсудским и об организации немецких колонистов в Крыму и в Одессе для борьбы против коммунизма [58]).

Помимо поддержки буферных государств, в Англии носились с мыслью, что необходимо предоставить Германии и Японии навести порядок в России и покончить с большевизмом, дав им за это значительные экономические выгоды [59]).

Но крушение армий Деникина и Колчака и все растущее недовольство рабочих масс заставило представителей Антанты в марте

---

[58]) Воспоминания Лукомского, стр. 328.
[59]) Воспоминания Лукомского, стр. 329.

1920 г. вручить Врангелю, преемнику Деникина, ноту, в которой было сообщено, что «Верховный союзный совет признал продолжение в России гражданской войны явлением, внушающим наибольшие опасения и угрозу для мира при настоящем положении вещей в Европе» [60]).

От имени английского правительства Врангелю был дан совет прекратить безнадежную борьбу, причем, в случае отказа, Англия угрожала приостановить дальнейшее снабжение Добровольческой армии. Эта маска миролюбия в скором времени была вскрыта. Под влиянием протеста Врангеля, 17 апреля лорд Керзон обратился к Наркому Чичерину с предложением посредничества в вопросе об окончании войны с остатками добровольческой армии, причем в своей телеграмме лорд Керзон добавлял, что если это предложение будет отклонено, и большевики продолжат свое наступление на юг, британское правительство «отдаст приказ своим морским силам принять все необходимые меры к предотвращению вторжения советских войск на территорию Крыма» [61]).

Ясно, что это посредничество Англии не было принято, ибо оно давало лишь выигрыш времени для организации врангелевской армии и предотвращения наступления Красной армии на Крым.

Уже 9 апреля, опасаясь выхода из борьбы кубанских казаков, верховный комиссар Британии в Константинополе, адмирал де-Робек, прибывает лично в Сочи и заявляет кубанскому правительству и раде о необходимости продолжать борьбу. Начальник же английской военной миссии, генерал Хольман, обращается с воззванием к донским казакам с аналогичным предложением.

В дальнейшем английское правительство продлило на 2 месяца срок договора, заключенного еще с Деникиным и потерявшего силу 20 марта 1920 г. Кредит в 14½ милл. фунтов стерлингов, открытый английским правительством Деникину и неизрасходованный последним, был использован на субсидирование армии Врангеля и его правительства.

Наконец, к правительству юга России прикомандировываются английские представители во главе с ген. Перси; создается консульство, а в Севастополь прибывают английские военные суда—«Мальборо» и др.

Лишь в июне месяце, под влиянием переговоров о заключении торгового договора с Советской Россией, Англия отзывает своих представителей из Крыма и формально выходит из интервенции на юге.

---

[60]) „Крестный путь во имя родины". Дрейер, стр. 117.
[61]) „Крестный путь во имя Родины". Дрейер, стр. 118.

Франция в этот период заняла более определенную позицию поддержки, чем Англия, не проявила никаких в этом отношении колебаний и заигрываний с Советским правительством. Соглашаясь с мнением верховного совета, что гражданская война в России угрожает спокойствию Европы, она безоговорочно и решительно стала на сторону Врангеля, оказывая ему не только материальную помощь, но и совершив акт, политически явно враждебный по отношению к Советской России—признание правительства юга России, официально последовавшее 13 августа 1920 г. [62]). Скоро это признание было закреплено приездом особой миссии во главе с верховным комиссаром, графом де-Мартель. Франция приняла все меры и использовала все свое влияние, чтобы Врангель вошел в соглашение с Польшей и чтобы контр-революционная организация, образовавшаяся на территории Польши, была подчинена Врангелю, во главе с противником его— Б. Савинковым.

Отношение Франции к Врангелю ярко обрисовывается в следующих словах Б. Савинкова, сказанных им на суде в 1924 г.: «Но отряд Глазенапа [63]), уже помимо меня, телеграфно подчинился Врангелю. А тут я получил телеграмму из Парижа, совершенно категорическую телеграмму, которая прозвучала для меня, как приказание. Было ведь так: французы были в союзе с поляками, французы признали Врангеля, французы давали помощь, огромные средства, все врангелевское дело покоилось на французах, и ясно для меня, что если я не исполню того, что в этой телеграмме было сказано, то, конечно, все мое дело будет зачеркнуто, части будут переброшены к Врангелю и—конец» [64]).

Организованная Францией, а в начале и Англией, помощь Врангелю влила новые силы в расстроенные ряды южной контр-революции.

Эвакуированные из Новороссийска в Крым остатки армии Деникина находились в крайне тяжелом положении: они были совершенно расстроены, в них не осталось ни одной боеспособной части, а были только кадры; требовалась их реорганизация, снабжение обмундированием, вооружением, боевыми припасами и конским составом. Мало того, нужно было придумать, как обеспечить работу флота, лишенного угля и угольных районов. Для заготовки всего этого была

---

[62]) „Крестный путь во имя Родины". Дрейер, стр. 120.

[63]) Отряд Глазенапа образовался из остатков армий Юденича и достиг на территории Польши 25-27 тысяч.

[64]) „Б. Савинков перед Воен. Коллегией Верховного Суда" стр. 103.

организована особая комиссия, которая, при содействии союзников, должна была доставлять все из Константинополя, но на покупку всего необходимого было ассигновано только 200 тысяч фунтов стерлингов, из сумм бывшего императорского правительства, оставшихся за границей [65]). Сумма эта была незначительна и, конечно, не могла удовлетворить потребностей армии.

Но помощь вновь широко полилась не только от Франции, но даже Америки и Румынии, откуда было направлено в Крым значительное количество материалов и вещей, принадлежавших русскому правительству [66]) (очевидно, из прежних его заказов для старой армии).

Из Константинополя, при помощи англичан, а потом и французов, было послано значительное количество боевых припасов, принадлежавших русской армии и захваченных турками в Трапезунде, Батуме и в передовых складах бывшего кавказского фронта. Все указанные мероприятия дали возможность потерявшей боеспособность армии Врангеля быстро реорганизоваться, пополниться и довести свой состав к сентябрю 1920 г. до 60 тыс. штыков и сабель (всего в Крыму было до 320 тыс. человек).

Оборона Крыма, благодаря наличию больших средств у Врангеля, велась необычайно активно, продолжалась почти 8 мес. (с марта по ноябрь 1920 г.) и потребовала от Красной армии огромных усилий для ее ликвидации, при чем имела влияние и на неблагоприятный исход борьбы с Польшей, так как врангелевский фронт отвлек до ¼—⅕ всего состава Красной армии в период решительной схватки с Польшей.

Крым и северная Таврия за этот 8-месячный период подверглись небывалой эксплоатации в смысле использования местных богатств: зерно, фураж, овощи, фрукты, наконец, все запасы вина, накопленные десятилетиями, весь табак были вывезены за границу при содействии русских торговых судов. Шло это часто или в уплату за доставляемое имущество, или в счет займов. Без такого товарообмена сделки затруднялись, и Франция не хотела даже гарантировать 150 милл. заем, если не будет своевременно доставлено з е р н о из Крыма в Марсель [67]).

При эвакуации Крыма, совершенной при содействии Франции, Врангель вывез из Крыма на 120 судах такое огромное количество

---

[65]) Воспоминания Лукомского, стр. 226.
[66]) Воспоминания Лукомского, стр. 231.
[67]) „Крестный путь во имя Родины". Д р е й е р, стр. 150.

разного рода ценнейшего имущества и запасов, что, по его личному выражению, «он мог бы полгода содержать на них армию, если бы все это не было взято у него французами» [68]), что оценивается, при армии в 260 тыс. человек, не менее 15 милл. руб. [69]) или 40 милл. франков. К этому надо прибавить еще стоимость имущества, захваченного французами, которое оценивалось белогвардейской печатью в 3.032.144 фунтов стерлингов или 30 милл. рублей [70]).

Та же участь постигла и Черноморский флот. В предшествующие периоды этим флотом поочередно хозяйничали разные правительства юга России, но пользовались им, главным образом, французы, англичане, частью греки и даже румыны.

В период Врангеля Франция и Англия стали пред'являть свои права на этот флот и старались наложить на него свою руку. Флот частично стал ликвидироваться: продавались мелкие суда, материалы, судовое имущество, машины, механизмы, землечерпательные караваны и пр. Неожиданный удар Красной армии и поспешная эвакуация Крыма прекратили эту распродажу. Врангель, однако, увел с собой около 120 судов с имуществом. Советской власти достались неисправные суда и та часть флота, которая из-за отсутствия топлива, бунта команды общей паники, не могла выйти в море. Часть судов осталась в портах Англии, часть в портах Грузии, при чем Англия взяла их себе за долг грузинского правительства.

Что касается флота, уведенного Врангелем, то ему скоро пришлось не только коммерческие, но и военные суда передать Франции. «У меня имеется,—говорит Врангель,—целая переписка, из которой видно, что французы хотели взять суда в собственность. Я горячо протестовал против этого, и суда поступили к французам только для эксплоатации, в обеспечение понесенных расходов» [71]).

Необходимо также отметить, что в течение всего врангелевского периода англо-французский флот не снимал блокады берегов Черного моря, что, с одной стороны, облегчало Врангелю ведение комбинированных операций на суше и на море (высадка у Ейска в целях поднять восстание на Кубани и на Дону, высадка у Мариуполя [72]),

---

68) Раковский. „Конец белых“, стр. 205.
69) Считая стоимость одного человека в день 30 коп.
70) Отчет Н. К. И. Д. за 1920-21 год, стр. 11.
71) Раковский „Конец белых“ стр. 205.
72) „Боевая работа Красной армии и флота“ 1918-23 г., издание ВВРС, стр. 87.

обстрел Бердянска и т. д.), а с другой—мешало нашему нормальному торговому сношению по Черному морю. В связи с закрытием портов в течение 8 месяцев и исходя из актива нашего торгового баланса на Черном море, это принесло ущерб Советской России и Украине не менее, как на 150 милл. рублей, считая, что излишки хлеба и других продуктов были вывезены Антантою.

Таким образом, врангелевский период не только затянул борьбу Красной армии на 8 месяцев, но и заставил нас поспешить окончанием войны на невыгодных условиях с Польшей и вместе с тем нанес значительные убытки, особенно уводом военного и коммерческого флота, что, с одной стороны, подорвало наше военное могущество на Черном море, приобревшем особое значение с открытием Дарданелл, а с другой—лишило наш юг коммерческого флота.

Убытки, причиненные врангелевским периодом, не считая захваченных судов, переданных Франции, исчисляются в 887 милл. рублей (2.400 милл. франков); из них 690 милл. рублей—8-месячное содержание Красной армии (в среднем, 600.000 человек) и армии Врангеля (320 тыс. человек) [73]; 45 милл. рублей за взятое продовольствие и имущество и 150 милл. рублей от блокады берегов Черного моря; 2 милл. рублей, взятые по русским счетам императорского правительства.

В этот расчет не вошли разрушение, причиненное пребыванием Врангеля, и данные функционального расстройства Крыма и северной Таврии.

Итоги интервенции на юге России, Кавказе и Туркестане.

С ликвидацией Врангеля закончилась «экономическая интервенция» Клемансо, перешедшая из явной в скрытую и длившаяся еще в течение двух лет, 1921—22 гг., в виде восстания басмачей в Бухаре, руководимых Энвер-пашой, в виде захода вооруженных судов Антанты в Черное море и продолжения блокады [74]), поддержки послушного меньшевистского правительства Грузии и других дел.

Как Франция, так и Англия в основу интервенции на юге ставили: с одной стороны, политическую изоляцию народов Востока от про-

[73]) Считая среднюю стоимость одного человека в мес. 250 фр.

[74]) В декабре 1920 года французскими миноносцами был потоплен пароход „Зейнаб“, а команда увезена в Константинополь; 9 января 1921 года французскими миноносцами произведено нападение на канонерскую лодку „Элпидифор“ (см. ниже ст. П. Быкова); 13 января того же года уведен из Пот[и] русский пароход „Принцип“ (Годовой отчет НКИД 1920-21 г. стр. 10).

никновения большевизма, раздробление России на окраинах и образование малых государств с послушными Антанте правительствами, экономическую эксплоатацию богатств Юга (хлеб, нефть, хлопок, уголь, сахар); с другой—борьбу с большевизмом и Красной армией путем создания контр-революционных армий, но отнюдь не собственными силами.

Там, где шел вопрос об экономических выгодах, Англия и Франция, несмотря на поставленные перед всеми народами мира свои цели, отмежевывается от своих клиентов — Деникина, Врангеля — и ведут свое дело самостоятельно (Одесса, Кавказ, Закаспия).

В политическом и экономическом отношениях Англия и Франция проявили удивительную гибкость и бесцеремонность.

Поддерживая и организуя Деникина и Врангеля, они одновременно снабжают оружием Краснова и Дон, который ориентировался на Германию и даже просил принять себя под высокую руку Вильгельма, способствуют образованию на Кавказе и укреплению власти трех кавказских республик (Грузия, Азербейджан и Армения), помогают закаспийскому правительству, образовывают ряд мелких правительств на северном Кавказе, на Тереке, Кубани, стремятся войти в соглашение с Петлюрой и директорией, формируют правительство в Одессе (особое продовольственное совещание) и поддерживают правительство Крыма.

Итак, 10 правительств с разными программами, взглядами, со взаимно противоположными интересами, и все они находят одновременно отклик у Антанты: из всех она хочет извлечь и извлекает свою пользу.

И все это делается для того, чтобы на теле малых государств со слабыми правительствами проводить на юге России свою колониальную политику, прикрываясь именем этих правительств, чтобы было оправдание перед рабочими массами всего мира. Так, с закаспийским правительством заключается договор о нефти, которая находится на кавказском побережьи; по этому же договору используется туркестанский хлопок; хлеб Украины, Дона, Кубани выкачивается, как компенсация за снаряжение, а последнее выдается из старых русских заказов. С Петлюрой и Украиною подготовляется соглашение, отдающее Украину, как колонию, в руки Франции на 50 лет, и т. д. Эксплоатация местных богатств носит хищнический характер: бралось все, что можно было вывезти: нефть, уголь, хлеб, хлопок, вино Крыма, фрукты, оборудование заводов (в Одессе, Николаеве), военное имущество из Севастополя, коммерческие и военные суда Каспийского моря, а также Чер-

ного. Не пощадили даже Врангеля, у которого в последнюю минуту Франция отобрала имущество, продовольствие, вывезенное из Крыма, вместе с судами, на которые оно было перегружено. Самая жестокая блокада берегов Черного и Каспийского морей, разрушение портовых городов (Одесса, Очаков, Севастополь, Новороссийск), зданий, уничтожение имущества, особенно военного, пиратство в море (захват судов, лодок, взятие пленных); грабежи, насилия — все это дополняет общую картину «экономической интервенции Клемансо» [75]).

Документальные данные свидетельствуют, что душою такой интервенции была Франция, а техническими исполнителями—и Франция и Англия. Последняя, главным образом, работала по доставке снаряжения, ибо, по выражению чиновника французского министерства иностранных дел, Облэ,—«мы не можем делать все сами».

Но ни это разделение обязанностей, ни учреждение сфер влияния не мешали англичанам хозяйничать под Одессой и Севастополем и обстреливать их, а французам выводить из-под Новороссийска войска Деникина и испортить в Сухуме 6-дюймовые орудия Капе.

Соглашение было общее; помощь была организована совместно, и даже было установлено, что в расходах по снабжению Деникина Англия и Франция участвуют на паритетных началах (каждая сторона оплачивает 50%). Сфера же влияния касалась, главным образом, распределения богатств России.

Какие же результаты и последствия этой интервенции? Победы Красной армии свели на-нет все планы Франции и Англии, но последние отделались лишь денежными расходами, которые, по преувеличенным парламентским данным, исчисляются для Франции в 6 миллиардов франков [76]) да несколькими десятками убитых и раненых в период

---

[75]) Уродливые формы интервенции с самого ее начала вызывали резкий протест некоторых политических деятелей Франции. Так Рене Мартан в письме к Клемансо 4 сентября 1918 года осуждает характер интервенции, считая ее безумной и недостигающей цели, критикует деятельность агентов Франции и Англии, которые, например, на секретном заседании 23 августа предлагали для полной изоляции Петрограда взорвать все мосты у Званки и в других местах. Но правительство Клемансо в ответ на это только усилило интервенцию.

[76]) На запрос Кашэна в парламенте 7 янв. 1921 г., французский министр иностранных дел заявил, что издержки Франции, вызванные событиями в России, исчисляются только миллионами, а не миллиардами (Годовой отчет НКИД 1920—1921 г.).

оккупации одесского района. Не так обстоит дело в отношении Советской России. Для нас интервенция на юге, Кавказе и Туркестане имела самые гибельные последствия, следы которых до настоящего времени еще не изгладились.

Интервенция на юге охватила огромную территорию в 700—800 тыс. кв. километров, с населением в 35 миллионов (более всей Франции, как государства), с районами, имеющими решающее значение для экономической и промышленной жизни всей страны.

Кавказской нефтью пользовалась вся наша промышленность, торговый и военный флот, она же обслуживала одну треть нашего железнодорожного транспорта. Уголь донецкого бассейна давал топливо на те предприятия, которые не были переведены на нефтяное отопление, им же пользовалась другая треть транспорта.

Туркестанский хлопок питал всю нашу текстильную промышленность; его не хватало около 16%, что мы перед империалистической войной и получали из-за границы. Хлеб Дона, Кубани и Украины питал северные потребляющие губернии, а остаток около 300—400 миллионов экспортировался за границу.

Всех этих средств, энергии, сырья и продуктов сельского хозяйства Советская Россия была лишена в течение почти двух лет, что и повергло ее в состояние разрухи и нищеты: во многих местах появился голод; заводы, фабрики большею частью приостановили свою работу из-за недостатка топлива, железные дороги сократили свое движение, а транспорт разрушался.

Далее, самый факт интервенции, питавшей гражданскую войну, лег крайне тяжелым бременем на все население, и без того истощенное и обескровленное империалистической войной, где оно принесло столько жертв ради той же Англии и Франции и ее победы над Германией.

Борьба на юге России с самым опасным для Советской России врагом отвлекла более 50% всех вооруженных сил Республики; при чем для этой цели было мобилизовано до 1,5 миллионов с нашей стороны, да Деникин, Врангель, Краснов имели в своих руках, в среднем, не менее 600—700 тыс. человек, большая часть которых были мобилизованы из жителей юга, Кубани, Дона и северного Кавказа. Лошади, повозки, скот—все забиралось для армии, и сельское хозяйство в основе было подорвано.

Насколько тяжелы оказались последствия гражданской войны, охватившей весь юг России, этой экономической базы всей страны, насколько, наконец, тяжело было моральное, физическое и материаль-

ное напряжение народных масс, видно хотя бы из того, что естественный прирост населения за 1920—23 г.г. по центральной части Советского Союза, который не был непосредственно театром военных действий, дошел до нуля с небольшим уклоном к убыли. Между тем в мирное время, и даже в империалистическую войну, этот прирост, в среднем, достигал 1,5%, что давало около 2,5 миллионов человек.

Наконец, захват военных и коммерческих судов черноморского флота не только ослабил Советскую Республику в военном и экономическом отношениях, но и ограничил ее перспективы экономического развития в будущем, особенно, если принять во внимание огромное число захваченных судов вообще и в Черном море в частности. С открытием же Дарданелл, при отсутствии русского военного флота, наши экономические интересы на юге стоят под угрозой империалистических государств.

Таковы результаты «экономической» интервенции вообще и на юге в частности.

Переходя к исчислению общей суммы тех материальных убытков, которые причинены интервенцией на юге, Кавказе и Туркестане, необходимо иметь в виду, что Франция и Англия ответственны не только за тот ущерб, который они принесли непосредственными своими действиями в период оккупации и интервенции, но и за все убытки, причиненные армиям Деникина и Врангеля, ими созданными и ими поддерживаемыми.

В силу этого принципа, Франция и Англия ответственны и за расходы, вызванные экономической интервенцией и ее последствиями, как-то: за содержание Красной армии, за потерю Советской Россией сырья—нефти, угля, хлопка, хлеба, сахара, и т. п., за прекращение торговли на Черном и Каспийском морях, имеющей активный баланс, наконец, за функциональное расстройство страны.

Исходя из соображений, что армия Деникина и Врангеля созданы Англией и Францией на паритетных началах, все убытки, кроме причиненных непосредственными действиями этих государств, должны быть поделены между ними, независимо от сферы их влияния.

Эти основания дают возможность долю участия Франции и Англии в причиненных СССР убытках суммировать в следующую таблицу, с указанием каждого вида интервенции и характера убытков.

Виды и периоды интервенции и характер убытков.	Общая сумма в рублях (миллионах).	Из общей суммы приходится в мил. руб. на		ПРИМЕЧАНИЕ.
		Францию.	Англию.	
1. Одесский район и Крым (оккупация и интервенция):				
а) непосредственными действиями Антанты и белых армий;	181,5	153,5	28	
б) стоимость сырья, продуктов содержания армии	—	—	—	Выясняется.
2. Закавказье и Закаспийская область (оккупация и интервенция):				
а) непосредственными действиями; . .	388	—	388	
б) стоимость сырья и содержания армии.	860	430	430	См. текст стр. 354.
3. Помощь Деникину (и Краснову):				
а) непосредственными действиями белых армий и Антанты; .	2000	1000	1000	
б) стоимость сырья, продовольствия, содержания армии. .	3550	1775	1775	См. текст стр. 364.
4. Помощь Врангелю:				
а) непосредственными действиями белых армий и Антанты (увод судов); .	—	—	—	Выясняется.
б) стоимость увезенного продовольствия, имущества и содержания армий	887	466	421	См. текст стр. 370 (Франции засчитано отнятое у Врангеля продовольствие).
ИТОГО	7866,5	3824,5	4042	

Итак, интервенция на юге России, Кавказе и Закаспии по неполным документальным данным принесла убытков СССР не менее как на 7870 мил. рублей (21,0 миллиардов франков), из которых на долю Франции приходится около 3.820 милл. рублей, а Англии около 4.040 милл. рублей. В этот расчет не входят убытки от отрыва рабочих рук около 3 милл.

человек от производительного труда, социальное обеспечение жертвам интервенции и гражданской войны, число которых достигает полумиллиона человек, наконец, и самое главное,— убытки за функциональное расстройство страны.

Последнее далеко еще не изжито и в настоящее время. Промышленность после интервенции, медленно восстанавливаясь, дает лишь до 40—60% % довоенной производительности. Так, нефтяные, угольные и хлопковые районы, которые были заняты оккупантами, охвачены гражданской войной и подверглись разрушению,—за четыре года после интервенции произвели продукции менее, чем в 1913—15 г.г.: а) Бакинский район на 1850 мил. пудов; б) Донецкий бассейн—на 5.300 м. пудов; в) Туркестан и Закаспия—на 21 милл. пудов хлопка [77]). Общая стоимость только этих продуктов по средним ценам составляет 1.710 м. рублей.

Эта сумма еще значительно увеличится, если прибавить и остальное сырье юга и другие виды промышленности на юге России, Кавказе и Туркестане.

---

[77]) По данным 1913-15 г., в среднем, добывалось: бакинской нефти—400 мил. пудов, донецкого угля — 1700 мил. пудов, хлопка — 8 мил. пуд. в год.

За 4 года—1920-23 г.—добыто: нефти—750 мил. пуд., вместо 1600 миллионов; угля—1500 мил., вместо 6800 мил., хлопка 11 мил., вместо 32 мил. пуд. („Народное Хозяйство СССР в цифрах". „Краткий Справочник", стр. 152-155. Изд. 1924 года и „Сборник статистических сведений по Союзу ССР за 1918-23 г. г." Изд. 1924 г.).

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Письмо Клемансо от 27 октября 1918 г. генералу Франше д'Эсперэ.

„Матен“ от 17 июня 1919 г.

При сем препровождаю Вам письмо, которое в общих чертах излагает план экономического изолирования большевизма России с целью вызвать его падение. Дело идет сейчас только о проекте, отвечающем видам французского правительства и требующем для его реализации соглашения заинтересованных в этом вопросе держав Антанты. Если будет заключено соглашение по этому вопросу, союзная интервенция в южной России, несомненно, будет находиться в связи с действиями союзных армий на Востоке.

Предстоящие капитуляции и наша интервенция дают в Румынии возможность предполагать, что мы сможем создать свою базу в Одессе. Исходя из вышесказанного, я прошу Вас изучить вместе с ген. Бертелло *) возможность выполнения этого предполагаемого плана выступления в южной России и сообщить мне о результатах Ваших исследований для того, чтобы Вы могли разобраться в тех действиях, которые предприняты союзниками в России.

Я прилагаю Вам при сем копию коллективной ноты постоянных военных представителей при Верховном Военном Совете, в которой в общих чертах изложена деятельность союзников на северо-востоке России и план взаимной связи. Эта коллективная нота одобрена уже итальянским и французским правительствами и представлена сейчас на рассмотрение британского правительства.

Клемансо.

---

*) Бывш. главнокомандующий союзными армиями в Румынии, Трансильвании и на юге России.

№ 2.

Письмо генерала Щербачева генералу Деникину от 3/16 ноября 1918 года, из Бухареста.

(Воспоминания Лукомского, стр. 260—261).

Я посетил генерала Бертелло [*]) в его главной квартире в Бухаресте для предварительных переговоров о своем приезде в главную квартиру генерала Франшэ Д' Эсперэ и далее в Париж, с целью ускорить прибытие союзных войск и средств войны в Россию.

В Бухаресте мне удалось достигнуть результатов, которые значительно превзошли мои предположения...

Решено нижеследующее.

1) Для оккупации юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

2) Дивизии будут французские и греческие.

3) Я буду состоять, по предположению союзников и генерала Бертелло, при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

4) База союзников — Одесса; Севастополь будет занят также быстро.

5) Союзными войсками юга России первое время будет командовать генерал Д'Ансельм с главной квартирой в Одессе, где буду находиться и я с состоящими при мне вам известными лицами.

6) Генерал Бертелло, до времени, со своей главной квартирой остается в Бухаресте.

7) По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут, несомненно, заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с криворожским и донским (донецким) бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность добровольческой и донской армиям прочней сорганизоваться и быть свободными для более широких активных операций.

8) Под прикрытием союзной оккупации необходимо немедленное формирование русских армий на юге России, во имя возрождения великой единой России. С этой целью теперь же должен быть решен и разработан вопрос о способах и районах формирований этих армий по мере продвижения союзников. Только при таком условии будет обеспе-

---

*) См. примечание к приложению № 1.

чено скорейшее наступление всех русских южных армий, под единым командованием, на Москву.

9) В Одессу, как главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных припасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, аэронавтики, продовольствия и проч.

10) Богатые запасы бывшего румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно, как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на все могущество союзников.

11) Относительно финансовой поддержки нам у союзников вырабатывается особый специальный план.

№ 3.

Воззвание генерала Бертелло к жителям Юга России.

Жители Южной России!

Вот уже почти два года, как ваша богатая страна раздираема нескончаемыми гражданскими войнами; истинные злоумышленники захватили местами власть, угрожая жизни и имуществу всех мирных жителей и друзей порядка, создавая, таким образом, в вашей стране анархию, ведущую к полному разорению.

Мы, ваши союзники, никогда не забывающие усилий, которые вы приложили во имя общего блага дела, и желающие вновь увидеть вашу страну умиротворенной, процветающей и великой, решили, что наши войска высадятся в южной России, чтобы дать возможность благонамеренным жителям восстановить порядок.

Окажите добрый прием войскам союзников. Они приходят к вам, как друзья.

Все державы Согласия идут вам навстречу, чтобы снабдить вас всем, в чем вы нуждаетесь, и чтобы дать вам, наконец, возможность свободно и не под угрозами злоумышленников решить, какую форму правления вы желаете иметь.

Итак, войска союзников направляются к вам только для того, чтобы дать вам порядок, свободу и безопасность. Они покинут Россию после того, как спокойствие будет восстановлено.

Дайте решительный отпор дурным советчикам, имеющим интерес вызвать смуту в стране, и отнеситесь к державам Согласия с доверием.

Подписано: *Генерал Бертелло.*

№ 4.

Радио Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины.

Министру Иностранных Дел Французской Республики.

О договоре Франции с Украинской Директорией.

Министру иностранных дел Французской Республики, господину Пишону, Париж. Копия—мирной конференции и депутату Александру Блан. По имеющимся у нас точным сведениям, в феврале 1919 года французское правительство предложило директории, в лице ее делегата Сидоренко, как условие военного соглашения, следующие пять требований: 1) Франция получает концессию на 50 лет на все украинские железные дороги, 2) Украина берет на себя обязательство уплатить Франции причитающиеся ей долги старого царского и временного правительств, 3) уплата процентов гарантируется той частью доходов с железных дорог, которые причисляются украинскому правительству, 4) директория должна в годичный срок организовать 300.000-ную армию, 5) вся финансовая, торговая, промышленная и военная политика Украины, в течение пяти лет со дня подписания договора, ведется под непосредственным контролем представителей французского правительства.

Соглашение состоялось, и полковник Вилан был командирован французским правительством в штаб директории для согласования военной политики директории с политикой французского командования на юге России. Петлюра подписал с генералом Бертелло военное соглашение.

Народный комиссар по иностранным делам *Х. Раковский.*

№ 5.

Москва, Метрополь, тов. Чечерину. Копия,—Кремль, тов. Сталину и тов. Ленину.

О соглашении Петлюры с союзным командованием.

Условия соглашения Петлюры с Бертелло следующего содержания: 1) Петлюра назначается диктатором; 2) без ведома французского командования не предпринимается ни одного военного шага, 3) на каждую роту украинских войск назначается 6 французских инструкторов, 2 офицера; 4) техническое вооружение войск принадлежит французам. Кабинет директории подаст в отставку. 51.

Кулик.

№ 6.

Москва, Метрополь, тов. Чичерину. Копия—Кремль, тов. Сталину и тов. Ленину.

О договоре Петлюры с Союзным Командованием.

Договор между представителями директории и союзниками: 1) директория Украинской Народной Республики входит на федеративных началах в состав возрожденной неделимой России; 2) директория Украинской Народной Республики образовывает коалиционное правительство контроля и передает ему все свои права; 3) Украинская Народная Республика обязуется всеми силами бороться с большевиками, распространенными в границах республики; 4) Украинская Народная Республика передает в распоряжение специального штаба наступательных действий против большевиков Великороссии все вооруженные отряды республиканских войск; 5) все отряды должны быть об'единены и подчинены общей организации; 6) в оперативном отношении республиканские войска подчиняются специальным штабам; 7) оперативный штаб образуется в нижеследующем составе: а) представитель союзного командования, б) от добровольческой армии генерал Гришин-Алмазов и в) от польских легионов — полковник Джеватинский; 8) в вышеуказанный штаб входит представителем Украинской Народной Республики начальник штаба генерал Манисов; 9) в местах, занятых республиканскими войсками, допускается беспрепятственное формирование отрядов добровольческой армии; 10) все заложники и воевавшие в отрядах добровольческой армии юнкера, казаки и другие немедленно освобождаются с правом беспрепятственного следования, куда они пожелают; 11) осадный корпус атамана Яжева, блокирующего Одессу, немедленно отодвинет свои отряды до станции Раздельная, Юго-Западн. жел. дороги; 12) Украинская Народная Республика обязуется не допускать на ее территорию Советов Украинских Народных Депутатов; 14) союзное командование берет на себя обязанность допущения представителей Украинской Народной Республики на мирную конференцию; 15) союзное командование будет всемерно поддерживать Украинскую Народную Республику в ее борьбе с большевиками и снабжать боевыми принадлежностями. Вышеозначенный договор должен быть контр-ассигнован директорией Украинской Народной Республики в десятидневный срок.

Генерал Деникин обратился к генералу Бертелло с телеграммой следующего содержания: «После предательской передачи гор. Киева петлюровским бандам, 14 декабря германцы разоружили и об'явили

военнопленными 1.800 русских офицеров и студентов, состоявших в добровольческих дружинах, защищавших город; несмотря на германскую охрану, многие из пленных офицеров были убиты и ранены бомбой, брошенной в окно помещения, где находились арестованные, при полном попустительстве германцев; украинская чернь открыто расстреливает на улицах Киева русских офицеров, которым удалось избежать немецкого плена. Как главнокомандующий всеми вооруженными силами на юге России, и призывая вас исполнить ваш долг и защищать русских офицеров, честно выполнявших свои нравственные обязательства перед союзниками в течение 4-х лет войны с германцами, я настоятельно прошу вас принять скорые и решительные меры к тому, чтобы принудить высшее германское командование в Киеве принять на себя действительную охрану арестованных офицеров и обеспечить их доставку в полной безопасности в Одессу в мое распоряжение».

Союзная эскадра состоит из трех мощных дредноутов, 8 крейсеров, 12 миноносцев и большого количества транспортных судов английских, французских, итальянских и других. В Одессе до 35 танков; имеются аппараты для ослепления, для выбрасывания горящей жидкости и т. д. 22 января прибыло 3.200 греческих солдат. Главные силы Антанты в Одессе составляли французские колониальные войска; кроме того, английские и итальянские матросы, польский легион, отряды добровольческой армии,—общая численность добровольцев достигает 3.000, сплошь офицеры. Фактически генерал Бертелло, главнокомандующий союзного десанта, имеет неограниченную власть над всеми остальными отрядами вместе с союзными войсками, которых имеется в Одессе свыше 27.000; под общим командованием генерала Бертелло находится до 50.000 человек.

Поход на Советскую Россию союзниками был решен твердо и бесповоротно. До весны французы решили накоплять силы; в марте же соединенные армии союзников и добровольцев двинутся вглубь России для свержения власти Советов.

Командующий британскими войсками в Батуме ген. Форестье издал следующее воззвание к населению: «Британские войска под моим начальством заняли Батум во исполнение условий перемирия с Турцией и для того, чтобы обеспечить сохранение порядка в стране; британское правительство не имеет намерения занимать страну навсегда, пока вы не проявите прямо или косвенно враждебности в отношении к нам и воздержитесь от совершения поступков, перечисленных ниже, в настоящем воззвании; британские войска не будут вме-

шиваться в вашу жизнь и нарушать вашу свободу, и поскольку то позволит военная обстановка, ваша собственность не потерпит ущерба, но я буду принужден подвергнуть примерному наказанию всякого, не исполнившего своих обязанностей; для организации администрации и для управления гор. Батумом и его областью я учредил совет по управлению Батумской областью, долженствующий работать под руководством военного губернатора; военному суду подлежит целый ряд преступлений, между прочим сознательная дача чинам союзных армий ложных сведений об обстоятельствах, связанных с военными действиями; неосновательное требование вознаграждения и сознательное возведение ложных обвинений против чинов союзных армий; продажа или доставка солдатам союзных армий спиртных напитков. Преступлением будет считаться покушение на совершение вышеуказанных деяний, принятие участия во враждебных действиях или беспорядках, могущих повредить союзным армиям или кому-либо из их чинов. Лица, виновные в нарушении этих предписаний, будут судимы военным судом и могут быть подвергнуты смертной казни или другим меньшим наказаниям, в зависимости от обстоятельств дела» *).

Деникин об'явил приказ о мобилизации за четыре года, с 1910 по 1914 г., в пределах Черноморской и Севастопольской губерний и Кубанской области. В Новороссийск прибыла партия товаров от союзников для населения областей и добровольческой армии; в первую очередь будет выдан товар добровольческой армии; товар для населения будет выдан по выполнении требования союзников о едином командовании.

Кулик.

№ 7.

Выписка

из „Воспоминаний ген. Лукомского", стр. 293—295.

27 мая (9 июня) 1919 г. военные представители Франции и Великобритании передали ген. Деникину для сведения текст протокола, выражающего собой соглашение между французским и великобританским правительствами на заседании в Париже 4 апреля.

Этот протокол, как сказано было в препроводительных бумагах, является дополнением к франко-английскому соглашению от 23 дека-

*) См. приложение № 16.

бря (пов. стиля) 1918 г., разграничивающему французскую и английскую зоны действий.

Вот содержание протокола.

I.

«Высшее французское командование не будет чинить никаких препятствий к набору русских контингентов генералом Деникиным и офицерами, его представляющими, под условием, чтобы принимаемые к такому набору меры не имели результатом возникновения беспорядков в зоне, где французское командование ответственно за сохранение порядка.

II.

Непосредственное командование над русскими частями, формируемыми на местах, примут русские офицеры, предпочтительно из армии генерала Деникина или из других организаций, в случае, если эти части, горя желанием сражаться против большевиков, не захотели бы служить в армии генерала Деникина.

Разумеется, эти части будут чисто русские, за исключением союзного или французского кадра, но они смогут получать помощь союзными инструкторами и техническими советчиками.

III.

Русские войска, находящиеся во французской зоне и признавшие авторитет ген. Деникина, могут, по соглашению ген. Деникина с высшим французским командованием, либо быть использованы первым, на его театре военных действий, либо быть окончательно предоставлены в распоряжение второго.

Русские войска, отказавшиеся от подчинения ген. Деникину, оставляются в распоряжении высшего французского командования.

IV.

Генерал Деникин и высшее французское командование условятся, чтобы русское имущество, сложенное в зоне французских действий, было либо использовано при формировании русских войск этой зоны, либо предоставлено в распоряжение генерала Деникина.

Последний не будет препятствовать посылке во французскую зону припасов излишнего продовольствия (провиант и топливо), которое могло бы иметься в его собственной зоне.

V.

Генерал Деникин и высшее французское командование будут взаимно держать друг друга в полном курсе своих операций и нужд, посредством миссий для связи. Они будут, по мере возможности, оказывать друг другу взаимную поддержку.

VI.

Русские торговые суда, не находящиеся в пользовании союзников, могут быть употреблены для русских военных перевозок и для продовольствия русских войск. Высшее французское командование не будет чинить никаких препятствий к применению для этой цели, под русским национальным флагом, русских судов, находящихся в Черном море, под условием, чтобы они обслуживались русским экипажем, подчиняющимся генералу Деникину.

В пределах возможного, эти суда, если придется, будут способствовать возвращению на родину русских солдат, находящихся вне русской территории.

Русские суда, правильно зафрахтованные дружественными правительствами, останутся в распоряжении этих правительств, кроме как в случае невозобновления таковыми контрактов по истечении сроков.

Русским военным судам, которые укомплектованы русским экипажем, подчиняющимся ген. Деникину, разрешается плавать под русским флагом».

№ 8.

Выписка

из „Воспоминаний ген. Лукомского", стр. 298—299.

«Территория Крыма к данному времени освобождена исключительно частями вооруженных сил юга России и будет подчиняться, в порядке верховного управления, верховному правителю России, временно же — главнокомандующему вооруженными силами на юге России, генералу Деникину.

Далее, главнокомандующий, будучи крайне благодарен за всякую материальную помощь со стороны союзников, считает, что зоны английского и французского влияния должны иметь значение лишь в смысле оказания именно материальной помощи, но право распоря-

жения русскими войсками, как в той, так и в другой зоне, в полной мере остается за генералом Деникиным.

Кроме того, в настоящее время не может быть и речи о каких-либо русских войсках, которые оставались бы в распоряжении французского командования, так как все вопросы по формированию, укомплектованию, а также подчинению русских войск будут находиться в ведении генерала Деникина».

№ 9.

Архив отдела изучения рукописей и документов В.-М. Академии РККФ. Дело № 21673, стр. 32.

Главнокомандующий
вооруженными силами
на юге России.
6 апреля 1919 г.
Гор. Екатеринодар.

Ваше превосходительство.

Из предыдущего моего письма вы знаете, что я не уверен в отношении ко мне французского морского командования, подтверждением чему, помимо изложенных фактов, служит стремление французского морского командования захватить в свои руки транспортные суда русского торгового флота. Это явствует из нескольких случаев, имевших место в Новороссийске и других портах, где французы, посылая русские транспорты, поднимали на них французские флаги и заявляли командирам, что они должны подчиняться распоряжениям французского морского командования в лице специальных комиссаров, назначаемых на суда.

Между тем, мне совершенно необходимо послать один или два транспорта в Севастополь, забрать те боевые припасы, которые не были вывезены из-за противодействия французского морского командования.

Предусматривая возможность захвата транспорта французами, прошу вас оказать мне содействие и сделать нужное сношение о том, чтобы мои транспорты сопровождались в Севастополь и обратно до Новороссийска английским вооруженным кораблем.

Примите уверения в глубоком уважении и таковой же преданности.

(Подпись отсутствует).

№ 10.

Телеграмма

товарищу Чичерину, Метрополь, Москва от 12 апреля 1919 г.

Об уводе флота и блокаде.

Французы отказались возвратить сто двенадцать транспортов (112) с грузом, захваченных в Одессе. Бывшая у адмирала делегация с нашим уполномоченным тов. Скляром во главе, отправила мне следующее радио о переговорах по поводу возвращения судов. На вопрос: куда уводите суда?—ответ гласил: «это мое дело»; на вопрос: многие из кораблей, особенно малые, например, баржи, находятся в таком состоянии, что вести их на буксире в бурную погоду равносильно их гибели, зачем вы берете такие суда, которые могут погибнуть? — ответ гласил: «это моя ответственность». На вопрос: почему союзный флот не покидает Одессы?—последовал ответ, что море свободно для всех. На вопрос: если вы, как говорите, считаете, что море свободно для всех, то будете ли вы чинить нам препятствия в свободном сообщении между портами, уже занятыми Советской Россией, например, в доставке нашим судам, стоящим в Николаеве, угля из Мариуполя в Одессу и Николаев, и хлеба в Одессу из разных портов?—последовал следующий ответ: «я не могу признавать судов под красным флагом, который не признается международным кодексом. Я имею законное морское право признавать такие корабли пиратскими. Сейчас, однако, я не даю окончательного ответа на этот вопрос и считаю его вправе решить тогда, когда выяснится, как советская власть будет относиться к населению. Я имею сведения, что в советском государстве происходит избиение и мучение невинных.» После этого тов. Фельдманом был заявлен самый энергичный протест против слухов о якобы творимых зверствах и предложено адмиралу и его представителям немедленно посетить город и убедиться в том, что абсолютно никаких зверств не производится, и если имеются арестованные, то это исключительно лица, обвиняемые в каких-либо совершенных конкретных преступлениях. Адмирал на это ответил, что он и так верит, что сейчас в городе все спокойно, но не знает, будет ли это так и далее. Окончательного ответа о свободном плавании сейчас дать не может и просит ждать, пока получит ответ от своего высшего командования, с которым он немедленно по этому поводу снесется. По окончании переговоров от имени тов. Скляра, как представителя правительства, был заявлен адмиралу самый энергичный протест против действий

французского командования, которые могут быть приравнены только к грабежу. Адмирал поставлен был в известность, что все правительства и народы мира немедленно будут по радио поставлены в известность о насильственном выводе судов и имущества, являющихся государственной собственностью, к тому же абсолютно необходимых для Одессы. Переговоры продолжались около 2 часов.

Уполномоченный Рабоче-Крестьянского правительства

Украины *Скляр.* № 23.

№ 492. *Раковский.*

№ 10а.

Секретная телеграмма управления министерства иностранных дел колчаковского правительства.

Секретная телеграмма
послу в Париже.
Омск, 30 июля 1919 г.
№ 102.

Морской агент в Афинах Макалинский телеграфирует, что французский адмирал Дексель мотивирует задержку в возвращении взятых французами наших военных и коммерческих судов следующими соображениями: во-первых, суда взяты при военных действиях, т.-е. необходимость оправдывает захват; во-вторых, суда приведены в порядок французами, затратившими на это деньги и давшими команды; в-третьих, суда эти обслуживают русские интересы и, в-четвертых, они взяты у немцев под германским флагом.

Мнение адмирала Д. не представляется достаточным. К тому же пункты спорны, особенно неприемлем последний, ибо к немцам суда попали по Брестскому договору, не признанному ни нами, ни союзниками.

Не откажите выяснить точку зрения на этот вопрос французского правительства и о последующем телеграфировать.

(Подпись) *Сукин.*

№ 11.

Архив отдела изучения рукописей и документов В.-М. Академии РККА. Дело № 21487, стр. 11.

Член технической коллегии.
Апреля 25 дня 1919 г.
№ 22.
Гор. Севастополь.

Комиссару порта и завода.

Вчера вечером команда французов заняла помещение базы подводных лодок, оттеснив нашу охрану.

Так как находящаяся на базе электрическая станция и аккумуляторы представляют громадную ценность и в применении их в чисто-мирных целях, например, на железных дорогах, в разного рода мастерских и т. п.,—прошу ваших срочных распоряжений и сношений с командованием о предупреждении возможных намерений испортить или взорвать вышеуказанное.

(Подписи отсутствуют).

№ 12.

Телеграммы

I.

Севастополь, Наморси, копия Краснодар, Наштарм 9, копия Ростов, Наштакавказ из НВРСК, Штаб Обороны.

НВРСК, 9/1—21 г. Девятого января, после выхода «Эльпидифора» № 415 в Керчь, в девятом часу с пристани Дооб и Толстый мыс были усмотрены на западе два миноносца и транспорт, скрывшиеся на зюйд - весте.

В 12 час. 30 мин. пост утром увидел, повидимому, те же суда, в то же время, как шедший в Керчь «Эльпидифор» проходил пост. Суда быстро приблизились к «Эльпидифору» на дистанцию, позволяющую открыть огонь и между ними начался бой, при чем с неприятельской стороны стреляли все три судна. Бой длился до Анапы, где «Эльпидифор» в трех милях от него выкинулся на берег. Неприятель, по флагу француз, этим удовлетворился и отошел на зюйд. Это донесение составлено по донесениям постов слусвязи, но проверено еще донесением «Эльпидифора». Дальнейшее выясню и донесу. Пр. 101/112.

Начобороны *Кондратьев*. Комиссар *Дунакало*.

II.

Москва, Коморси, копия Наштакавказ, из Новороссийска, Штаб Обороны.

При нападении французов на «Эльпидифор» огонь был открыт первыми со стороны французов без предварительных сигналов или каких-либо признаков желания войти в сношения. «Эльпидифор» имеет восемь попаданий, не причинивших вреда жизненным частям. Корма «Эльпидифора» прибоем закинута к берегу и без освобождения его от груза снять пока не удается, но имею полную надежду стащить его и доставить в Анапу.

Убито 5, ранено 10. Пока точно не выяснено сколько утонуло, но последних, полагаю, не более 10. Военмор Бутаков — начальник дивизиона истребителей — ранен в бедро. Начкавсектора Обороны *Кондратьев.* За комиссара *Дедур.*

№ 13.

Архив отдела изучения рукописей и документов В.-М. Академии РККА. Дело № 21666, стр. 22.

Заметка

о разрушении французским командованием Севастополя при эвакуации.

19, 20 и 21 августа были взорваны орудия севастопольской крепости, при чем фугасы закладывались в дульную часть пушки французской морской подрывной командой.

21 апреля приехала команда с французской канонерской лодки вместе с командиром и 2 офицерами и начали грабить склады, взломали замки, разбили шкафы и, несмотря на мой протест, тащили из складов все,—матросы говорили, что им разрешил командир, а командир нагло заявил: «я им не разрешал, я ничего не знаю»; он так мне отвечал, несмотря на то, что я был в форме и сообщил, кто я.

22 апреля приехала команда с французского крейсера, закончила разгром складов и разломала все наши аппараты; ими было получено приказание от начальника штаба адмирала Амета.

25 апреля были подорваны машины на оставшихся военных судах, команда—английская.

25 апреля был сожжен порох, находившийся в погребах батарей.

26 апреля были затоплены на внешнем рейде наши подводные лодки, 9—10 штук; топили англичане, находившиеся в то время на нашем портовом катере «Елизавета».

27 апреля была выведена на рейд баржа, нагруженная винтовками. Винтовки выброшены за борт французскими матросами.

Подписал капитан 2 ранга *Крыгин,* начальник 1 морского авиац. севастопольского отряда.

№ 14.

Акт

о передаче крымским правительством ценностей французским властям в Севастополе.

Тысяча девятьсот девятнадцатого года, апреля 12 дня составлен настоящий акт в том, что крымское краевое правительство передает французским войскам в Севастополе ценности, вывезенные из краевого банка на крейсер «Кагул», а равно ценности, находящиеся в здании казначейства в Севастополе с тем, что мы предоставляем французским властям расходовать эти ценности на нужды края по их усмотрению, а остаток, который окажется, передать одному из российских посольств в Европе.

Председатель совета министров *С. Крым.*
Управляющий министерством финансов *А. Барт.*
Министр внешних сношений *М. Винавер.*
Министр юстиции *Влад. Набоков.*

№ 15.

Из письма генерала С. А. Шварца от 4 марта 1922 г.

Многоуважаемый Мануил Сергеевич, сегодня получил ваше письмо от 2 марта и отвечаю в порядке ваших вопросов:

1. Через два дня после вашего от'езда из Одессы, был сформирован «Совет Обороны при командующем войсками в зоне союзников».

2. В него, кроме меня и Д. Ф. Андро, вошли: адмирал Хоменко по морской части, К. Я. Ильяшенко-Сниговский по части государственного контроля и г. Рутенберг по отделу труда и продовольствия.

3. Я вошел в него по настоятельным просьбам генерала д'Ансельма и всех политических, военных и промышленных организаций в Одессе.

4. Через два дня после этого (кажется, 19 марта), прибыл генерал Франше д'Эспере, который уволил Савинкова и Гришина-Алмазова и на другой день, приехав ко мне (я лежал больной гриппом), назначил меня одесским генерал-губернатором и командующим новыми формированиями.

5. Рутенберг был приглашен д'Ансельмом по моей инициативе.

6. Кроме «Совета Обороны при К. С. В.» была учреждена еще одна инстанция совещательного характера, в которую, под председательством д'Ансельма, должны были войти: Брайкевич и Бутенко Однако, это совещание ни разу не собиралось.

7. Относительно Бернацкого: он находился в Одессе с 6 марта, имея целью своей миссии, повидимому, отправку денежных средств Одессы в Екатеринодар. Д. Ф. Андро, как вы знаете, стоял за полное отделение одесской власти от екатеринодарской. Я, наоборот, считал необходимым крепкую связь и единство действий. Поэтому я настоял, чтобы Бернацкий вошел в Совет Обороны с правом такого же голоса, как и остальные члены совета, и чтобы ни один финансовый вопрос помимо Бернацкого не решался и отпуски денег из Государственного банка производились бы каждый раз с его санкции. Так и было сделано, и я утверждаю, что ни одно ассигнование помимо Бернацкого не прошло. Бернацкий высказывал тогда свое желание, чтобы вся наличность казначейства (Гос. банк) в сумме около 425 миллионов карбованцев была бы отправлена в Екатеринодар, а в распоряжении одесской власти остались бы машины, печатающие в день на 12½ миллионов карбованцев. Я, как председательствующий в Совете Обороны, считал необходимым, чтобы кроме машин было оставлено еще 100 миллионов на покупку хлеба и дров и пр. Переговоры об этом еще не кончились, как получен был приказ об эвакуации. В тот же день, по моей инициативе, Совет Обороны приказал выдать всем служащим всех ведомств и рабочим 6-месячные оклады в виде пособия, на что было израсходовано окол 30 миллионов. Кроме того, распоряжением Бернацкого было вывезено при эвакуации около 2½ миллионов австрийских крон, около 200 тысяч румынских лей и около 3½ миллионов карбованцев. На пароходе я приказал всем начальствующим лицам сдать находящиеся у них остатки авансов, отпущенных им еще в Одессе. Таким образом, собралось еще около 9—10 миллионов карбованцев. И всего было вывезено, следовательно, около 12—13 миллионов карбо-

ванцев и 2½ миллиона австрийских крон, плюс 200 тыс. румынских лей. Затем тогда же на пароходе Бернацкий говорил мне в частном разговоре, что он успел отправить в Д. А. (действующую армию) 100 миллионов карбованцев. Когда и как он успел это сделать, я не знаю. Затем все остальное осталось в Одессе и, очевидно, было забрано большевиками.

В виду этого, я еще тогда в Константинополе назначил особую комиссию под председательством лица, мне не подчиненного. Эта комиссия составила подробный документальный отчет о всем, что произошло в Одессе и при эвакуации. Отчет этот у меня. Я его хотел опубликовать, но, узнав о предстоящем выходе «Мемуаров» Деникина, решил сделать это после выхода его книги.

21 марта 1922 г.

Искренне ваш *А. Шварц.*

№ 16.

Воззвание командующего Британскими войсками в Батуме.

«Британские войска под моим начальством заняли Батум, во исполнение условий перемирия с Турцией и для того, чтобы обеспечить сохранение порядка в стране. Британское правительство не имеет намерения занимать страну навсегда. Пока вы не проявите ни прямо, ни косвенно враждебности в отношении к нам и воздержитесь от совершения поступков, перечисленных ниже в настоящем воззвании,— британские войска не будут вмешиваться в вашу жизнь и нарушать вашу свободу, и поскольку то позволит военная обстановка, ваша собственность не потерпит ущерба, но я буду принужден подвергнуть примерному наказанию всякого, не исполнившего своих обязанностей. Для организации администрации и для управления гор. Батумом и его областью я учредил Совет по управлению Батумской областью, долженствующий работать под руководством военного губернатора. Военному суду подлежит целый ряд преступлений, между прочим: сознательная дача чинам союзных армий ложных сведений об обстоятельствах, связанных с военными действиями; неосновательное требование вознаграждения и сознательное возведение ложных обвинений против чинов союзных армий; продажа или доставка солдатам союзных армий спиртных напитков. Преступлением будет считаться покушение на совершение вышеуказанных деяний, принятие участия во враждебных

действиях или беспорядках, могущих повредить союзным армиям или кому из их чинов.

Лица, виновные в нарушении этих предписаний, будут судимы военным судом и могут быть подвергнуты смертной казни или другим меньшим наказаниям, в зависимости от обстоятельств».

№ 17.

Приказ командующего английскими оккупационными отрядами в Баку.

По соглашению со своими союзниками, британское правительство, согласно просьбе бакинского населения, посылает войска и военный материал на помощь осажденному городу.

Генерал Денстервил, которому поручена эта задача, желает сделать следующее заявление всем, кому надлежит знать:

1) Британское правительство не преследует никаких личных целей и не имеет никаких интересов в Баку, кроме общих интересов союзников в связи с борьбой против германского империализма и захватов. Цель прибытия британских войск — борьба против турок и немцев.

2) Никто из состава британских войск не принимает участия во внутренней политике России; все политические партии и все национальности равны в глазах британского правительства и их союзников.

3) Британские войска действуют с ведома союзников и по соглашению с временной диктатурой Центрокаспия и совместно с войсками Бичерахова.

4) Британские войска поздравляют защитников Баку с их успешной, геройской защитой Баку и уверены, что их ожидает победа, если каждый гражданин, отбросив в сторону политику и раздоры, отдаст все свои силы борьбе с врагом.

Жители Баку, весь мир, об'ятый кровавой войной, с напряжением следят за исходом вашей борьбы! Ваша свобода зависит от победы!

Гор. Энзели, 6 августа 1918 г.

Л. Денстервиль

Генерал-майор великобританской армии.

№ 18.

Выписка

из книги „Борис Савинков перед военной коллегией верховного суда СССР“, стр. 88.

Председатель. Кроме Черчилля с кем вы еще вели переговоры?

Савинков. Я разговаривал с Ллойд-Джорджем, Биркенхедом, Эвансом и со всеми другими. Я был в таком положении, что знал всех английских, французских, итальянских, японских и других министров—всех тех, кто управлял в то время европейскими делами.

Вы спрашиваете—на каких условиях? Я не знаю. Я на этот вопрос уже ответил. Условий не было, но попытки ведения своей политики со стороны англичан были. Например, очень упорно, очень много говорили англичане со мной о том, что желательно образовать независимый юго-восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья и примыкающих областей. Говорили о том, что этот союз должен быть только началом, что потом с ним должен об'единиться Азербейджан и Грузия. Я в этом чувствовал запах нефти, и моя дипломатическая работа заключалась в том, что я со всем этим вертелся, потому что от этого зависели мои штаны и сапоги. Они рассказывали мне турусы на колесах об образовании таких нефтяных государств. Дальше разговора не могло итти, потому что не от них и не от меня зависело устраивать какие-нибудь независимые государства.

№ 19.

Выписка из „Воспоминаний Лукомского“, стр. 306.

«6/19 февраля (в день занятия добровольческой армией Сочи) генерал Бриггс, начальник британской миссии, передал Деникину следующее заявление:

«Я получил указание военного министерства предложить вам немедленно прекратить операции против Сочи, затем обратить ваше внимание на постановление мирной конференции от 24 января, в силу которого захват силой спорной территории будет серьезно вменен в вину захватчику. Если генерал Деникин не согласится ожидать решений из Парижа и не воздержится от перехода в район южнее линии Кизил—Бурун—Закаталы и далее по Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море, то правительство его величества может оказаться вынужденным задержать (или отменить) помощь оружием, снаряжением и одеждой».

№ 20.

Протокол соглашения великобританского правительства и исполнительного комитета закаспийского правительства от 19 августа 1918 г., через посредство уполномоченного для заключения настоящего договора от великобританского правительства — генерал-майор Малесон и уполномоченного для переговоров с представителем великобританского правительства по предмету сего договора от исполнительного комитета—комиссара по иностранным делам Владимира Дохова.

1. Английское правительство, с одной стороны, и исполнительный комитет закаспийского правительства—с другой, в виду общей опасности от большевизма и турко-немецкого наступления в пределы Закаспийской области и Туркестана входят в соглашение для достижения следующих целей:

а) восстановления спокойствия и порядка в Закаспийском крае и русском Туркестане и

б) оказания сопротивления турко-немецким планам военных захватов и политического господства в Закаспии и Туркестане.

2. Со своей стороны, исполнительный комитет закаспийского правительства ожидает от английского правительства следующее:

а) защиты гор. Баку, который является дверью в русскую центральную Азию и от которого зависит в значительной степени экономическая жизнь и военная мощь Туркестана и Закаспийской области;

б) установление английского гарнизона в составе пехоты и артиллерии в Красноводске, в целях защиты его или от турко-немецких или от большевистских войск;

в) получения максимально возможной помощи исполнительному комитету закаспийского правительства великобританскими войсками, орудиями, пулеметами, аэропланами, винтовками, патронами и взрывчатыми веществами;

г) получения финансовой поддержки исполнительному комитету закаспийского правительства для продолжения войны и производства текущих расходов по административному управлению.

3. Комитет обязуется:

а) предоставить великобританскому правительству возможность пользования пароходами и судами, находящимися в Каспийском море;

б) предоставить великобританскому правительству пользование портом Красноводск и оказать содействие в приведении его в состояние обороноспособности;

в) в случае надобности, по соглашению с военным представителем великобританского правительства при русском штабе, вывезти весь подвижной состав, чтобы сделать железную дорогу бесполезной для противника;

г) уничтожить, в случае надобности, расположенные вдоль линии Средне-Азиатской железной дороги все резервуары с нефтью и водой;

д) в случае надобности, разобрать отдельные перегоны железнодорожного пути, сломать мосты, переезды, раз'езды и запасные пути и снять телеграфную проволоку, в целях затруднить продвижение противника;

е) мобилизовать и обучать в Закаспийской области дополнительные отряды для военной службы;

ж) оказать англичанам всякое содействие в пользовании железной дорогой, телеграфом, в том числе и беспроволочным, в доставке продовольствия, а также допустить английских офицеров, командированных на русский фронт для связи и, кроме того, приступить к ремонту шоссе Асхабад—Мешед в части, расположенной на русской территории, для установления автомобильного сообщения;

з) совсем запретить вывоз хлопка из пределов Закаспия до того момента, когда власть исполнительного комитета распространится на весь Туркестан и вывоз хлопка будет тогда разрешен по системе пропусков, имеющей в виду воспрепятствовать переходу хлопка в руки неприятеля.

4. Со своей стороны, великобританское правительство обязуется:

а) защитить гр. Баку всеми возможными способами до последнего момента и вывезти, насколько возможно, мазут и нефть в Красноводск;

б) имея в виду преимущественное значение Баку, защищать Красноводск пехотой и артиллерией против всех попыток врага с моря;

в) передать в распоряжение закаспийского правительства пулеметы из английского отряда, находящегося в Мамед-Абаде, для употребления на морском фронте;

г) передать, кроме упомянутых, также пулеметы и патроны, находящиеся в настоящее время по пути из Индии, и обучить в Мешеде не более 12 избранных солдат закаспийского правительства управлению пулеметом;

д) предоставить одну тысячу винтовок с патронами, находящихся в настоящее время также на дороге из Индии;

ж) предоставить солдат английской службы, говорящих по-русски, закаспийскому правительству, в качестве инструкторов;

з) передать патроны «Маузер»;

и) передать взрывчатые вещества для взрыва мостов и т. д.; предоставить временно специалистов-подрывников.

Кроме того: передать дополнительные отряды великобританских войск для службы в пунктах, определенных общим соглашением штабов при первой возможности подвоза их к русскому фронту, имея в виду, что вследствие трудности и большого протяжения пути следования указанных войск,—больших отрядов ожидать нельзя.

В случае, если удастся преодолеть физические препятствия горных дорог, передать закаспийскому правительству аэропланы.

5. Великобританское правительство в принципе выражает согласие на оказание закаспийскому правительству финансовой помощи для продолжения войны и достижения целей, указанных в п. 1 этого протокола. Сумма и способы финансирования должны быть определены при дальнейшем обсуждении и согласии обоих правительств: при этом по взаимному соглашению признается необходимым, при производстве платежей закаспийскому правительству в форме субсидий, командирование английского представителя при закаспийском правительстве для совместного контроля над расходами сумм, полученных путем субсидий от великобританского правительства.

6. а) Что касается управления войсками, переданными закаспийскому правительству, то признается необходимым, что в случае предоставления великобританских войск для определенной цели, например, защиты Красноводска или фронта в ташкентском направлении, указанные войска не будут отвлечены для другой цели без согласия великобританского правительства. Но за указанным исключением, упомянутые войска, предоставленные для службы на фронте в ташкентском направлении, будут находиться под верховным командованием и будут исполнять приказы закаспийского главнокомандующего фронтом, при чем такие приказы передаются через английского офицера, прикомандированного к русскому штабу для связи. После прибытия артиллерии в Красноводск, известная часть ее, в зависимости от общей ситуации дел на фронтах, может быть, по соглашению между русскими и английскими штабами, отослана на восточный фронт;

б) что касается защиты Красноводска, то в виду морского и специального технического значения этой защиты, великобританские войска, находящиеся для этого дела в Красноводске, остаются под исключительным командованием старшего английского офицера, к штабу

которого прикомандировывается представитель закаспийского правительства для информации и связи.

7. Уполномоченным великобританского правительства по всем пунктам этого протокола является генерал-майор Малесон.

8. Уполномоченный великобританским правительством, я, генерал-майор Малесон, гарантирую предложение военной и финансовой помощи, пока закаспийское правительство стоит у власти и ставит во главе своей политической программы возобновление порядка и подавление всех большевистских и турко-германских интриг и захватных намерений.

Подлинный подписал (по-английски) *Малесон.*

Генерал-майор, английский представитель, августа 19 1918 г.

Комиссар по иностранным делам *В. Дохов.*

№ 21.

Сводка сведений об общем положении дел в Туркестане, на Кавказе и в Закаспийской области к 1 декабря 1918 г. по данным, полученным от прибывшего в г. Омск представителя Закаспийского правительства, г. Вольпина, капитана Соломондина и капитана английской службы Каусмекера, прибывших из гор. Энзели.

В конце октября 1917 г., когда власть большевиков утвердилась в Туркестане, начались массовые преследования офицеров и общественных организаций, не признавших власти советов.

В Ташкенте образовался союз, который поставил себе целью широкую агитацию для свержения большевизма. Во главе этой организации стал некто Петровский (он же Джунковский).

К июню 1918 г. союз принял широкие размеры, имея свои ячейки по всему Туркестану. Начало всеобщего восстания в Туркестане назначено было на август месяц, но безобразия, чинимые большевистскими комиссарами, и расстрел 4-х железнодорожников вызвал взрыв негодования, и 5 июля в гор. Кизыл-Арвате вспыхнуло восстание, но восстание исключительно русских рабочих. Все комиссары города были перебиты.

Движение это передалось в гор. Асхабад и по всей Закаспийской жел. дороге; недостаток в вооружении побудил восставших направить свои силы к захвату г. Мерва, дабы пополнить свои боевые части всем

необходимым. Рабочие г. Мерва, учитывая преимущества большевиков в вооружении, отнеслись недоброжелательно к восставшим.

В экстренном заседании закаспийского исполнительного комитета (ячейка правительства восставших) постановлено было немедленно обратиться к англичанам и просить их о помощи в борьбе против германо-большевиков. Командующим войсками образовавшегося закаспийского фронта назначен был Ураз-Сердар, по происхождению текинец и пользующийся среди текинцев большой популярностью.

Депутация, отправившаяся в гор. Мамед-Абаз, получила от уполномоченного великобританского правительства в Персии, генерала Малесона, ответ, что Великобритания гарантирует восставшим военную и финансовую помощь, пока они будут стоять на платформе законности и порядка.

Было отдано приказание английским войскам, находящимся в гор. Мамед-Абаз, перейти на территорию Закаспия. Численность этих войск была около 800 солдат при одной полубатарее.

Командование над большевистскими войсками, действовавшими против восставших, принял австрийский полковник (военнопленный), который, перейдя в решительное наступление, оттеснил повстанцев к ст. Душак, что в 120 верстах от гор. Асхабада, где восставшие задержались до прибытия англичан.

17 октября отправившиеся части повстанцев и подошедшие англичане перешли в наступление, заняли Душак и, продолжая движение, овладели г.г. Мерв и Чарджуй.

К 15 ноября этот соединенный отряд занимал линию Мерв—Кушка, имея направление на железнодорожный мост на р. Аму-Дарья с конечной целью овладения Ташкентом, главным пунктом и опорой красных в Туркестане.

Приблизительно ко времени отправки английского отряда на территорию Закаспия (середина августа), в гор. Баку также была свергнута власть большевиков. Лидеры большевиков, пытавшиеся прорваться в Астрахань, были задержаны и расстреляны. Вместе с последними был расстрелян и ряд других деятелей большевизма.

С занятием Баку, части, действующие против большевиков, как в Закаспийской области, так и на Кавказе, приобрели большое количество военного снаряжения, пушки, бомбометы и патроны и проч.

Командующим войсками кавказской армии, действующей против большевиков, был назначен войсковой старшина Лазарь Бичерахов, произведенный английским правительством в чин генерала английской

службы. В Баку прибыл отряд (английский) в числе 600 чел. под начальством генерала Денстервиля.

Между тем, 5 и 15 турецкие дивизии совместно с татарами повели наступление на Баку и прервали водоснабжение города, поставив там защитников в критическое положение. Англичане ушли в Энзели, а части Бичерахова направились к Петровску, который и заняли. Головной отряд Бичерахова имел связь с армией генерала Деникина, оперировавшей в районе Ставрополя.

19 октября в порте Петровске по инициативе политических и общественных организаций была создана конференция областей Терской, Закаспийской, части Дагестанской области и Бакинской губернии. Конференция выделила из себя кавказско-каспийское правительство в составе 5 лиц:

1) военный и морской министр и министр внешних сношений Лазарь Бичерахов — терский казак (государственник).

2) министр продовольствия Мерхалев (пр. с.-р.) по образованию юрист, бывш. член учредительного собрания и член терского казачье-крестьянского правительства.

3) министр юстиции Наджаров — армянин, по образованию юрист.

4) министр финансов Деляев, директор бакинского государственного банка (монархист).

5) управляющий делами — армянин (сочувствующий с.-р.).

Цель этого союза — воссоздание российской государственности и воссоздание разрушенных областей российской республики. Препятствиями, встречающимися на пути этого союза по воссозданию государственности, по мнению г. Минорского, являются отдельные политиканы (ротмистр Чермоев, об'явивший себя президентом республики горцев Кавказа), деятельность отдельных иностранцев, ведущих безответственную политику (бывш. английский военный агент в Персии полковник Стокс, удаленный с согласия Англии с этого поста), а также наличие на Кавказе турецких военных сил (5 и 15 турецкие дивизии).

Бывшим председателем директории Авксентьевым заявлено г. Минорскому, что кавказско-каспийское правительство утверждается временным всероссийским правительством. Бывшим главковерхом генералом Болдыревым полномочия Бичерахова подтверждены.

Подчинение флотилии Бичерахову только наружное и то только благодаря большим окладам — матрос получает в месяц от 2.300 до 2.500 руб. Сам Бичерахов во флоте не уверен. Его слова: «если

я прикажу ему выйти в море, может случиться, что вместо Красноводска или Энзели он очутился в Астрахани». На капитана Краусмекера генерал Бичерахов произвел неблагоприятное впечатление. По его словам «хороший командир казачьего полка, но не больше». Патриотическая тенденция отсутствует. Дисциплины в отряде нет, так как все войска наемные. Финансируется Бичерахов англичанами.

Офицер, командированный штабом юго-западной армии для связи с Бичераховым, доносит из Красноводска от 10 сего декабря, что Терская область занята красными, остатки отряда генерала Деникина эвакуируются через Петровск в Баку. Отряд Бичерахова в борьбу с красными не вступает и, по настоянию английского командования, подлежит расформированию.

Город Красноводск: исполнительная власть в руках стачечного комитета, председателем коего состоит ревизор движения Генрих Кун (партии народной свободы) и подчиняющегося Красвому закаспийскому правительству, находящемуся в Асхабаде. Кроме этого комитета есть еще военные штабы русский и английский. Фактическая власть принадлежит англичанам. На рейде стоит до 20 пароходов, из них 3 вооружены.

Город Энзели: город в руках англичан. Гарнизон: один батальон пехоты, 5 броневых автомобилей и 3 легких батареи, флотилия состоит из пяти крейсеров пароходов. На всех крейсерах радиостанции. Большие интендантские склады.

Казвин: штаб отряда, оперирующего в северной Персии. Этот штаб подчиняется Багдаду. Гарнизон: бригада пехоты и авиостанция, ежедневно отправляющая аэропланы в Багдад и часто в Энзели.

Главнокомандующий северо-персидской армией генерал Томсон, штаб коего находится в Казвине, должен был по старой инструкции, данной до заключения перемирия, занять линию Баку-Тифлис. На правый фланг Месопотамской армии возлагалось занять очищаемую им область и поддерживать генерала Томсона. Генералу Бичерахову было предложено принять участие в этой операции в качестве представителя русского командования.

До 15 ноября генералом Томсоном новых инструкций получено не было.

По последним сведениям, полученным от офицера, командированного штабом юго-западной армии и командования закаспийской области, Баку занято союзниками.

Состав английских войск, действующих в Закавказье и Средней Азии.

Средне-персидская армия.

1. Отряд генерала Эндро занимает линию: Энзели — Решт — Манджоль.

Состав: 2 батальона пехоты,
4 орудия,
3 пулеметных отделения по 4 пулемета.

2. Бригада в Казвине: посылает наблюдательные отряды в Зильжан и Меони.

Состав: 2 бат. пехоты,
3 эскадрона кавалерии,
4 бронированных автомобиля.

3. Отряд в Хамадане: высылает наблюдательные отряды в Биджар и Сенеи.

Состав: 2 бат. пехоты,
1 эскадрон кавалерии,
4 полевых орудия.

Главнокомандующий северо-персидской армией генерал Томсон, штаб в Казвине.

Миссия генерала Медисона.

1. Отряд полковника Флеминга в Красноводске.

Состав: 1 бат. пехоты,
1 батарея,
1 пулеметное отделение.

2. Отряд полковника Нолс. Занимает линию: Мерв — Кушка.

Направляется на железнодорожный мост на Аму-Дарью, с конечной целью овладения Ташкентом.

Состав: 2 бат. сипаев,
1—2 кавалерийских полка,
1 батарея,
1 пулеметное отделение.

Туркестанские части под начальством туркмена, до тысячи человек смешанного состава.

Главнокомандующий генерал Медисон, штаб в Асхабаде.

Приложение: Грамота союзного кавказско-каспийского правительства.

Врид. нач. разведывательного отделения
Капитан (подпись).

№ 22.

Представитель Пр-ва
Российской Советской
Республики
в Персии.

Астрахань.

Совету Народных Комиссаров.

Уважаемые товарищи!

В июле прошлого года я (Иван Иосифович Коломийцев) и т. Караханян были посланы тов. Ст. Шаумяном в Персию в качестве дипломатических представителей Российской Советской Республики. Тов. Шаумян имел на это специальные полномочия от центра советской власти.

Падение сов. власти в гор. Баку и полная оторванность поставили нас в тяжелое положение. Мы очутились среди врагов и недоброжелателей, одни, без малейшей поддержки.

Наши официальные выступления вызвали целую бурю негодования английского посольства и бывшей царской миссии во главе с Эттером.

В конце октября мы получили предупреждение о готовящемся аресте. Предвидя близкую опасность, я расчитал служащих и остался продолжать работать вдвоем с тов. Караханяном.

3 ноября, поздней ночью, шайка персидских казаков, во главе с б. консулом Гильденбрандтом, ворвалась в здание советской миссии и арестовала всех находившихся в помещении.

Арестованы следующие лица:

1. Евд. Иван. Коломийцева, носившая под сердцем ребенка.
2. Иос. Исак. Караханян.
3. Сатеник Акоп. Караханян.
4. Красноармеец Савва Богдан и четверо детей Караханяна, из которых старшему 11 лет, младшей девочке всего 2 года.

Все имущество миссии было разграблено. Тов. Караханян был избит. Я бежал через окно 2 этажа и после трехмесячного скитания добрался до Баку.

Арестованные были первоначально отправлены в Хамадань, где находились под ведением англичан. Обращение с ними было самое бесчеловечное. Из отобранных вещей и денег им не вернули ни одной

нитки и ни одной копейки. Арестовано было около 135.000 руб. казенных денег. В настоящий момент получено известие от английского штаба о том, что все арестованные недавно отправлены во Владивосток. Если это верно, то во Владивостоке их всех, обремененных больными детьми и предстоящими родами моей жены, ждет несомненная гибель.

Моя горячая просьба к вам немедленно сообщить обо всем происшедшем в Москву товарищу Народному Комиссару по Иностранным Делам с просьбой принять все зависящие меры к освобождению несчастных женщин и детей и послать во Владивосток надежного человека с деньгами для арестованных. При первой же возможности я выеду в Москву через Астрахань сам для личного доклада.

С товарищеским приветом *И. Коломийцев.*

Баку, 28 марта 1919 года.

№ 23.

Советской и Бухарским властям гор. Керки.

Ультиматум.

По приказанию союзников и власти добровольческой армии генерала Деникина, вверенным нам боевым отрядам приказано во что бы то ни стало взять город Керки, занять крепость и продвинуться вперед. Во избежание пролития крови, как братской, так и драгоценной в настоящее время для каждого из нас граждан крови мирного невинного населения обоего пола, включая сюда и малолетних, приказываем: в течение 2-х (двух) часов, считая срок с момента подачи настоящего ультиматума, сдать без боя и кровопролития: 1) крепости, как русскую, так и бухарскую; 2) город, считая части русскую и бухарскую. В противном случае, как крепость, так и город будут бомбардированы, не щадя мирного населения, даже и малолетних. По сдаче мирным путем как крепости, так и города не будет тронуты ни одни личности, не считаясь, какой бы пост они ни занимали. Нач. английского отряда полковник *Ламкарт* (подпись по-русски уверенным и размашистым почерком), председатель французской военной миссии полковник *Вальтер* (подпись неуверенным почерком), начальник русского отряда ген.-майор *Юденич,* начальник туркменского отряда *Гар. Сардар* (подпись, видимо, поддельная, сделана человеком, хорошо пишущим по-русски. Д. армия, 14 мая 1919 г., 2 часа ночи (два часа ночи)».

№ 24.

6 часов вечера.

Ответ на ультиматум союзных войск и добровольческой армии генерала Деникина, полученный в 4 час. 30 мин. утра 15 мая.

Мы, сыны всемирного пролетариата, поставляем вас в известность, что никакой власти, кроме власти Советской России в Туркестане мы не признаем; мы признаем только советскую власть и будем защищать ее до последней капли крови.

Ига империалистов и капиталистов, свергнутого с такими жертвами, мы вновь не желаем. Советская власть крови не желала и не желает, не искала и не ищет. Вы ее ищите, и вы пришли к нам. Если вы жаждете крови невинных жертв, можете начинать, мы готовы.

Ни крепость ни город без боя сданы не будут.

Подл. подп.: нач. обороны *Нестеров* и члены коллегии: *Ширинянц, Бабаев, Василевский, Варжанов.*

С подлинным верно: секретарь коллегии обороны *Ефремов.*

№ 25.

Командование вооруженными
силами юга России,
Помощник военного агента
при
великобританском командовании
в Баку.
17 июня 1919 г.
№ 60.
Гор. Омск.

Управляющему морским министерством.

Рапорт.

1 марта с. г. русская каспийская флотилия, состоявшая из трех судов императорского флота и четырех судов, вооруженных в революционное время, была разоружена англичанами.

Этому действию предшествовало заверение коммодора Норриса, командующего британской каспийской флотилией, что всю ответственность за ведение операций против красных морских сил, сосредоточенных в Астрахани, и за правильное снабжение морем уральского фронта британское морское командование принимает на себя.

В то же время коммодор Норрис от имени адмирала Сеймура, командующего британскими морскими силами Черного моря, заявил

генералу от кавалерии Эрдели, командированному в Баку генералом Деникиным, что новое комплектование флотилии не будет допущено.

Наше командование вооруженными силами юга России, учитывая неравенство сил британской каспийской флотилии перед астраханской красной флотилией, отправило из Екатеринодара в Петровск 1 морской эшелон под командой капитана 2 ранга Пышнова, для срочного укомплектования разоруженных судов и ведения операций против Астрахани, совместно с британской флотилией.

В конце апреля прибыл в Петровск капитан 1 ранга Сергеев, назначенный главнокомандующим вооруженными силами на юге России на должность командующего русской каспийской флотилией.

Действительно, с открытием астраханского рейда положение на море сделалось угрожаемым.

Британское командование медлило с признанием прав генерала Деникина на укомплектование разоруженных судов флотилии и уклонялось от прямого ответа по этому вопросу.

Тем временем красные морские силы заняли форт Александровский.

В настоящее время является срочно необходимым:

1) Официальное признание англичанами русской каспийской флотилии.

2) Передача всех разоруженных судов флотилии в распоряжение капитана 1 ранга Сергеева для срочного укомплектования их.

Только при наличии этих условий будут возможны наступательные действия наших и союзных морских сил на Астрахань, падение которой в значительной степени зависит от успешного ведения операций на море.

О чем и доношу вашему превосходительству.

Подп. лейтенант *Булашевич.*

№ 26.

Доклад Гришина-Алмазова [1])

На Ясском заседании 30 ноября 1918 года о положении на белых фронтах.

(Выписка из книги Маргулиеса [2]) «Год Интервенции», стр. 48—49).

Союзнических войск очень мало в Сибири; к началу октября было англичан — 2.000, итальянцев — 500, французов — 1.000 чел.

---

[1]) Видный сотрудник Деникина; ген.-губернатор Одессы.

[2]) Член Сев.-Зап. правительства Юденича.

с генералом Жанен во главе; у японцев — один жандармский дивизион, один кавалерийский и три пехотных полка. Японцы высадились во Владивостоке и пошли на запад, высылая вперед жандармов, учреждавших комендатуры и печатавших расплывчатые воззвания. Заявляют, что дойдут до Читы, где будут зимовать.

Теперь ждут прибытия 10.000 американцев.

Отношение к добровольцам на востоке России таково:

1. Атаман Дутов сказал Гришину: «пусть только придет добровольческая армия, и для меня Уфа не будет существовать».

2. На Урале, для казачьих низов, добровольческая армия — святыня. Правительство же социалистическое холодно сказало: «будем рады, когда добровольческая армия придет».

Атамана у уральцев нет.

3. Из Гурьева Гришин поехал в Петровск — сатрапию Лазаря Бичерахова (осетин, православный, действовал в Персии с партизанскими отрядами, хорош с англичанами). Командует кавказской армией в 7.000 штыков; штаб — в Петровске. Флаг наш — национальный, красным вверх. Денег масса — вывез 120 миллионов из Баку; оружия и патронов мало: англичане не дают, говорят, чтобы перешли к ним на помощь в Туркестан.

Бичерахов заявил, что политики не знает, в гражданской войне участия не принимает, борется только с турками; блокируется, когда надо, с большевиками.

4. В Туркестане — англичане, оккупировавшие Красноводск, Мерв, Асхабад, Мугань; командует Стокс — руссофоб, относится к русским, как к туземцам Индии.

5. В Темир-Хан-Шуре — закаспийско-кавказское краевое правительство с полковником кн. Тараховским во главе. Об'явил себя диктатором Туркестана. Бессилен, ничтожен, к добровольцам благоволит.

6. На Тереке — Георгий Бичерахов (брат Лазаря) председатель Терской республики. Во главе местного рабочего и крестьянского Совета — офицер Саул Букановский. Совет значительно правее правительства (в России — все возможно). В Терской области в военном и гражданском деле — кошмар. Во главе вооруженных сил был генерал Мистулов — застрелился. Бичерахов заявил, что против прихода добровольцев протестовать не будет. По мнению Гришина, Терская область должна быть базой для добровольцев»,

№ 27.

Копия секретной телеграммы секретаря миссии в Афинах от 19 мая 1919 года, № 215, на имя министра иностранных дел.

Нератов телеграфирует:

Генерал Деникин просит передать адмиралу Колчаку: кратко ориентирую в последних событиях: во-первых, французы неожиданно в течение 48 час. эвакуировали 21 — 23 марта Одессу, оставив там значительные запасы разного имущества при отсутствии натиска со стороны большевиков. Генерал Шварц, действовавший в полном согласии с французами, захватив казенные суммы, с группой соучастников скрылся в Константинополь, продолжая вредную работу. В числе его приближенных ген. Прохорович, Бискупский и др. Подробности почтой.

Во-вторых, обещавшие удерживать Севастополь французы и там оказались неустойчивыми, воспретив эвакуацию распоряжением коменданта крепости и командного состава флота, — выехали, перейдя сами на суда. Адмирал, вместе с группой в несколько лиц, захватив часть золотой валюты, на казенном транспорте также скрылся в Константинополь. Положение Севастополя безнадежно.

В третьих, англичане оказывают возможное содействие, и отношение их вполне доброжелательно. Предлагают даже свои технические средства обслуживать своим личным составом. Материальная помощь продолжается. Высылают сто аэропланов мне и вам.

В четвертых, Грузия обнаруживает агрессивные... дает приют большевикам, продолжается враждебное настроение горцев Чечни и Дагестана. Англичане заявили, что воспрепятствуют силой враждебным действиям Грузии.

В пятых, в Азербейджане обнаруживаются так же враждебные намерения и агитируют среди дагестанских горцев, поддерживая их деньгами и оружием.

В шестых, закаспийское правительство официально заявило о своем желании вести работу при содействии помощи добровольческой армии, подчиняясь общему командованию.

Там производятся формирования больших отрядов добровольческой армии. Главноначальствующим назначен генерал Ипполит Савицкий, помощником его Д. С. Джунковский, английские войска из Закаспия, кроме Красноводска, эвакуируются.

В седьмых, возможно, что многие из вредных лиц, бывших в Одессе и Севастополе, будут пытаться попасть к вам. Было бы

желательно прием их производить по предварительному расследованию их деятельности, путем сношения со мною.

Шестнадцатого апреля, № 0107, генерал *Деникин.*

(Подп.) *Икскюль.*

№ 28.

Выписка из дела № 6

управления обер-квартирмейстера штаба Уральского корпуса армии Колчака.

Копия.

Шифрованная телеграмма.

Из ставки командарм Сибирской, Западной, Оренбургской, комкору 2-го степного отдельного военмину.

Передаю для сведения копию телеграммы министра иностранных дел от 24 апреля 19 г., № 779: «Генерал Головин, с разрешения генерала Щербачева, дал по моей просьбе оценку общей обстановки 12 апреля, которая вкратце сводится к следующему: текущее лето, решающий период, мы предоставлены своим силам: союзники помогут только снабжением, здесь должны быть приняты все меры, чтобы облегчить выполнение задачи сибирской армии освобождению Поволжья и дальнейшему продвижению на Москву. Деникин сейчас потерял значение силы, способной перейти в наступление на Москву, он борется на юге Донской области с обнаженными флангами.

Одесса и Крым потеряны, юг и середина Дона продолжают оставаться надежными, но силы и средства сильно истощаются, численность едва ли превосходит сейчас ш е с т ь д е с я т тысяч.

На Белом море в группе Миллера всего десять тысяч, рассчитывают к 1 июля еще на пятнадцать тысяч, настроение войск и крестьян отличное, не хватает офицеров и нужна поддержка при мобилизациях в лице свежих союзных войск: нынешние устали и постепенно разлагаются, может сыграть так же лишь вспомогательную роль, связываясь северным крылом сибирских армий при наступлении их вдоль северной железной дороги, подготовляя их выход к Северному морю, принимая во внимание, что таким образом вся тяжесть всякой работы ляжет на сибирскую армию, что временная пассивность Южной и Северной группы позволит большевикам обратить большинство своих сил против сибирской армии, настоятельно необходимо образовать новый фронт, который нам в лучшем случае дал бы возможность нанести существенный удар большевикам,

в худшем оттянуть силы от сибирских армий; таким фронтом является финляндско-эстляндский, с задачей овладеть Петроградом. На этом фронте у Юденича своих сил пока пять тысяч, в Эстляндии две тысячи офицеров. В Финляндии начинание тормозится вследствие затруднений политических и материальных, необходимости добиться разрешения финансов, кроме необходимого начального кредита 20.000 франков на вооружение, снабжение 50.000 чел., из коих 30.000 предполагается набрать, главным образом, из остатков наших пленных, а восемнадцать тысяч мобилизовать по взятии Петрограда в освобожденных районах. Вытекающая из общего плана стратегическая необходимость создания нового фронта требует срочных указаний верховного правителя, в какой мере его армия нуждается в помощи на других фронтах, в частности в активных действиях на петроградском направлении. Размеры жертв политических и материальных для образования фронта Юденича трудно определить.

Генерал *Леонов.*

Омск, 14 мая, № 1604.

№ 29.

Перевод телеграммы британского военного министра на имя адмирала Колчака от 10 октября 1919 года.

Секретно и лично.

Успех, который увенчал чрезвычайные усилия армии вашего высокопревосходительства, радует меня выше всяких слов. Несмотря на разделяющее нас расстояние, я глубоко сознаю, что это было достигнуто в столь тяжелых условиях только благодаря вашему непоколебимому мужеству и твердости.

Несколько времени тому назад, британское правительство приняло решение сосредоточить свою помощь на фронте ген. Деникина, в виду:

1) близости расстояния и большей доступности его фронта;

2) предположения, что Соединенные Штаты энергично разовьют помощь сибирским армиям, так как выясняется, что на них лежит главная ответственность.

Я рад сообщить вам, что кабинет согласился на мою просьбу снова ассигновать 14½ миллионов фунтов на посылку снабжения и вооружения генералу Деникину.

Британская миссия на юге России будет состоять из 2.000 офицеров и сержантов, главной заботой которых будет скорее и отвечающее нуждам распределение снабжения.

Ваше высокопревосходительство поймете, что при истощении наших финансов, вследствие напряжения последних пяти лет, указанное ассигнование является почти пределом возможной с нашей стороны материальной поддержки.

Кабинет также полагает, что, вследствие близости армий Деникина к Москве и занятия ею хлебных и угольных центров России, наиболее благоразумно продолжать ее снабжение.

Обещание продолжения помощи, данное пятью великими державами, является, по моему мнению, крупным шагом вперед в вопросе об официальном признании. Я считаю, что со стороны Великобритании это обещание было честно выполнено, и я позволяю себе советовать вашему высокопревосходительству в ваших обращениях к другим державам ссылаться на их обещание подобной же помощи.

№ 30.

Министерство иностранных дел.

Секретная телеграмма на имя министерства иностранных дел от 28 февраля 1919 года.

В речи, произнесенной третьего дня в Лондоне, великобританский военный министр Винтон Черчилль заявил:

Англия не намерена посылать в Россию больших армий, но что содействие, которое она окажет борющимся с советской властью, будет заключаться в снабжении оружием, снарядами, снаряжением, техническими средствами и помощью на добровольных началах.

Из заявления министра можно, таким образом, косвенно вывести заключение, что не исключается посылка небольших отрядов.

(Подп.) *Сазонов.*

№ 31.

Выписка из книги Маргулиеса „Год Интервенции", стр. 330—331.

(Разговор между Маргулиесом и начальником славянского отделения французского министерства иностранных дел, Облэ, 31 марта 1919 г.).

Облэ: Мы посылаем снаряжение Деникину через англичан, таково наше соглашение с англичанами, мы не можем делать все сами.

Я: Но англичане говорят, что они снабжают по соглашению с вами и выходит, что вы ничего не делаете.

Облэ: Примем меры. Что касается Колчака, то генерал Жанэн, командующий там, стоит нам 4—5 миллионов в день.

№ 32.

Получена 7 декабря.

Секретная телеграмма министра иностранных дел из Парижа от 30 декабря 1919 года.

Ваша 454 разошлась с моей 3114—344, которая дополняется соображениями, изложенными в 3152—355.

Франция хочет ныне связать доставку нам снабжения с получением хлеба с юга России. О последнем снопусь с генералом Деникиным. Идут переговоры об отпуске нам военного снаряжения из Американских запасов на 50 миллионов долларов, с погашением трети через три года, трети через четыре и трети через пять, из пяти процентов годовых. Считая условия выгодными, я уполномочил Гермониуса их принять, если Вашингтон окончательно их утвердит. Прошу также подтвердить согласие правительства.

Сазонов.

№ 33.

Секретная телеграмма поверенного в делах в Париже от 17 ноября 1919 года. № 3039—332.

Получена 19 ноября.

Генерал Щербачев под № 3369 просит передать министру финансов. Копия военному министру. Ссылаюсь на ваш № 404.

Сообщаю, что французское правительство решило принципиально отпуск снаряжения, но в обмен на наш хлеб. По этому поводу ведутся переговоры с генералом Деникиным. Наличие тоннажа поможет успешности переговоров с французским правительством, поэтому кредит на тоннаж пока прошу не закрывать.

Базили.

№ 34.

Доклад Большому Войск. Кругу Отдела иностранных дел. Февральская сессия 1919 года.

Еще при правительстве Сулькевича в Крыму было признано целесообразным установить связь с этим новым государственным образованием, невошедшим в состав Украины. В Крым был назначен ата-

маном Зимовой станции полковник Власов, который прибыл туда уже тогда, когда правительство Сулькевича было сменено правительством Крыма. Деятельность полковника Власова первое время была направлена, главным образом, к тому, чтобы добиться отправления на Дон специальных морских орудий, которые по своей дальнобойности должны были способствовать взятию Царицына. Крымское правительство охотно пошло навстречу донскому войску.

В настоящее время сношения с Крымом развиваются, сохраняя дружественный характер. Недавно заключен с ним договор о снабжении его нашими денежными знаками.

Сношения с отдельными представителями держав согласия происходили все время, но не носили никакой планомерности, были явлениями случайными и особых реальных результатов для Дона дать не могли. Только с открытием Дарданелл и прибытием союзных представителей в Яссы открылась возможность для официальных переговоров, которые начал командированный донским атаманом для доставки оружия с румынского фронта ген. барон Мейдель, случайно находившийся в это время в Яссах.

Барон Мейдель прибыл в Новочеркасск с докладом о создавшемся положении, и тогда же признано было необходимым немедленно отправить в Яссы особую миссию, так как обнаружилось, что союзные представители были совершенно неосведомлены об истинном положении в России, не говоря уже о Доне, о котором они имели самое смутное представление.

Эта миссия, в составе генерала Сазонова, товарища председателя Большого Войскового Круга, полковника Янова, С. С. Карасева и старшего лейтенанта Любомирова, отбыла из Таганрога 11-го октября на вспомогательной канонерской лодке «Христофор», так как в это время из-за беспокойного положения на Украине и действий шайки разбойника Махно по железной дороге ехать уже не представлялось возможным.

Целью миссии было осветить ясскому совещанию военное и политическое положение на Дону, а также просить у союзников помощи военными припасами для дальнейшей борьбы с большевиками.

По прибытии в первый румынский порт Галац, выяснилось, что ясское совещание уже закончилось, и французский главнокомандующий союзными войсками на Дунае и на юге России находится в Бухаресте.

В виду полного расстройства транспорта в Румынии и невозможности по железным дорогам добраться до Бухареста, миссия на

своем судне «Христофор» пошла вверх до г. Журжево и оттуда на французских автомобилях достигла Бухареста.

В самый день прибытия, главнокомандующим ген. Бертелло миссия была принята и сделала ему личный доклад, после чего генерал Бертелло просил детальные об'яснения по всем вопросам сообщить своему начальнику штаба и его помощнику.

Кроме спошения с штабом ген. Бертелло миссия имела собеседование с ген. Щербачевым и бывшим посланником в Румынии российского императорского правительства Поклевским-Козелл.

По выполнении возложенного на нее поручения, миссия 17 декабря выехала обратно. В Журжеве на «Христофор» были погружены 5.500 винтовок и около двух миллионов патрон, в Рени и Галаце было взято 1.000 верст телефонного кабеля, 47 пулеметов, из которых два, вместе с пулеметными лентами и десятью тысячами патронов, были переданы в Ялте в распоряжение добровольческого отряда.

30 декабря «Христофор» прибыл в Новороссийск.

Весьма важным последствием пребывания миссии в Бухаресте для Дона было то обстоятельство, что под влиянием переговоров миссии с ген. Бертелло, а так же в частных беседах членов миссии с другими представителями держав согласия, удалось добиться пересмотра, принятого раньше решения, чтобы союзная военная политическая миссия, долженствовавшая отправиться в Екатеринодар, далее этого города не двигалась, и ни с кем, кроме добровольческой армии ни в какие отношения не входила. Это первоначальное решение создалось у представителей держав согласия под влиянием воздействия случайных лиц, взявших на себя, без достаточных полномочий, защиту России, и вследствие того, что Дон не имел в Яссах, во время ясского совещания, своих представителей, которые могли бы представить союзникам истинное положение вещей на юго-востоке России.

Еще до возвращения миссии из Румынии, под влиянием настояний лиц, находившихся в Севастополе и защищающих интересы Донской земли, в частности по настоянию контр-адмирала Кононова, донского казака, главнокомандующий союзным флотом признал необходимым послать непосредственно к донскому правительству военно-политическую миссию, которая прибыла через Мариуполь в Новочеркасск 25 ноября 1918 года.

Во главе этой миссии стоял от великобританского флота капитан 1 ранга Бонд и французского флота капитан Кошен, в сопровождении нескольких офицеров. Миссия эта имела осведомительный характер, должна была представиться донскому атаману, собрать сведения и лично убедиться в действительном положении как на фронте

донской армии, так равно и в политико-экономическом положении страны, чтобы обо всем этом доложить через посредство высшего командования своим правительствам.

Как известно, члены миссии этой посетили фронт донских армий, а также ознакомились с постановкой дела в военных и гражданских заведениях и учреждениях и получили понятие о состоянии фабрично-заводских предприятий на Дону.

По имеющимся данным, пребывание миссии Бонда на Дону, произвело на нее самое лучшее впечатление, и в этом смысле должен был быть сделан доклад союзным правительствам, весьма благоприятный для донского казачества, чему так же способствовали доклады, сделанные этой миссии находящимися в Ростове консулами держав Согласия—Англии, Франции и Италии,—которые вполне беспристрастно оценили политику донского атамана и донского правительства во время пребывания германских войск на донской земле.

Перед самым от'ездом миссии Бонда, в Екатеринодар прибыла военно-политическая миссия ген. Пуль.

Капитан Бонд и Кошен приехали на один день в Екатеринодар для свидания с ген. Пулем. После их свидания в Екатеринодаре, было сразу заметно изменение направления и отношения ген. Пуль к донскому правительству и к донскому войску, и влияние недоброжелательно настроенных к Дону элементов, находившихся в Екатеринодаре, ослабело.

Донское правительство отправило в Екатеринодар чрезвычайную миссию во главе с ген.-лейтенантом Свечиным с специальной целью передать ген. Пуль приглашение от имени донского атамана посетить Донскую Землю и лично убедиться в том, что сделано донским казачеством в период от 5-го мая 1918 года. От ген. Пуль было получено принципиальное согласие посетить Донскую Землю и обещание прибыть на Дон в ближайший срок, но последующие события, а также неустанно продолжавшиеся политические влияния, несколько отсрочили прибытие ген. Пуль на Дон, и, прежде чем оно состоялось, оказалось необходимым свидание ген. Пуль с донским атаманом на пограничной станции Кущевка, куда ген. Пуль сопровождал председатель особого совещания при добровольческой армии ген. от кавалерии Драгомиров. Это свидание привело к весьма благоприятным результатам, установив доброжелательное отношение к Дону со стороны ген. Пуль.

Необходимо упомянуть, что до свидания донского атамана с Пулем возник вопрос, поднятый донским атаманом в его письме на имя ген. Деникина о необходимости избрать единого дипломатического

представителя от всех, сбросивших с себя иго большевизма, частей России и от добровольческой армии на мирную конференцию в Версаль. Донской атаман, со своей стороны, предлагал остановиться на быв. министре иностранных дел Российской империи, С. Д. Сазонове, который был намечен командованием добровольческой армии.

В виду этого донской атаман пригласил С. Д. Сазонова прибыть для переговоров в Новочеркасск, где Сазонов имел бы возможность одновременно ознакомиться с действительным положением на Дону, о котором он был осведомлен лишь в освещении, полученном им в Екатеринодаре. На это приглашение С. Д. Сазонов прислал телеграмму, в которой он извещал, что не может покинуть Екатеринодара. вследствие необходимого его там присутствия безвыездно. Спустя некоторое время, однако, С. Д. Сазонов предложил устроить свидание на ст. Кущевка, на что донской атаман согласился. Свидание там и состоялось, при чем было установлено, что при С. Д. Сазонове, являющемся представителем всей России на мирной конференции, будут состоять от Дона, Кубани, Крыма и др. государственных образований особые представители, намечаемые правительствами в качестве «технических советников».

В настоящее время С. Д. Сазонов прибыл в Версаль от Дона; при нем состоит миссия во главе с ген. Свечиным, в состав которой вошел член Большого Войскового Круга—Карев.

Эти два свидания донского атамана с ген. Пулем и С. Д. Сазоновым подготовили почву к свиданию донского атамана с командующим добровольческой армией ген. Деникиным, которое состоялось 26 декабря 1918 г. на станции Торговая.

На совещании, имевшем место на станции Торговой, было принято чрезвычайно важное решение об установлении единого командования всеми войсками, действующими против большевиков на юго-востоке России.

Под влиянием установления единого командования, а также вследствие энергичных выступлений ген. Пуль в том смысле, что пора прекратить политические споры и партийные интриги, ведущие только к ослаблению мощи борющихся против большевиков армий, надо надеяться, что та нездоровая атмосфера, которая создавалась за последнее время, будет в ближайшее время совершенно рассеяна, признаки чего уже имеются.

28 декабря 1918 года в Новочеркасск прибыла военно-политическая миссия держав согласия во главе с великобританским ген. Пуль, в составе английских и французских офицеров.

Часть этой миссии посетила донской фронт и во время своего пребывания на Дону имела несколько совещаний с донским атаманом и правительством.

Выяснилось вполне благожелательное отношение держав согласия к русским интересам и в частности к Дону. Были получены заверения в полнейшей готовности оказать помощь как в материально-военном положении, так и в поддержке живой силой, войсками.

Кроме того, посетившая Новочеркасск великобританская экономическая миссия сообщила, что в ближайшее время можно ожидать доставки товаров из Англии, в первую очередь тканей, ниток, обуви, в которых так нуждается донское казачество.

В общем надо признать, что установленные нами отношения с представителями держав согласия вполне благоприятны для Дона и должны принести в единении с союзными державами развитие и процветание Донской Земли и донского казачества и привести к полной победе над большевизмом и искоренению этого зла во всей нашей исстрадавшейся Родине.

№ 35.

Выписка

*из книги Г. Н. Раковского *) „В стане белых" (от Орла до Новороссийска) стр. 250—252.*

Действительно, через час после прибытия «Пегаса», в восьмом часу утра, 15-го марта, на корабль явился ген. Хольмен, который предложил командующему донской армией немедленно выехать на побережье к Геленджику. Предварительно Хольмен, Сидорин и Карпов под'ехали к кораблю «Цесаревич Георгий», где жил Деникин, которому Хольмен и предложил о предстоящей поездке.

На побережье пойдут английский крейсер и несколько миноносцев, — сообщил Деникину Хольмен, — но необходимо, чтобы с английскими кораблями пошел один из русских миноносцев. Таково желание адмирала Сеймура (повидимому, англичане, не считавшие себя в состоянии войны с советской Россией, хотели замаскироваться русским миноносцем).

В ответ на это главнокомандующий поблагодарил Хольмена за то, что пойдут английские суда, которые, несомненно, принесут в Геленджике огромную пользу. Русский миноносец, по словам Деникина, выйти в море с английскими судами никоим образом не может...

*) Военный корреспондент при армии Деникина.

.....Потом подошли французские миноносцы. Тогда Дьяков вместе с командирами полков, в том числе и Дроздовского, на шлюпках, которые были спущены с миноносцев, поехали туда, чтобы переговорить с французами о том, нельзя ли помочь находившимся на берегу частям и погрузить их. Французы встретили начальников частей очень любезно и начали на шлюпках перевозить сначала черкесов, потом офицеров, а потом понемногу и казаков.

№ 36.

Радио

30 июля 1919 года.

Правительствам Франции, Великобритании и Италии.

Со времени освобождения берегов Черного моря красными войсками союзное командование не прекращало враждебных действий против советских республик Украины и Крыма. Перед уходом из Одессы и Крыма союзное командование увело с собой, несмотря на возмущение и протесты экипажей и населения, весь коммерческий флот и все военные суда, за исключением только тех, которые не были в состоянии выйти в море и с которых, впрочем, были сняты все машины и вооружение.

В течение этого периода, относящегося к концу апреля, союзное командование на Черном море пыталось оправдать свои враждебные действия желанием добиться от Украинского правительства гарантии, что со стороны Украины и Крыма, лишенных, таким образом, самых элементарных средств законной защиты, не будет предпринято никаких военных действий против свободного плавания союзного военного и коммерческого флота.

Несмотря на абсурдность этого предлога, советское правительство Украины неоднократно выражало свою готовность предоставить союзникам все гарантии, совместимые с его суверенными правами, в обмен на гарантию свободного плавания русского и украинского флота. Впоследствии истинные намерения союзников, которые были очевидны с самого начала, обнаружились с полной ясностью. Союзное командование имело целью не только обеспечить беспрепятственный провоз оружия и материалов, предназначенных белым Кубани и Дона, но также оказать и со своей стороны активную поддержку восстановлению их власти, проклятой рабочими и крестьянами и свергнутой уже на всем побережьи Черного моря. В конце мая и в первой половине июня союзный флот бомбардировал наши части, действовавшие на юго-

восточном берегу Крымского полуострова и помог белогвардейцам утвердиться в Керчи.

Высадкой к западу от Феодосии он помог белогвардейцам овладеть этим городом и развить засим свое наступление. Эта деятельность аналогична развиваемой в настоящее время союзным командованием под Одессой. После целого ряда разбойничьих набегов, против которых украинское советское правительство протестовало в своей последней ноте французскому правительству, союзное командование предприняло ряд действий, обнаруживающих с очевидностью его истинное намерение и тут оказать активную поддержку белогвардейцам, и 23 июля французские суда задержали баржи и мирных жителей, которых они на них нашли. Близ Платоновского мола был захвачен один из наших катеров с семью водолазами в скафандрах, которые были заняты вылавливанием из воды угольных брикетов. В тот же день, 23 июля, французский миноносец проник в одесский порт, и, пустив два снаряда по городу, увел из внутреннего порта парусник, с которым удалился в открытое море. За несколько дней до того французский миноносец проник в устье Днепра, бомбардировал город и захватил парусное судно, на котором находилось несколько военнослужащих. 23-го июля несколько французских судов приблизилось к открытому городу Очакову со стороны Тендры и Одессы. С одного вспомогательного крейсера был выпущен гидро-самолет, который произвел разведку окрестностей города. В 22 часа французские суда открыли огонь по Очакову и Нижневикторскому маяку. Стрельба продолжалась пятьдесят минут.

Одновременно с французскими судами последнее время начали показываться суда английские, а также суда русского флота, переданные союзниками белогвардейцам, как-то: миноносцы и крейсера «Кагул» и «Аскольд», из коих последний прибыл из Англии.

Иногда, захватывая мирных жителей Украины, которых они застигают в море, союзные суда уводят всех до последнего в плен. Иногда, наоборот, в подобных же случаях, они играют роль жандармов и обращают всю свою строгость исключительно лишь на тех, кого подозревают в симпатиях к коммунизму.

Таким образом, французский крейсер «Скарп» занялся поверкой документов у пассажиров, ехавших из Одессы, и обнаружил по ним у гражданина Дерибас билет коммунистической партии. Это обстоятельство побудило французских офицеров арестовать гражданина Дерибас и взять его на свой крейсер, после чего об участии его нет сведений.

Таким образом, роль союзного командования на берегах Украины совмещает: роль воюющей страны, ведущей враждебные действия против Украинской Республики без какого-либо об'явления войны; роль жандармов, задавшихся специальной целью преследовать граждан, проявляющих известные политические убеждения, участников гражданской войны, помогающих всеми способами белогвардейским бандам, и, наконец, роль простых пиратов, нарушающих все законы, каковы бы они ни были, и не считающихся абсолютно ни с чем в своих грубых насилиях над прибрежными населенными пунктами и гражданами Украинской Советской Республики, попадающими в их руки.

Принимая во внимание все эти пиратские насильственные и сознательно контр-революционные действия, украинское советское правительство обращается к союзным правительствам с самым категорическим и самым энергичным протестом против этих неоправдываемых насилий и этого вмешательства во внутренние дела украинского народа, которые имеют целью удушение свободы крестьян и рабочих Украины. Подчеркивая особенно политику чистого и простого насилия, достойную самых диких эпох, в каковой союзники виновны в отношении Украины и каковой они унижают себя до положения бандитов и пиратов, украинское советское правительство об'являет, что оно сделает логические выводы из данного положения дела. Союзные правительства должны в этом отношении иметь в виду, что во власти украинского советского правительства находятся граждане союзных государств.

В то же время украинское советское правительство обращается с призывом к трудящимся массам союзных стран, доводя до их сведения об актах насилия и контр-революционном поведении союзных правительств в отношении к трудящимся массам Украины. Оно вполне уверено в солидарности и единстве с этими последними трудящихся масс страны Антанты, которые, несомненно, не откажут в своей братской поддержке и активной солидарности трудящимся массам Украины, борющимся за свою свободу и за дело международного освобождения рабочего класса.

Председатель Совета Народных Комиссаров, Народный Комиссар по Иностранным Делам Украинской Советской Республики

Раковский.

№ 37.

Москву. Харькова
Совнаркома Украины
№ 562.

Париж. Мин. Ин. Дел.
Копия Мирной Конференции.

Нота-протест Народного Комиссара по Иностранным Делам УССР тов. Раковского Министерству Иностранных Дел в Париже о зверствах союзников и добровольцев.

№ 562/Б

от 14 марта 1919 года.

Народным комиссаром по иностранным делам РСФСР, товарищем Чичериным, нам переслана ответная телеграмма министра иностранных дел Франции, господина Пишона, на ноту протеста советского правительства Украины от февраля. Ответ начинается выражением сомнения в существовании Украинского Рабоче-Крестьянского Правительства, после чего, переходя к существу ноты укр. прав., руководитель иностранной политики Франции отрицает приведенные в нашей ноте факты насилия, совершенные французским командованием на юге России против сторонников советской власти, которые, якобы, свободны исповедывать свои убеждения. Французская нота также отрицает факт, что

Франция задерживает украинцев-военнопленных далеко от их родины и заканчивает сделанным и выразившимся уже в соглашении с российским советским правительством предложением об отправке в Россию, как только позволит наличность транспортных средств, русских солдат и граждан, находящихся во Франции.

Украинскому правительству господин Пишон не дает никакого прямого ответа и не делает никаких предложений. Что касается существа французского ответа, рабоче-крестьянское правительство Украины должно ответить, что оно обходит молчанием конкретные факты, положенные в основу нашей ноты протеста. Нами было сообщено извлечение из приказа французского коменданта города Херсона, капитана Лоншона, от 2-го февраля, где в четвертом пункте сказано: «агитаторы большевики будут немедленно расстреляны». Та же самая угроза повторяется абсолютно в тех же выражениях и в шестом пункте приказа, изданного в гор. Береславе начальником милиции Марченко, назначенным на этот пост французским командованием. Как выпол-

няются властями приказы французского командования, явствует из следующих фактов.

27 февраля в Одессе расстреляно на улице четверо рабочих, члены профессионального союза строителей. Расстрел произведен конвоем, который их вел и был совершен среди бела дня, на виду у прохожих. Расстреляны: Хуторенко, Гейне и Перельман—двое из них принадлежали к партии правых социалистов-революционеров; по поводу расстрела этих, как оказалось, ни в чем неповинных людей был внесен запрос в Одесскую городскую думу, но он еще не был рассмотрен, когда в Одессе же произошел новый кошмарный массовый расстрел. В ночь с субботы на воскресенье 2-го марта, в дом № 24, кв. 13, по Пушкинской улице, вооруженным отрядом, прибывшим на грузовике, было забрано одиннадцать человек, 6 женщин и 5 мужчин, откуда они были увезены ко второму еврейскому кладбищу и в двух приемах расстреляны. В числе расстрелянных находится целая семья Лейфман, а именно: старуха-мать и две ее дочери, Вера и Геся. Среди расстрелянных женщин несколько принадлежало к профессиональному союзу работниц иглой. Их трупы были привезены в морг, но на другой день, во избежание грандиозной демонстрации, имевшей место по случаю похорон четырех убитых раньше строительных рабочих, военные власти тайком их похоронили. Эти случаи расстрелов без суда, без постановления какого бы то ни было ответственного учреждения, не случайность: как одесские газеты, так и частные сведения подтверждают, что на улицах Одессы постоянно происходят подобные дикие расправы. Возмущение населения настолько велико, что и буржуазные партии, вроде русских кадетов, приглашавшие союзников для кровавой расправы с русскими рабочими и крестьянами, вынуждены протестовать против действий военных властей в Одессе и зверского акта, совершенного в Херсоне французским командованием, по приказанию которого была собрана беднота из окраин города — стариков, детей и женщин—и заперты в амбаре на пристани и большинство их было сожжено и расстреляно в упор зажигательными снарядами. Каким образом может оправдать господин Пишон белый террор его генералов, на которых никто не нападает, на независимость отечества которых никто не покушается и которые сами явились на чужую территорию? Одновременно с вышеприведенными зверскими расправами в мирных городах, занятых французским командованием в зоне военных действий союзных войск, совершаются ужасы, напоминающие самую мрачную эпоху завоевания Алжира и гуннские приемы балканской войны. Вот что сегодня же нам было сообщено официальным предста-

вителем комиссариата иностранных дел Украины, товарищем Эго и атаманом Григорьевым из освобожденного города Херсона. Командующий Григорьев сообщает... «В последние дни греки и французы под командой французских офицеров учинили невероятные зверства. В общем расстреляно до трехсот человек, заподозренных в большевизме. Они были загнаны на пристань в амбары, которые были впоследствии облиты горючими материалами и сожжены вместе с людьми. Кроме того, я лично видел шесть трупов рабочих, замученных греками, у одного из них вырезаны губы, язык и глаза, у трех рабочих вырезаны глаза и язык. Для полного освещения роли французского командования на юге Украины нужно упомянуть о действиях союзных ему петлюровских отрядов, устраивавших на пути своего отступления еврейские погромы, из которых самый грандиозный был организован в Проскурове 19 февраля. О характере этого погрома можно судить по напечатанным в одесских газетах письмам о судьбе, постигшей семью Шварцера, где зарезаны жена Шварцера и трое детей, восьми и шести лет и четырех месяцев; две сестры Шварцер и мать их тяжело ранены, отец с дочерью отсутствовали, благодаря чему спаслись от гибели. Убиты общественный деятель Шильман, учитель Тиненбаум Киврик с сыном Икоман, женщина-юрист Трахтенберг и много других. Убит так же Базилийский раввин и его два малолетних внука. В течение только 18 февраля были похоронены несколько сот трупов. После прекращения убийств начались грабежи; аналогичные погромы в меньших размерах происходили в Ананьеве, Голтве, Житомире, Кременчуге, Полтаве, Овруче—убито 80 человек—и в других местностях во время их занятия войсками директории. Что же касается насилия и погромов, которые ведет в Бессарабии, пользующаяся там исключительным покровительством Франции, румынская олигархия, то они уже достаточно известны из ноты, посланной украинским советским правительством в начале февраля. Все они подтверждаются меморандумом, отправленным парижской мирной конференции союзом освобождения Бессарабии буржуазной организацией, враждебно относящейся к советской власти. Неточно утверждение французского правительства, что оно не имеет отношения к украинским военнопленным за границей: 1) часть украинцев, вместе с русскими солдатами, участвовавшая на французском фронте, находится во Франции и в Алжире; 2) волею союзников и французского правительства украинские военнопленные, находившиеся в Германии, не отпускаются на родину; 3) в Австрии и Венгрии находится сто пятьдесят тысяч больных украинских солдат, которых мы не можем взять под нашу заботу, благодаря противодей-

ствию союзников и в особенности Франции, оказавшей давление на все эти правительства в смысле недопущения представителей советских республик.

Председатель Совета Народных Комиссаров Украины и Народный Комиссар по Иностранным Делам *Раковский.*

Харьков, 12 марта 1919 года.

№ 38.

Радио 25 сентября 1919 года.

Париж, Лондон, Министерство Иностранных Дел.

Париж, Мирная конференция.

Всем, всем, всем.

Рабоче-крестьянское правительство Украины вынуждено вернуться к недопустимой и возмутительной политике союзников и в частности Англии и Франции в отношении украинских рабочих и крестьян. Оно вынуждено лишний раз констатировать, что в своей борьбе за освобождение от ига капиталистов и дворян, рабочие и крестьяне Украины на каждом шагу сталкиваются с явной или скрытой враждебностью англичан и французов.

Рабоче-крестьянское правительство Украины многократно выражало свое негодование и свой самый энергичный протест против участия французского и английского флота в каких-либо белогвардейских операциях в районе Черного моря.

Английские и французские империалисты не ограничились натравливанием против рабоче-крестьянской Украины дворян и помещиков Польши и Румынии. Им недостаточно было грабежа русских складов в Румынии для обеспечения снабжения армии Деникина; они не удовольствовались захватом нашего коммерческого и военного флота и предоставлением его в распоряжение белогвардейцев; они не сочли достаточным захват, с помощью чехо-словаков, золота русских и украинских рабочих и крестьян, с целью посылки этого золота Деникину и Колчаку; они сами принимают участие в сжигании и уничтожении наших черноморских городов. Доказательством является Очаков, наполовину разрушенный бомбардировкой французского флота. Доказательством еще этой варварской политики служит Одесса, где английские суда после бомбардировки 23-го августа и, в частности, рабочих его кварталов, содействовали высадке белогвардейцев близ Сухого Лимана, со стороны Люстдорфа. Следы преступных деяний империалистической

англо-французской политики видны во всех внешних и внутренних актах против советской власти. Эти деяния являются главной причиной всех ужасов гражданской войны, которая стоит стольких жертв рабочим и крестьянам России и Украины и препятствует им урегулировать нормально свою экономическую и политическую жизнь.

Убогие и бессильные банды контр-революционеров, капиталистов, спекулянтов и русских генералов или деревенских кулаков, лишенные всякой поддержки беднейшего или среднего крестьянского населения, никогда не осмелились бы восстать против власти подавляющего большинства народов, населяющих бывшую русскую империю, если бы они не получили материальной и нравственной поддержки иностранных империалистических правительств. На эти последние падает большая часть ответственности за те ужасы, которые производятся во всех местностях, куда ступает нога бандитов реакции или Петлюры и, в частности, за массовые истребления всех граждан, сотрудничающих с советской властью, всего беднейшего еврейского населения, всего трудящегося интеллигентного еврейского класса, который всегда являлся жертвой русского реакционного режима, который делал из него козла отпущения своей непопулярности среди масс. Еврейские погромы, произведенные агентами Деникина и Петлюры в местностях, занятых их войсками, известны уже всему миру. Однако, мы должны заметить, что кровавая репутация, которую заработали эти герои Антанты, нисколько не убавила их пыла в антисемитских погромах. Взятие Киева было отмечено погромом, в течение которого были расстреляны или убиты, кроме коммунистов и советских работников, истребленных массами, еще сотни людей, в числе коих целые семьи еврейского происхождения. Наиболее пострадавшим был квартал Демьевка, предместье Киева. Даже контр-революционные газеты, издающиеся в Киеве, не могли утаить этого факта и столбцы их полны сообщениями о трауре по жертвам диких погромов 31-го августа и 1 и 3 сентября. В своем усердии белогвардейские банды, покончив с коммунистами и евреями, дошли даже до избиения своих собственных соучастников, белогвардейцев, приняв их по ошибке за большевиков. Таким образом был убит профессор Сперанский, спортсмен-автомобилист Подборский и др.

По поводу этих актов произвола деникинских отрядов действовал и действует еще до сих пор военный суд ген. Бредова. Контр-разведка полк. Щучкина арестовывает ежедневно сотни рабочих или беднейших интеллигентов, обвиняемых в сочувствии советской власти или в сотрудничестве с ней. Наиболее видные из них были отправлены на

виселицу на Александровской площади и там трупы их оставались висеть в течение нескольких дней, как явное доказательство политики свободы и законности, которую Антанта при помощи Деникина учреждает в Украине и России. Ужасы, учиненные белогвардейскими бандами в деревнях, ни в чем не уступают тому, что происходит в Киеве. В местностях, освобожденных в настоящее время красной армией, рабоче-крестьянское правительство Украины имело возможность лично убедиться в грабежах, насилиях и убийствах, произведенных войсками Деникина и, в частности, карательными отрядами, состоящими из диких горцев и жестоких офицеров аристократов, которые вымещают на крестьянах потерю своей власти и своих имений. В деревне Лукашевка, Черниговской губернии, мы видели старого пастуха 62 лет, с отрезанными ногами, лицом, рассеченным сабельными ударами, и телом, покрытым шрамами от побоев шомполами. Старик был убит после невероятных истязаний единственно из-за того, что при нем нашли одну брошюру с революционными песнями. В деревне Грабовка мы констатировали, что в течение своего пятидневного пребывания, деникинский отряд, под командой некоего князя Черкасского и в составе которого, в качестве добровольцев, находились графини и княгини, повесил председателя земельного комитета, разрушил после предварительного разграбления множество крестьянских жилищ и избил кнутами самих крестьян. Только тем, кто скрылся в лесах со своим скотом, удалось избежать пуль и кнутов агентов лондонской и парижской биржи. В деревне, по соседству с Смоленской, было повешено пять крестьян и в их числе местный лавочник. Вина их состояла в том, что их родственники и сыновья служат в красной армии. Более сотни женщин и девушек было изнасиловано белогвардейцами, множество домов сожжено и все имущество разграблено. Аналогичные факты происходят на всей территории Украины, занятой войсками Деникина. Ненавидимые населением, эти прислужники капиталистов и дворян, чтобы удержаться короткое время у власти, вынуждены прибегать к самому ужасному белому террору. Контр-революционная власть Киева, в стремлении отвлечь внимание масс от расстрелов, убийств и ужасов, произведенных ею, вырыла из могил и выставила для обозрения публики трупы контр-революционеров, расстрелянных украинской чрезвычайной комиссией, фамилии коих были в свое время опубликованы советской прессой. По нашим сведениям на этой выставке присутствовали корреспонденты союзной печати, которые сопровождают добровольческую армию и роль коих заключается в систематическом обмане общественного мнения своих стран и постоянном преследовании

советской власти. Эти корреспонденты, очевидно, не говорят, что казнь этих контр-революционеров являлась лишь ответом на повешения и расстрелы коммунистов, советских работников и красноармейцев, произведенные Деникиным на всем пространстве Украины. Они также не сказали, что Красный террор является средством революционной обороны против нападений, заговоров и шпионства белогвардейцев и что без этих мер неистовства контр-революционеров приняли бы еще более значительные размеры.

Рабоче-крестьянское правительство Украины считает своим долгом поставить в известность правительства Англии и Франции, так же, как и правительства их союзников, о перечисленных выше неистовствах и будет продолжать делать это в будущем, так как вполне установлено, что эти правительства ответственны за все эти ужасы.

В своем двойном стремлении уничтожить советскую власть, очаг мировой рабочей революции, и в то же время овладеть богатствами Украины и России, союзные правительства не только поддерживают гражданскую войну на Украине, но и являются прямыми подстрекателями. Одновременно мы ставим в известность о деяниях правительств Антанты на Украине всех рабочих ее стран, так же как и рабочих всего мира, считая, что только уничтожение власти капиталистов путем восстания рабочих и крестьян положит конец гражданской войне со всеми ужасами и международными войнами и даст человечеству возможность приступить к мирной и плодотворной работе.

Председатель Совета Народных Комиссаров,

Народный Комиссар по Иностранным Делам

Украинской Социалистической Республики *Раковский.*

Чернигов, 16 октября 1919 года.

М. СВЕЧНИКОВ.

СОЮЗНИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ С 2 ИЮЛЯ 1918 г. ПО 1 ОКТЯБРЯ 1919 г.

Соглашение мурманского совдепа с французами и англичанами. — Оккупация союзниками Мурманского края. — Интервенция союзников в Архангельске. — Численность союзных оккупационных войск. — Формирования русских войск при содействии союзников — Взаимоотношения с Финляндией. — Влияние союзников на признание Северной областью власти адмирала Колчака. Вхождение Мурманского края в состав Северной области и связь с союзниками. — Уход союзных войск и положение правительства Северной области. — Выводы.

Соглашение мурманского совдепа с французами и англичанами.

В связи с перерывом мирных переговоров в Бресте, а затем с германской интервенцией в Финляндии, положение дел в Мурманском крае оказалось чрезвычайно трудным, а Мурманская железная дорога на всем своем протяжении (1.241 в.) очутилась под непосредственной угрозой германо-финнов.

Демобилизация старой армии и неготовность Красной гвардии для борьбы с врагом, заставили народного комиссара по иностранным делам, тов. Троцкого, дать разрешение мурманскому совдепу войти в контакт с союзными комиссиями на предмет совместной борьбы по охране дороги и всего Мурманского края.

В связи с таким разрешением состоялось 2 марта 1918 года соглашение мурманского совдепа с французами и англичанами, результатом чего явилось назначение в Мурманске Военно-Союзного Совета.

Такое явление, то-есть стремление вести борьбу с германскими империалистами, при содействии империалистов Франции и Англии, вызвало удивление, недоверие и даже протест со стороны различных организаций, имевших своих представителей в мурманском совдепе, и некоторые из них отозвали таковых (исполнительный комитет железнодорожных служащих Мурманской ж. д. и олонецкий местный совдеп).

Из ряда запросов, посланных тов. Троцкому, удалось убедиться в правильности действий мурманского совдепа, но тем не менее, недоверие к союзникам не было изжито, а, наоборот, продолжало обостряться. В марте 1918 года в «Правде» появилась статья тов. Ленина, смысл которой сводился к тому, что «в борьбе между собою двух разбойников, имеющих намерение ограбить честного человека, последнему надо использовать время этой борьбы в целях самозащиты».

Тов. Троцкий, отсылая всех, стремившихся выяснить принципиальную политику, к указанной статье, в то же самое время советовал установить «за военно-техническими советниками внимательный надзор».

Но в обстановке, сложившейся в районе Мурманского края, вопрос был серьезнее, и надзор без реальной силы был мало полезен.

В период времени до оккупации края союзниками, на линии от Мурманска до Кеми, в разных пунктах были разбросаны англо-

французские эшелоны. В частности такие эшелоны находились в Мурманске, Кандалакше и Кеми; это были отдельные ударные группы, могущие оказать активный отпор германо-финнам.

Одновременно в тех же пунктах были расквартированы (менее многочисленные) части красной чрезвычайной охраны гражданских сооружений и мостов железной дороги.

В виду общей угрожающей опасности со стороны бело-финнов и немцев, недоверчивое отношене друг к другу постепенно улаживалось; и на основании распоряжения тов. Троцкого, от союзных миссий принималось в то время всякое содействие. Бывали случаи, когда наши части, совместно с сербами, производили действия от Кеми по направлению финляндской границы, и союзные отряды давали отпор противнику в различных местах Мурманского края.

Такое положение продолжалось до 2 июля, когда началась фактическая оккупация англо-французами Мурманского края, от Мурманска до Кеми включительно; позже оккупация достигла района Архангельска, при чем союзники силою разоружали наши части и разгоняли советские организации.

Оккупация союзниками Мурманского края.

Оккупация союзников в Мурманске носила сначала несколько прикрытый характер, при чем союзники пользовались разрывом сношений мурманского совдепа с советской центральной властью. Разрыв этот произошел при следующих условиях.

Еще 30 июня, за № 231, была послана циркулярная телеграмма по линии Мурманской и Северной жел. дор. за подписью тов. Зиновьева и Прошьяна, в которой подчеркивалось тревожное положение на Мурманске и в Архангельске в связи с высадкой чужеземных войск; высказывалось опасение возможности их нападений на Мурманский край, а также не исключалась возможность отозвания на север чехо-словацких войск. В связи с этим предписывалось привести в боевую готовность все отряды Северной области, организовать охрану железных дорог, установить контроль проезжающих пассажиров, при чем против «буржуазных элементов, входящих в соглашение с иностранными войсками», принимать самые решительные меры (см. приложение № 1).

Это распоряжение и было, по существу, первым, положившим конец всяким соглашениям с союзными войсками представителей советской власти.

Затем в тот же день была послана телеграмма за подписью Ленина, Троцкого и Нацаренуса об удалении с севера союзников.

Но мурманский совдеп на все полученные распоряжения советской центральной власти ответил отрицательно, чем по существу и начал официальный разрыв с нею.

В заседании краевого совета и центромура 30 июня вынесено постановление, согласно которого решено: 1) требование центральной власти об удалении союзных войск не выполнять, 2) использовать союзников в целях формирования русской армии и поднятия экономического благосостояния края, для чего вступить в переговоры с союзниками для выработки вполне конкретного письменного соглашения, исчерпывающе определяющего взаимно права и обязанности краевого совета и союзников, 3) в то же время краевой совет решил принять меры для скорейшей ликвидации возникшего конфликта с центральной советской властью и изыскать пути к совместной с ней работе.

Указанной резолюции не приняли: совет железных дорог и часть профессиональных организаций, в том числе и экипаж крейсера «Аскольд», которые предлагали ждать дальнейших указаний от Совнаркома и согласия железнодорожников.

Союзники, работая среди членов краевого совета в пользу разрыва его с центральной властью и видя некоторый раскол среди местных властей, приступили 2 июля к оккупации Мурманского края. Их мероприятия выразились в следующем.

Уже к 1 июля в Мурманске насчитывалось около 4 тысяч французов, англичан, сербов и американцев с орудиями, оружием, продовольствием и фуражем.

Англичане подвозили войска через Ледовитый океан, а французы ежедневно перебрасывали из центральной России своих людей, при чем следовавшие эшелоны имели удостоверения от советских властей на проезд по Мурманской железной дороге для отправки через Мурманск-порт на родину (в том числе сербские эшелоны и польские легионы). Части союзников пополнялись сибиряками и русскими добровольцами. Среди сербов и русских велась агитация в пользу Советской России. Русские убеждали, что их поведут воевать не с Россией, а с Финляндией.

В связи с напряженным состоянием среди местных властей и войск, англичане отправляли из Архангельска по железной дороге подкрепления в Кандалакшу и Кемь. Во все порты Белого моря были посланы иностранные суда с десантом.

Примерно, в период со 2 по 12 июля фактически была произведена оккупация союзниками всей территории Мурманского края, от Мурманска до Сороки включительно.

В Мурманске, примерно, к 15 июля находилось уже свыше 4 тысяч французских, английских, сербских и американских войск.

Авиационные силы состояли из 15 аэропланов, прибывших в первых числах июля на крейсере «Стифен».

Морские силы представлялись следующими судами: крейсер «Глерп», «Кокрен», «Адмирал Об», «Олимпия» и два транспорта.

В Кандалакше находились: английский пехотный отряд в 500 штыков, сербский пехотный отряд—500 штыков, французская полевая артиллерия 10—12 орудий.

Между Кандалакшей и Кемью (12 верст от Кандалакши) английская пехота—около 150 штыков и 2 французских орудия.

В Кеми—500—600 сербов, 650 французов и бронированный поезд, батальон англичан около 1.000 человек, под командой полковника Торчиля (который высадился 2—3 июля) и 20 орудий.

На Соловецком острове: отряд морской пехоты и корельский батальон.

В Сороках—500—600 шт. пехоты английской, морская пехота, 2 крейсера и 10 легких пушек (в том числе 2—3 для стрельбы по аэропланам). Всего в Мурмане союзных войск было около 10.000, ожидалось еще прибытие около 10 тысяч английских и 10 тысяч американских.

6 июля 1918 г. общее собрание мурманского краевого совета единогласно утвердило следующее, временное, по особым обстоятельствам, соглашение представителей союзных держав и президиума мурманского краевого совета (архив нар. ком. иностр. дел):

«Ст. 1. Настоящее соглашение, подлежащее утверждению союзными правительствами, заключается между представителями Великобритании, Северо-Американских Соединенных Штатов и Франции, с одной стороны и президиумом мурманского краевого совета—с другой, в целях совместных действий сторон, подписавших настоящее соглашение, в деле обороны Мурманского края от держав германской коалиции. Для достижения этой цели обе подписавшиеся стороны взаимно обязуются к полному содействию друг - другу.

Примечание. В состав Мурманского края входят: бывшие Александровский и Кемский уезды, Архангельской губернии.

Ст. II. Все отдельные части русских вооруженных сил Мурманского края, как действующие, так и имеющие быть сформированными, подчиняются русскому военному командованию, назначенному мурманским военным краевым советом.

Примечание. Признается весьма желательным создание самостоятельной русской армии. Однако, для скорейшего достижения основной цели настоящего соглашения, допускается прием русских добровольцев в союзные войска, при чем в принципе устанавливается, что из таких добровольцев не должны формироваться отдельные русские части; поскольку позволят обстоятельства, могут быть сформированы составленные из равного числа иностранцев и русских.

Ст. III. Представители Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции оказывают русскому военному командованию необходимую помощь в области снаряжения, снабжения, передвижения и инструктирования формирующихся русских вооруженных сил.

Ст. IV. Вся власть во внутреннем управлении края принадлежит исключительно мурманскому краевому совету.

Ст. V. Представители Франции, Великобритании, С.-А. С. Ш. и их агенты не вмешиваются во внутренние дела края, а поэтому: 1) во всех случаях необходимости прибегнуть к содействию местного населения представители Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции и их агенты обращаются к соответствующим русским властям, а не непосредственно к населению, за исключением прифронтовой полосы, где приказы военного командования, вызываемые условиями боевой обстановки, должны беспрекословно выполняться всеми; 2) условия выезда и в'езда в Мурманский край определяются мурманским краевым советом, при чем принимается во внимание то фактическое состояние войны, в котором находится край, и необходимость самой энергичной борьбы со шпионажем; 3) ставки заработной платы и нормы производительности труда устанавливаются мурманским краевым советом.

Ст. VI. За невозможностью достать в настоящее время необходимое продовольствие из России, представители Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции обязуются, насколько это окажется возможным, доставить мурманскому краевому совету продовольствие для всего населения края, включая сюда и пришлых рабочих с их семьями, по норме, соответствующей по питательности, норме потребления воинских чинов союзных вооруженных сил в Мурманском крае.

Ст. VII. Распределение продовольствия между населением производится подлежащими русскими властями.

Ст. VIII. Представители Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции обязуются доставлять, поскольку это окажется возможным, мануфактуру и другие предметы первой необходимости.

Ст. IX. Представители Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции обязуются, поскольку это окажется возможным, доставлять мурманскому краевому совету необходимые материалы и предметы технического снаряжения и оборудования для осуществления строительной программы, вырабатываемой по взаимному соглашению, причем принимается во внимание, во-первых, потребность военного времени, во-вторых, развитие международных торговых сношений и, в-третьих, нужды местной рыбной промышленности.

Ст. X. Все расходы, имеющие быть произведенными правительствами Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции, записываются в общий счет государственного долга России соответствующим державам.

Ст. XI. Представители Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции признают, что их правительствам предстоит оказывать необходимую финансовую помощь мурманскому краевому совету.

Ст. XII. Настоящее соглашение вступает в силу с момента утверждения его мурманским краевым советом и действует, по существу ст. I до того момента, пока не установятся нормальные отношения центральной русской власти, как с мурманским краевым советом, так и с правительствами Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции.

Ст. XIII. При подписании сего соглашения: 1) представители Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции от имени своих правительств вновь подтверждают отсутствие у них каких-либо захватных целей и намерений по отношению к Мурманскому краю как в целом, так и в отдельных частях его; 2) президиум мурманского краевого совета, от имени совета, перед лицом русского народа и правительства Великобритании, С.-А. С. Ш. и Франции торжественно заявляет, что единственной целью заключения им сего соглашения является—сохранить Мурманский край в неприкосновенности для великой единой России».

Подлинное подписали:

Президиум мурманского краевого совета

председатель *Юрьев.*

Товарищ председателя, корельский секретарь *Талый.*

Управляющий *Веселаго.*

Великобританский представитель, главнокомандующий союзными силами на севере, ген.-майор *Пуль.*

Французский представитель, капитан I ранга крейсера «Адмирал Об» *Пети*

Представитель С.-А. С. Ш., капитан I ранга крейсера «Олимпа» *Берер.*

Это соглашение сохранило свою силу до окончания оккупации союзниками севера России, несмотря на то, что Мурманский край впоследствии был включен в состав территории Северной области.

Согласно приказов №№ 1 и 2 мурманского краевого совета, гор. Мурманск, в виду грозящей краю опасности вторжения германцев, и весь край, включая в него бывший Александровский и Кемский уезды, в полном составе, с железной дорогой в их пределах, был об'явлен на осадном положении.

Приказывалось оказывать полное содействие и доверие союзникам, пребывание которых в крае служило ручательством сохранения его за Россией, при обеспечении населения от всякой опасности и снабжения его всеми видами довольствия.

Н. Звягинцев был назначен командующим всеми русскими вооруженными силами края на правах командующего отдельной армией, входящей в состав войск союзников.

Мурманский краевой совет, выполнив разрыв с центральной советской властью и заключив договор с союзниками, пытался привлечь последовать его примеру и советские власти Архангельска, что видно из телеграммы № 745 (см. приложение № 2).

После этого соглашения мурманского совдепа с союзниками между матросами произошел раскол на почве нежелания подчиняться власти союзников.

14-го июля среди матросов (особенно крейсера «Аскольд») произведено много арестов после покушения на инженера Веселаго (в которого брошено 2 бомбы). С крейсера «Аскольд» была снята русская команда, сняты замки и прицелы с орудий, а матросов (в том числе и с других судов) двумя эшелонами по 100 и по 200 человек отправили через Кемь на юг, отбирая от них лучшие вещи.

Рабочие поспешно бросали свои работы и вместе с остальным населением Мурманска уходили на Архангельск и Петрозаводск.

Довольствие населения англичане сократили, в виду того, что последнее стало неохотно мобилизоваться.

В Кеми тем временем (начало июля) уже не признавалась советская власть. Портом распоряжались английские власти. Комендантом порта был назначен английский полковник генерального штаба Лаундонсон.

Военные и гражданские советские власти города Кеми и уезда были арестованы англичанами. Все население было терроризовано многочисленными арестами и репрессиями союзников. Особенную же-

стокость в своих действиях проявил капитан крейсера «Аттентив». Пограничная стража была обезоружена.

Захвачены были все русские пароходы, при чем на некоторых были посажены вооруженные команды с пулеметами. Красные флаги были переменены на трехцветные. Оружие конфисковано. Английское командование, в лице адмирала Кемп, оправдывало свои действия необходимостью поддержания порядка в районе Кемского порта, обвиняя пострадавших (в том числе и расстрелянных) в сопротивлении властям. Оккупационные власти производили систематическую работу по из'ятию всех советски настроенных людей и по уничтожению всех советских организаций, особенно членов железнодорожных комитетов.

Под советским флагом в Кеми была восстановлена городская дума. Но фактически вся власть находилась в руках союзного командования, которое совершенно не считалось с созданной ею бутафорной властью кемского городского совета.

Командированная из Архангельска в Кемь делегация документально установила следующие факты.

1) Захват судов национального флота вооруженной силой и поднятие на них не только старого национального флага, но и военного английского.

2) Факт расстрела членов кемского совдепа.

3) Факт низложения советской власти по всей оккупированной полосе в районе Кеми.

Общее руководство всеми операциями по оккупации края было сосредоточено в руках генерал Пуль, который находился в городе Мурманске.

Приводим ниже чрезвычайно интересный, в то же время провокационный документ, являющийся ответом генерала Пуль комиссару Нацаренусу на протест последнего по поводу действий союзных армий.

Мурманск. Ответ генерала Пуля комиссару Нацаренусу [1]).

«Я предложил вам прибыть в Мурманск, чтобы совместно с вами обсудить положение, ибо я не мог допустить, чтобы после того, как вы столь ярко выразили свое отвращение к насилиям немцев, и после того, как вы высказали свое недоверие к Ленину и Троцкому, которых вы называли лакеями Германии, чтобы после этого и вы решились обманывать рабочих и крестьян и продать этот край Германии. В ответ вы не нашли ничего, кроме слов о провокации. И я вынужден отка-

[1]) Письмо это напечатано в официальном еженедельнике, изд. французским комис. северных портов России от 13 июля 1918 года в Мурманске.

заться от своего приглашения, ибо уже об'явлено, что вы также были подкуплены германцами и что ваше намерение было продать мурманских рабочих и крестьян. Вы говорите о репрессиях. Ну, что ж, пусть рабочие и крестьяне сами судят, на чьей стороне истинные друзья. Союзники ли это, которые снабжают их продовольствием и одеждой и которые приходят им на помощь, чтобы освободить Россию, или это вы, собиравшийся продать их отечество Германии и затем бросить рабочих и крестьян в лохмотьях и умирающих с голоду».

В момент начавшейся оккупации Мурманского края союзниками в гор. Кемь ими был вызван комиссар Нацаренус, который в ночь с 3-го на 4-е июля выехал из Петрозаводска. Доехав до ст. Сорока, он получил известие о казни англичанами 3-х членов кемского совета и поэтому распорядился отрезать линию железной дороги от ст. Сорока на север, на 20 верст. Во исполнение этого приказания части войск взорвали Шуерецкий мост (в 25 верстах к северу от ст. Сорока). Этот мост в результате был исправлен союзниками в течение 3—4 дней, и, примерно, в 8 июля сообщение со станцией Сорока с севера было восстановлено.

По получении сведений о соглашении, заключенном мурманским совдепом с союзниками, вопреки распоряжения центральной власти, последовал приказ за подписью т.т. Ленина и Троцкого о том, что председатель мурманского совета Юрьев об'явлен врагом народа и вне закона, за переход на сторону англо-французских империалистов, а с ним и все принимавшие участие во враждебных действиях против советской власти.

Как только Мурманский край был оккупирован союзниками, наши слабые части, не имея возможности не только оказать сопротивление, но даже эвакуироваться, попали врасплох, были обезоружены и частью арестованы. Часть же бежала на юг, уничтожив сначала мост через р. Шую, между Кемью и Сорокой. Это обстоятельство лишило возможности англо-французов дальше продвигаться, а советским властям и войскам эвакуироваться со станции Сорока.

Военный совет Мурманской железной дороги, во главе с чрезвычайным комиссаром Нацаренусом, образовали северный фронт против англо-французов, назначив тов. Орлова командующим фронтом.

Между тем, взаимоотношения мурманских властей с центральной властью постепенно ухудшались, при чем среди членов мурманского совета были разногласия и некоторые колебания.

В виду такого положения вещей, англо-французы поставили себе целью всяческими способами привлечь на свою сторону местные

советские власти, войска и население. Одновременно, устроив себе базу на севере, они решили использовать всех французских и польских подданных и уроженцев, которые были в России, также чехословаков, и кроме того, стали развивать широкую деятельность по организации белогвардейских восстаний, формированию частей и привлечению отдельных лиц; в то же время они вели агентурную работу, следя за всеми мероприятиями советской власти и Красной армии.

В районе Мурманска и всей полосы Мурманской железной дороги, лица, стоящие во главе сил союзников, имели в своем распоряжении большое количество разных продуктов, которыми и снабжали те или другие группы железнодорожного населения, влияли через оставшихся у власти прежних агентов коалиционного правительства Керенского и, благодаря этому, смогли подчинить себе совет депутатов Мурманска и другие находящиеся там выборные организации.

В Петрозаводске большую роль играл начальник французской военной миссии поручик Марсель Фуасси.

Работа французской военной миссии, после заключения брестского мирного договора, когда стало выясняться враждебное отношение империалистов согласия к Советской России, фактически прекратилась. Вместо от'езда из пределов Советской Республики, французская военная миссия решила перенести свою деятельность на ведение шпионажа, организацию белогвардейских банд и восстаний внутри Советской России. Для выполнения своего намерения, члены французской военной миссии, состоящие почти исключительно из офицеров, под предлогом организации и наблюдения за эвакуацией из России во Францию бывших военнопленных—эльзасцев, чехов, сербов, поляков и пр.—раз'ехались, под видом консулов и прочих агентов, снабженных дипломатическими паспортами, по разным городам Советской Республики, где ранее никогда не было французских представительств. Так, в Вологде обосновался поручик Ренер, в Званке—поручик Барре, в Петрозаводске—поручик Фуасси, в Нижнем-Новгороде—Дюфур и т. д. После ликвидации агентов по эвакуации военнопленных и от'езда дипломатических представителей французского правительства из пределов Советской России, большинство членов французской военной миссии ушло в подполье. Для ведения широкой шпионажной деятельности члены миссии имели обширные, хорошо организованные и щедро оплачиваемые кадры агентов-шпионов из служащих в советских учреждениях.

Вербовка членами французской военной миссии кадров белогвардейцев заключалась в том, что под видом эвакуации на родину

бывших военнопленных чехов, эльзасцев, сербов и поляков, отправлялись на Мурман через Званку, Петрозаводск, а равно Вологду и Архангельск навербованные в качестве добровольцев-наемников, контрреволюционные, шовинистически настроенные поляки, а нередко и русские офицеры.

Начальник французской военной миссии, поручик Фуасси, под видом руководства и наблюдения за эвакуацией из России бывших военнопленных, переехал в Петрозаводск (из Петрограда), имел при себе отряд поляков в 50 человек и, пользуясь большим количеством разных продовольственных продуктов, стал раздавать их железнодорожным агентам и попутно вербовать среди них себе агентов-предателей советской власти.

Фуасси, помимо шпионажа и пересылки на Мурман белогвардейцев, подготовлял наступление в центре олонецкого края—Петрозаводске—в момент высадки на Мурмане англо-французского десанта.

Задабривая железнодорожных служащих, сосредоточивших в своих руках оборону Мурмано-Олонецкого края, Фуасси добился того, что в самый критический момент, когда англо-французский десант занял Сороку, железнодорожники отказались повиноваться начальствующим лицам и чуть-было не подняли бунт, когда был издан указ об эвакуации.

Не ограничиваясь только агитацией, подкупами советских служащих, добыванием секретных сведений и вербовкой белогвардейцев в интересах контр-революции, французская военная миссия принимала также непосредственное участие в снабжении белогвардейских банд взрывчатыми веществами.

Помимо Фуасси, в работах принимали участие члены французской военной миссии: Шапуйли (Эдуард), Фона (он же Биде), Ванье (Эдуард), Гибер (Леон) и Барре (Макс).

Шапуйли, как начальник французской военной миссии в Москве, был не только в курсе дела всей работы, производившейся членами французской миссии, но и руководил этой работой (свою вину он признал только со 2 октября 1918 года).

Все указанные французские офицеры были освобождены следственной комиссией революционного трибунала при ВЦИК, на основании предписания Совета Народных Комиссаров от 27 февраля 1919 г., за № 6078 на предмет обмена русских солдат во Франции.

Благодаря указанной работе членов французской военной миссии, ежедневно направлялись из центральной России по железной дороге на север эшелоны французских подданных, при чем все следо-

вавшие из России эшелоны имели удостоверения советских властей из центра, для отправки через Мурманск-порт на родину.

При этом, с подобными же удостоверениями проезжали польские легионеры, сербские эшелоны и отдельные лица. Все эти эшелоны следовали без предварительного уведомления железнодорожных властей, благодаря чему получалась полная оторванность от центра, и еще более терялась всякая нить действий центра.

Неискренность англо-французов и предательство оставшихся у власти приспешников правительства Керенского, вводило в заблуждение представителей центральной власти, и в пределах Мурманского края оставались не только союзники, но и другие лица, неизвестные с политической стороны, назначенные центром на важные и ответственные посты. Пользуясь своим служебным положением и имея те или другие сведения, они их использовывали во вред советской власти, провоцируя таковую в общем в интересах контр-революции и интервенции союзников.

Интервенция союзников в Архангельске.

Верховное управление Северной областью сформировалось 2 августа 1918 г., под председательством Чайковского. Первым его мероприятием было: 1) назначение командующим вооруженными силами Чаплина; 2) введение военного положения в городе и 3) извещение союзников о смене правительства и делегировании представителей для встречи союзных послов и десанта.

Временное правительство Северной области происходило из Союза Возрождения России. Программа—национальное единство, переустройство армии, разрыв брестского договора, чтобы создать единую, независимую Россию с демократическим правительством.

Правительство считало необходимым тесное сотрудничество с союзниками, моральную и материальную их помощь, без которой быстрое возрождение России казалось ему невозможным.

Правительство поддерживалось, по его мнению, громадным большинством населения, за исключением крайне правых элементов, которые после вошли в состав коалиционного правительства.

Еще до переговоров с союзными послами, верховное управление считало возможным, делая известные уступки союзному командованию, добиться от него мер по укреплению русской власти в районе Северной области (см. приложение № 3).

9 августа в Архангельск прибыли союзные послы: американский—Френсис, английский—Линдлей, французский—Нуланс, италь-

янский—маркиз Делло-Торрета и главнокомандующий всеми союзными войсками на севере России—английский генерал Пуль.

Русский поверенный в делах в Норвегии—граф Пилар—из Христиании поздравил правительство Северной области с освобождением севера России от ига большевиков (см. прил. № 4).

Еще до официальных переговоров с союзными послами в Архангельске французский посол Нуланс выразил свое мнение, что вообще официальные послы будут поддерживать политику британского командования, а неофициально все они будут всецело на стороне Верховного Управления, которому надо не торопиться с вопросом о признании, а стараться укреплять свое положение (см. приложение № 3).

После официальных переговоров с союзными послами, Чайковский в заседании верховного управления констатировал тот факт, что союзники начали менять свою позицию. С их стороны наблюдалась тенденция рассматривать верховное управление исключительно, как власть хозяйственную, муниципальную, политической его власти они как-будто бы не признавали. Так, генерал Пуль, после занятия Архангельска союзными войсками, выпустил прокламацию к населению, игнорируя этим русские власти. Поэтому верховное управление решило искать опору в населении Северной области.

С этой целью был командирован Маслов в Архангельскую, Вологодскую, С.-Двинскую и Вятскую губернии, а также за пределы всей Северной области для организации своего местного управления с самоуправлением на установленных верховным управлением началах (см. приложение № 3).

В заседании верховного управления от 9-го августа 1918 г., высказывались соображения, что послы могут выжидать полномочий своих правительств, поскольку они будут считать положение вещей в Северной области невыясненным.

Максимум, на что можно было рассчитывать, что они войдут в сношения с правительством Северной области.

Указывалось при этом на имевшийся прецедент соглашения союзников с мурманским краевым советом, которое явилось попыткой размежевания сфер действия власти союзников и краевого совета, а не договором с какими-либо правами и обязательствами для сторон.

Высказывалось также пожелание, чтобы добиться от послов хотя бы словесного заверения, что они будут вести все сношения с населением через верховное управление и пред'являть все распоряжения по отношению к населению и государственному имуществу только через верховное управление.

Наконец, Чайковский заявил, что в случае отказа от такого заверения и продолжения политики как бы игнорирования власти верховного управления, остается один исход — оставить Архангельск, об'явить опыт создания государственной власти хотя бы в областном масштабе неудавшимся и сделать попытку опереться на население в другом месте; на Урале или в Сибири (см. прил. № 3).

В результате приняли за основу и минимум требований в предстоящих переговорах с послами: получить пока заверение союзных послов сноситься с населением и пред'являть свои требования к нему только через верховное управление; начав с этого, продолжать дальнейшую борьбу за укрепление своего положения.

На заседании 10 августа 1918 г. Чайковский доложил о посещении им посланников союзных держав.

Прежде всего он им указал на то, что по вопросу единства точки зрения на положение дела, в прошлом, была, повидимому, достигнута общая точка зрения среди тех переговоров, которые велись между Астровым и Авксентьевым с представителями французского правительства. Французский посол, уклоняясь от прямого ответа, заявил, что никакой единой точки зрения достигнуто не было, что его представители в переговорах с Союзом Возрождения присутствовали лишь в качестве простых зрителей. Американский и английский послы удивились, что они не имели сведений об этих переговорах и тех авансах, которые давали французы при предварительных переговорах.

Верховное правительство высказало свою точку зрения, что в силу сложившихся обстоятельств, необходимо присутствие органа власти, который послужил бы легальным основанием для ведения военных действий в России, ибо, в противном случае, получилось бы совершенно недопустимое положение, при котором союзники явились бы захватчиками. Такое положение давало бы возможность вести определенную против них агитацию.

Поверенный в делах Англии, Линдлей, совершенно согласился с этим взглядом.

Далее Чайковский пояснил, что представителем власти должен быть преемственный орган учредительного собрания, являвшийся избранником всего народа. Эта власть, являясь носителем легального права, имея санкцию общественных, политических и местных учреждений, могла бы стать посредником между союзниками-иностранцами и местным населением, ибо успех дела обусловливался энтузиазмом и доверием местного населения.

Последним пунктом был поставлен вопрос о невмешательстве союзников во внутренние дела местной власти; в случае надобности, вопросы должны быть разрешаемы обоюдным соглашением.

На все это было получено полное одобрение и уверение в доверии со стороны союзных послов.

Линдлей предлагал учредить союзнический совет — посредник между верховным управлением и союзниками из представителей обеих сторон для устранения недоразумений, при чем вопрос о совете союзники предполагали разрешить в ближайшем будущем.

Посол Франции дал понять, что французы будут тщательно избегать официального признания временного правительства, так как такое признание может неблагоприятно отразиться на самом правительстве, которое могло казаться ставленником союзников, а с другой стороны, что союзники лишены возможности, до упорядочения верховного управления, заявлять об официальном признании. Однако они постараются найти условия правильных взаимоотношений. В отношении прокламации генерала Пуль к местному населению, в котором не упоминалось о верховном управлении Северной области, французы считают себя ни при чем, так как основные положения прокламации были даны генералу Пуль из Лондона.

Взаимоотношения между союзным командованием и правительством Чайковского сложились неблагоприятно для последнего, и в результате происходивших трений это правительство было арестовано группой офицеров с ведома и согласия главнокомандующего, генерала Пуля. После освобождения оно продолжало свои функции в составе коалиционного правительства, составленного по настоянию генерала Пуля, но не имея уже прежнего авторитета, чем обязано было союзникам.

Временное правительство Северной области было преобразовано 9 октября 1918 г. в составе: трех кадетов, одного трудовика и двух беспартийных. С этого времени отношения с союзниками значительно улучшились. Новое союзное командование шло навстречу и помогало местным властям по формированию русской армии и партизанских отрядов.

Союзники снабжали население в продовольственном отношении, но широкие слои населения были недовольны своими иностранными благодетелями. Паек был назначен в 15 фунтов, работать при нем было трудно, и получать его для населения становилось унизительным.

Англичане выпустили новые русские кредитки, обеспечивая их товарами, находящимися на складах в Архангельске, и естественными богатствами края.

Американцы предполагали создать правительственную экономическую комиссию для России с целью эксплоатации естественных богатств, организовав свою монополию.

В переписке заведующего отделом иностранных дел временного правительства Северной области от 6 декабря 1918 г., № 22, на имя российского посла в Лондоне, Набокова, видно, что верховное управление, в виду тяжелого финансового положения, прибегло к финансовой помощи союзников путем заключения гарантированного ими займа на сумму 200 миллионов рублей.

Переговоры велись с представителями Великобритании, Франции, Италии и Америки, при чем на областное правительство возлагалась обязанность представить реальное обеспечение займа, в виде отвода соответственной величины площади лесов.

Но англичане выработали свой план в Лондоне, который сводился к тому, чтобы в Лондоне был образован неприкосновенный фонд в фунтах стерлингов, под обеспечение которых в области производились бы выпуски кредитных рублей с твердым курсом 40 руб. за фунт.

Основание указанному фонду должен был, в первую голову, положить вклад великобританского правительства в сумме, равной потребному ему для расходов в Северной области количеству рублей.

Заключая с англичанами соглашение, было условлено п. 10, что предпринимаемая финансовая мера не может служить препятствием к проведению каких-либо мероприятий этого рода общерусской властью. П. 16 ставил существование эмиссионного бюро в полную зависимость от временного правительства Северной области.

Согласованность во мнениях с остальными союзниками нашла себе отражение в тексте соглашения о денежной реформе, где говорится о возможности образования аналогичных лондонскому фонду фондов в Париже и Нью-Иорке.

В общем, право эмиссии было ограничено суммой в 200 миллионов рублей (см. приложение № 5).

Численность союзных оккупационных войск.

Численность союзных оккупационных войск по занятии Архангельска исчислялась в 12 тысяч, что не позволяло им развить энергичных действий в направлении Вологды. Штаб и все прочее было сконцентрировано в Архангельске. Мурманск играл для них роль передаточного пункта. Сообщение с внешним миром поддерживалось через

Норвегию (порт Вардэ). В Архангельске находились следующие части: Шотландский, Американский, Французский и Архангельский полки, городские легионы—Славяно-Британский и Русско-Французский и легкие отряды японцев, сербов и итальянцев. Из авиационных средств: 1-й Истребительный Славяно-Британский отряд и несколько отрядов с русско-английскими летчиками.

В виду отсутствия русских регулярных войск, в первое время оккупации все боевые операции против красных войск велись союзными войсками с небольшими русскими частями и партизанами.

Уже 3-го августа командующий вооруженными силами докладывал верховному управлению об отражении наступления отряда советской власти с Кедровым во главе на ст. Исакогорке соединенными отрядами войск верховного управления Северной области и войск десанта союзных держав.

В декабре 1918 г. бои велись в направлениях: Петрозаводска, Вологды, Вельска, Котласа, рек: Пинеги, Лизепе и Печоры.

В ноябре началось серьезное партизанское движение при помощи белогвардейских и союзных войск. Все же русских сил было недостаточно, чтобы занять всю северную дорогу собственными средствами.

Формирование русских войск при содействии союзников.

По вопросу формирования боеспособной русской армии, генерал Пуль считал, что был только один путь—это полное и безусловное предоставление русского запаса живой силы в распоряжение союзного командования, которое снарядит эти части, обмундирует, вооружит, обучит, при помощи своих инструкторов, и только после некоторого стажа, в составе союзных армий, предоставит их русскому командованию для образования самостоятельной армии.

Эта точка зрения не нашла полностью сочувствия среди членов правительства Северной области, и решено было начать формирование русской армии, положив в основу соглашение, достигнутое по этому вопросу между мурманским краевым советом и союзным командованием.

Армию решено формировать па добровольческих началах, прибегнув к мобилизации комсостава, в случае недостатка такового.

Вопросы взаимоотношения русского и высшего союзного командования и организации русской армии выразились в следующем проекте, который должен быть включенным в договор с союзниками. Существенные его основы следующие.

1) Главное командование союзными и русскими вооруженными силами организуется на тех же началах, что и на прочих союзных фронтах.

2) Все части русских вооруженных сил в прифронтовой полосе подчиняются русскому военному командованию, через него—высшему союзному командованию.

3) Обучение и подготовка войск производятся при содействии союзников.

В результате формирование русских войск шло медленно, и к декабрю 1918 г. был сформирован только один полк, при чем русское командование находило невозможным занять своими силами северную дорогу раньше весны 1919 г.

Все операции против красных войск велись союзническими войсками, при чем делались попытки организовать партизанские отряды населения, но, повидимому, это не достигло своей цели.

Среди русских частей, формирование которых усилилось в начале 1919 г., были случаи возмущения на фронте (в 5 северном полку) и раскрытый заговор на железно-дорожном фронте (в 6 стрелковом полку).

Лучшие формирования были среди инженерных частей.

Часть русских судов, в том числе и тральщиков, была предоставлена союзному командованию, оставаясь русской собственностью. Некоторые миноносцы были приведены союзниками в боевую готовность, плавали под русским флагом, с русскими командирами, но с иностранными командами.

Взаимоотношения союзников с Финляндией.

После попытки летнего наступления финнов на Кемь и последующего столкновения с союзными силами на Печенге, на границе Северной области с Финляндией начало восстанавливаться спокойствие. Все же союзное командование, ввиду недостаточно определившегося положения в самой Финляндии и возможных новых попыток финнов, принуждено было держать часть своих сил для охраны границ с Финляндией.

В дальнейшем положение изменилось, и финским белым войскам было приказано не переходить пограничной полосы, не предпринимать каких-либо враждебных действий против союзных войск.

29-го мая 1919 г. великобританское правительство поставило в известность временное правительство Северной области, что на собрании союзных министров иностранных дел в Париже, 12-го мая, решено назначить дипломатических представителей в Гельсингфорсе, что Англия и Америка решили признать существующее правительство Финляндии и независимость этого государства.

Англия, надеясь, что Финляндия подчинится присуждению мирной конференции, убеждала финское правительство дать амнистию тем «красным» финнам, чьи симпатии были на стороне союзников.

Таким образом, Англия еще раз подтвердила свою связь с интересами красных финнов в их борьбе с белыми.

Новые взаимоотношения с Финляндией улучшили военное положение союзников на севере России, так как войска Мурманского района освобождались от несения охраны границ и могли быть использованы для активных действий на южном направлении против войск советской России.

Влияние союзников на признание Северной областью власти адмирала Колчака.

Русский посол в Париже, секретной телеграммой от 26-го апреля 1919 г. за № 806, на имя генерала Миллера (управляющего отделом иностранных дел верховного управления Северной области), сообщил, что политическое совещание, «считаясь с необходимостью окончательно закрепить перед лицом союзников единство российского национального движения, внутренне уже об'единенного общностью задачи — восстановления единой России и ее государственного возрождения, — постановило: пригласить отдельные правительства признать об'единяющей и главенствующей властью — правительство в Омске» (см. приложение № 6).

29-го мая того же года, посольство французской республики в Архангельске, на имя того же генерала Миллера, сообщило текст послания, которое одновременно отправлялось адмиралу Колчаку г-ном Клемансо, президентом совета министров и военным министром, действующим от имени совета великих союзных и об'единенных держав.

Текст этого послания по своему содержанию сводился к тому, что союзники, в своей основной политике, должны избегать всякого вмешательства во внутренние дела России.

Их первоначальное выступление имело только целью оказать помощь тем русским элементам, которые стремились продолжать борьбу против германской автократии. Они также стремились притти на помощь чехо-словакам, которым большевистские силы грозили уничтожением.

Поэтому, со времени подписания перемирия (11 ноября 1918 г.), они удержали вооруженные силы в различных частях русской территории, отправляя туда вооружение и снаряжение, производя большие расходы, чтобы оказать помощь тем, кто работал раньше вместе с ними.

Приняв меры к восстановлению мира и порядка в России, они убедились, что к этому невозможно притти путем ведения переговоров

с советским правительством в Москве, которое отказывалось принять их существенные условия, а именно: «Приостановление всех враждебных действий на все время, пока, с одной стороны, будет продолжаться работа по снабжению продовольствием, а с другой — будут вестись переговоры».

Опыт 12 последних месяцев не убедил союзников в том, что они могут увести войска из России, так как нет данных для удовлетворительного разрешения вопросов.

Учитывая все это, союзники решили оказывать помощь отправлением вооружения, материалов и продовольствия правительству адмирала Колчака и тем, которые с ним действуют сообща, дабы оно утвердилось, как правительство всей России.

В свою очередь, союзники ставили условием получение от адмирала Колчака гарантий в том, что его политика направлена к одной с ними цели.

Они просили адмирала Колчака и присоединившихся к нему дать им знать, соглашаются ли они на условия, на которых они принимают дальнейшее оказание помощи со стороны союзных держав.

Последние, в общем, сводились к созыву учредительного собрания, не восстановлению старого режима и прочее...

В то же самое время державы принимали к сведению декларацию адмирала Колчака от 27-го ноября 1918 г., относительно долгов России (см. приложение № 7).

Отвечая на указанную ноту, временное правительство Северной области (1-го июня 1919 г., № 853) уже 3-го мая сообщило союзным державам о признании им омского правительства, как правительства всей России, и адмирала Колчака—как верховного главу государства. Поэтому оно приветствовало предложение союзников за помощь всем тем, кто присоединился к Колчаку для борьбы против большевиков (см. приложение № 8).

Из переписки между послом в Париже Маклаковым и генералом Миллером (от 29-го июля 1919 г.) видно, что Маклаков давал директивы не производить внутренних реформ, которые могли бы дать повод союзникам предполагать перемену внутренней политики. Это, в свою очередь, давало бы и оружие сторонникам отвода войск и подвергало бы испытанию наладившиеся дружественные отношения с державами (см. приложение № 9).

Поэтому, учитывая данный момент отхода сибирской армии, потерю надежды на быстрое соединение Сибири и севера, возможность ухода союзных войск, он советовал не изменять сложившегося в Северной области образа правления.

Радиотелеграммой из Омска от 10-го сентября 1919 г. сообщалось верховным правителем Сибири постановление его совета министров от 26-го августа об утверждении временного положения об управлении Северного края. Этим постановлением главнокомандующему всеми сухопутными и морскими силами России на северном фронте присваивались права главного начальника Северного края, согласно временного положения (см. приложение № 10).

Вхождение Мурманского края в состав Северной области и связь с союзниками.

29-го августа 1918 г., представитель Мурманского края, на заседании верховного управления Северной области доложил, что соглашение краевого совета с союзниками от 6-го июля 1918 г., повидимому, сильно тяготит последних, особенно в отношении снабжения продовольствием и финансирования края; с целью не дать им повода к освобождению себя от принятых по соглашению обязательств, желательно издание акта инкорпорации Мурманского края в состав Северной области лишь после получения гарантий от союзников в соблюдении ими прежних условий и по прибытию на Мурман комиссара верховного управления для участия в фактическом осуществлении инкорпорации.

Учитывая этот доклад с телеграммой председателя мурманского краевого совета об условиях включения Мурманского края в состав Северной области, как в смысле представительства первого, так и об'единения во внешних вопросах и автономии во внутреннем управлении краем, верховное управление постановило: «не решая вопроса о включении Мурманского края в состав Северной области в отношении формы считать, что Мурманский край неизменно есть составная часть государственной русской территории. Вследствие сего поставить вопрос о неотложных финансовых и продовольственных нуждах Мурманского края в порядок совещания с союзными послами».

Таким образом, Северная область, расширяясь за счет Мурманского края, связывала решение этого вопроса с союзными представителями.

Уход союзных войск и положение правительства Северной области.

После того, как в ноябре 1918 г. сформировалось в Сибири временное правительство и русская политическая жизнь стала тяготеть к этому новому центру, союзные государства, повидимому, учли этот момент, отозвав из Архангельска своих послов. Последним из их числа отбыл представитель Англии, г-н Линдлей, в феврале 1919 г.

Посол в Париже Маклаков, от 6-го марта 1919 г., за № 405 (см. приложение № 11) на имя председателя временного правитель-

ства, сообщил, что отношение союзников к вопросу интервенции выразилось окончательно в форме публичных заявлений английского и американского правительств об отказе помогать их борьбе с большевиками присылкой войск, но о готовности оказывать поддержку снабжением, оружием, инструктированием и присылкой своей, на добровольческих началах, армии. Вместе с тем он сообщал, что изыскивались меры использовать находящихся во Франции солдат, как из числа там сражавшихся, так и вернувшихся из германского плена.

Политическая ситуация и большевистская агитация, по сообщению Маклакова, мешали открыто оказывать помощь всем, ведшим борьбу с большевиками.

После от'езда послов, в Архангельске был оставлен лишь ограниченный персонал посольств с первыми секретарями во главе, в качестве поверенных в делах.

В последний период выявилось господствующее значение и влияние Великобритании, обладавшей наибольшим числом войск, в то время как контингенты других союзников, несмотря на их крайнюю незначительность, начали постепенно еще уменьшаться. Такое положение продолжалось вплоть до самой эвакуации союзников в конце сентября 1919 г., которая, под влиянием английского командования, была проведена в несколько большем масштабе, понуждая к эвакуации и подданных близких областей Скандинавских стран.

С уходом иностранных войск иностранное представительство в Северной области свелось к нештатным консульским агентствам Норвегии, Швеции, Бельгии в Архангельске и французского консульского агента в Мурманске.

После от'езда иностранного представительства, Северная область, в отношении которой союзники заняли выжидательное положение и от которых она была в полной зависимости по части снабжения, начала выяснять свое положение через своих дипломатических представителей за границей.

С момента оставления края союзниками, добывание за границей необходимого снабжения встречалось в общем с неблагоприятными условиями и сопровождалось крайними затруднениями.

Терялась всякая надежда получить что-либо на льготных основаниях, т.-е. в счет государственного долга, или хотя бы в долгосрочный кредит. Все требования принимались или за наличный расчет в валюте (в Англии), или в обмен на сырье (во Франции), или, в лучшем случае, предоставлялась некоторая рассрочка в платеже (в Америке).

Между тем, имевшаяся в распоряжении Северной области валюта близилась к истощению, новых источников ее получения не предвиделось, за исключением леса; что же касалось экспортных товаров, то все, что имелось в Архангельске на складах, и все, что могло интересовать иностранцев, было ими вывезено в 1919 г. почти что безвалютно, на сумму 4 миллиона фунтов стерлингов.

В общем, правительством Северной области был пережит острый момент ухода иностранных войск (особенно английских). Все же решено было сохранить существующую власть и продолжать борьбу с большевиками.

Реформы, намеченные омским правительством, решено было осуществить только частично, сохранив права высшей законодательной и верховной власти, как уполномоченной свыше.

Получив по радио известие о снятии блокады с Советской России и о принятом решении верховным советом восстановить торговые сношения, временное правительство Северной области (см. приложение № 12) в своем заседании от 20-го января 1920 г. постановило: 1) запросить русских дипломатических представителей за границей о последствиях снятия блокады для оказания помощи антибольшевистским окраинам со стороны союзников; 2) никаких правительственных сообщений по поводу этого решения не делать, считая положение недостаточно выясненным; 3) поручить главнокомандующему послать телеграмму Черчиллю о судьбе Северной области, борьба коей с большевиками была начата по инициативе союзников, и 4) признать, что положения, выработанные на прошлом заседании правительства, относящиеся к политике правительства, как внутри области, так и вне ее, остаются незыблемыми.

Выводы: Все изложенное в отношении оккупации союзниками Мурманского края и района Северной области дает возможность сделать следующие выводы:

1. Мероприятия союзников в районе Мурманского края сначала вытекали из сложившейся обстановки в смысле угрозы Мурманской железной дороге со стороны германо-финнов.

Но как только союзники стали понимать, что советская власть не намерена в дальнейшем пользоваться услугами империалистов вообще, у них созрел план оккупации севера советской России, и весь вопрос сводился только к форме этой оккупации.

Первоначально их внимание сосредоточивается на районе Мурманского края, что об'ясняется опасностью со стороны германо-финнов

и недостатком своих сил для одновременной оккупации всего севера Советской России.

Для обеспечения себе базы они овладевают районом Мурманска; с этой целью они ведут агитацию среди местных властей, провоцируют последних на разрыв с центральной советской властью и под их флагом и ширмой хозяйничают, как у себя дома. Для укрепления своего положения, они заключают 6-го июля 1918 г. соглашение с мурманским совдепом, порвавшим уже связь с центральной властью.

Часть советских и профессиональных организаций края, в том числе и исполнительный комитет Мурманской железной дороги, не смогли согласиться, чтобы фактическое управление дорогой было в руках международных империалистов.

Союзники во-время учитывают возможные осложнения на почве разногласий между советскими и военными организациями Мурманского края и, дабы положить им конец, они решаются на выполнение оккупации вооруженной силой.

Пользуясь слабостью советских войск и их разбросанностью вдоль железной дороги, союзники занимают последнюю, при чем в операции им помогает флот, высаживая десанты в различных местах Белого моря.

В процессе этой оккупации союзники выполняют: насилия над советскими войсками, аресты и расстрелы членов советов, низложение советской власти во всей оккупированной полосе и, кроме того, захватывают суда флота, на которых поднимают не только старые, национальные флаги, но и союзнические.

Совершив насильническую оккупацию Мурманского края, подчинив себе местную краевую власть, союзники начинают вооруженную борьбу с советскими войсками, образовав северный белогвардейский фронт.

Все указанные операции подготовлялись при помощи политической и агентурной работы, которую союзники, и особенно французы, вели на севере России и в Петрограде, организуя белогвардейские восстания, формируя части против Советской России и следя за всеми ее мероприятиями.

2. Покончив с Мурманским краем и усилив свои войска, они переносят центр своих действий в район Архангельска, делая его базой для дальнейшего наступления против Советской России.

Невзирая на существование правительства Чайковского, послы союзных держав самостоятельно распоряжаются в пределах Северной области, через главнокомандующего всеми вооруженными силами се-

вера России, генерала Пуля. Последний ведет себя настоящим диктатором, производя аресты не только воинских частей и населения, но и самого правительства Чайковского.

Только к 1-му октября 1919 г. союзники оканчивают оккупацию Северной области и производят эвакуацию своих войск.

В течение 15-ти месяцев (со 2-го июля 1918 г. по 1-е октября 1919 г.), союзники фактически производили интервенцию района Северной области, мешая Советской России в организации советской власти, вели вооруженную с нею борьбу, для чего заставляли направлять против них войска Красной армии, нести потери в людском составе во время гражданской войны и затрачивать огромные материальные средства. Кроме того, выкачивая огромные естественные богатства края и наводняя его денежными знаками, позже аннулированными, союзники, разорили, таким образом, местное население севера Советской России.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Копия телеграммы из Петрограда за № 231, полученная в Петрозаводске 30 июня 1918.

Все пункты по Сев. дор. Совдепам и всем ж.-д. организациям Сев. во все пункты Мурманской и Сев. дорог: Совдепам, расположенным по линии Мурманской и Сев. ж. д., организациям Мурм. и Сев. дор.

На Мурмане и в Архангельске оказалось тревожное положение. Высадка чужеземных войск в различные пункты Мурманской, заставляют ожидать всевозможных нападений на наш Мурманский край. Возможны белогвардейские движения, имеющие целью дозвать чехословаков. Сов. Комис. Сев области предписывает: 1) немедленно усилить охрану всех станций Мурм. и Сев. дор.; 2) немедленно организовать достаточную охрану на всех ж.-д. постов; 3) немедленно организовать контроль пассажиров во всех поездах, подозрительных немедленно арестовывать; 4) привести в боевую готовность все имеющиеся в Сев. области отряды; 5) против буржуазных элементов, входящих в соглашение с иностранными войсками, принять самые решительные меры. О принятых мерах телеграфировать мне.

Зиновьев, Н. Прошьян.

№ 2.

Телеграмма

Телеграф — Архангельск Военкомиссариат.

Архангельск из Мурманска, № 745.

Декларация Мурманского Крайсовета является событием величайшей важности и громадного значения. 6 июля заключен договор с союзниками. Все организации и отдельные работники соединились в дружном усилии, дабы вырвать край из рук немцев и сохранить его русским. Союзники оказывают полное могущественное содействие. Убедительно прошу и советую вам и всему штабу присоединиться

к нам. Требует благо нашей родины. Очень желательно разговор по прямому, еще лучше лично.

№ 3.

Протокол № 1 заседания верховного управления Северной области 2 августа 1918 г. 12 час. дня.

Присутствовали: Н. В. Чайковский, С. С. Маслов, А. И. Гуковский, П. Ю. Зубов, Г. А. Мартюшин, Я. Т. Дедусенко и М. А. Лихач.

Постановлено:

1. Избрать председателя верховного управления, секретаря и управляющих отделами.

Избраны:

Председателем Н. В. Чайковский.

Секретарем П. Ю. Зубов.

Управляющими отделами:

Иностранных дел Н. В. Чайковский.

Военных С. С. Маслов.

Юстиции А. И. Гуковский.

Внутренних дел, почт и телеграфа П. Ю. Зубов.

Финансов Г. А. Мартюшин.

Продовольствия, промышленности и торговли Я. Т. Дедусенко.

Труда М. А. Лихач.

2. Поручить Г. А. Мартюшину подготовить срочно вопрос об осведомлении населения о происходящих событиях в крае.

3. Поручить А. И. Гуковскому выработать текст воззвания к населению с выяснением значения переворота и смены власти в Северной области.

4. Занять для заседания верховного управления здание присутственных мест.

Копию подписал:

Председатель верховного управления *Н. В. Чайковский.*
А. Гуковский.
Я. Дедусенко.

Члены верховного управления *С. Маслов.*
Г. Мартюшин
Н. Старцев.

Секретарь верховного управлени *Зубов.*

С подлинным верно: управляющий канцелярией (подпись).
(подпись неразборчива).

С копией верно: управляющий канцелярией.

Журнал заседания верховного управления Северной области 2 августа 1918 года, 4 часа дня, № 2.

Председательствовал: председатель верховного управления Н. В. Чайковский.

Присутствовали: А. И. Гуковский, Г. А. Мартюшин, М. А. Лихач, С. С. Маслов и П. Ю. Зубов.

Постановлено:

1. Назначить командующим вооруженными силами верховного управления Северной области капитана II ранга Георгия Ермолаевича Чаплина.

2. Послать по радио извещение союзникам о смене правительственной власти и делегировать для встречи союзного десанта председателя Н. В. Чайковского, С. С. Маслова и Н. А. Старцева и поручить командующему военными силами Г. А. Чаплину назначить почетный караул.

3. Ввести военное положение в городе с 12 часов дня 2 августа и воспретить типографиям печатать воззвания к населению как от отдельных политических партий, так и от других организаций, без разрешения губернского комиссара, поручив губернскому комиссару издание об этом обязательного постановления.

4. Поручить А. И. Гуковскому выработать текст обращения по радио «всем, всем» о сформировании в Северной области верховного управления.

5. Опубликовать о сформировании верховного управления Северной области для сведения населения.

Председатель верховного управления *Н. В. Чайковский.*

Члены верховного управления: *А. Гуковский, Н. Мартюшин. Я. Дедусенко.*

Секретарь верховного управления *Зубов.*

С подлинным верно:

управляющий канцелярией *Новиков.*

Журнал заседания управления Северной области 3 августа 1918 г., в 11 час. дня.

Председательствовал: председатель верховного управления Н. В. Чайковский.

Присутствовали: А. И. Гуковский, Г. А. Мартюшин, Я. Т. Дедусенко, П. Ю. Зубов, М. А. Лихач, Н. А. Старцев и С. С. Маслов.

Постановлено:

1. В изменение принятого на первом заседании распределения обязанностей возложить: а) на Я. Т. Дедусенко — управление отделом продовольствия, промышленности и торговли и путей сообщения; б) на М. А. Лихача — управление отделом труда, народного образования и бюро печати; в) на П. Ю. Зубова — управление отделами внутренних дел и почт и телеграфов, и г) на С. С. Маслова — управление отделами военным и земледелия.

О состоявшемся постановлении распубликовать.

2. Заместителем председателя верховного управления Северной области избран С. С. Маслов.

3. По вопросу о публикации правительственных постановлений постановляем все акты, исходящие от верховного управления Северной области, а также от управляющих отделами, за исключением тех, кои, имея характер ведомственных распоряжений, не касаются общего направления политики верховного управления, публикуются за подписями председателя, секретаря и управляющего отделом юстиции верховного управления Северной области.

4. Все журналы заседаний верховного управления размножаются и копии их доставляются всем членам верховного управления.

5. Заслушан и принят к сведению доклад члена архангельского губернского комитета А. П. Постникова о временном назначении Макарова, Мефодьева и Кузовлева членами архангельской городской управы и о назначении начальником милиции Патрушева и начальником уголовной милиции Холопова.

6. Заслушан и принят к сведению доклад командующего вооруженными силами об отражении наступления отряда советской власти во главе с Кедровым на ст. Исакогорке соединенными отрядами войск верховного управления Северной области и войск десанта союзных держав.

7. Заслушан доклад управляющего отделом финансов Г. А. Мартюшина о временном назначении Ф. И. Шмелева помощником управляющего отделом финансов с правами заместителя.

Постановили: Оставить открытым вопрос о назначении помощника управляющего отделом финансов, предоставив право управляющему отделом финансов Г. А. Мартюшину пригласить временно в качестве сотрудника Ф. М. Шмелева для работы в отделе.

8. По вопросу об учреждении следственной комиссии и урегулирования вопроса о самочинных арестах.

Постановлено: немедленно распубликовать следующее постановление № 11.

«Во имя спасения родины и завоеваний революции, губернским правительственным комитетом предлагается немедля сформировать в губернских и уездных городах следственные комиссии для предварительного рассмотрения дел об арестованных. Члены комиссии уполномачиваются в случаях, нетерпящих отлагательства, подписывать ордера о заключении под стражу.

«При отсутствии доказательств виновности следственные комиссии немедля освобождают задержанных, при наличии же основательного подозрения передают их в распоряжение судебно-следственных властей. В более важных случаях вопрос об участи арестованных передается следственными комисиями на распоряжение правительственных комитетов по принадлежности.

«Начальники мест заключения могут принимать арестованных лиц не иначе, как по ордерам уполномоченных на то лиц: чинов судебного ведомства, членов правительственных комитетов и следственных комиссий и чинов милиции.

«Все граждане, имеющие сведения о совершившемся или готовящемся преступлении, обязаны довести о том до сведения подлежащих властей. Виновные в самовольных арестах подлежат сами немедленному аресту с преданием суду.

«Верховное управление Северной области стремится восстановить свободу и права».

9. Разрешить опубликовать немедленно приказы командующего вооруженными силами верховного управления Северной области.

Журнал заседания управления Северной области 6-го авг. 1918 г. 10 часов утра. № 8.

Председательствовал: председатель верховного управления Н. В. Чайковский.

Присутствовали: члены верховного управления А. И. Гуковский, С. С. Маслов, П. Ю. Зубов, Я. Т. Дедусенко, Г. А. Мартюшин.

1. Н. В. Чайковский доложил, что создается щекотливое положение, так как союзники меняют свою позицию. С их стороны наблюдается тенденция рассматривать верховное управление исключительно как власть хозяйственную, муниципальную,—политической власти верховного управления они как будто бы не признают. Необходима опора области. Для укрепления положения верховного управления необходимо послать с отправляемой в Котлас экспедицией полномочного члена верховного управления для назначения от его имени управления на

местах, агитации и формирования военных сил. В качестве такого лица Н. В. Чайковский предлагает С. С. Маслова, предлагает дать ему в помощь секретаря, ад'ютанта-офицера, снабдив их оружием, литературой. План этот необходимо осуществить немедленно же. Члены верховного управления Г. А. Мартюшин и А. И. Гуковский поддерживают предложение также и в интересах обеспечения связи с Устюгом и вообще с северной частью Вологодской губернии.

Постановили: командировать С. С. Маслова в Архангельскую, Вологодскую, С.-Двинскую, Вятскую губернии, а также за пределы всей Северной области для организационного местного управления и самоуправления на установленных верховным управлением началах, с правом производства арестов и освобождения арестованных, назначения, увольнения должностных лиц всех ведомств, за исключением судебного, с последующим представлением на утверждение верховного управления в отношении тех должностных лиц, назначение и увольнение коих зависит от верховного управления. На время командировки С. С. Маслова временно назначить заместителем управляющего военным отделом Николая Ивановича Звегинцева.

2. Управляющий отделом юстиции А. И. Гуковский полагает, что при создавшемся общем политическом положении было бы целесообразнее приостановить опубликование принятых 5-го сего августа верховным управлением временных постановлений о собраниях.

Постановили: опубликование временных постановлений о собраниях приостановить впредь до вынесения верховным управлением соответствующего постановления о таковом опубликовании.

Председатель верховного управления (подписал) *Н. В. Чайковский*, члены верховного управления (подписали): *Я. Дедусенко, С. Маслов, А. Гуковский, Г. Мартюшин.*

Секретарь верховного управления (скрепил) *Зубов.*

С подлинным верно: управляющий канцелярией (подпись).

Журнал заседания верховного управления Северной области 9-го августа 1918 года. 7 часов вечера. № 12.

1. Председатель Н. В. Чайковский доложил, что завтра предстоит свидание с прибывшими сегодня послами. Свидание это должно определить отношение послов к верховному управлению и к вопросу о его признании, как правомочной государственной власти Области. Пока в этом отношении имеется лишь частным образом выраженное мнение французского посла, что о признании такой власти верховного управления пока не может быть и речи и что официальные послы

будут поддерживать политику британского командования, а неофициально, как французский, так и остальные послы будут всецело на стороне верховного управления. По мнению посла, не следует беспокоиться и торопиться с вопросами о признании, а необходимо стремиться укрепить свое положение. В возникших после сего прениях А. И. Гуковский заявил, что, кроме признания или непризнания, возможно и третье положение — выжидательное, естественно и всегда наблюдаемое после всякого переворота, когда положение новой власти является спорным и невыясненным, насколько она жизнеспособна. Признать нас сейчас послы, вероятно, даже не имеют права без надлежащего полномочия своих правительств. Максимум, на что можно рассчитывать, это—что послы войдут с нами в сношения. Пока не будет ответа от союзных правительств, создается известное фактическое положение, во время которого, конечно, невозможен договор, но вполне возможно какое-либо деловое соглашение. В. М. Брамсон указывает на пример соглашения с мурманским краевым советом, которое являлось попыткой размежевания сфер действий власти союзников и краевого совета, но не договором, с какими-либо правами и обязательствами для сторон. Н. И. Звегинцев полагает, что было бы значительным успехом, если бы удалось получить хотя бы словесное заверение послов, что они будут вести все сношения с населением через верховное управление и пред'являть все распоряжения по отношению к населению и государственному имуществу только через верховное управление. Н. В. Чайковский заявляет, что в случае отказа от такого заверения и продолжения политики, как бы игнорирования власти верховного управления, останется один исход—оставить Архангельск, об'явить опыт создать государственную власть, хотя бы в областном масштабе, неудавшимся, сделать попытку опереться на население в другом месте, на Урале, в Сибири, и там попытаться создать общегосударственную власть. Я. Т. Дедусенко признает невозможным начать работу по воссозданию единства и независимости России с подчинением сразу же внешней власти, хотя бы союзников, но считает, что в интересы союзников не входит стать на положение стороны оккупирующей и полагает, что если занять более или менее твердую позицию в отстаивании независимости во внутренних делах, то с союзниками все-таки можно сговориться. Конечно, в вопросах внутренней жизни, касающихся военных дел, возможны и неизбежны более или менее значительные уступки,—на это придется пойти. В. М. Брамсон говорит, что необходимо ставить вопрос в мягкой форме, но твердо, по существу, как это не раз приходилось

делать в Мурмане, когда приходилось спрашивать союзников — намерены ли они только выгнать большевиков и занять Северный край или создать новый русский фронт; если последнее, то это невозможно без создания ответственной русской власти, и посему в задачи союзников входит всемерная помощь образованию и укреплению такой власти, а не противодействие ей. Н. П. Звегинцев полагает, что в борьбе за признание нужно с чего-то начать, а затем уже постепенно укреплять свое положение, и поддерживает свое предложение стремиться получить хотя бы словесное заверение послов, что сноситься с населением и пред'являть свои требования к нему они будут только через верховное управление. Н. В. Чайковский констатирует, что предложение Н. П. Звегинцева не противоречит принятой накануне верховным управлением програме, но является более конкретным и может послужить известной исходной точкой в борьбе верховного управления за свое положение, а потому и должно быть принято.

Постановили: принять предложение Н. П. Звегинцева в качестве основы и минимума требований верховного управления в предстоящих переговорах с послами.

Журнал заседания верховного управления Северной области от 10 августа 1918 г.

1. Заслушан доклад Н. В. Чайковского о посещении посланников союзных держав.

Н. В. Чайковский доложил, что ведя разговор с посланниками, он зарапее наметил программу беседы — интерес союзного дела и понимание его с той или другой стороны. Необходимым условием является единство точки зрения на положение дела. Вместе с тем он указал послам, что уже в прошлом была, повидимому, достигнута общая точка зрения среди тех переговоров, которые велись Астровым и Авксентьевым с представителями французского правительства. Французский посол, уклоняясь от прямого ответа, заявил, что никакой единой точки зрения достигнуто не было, и что его представители присутствовали лишь в качестве простых зрителей. Создалось довольно неудобное положение. Американский посол, выслушав внимательно сделанное заявление, выразил свое удивление по поводу отсутствия у него сведений о переговорах, происходивших с союзом возрождения: английский как будто тоже присоединился к взгляду своего коллеги, так как им обоим не были известны те авансы, которые давали французы при предварительных переговорах.

Пришлось выяснить точку зрения верховного управления, признающего, что в силу сложившихся обстоятельств необходимо присутствие органа власти, который послужил бы легальным основанием для ведения военных действий в России, ибо в противном случае получилось бы совершенно недопустимое положение, при котором союзники явились бы захватчиками, дающее возможность вести определенную против них агитацию. Посол Линдлей совершенно согласился с этим взглядом. Обращаясь к характеристике власти пришлось пояснить, что представителем власти может быть лишь орган, в который входят члены единственного законного и правопреемственного органа — учредительного собрания, являющиеся избранниками всего народа. Власть эта, являясь носителем легального права, имеет санкцию общественных, политических и местных учреждений. Вместе с тем, явилась необходимость подчеркнуть, что возможная мобилизация и все финансовые мероприятия без такого органа власти висели бы в воздухе и что эта власть есть посредник между союзниками-иностранцами и местным населением, ибо успех союзного дела обуславливается энтузиазмом и доверием местного населения. Последним пунктом был поставлен вопрос о необходимости блюсти принцип вмешательства союзников во внутренние дела и внутренние распорядки верховного управления, при чем в том случае, когда по тем или иным причинам вызывается необходимость вмешательства, единственным правильным путем может являться обоюдное соглашение.

На все это получено полное одобрение и уверение в доверии, которое вызывает заявление представителя верховного управления.

В заключение пришлось указать на то, что с первого момента прибытия союзников установились вполне дружественные отношения, но дальнейшее время вызывает предположение в наличности ряда безответственных лиц, старающихся подорвать доверие к верховному управлению.

Что касается генерала Пуль, то его трудно уверить в дружественном отношении носителя верховной власти, тем более, что он далеко не всегда доступен для свободного обмена мнениями.

По мнению посла Линдлей, необходимо учредить союзнический совет — посредник между верховным управлением и союзниками — из представителей союзников и временного правительства, который устранял бы всякого рода недоразумения. Вопрос о совете будет обсужден союзниками в ближайшее время и о решении будет поставлено в известность верховное управление.

После этих переговоров шел вопрос о финансовой стороне дела.

Заканчивая свой доклад, Н. В. Чайковский просил присутствовавшего при разговоре с союзниками Н. В. Дмитриева дополнить его своими впечатлениями о переговорах с французским послом, которым он имел возможность уделить больше внимания.

Дополняя доклад Н. В. Чайковского, В. Н. Дмитриев заявил, что из беседы с послом Франции, заявления которого не носили определенного характера и являлись отрывочными, необходимо придти к заключению, что французы будут тщательно избегать официального признания временного правительства, так как такое признание может неблагоприятно отразиться на самом правительстве, которое могло бы быть заподозрено в том, что оно является ставленником союзников, а с другой стороны, что союзники лишены возможности до упорядочения верховного управления заявить об официальном его признании. В общем, французский посол внимательно отнесся к заявлению председателя верховного управления, Н. В. Чайковского, и указал, что они постараются найти условия правильных взаимоотношений.

В отношении прокламации генерала Пуля к местному населению, в котором не упоминается о верховном управлении Северной области, французы не причем, так как основные положения прокламации были даны генералу Пуль из Лондона. Один из присутствовавших в настоящем заседании по вопросу о прокламации представитель генерала Пуль пояснил, что последний, будучи в Мурманске, не знал еще текста прокламации, поэтому приходится думать, что ему были даны в этом отношении широкие полномочия.

М. А. Лихач считает первостепенным вопрос о прокламации генерала Пуль и просит Н. В. Чайковского выяснить его в последующих беседах с послами, так как от этого зависит дальнейшее поведение членов верховного управления, ибо, если оно получено из Лондона, то на успех в борьбе за самостоятельность верховного управления трудно рассчитывать.

Н. Н. Звегинцев доложил, что он был сегодня у американского посла Френсиса и убедился, что последний не осведомлен о союзе возрождения России, ни о задачах верховного управления. Он указал ему 3 основных положения союза возрождения: 1) союз с союзниками, 2) возрождение России и 3) изгнание немцев из пределов России. В дальнейшем пришлось указать, что для народа, 18 месяцев находящегося в периоде революции, всякая власть, несомненно, будет тягостна. На это американский посол заявил, что они всячески поддержат и укрепят авторитет власти, но что военные власти трудно разбираются в гражданских делах и что послы не теряют надежды разгра-

ничить сферу их действий через компетентный орган, состоящий из представителей послов и верховного управления.

Н. В. Чайковский, дополняя свой доклад о посещении послов, указал, что послы просят составить список вопросов, которые не относятся к ведению проектируемого совещания.

В возникших по сему поводу прениях, в которых приняли участие Я. Т. Дедусенко, П. Н. Звегинцев, М. А. Лихач, Н. В. Чайковский и П. Ю. Зубов, выяснилось, что верховное управление считает неправильным такую постановку вопроса, ибо к компетенции предстоящего совещания нужно отнести все мероприятия, где нужно согласие той или другой стороны на проведение известной меры, т.-е. задача совещания — предупредить столкновение, а не разбирать уже происшедшие недоразумения.

По обмене мнений совещание членов верховного управления постановило: 1) доклад Н. В. Чайковского принять к сведению. 2) Составление списка вопросов, не входящих в компетенцию проектируемого совещания признать невозможной, но указать, что верховное управление не претендует на всю область оперативного командования и полагает справедливым отнести к компетенции совещания всякие распоряжения союзного командования, затрагивающие интересы гражданского населения.

Признавая, что возбужденные союзными послами вопросы финансовых мероприятий должны получить возможно полное освещение в ближайшие же дни, верховное управление находит необходимым установить крайний срок для составления и представления смет по всем ведомствам к 18 августа с. г.

№ 4.

Председателю В. У. С. Р.

Христиания (получено почтой).

Счастлив узнать об освобождении севера России от ига большевиков, которые, захватив власть, предали и обесчестили родину. Прошу принять искренние поздравления. Надеюсь, что благодаря энергии мужественных русских патриотов, законное правительство соединит в одно целое расчлененную Россию.

Распространяю вашу телеграмму.

(Подп.) Граф *Пилар*, поверенный в делах Норвегии.

№ 5.

Выдержка из письма заведывающего отделом иностранных дел временного правительства Северной области, от 6 декабря 1918 г., № 22.

На имя Н. К. Набокова, российского посла в Лондоне.

Ища выхода из создавшегося положения, верховное управление вначале полагало прибегнуть к финансовой помощи союзников, путем заключения гарантированного ими займа на сумму в 200 миллионов рублей. В этом смысле велись переговоры с дипломатическими представителями Великобритании, Франции, Италии и Америки, при чем на областное правительство возлагалась обязанность представить реальное обеспечение займа в виде отвода соответственной величины площади леса; тем временем, однако, англичане, обсудив вопрос в Лондоне, наметили совсем особый план финансовой помощи, уже практиковавшийся в некоторых странах Южной Америки и давший там прекрасные результаты. План этот, как вам в настоящее время известно, сводился вкратце к тому, чтобы в Лондоне был образован неприкосновенный фонд в фунтах стерлингов, под обеспечение которым в области производились бы выпуски кредитных рублей с твердым курсом 40 рублей на 1 фунт. Основание указанному фонду в первую голову должен был положить вклад великобританского правительства в сумме, равной потребному ему для расходов в Северной области количеству рублей.

В виду несомненных практических удобств, которые представлял этот план, временным правительством решено было им воспользоваться. При этом, однако, отнюдь не были упущены общегосударственные интересы. Пунктом 10 последовавшего по этому предмету соглашения обуславливалось, что предпринимаемая финансовая мера никоим образом не может служить препятствием проведению каких-либо мероприятий этого рода общерусской властью. Пункт 16-й ставит существование эмиссионного бюро в полную зависимость от временного правительства Северной области.

Переговоры по выработке соглашения и обсуждение способов осуществления предложенной английским правительством эмиссионной операции велись не исключительно с одними англичанами. К обмену мнений привлечены были и другие союзники, которые в общем разделяли мнение о необходимости устроиться так, чтобы иметь «здоровые» денежные знаки, пригодные, как хорошее платежное средство, каковому условию, по их убеждению, наш нынешний рубль совершенно не удовлетворяет, в особенности в области международной

торговли. Эта согласованность во мнениях нашла себе отражение в тексте соглашения о денежной реформе, где говорится о возможности образования аналогичных лондонскому фонду фондов в Париже и Нью-Йорке.

К моменту подписания соглашения с англичанами, до меня дошла с оказией ваша депеша с предостережением о вступлении в какие-либо договорные отношения с союзниками по финансовым вопросам. Это, конечно, не могло остановить дело, так как нужда в деньгах достигла чрезвычайной остроты, но во всяком случае, чтобы по возможности пойти навстречу заявленному от имени центрального правительства пожеланию, я предложил англичанам принять оговорку об ограничении права эмиссии определенной суммы в 200 мил. рублей.

№ 6.

Секретная телеграмма посла в Париже на имя генерала Миллера.

Париж, 26 апреля 1919, за № 806 (шифром).

Считаясь с необходимостью окончательно закрепить перед лицом союзников единство российского национального движения, внутренне уже об'единенного общностью задачи — восстановления единой России и ее государственного возрождения, — политическое совещание постановило: пригласить отдельные представительства, сохраняя требуемую обстоятельствами самостоятельность в области практических действий, официально признать об'единяющей и главенствующей властью ныне действующее правительство в Омске, как временное всероссийское национальное правительство. Опираясь на высказанное вами в телеграмме № 498 мнение, присоединился к постановлению и прошу срочно подтверждения.

(подпись) *Маклаков. № 806.*

Расшифровал (подпись неразборчива).

№ 7.

Посольство
Французской Республики

Архангельск,
29 мая 1919 г.

Господин министр!

Правительство республики приглашает меня сообщить вашему превосходительству, вследствие чего я имею честь препроводить вам при сем, для вашего личного осведомления, текст нижеследующего послания, которое отправляется сегодня его превосходительству адми-

ралу Колчаку г-ном Клемансо, президентом совета министров, и военным министром, действующими от имени совета великих союзных и об'диненных держав.

«Союзные и об'диненные державы полагают, что наступил момент для определения вновь той политики, которой они желали бы следовать в том, что касается России.

Союзные и об'диненные державы всегда принимали за основную аксиому своей политики, что они должны избегать всякого вмешательства во внутренние дела России. Их первоначальное выступление не имело иной цели, кроме как оказать помощь русским элементам, которые стремились продолжать борьбу против германской автократии. Они также стремились прийти на помощь чехо-словакам, которым большевистские силы грозили уничтожением.

Лишь для оказания помощи тем, которые работали вместе с ними, они со времени подписания перемирия (11 ноября 1918 года) удержали вооруженные силы в различных частях русской территории, отправляли туда вооружение и снаряжение, отправка которых потребовала значительных расходов. С другой стороны, они вместе с тем, как только собралась мирная конференция, сделали попытку восстановить мир и порядок в России, пригласив собраться представителей всех видов правительств, в настоящее время существующих в России, в надежде, что они смогут прийти к постоянному разрешению русского вопроса.

Как и все предшествующие предложения, сделанные для того, чтобы облегчить страдания русского народа, последнее совершенно не имело успеха, вследствие отказа советского правительства принять его существенные условия, а именно: приостановление всех враждебных действий на все время, пока, с одной стороны, будет продолжаться работа по снабжению продовольствием, а с другой стороны, будут вестись переговоры. В настоящее время к некоторым из союзных и об'диненных правительств обращаются настоятельные просьбы заняться рассмотрением вопроса об уводе их войск и о непроизводстве новых расходов в России по той причине, что их вмешательство, несмотря на истекшее со времени прибытия этих войск время, еще не дало возможности предстать пред удовлетворительным разрешением положения в России.

Тем не менее, эти правительства готовы продолжать оказывать помощь, лишь бы только они имели доказательство, что они действительно помогут русскому народу достичь свободы, самоуправления и мира, на нижеизложенных началах.

Союзные и об'единенные правительства формально об'являют, что их политика в России имеет целью единственно восстановление мира внутри и предоставление русскому народу возможности через посредство свободно выбранного учредительного собрания взять в свои руки управление своими делами и водворить мир на своих границах, положив при посредстве мирного арбитража лиги народов конец конфликтам, касающимся пределов русского государства и его отношений со своими соседями.

Опыт 12-ти последних месяцев убедил союзные и об'единенные правительства в том, что невозможно прийти к этому результату путем ведения переговоров с советским правительством в Москве. Они поэтому склонны оказывать помощь отправлением вооружения, материалов и продовольствия правительству адмирала Колчака и тем, которые с ним действуют сообща, дабы оно утвердилось как правительство всей России.

Однако, союзные и об'единенные правительства ставят условием получение от адмирала Колчака гарантий в том, что его политика направлена к одной с ними цели. Союзные и об'единенные правительства просят поэтому адмирала Колчака и присоединившихся к нему, дать им знать, соглашаются ли они на нижеследующее, как на условия, на которых они принимают дальнейшее оказание помощи со стороны держав.

1. Адмирал Колчак тотчас, как достигнет Москвы, созовет учредительное собрание, избранное тайным, демократическим и свободным голосованием. Это собрание будет иметь характер верховного законодательного органа для России. Правительство будет ответственным перед ним. Если к этому времени порядок не будет в достаточной мере восстановлен для того, чтобы состоялись новые выборы в России, правительство созовет учредительное собрание, избранное в 1917 году, для того, чтобы оно заседало до того момента, когда новые выборы станут возможны.

2. Правительство допустит свободные на самых нормальных условиях выборы для всех местных представительных органов, законно установленных, как-то: городские самоуправления, земства и проч. во всех областях, на которые с настоящего момента распространяется его власть.

3. Оно не будет делать никаких попыток для введения вновь в силу в России особых привилегий, какого бы то ни было класса или иного порядка.

Союзные об'единенные державы с удовлетворением приняли к сведению декларацию, сделанную адмиралом Колчаком, и констатируют, что он не имеет никаких намерений восстановить старый режим. Они полагают, что принятие в этом отношении свободного решения принадлежит русскому учредительному собранию, равно как и по другим вопросам внутреннего распорядка, они не имеют никакого намерения в это вмешиваться, но они желают получить уверенность, что те, к которым они склонны присоединиться, собираются установить гражданскую и религиозную свободу для всех русских без каких бы то ни было попыток к восстановлению режима, разрушенного революцией.

4. Независимость Польши и Финляндии должна быть признана. На случай, если бы вопрос о границах между этими странами и Россией не был бы разрешен путем соглашения, равно как и другие вопросы, которые бы возникли по поводу отношений России с этими странами, все эти вопросы будут переданы на арбитраж Лиги Наций.

5. В случае, если соглашения не дали бы возможности достичь быстрого разрешения вопросов того же порядка между Россией, с одной стороны, Эстонией, Латвией, Литвой, кавказскими областями или закаспийскими — с другой, то урегулирование их будет произведено при сотрудничестве с Лигой Наций. Правительство России, в ожидании урегулирования этих вопросов, соглашается признать эти области автономными и сообразовать свои отношения с ними с теми отношениями, которые могут быть между союзными и об'единенными правительствами и фактическими правительствами в этих областях.

6. Будет признано право Мирной конференции определить участь румынских частей Бессарабии.

7. Россия, как только в ней установится правительство на демократической основе, будет сотрудничать в Лиге Наций с другими ее членами, в видах ограничения вооружений и военной организации во всем свете.

8. Державы принимают к сведению декларацию адмирала Колчака от 27 ноября 1918 года относительно долгов России.

Союзные и об'единенные державы будут счастливы узнать возможно скорее, что эти условия получили согласие адмирала Колчака и присоединившихся к нему, и, в случае их принятия, что они готовятся, как только это позволит военная обстановка, сформировать единое правительство и одну армию под единым командованием.

Примите и проч.».

(подпись) *Гияр.*

№ 8.

Временное Правительство
Северной России.

Архангельск,
1 июня 1919 г. № 853.

Господин поверенный в делах!

Временное правительство Северной области, приняв к сведению ноту от 29 мая, которую вы соблаговолили мне передать, поручило мне сообщить вам свои общие соображения по поводу предложения союзных и дружественных держав, касающихся условий, при которых эти державы были бы расположены следовать в отношении России политике, указанной в уведомлении, адресованном адмиралу Колчаку.

С истинным удовлетворением временное правительство принимает к сведению декларацию, сделанную союзными и дружественными державами относительно заявления, констатирующего, что эти последние убедились в невозможности установить мир внутри России путем сношений с советскими властями в Москве.

Временное правительство Северной области имело честь заявить 3 мая союзным и дружественным державам, что оно признало омское правительство, как правительство всей России и, следовательно, адмирала Колчака — временно, как верховного главу государства. С глубокой верой в будущее, временное правительство приветствует в настоящее время предложения союзных и дружественых держав оказывать свою помощь правительству адмирала Колчака и тем, кто присоединяется к нему в борьбе против большевиков, помощь, имеющую целью дать ему возможность осуществить возможно скорее и с возможно меньшими жертвами установление его управления над всей территорией России.

Признание правительства адмирала Колчака союзными и дружественными державами в качестве правительства всей России, сделанное на основании заявлений адмирала Колчака, — согласуется с желанием всего населения России, могущего свободно выражать свою волю, и непосредственным последствием чего явится укрепление его положения и приближение дня восстановления внутреннего мира во всей России, что является целью политики союзных и дружественных держав в России.

Не входя в рассмотрение подробностей условий, перечисленных в ноте от 29 мая, что потребовало бы более глубокого изучения и из коих некоторые требуют кое-каких раз'яснений и дополнительного обсуждения, временное правительство тем не менее выражает радость, что в своих основных положениях условия эти совпадают с заявле-

ниями адмирала Колчака, которые временное правительство всецело разделяет, а именно:

Временный характер правительства Колчака.

Отсутствие всякого намерения восстановления старого режима в частности и установления какого бы то ни было окончательного строя иначе, как по воле народа, свободно выраженной учредительным собранием.

Созыв национального учредительного собрания, избранного демократическими и свободными выборами, как только условия умиротворения страны позволят это, которое из уважения к демократическим принципам одно будет правомочно рассматривать вопросы разных народностей, населяющих Россию, совместно с представителями этих последних.

Веря в помощь союзных и дружественных держав, временное правительство Северной области отныне не колеблется ни минуты об'явить уже и сейчас, что единое правительство уже образовано и что к осуществлению единства и выполнения его функций, равно как к осуществлению единства командования имеются ныне только некоторые затруднения второстепенного характера — медленность и неуверенность сношений с Омском — затруднения, которые должны будут вскоре исчезнуть, благодаря поддержке наших союзников первых годов мировой войны.

Временное правительство Северной области никогда не сомневалось, что жертвы России, что миллионы человеческих жизней, которые она так обильно не щадила в продолжение трех первых и самых грозных лет войны, что та значительная доля участия, которую она приняла в уничтожении вражеских сил, — не могли остаться тщетными и не признанными в минуту окончательной победы и что правительство, которое Россия себе временно сама дала — правительство единое, правительство всероссийское — будет признано таковым союзными и дружественными державами.

Примите и проч.

Управляющий отделом иностранных дел генерального штаба генерал-лейтенант (подпись) *Е. Миллер.*

№ 9.

Секретная телеграмма от посла в Париже на имя генерала Миллера.

Париж, 29 июля 1919 г. № 753.

На вашу 1177. Князь Львов, Сазонов и Маклаков просят передать:

Мотивы для преобразования Северного правительства — об'единение верховной власти и нежелательность особого управления Петрограда—недостаточны для принятия в настоящую минуту предложенной меры. Но политические последствия побудили бы отклонить ее даже, если бы мотивы были сильнее. Отход сибирской армии, потеря надежды на быстрое соединение Сибири и Севера, возможность ухода союзных войск—делают настоящий момент наименее благоприятным для внутренней реформы. Было бы вредно дать повод союзникам предполагать перемену внутренней политики, давать оружие сторонникам отвода союзных войск и подвергать испытанию наладившиеся дружеские отношения с державами. Равно опасно вызывать внутри ее брожение со стороны всех тех, которые усмотрят в этой реформе перемену внутреннего курса. По этим соображениям считали бы несвоевременным изменение сложившегося в Северной области образа управления

Маклаков, № 193.

Расшифровал: Полковник *Котляревский.*

3 августа, 19.

Резолюция: *„Доложить Вр. Пр-ству. 3 августа". „Предст. Вр. Пр-ству. 5 августа".*

№ 10.

Радио-телеграмма из Омска от 10 сентября в Архангельск, генералу Миллер.

....Верховным правителем постановление совета министров от 26-го августа: об утверждении временного положения об управлении Северного края, совет министров постановил: 1. Утвердить прилагаемое положение об управлении Северным краем. 2. Главнокомандующему всеми сухопутными и морскими силами России на северном фронте присвоить права главного начальника Северного края, согласно прилагаемому временному положению. 3. Настоящее постановление ввести в действие по телеграфу.

Подписали: Председатель Совета Министров Петр Вологодский. Управдел Военным Министерством генерал-лейтенант барон Будберг. Министр Внутренних Дел В. Шепеляев, Главноуправляющий Делами Верховного Правительства и Совета Министров Харитонов.

Далее временное положение об управлении Северного края:

1. Северный край составляют губернии и местности, входящие в состав территории временного правительства Северной области, а

также вновь освобожденные от советской власти военными силами главнокомандующего северным фронтом.

2. Местным высшим представителем верховной власти в Северном крае является главный начальник Северного края, непосредственно подчиненный верховной власти и назначаемый указом верховного правителя.

3. По внутреннему управлению краем,—права, обязанности и образ действия главного начальника края, а также отношение его к государственным и местным установлениям определяются правилами, содержащимися в разделе 2 общ. учр. губ. (св. зак. 2) и касающимися власти главных начальников края, а равно и статьями сего положения.

4. В отношении служащих в Северном крае все права, принадлежащие министрам, по правилам об определении, перемещении и увольнении в отпуск или службы чиновников и об их ответственности осуществляются непосредственно главным начальником края, при чем порядок этот не распространяется на чинов государственного контроля и государственного банка и судебного ведомства.

5. Главный начальник края лично или через подведомственных ему высших гражданских чиновников обозревает край и ревизует все подчиненные его надзору правительственные и общественные учреждения.

6. В обстоятельствах чрезвычайных главный начальник края может отменять постановления губернских административных . . . . распоряжения свои, по предметам коих. . . . отмененные постановления приводить в исполнение, донося об этом правительствующему сенату и уведомляет подлежащих министров о причинах, побудивших прибегнуть к такой мере.

Примечание. Права главного начальника края, устанавливаемые в статьях 5 и 6 сего положения, не распространяются на учреждения и на чинов государственного контроля и государственного банка.

7. В отношении органов земского и городского самоуправления главный начальник края действует при посредстве управляющих губернскими и уездными в порядке и на основании указанных в положениях о . . . . . . административным делам и указаниях о земском и городском самоуправлении.

8. В высших государственных установлениях представителем главного начальника края является особое лицо, назначаемое указом

верховного правителя по представлению главного начальника края. Лицо это участвует в заседаниях совета министров с правом решающего голоса по делам, касающимся Северного края.

9. Помощник главного начальника Северного края по гражданской части состоит в 3 классе должности, определяется и увольняется указом верховного правителя.

10. Помощник главного начальника Северного края по гражданской части исполняет поручения главного начальника по всем частям гражданского управления.

11. Министрам—главнокомандующим отдельными частями предоставляется, в целях согласования деятельности местных учреждений по соглашению с главным начальником края, представлять к назначению особоуполномоченных в 4 классе должности, которые образуют совет при главном начальнике края. В случае каких-либо беспорядков и упущений принимает все необходимые и решительные меры к прекращению таковых и восстановлению законного течения дела, уведомляя об этом министра по принадлежности.

12. Для предварительного обсуждения мероприятий общего характера, касающихся хозяйственной жизни края, главный начальник края созывает совещание в составе представителей, входивших в бывшее финансово-экономическое совещание при временном правительстве Северной области.

Подлинное подписали за военного министра генерал-лейтенант барон *Будберг*. Министр внутренних дел *П. Пепеляев*.

Омск, 31 августа, 1919 г. № 687. Главноуправдел *Гинс*.

№ 11.

Шифрованная часть телеграммы от российского посла в Париже Маклакова, от 6 марта 1919 года, за № 405, на имя председателя временного правительства.

Отношение союзников к вопросу об интервенции выразилось окончательно в форме публичных заявлений английского и американского правительств об отказе помогать нашей борьбе с большевиками присылкой войск, но о готовности оказывать нам поддержку снабжением, оружием, прочим необходимым материалом, инструктированием и присылкой своей на добровольческих началах (армии).

Нам известно, что действительные намерения влиятельных правительств идут в нашу пользу значительно дальше, но об этом не об'является публично. Мы изыскиваем меры использования также нахо-

дящихся во Франции наших ¾ солдат, частью из числа здесь сражавшихся, частью вернувшихся сюда из германского плена. Теперешняя политика союзных правительств по вопросу об интервенции об'ясняется существующим очень сложным политическим положением и оппозиционным отношением к интервенции левых групп и народных масс, что вызвано утомлением войною, неосведомленностью населения об истинном положении России, с одной стороны, а с другой—сильною большевистской агитацией, которая широко ведется в Европе, особенно в Америке. Для успеха нашего дела совершенно необходима энергичная противо-большевистск. пропаганда, осведомление демократии Франции, Англии и Америки о действительной сущности большевизма, трагическом положении России и необходимости активной помощи ей для освобождения от большевистского ига. Принимаем меры к организации кампании в печати среди политических деятелей и широких масс.

Верно:

Старший секретарь отдела иностранных дел (подпись неразборчива).

№ 12.

Журнал заседания временного правительства Северной области 20 января 1920 года.

Председательствовал: заместитель председателя временного правительства Северной области П. Ю. Зубов.

Присутствовали: члены временного правительства Н. В. Бариновский, генерал-лейтенант Е. К. Миллер, М. М. Федоров, В. Н. Цапенко, управляющий отделом финансов, торговли и промышленности Н. Н. Каменецкий и заместитель председателя финансово-экономического совета, генерал С. С. Саввич.

. . . . 1. По докладу заместителя председателя временного правительства о полученном известии по радио о снятии блокады с Советской России и о принятом верховным советом решении восстановить торговые сношения, после обмена мнений, постановили: 1) запросить русских дипломатических представителей за границей о последствиях снятия блокады для оказания помощи антибольшевистским окраинам России со стороны союзников; 2) никаких правительственных сообщений по поводу этого решения не делать, считая положение недостаточно выясненным; 3) поручить главнокомандующему послать телеграмму Черчиллю о судьбе Северной области, борьба коей с большевиками была начата по инициативе союзников; 4) признать, что положения,

выработанные на прошлом заседании правительства, относящиеся к политике правительства как внутри области, так и вне ее, остаются незыблемыми.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: управляющий делами временного правительства (подписал) *Маймистов.*

С копией верно:

Делопроизводитель гражданской канцелярии главнокомандующего (подпись неразборчива).

Главнокомандующему всеми вооруженными силами на северном фронте. Для надлежащего исполнения.

23-го января 1920 г. № 190.

Управляющий делами временного правительства (подписал) *Маймистов.*

Делопроизводитель (подписала) *Шахова.*

С подлинным верно:

Делопроизводитель гражданской канцелярии главнокомандующего (подпись).

В отдел иностранных дел.

Для надлежащего исполнения.

Начальник канцелярии (подпись неразборчива).

26 января 1920 г. № 264.

И. д. помощника начальника канцелярии (подпись неразборчива).

Ф. КОСТЯЕВ.

ИНТЕРВЕНЦИЯ В ПРИБАЛТИКЕ.

Помощь северо-западной армии Юденича. — Действия в Балтийском море. — Помощь Латвии и Финляндии. — Последствия интервенции и роль Франции.

Помощь северо-западной армии Юденича.

В период германской оккупации (август—октябрь 1918 г.) в Пскове, Риге и других городах Прибалтики [1]) образовался ряд русских контр-революционных организаций, из которых сильнейшая находилась в Пскове, насчитывая в своем распоряжении к концу октября около 1.100 человек пехоты, 4 орудия, 70 всадников и несколько пулеметов [2]) (псковский добровольческий корпус).

Начавшаяся германская революция в ноябре создала тягу германских войск на родину, и они стали беспорядочно покидать временно оккупированные ими районы [3]). Естественное в этой обстановке продвижение Красной армии (куда входили и красные эстонские части) за отступающими германскими войсками, в целях прежде всего возвращения русских городов Пскова и Нарвы, встретило лишь слабое сопротивление на севере от образовавшихся небольших по численности бело-эстонских отрядов, а на юге со стороны Пскова — добровольческого корпуса. Но в первой половине декабря обстановка меняется. Англия и Франция, выполняя общий план интервенции, для поддержки непризнанных еще ими белых правительств Эстонии и Латвии, а также контр-революционных русских организаций, сразу посылают им реальную помощь.

12-го декабря 1918 г., после захода в Либаву и Ригу, на ревельский рейд прибывает английская эскадра под начальством адмирала Синклера и принимает на себя охрану побережья Балтийского моря от возможных действий красного флота. С этой эскадрой для формируемой бело-эстонской армии, имевшей всего пять тысяч винтовок

---

[1]) Восточная линия оккупированных районов проходила по р. Нарове, Чудскому и Псковскому озерам, восточнее Пскова и, примерно, на Себеж.

[2]) „Северо-западная армия“, стр. 7.

[3]) Районы Прибалтики подлежали очищению в порядке выполнения брестского мирного договора.

и двадцать пушек старого русского образца, было привезено много тысяч винтовок, значительное число пулеметов и других материалов[4]) (приложение № 1).

Одновременно были доставлены на территорию Эстонии и финские добровольцы.

Благодаря такой помощи и доставке оружия, снаряжения, пушек, пулеметов и обмундирования, как бело-эстонская армия, так и псковский добровольческий корпус, под начальством Родзянко, стали организовываться, и в скором времени эстонская армия развернулась в две пехотных дивизии, а добровольческий корпус, который получал все необходимое через эстонское командование, достиг 5½—6 тысяч человек, при 3 тыс. штыков и 8 орудиях[5]). Эти части не только вытеснили красные войска из пределов Эстляндской губернии, но и повели активные действия вне этих пределов.

12-го мая 1919 г. корпус Родзянко при содействии эстонских войск и английского флота делает первую свою попытку нападения на Петроград, не доходит до него лишь 50 верст, вызывает восстание на Красной Горке и с большим трудом отбрасывается к реке Луге. В это наступление был занят эстонцами исстари русский город Псков, к жителям которого уполномоченный английского правительства обратился даже с воззванием (приложение № 2).

Неудача первого наступления на Петроград вызвала лишь усиление организации и формирование эстонской и особенно северо-западной армии (б. псковский добровольческий корпус), главное начальство над которым принял Юденич (командующим остался Родзянко).

Прежде всего была усилена доставка вооружения и снаряжения, отпускаемого непосредственно в распоряжение Юденича, а не через эстонское командование, затем присланы денежные знаки (юденки)[6]), обеспеченные золотым фондом, захваченным Колчаком, для чего на имя Юденича было выслано 900 т. фунтов стерлингов[7]). Прибытие в начале августа в Ревель парохода с винтовками, орудиями, танками, снаряжением и обмундированием характеризуется Родзянкой «как новая эра в жизни северо-западной армии». И действительно, эта новая эра дала возможность к сентябрю 1919 г. северо-западную армию развернуть в два корпуса, в состав коих вхо-

---

[4]) Интервью министра иностранных дел Эстонии, Поска, с корреспондентом „Temps“ было помещено в „Северной Жизни“ в феврале 1919 г.

[5]) „Северо-Западная Армия“, стр. 14 и „Воспоминания о северозападн. армии“, Родзянко, стр. 36.

[6]) „Воспомин. о сев.-зап. армии“, Родзянко, стр. 79.

[7]) „У ворот Петрограда“, Г. Кирдецов, стр. 143.

дило пять стрелковых дивизий и 1 отдельная бригада (всего 17.800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков и 2 броневика [8]). Таким образом силы, по сравнению с маем, увеличились более, чем в пять раз. [9]).

Насколько эти силы были значительны по тому времени, видно из того, что Красная армия могла противопоставить первое время лишь силы в 22.500 штыков, 1.100 сабель, 60 орудий, 3 бронепоезда и 4 броневика [10]). Удачно же начатое в октябре наступление Юденича и подход его непосредственно к Петрограду заставили эти силы значительно увеличить, при чем особенное расстройство в рядах Красной армии в начале наступления причинили английские танки, руководимые английскими инструкторами.

Только большими усилиями Красной армии удалось отстоять Петроград и нанести поражение армии Юденича, которая вынуждена была укрыться под защиту Эстонии.

Но в районе Прибалтики Англия и Франция не ограничивались только помощью по созданию вооруженных сил белых армий; они стремились еще объединить в одно политическое целое, как все прибалтийские государства, так и русские политические группировки; более того, они оперативно руководили обеими армиями, принимая и непосредственное участие в боевых действиях на море.

Прежде всего, инициативе Англии принадлежит создание северо-западного правительства. До августа 1919 г. при главнокомандующем белыми армиями на северо-западе, Юдениче, состояло лишь совещание. Представители Англии, не считали этот орган правомочным для решения всех политических вопросов, благодаря его зависимости от верховного правителя Колчака и стремились создать правительство послушное себе, которое признало бы независимость Эстонии и Латвии.

Этим Англия хотела упрочить свое влияние в Прибалтике и получить впоследствии какие-нибудь существенные выгоды, например, «на всякий случай» базу в Финском заливе для своего флота [11]).

---

[8]) „Воспоминания о сев.-зап. армии“, Родзянко, стр. 95.

[9]) В белой печати есть много указаний на недостаточность помощи Англии сев.-зап. армии. Лучший ответ о размерах сделанной помощи дает Гофф, нач. британских миссий в Финляндии и в Прибалтике своим письмом на имя Юденича. Это письмо подтверждает наши выводы (приложение № 3).

[10]) „Воспоминания о сев.-зап. армии“, Родзянко, стр. 97.

[11]) „Воспоминания“ Лукомского, стр. 275. Намек на Булак-Балаховича, который пользовался особым благоволением английской миссии.

10-го августа 1919 г. генерал Марш, начальник Английской миссии в Прибалтике, пригласил к себе наиболее известных деятелей, состоящих при Юдениче, и в ультимативной, резкой форме, под угрозой прекращения помощи союзников, предложил присутствующим немедленно, не выходя из комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое будет обязано в тот же день заключить договор с эстонским правительством. Текст договора тотчас же был оглашен и тут же был передан список лиц, которых ген. Марш предлагал включить в состав правительства. В этом договоре оба правительства — эстонское и северо-западное — политически об'единялись для совместных действий против Советской России, а Эстония признавалась независимой (прил. № 4).

Подписи были получены 10 и 11 августа. При этом на замечание одного из присутствующих, что Юденич может не подписать заявления эстонскому правительству, ген. Марш ответил, что если это случится, то «у нас готов другой главнокомандующий» [12]).

При занятии Пскова, великобританский уполномоченный Пири Гордон широко декларировал образование этого правительства особым воззванием, сущность которого сводилась к возбуждению населения против Советской власти и к восхвалению союзников, которые «ныне выгрузили запасы продовольствия, оружия, одежды и снаряжения, чтобы дать возможность вновь образовавшемуся правительству освободить как можно более русских из-под тирании большевиков» (приложение № 2).

Инициатива второго решительного наступления на Петроград Юденича, в октябре 1919 г. исходила от британского военного министерства. Еще в июне 1919 г. ген. Головин, один из виднейших представителей русской контр-революции, был приглашен начальником оперативной части этого министерства, который указал ему на необходимость наступления на Петроград в целях оказания помощи трудному положению на сибирском фронте. К наступлению предполагалось привлечь и финляндск. войска, при чем общее руководство операциями возложить на союзников. В руках Юденича об'единялась вся власть на захваченной территории (приложение № 5). Предусматривалась сдача Красного флота и Кронштадта и назначение адмирала Пилкина командующим флотом (приложение № 6). Британское военное министерство брало на себя снабжение войск, а снабжение петроградского района должно было быть подготовлено обще-союзной продовольственной комиссией, для чего был даже заключен особый договор между

[12]) „У ворот Петрограда“. Г. Кирдецов, стр. 181.

временным правительством Колчака и Гувером. По этому договору американскими транспортами, находящимися в портах Финского и Рижского заливов могло быть доставлено сразу до 20.000 тонн разного груза. Ясно, что такая помощь не была бесплатна, и в договоре несколько раз подчеркивалось о взаимных расчетах по особым долговым обязательствам, не только за продовольствие, но и за другие виды снабжения[13]).

Так широко был организован план наступления и закрепления Петрограда: все было готово и все было предусмотрено до мелочей. Междусоюзная военная миссия (т.-е. Франция и Англия), вопреки желанию командования северо-западной армии, невероятно торопила с этим наступлением, командующий сев.-западной армией, Родзянко, обрисовывает этот нажим в таких выражениях: «15 сентября англичане потребовали перехода в наступление, обещая, что одновременно с нами перейдут в наступление и армии вновь образованных республик[14]). Желая закончить переформирование армии, я всячески затягивал начало активных действий, но англичане становились все настойчивее и обещали оказать серьезную поддержку своим флотом, заняв при нашем продвижении вперед Красную Горку и Кронштадт[15]).

Это требование англичан и эта обещанная помощь и привели, по словам Родзянко, главным образом, к решению на наступление на Петроград (приложение № 7).

Непосредственное участие англичан в боевых действиях на сухопутном фронте выразилось в посылке специальных технических средств — танков и аэропланов, обслуживаемых английскими инструкторами.

На Балтийском море английский флот не только «охранял» берега вновь образовавшихся государств Эстонии и Латвии, но по докладу британского адмирала Коуэна, нанес нашему Красному флоту весьма существенный урон.

Еще в декабре 1918 г., когда два наших эскадренных миноносца — «Спартак» и «Автроил» — производили глубокую разведку в Финском заливе, английские боевые суда обрушились на них превосходными силами и захватили эти миноносцы со всей командой.

С 14-го мая 1919 г. английский флот начинает вести уже активную боевую работу, особенно интенсивно в направлении на Петроград. 14-го мая английские миноносцы обстреливают наши посты у Сан-

---

[13]) Кирдецов. „У ворот Петрограда“, стр. 195—199.

[14]) „Воспоминания о сев.-зап. армии“, Родзянко, стр. 92 и 127.

[15]) „Воспоминания о сев.-зап. армии“, Родзянко, стр. 93

Гали (западнее Красной Горки). 31-го мая английские суда с моря обстреливают наши войска недалеко от устья реки Наровы, причем английские миноносцы преграждают путь нашим судам в Капорский залив для действий против Юденича. 18-го июня быстроходным английским моторным катером был взорван миною крейсер «Олег», стоявший на якоре в трех милях от Толбухина маяка. 18 августа был произведен на Кронштадт налет моторных катеров и английских аэропланов, причем минами было потоплено стоявшее в гавани учебное судно «Память Азова» и поврежден корабль «Андрей Первозванный». 31-го октября наши миноносцы «Гаврил», «Константин» и «Свобода» попали на минные заграждения, поставленные англичанами, и погибли.

Таким образом, английское господство в Балтийском море вывело из состава Красного флота: крейсер «Олег», эскадренные миноносцы «Автроил», «Спартак», «Гаврил», «Константин» и «Свобода» и учебное судно «Память Азова» и повредило корабль «Андрей Первозванный».

Красный флот фактически был блокирован в Кронштадте и не мог оказать содействия своей сухопутной армии при наступлении Юденича. Британский же флот в это время оказывал широкое содействие Юденичу, причем наши укрепления на южном берегу Финского залива обстреливались снарядами самого крупного калибра, а Петроград и Кронштадт неоднократно подвергались налету английских гидроаэропланов.

Английская помощь Эстонии и северо-западному правительству продолжалась до заключения мира между Советской Россией и Эстонией 2-го февраля 1920 г.

Необходимо отметить также ту роль, которую играла Антанта в отношении выраженного Эстонией пожелания примирения с Советской Россией и выхода из войны.

Эстонское правительство, не доверяя северо-западной армии, не признающей самостоятельности Эстонии, крайне опасалось захвата Ревеля и власти русскими представителями при содействии этой армии. С другой стороны, достигнув наибольших успехов на своей территории и получив предложение со стороны Советской России вести мирные переговоры, оно находило в этом выход из своего трудного положения.

В сентябре представители Советской России и Эстонии, вследствие выраженного Эстонией согласия, с'ехались для ведения мирных переговоров во Пскове. Однако, эти переговоры через десять дней прекратились, формально под предлогом, что не прибыли представители

Латвии и Литвы, а на самом деле под давлением Антанты, которая в это время подготовила последнее наступление Юденича на Петроград.

Неудача этого наступления и обострения с северо-западным правительством вынудили эстонское правительство вновь начать переговоры с Советской Республикой, которые и открылись 2-го декабря 1919 г. в г. Юрьеве. Однако, и в период этих переговоров представители Антанты всячески стремились мешать им. Не видя исхода из положения, эстонское правительство обратилось к верховному совету с меморандумом 16 декабря 1919 г., в котором обрисовывало свое отношение к северо-западному правительству и армии, излагало свои доводы и причины вступления в мирные переговоры с правительством Советской России и просило по ним высказать мнение верховного совета (приложение № 8).

По заключении мира между Советской Россией и Эстонией 2-го февраля 1920 г. Англия приняла все меры к вывозу из пределов Эстонии наиболее ценного технического имущества или передаче его в организации, пребывающие на территории Латвии, причем наиболее ответственные лица северо-западного правительства, под английским флагом, выбыли с территории Эстонии.

Помощь Латвии и Финляндии.

Деятельность Антанты в Латвии и ее помощь бело-латвийскому правительству была аналогична с помощью Эстонии с той лишь поправкой, что в Латвии осталось много имущества от германских оккупационных частей.

Ни Франция, ни Англия, конечно, никак не могли примириться с тем, что в начале 1919 года, почти на всей территории современной Латвии утвердилась советская власть с латвийским советским правительством в Риге.

Не без содействия Антанты, бело-латышские части в мае 1919 г. произвели наступление на Ригу, которую заняли 22 мая и далее оттеснили Красную латвийскую армию к Режице и Двинску.

В дальнейшем материальная помощь дала возможность организовать три бело-латышских дивизии, которые, по данным первого октября, достигли общей численности в 21.400 штыков, 800 сабель, 144 пулемета и 60 орудий [16]); обучение в этих дивизиях велось при содействии французских инструкторов.

---

[16]) Архив Красной армии, „Боевое расписание по данным к 1-му октября 1919 года“.

При наступлении в конце декабря 1919 года бело-латышскими частями, совместно с поляками, был занят Двинск и части Режицкого и Двинского уездов.

Перемирие 30-го января 1920 года между Советской Россией и Латвией, естественно, положило предел этой помощи.

Не была оставлена без внимания и Финляндия, несмотря на то, что здесь господствовала германская ориентация. Еще летом 1919 года Франция послала Манергейму большое число танков, аэропланов и всякого другого вооружения; кроме того, она командировала французских офицеров для реорганизации финского генерального штаба [17]) (приложение № 9). Все это дало возможность финской армии быстро сорганизоваться и сформировать три пехотных дивизии и одну егерскую бригаду, а также образовать на своей территории белую охрану из добровольцев. К 1 октября 1919 г., когда Финляндию предположено было привлечь для наступления на Петроград, в рядах ее армии числилось до 60.000 штыков, 4.000 сабель, 552 пулемета и 108 орудий [18]), и только по политическим причинам эта армия не приняла участия в наступлении.

Так протекала интервенция на северо-западе России в наиболее опасном для Советской Республики направлении на Петроград. Формально она закончилась с ликвидацией армии Юденича и заключением мира с Эстонией, поведшего к прорыву стального кольца блокады, окружившей Советскую Россию. Доступ в Балтийское море, через Ревель, при содействии Эстонии, нам был открыт. Последовавшее затем официальное снятие блокады со стороны Англии, заключение мирных договоров с Латвией и Финляндией дало возможность очистить Финский залив от минных заграждений и в начале ноября 1920 года открыть петроградский порт для торговых сношений с западом [19])

Последствия интервенции и роль Франции.

Интервенция на северо-западе длилась более 15 месяцев (с декабря 1918 г. по март 1920 г.) и имела следующие последствия:

1. Истощение и разорение районов пребывания северо-западной армии в Псковской и Петроградской губерниях, к западу от железной дороги Петроград — Двинск, общей площадью до 20 тыс. кв. килом. с населением в полмиллиона; грабежи, насилия, расстрелы всех, кто мог быть заподозрен в сочувствии советской власти и в частности

---

17) „У ворот Петрограда“, Г. Кирдецов.

18) Архив Красной армии, „Боевое расписание по данным к 1 октября 1919 года“.

19) Первый иностранный пароход—германский—„Регина“ прибыл в Петроград 11 ноября.

евреев,—это была система северо-западной армии. Особенно бесчинствовал Булак-Балахович [20]), преступность которого не раз отмечалась даже командующим северо-западной армией Родзянко, характеризующим следующими словами действия Булак-Балаховича: «в самом же Пскове продолжал сидеть Иванов [21]) и происходило всевозможное безобразие; партизаны, больше всего личная сотня «батьки», грабили и насильничали: людей, обвиняемых в большевизме, вешали на улицах на фонарных столбах; в населении начался ропот» [22]). Необходимо указать, что военные представители Англии особенно благосклонно относились именно к инициатору всех этих деяний, Булак-Балаховичу, тем самым, как бы разделяя его систему».

2. Создание северо-западной армии, оказание содействия формированию эстонской, латвийской и финской армиям и созданная этим непосредственная угроза Петрограду, вызывали крайнее напряжение сил советской России и заставляли на северо-западе содержать большие силы Красной армии (VII и XV армии), средняя численность которых определяется 250.000 человек [23]).

Принимая цифровые данные подсчетов в Мировой войне, можно считать, что содержание этих армий за 15 месяцев интервенции стоило свыше 800 миллионов франков.

3. Захват и потопление судов балтийского военного флота не только повели к ослаблению этого флота и подрыву военно-морского могущества Советской России, но и причинили крупный материальный ущерб.

4. Финансирование Юденича, отпуск ему Колчаком 900 тыс. фунтов стерлингов в счет золотого запаса и полное израсходование этих денег на нужды контр-революции являются актом расхищения русского золотого запаса [24]).

5. Блокада Балтийского моря и закрытие портов Прибалтики, в которых до 1913 г. сосредоточивалось до $^2/_3$ всей нашей морской тор-

---

[20]) Одно из главных действующих лиц сев.-зап. армии; сначала нач. отряда, потом дивизии и корпуса. Известен бандитизмом, изобличен в содействии фальшивомонетчикам („Воспоминания о сев.-зап. армии", Родзянко, стр. 145).

[21]) Министр общественных работ сев.-зап. правительства; несколько раз изгонялся из армии до занятия последней должности.

[22]) „Воспомин. о сев.-зап. армии" Родзянко, стр. 54.

[23]) По архивным данным, дело № 39341, в VII и XV армиях разновременно числилось от 100 до 400 тыс.; берем среднюю цифру—250.000.

[24]) Из 900 тысяч фунтов Юденичем израсходовано 550 тысяч, остальные истрачены ликвидац. комиссией сев.-зап. армии. Г. Кирдецов, „У ворот Петрограда", стр. 306.

говли с Западом, причинила экономическое потрясение всей Советской России, уже и без того истощенной империалистической войной. Невозможность вывоза нашего сырья (лен, лес, пенька, продукты сельского хозяйства и т. д.) и невозможность получить в обмен необходимые машины и изделия для производственного труда не только нарушили наш торговый баланс и вызвали нищету в стране, но и причинили убытки, особенно, благодаря закрытию петроградского порта.

6. Далее, интервенция оторвала от производственного труда только в одной Прибалтике не менее 300 тысяч человек мобилизованных в Красную армию и в белую армию Юденича (в среднем в Красной армии 250 тысяч человек; у Юденича около 100 тысяч человек).

7. Отдача при заключении мирных договоров с Эстонией, Латвией и Финляндией спорных по национальности районов или с преобладающим русским населением (г. Узборск, части Режицкого и Двинского уездов, Печенга и т. д.)—есть также результат интервенции.

Если не принимать во внимание даже функционального расстройства северо-запада и отрыва рабочих рук от производительного труда, то интервенция в Прибалтике нанесла народному достоянию Советской Республики огромный ущерб, который может быть оценен не менее, как в 1 миллиард франков.

Хотя фактическим руководителем интервенции в Прибалтике являлась Англия и английские представители, тем не менее, документальные данные с несомненностью устанавливают активное участие в ней и Франции. Французские представители в Ревеле входили членами в Междусоюзническую миссию и участвовали во всех важнейших совещаниях [25]).

Франция помогала формированию армий Финляндии и Латвии; французские военные суда крейсировали в Балтийском море и их миноносцами пользовался Юденич [26]). По распоряжению Франции, в Прибалтику была переброшена Тульская дивизия, которая, после восстания в Гомеле, перешла на территорию Польши и там была обезоружена (приложение № 10) [27]). Наконец, Франция более других государств противодействовала заключению мира с Эстонией, что вызвало меморандум Эстонии в верховный совет от 16-го декабря 1920 года (приложение № 8).

---

[25]) „Воспоминания о сев.-зап. армии“ Родзянко, стр. 54 и 55.
[26]) „Воспоминания о северо-западной армии“ Родзянко, стр. 61.
[27]) „У ворот Петрограда“, Кирдецов.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

„Северная жизнь“ (22-го февраля 1919 года).

Беседа с министром иностранных дел Ив. Поска.

В «Le Temps» помещена беседа эстонского министра иностранных дел Ив. Поска с корреспондентом газеты. В виду большого интереса этой беседы, приводим ее содержание.

«Мои сограждане одушевлены в настоящее время исполнением обязанности в отношении родины, заставляющей их забыть о всех других делах, а именно, обязанности защиты родины от нападения большевиков. Эта забота об'единила в едином патриотическом порыве все слои эстонского народа.

Наступление большевиков началось в ноябре истекшего года, вскоре после подписания представителями Германии соглашения о перемирии на западном фронте.

Немецкие войсковые части не ограничились при очищении территории Эстонии лишь отступлением без всякого почти сопротивления перед большевиками; они разделились на две группы, образовав, таким образом, коридор для свободного движения красных войск.... Одновременно, немецкие военные власти систематически отказывали в выдаче оружия для вооружения местного эстонского населения. Не имея возможности вывести всех бывших в их распоряжении запасов, амуниции, оружия, они или продавали излишек большевикам, или просто-напросто его уничтожали, но не передавали эстонскому правительству для снабжения терпевшей страшный недостаток в разных военных припасах, только что организовавшейся в то время эстонской армии. В распоряжении последней находились лишь 5.000 винтовок и 20 пушек старого русского образца.

Несмотря на полное отсутствие денежных средств у эстонского правительства, немецкое главнокомандование торопилось вывезти последние запасы денег.

Между тем, на нас двигалось войско, организация которого длилась долгие месяцы, хорошо вооруженное, обильно снабженное

деньгами, а самое главное, во много раз численно превосходившее наши молодые части.

Наконец, 12 декабря, после долгих томительных ожиданий на ревельском рейде появилась английская эскадра и приняла на себя охрану нашего побережья от возможных нападений большевистского флота.

Кроме того, на эскадре для нашей армии было привезено много тысяч винтовок и значительное число пулеметов, которых у нас почти совсем не было. Вскоре же стали прибывать в помощь нашей армии и финские военные части.

В нашей армии продолжал ощущаться сильнейший недостаток в пушках. У нас совершенно не было аэропланов, бронированных автомобилей и танков. У нас не было денег, если не считать скромных по своим размерам займов, которые нам удалось заключить в Финляндии.

Эстонское правительство все время обращалось за поддержкой к Англии и Франции, и с нетерпением ожидало от них ответа. Если бы Эстонии своевременно не дана была помощь, то первые успехи ее армии не могли бы иметь прочного характера, и она погибла бы прежде, чем правительству удалось бы вооружить жителей деревень. Это не только наше личное дело, которое мы защищаем в этом углу Прибалтики. Эстонии должна быть оказана помощь, и тогда она сделает столько для борьбы с большевиками, сколько, казалось, нельзя было бы ожидать от нее при ограниченных материальных средствах и малочисленности ее населения. Она могла бы служить путем для интенсивных торговых сношений западно-европейских государств с Россией. Неужели Англия и Франция допустят, чтобы после войны за Гамбургом оставалась монополия концентрации всего русского вывоза, как это было до 1914 г., и, с другой стороны, снабжение русских гаваней иностранными товарами?

Почему Англия и Франция не могут привозить своих товаров прямо в Ревель, чтобы уже отсюда направлять их на внутренний русский рынок? Ведь Ревель, возможно, является самой удобной гаванью для непосредственных торговых сношений с Москвою. Если Англия и Франция помогут нам, то они смогут ожидать, что союз Эстонии, Финляндии, Латвии и Литвы окажется лучшей плотиной для дальнейшего распространения разрушительной войны большевизма. Этим путем они лучше и больше всего сделают для благоденствия будущей России, как равно и для своего собственного процветания. На основании всего изложенного, мы и настаиваем на признании со

стороны Франции нашей самостоятельности и на оказании нам самой разнообразной помощи. Мы решили взять управление Эстонией в свои руки, когда мы увидели, что Россия стала жертвой большевистской тирании. У нас никогда и мысли не было причинить России какой-либо вред, но мы лишь хотели спасти свою родину от угрожающей ей гибели, и теперь мы видим, что мы не ошиблись, это был лучший способ помощи русским. С восточными портами Балтийского моря связаны многочисленные торговые интересы Западной Европы, и если союзники это сознают, то они могут использовать наше побережье, как базис для создания свободного доступа своим товарам в Россию, и тем самым одновременно будет положено прочное основание для хозяйственного благополучия и финансовой помощи России.

№ 2.

Воззвание к гражданам Пскова.

Граждане Пскова!

Трудности нынешнего положения столь увеличились, что было решено обратиться к демократическим чувствам русского народа и выяснить, как русскому народу, так и союзным демократиям Англии, Франции и Соединенных Штатов столь важный факт, что русские силы, борющиеся ныне против большевиков, действительно воодушевлены искренней любовью к свободе русского народа, и стремятся восстановить права демократического самоуправления для тех русских, которые находятся сейчас в рабстве у ненавистных большевиков, этих тиранов, более деспотических и более самодержавно-жестоких, чем любой из царей.

Для этой цели, руководящие государственные люди северо-западной России об'единились, чтобы создать свободное и демократическое правительство для губерний Псковской, Петроградской и Новгородской.

Это правительство составлено из представителей всех партий, так как существенно необходимо, чтобы, пока существует большевистская тирания, не было бы междоусобных трений между свободными русскими.

Это правительство пользуется советами и материальной помощью союзников России, которые ныне выгрузили запасы продовольствия, оружия, одежды и снаряжения, чтобы дать возможность вновь образовавшемуся правительству освободить как можно скорее русских из-под тирании большевиков.

Это вновь образованное правительство не только пользуется советами и помощью союзников, но оно обеспечило себе чистосердечное сотрудничество и доверие всех выдающихся русских северо-западной России настолько, что сам генерал Юденич не только признал правительство г-на Лианозова, но предоставил себя в полное его распоряжение и принял участие в его трудах и ответственности.

Граждане Пскова, я описал вам, таким образом, правительство, которое ныне образовано для северо-западной России, с одобрения представителей союзников, и я имею удовольствие сообщить вам, что ваш согражданин и городской голова г. Эйшинский избран в число лиц, призванных руководить судьбами России, дабы восстановить и навеки обеспечить демократические гарантии для всех свободных русских.

Говоря с вами, как друг свободной России и как представитель союзной демократии Великобритании, я обращаюсь к вам, дабы вы мужественно согласились предоставить в распоряжение вашей, находящейся в бедствиях, страны работу вашего городского головы, дабы он мог нести тяжелую долю участия в работах нового правительства, которому, с божьей помощью, предназначено стать орудием освобождения вашего народа от тиранов.

Когда я читаю описание того, что псковичи сделали в защиту свободы в старые дни, я исполняюсь надеждой, что они снова об'единятся и гордо пошлют своего городского голову занести новые страницы в историю города и снова включить имя Пскова в число тех городов, которые заслужили благодарность России своей мужественной защитой демократических свобод народа.

А потому я призываю вас, граждане Пскова, не только дать то разрешение, которое я прошу от вас во имя свободной России и ее союзников и во имя самой цивилизации, но дать его быстро, дабы ваш городской голова мог занять место среди других министров, когда они приедут на демократический конгресс представителей народа, который созван в Юрьеве.

Граждане Пскова, прежде чем проститься с вами, я молюсь всемогущему богу, даровавшему западным демократиям победу над германцами, дабы он вдохновил ваши души, преуспеял ваше оружие и даровал русской демократии победу над ее врагами и освобождение от ее угнетателей.

Г. Пири-Гордон

уполномоченный великобританской дипломатической комиссии в Прибалтийском крае.

№ 3.

Письмо генерала Гоффа генералу Юденичу.

(*Из книги „Воспоминания о сев.-зап. армии“, Родзянко*).

Ваше высокопревосходительство,

Имея в виду те многочисленные затруднения, с которыми вам приходится бороться, посылаю вам нижеследующие заметки, дабы они были вам в помощь для борьбы с недовольством и интригами, которые существуют благодаря нынешнему печальному положению злосчастной России. Одновременно мне хотелось бы лично выразить полное удовлетворение вашим отношением и лойяльностью, с которой вы отвергали всякие попытки вовлечь вас в политические интриги. Мне известно из многих источников, что крайнее неудовольствие царит в северо-западной армии. Главные причины этого неудовольствия следующие:

а) неприбытие военного снаряжения из Англии,

б) отсутствие помощи со стороны союзников,

в) помощь, предложенная Германией без вознаграждения,

г) прибытие войск князя Ливена, хорошо снаряженных немцами,

д) эстонцы имеют английские сапоги и обмундирование, тогда как русская северо-западная армия таковых не имеет.

Так как вышеуказанные причины трений суть результат незнания истинного положения вещей и раздуваются немецкими и большевистскими интригами, то считаю необходимым вкратце довести до вашего сведения нижеследующие пункты, отвечая по очереди на каждую жалобу.

а) Причина неприбытия военного снаряжения из Англии есть авария парохода, который, уже выйдя в море, должен был из-за порчи машин возвратиться в гавань и разгрузиться. Эти припасы теперь прибыли, и я думаю, что вы сами согласитесь, что прибыли в очень короткий срок, принимая во внимание все затруднения морских перевозок.

б) До моего прибытия вам не было обещано никакой помощи Вы тогда наступали и забирали припасы у большевиков; сердца ваших людей были верны и их лица были обращены в сторону врага; наше обещание помочь вам, повидимому, развело мягкотелость среди людей. Заявление, что союзники совсем не помогают русским—явный вздор, так как списки снаряжения, отправленного Колчаку и Деникину, ярко доказывают это. Миллионы пудов, тысячи тонн и колоссальное количество военного снаряжения уже получены русскими армиями.

До такой степени было велико напряжение и до такой степени малы результаты, что вряд ли общественное мнение (Англии) согласится нести такое бремя. Среди русских есть многие, которые, вместо того, чтобы сражаться за свою родину, стараются всеми силами отрезать ту жизненную струю помощи, которая идет от союзников. Союзников начинает тяготить эта черная неблагодарность и, имея дома столько неразрешенных проблем, нельзя ожидать, чтобы они позволили бы такое отношение к себе.

в) Вы должны настоять, чтобы ваши старшие офицеры, а по возможности все офицеры, прочли бы §§ 116—118, 160, 163—165, 170, 171, 179, 198, 200—208, 258, 292, 293, 483—мирного договора. Помощь и самопожертвование великой России в первый год войны дали возможность несколько лет спустя составить и подписать этот замечательный документ. За помощь великой России в те дни союзники будут навсегда благодарны. Но мы уже более, чем возвратили наш долг натурой. Берегитесь, иначе те самые элементы, которые были причиной законного неудовольствия в русской армии, снова доведут былые силы России до полного уничтожения. Германия взлелеяла большевиков за счет человечества и ее руки обагрены кровью русских. Многие русские командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки, что уже открыто говорят о необходимости обратиться за помощью к немцам, против воли союзных держав. Скажите этим дуракам, чтобы они прочли мирный договор. Все, что Германия имеет, уже ею потеряно. Где находятся ее корабли для перевозки припасов? Где находится ее подвижной состав? Когда союзники, огорченные неумением и неблагодарностью, прекратят помогать белым частям, тогда проведенное с таким затруднением кольцо, сдавливающее красную Россию, лопнет. Какими путями могут германские войска прибыть в Мурманск, на Кавказ или на колчаковский фронт?

г) Немцы снарядили войска Ливена крадеными припасами. Через несколько недель все германские припасы должны быть сданы нам, а некоторые из ваших офицеров до такой степени глупы и никак не могут сообразить, что Германия отнюдь не давала этих припасов из желания помочь или от доброты сердечной, а давала их потому, что эти припасы уже ею утеряны.

Я приложил в виде ответа на § Д копию радиограммы, посланной маршалом Фош генералу фон-дер-Гольц. Передайте вашим офицерам эту радиограмму и спросите у них, куда они хотят итти? На соединение с немцами? Кто будет распоряжаться германскими боевыми припасами? Желают ли они союза с ничтожной кучкой юнкеров,

которых не признает германский народ и которые несколько лет тому назад потопили весь мир в море крови? Это та самая ничтожная кучка, которая, когда ее заставили принять бой, ею же вызванный, стала пользоваться большевизмом и подводной войной. Ее приемы заставили отшатнуться от нее всех порядочных европейских и азиатских мужчин, женщин и детей и оставили Россию, истекающую от ран. Те из ваших офицеров, которые жалуются, вместо того, чтобы сражаться, предлагают исцелить эти раны при помощи немцев же. Понимают ли они, эти недовольные, что они со своими необоснованными и реакционными речами отталкивают от своих же братьев-крестоносцев весь демократический мир?

д) Тот маленький факт, что Россия не смогла об'единить Эстонию, Латвию и латышей в одну демократическую единицу и затем двинутся сообща на красную Россию, не предвещает ничего хорошего в будущем для того класса белых русских, которые в данную минуту обращают во врагов своих друзей и приводят в уныние всех желающих России добра. Эстонцы уже купили и заплатили до моего прибытия за то снаряжение, которое они сейчас получили. В заключение я хочу указать на то, что, какова бы ни была будущность России, она во всяком случае будет демократическая. Только те, которые ставят свою родину выше собственных интересов и готовы сражаться и молча терпят нужду, будут иметь ответственное положение в возрожденной России и будут поддержаны союзниками. Теперь настало время, чтобы ясно доказать, кто достоин управлять новой Россией, которая, хотя и медленно эволюционируется, но с достаточной быстротой, чтобы ясно доказать всем реакционерам и узким доктринерам, что для них там нет места. Армия, находящаяся под вашим командованием, имеет возможность взять Петроград и этим самым материально помочь другим вашим более значительным армиям, находящимся на поле брани. Укажите вашим офицерам и солдатам, что все раздоры и недовольства должны быть поглощены одним пламенным желанием взять Петроград.

С имеющимися у вас силами, подкрепленными аэропланами, боевыми припасами и танками, которыми мы вас снабжаем, и с теми трофеями, которые будут взяты у неприятеля, вы имеете полную возможность взять Петроград. Но при существующем настроении ваших офицеров наступление немыслимо. И если не будет улучшения в этом направлении и не будет выражено искреннего желания схватиться на смертный бой с большевиками, то мне придется серьезно подумать о том, не лучше ли послать боевые припасы, предназначенные для

вас, на другой фронт, где они будут использованы в борьбе против большевиков, а не против ваших друзей и соседей.

Начальник всех союзных военных миссий в Финляндии и Прибалтийских штатах генерал-лейтенант *Гофф.*

Гельсингфорс, 4-го августа 1919 г.

Копия №№ 1, 2, 3 и 4.

„	*№ 5.*	*Генералу Юденичу.*
„	*№ 6.*	*Капитану де-Фарамонд.*
„	*№ 7.*	*Полковнику Даneле.*
„	*№ 8.*	*Капитану Гризино.*

№ 4.

Текст договора, предложенного генералом Маршем 10 августа 1919 г. в Ревеле, для немедленного подписания от лица России и Эстонии.

1. Правительство русской Северо-Западной области, включая прежние губернии: Петроградскую, Псковскую и Новгородскую, признало абсолютную независимость Эстонии.

2. Эстонское правительство обещает оказать немедленную поддержку русской Северо-Западной области вооруженной силой, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии от большевистского ига и установить в Петрограде демократическое правительство, которое будет уважать человеческие права, как-то: жизнь, личную свободу и собственность имущества.

3. Военное командование союзными силами об'единено в руках генерала Юденича и генерала Лайдонера, через коих союзная военная миссия снабжала и продолжает снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеуказанных целей.

№ 5.

Копия телеграммы, полученной от российского поверенного в делах в Лондоне, Набокова.

Лондон, № 496.	*Омск, ГЕНМОР.*
Подана 7/7—1919 г.	*Принята 13/7—1919 г.*

Особо секретно. Генерал Головин просит доложить верховному правителю России: «Сего, 11-го июня, я был приглашен начальником оперативной части британского военного министерства, который высказал: необходимость помощи трудному положению на сибирском фронте требует энергичного развития действий на Петроград. Между тем, не-

значительность и состояние русских отрядов не только не делает возможным выполнение ими активных (действий) своими силами, но не позволяет рассчитывать на оборонительную устойчивость их. В виду этого (предлагается) полезным привлечение для немедленного продолжения активных действий и (занятия) Петрограда, финляндских войск, (поставив их), хотя бы во второй линии. При этом были бы соблюдены следующие условия: 1) для петроградской операции будут привлечены все наличные русские силы; 2) русский главнокомандующий Юденич; 3) общее руководство операциями будет в руках союзников, но не финляндцев; 4) в руках Юденича будет об'единена вся (власть) в Петрограде и захваченной территории (по) их занятии для быстрейшего формирования войск нового фронта».

Я отвечал: «Считаю при создавшейся обстановке развитие активных действий для оттягивания большевиков от сибирского фронта стратегически необходимым, но в виду того, что генерал Юденич верховным правителем признан главнокомандующим Петроградским фронтом и облекается полнотой власти, данное решение должно быть проведено через генерала. К изложенному добавлю, что сложный вопрос снабжения войск будет разрешен заботами начальника специальной британской миссии и британского военного министерства. Снабжение же петроградского района сосредоточено в руках председателя общесоюзной продовольственной комиссии в Париже (подпись не расшифровывается). №№ 767/3 и 768/4. *Набоков*.

Верно: Подпоручик *Широков*.

№ 6.

Секретно.
Министерство иностранных дел.
Получено 16 июля 1919 г.
Вход. № 1919.
Вход. № 765.

Управляющий морским министерством, свидетельствуя свое почтение, имеет честь препроводить копию телеграммы от российского поверенного в делах в Лондоне за № 933/13.

Министру иностранных дел.
15 июля 1919 г.
№ 1714. Гор. Омск.

Копия телеграммы, полученной от российского поверенного в делах в Лондоне, г. Набокова.

Лондон, № 37/8. *Омск, ГЕНМОР.*
Подана 7/7—1919 г. *Принята 13—1919 г.*

Адмирал Пилкин просит передать омск. управ. морск. мин. (результат) свидания с английским командующим в Балтийском море, адмиралом на крейсере «Дельфи» в Биорке 27-го июня. Английский адмирал признает полномочия Пилкина в должности командующего флотом. Привлекает его к участию в случае переговоров о сдаче, передать ему сдавшиеся военные корабли в Кронштадт, сохраняя за собой главнокомандование союзными флотами. Согласен на под'ем адреевского флага. Окажет содействие: 1) перевозке отрядов для занятия Кронштадта по сдаче его и (приезда) офицеров из Финляндии и северных государств; 2) снабжением, топливом и продовольствием, последнее имеется; 3) изготовлению к плаванию транспорта для подвоза из-за границы. Считает полезным участие в операциях против Кронштадта судов под андреевским флагом. Мне он обещает содействие: 1) пользование... финскими базами; 2) получение от финнов во временное пользование моторных катеров, не предрешая вопроса о праве собственности. АБ.

№ 933/13. *Набоков.*

Верно: Подпоручик *Широков.*

№ 7.

Выписка из книги Родзянко — „Воспоминания о северо-западной армии", стр. 102.

«... Главные причины, заставившие меня решиться на наступление на Петроград, были следующие: 1) требование англичанами этого наступления и отказ в дальнейшей поддержке, в случае его неисполнения; 2) обещанная поддержка английского флота и занятие им Кронштадта, обеспечивающее левый фланг северо-западной армии; 3) начавшиеся между большевиками и эстонцами переговоры; 4) от'езд Литвинова в Копенгаген; 5) успехи генерала Деникина; 6) общее бодрое настроение северо-западной армии; 7) ослабление красными петроградского фронта, что усиливало надежду на успех и 8) уничтожение красных частей в струги-бельском направлении...»

№ 8.

Эстонская Республика.
Министерство иностранных дел.

Меморандум Эстонского правительства верховному совету.

В ответ на ноту верховного совета от 4-го декабря 1919 г. из Парижа, переданную эстонскому правительству через посредство на-

чальника французской миссии в Эстонии, эстонское правительство имеет честь дать нижеследующее об'яснение.

Всегдашним стремлением правительства Эстонской республики было итти навстречу всем пожеланиям союзных и дружественных государств настолько, поскольку это совместимо с жизненными интересами эстонского правительства и народа.

В данном случае эстонское правительство также приняло бы все меры для удовлетворения желаний верховного совета. Но исполняя это, эстонское правительство не может не считаться с существующими условиями, при которых ему приходится работать в данный момент. Эстонский народ, защищающий самостоятельность и благосостояние своего государства, был принужден в течение более года сверхчеловеческими усилиями поддерживать кровавую борьбу с превосходящими его во много раз военными силами Советской России.

Эстонское правительство обращалось много раз к мирной конференции, а также к правительствам союзных и дружественных держав с настоятельной просьбой оказать эстонскому народу в его героической борьбе против сил Советской России, кроме щедро оказываемой материальной и военной помощи, также помощь политическую, обеспечив ему самостоятельность его государства.

Подобное признание подействовало бы на поднятие духа и храбрости эстонской армии в ее противобольшевистской борьбе; оно дало бы возможность эстонскому правительству заключения конвенции с балтийскими и другими государствами, оно облегчило бы эстонскому правительству развитие его внешней торговли и оздоровление экономической жизни, урегулировав финансовую политику; оно дало бы эстонскому народу уверенность, что панрусские правительства Колчака и Деникина и русская северо-западная армия, сражающаяся под их знаменами, которые всегда высказывали враждебные отношения к самостойтельности окраинных государств, в частности, к таковой Эстонии, достигнув власти, не напали бы на Эстонию, не нарушили бы ее независимости, за которую наш народ проливал свою кровь и приносил неисчислимые жертвы.

Надо признать, что ни мирная конференция, ни союзные и дружественные правительства, не удовлетворили до сих пор просьбы о признании самостоятельности Эстонии. Напротив, начальники и все командование русской северо-западной армии не перестали повторять, что они рассчитывают уничтожить самостоятельность Эстонии при первой им представившейся возможности.

Тем не менее эстонское правительство и армия, со своим верховным командованием, удовлетворяя союзные и дружественные правительства, оказывали активную помощь северо-западной армии до тех пор, пока русская северо-западная армия сражалась против военных сил правительства Советской России. Но, когда в течение последних недель, под давлением войск Советской России, северо-западная армия, дезорганизованная и деморализованная, отошла к границам Эстонии, в район позиции нашей армии, возник серьезный вопрос для правительства и главнокомандования, а именно, возможно ли допустить, чтобы массы враждебных и деморализованных военных наводнили бы тыл эстонской армии.

Чтобы оценить важность этого вопроса с точки зрения эстонского правительства и главнокомандования армии, нужно принять во внимание, кроме привходящих обстоятельств, с одной стороны, характер и настроение северо-западной армии, с другой—отношение эстонской армии и народа к северо-западной армии.

Не надо забывать, что это бывший северный корпус, который служил основой для русской северо-западной армии. Этот корпус был сформирован в 1918 г. во время немецкой оккупации на средства и попечением оберкомандования.

Когда в начале этого 1919 г., русские большевики начали военные действия против Эстонской республики и заняли Псковскую область, северный корпус был разбит при первом же столкновении с Красной армией и был принужден отступать, чтобы спасти остатки своих войск.

Тогда же, некоторые воинские части, под командованием князя Ливена, ушли в Курляндию. Другой отряд, в составе приблизительно 3.500 человек, спасся на эстонскую территорию, где поступил под защиту эстонской армии, которая победоносно наступала. Поведение северного корпуса на эстонской территории было с самого начала подозрительным. Как раз в тот момент, когда эстонская армия сосредоточивала все свои силы для изгнания со своей территории кровожадных масс большевиков, стали циркулировать слухи и появляться признаки, доказывающие, что намерением командиров северного корпуса было движение на Ревель, с целью захвата власти в Эстонии при помощи немецких элементов. Только благодаря энергичным мерам, принятым эстонским главнокомандованием и временным правительством, такие печальные неожиданности были предотвращены. В то же время тот факт, что отряды северного корпуса, находящиеся в тылу эстонской армии под ее защитой, употребляют свое оружие исключительно для

грабежей в деревнях и терроризирования жителей, способствовало возникновению чувства обиды в народных массах.

Руководствуясь сильным желанием союзных и дружественных правительств, эстонское правительство взяло на себя продовольствование северного корпуса, подчиненного с военной точки зрения главнокомандующему эстонской армии. Этот последний провел в нем надлежащую реорганизацию и помог ему образоваться в боеспособную военную силу, так что весной 1919 г. северный корпус, при помощи эстонских войск, смог предпринять свою военную операцию против Петрограда. Тогда же генерал Лайдонер, главнокомандующий эстонской армией, сложил с себя права командира северного корпуса, который, развернувшись в северо-западную армию, развивал свое победоносное наступление к востоку от Ямбурга, имея состав в несколько десятков тысяч человек.

К сожалению, нужно признать, что командиры русской армии скоро показали неспособность к поддержанию порядка и поднятию боеспособности их армий, сообразно обстоятельствам. Так же они не сумели создать и поддержать в тылу армии твердый государственный порядок. Недостаточно было терроризировать мирное население. Нужно было понять стремление народа, пережившего все волнения революции. У командиров русской армии не доставало здравого смысла, чувства равновесия и хладнокровия, необходимого государственным людям. Но это были качества, которых политические деятели и командиры армии не выказывали даже в момент создания северо-западного правительства после крушения первой операции против Петрограда. Несостоятельность северо-западной армии, как боеспособной силы и неспособность ее командиров, как государственных организаторов, выяснились с наибольшей очевидностью в момент окончательного крушения северо-западной армии после ее последних операций против Петрограда.

Правительство Эстонии, эстонский народ и армия, которая, помогая северо-западной армии и принимая участие в стратегической задаче, начала наступление против большевистской армии в районе Красной Горки и на псковском фронте, убедились, что никакая помощь, ни танки, ни другой материал, щедро доставленный северо-западной армии союзными и дружественными державами, не могли придать ей боеспособность.

Однако, командиры северо-западной армии, доказывая свою несостоятельность, как боеспособная сила, никогда не отказывались от их высоко-политической игры.

Также признано, что русская северо-западная армия поддерживала сношения с русской западной армией, которая, под командованием Бермонта, принимала участие во всех махинациях немцев и балтийцев, а также в военных действиях немецкого ландвера против Эстонской республики. Одновременно ясно для эстонского правительства, что командирам северо-западной армии не были чужды даже германские интриги, что установлено в особенности судебным следствием по делу сенатора Нейдгардта, который, совместно с германскими военными, пробовал прошлым летом наладить прямое сообщение со штабом северо-западной армии при помощи аэропланов.

Кроме того, командование северо-западной армии назначало на ответственные посты реакционеров, дружественно расположенных по отношению к немцам и провозглашающих по отношению окраинных государств и их народов восстановление великой России. Эти элементы высказывали глубокую враждебность по отношению балтийских окраинных государств и в особенности по отношению самостоятельности Эстонии, как государства. Вследствие этих намерений, даже русские солдаты стали высказывать враждебные тенденции по отношению к Эстонии. Командиры северо-западной армии, в частности, открыто высказывали угрозы по адресу Эстонии, утверждая, что после взятия Петрограда они двинутся на Ревель.

Все вышеуказанные факты известны во всех подробностях эстонской армии, а также и широким массам населения. Это враждебное настроение русского империализма по отношению к независимости Эстонии, как государства, всегда освещалось эстонской прессой, которая, благодаря всеобщему образованию населения, имеет большое влияние на умы армии и народа.

Таким образом, глубокое недоверие по отношению к северо-западной армии распространилось в рядах эстонской армии и в массах населения. До тех пор, пока северо-западная армия принимала участие в военных действиях против большевиков на русской территории, она рассматривалась, как союзная. Мы надеялись, что если бы даже северо-западная армия после одержанных побед пожелала повернуть свое оружие против Эстонии, мы всегда были бы в состоянии защищаться против «белых» войск русских так же, как это мы делали против красных войск. Эстонская республика могла бы также надеяться, что союзные и дружественные правительства не остались бы безразличными, видя русских империалистов, повернувших свое оружие против Эстонии. Теперь, когда русская северо-западная армия, деморализованная и дезорганизованная, отступила в панике, после своей последней

экспедиции против Петрограда, до границ Эстонской республики, положение вещей сильно изменилось. Было бы безумным самоубийством, по мнению раздраженного общества и эстонской армии, разрешить таким дезорганизованным и враждебным массам перейти границы Эстонской республики, а тем более собраться в тылу эстонской армии, которой нужны все ее силы для отражения бешеных атак военных сил русских советов.

Было очевидно для эстонского правительства, что пребывание русской северо-западной армии в тылу эстонской армии вызвало бы бунт в эстонской армии, следствием чего было бы крушение нашего фронта, что вызвало бы смуты и беспорядок во внутренней жизни республики и дало бы свободный доступ большевистскому движению в Эстонию и оттуда на запад.

Для предупреждения всего этого, эстонское правительство об'явило, что все воинские части русской северо-западной армии, дезертирующие с противо-большевистского фронта и спасающиеся на эстонскую территорию, должны были быть обезоружены. Личный состав разоруженных войск рассматривался бы, как иностранцы, подчиненные распоряжениям министра внутренних дел.

Разоруженные отряды русской северо-западной армии были сосредоточены в Вирском уезде (Везенберге) в окрестностях нарвского фронта и размещены в деревнях и имениях, где они могли устроиться в гигиенических условиях. Американская продовольственная миссия взяла на себя удовлетворение северо-западной армии продовольствием, как она это делала до сих пор, так как Эстонская республика не имеет достаточного количества зерна для удовлетворения насущных нужд даже своего народа. Продовольствование русской северо-западной армии, как фактически и раньше, находится в руках американской продовольственной миссии.

Эстонские военные и гражданские власти делают все, что они находят возможным и нужным сделать. Им совершенно невозможно снабжать части русской северо-западной армии одеждой, так как эстонское правительство не имеет ее в достаточном количестве. Сверх того, северо-западная армия была богато снабжена продовольствием и обмундированием союзными дружественными державами.

Эстонское правительство отнюдь не намерено распустить в данный момент личный состав воинских частей русской северо-западной армии, пока потребности зимней стоянки этого не потребуют.

Не исключена возможность того, что для предоставления им возможности заработка, эстонское правительство окажется вынужденным

рассеять их по другим округам, так как, принимая во внимание свой малый запас продовольствия, эстонское правительство не может допустить, чтобы столь большие массы кормились бы, не давая в обмен своей работы. Сверх того, принимая во внимание настоящие обстоятельства и господствующее в эстонской армии и обществе мнение, эстонское правительство никак не может предположить, что до тех пор, пока политические и военные обстоятельства на территории Эстонии этого не потребуют, оружие было бы отдано северо-западной армии, и она была бы реорганизована в боеспособную часть.

При таких обстоятельствах эстонское правительство не может упускать из вида, в связи с общей безопасностью своей страны, гарантии, которые могли бы быть даны признанием независимости Эстонской республики и обеспечением этой независимости в будущем панрусским правительством Колчака и Деникина, под флагом которого ведет борьбу северо-западная армия с одной стороны, и признанием Эстонии «де-юре» союзными и дружественными державами, или их именем, верховным советом.

Такое признание со стороны союзных и дружественных правительств имело бы результатом следующее: русские правительства, совместно с русскими армиями, поддерживаемыми союзными и дружественными правительствами, не посмели бы повернуть оружия против Эстонской республики; создалась бы уверенность у эстонского народа и армии; увеличив энтузиазм последней в ее борьбе с превосходными силами большевистских войск, такое признание установило бы международные сношения Эстонии, которая могла бы заключить соглашение с соседними балтийскими государствами об организации единого фронта против Советской России и, наконец, Эстония имела бы возможность улучшить свои финансы, контролируя свою внешнюю торговлю и легче получая военное снаряжение.

Чтобы иметь возможность ясно установить свое отношение к остатку северо-западной армии или решить, какое принимать участие в случае ее реорганизации, правительство Эстонии принуждено просить верховный совет не отказать сообщить ему, согласен ли он признать независимость и автономию Эстонии. Определенное решение этого вопроса со стороны верховного совета крайне необходимо правительству Эстонии в данный момент, чтобы определить свои отношения с правительством советской России.

Благодаря помощи союзных и дружественных держав, эстонский народ вел в течение больше года ожесточенную и кровавую борьбу с превосходными силами большевиков. Народ и национальная армия

сделали сверхчеловеческие усилия во имя идеи самостоятельности страны. К тому же два месяца тому назад советское правительство сделало эстонскому правительству мирное предложение, открыто заявляя, что оно готово признать самостоятельность и автономию Эстонии и отказаться от всяких наступательных действий против нее.

Принимая во внимание чрезвычайно тяжелое экономическое положение страны, после более, чем пятилетней войны и принимая во внимание утомленность национальной армии и страстное желание народа освободиться от тяжелого бремени постоянной войны, правительство Эстонии не может отклонить этс мирное предложение, не давши повода к предположению, что оно совершенно безразлично к окончанию войны.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, правительство открыто заявило о своем решении принять предложение правительства советской России и начать в Юрьеве переговоры с ее представителями.

В то же время эстонское правительство об'явило, что эти переговоры не имели целью установление между Эстонской республикой и таковой же советской России мира в полном смысле этого слова, но лишь прекращения состояния войны, тогда как всякие сношения: дипломатические, консульские, почтовые, а также путей сообщения и торговые должны были согласоваться с принципами, принятыми союзными и дружественными державами в отношении республики советской России. Во всех этих отношениях эстонская республика желала бы действовать в полном согласии с союзными и дружественными державами.

По этим причинам эстонское правительство желало бы знать как можно скорее мнение верховного совета по всем вышеизложенным вопросам, дабы быть в состоянии урегулировать справедливым образом свои отношения к северо-западной армии, а также принять твердую позицию в мирных переговорах с представителям советской России.

Дана в Ревеле 16-го декабря 1919 г.

Премьер-министр (подпись) *Теннисон.*

Министр иностранных дел (подпись) *Бирк.*

№ 9.

Выписка из книги Г. Кирдецова „У ворот Петрограда", стр. 203.

«Относительно Франции же и ее политики в Гельсингфорсе, все данные той эпохи свидетельствовали, что на первых порах в ее зада-

чи входит: 1) ослабление германофильских тенденций у финнов, тенденций, имевших глубокие корни культурного и экономического порядка; 2) борьба с «английским» засильем. К обеим этим задачам французская дипломатия в Гельсингфорсе подходила сугубо осторожно. Она во всяком случае подчеркивала, что никогда не позволит себе намека на вмешательство во внутренние дела молодой республики или в вопросе о том или ином ее отношении к России и, в частности, к Юденичу.

Эта позиция была выгодна французам, с одной стороны, потому, что англичане на первых порах своего появления в Гельсингфорсе, выступали, как полагалось победителям, надменно и грубо, а с другой—потому, что всякое иное отношение французов только усилило бы те германофильские тенденции финнов, которые Париж собирался вытеснить во что бы то ни стало. Финляндцы при своем феноменальном неумении разбираться в вопросах международной политики, рассуждали бы так: «Если Франция толкает нас на военное выступление против большевиков — значит ей желательно, чтобы возродилась великая могущественная Россия. А так как великая могущественная Россия нас обязательно с'ест — значит Франция выступает против нашей независимости, против наших жизненных задач».

Этого именно французы избегали. Напротив, еще летом 1919 г., как только в Гельсингфорсе обосновался первый французский дипломатический представитель в звании «чрезвычайного посланника», парижский кабинет послал генералу Манергейму большое количество танков, аэропланов и всякого другого вооружения. Одновременно в Гельсингфорс прибыла партия французских офицеров для реорганизации финского генерального штаба. Параллельно, по инициативе французов, начались и переговоры об устройстве для Финляндии займа в Париже для оплаты продовольствия и сырья, закупаемого у американцев»...

№ 10.

Выписки из книги Г. Кирдецова „У ворот Петрограда", стр. 290.

....«Другую «особь» в рядах сев.-зап. армии представляла из себя некая «тульская» дивизия, оригинальнейший продукт российской действительности. Еще относительно недавно она была красной дивизией и стояла в Гомеле. В марте 19 г. она подняла восстание против советского режима, перебила комиссаров и стала скоро хозяином положения в Гомеле и ближайших пунктах. Но так как соседние красно-

армейские дивизии ее не поддержали, перед ней встала дилемма: либо сдаться большевикам, которые с разных сторон уже стягивали силы для расправы с восставшими, либо через Украину пробиться в Польшу, а там, вне пределов досягаемости большевиков, осмотреться, что дальше делать. Она выбрала последнее и пробилась с оружием в руках в Польшу. Но там поляки ее обезоружили, обобрали до ниточки и разместили в концентрационных лагерях. В дело вмешались, наконец, союзники, в частности, французы, для которых русские тогда еще не были неграми, и «тулякам» была дана возможность перебраться через Литву в Латвию (Либаву, Митаву и Ригу), где в ту пору (весна 1919 г.) накапливались русские анти-большевистские силы. Из Латвии, наконец, спустя 2—3 месяца тульская дивизия была переброшена морским путем через Ригу-Нарву на северо-западный фронт»...

П. БЫКОВ.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ФЛОТА НА ЧЕРНОМ МОРЕ В 1920—21 г. г.

Нападение на пароход „Зейнаб". — Блокада Черного моря. — Нападение на канонерскую лодку „Элпидифор" № 415.

Нападение на пароход „Зейнаб“

Октябрь 1920 г. явился переломным моментом в гражданской войне. Оставался один только врангелевский фронт, где не были еще закончены военные действия. Советская Россия шла по пути установления мирных отношений с соседями. Начавшиеся переговоры в связи с возвращением военно-пленных и отправкой иностранных подданных на родину, давали тому известные возможности. Однако, сложившаяся к этому моменту обстановка требовала чрезвычайной осмотрительности от советского правительства. Открытие наших черноморских портов и приход в них иностранных судов,—с одной стороны, и не вполне определившаяся позиция Франции—с другой, всегда могли создать повод для затяжки и обострения гражданской войны. Поэтому советское правительство, напрягавшее усилия для ликвидации борьбы за Крым, в то же время принимало все меры к тому, чтобы неосторожными действиями не вызвать нового вмешательства со стороны Франции. Морскому и сухопутному командованию, в ведении которых находилась оборона Черноморского побережья, вменялось в обязанность не допускать таких действий, которые могли бы дать повод к открытой войне. В телеграмме главкома от 3 октября говорилось: «... Подтверждаются прежние указания, что с нашей стороны не должно быть никаких действий, которые бы могли послужить поводом к враждебным действиям противника...» [1]).

Между тем, Красная армия, сломив сопротивление белых, заняла Крым. Немногочисленная и уже разложившаяся армия Врангеля, после боя на юшунских позициях, спешно погрузилась на пароходы и к 15 ноября 1920 г. покинула порты Крыма. Последний фронт гражданской войны был ликвидирован. При эвакуации белые увели с собой весь боевой флот и почти все пароходы. Большая часть из них сосредоточилась в Константинополе, некоторые нашли приют в портах Грузии, в то время самостоятельного государства с меньшевистским

[1]) Дело архива Оперативного Управления, № 675. Телеграмма главкома № 5766.

правительством во главе. Считая себя их законным владельцем, правительство РСФСР договорилось с Грузией о возвращении уведенных пароходов. Через месяц, 16 декабря, обеими сторонами был подписан договор, по которому пароходы, приписанные к портам РСФСР, поступили в распоряжение ее полномочного представителя [2]). В то же время белые передали все коммерческие суда под защиту Франции. Таким образом осуществление договора зависело в значительной степени от поведения французского флота, державшего под контролем берега Черного моря. Последний не замедлил показать свое отношение. Вышедший 20 декабря в Новороссийск пароход «Зейнаб» в пяти милях от Батума, был застигнут французским миноносцем «Сакаляв», который без предварительного сигнала обстрелял пароход, снял команду и утопил его. Команда парохода была отправлена в Константинополь и заключена в тюрьму [3]). Этот случай наглядно показал, что французское командование в Черном море не желает считаться с законными правами РСФСР. Тем не менее, несмотря на столь явно неприязненные действия, советское правительство не приняло никаких репрессивных мер по отношению к Франции, и 31-го декабря очередная партия пароходов пришла в Одессу под конвоем французских военных судов [4]).

Блокада Черного моря. Но если правительство РСФСР решило не реагировать на инцидент с пароходом «Зейнаб», то внутри самой Франции он вызвал протест. Группой депутатов в палате был сделан запрос правительству об отношении к России. Ответ правительством был дан 7-го января 1921 года, через министра иностранных дел, официально заявившего, что «блокады по отношению к России не применяется» [5]). В действительности же французское командование держало в Батуме 6 эскадренных миноносцев, которые посменно выходили для обхода берегов Кавказа до Новороссийска. Другой отряд миноносцев, базировавшийся на Константинополь, имел наблюдение за северным берегом Черного моря и побережьем Анатолии. Эти миноносцы регулярно обходили порученные их надзору берега. Обычно путь их шел от Константинополя, вдоль берегов Анатолии, до Батума. Отсюда, с очередной парой блокирующих берега Кавказа миноносцев,

---

[2]) Морской сборник за 1921 г. № 1-2, стр. 122.
[3]) Морской сборник за 1921 г. № 1-2, стр. 122.
[4]) Арх. Опер. Упр. д. № 663.
[5]) Морской сборник за 1921 г. № 1-2, стр. 131.

они доходили до Новороссийска. Далее, огибая Крым, подходили к Одессе и возвращались в Константинополь. [6]).

Таким образом официально заявляя о свободе русского черноморского побережья, Франция на деле осуществляла тесную блокаду, не стесняясь применять оружие даже в отношении военных судов Советской России. Случай с канонерской лодкой «Элпидифор № 415» подтверждает это с полной очевидностью.

К началу 1921 года обстановка на Черном море сильно изменилась. Отношения с Грузией обострились. Приходилось считаться с возможностью нового военного столкновения. Поэтому военное командование приступило к интенсивным работам по укреплению важных и опасных в смысле десанта пунктов у Новороссийска и Туапсе. С этой целью в туапсинский район было переброшено некоторое число морских орудий для установки по побережью, а также сосредоточено двенадцать 42-х лин. пушек, для сформирования трех тяжелых батарей. Последние предназначались для защиты тех участков, где должно было производиться строительство приморских укреплений [7]).

В виду того, что состояние дорог на побережьи представляло затруднения для перевозки тяжестей, командование принуждено было отправлять грузы морем, для чего приходилось пользоваться судами военного флота.

Нападение на канонерскую лодку „Элпидифор 415“.

9 января 1921 года канонерская лодка «Элпидифор № 415» вышла из Новороссийска, имея на борту минные катера и разные военные грузы, предназначенные для керченского укрепленного района. Вскоре, после ухода канонерской лодки, в 8 час. утра, у входа в Новороссийск показались два французских миноносца и транспорт, которые направлялись к северу [8]). Около 11 часов утра с «Элпидифора № 415» были замечены приближавшиеся дымы. Посланные на марс люди сообщили, что видят два корабля и еще какие-то дымы на горизонте. Учитывая возможность встречи с врангелевскими судами, командир канонерской лодки приказал приготовить к бою кормовое орудие, единственное, которое могло действовать, так как другие пушки не могли стрелять из-за груза, находившегося на палубе. Между тем замеченные суда быстро приближались. На траверзе поста Утриш они настолько подошли к нему, что были ясно видны силуэты двух миноносцев и транс-

[6]) Арх. Оп. Упр. д. 675. Выдержка из разведывательной сводки Кавказского фронта от 12/III-21 г.

[7]) Арх. Оп. Упр. д. 850. Доклад Н-ка Мор. Сил Черного моря.

[8]) Арх. Оп. Упр. д. № 663. Телеграмма морспеца от 9/I-21 г.

порта [9]). Не зная ни намерений миноносцев, ни их национальности, так как французские суда не поднимали никаких сигналов, на канонерской лодке пробили боевую тревогу и изменили курс с тем, чтобы подойти к берегу и укрыться в Анапе [10]). Приблизясь на дистанцию 60 кабельтовых, миноносцы сделали два выстрела, давших перелеты. В ответ с «Элпидифора № 415» был открыт огонь по миноносцам. Между судами завязалась перестрелка. В первый момент боя стрельба неприятельских судов не причиняла канонерской лодке повреждений, так как снаряды ложились большей частью перелетно. Но через несколько минут, первые снаряды, попали в канлодку и вызвали панику среди находившихся на корабле пассажиров. Это обстоятельство сильно отразилось на действительности огня «Элпидифора», и французские миноносцы, раньше менявшие курс, чтобы избежать попаданий, теперь решительно пошли на сближение, сильно увеличив ход. Дойдя до дистанции 9 кабельтовых [11]), один из миноносцев выпустил торпеду. Благополучно уклонившись от нее, командир канонерской лодки все же видел полную невозможность сопротивления. Укрыться в Анапу тоже было невозможно; поэтому он принял решение выброситься на берег, для чего резко изменил курс и пошел к берегу. Как только «Элпидифор № 415» коснулся грунта, находившиеся в нем люди начали кидаться в воду, стремясь вплавь достигнуть берега; от попавшего снаряда начался пожар на судне около порохового погреба, что еще более усилило панику. Вскоре большинство людей оказались на берегу. Французские миноносцы, *увидев на берегу людей, перенесли огонь на них.* Желая прекратить бесцельный и жестокий расстрел, командир канлодки поднял флаг красного креста, на который, однако, французы не обратили внимания, продолжая обстрел. В этот момент французские миноносцы, приблизившись близко к берегу, сами попали под обстрел анапской батареи, почему прекратили огонь, отошли к югу и скрылись. Вмешательство анапской батареи не дало им возможности уничтожить судно, которое за время боя получило до 20 попаданий, в том числе 9 пробоин в борту. Потери в людях выражались: 6 убитых, 1 утонул и 55 ранено, в том числе находившийся в качестве пассажира начальник отряда истребителей [12]).

---

9) Арх. Оп. Упр. д. № 663 Телеграмма Морспеца от 9/I-21 г.

10) Арх. Оп. Упр д. № 330.

11) 9 кабельтовых равны 900 саж. шестифутовой меры.

12) Арх. Оп. Упр. д. № 330.

По получении первых известий о нападении на «Элпидифор № 415», начальник обороны кавказского сектора немедленно принял меры для оказания ему помощи. В то же время, считая нападение французских миноносцев за возобновление открытых военных действий, отдал распоряжение обстреливать без предупреждения приближающиеся к берегу суда под французским флагом [13]). Кроме того, для обеспечения работ около потерпевшего аварию «Элпидифора № 415» и обеспечения плавания наших судов, к местечку Утриш в спешном порядке была выдвинута одна из тяжелых батарей, еще не успевшая закончить своего формирования [14]). Принятые меры оказались не лишними, так как уже на следующий день портовые суда, работавшие у «Элпидифора, № 415», усмотрели на горизонте те же французские миноносцы, которые впрочем на этот раз ограничились только наблюдением и вскоре ушли [15]).

Утопление парохода «Зейнаб» и нападение на «Элпидифор № 415» являлись ничем иным, как открытыми военными действиями со стороны французского правительства. Однако, советское правительство все-таки решило ограничиться на первое время одним протестом и потребовать об'яснений от Франции [16]).

Ответ не замедлил последовать. 13-го января французское радио из Парижа передавало:..... «по сообщению из Константинополя французский контр-мин. «Сакаляв», патрулирующий в Черном море, для того, чтобы мешать контрабанде оружием, был атакован около Новороссийска большевистским судном. Несмотря на это, французский контр-миноносец напал на своего противника, который выскочил на берег и находится в критическом положении [17]). Подобный ответ не мог быть признан удовлетворительным. Поэтому командование черноморским флотом известило по радио старшего морского начальника союзников в Константинополе, что «впредь до особого распоряжения тридцатимильная полоса и порты Черного моря об'являются закрытыми для плавания всех иностранных судов. Появление их в этих водах

---

13) Арх. Оп. Упр. д. № 675. Телеграмма Нач. Кавк. Сект. Обор № 138 и его же телеграмма № 112.

14) Арх. Оп. Упр. д. № 850. Доклад Н-ка Мор. Сил Черного моря № 410 1921 года.

15) Арх. Оп. Упр. д. № 663. Тел-мма Н-ка Кавсектор Обороны. 1921 г

16) Мор. Сборник за 1921 г. № 1-2, стр. 106. Тел-мма м-ру Ин. Дел Франц.

17) Арх. Оп. Упр. д. № 663. Тел-мма Наштаморси № 1716 (с) (360 от 15/I-21 г.

будет рассматриваться, как неприязненное действие против России» [18]). В то же время, во избежание нападений, наше морское командование вынуждено было до крайности стеснить плавание советских судов, доведенное до условий каботажа, преимущественно ночью с потушенными огнями [19]).

Одновременно с этими мероприятиями было приступлено к работам по разгрузке и с'емке с камней канонерской лодки «Элпидифор № 415». Но все усилия оказались напрасными. Сильной волной от зюйд-веста «Элпидифор № 415» прибило к берегу и поставило на глубину от 2½ до 9 ф., при чем в подводной части от ударов о камни получился ряд пробоин. Работа специальной судопод'емной партии в течение почти года не дала никаких результатов, и «Элпидифор № 415» был потерян для флота Советской России [20]).

---

[18]) Арх. Оп. Упр. д. № 673. Тел-мма Наморси Черного моря № 101.

[19]) Арх. Оп. Упр. д. № 850 докл. н-ка морси Ч. М. от 7/II-21 г.

[20]) Арх. Оп. Упр. д. № 850. Отчет по морским силам Черного моря 1912 года.

Н. КАКУРИН.

РОЛЬ ДЕРЖАВ АНТАНТЫ В ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ БЕЛЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ.

Значение военно-экономического базиса в условиях современной войны.—Причины отсутствия военно-экономического базиса у белых формирований.—Значение работы Антанты по созданию в.-э. базиса для белых.—Цель и рамки настоящего исследования.—2 группы держав Антанты: активные и пассивные пособники русской контр-революции —Роль, значение и цели Франции, как активной пособницы русской контр-революции.—Роль и значение прочих держав в вопросах интервенции.—Характеристика видов помощи Антанты.—Договоры, определившие род и характер помощи Антанты сибирскому правительству Колчака.—Помощь сибирскому правительству вооруженной силой.—Финансовая помощь Англии сибирскому правительству.—Финансовые взаимоотношения с Соединенными Штатами и Японией.—Материальная помощь Антанты белым правительствам.—Мероприятия Антанты по обеспечению своих расходов.—Общее заключение.

Значение военно-экономического базиса в условиях современной войны.

Машинизация современной войны особенно сильно выдвигает значение военно - экономического базиса для успешности ее ведения.

Под военно-экономическим базисом в современном смысле слова следует разуметь не только денежные рессурсы, необходимые для содержания армий, и средства продовольствия разного рода, необходимые для поддержания их существования, но и разнороднейшие продукты военной и общей промышленности, необходимые для питания самой войны, как-то: предметы вооружения, снаряжения, обмундирование, огнеприпасы различного рода, взрывчатые вещества, аэропланы и проч., а также подвижной железнодорожный состав и вообще оборудование железнодорожного транспорта. Опыт последних войн свидетельствует об огромном расходе и изнашивании всех этих предметов технического оборудования армий в процессе самой войны и о невозможности рассчитывать на успех для армий, отстающих в технике от своих противников.

Таким образом, наличие военно-экономического баланса является одним из главнейших условий успешного ведения войны.

Причины отсутствия военно-экономического базиса у белых формирований.

В условиях возникновения гражданской войны в России контр-революционные организации, а впоследствии белые правительства, зародившиеся на периферии страны, не могли располагать таким базисом, поскольку крупнейшие военно-промышленные и промышленные центры вместе с тем являлись и жизненными центрами революции и по территориальному признаку находились в своем огромном большинстве как раз в тех районах, где наиболее сильна была советская власть. С другой стороны, белогвардейские формирования лишены были возможности использовать в значительной мере и запасы военного материала бывших фронтов Мировой войны; военный материал, находившийся в пользовании старой армии и в складах прифронтовой полосы, достался в руки австро-германских оккупантов; тыловые склады и арсеналы находились на той территории, где сразу же твердой ногой стала революция.

О военно-технической слабости и бедности первых белогвардейских образований красноречиво свидетельствует их литература, относящаяся к начальному периоду гражданской войны и та зависимость в материальном отношении от австро-германских оккупантов белых армий, принявших германскую ориентацию, например, донской, о которой мы можем судить по опубликованным за границей трудам Добрынина и Краснова [1]).

Значение работы Антанты по созданию военно-экономического базиса для белых.

И тем не менее мы видим, что белые армии вели продолжительную упорную борьбу с армиями революции, нисколько не отставая от них в технике, а временами даже превосходя их в этом отношении.

Причина этого явления известна всем: длительность борьбы белых армий и их упорство обуславливались той помощью, которую оказали им державы Антанты в создании их военно-экономического базиса.

Из того значения, которое имеет этот базис в условиях современной машинизированной войны, ясно, что эта роль держав Антанты была более существенной, чем даже их открытая вооруженная помощь и работа их именно в этом направлении обусловила длительность гражданской войны, а, следовательно, и нарастания убытков разного рода для Советского Союза.

Цель и рамки настоящего исследования.

Придавая военно-экономическому базису существеннейшее значение для возможности длительного ведения войны, мы центр тяжести нашей работы переносим на военно-экономическую сторону интервенции. Основываясь исключительно на архивных материалах, мы задались целью выяснить степень материального участия каждой из держав антанты в интервенции; способы и условия осуществления этого участия; характер его и те побуждения материального порядка, которые скрывалась под мишурою громких фраз официальных деклараций.

Несмотря на ряд досадных пробелов в архивных материалах белой стороны и отсутствие многих документов, очевидно, ожидающих еще времени своего появления из тайников иностранных дипломатических канцелярий, наша работа все-таки достигла бы слишком боль-

---

[1]) По этому вопросу см. печатные материалы: Лукомский „Воспоминания", т. II. Берлин 1922 года. — „Архив Русской Революции", том V.—Краснов „Всевеликое войско донское", стр. 218-327.—Добрынин. „Борьба с большевиками на юге России". Прага, 1921 г Роман Гуль. „Ледяной поход", Москва, Госиздат, 1922 год.

ших размеров, если бы мы взялись за исследование вопроса в общем и целом.

Поэтому мы остановились только на одном моменте нашей гражданской войны, именно на периоде колчаковщины в Сибири.

Мы считали этот момент наиболее интересным потому, что в это время окончательно уже выявились роли держав Антанты в интервенции, и она начала носить планомерный и более или менее согласованный характер. С другой стороны, мы считали более интересным остановиться на сибирском правительстве Колчака потому, что оно в державах Антанты считалось правительством всероссийским, и, начиная с лета 1919 года, к нему тянулись все нити внешних экономических отношений с Антантою прочих белогвардейских правительств, признавших гегемонию Колчака.

Две группы держав Антанты: активные и пассивные пособники русской контр-революции.

В концерте мировых держав, образовавших Антанту, следует различать две группировки держав в их отношении к гражданской войне в России.

К первой группировке относятся те державы, помощь которых белым правительствам выражалась не только в политике наибольшего благоприятствования и некоторой материальной поддержке, но и в прямой вооруженной помощи белым армиям на различных театрах гражданской войны.

Эти державы явились, таким образом, активными пособниками русской контр-революции; таковыми приходится считать две европейских державы-победительницы в Мировой войне, т.-е. Францию и Англию.

Кроме них, выделяется группа держав — пассивных пособников русской контр-революции, роль которых была, впрочем, не многим менее значительна, и единственным признаком, отличающим их от первой группы, является только отсутствие прямого участия их вооруженной силы в боевых столкновениях на театрах гражданской войны.

Таковыми державами мы назовем (конечно, в пределах только нашей работы) — С.-А. Соединенные Штаты и Японию.

Роль, значение и цели Франции в группе держав активных пособников русской контр-революции.

Принадлежность держав Антанты к активной или пассивной группе определялась, на наш взгляд, не столько их материальными возможностями, сколько целями, которые они преследовали в русском вопросе.

В этом отношении цели Франции шли дальше других держав Антанты, близко совпадая с задачами белогвардейских правительств,

стремившихся к воссозданию «единой и неделимой России» в границах бывшей империи, на что у нее были свои причины.

Эти причины вытекали из того положения изоляции, которое создалось для Франции в международном отношении после окончания Мировой войны.

Бывший посол царского правительства в Париже, Сазонов, следующим образом характеризует это положение в своем письме к председателю совета министров сибирского правительства, Вологодскому, от 17 июня 1919 года.

«..., Франция болезненно ощущает свое стесненное положение в среде победителей. Как я указывал выше, англо-саксонская группа тесно об'единила свое политическое действие и играет везде первенствующую роль; что же касается Италии, то, несмотря на племенное родство с Францией, отношения этих держав носят печать взаимного недоверия и оставляют желать многого. При такой обстановке для Франции скорое восстановление могущественной союзницы в лице России настоятельно необходимо. Сознают это решительно все, кроме социалистов, но помочь делу практически оказалось задачей не по плечу нынешнему французскому правительству» [2]).

Об'яснение последней фразы в письме Сазонова, на наш взгляд следует искать в ограничении или, вернее, в отказе от прямой вооруженной помощи Франции белогвардейцам, явившемся следствием разложения французских войск на русских театрах гражданской войны, о чем красноречиво свидетельствовали события во французском черноморском флоте весною 1919 г. и бегство французского десанта из Одессы в то же самое время.

Но кроме политики прямого действия, Франция, учитывая возможность его неудачи и стремясь к полному напряжению сил для борьбы с большевизмом, искала увеличения своих здесь возможностей и в другом направлении.

Уже 4 апреля 1919 г. помощник министра иностранных дел, Амбари, заявил в палате депутатов, что французское правительство... «решило оказывать действительную помощь против большевиков нациям, находящимся в соседстве с Германией....» «.... Французское правительство, — заявил Амбари,—будет помогать им доставкой оружия, денег, обмундирования, экипировки и продовольствия всякого рода [3]).

---

[2]) Архив Октябрьской Революции (А. О. Р.), фонд XXIX, Арх. № В. Д. 4-16, л. 62.

[3]) Военно-ученый архив, дело № 277, л. л. 155-167.

Работа Франции на этом втором направлении дала полностью свои результаты в следующем, т.-е. 1920 г. во время борьбы Советской России с панской Польшей. Поскольку эта борьба не входит в рамки настоящего исследования, мы упомянули о ней только для того, чтобы охарактеризовать ту активность французской политики, которая ставила ее в русском вопросе на первое место в ряду политик прочих держав Антанты.

Обстоятельства об'ективного порядка, а именно наличие в центре России и на великой сибирской магистрали чехо-словацкого корпуса, в котором господствовала, преимущественно, французская ориентация, позволили Франции, прежде других держав, проявить активность на театрах русской гражданской войны в обширных размерах. Чехо-словацкий корпус с конца мая месяца (27 мая) 1918 г. явился тем основным стержнем, вокруг которого образовался белогвардейский восточный фронт, существовавший до начала 1920 г.

Была одна причина, которая заставляла Францию ограничивать свое вмешательство во внутренние русские дела и разделять его с другими державами Антанты. Причина эта, как мы увидим ниже, заключалась в финансовой стесненности Франции по сравнению с державами англо-саксонского блока.

Роль и значение прочих держав Антанты в вопросах интервенции.

Возможности последних в финансовом отношении оказывались значительно большими, чем финансовые возможности Франции. Будучи более стеснены в отношении использования живой силы, державы англо - саксонского блока в области финансовой и материальной помощи могли зато чувствовать себя гораздо менее стесненными, чем Франция.

Это обстоятельство отразилось и на роде помощи белым правительствам со стороны держав англо-саксонского блока: она носила, преимущественно, денежный и материальный характер, будучи более ограниченной в применении вооруженной силы.

Характеристика видов помощи держав Антанты.

Многообразие помощи, которую оказывали державы Антанты белым правительством, заставляет нас, для удобства дальнейшего исследования, подойти к ней с двух точек зрения: мы будем рассматривать ее, как прямую помощь, выразившуюся в непосредственном снабжении белогвардейских правительств живою силою, предметами военного материала, необходимого для ведения войны, деньгами и в обеспечении и улучшении условий железнодорожного транспорта и, как косвенную

помощь, которая выражалась, главным образом, в плоскости экономических отношений — созданием наиболее благоприятных условий при военных заказах всякого рода, обеспечением кредитов, созданием условий безопасности сообщений и проч.

Договоры, определившие род и характер помощи Франции, Англии и прочих держав Антанты сибирскому правительству Колчака.

Официальным основанием, определившим условия помощи держав Антанты сибирскому правительству Колчака является конвенция, заключенная адмиралом Колчаком с представителями Франции и Англии — генералами Петеном, Жаненом и Ноксом в гор. Омске 16 января 1919 г., и декларация от 14 марта 1919 г. о междусоюзническом контроле над Восточно-Китайской и Сибирской железными дорогами.

Оба эти документа приводятся нами в приложениях (приложение № 1 и № 2) и поэтому здесь мы остановимся лишь на их характеристике.

Конвенция с союзным командованием предусматривала жесткие рамки контроля со стороны союзников, в которые ставилась оперативная работа сибирского командования и его снабженческие мероприятия в отношении заграничных заказов.

Второй документ интересен не столько своим содержанием, сколько теми дальнейшими перспективами, которые на базе этого документа развивались для некоторых держав Антанты. Так, Англия усматривала в этой конвенции только первый шаг к оказанию расширенной помощи правительству Колчака в материальном отношении, однако, при условии потери в будущем Россией свободы в выборе ее финансово - экономической политики, обращая ее в страну натурального хозяйства.

Таково было мнение министра путей сообщения колчаковского правительства, Устругова, сообщенное им в записке по прямому проводу представителю совета министров Вологодскому 27 марта 1919 года. [4]).

В частности же в области железнодорожного хозяйства России проект Англии предусматривал образование железнодорожного синдиката, членами которого должны были явиться или только иностранные государства или они и Россия. [5]).

---

[4]) А. О. Р. фонд XXIX, арх. В. Д. 6-9, л. 34.

[5]) Там же, л. 35.

Если Франция не играла такой же выдающейся роли в этом вопросе, как Англия, то это об'ясняется исключительно ее более ограниченными, по сравнению с Англией, финансовыми возможностями.

Из телеграммы от 8 июля 1919 г., за № 362, уполномоченного сибирского правительства на восточно-китайской железной дороге, генерала Хорвата, на имя уже упоминавшегося нами Устругова, мы узнаем, что размер кредитов, открытых Францией белогвардейским правительствам, достигал до 70 миллионов франков в месяц, почему она воздерживалась от дальнейших выдач для финансирования междусоюзнического комитета по эксплоатации сибирских железных дорог. [6]).

Помощь Франции и других держав Антанты сибирскому правительству вооруженной силой.

Теперь нам надлежит перейти к основной цели нашей работы, именно — к определению размеров и степени участия каждой из держав Антанты, подписавшей вышеупомянутые конвенции в деле создания военно-экономического базиса белогвардейских правительств.

Наиболее легкому учету поддается участие их вооруженных сил в гражданской войне в России. Этото вопрос в настоящее время исчерпывающим образом освещен в литературе обоих сторон. Поэтому здесь мы не будем на нем останавливаться, но отметим только еще раз, что на восточном фронте гражданской войны выдающееся значение в этом отношении принадлежало Франции в лице чехо-словацкого корпуса, как по значительной численности этого контингента, так и по продолжительности его участия в гражданской войне и степени активности.

Действительно, это мощное средство в руках французской военной политики начало окончательно вываливаться из них не ранее конца лета 1919 г., вследствие процесса саморазложения, что вынудило сибирское правительство опасаться «возможных последствий оставления чехов в Сибири на ближайшую зиму» [7]) и искать иных способов обеспечения безопасности Сибирской магистрали, возлагая надежды на помощь в этом отношении американских и японских войск.

Равным образом, мы только напомним здесь читателю, что участие вооруженных сил других держав Антанты в гражданской войне на восточном фронте носило только косвенный характер, выразившись в охране железнодорожных путей (Япония и Соединенные Штаты) и в

---

[6]) Там же, л. 113.

[7]) Секретная телеграмма министра иностранных дел сибирского правительства, Сукина, послу в Вашингтоне от 6 августа 1919 г. № 76 (приложение № 3).

гарнизонной службе в некоторых крупных центрах Сибири (английский отряд Уорда в Омске).

Прежде чем перейти к вопросу о финансовой и материальной помощи Франции и прочих держав Антанты сибирскому правительству, мы позволим себе в двух словах остановиться на его финансовом положении и на сущности его внешней финансовой политики для того, чтобы оценить значение финансовой помощи, оказываемой ему державами Антанты.

Сибирское правительство располагало в финансовом отношении гораздо более прочной базой, чем все остальные белогвардейские правительства, поскольку оно являлось обладателем крупного золотого фонда.

Тем не менее, даже оно не пользовалось самостоятельным кредитом на иностранных рынках, и валюта его на них не котировалась. Таким образом, все расчеты с иностранными рынками сибирское правительство принуждено было вести в иностранной валюте, и на добывании ее сосредоточивались все его усилия. В этих целях оно прибегало, во-первых, к обязательству всех торговых фирм, вывозящих товары за границу, сдавать в министерство финансов определенную сумму с выручки в иностранной валюте, получая взамен ее валюту сибирского правительства, при чем размер этой сдаваемой суммы колебался от 25—50% общей выручки [8]).

Это мероприятие являлось по существу скорее фиктивным, потому-что большинство экспортеров принадлежало к числу иностранцев, из числа подданных держав Антанты, и в лице своих официальных представителей всегда находило защитников и ходатаев в обход этого правила.

Так, в делах сибирского министерства финансов мы находим переписку с «высоким комиссаром» Англии, Эллиотом, от 12 июня 1919 г., в которой Эллиот протестует против действий владивостокской таможни, которая требует от иностранных экспортеров внесения части стоимости их товаров в иностранной валюте, угрожая в противном случае наложением запрещения на вывоз.

Дело это было решено компромиссом на основе формулы «закон обратной силы не имеет», и подобным же образом решалось большинство дел этого рода с иностранцами [9]).

В учете такой обстановки ясно, что одного этого источника добывания иностранной валюты оказывалось недостаточно. Сибирское пра-

---

[8]) А. О, Р. фонд XXIX. М. Ф. 10-3.

[9]) Там же, л. л. 45, 50.

вительство могло находить валюту еще иным путем, в виде краткосрочных ссуд под имеющийся в его распоряжении золотой запас; ссуды производились на весьма невыгодных условиях, причем золото, поступавшее в залог, должно было, повидимому, переправляться за границу.

Специальный финансовый корреспондент сибирского правительства в С.-А. Соединенных Штатах, Англии и Франции, Окулич, в своем письме к министру финансов сибирского правительства, Михайлову, датированном 20 июля 1919 г., предлагал ему продать запасы платины и меди, имеющиеся во Владивостоке, указывая, что невыполнение финансовых обязательств в Америке по прежним займам, лишает возможности впредь до уплаты срочных долговых обязательств серьезно вести какие-либо переговоры о заключении новых займов. Далее Окулич указывал на необходимость координации переговоров, ведущихся совершенно несогласованно различными лицами в Нью-Иорке, Париже и Лондоне [10]).

Нам не известно, какое решение последовало по письму Окулича, но, повидимому, сибирскому правительству и в дальнейшем не оставалось иного пути, как действовать подобным же образом, т.-е. расходовать свой золотой запас в обеспечение своих заграничных заказов в тех случаях, когда размеры их должны были значительно превысить размер иностранных субсидий.

На этот путь, повидимому, сибирское правительство вступило не сразу.

В делах сибирского правительства мы нашли одну телеграмму министра финансов Бурышкина на имя Колчака, относящуюся, повидимому, к августу месяцу 1919 г., в которой Бурышкин жалуется Колчаку на то, что атаман Семенов задержал в Чите 1.500 пудов золота, направляемого в гор. Владивосток для переотправки его затем в Японию в обеспечение заказов на нужды армии и требует себе из этого запаса 615 пудов [11]).

Сибирское правительство, повидимому, неохотно прибегало к использованию своего золотого запаса, усматривая в нем источник своей внутренней силы, как это можно усмотреть из проекта отношения к великобританскому высокому комиссару, сохранившемуся в делах сибирского правительства и датированному 26 августа 1919 г. [12]).

---

[10]) А. О. Р., фонд XXIX М. Ф. 10-22, л. л. 2, 3.

[11]) Там же, фонд LXXVI, арх. № 46, л. 64.

[12]) См. приложение № 4.

Таким образом, мы видим, что сибирское правительство испытывало постоянную нужду в денежных средствах и, несмотря на самостоятельные попытки изыскать их, вынуждено было в значительной мере жить за счет субсидий держав Антанты.

Финансовая поддержка Францией сибирского правительства.

Финансовая поддержка сибирского правительства державами Антанты так же носит двойной характер: прямого субсидирования и создания облегченных условий кредита.

По первому пути шли державы — активные пособницы русской контр-революции, а именно Франция и Англия, хотя лишь в отношении первой мы располагаем документальным подсчетом всех ее расходов по интервенции в Сибири.

В делах сибирского правительства сохранился любопытный набросок сметы расходов, произведенных Францией в Сибири за первое полугодие 1919 г., из которого видно, что они достигли, примерно, 50 миллионов в месяц [13]), не считая части выплат за военный материал, каковые в общем составляли еще примерную сумму в 18 миллионов на каждый месяц и всего, таким образом, 68 миллионов франков в месяц. Достоверность этого документа, хотя он и не снабжен никакими подписями, подтверждается уже цитированной нами телеграммой генерала Хорвата от 8 июля 1919 г., за № 362, на имя Устругова, в которой первый приводил цифру в 70 миллионов франков, т.-е. почти аналогичную той, которая приведена в прилагаемом нами документе.

Письмо «за военного министра по главному законодательно-финансовому управлению», В. Сурина, от 2 мая 1919 г. [14]) на имя товарища министра финансов тоже косвенным образом является подтверждением правильности упомянутого документа в той его части, где говорится об общей сумме законченных счетов расходов на сибирскую армию в количестве 54.877.000; из письма Сурина видно, что ко второму мая французами за предметы снабжения сибирской армии фактически уже была уплачена сумма, примерно, в 20 миллионов франков, и кроме того, была надежда, очевидно, впоследствии осуществившаяся, получить от них еще 30 миллионов франков, для тех же целей, что в общем и целом составляет сумму в 50 миллионов франков, весьма близкую к той цифре, 54.870.000 франков, «законченных счетов», которая приводится в документе, положенном нами в основу расчетов размера расходов Франции на поддержание военно-экономической мощи сибирского правительства.

---

[13]) См. приложение № 5.

[14]) См. приложение № 6.

Таким образом, цифра эта, если брать ее на основании нами приведенного документа, выражается в сумме 68 миллионов франков в месяц, а если в основание расчета положить телеграмму генерала Хорвата, то она возрастет до 70 миллионов франков в мес., что составит 476 или 490 миллионов франков за семь месяцев, считая начало планомерной помощи французов сибирскому правительству с 1 января 1919 года, как это видно из документа, приводимого нами в приложении № 5.

В дальнейшем для Франции оказалось непосильным такое финансовое напряжение, а может быть тогда уже для нее стала очевидной грядущая неудача сибирского правительства. 9 августа 1919 г. «высокий комиссариат» Французской республики в Сибири поставил в известность сибирское правительство о том, что в силу возрастающих трудностей, которые встречает осуществление французской финансовой помощи в Сибири, «французское правительство вынуждено изменить форму поддержки». Далее шло уверение в том, что французское правительство намерено сопроводить ее «компенсацией, долженствующей показать, что его содействие не потеряло своей цены, и что бремя сибирского правительства от этого не возросло».

Эта компенсация заключалась в обещании оказывать финансовую поддержку прочим белым правительствам, признавшим власть Колчака и в обещании продолжать снабжение военными материалами и даже увеличить его. Последнее обещание нашло, однако, весьма критическую оценку в ответном письме сибирского министра финансов, Михайлова, на имя министра иностранных дел Сукина [15]).

Финансовая помощь Англии сибирскому правительству.

В материалах, использованных нами, мы не нашли прямых указаний на субсидирование Англией сибирского правительства, но из письма французского высокого комиссара графа де-Мартеля, приведенного нами в приложении № 7, видно, что Франция в половинной доле была заинтересована во всех расходах Англии, производимых последней на юге и севере России и в Сибири.

Из документа, приводимого нами в приложении № 9, явствует, что общие расходы английского правительства на севере России за 1918—19 г.г. выразились в сумме 66.482.896 общегосударственных и 7.000.000 северных рублей. Из этих цифр наглядно выявляется та выдающаяся роль, которую играла Франция по сравнению с Англией

[15]) См. приложения №№ 7 и 8.

в укреплении военно-экономического базиса белого сибирского правительства.

Финансовые взаимоотношения сибирского правительства с С.-А. С. Штатами и Японией.

Финансовой поддержки сибирского правительства правительством С.-А. С. Штатов в прямом смысле этого слова не было. Налицо имелись лишь условия создания легкого кредита, при чем в этом отношении не было полного единогласия в среде самого американского правительства.

Так, упомянутый выше Сазонов, 21 октября 1919 г. сообщает министру иностраных дел сибирского правительства о том, что министерство иностранных дел С.-А. С. Штатов оказывает полное содействие представителям сибирского правительства в Америке, но, что военный министр Беккер затрудняется кредитовать их до издания специального закона конгрессом, на что имеется полная надежда, но на что потребно время. Сазонов указывает далее, что при условии внесения ⅓ стоимости всех заказов, на что потребовалась бы сумма в 25 миллионов долларов, можно было бы без больших затруднений получить все необходимое, «отсрочив сильно платежи на 2—3 года [16]).

В конечном итоге кредит сибирскому правительству для производства его заказов был ему дан на условиях, которые видны из следующей секретной телеграммы посла сибирского правительства в Вашингтоне, Бахметева, на имя управляющего министерством иностранных дел от 18 октября 1919 г.

Угет [17]) просит передать министру финансов: «Болезнь президента [18]) крайне несчастливо отразилась так же и на вопросе обмундирования. Несмотря на принципиальное одобрение президента и на самую энергичную поддержку государственного департамента, военный министр признает сделку несогласованной с законом и выпужден действовать до переговоров лично с президентом (неясность в тексте подлинника, очевидно, в силу ошибки или пропуска в шифре Н. К.). После упорных настояний, пока удалось добиться лишь следующего: нам могут быть переданы подлежащие выяснению в течение ближайших дней остатки запасов, за исключением необходимых в Америке. Мы уплачиваем 10% наличными при отправке грузов, остальные пла-

---

[16]) А. О. Р. фонд XXIX М. Ф. 12—7, телеграмма Сазонова № 2727—274 от 21 октября 1919 года, л. 108.

[17]) Представитель в Америке министерства финансов сибирского правительства. См. также выноску 25, на стр. 544.

[18]) Вильсона.

тежи рассрочиваются на 12 месяцев. До тех пор, пока соответствующим постановлением конгресса не изменится общее положение, в качестве обеспечения депонируется золото. Не имея еще возможности судить, как долго болезнь президента задержит иное решение вопроса, прошу срочно телеграфировать, согласно ли правительство на указанное предложение. Мною также выясняется возможность приобретения ношенного и починенного обмундирования. Копия — Париж, под № 1088. Бахметев»[19]).

Однако, повидимому, американское правительство, не дожидаясь решения конгресса и ответа сибирского правительства, находило возможным оказывать временные позаимствования сибирскому правительству из своих средств.

Так, генеральный консул сибирского правительства в Нью-Йорке, Устинов, передает 18-го же октября 1919 г., телеграмму некоего Знаменского министру снабжения и продовольствия о необходимости высылки денег в оплату 10% взноса американского правительства за заказанное сукно[20]).

Однако, оказывая известные поблажки сибирскому правительству в отношении кредита, американское правительство не склонно было особенно рисковать в этом отношении, требуя обеспечения его залогом сибирского золота.

Такова же была в общем и линия поведения частного американского капитала по отношению к сибирскому правительству, который в лице некоторых торговых фирм, ведущих торговлю пушниной, предлагал ему:

1. Предоставить ему в Америке доллары, если бы оно согласилось уплачивать отделениям общества меховой торговли в Сибири соответствующие суммы рублями по курсу дня во Владивостоке.

2. Открыть ему кредит в Америке в размере 5 миллионов долларов после отправки сибирским правительством меховых товаров на соответствующую сумму в распоряжение фирмы Эйтингтона[21]).

Япония не принимала никакого участия в финансировании сибирского правительства, предоставив к его услугам лишь свой рынок, на котором это последнее включительно по октябрь месяц 1919 г. произвело заказов на 30 миллионов иен и на сумму свыше 30 миллионов долларов[22]).

---

[19]) А. О. Р., фонд XXIX М. Ф. 12-23, л. 56.
[20]) А. О. Р., фонд XXIX М. Ф. 12-23, л. 52.
[21]) А. О. Р., фонд XXIX М. Ф. 10-16, л. л. 3, 5.
[22]) А. О. Р., фонд XXIX М. Ф. 12-23, л. 42.

Материальная помощь держав Антанты белым правительствам.

Из приведенных нами документов видно, что денежные субсидии Франции и Англии шли на содержание личного состава войск интервентов и на оплату военных заказов белых правительств за границей. Обе державы, особенно Франция, строго следили за тем, чтобы субсидии расходовались именно на военные, а не на какие-либо иные нужды. Когда сибирское правительство попробовало было израсходовать часть этих средств на покупку иностранной валюты, — это встретило протест со стороны высокого комиссара Франции графа де-Мартеля [23]).

Таким образом, материальная помощь держав Антанты входит как бы в счет тех финансовых затрат, которые они делали для создания финансового базиса белых правительств и ниже приводимые таблицы являются лишь его вещественным эквивалентом.

Однако, часть материалов (какая именно, нам установить не удалось, да и вряд ли когда-нибудь удастся это сделать с полной достоверностью), явилась дополнением к финансовым издержкам держав, не будучи оплаченной из военных кредитов белых правительств; особенно это относится к французским материалам, после того, как Франция решила изменить свой способ помощи белым правительствам в силу своих финансовых затруднений. Мы считали более полезным и удобным, для справок всякого рода, свести все сведения о предоставленных в распоряжение белых правительств материалах в 5 общих хронологических таблиц (см. стр. 538—543).

При этом надлежит оговориться, что на исчерпывающую полноту они претендовать, конечно, не могут.

Обращаясь к рассмотрению систематизированного нами по таблицам материала, мы приходим к следующим заключениям.

1. Центр тяжести материального снабжения белых армий лежал не в снабжении их предметами вооружения (за исключением ружей) и огнеприпасами, а в снабжении их военно-техническим материалом и предметами обмундирования и снаряжения.

2. Хотя белые армии, повидимому, не испытывали особой нужды в снабжении их артиллерией и пулеметами и артиллерийскими снарядами, но зато они нуждались в ружьях, которые кроме Америки, повидимому, закупались в Японии, а главное, в запасных частях к вооружению и в починочных материалах.

---

23) См. приложение № 7.

3. Обращает на себя внимание колоссальная нужда белый армий в материалах обмундирования и снаряжения. Здесь можно прямо сказать, учитывая величину заказов, сделанных в Америке, и учитывая, что и в Японии было сделано заказов в среднем на 30.000.000 иен и 3.000.000 долларов [24]), что в этом отношении белые армии не имели никакого своего базиса и целиком базировались на державы Антанты.

4. Разнородность материалов, поставляемых Антантой белым армиям, свидетельствует о слабости их собственного экономического базиса во всех отношениях.

5. Главными поставщиками материалов разного рода являются Франция и особенно С.-А. С. Штаты.

В отношении Штатов следует иметь в виду, что в данном случае эта поставка являлась для них чисто коммерческим делом, поскольку они торговали за наличные или под залог сибирского золота, самая же покупка у них производилась опять-таки на субсидии французского и английского правительств.

6. Франция играет опять-таки выдающуюся роль в деле создания материального базиса белых армий, если не по количеству доставленных ей материалов, то по времени начала создания ею этого базиса: из таблицы № 2 видно, что первые партии военно-технического материала в адрес белых армий были отправлены Францией еще в конце 1918 года.

В центре нашего исследования находятся, главным образом, сибирское правительство и отчасти правительство юга России (деникинское).

Приведенные таблицы указывают тесную зависимость их военно-экономического базиса от помощи держав Антанты. Но эти правительства являлись еще наиболее мощными по сравнению с другими белогвардейскими правительствами (северным и северо-западным), поскольку они обладали известными местными рессурсами и бóльшей свободой в финансовом отношении; что же касается прочих, то они своим возникновением, существованием и возможностью продолжать борьбу исключительно были обязаны материальной поддержке Антанты.

Насколько далеко эта последняя простиралась в отношении их, видно из следующей телеграммы посла в Вашингтоне, Бахметева, управляющему министерством иностранных дел сибирского правительства, от 29 августа 1919 г., № 199 (см. стр. 544).

---

[24]) А. О. Р., фонд XXIX М. Ф. 12-23, л. 42.

Таблица № 1.

Ведомость военного материала, отправленного державами Антанты белым армиям.

Наименование государства.	Наименование судна.	Порт отправления.	Порт назначения.	Время отправления.	Наименование и категория материалов. Орудий.	Винтовок.	Пулемет.	Снарядов.	Ружейных патронов.	Дистанц. трубок.	Запасн. ружейн. частей.	Стали для обойм.	Указание на источник.	Примечание:
С.-А. С. Штаты	„Владимир“.	Повидимому, НьюИорк	В адрес ген. Деникина (повидимому Новороссийск).	9 августа 1919 г.	—	28.000	—	—	3.092.143	200.400	605 ящиков.	—	А. О. Р., фонд XXIX. М. Ф. 12—10, л. 2.	Кроме того, министр финансов С.-А. С. Штатов разрешил отпустить 20 тыс. долларов на починочную мастерскую, которая собиралась и готовилась к отправке. А.О.Р. фонд XXIX—М. Ф. 12—10, л. 4.
	„Блэк“	Нью-Иорк.	Новороссийск.	25 сент. 1919 г.	—	44.020	—	—	—	—	234 ящика.	—	Тот же источник, л. 46.	
	„Доше“	Нью-Иорк.	Новороссийск.	11 октяб. 1919 г.	—	28.000	—	—	—	—	—	207 ящиков.	Тот же источник, л. 39.	
Всего.					—	100.020	—	—	3.092.143	200.400	839 ящик.	207 ящик.		

Таблица № 2.

Ведомость военно-технического материала, отправленного державами Антанты белым армиям.

Наименование государства.	Наименование судна.	Порт отправления.	Порт назначения.	Время отправления.	Наименование и категория материалов. Аэропланов.	Радио-станц.	Грузов. автомобилей.	Легков. автомоб.	Танков.	Тракторов.	Прицепных повозок.	Пох. кухонь.	Велосипедов.	Мотоциклов.	Моторных лодок.	Указание на источник.
Франция	Америк. пароходы.	Через америк. порты.	Владивосток.	Конец 1918 г.	[illegible]	1	3	—	—	—	20	—	—	—	—	А. О. Р., фонд XXIX. М. Ф. 12—6 секретная телеграмма посла в Париже Маклакова от 9 сентября 1919 г. № 2204—166, л. 10.
	„Мо“	?	?	6 июня 1919 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	
	„Командория“.	Брест.	?	Сентябрь 1919 г.	17	—	7	2	24	5	3	1	1	2	—	
Всего.					47	1	10	2	24	5	23	1	1	2	3	

Примечание: Кроме того, генерал Жанен купил и доставил во Владивосток в конце 1918 г. еще 180 грузовых и 35 легковых автомобилей. (Источник для примечания тот же, что и для составления таблицы № 2.)

Таблица № 3.

Ведомость материалов обмундирования и снаряжения, отправленных державами Антанты белым армиям.

Наименование государства.	Наименование судна.	Порт отправления.	Порт назначения.	Время отправления.	Наименование и категория материалов.												Указание на источник.
					Сапог	Кожи.	Фуфаек шерст.	Кальсон шерст.	Носков шерст.	Фуфаек.	Кальсон.	Носков.	Обмоток для сапог.	Шинелей.	Бумажн. материи.	Полотняной материи.	
С.-А. С. Штаты.	„Владимир“	Повидимому, Нью-Иорк.	Повидимому, Новороссийск.	9 августа 1919 г.	85.700 пар.	1.138 кип.	—	—	—	—	—	—	—	199.880	—	—	А.О.Р., фонд XXIX, М. Ф. 12—10, л. 2.
	„Блэк“	Нью-Иорк.	Новороссийск.	25 сент. 1919 г.	141.800 пар.	810 кип.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	А.О.Р., фонд XXIX, М. Ф. 12—23, л. 32.
	„Омск“	Нью-Иорк.	Владивосток.	Начало октября 1919 г.	—	—	188.000	30.000	140.000	200.000	200.000	800.000	300.000 пар.	—	2.698.500 ярдов.	225.000 ярдов.	Тот же источник, л. 39.
	„Даше“	Нью-Иорк.	Новороссийск.	Октябрь 1919 г.	93.200 пар.	702 кипы.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Тот же источник, л. 46.
				Всего . . .	319.700 пар.	2.650 кип.	188.000	30.000	140.000	200.000	200.000 пар.	800.000	300.000 пар.	199.880	2.698.500 ярдов.	225 000 ярдов.	

Примечание: Кроме того, уполномоченным сибирского правительства в С.-А. С. Штатах, Знаменским, было закуплено и ожидало погрузки на суда: шинельного сукна 500.000 ярдов и мундирного сукна 300.000 ярдов. Им же был законтрактован 1.000.000 ярдов шинельного и 1.200.000 ярдов мундирного сукна; было куплено 100.000 наплечных сумок.

Источник для примечания: А.О.Р., фонд XXIX, М. Ф. 12–23, л.

Таблица № 1.

Ведомость железно-дорожного имущества, отправленного державами Антанты белым армиям.

Наименование государства.	Наименование судна.	Порт отправления	Порт назначения.	Время отправления.	Наименование имущества. Паровозов.	Вагонов.	Тормозных комплект.	Запасных вагонных частей.	Запасных паровозн. частей.	Рельс.	Железно-дорожных инструмент.	Указание на источник.
С.-А. С. Штаты.	„Блэк“.	Нью-Иорк.	Новороссийск.	25 сентября 1919 г.	—	100	43 тон.	43 тон.	44 тон.	—	0,2 тон.	А. О. Р., фонд XXIX, М. Ф. 12–23, л. 46.
„	„Доше“.	Нью-Иорк.	Новороссийск.	Начало октября 1919 г.	10	100	—	$13^1/_4$ тон. 70 вагон. осей.	0,65 тонны.	697 тонн.	—	Тот же источник, л. 39.
Всего:	—	—	—	—	10	200	43 тон.	56,25 тон. 70 вагон. осей.	41,65 тонн.	697 тонн.	0,2 тон.	

Примечание. Кроме того, на пароходе „Владимир“, вышедшем из Нью-Иорка в Новороссийск 9 августа 1919 года был отправлен еще один узкоколейный паровоз.

Источник: А. О. Р., фонд XXIX М. Ф. 12—10, л. 2

Таблица № 5.

Ведомость прочего имущества и материалов, отправленных державами Антанты белым армиям.

Наименование государства.	Наименование судна.	Порт отправления.	Порт назначения.	Время отправления.	Наименование имущества.							Указание на источник.
					Пил.	Напильников.	Молотков.	Пишущих машин.	Сейфов.	Инструментов разного рода.	Канцелярских принадлежн.	
С.-А. С. Штаты.	„Владимир“.	Нью-Иорк.	Новороссийск.	9 августа 1919 г.	1950	124 дюжины.	600	10	2	3 ящика.	—	А. О. Р., фонд XXIX, М. Ф. 12–10, л. 2.
„	„Доше“	Нью-Иорк.	Новороссийск.	Начало октября 1919 г.	—	—	—	—	—	—	6 ящиков.	А. О. Р., фонд XXIX, М. Ф. 12–23, л. 39.

«Угет просит передать министру финансов: Гермониус [25]) сообщает, что французское правительство обещает полное снаряжение для северо-западной армии, если мы будем иметь тоннаж.

Предварительные переговоры с государственным департаментом и Эйтинг-Бордом дают надежду на успех. Повидимому, удалось бы зафрахтовать пароходы для перевозки 45.000 тонн из английских и французских портов в Ревель, на основаниях 6-месячного кредита. Потребная сумма—около миллиона долларов. Не откажите срочно сообщить, согласно ли правительство на указанную операцию».

Бахметев [26]).

Не меньшая зависимость северного правительства от материальной помощи держав Антанты, главным образом Англии, ясно видна из его катастрофического финансового положения, что усматривается из приложения № 9.

В расчеты держав Антанты, повидимому, вовсе не входило избавление белых правительств от их финансовой и материальной опеки.

На примере попыток сибирского правительства укрепить собственную денежную валюту и создать собственный фонд для заграничных заказов мы видим, что высокие комиссары Франции и Англии отрицательно относились к ним.

Мероприятия держав Антанты по обеспечению своих расходов.

Истинные мотивы и побуждения, руководившие державами Антанты, когда они активно выступали на поддержку русской контр-революции, следует искать, конечно, не в словах официальных деклараций, а в фактах и действиях.

Всеми державами Антанты, а особенно теми, которые вложили свой капитал в дело русской контр-революции, т.-е. Францией и Англией в первую очередь, руководили интересы возможно скорого возвращения этого капитала, и притом с процентами.

Поскольку само предприятие представляло известный риск, державы были озабочены, чтобы обеспечить свои затраты уже в самом процессе гражданской войны.

Дальше всех в этом отношении шла Англия. Нам известен ее проект об эксплоатации русской железнодорожной сети, который

---

[25]) Артиллерийский генерал, командированный царским правительством для производства военных заказов в Америку во время Мировой войны и продолжавший выполнять ту же должность у белых.

[26]) А. О. Р., фонд XXIX, М. Ф. 12-11, л. 6.

вызвал отрицательное к себе отношение даже со стороны колчаковских министров.

Располагая преимущественным влиянием на беломорском побережьи, Англия, в обеспечение своих расходов на поддержание северной контр-революции, прежде всего постаралась наложить руку на русский флот.

Из отношения командующего флотилией Северного Ледовитого океана на имя управляющего отделом иностранных дел врем. правительства Северной области от 18 октября 1918 года, за № 164, мы узнаем, что английским морским командованием были забраны следующие русские суда: крейсер «Аскольд», ледоколы «Святогор» и «Микула Селянинович», посыльные суда «Соколица» и «Горнелава», миноносцы «Капитан Юрасовский», «Лейтенант Сергеев» и «Бесшумный» и 13 тральщиков [27]).

Еще раньше, а именно уже весною 1918 г. английское правительство наложило арест на денежные суммы русского правительства, находящиеся в Лондоне и исчислявшиеся цифрой 5.551.521 фунтов стерлингов.

Распределение этих сумм по категориям, усматривается из документа в приложении № 10.

Французское правительство смотрело на природные богатства России, как на будущую плату всех его расходов и затрат на поддержку русской контр-революции.

В этом отношении весьма характерен документ, приводимый нами в приложении № 11, в котором французский посланник при северном правительстве, М. Гияр, циркулярно ставит в известность все белые правительства о том, что е г о п р а в и т е л ь с т в о р а с с м а т р и в а е т в с е «н е р а з р а б а т ы в а е м ы е б о г а т с т в а Р о с с и и, а т а к ж е и м е ю щ и е б ы т ь с о з д а н н ы м и и с т о ч н и к и д о х о д а, к а к о б е с п е ч е н и е к р е д и т о в г о с у д а р с т в а н а т е х ж е о с н о в а н и я х, к а к и г о с у д а р с т в е н н ы е и м у щ е с т в а, у ж е с у щ е с т в у ю щ и е, к а к, н а п р и м е р, с о о р у ж е н и я с е т и ж е л е з н ы х д о р о г, п о р т ы, р у д н и к и и к о п и, л е с а и п р о ч.».

---

[27]) А. О. Р., фонд IV (дела северного правительства), 23-1-10, л. 7; см. также статью С в е ч н и к о в а „Союзническая интервенция на севере Советской России“.

Поэтому французское правительство «не имеет возможности допустить», чтобы какое бы то ни было правительство на территории России отчуждало части государственного достояния или связывало бы его обязательством в будущем.

В конце своего письма посланник заявлял, что правительство французской республики отказывается «признать с настоящего момента действительность концессий, которые были или могли бы быть испрошены у правительства Северной области».

Поскольку это письмо явилось циркулярным, таково же, значит, было отношение французского правительства к концессиям и на прочих территориях, занимаемых белыми.

Изложенные факты достаточно характеризуют истинную подкладку вмешательства Антанты в русские дела; ее цели ничего общего не имели с ее официальными заявлениями. Уничтожение большевизма являлось не самоцелью, а средством протянуть свою руку к богатствам России.

Подтверждение нашего вывода мы найдем у одного вполне авторитетного автора, который сам принадлежал к антантовскому лагерю.

Вот что пишет о роли и об истинных целях держав Антанты в русском вопросе во время гражданской войны и после нее бывший итальянский министр-президент Франческо Нитти: «.....в России нарастает волна ненависти к победителям, потребовавшим от нее тяжелых жертв во время войны и затем постаравшихся использовать свое положение «друзей» для насаждения в России посредством военной силы самого грубого абсолютизма. После неудачи в этом направлении, победители, ради обеспечения займов, предоставленных царскому правительству, сделали попытку к установлению в России режима капитуляций для того, чтобы овладеть русским сырьем и недрами»[28].

Общее заключение. Нам остается теперь подвести лишь краткий итог всему сказанному.

Приведенный нами документальный материал является вполне доказательным для установления той выдающейся активной роли, которую играли Франция и Англия в деле русской

---

[28]) Франческо Нитти: „Европа над бездной". Перевод С. Я. Голомба И. Д. Маркусона, Издательство „Мысль". Петроград. 1923 г. стр. 3-4.

интервенции. Относительный удельный вес обеих держав в интервенции и их материальные затраты в общем и целом могут быть установлены только при общем учете их роли и содействия на всех театрах гражданской войны; мы же в нашем исследовании останавливаемся преимущественно на сибирском театре, касаясь остальных лишь постольку, поскольку они являлись материально связанными с данным театром; эта же связь начала выявляться не ранее лета 1919 г.

Одно является неоспоримым и документально установленным, это факт начала материальной помощи Франции белым армиям, имевшим еще возникнуть на территории России, который относится к концу 1918 г.

Учитывая ту оперативную роль, которую в процессе нашей гражданской войны сыграли войска, руководимые французскими ставленниками и находившиеся в орбите ее влияния, а именно, боевой стержень всего белого восточного фронта—чехо-словацкий корпус, мы склонны считать, что удельный вес французского влияния в процессе нашей гражданской войны был все-таки больше английского, даже, если бы последующими изысканиями удалось доказать, что материальные затраты Англии на гражданскую войну в России оказались больше французских.

На основании приведенных нами документов, можно с полной уверенностью судить о полном отсутствии возможности создать собственными средствами военно-экономический базис у северного правительства; об этом свидетельствует его бюджет, приведенный нами в приложении № 9.

Несомненно, что нахождение такого же документа сибирского правительства позволило бы нам нашу уверенность в том, что положение сибирского правительства в этом отношении было немногим лучше положения северного правительства, подтвердить документальным путем.

Однако, наши поиски в этом отношении не увенчались положительным результатом.

Поэтому, базируясь исключительно на документальных данных составленных нами таблиц, мы с уверенностью можем утверждать, что в вещевом отношении белые армии, учитывая их общую численность, на все 100 проц. упирались на помощь держав Антанты.

Следующим по значению видом снабжения является снабжение белых армий винтовками и запасными частями к огнестрельному оружию. Учитывая, что обмундирование и ручное огнестрельное оружие являются предметами наиболее ходкими в процессе войны, и без них

ее ведение становится невозможным, даже при наличии другого военного материала, как-то: орудий, аэропланов и проч., мы невольно должны задать себе вопрос: как длительна могла бы быть сопротивляемость белых армий, которые могли рассчитывать лишь на случайные и далеко недостаточные источники пополнения этих предметов на своих территориях, если бы державы Антанты, главным образом в лице Франции и Англии, не предоставили этим армиям кредитов и субсидий на приобретение этих материалов и самих их в натуре?

Отсюда нам станут ясны и понятны та роль и значение, которые имели эти державы в создании военно-экономического базиса белых правительств.

Для того, чтобы уяснить роль и значение Франции в общем и целом в судьбах нашей гражданской войны и тех последующих кампаний и операций, которые явились ее непосредственным следствием и продолжением, нам не следует забывать той организационной работы, сопряженной также с финансовыми и материальными затратами, которую с весны 1919 г. Франция вела на другом фронте, а именно на фронте лимитрофных государств, стремясь образовать из поднятых на ноги ее усилиями их армий санитарный кордон против проникновения большевизма в Европу.

В своем месте мы отметили уже, что результаты работы ее в этом направлении сказались полностью в 1920 г.

По своему значению она для судеб русской революции является не менее важной, чем та, которую проводила Франция в предшествующие годы на наших внутренних фронтах.

Само собою разумеется, что для оценки размеров этой работы и затраченных на нее средств мы можем располагать только материалами случайного порядка, или оперировать с общеизвестными фактами, как, например, создание армии Галлера с целью борьбы с большевизмом и теми результатами, которые возникли на западном фронте нашей гражданской войны в 1919 г., при появлении на нем армии Галлера.

Для полного выявления роли Франции в судьбах нашей революции необходимо было бы также выяснить степень ее участия в поддержке и организации формирований и организаций Петлюры, Булака-Балаховича и Савинкова, а также роль ее агентов в бандитском движении в нашей западной пограничной полосе в 1921 г.

Все эти факты ждут своего исследователя и времени, которое поможет хоть отчасти выяснить скрытые пружины французских политики и капитала во всех этих событиях. В настоящий момент

при отсутствии пока еще документальных материалов, они сохраняют за собой юридическое значение косвенных улик, и являются лишь дополнительными штрихами к тому наброску роли Франции в судьбах нашей гражданской войны, который мы постарались дать в нашем очерке.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Конвенция 16 января 1919 г.

1. Генерал Жанен является главнокомандующим всеми союзными войсками, действующими на востоке России и Сибири к западу от Байкала [29]).

Кроме того, так как ген. Жанен облечен чехо-словацким правительством полномочиями командующего войсками этого государства, то чехо-словаки обращаются к нему для урегулирования всех вопросов, связанных с переменами организации фронта, который до сих пор был им поручен.

2. В целях обеспечения единства действий на всем фронте, высшее русское командование будет согласовывать ведение операций с общими директивами, сообщаемыми ген. Жанен представителям высшего междусоюзного командования.

В соответствии с этим, издаваемые оригиналы будут иметь подписи обеих сторон.

3. Все приказы и инструкции, отдаваемые в развитие общих планов, утвержденных порядком, указанным в параграфе 2, будут посылаться начальником русского главного штаба, действующего через делегата высшего командования.

Эти приказы и инструкции будут представляться ген. Жанен, который будет их подтверждать в части, касающейся союзных войск, непосредственными предписаниями. Генерал Жанен будет точно так же держаться в курсе всех словесных приказов, которые, в случае надобности, будут отдаваться.

4. Для этих целей ген. Жанен будет иметь штаб, который будет работать совместно с русским штабом по вопросам общих операций и, с другой стороны, непосредственно руководить операциями союзных войск.

---

[29]) Английскими, французскими, итальянскими, польскими, румынскими сербскими, словацкими, юго-славянскими.

5. В целях обеспечения плодотворной совместной работы русских и союзных войск и ориентировки как в отношении требований на материальную часть, подлежащих пред'явлению союзным правительствам так и в отношении использования этой материальной части, генерал Жанен будет иметь право производить общий контроль как на фронте, так и в тылу.

Генерал, в согласии с русским главным командованием, может иметь своих офицеров в штабах, войсковых частях и учреждениях. Указанные офицеры будут иметь право давать, в случае надобности, технические советы.

6. Генерал Нокс является сотрудником ген. Жанен по всем вопросам, касающимся снабжения, идущего из-за границы, и имеет общей задачей об'единять помощь, оказываемую союзниками в тыловом районе; по соглашению с русским военным министерством, он определяет совместно с ген. Жанен заказы материальной части, которые надлежит делать у союзников и обеспечивает доставку этого имущества на фронт, руководствуясь в общем указаниями ген. Жанен на основах, указанных выше.

Кроме того, ген. Нокс будет иметь задачей содействовать в тыловом районе организации и обучению формируемых частей войск, руководствуясь при этом общими указаниями, даваемыми ген. Жанен.

Английские или французские инструктора будут предоставлены в его распоряжение.

7. В отношении материальной помощи, оказываемой союзными правительствами, все первоначальные требования, касающиеся заграничных поставок, будут разрабатываться по соглашению ген. Жанен и ген. Нокс, с одной стороны, и русским военным министерством — с другой стороны, в целях составления одного общего согласованного плана.

Последующие требования будут устанавливаться таким же порядком, в соответствии с транспортными возможностями. Ген. Нокс будет их рассматривать и утверждать по соглашению с ген. Жанен.

8. В видах обеспечения возможности согласовывать требования, и, в случае надобности, поддерживать их перед своими правительствами, генералы Жанен и Нокс должны держаться в курсе всех общих планов и проектов, составляемых русским военным министерством и главным штабом в отношении организации армии и ее развертывания.

П. п. *адм. Колчак, ген. Жанен, Истеи, ген.-майор Нокс.*

Омск 16-го января 1919 г.

№ 2.

Декларация от 14 марта 1919 г. о междусоюзническом контроле над Китайско-Восточной и Сибирскими железными дорогами.

Союзные державы, воодушевленные искренним желанием помочь русскому народу, и в соответствии с соглашением, достигнутым между ними и представителями России, решили воссоздать и восстановить успешную деятельность транспорта на Кит.-Восточной и Сибирской железных дорогах путем осуществления следующего плана наблюдения за указанными железными дорогами в районах, в которых союзные военные силы действуют.

1. Общее наблюдение за железными дорогами в указанных районах будет осуществлено особым междусоюзным комитетом, состоящим из представителей каждой союзной, в том числе и России, державы, имеющей военные силы в Сибири. Председателем этого комитета является инженер Л. А. Устругов.

Нижеследующие учреждения созданы и поставлены под контроль междусоюзного комитета: А) Технический совет, состоящий из специалистов по железнодорожному делу наций, имеющих военные силы в Сибири, для руководства техническим и хозяйственным управлением всех железных дорог в означенных районах; Б) Союзный совет по воинским перевозкам для согласования воинских перевозок по указаниям подлежащих военных властей.

2. Охрана железных дорог вверена союзным военным силам.

3. Во главе каждой из железных дорог останется русский начальник или управляющий с полномочиями, предоставленными ему русскими законами.

4. Техническая эксплоатация железных дорог вверена председателю Технического совета. Председатель этого совета г. Джон Стивенс. В делах, касающихся таковой эксплоатации, председатель может преподавать указания русским должностным лицам, упомянутым в предыдущем пункте. Он может назначать помощников и инспекторов на службу Технического совета, выбирая их из граждан держав, имеющих вооруженные силы в Сибири, причислять их к центральному управлению совета и определять их обязанности. В случае надобности, он может командировать группы железнодорожных специалистов на наиболее важные станции. При командировании на какую-либо станцию будут приняты во внимание удобства соответствующих держав, под охраной которых будут находиться данные станции.

5. Действие настоящего соглашения прекратится с отозванием иностранных военных сил из Сибири; все иностранные специалисты по железнодорожному делу будут тогда же немедленно отозваны. Мы желаем подчеркнуть принцип, что приводимый выше план должен быть выполнен без нарушения каких бы то ни было суверенных прав русского народа и в сотрудничестве с русским железнодорожным персоналом; союзники искренно желают сделать все, что в их силе, дабы старания вышеуказанных комитета и советов были бы плодотворны и благодетельны для России. После обследования железных дорог и выяснения нужд таковых, союзным правительством будут сделаны представления о той помощи денежными средствами, подвижным составом, материалами и т. п., которую будет необходимо оказать русским железным дорогам для улучшения их состояния и провозоспособности. Мы убеждены, что русский народ, сознавая насущную необходимость немедленного восстановления движения на железных дорогах, примет с полным доверием дружественную помощь, предлагаемую союзниками и будет сотрудничать с вновь созданными организациями в их стремлении улучшить настоящее положение вещей на Китайско-Восточной железной дороге.

Подписано: представители в междусоюзном комитете:

От Китая—*Мушинджен.*
От Франции—*Гастон Буржуа.*
От Великобритании—*сэр Чарльз Элиот.*
От Италии—*Гаско.*
От Японии—*Цуисо Матцудайра.*
От России—*Леонид Устругов.*
От Соедин. Штатов Сев. Америки—*Чарльз Смит.*

14 марта 1919 года.

№ 3.

Секретная телеграмма послу в Вашингтоне 6 августа 1919 г. № 76. Копия Сазонову—119.

Второе заседание совещания 27 июля. Вопрос охраны железных дорог. Правительство повторило уже ранее сделанное им заявление о необходимости замены чешских войск другими иностранными контингентами. В соответствии были приняты следующие решения.

1. На основании сведений, полученных всеми членами Конференции о состоянии чешских войск в Сибири, мнение ген. Жанен в этом

вопросе признается решающим, а именно, что, за исключением небольшого числа добровольцев, чешская армия не в состоянии ни двинуться на фронт, ни продолжать постоянную охрану железной дороги и должна быть систематически эвакуирована через Владивосток. Это заключение принято на основании оценки общего морального состояния чехов. Считается установленным, что они не станут пробиваться ни к Архангельску, ни к Черному морю, безотносительно к тому, будет ли таковым решение чехо-словацкого правительства и останутся ли британские войска в Архангельске, с целью обеспечения соединения. Что же касается возможных последствий оставления чехов в Сибири на ближайшую зиму, российское правительство выразило убеждение, что следует предвидеть значительную опасность, как для самих чехов, так и для общего положения.

2. Российское правительство не располагает в настоящее время достаточным числом войск для охраны пути, в виду сосредоточения всех его сил на фронте.

3. Установлено, что если бы после ухода чешских войск и при невозможности привлечь русские войска к охране, не последовала замена чехов иностранными войсками, то положение коммуникационной линии между Омском и Владивостоком оказалось бы критическим и пришлось бы считаться с возможностью ее перерыва.

4. Число войск, необходимых для охраны ж. д. определяется в три полные дивизии пехоты—36.000 человек, 1 дивизия кавалерии—3.000 человек и 3 батареи—всего около 40.000 человек. Охрана линии предусматривает не только защиту от большевистских нападений, но и экспедиции внутрь страны для преследования и рассеяния центров сосредоточения элементов беспорядка, которые готовились бы покушаться на линию, причем район таких экспедиций определяется компетентными военными властями.

5. Российское правительство обеспечит к 1 октября помещения для иностранных войск.

6. Точное распределение участков охраны, а также правила охраны будут выработаны компетентными властями, причем в общих чертах намечаются три участка, требующие, приблизительно, по одной дивизии каждый: Иркутск—Красноярск—Тайга и Тайга—Омск.

(Подп.) *Сухин.*

№ 4.

Проект отношения.

Великобританскому высокому комиссару.

С военной точки зрения я нахожу необходимым эвакуировать немедленно золотой запас.

1. Все без исключения военные представители союзных государств того мнения, что исход предстоящего боя очень сомнителен. В случае неудачи останется гораздо менее времени для правильной эвакуации Омска, нежели здешние военные власти предполагают. Может остаться только одна неделя: последнее обстоятельство вызовет общее нервное положение, панику, а войска, которые считаются сейчас надежными, могут оказаться к тому времени совсем ненадежными. Не будет совсем частей для охраны золота. С военной точки зрения, все, что необходимо для предстоящего боя, должно быть эвакуировано из Омска сейчас же.

2. Эвакуация золота не создаст в данное время паники. Если эвакуация будет отложена до начала настоящего боя, то она вызовет безусловно панику, как знак, что бой проигран. Большая часть населения города того мнения, что золото уже вывезено.

3. Омское правительство переживет падение Омска, если оно не потеряет золотой запас. Кроме того, этот золотой запас не есть собственность омского правительства, но всего русского народа. Рисковать оставить золото в руках большевистских изменников является преступлением перед русским народом.

4. Долг омского правительства перед союзниками—отправить золото в безопасное место, так как обладание им большевиками даст им невероятную силу для производства заграничной пропаганды. Эта заграничная пропаганда сделает скоро невозможным для какого бы то ни было союзного правительства продолжать оказывать помощь противобольшевистским войскам. Потеря золотого запаса после формального предупреждения со стороны союзных представителей лишит правительство симпатии всех иностранцев.

5.Предположено отправить золото при первой возможности попечением чиновников министерства финансов для помещения под русской охраной в государственном банке во Владивостоке. Охрана по пути следования во Владивосток должна быть представлена чехам или надежным русским войскам. Офицерам союзных армий следовало бы сопровождать этот поезд.

Пока союзные войска находятся во Владивостоке, золото будет находиться в полной безопасности. Если союзники уйдут, то, если

русское правительство пожелает, золото можно будет временно отправить морским путем в безопасное место. Там оно будет охраняемо подобным же образом, как та часть русского золотого запаса, которая была большевиками на основании условий второго брест-литовского мира передана германскому правительству и которая в данное время временно находится во Франции.

Генерал-майор . . . . . .

Гор. Омск 26 августа 1919 г.

№ 5.

Расходы, произведенные Францией в Сибири.

Можно считать, что они достигают, примерно, 50 миллионов в месяц.

А. Содержание иностранных войск (включая чешские) в месяц—25 миллионов.

В. Содержание французских войск в месяц—5 миллионов.

С. Расходы, произведенные на русскую армию:

1. Суммы выданные.

Общая сумма счетов, под'итоженных к настоящему времени на русскую армию составляла к 5 июня (начиная с 1-января 1919 г.) 65.500.000

54.877.000—законченных счетов,
8.000.000—японские военные материалы,
2.600.000—японские патроны.

Необходимо, однако, отметить, что требования подсчитываются по истечении каждых трех месяцев, а поэтому много расходов первого триместра еще не учтено. Приблизительно можно определить, что за весь первый триместр они выразятся цифрой около 108 миллионов, т. е. в 18 миллионов в месяц.

2. Стоимость уступленного имущества (прибывшего, заказанного или в пути)

(расценить сверх того)
900 пулеметов,
126 самолетов,
422 орудия, гранаты,
70 автомобилей, легковых и грузовых, ружья и пр. и пр.

№ 6.

За военного министра
по главному
законодательно-финан-
совому управлению.
2 мая 1919 года.
№ 1686/3663. гор. Омск.

Милостивый Государь
Николай Николаевич.

Фактически мы валюты от французов не получали.

Французская миссия во Владивостоке оплатила только некоторые из наших заготовок, главным образом министерства продовольствия и снабжения, примерно, на сумму 20.000.000 франков.

Я просил, и есть надежда, что будет уплачено еще около 30.000.000 франков за заготовки предметов вещевого довольствия, производимые для нужд военного ведомства министерством снабжения.

Прошу принять уверение в совершенном
уважении и преданности
В. Сурин.

Н. Н. Кармазинскому
господину товарищу
министра финансов.

№ 7.

Высокий комиссариат
Французской республики
в Сибири.
№ 219.

Омск, 9 августа 1919 г.

Памятная записка.

Копия.

Сибирское правительство знает возрастающие трудности, которые встречает осуществление французской финансовой помощи в Сибири. Проект эмиссии билетов индо-китайского банка, о котором высокий французский комиссар вел переписку с его превосходительством министром иностранных дел, был создан исключительно в целях им противодействовать.

После того, как русский министр финансов выставил по этому поводу категорические возражения, французское правительство вынуждено изменить форму поддержки, которую оно, во всяком случае, изо всех сил будет продолжать оказывать, преследуя блага сибирского правительства.

М. Михайлов, понимая эту необходимость, склонился на облегчение задачи французского казначейства и предложил возложить на

сибирское правительство часть 18 миллионов франков, которые назначены нами на нужды русских войск, израсходованную в рублях.

Французское правительство принимает это предложение, но оно также принуждено приостановить платежи по той части 18 миллионов, которая израсходована не на приобретение военных материалов.

В самом деле, при покупке предполагают приобрести в большом количестве иностранные валюты, но такой образ действий не может продолжаться, угрожая опасностью постоянным французским правилам, которыми оно руководствуется на Дальнем Востоке.

Решаясь на эту меру, французское правительство озабочено, с другой стороны, ограничением ее значения; оно намеревается сопроводить ее компенсацией, долженствующей показать, что его содействие не потеряло своей цены, и что бремя сибирского правительства от этого не возросло.

Вот почему, расходы по содержанию аллогенов [30]) останутся на обязанности французского правительства, кот. не склонно принять предложение сибирского правительства относительно займа в рублях, выплачиваемых франками по курсу, определенному с общего согласия.

С другой стороны, Франция будет продолжать снабжение материалами и сможет даже увеличить его, если некоторые из русских черноморских судов будут предоставлены для транспорта из Франции во Владивосток.

По этому поводу высокий французский комиссар считает своим долгом напомнить, что его превосходительство участвует, неся их пополам, во всех расходах Англии на юге и севере России и в Сибири.

Отмена части денежных взносов, сделанных Францией, обозначает только изменение поддержки правительства республики и ни в коем случае не умаляет значения финансовых задач, принятых им на себя в Сибири. Помимо этого, оно, так же как и прежде, и во всем об'еме, какой только возможен, желает участвовать в восстановлении России.

Доведя предыдущее до сведения сибирского правительства, высокий комиссар считает своим долгом отметить, что все валютные сделки, заключенные французской военной миссией для русской армии во Владивостоке, не будут расторгнуты.

---

[30]) Безграмотный перевод колчаковским министерством иностранных дел французского слова allogènes, которое тут надлежит разуметь как прочие белые правительства, зависящие от сибирского, но находящиеся на другой территории. Примечание автора.

№ 8.

13 августа 1919 г.

Милостивый государь
Иван Иванович.

При записке от 9 сего августа вами препровождена мне копия ноты высокого комиссара Франции, графа Де-Мартель, по вопросу о необходимости для французского правительства сократить сумму расходов в валюте, производящихся им до сего времени на приобретение предметов снаряжения и на содержание воинских частей в Сибири. По указанному поводу имею честь сообщить нижеследующее.

В отношении возможности выпуска банкнот индо-китайским банком, о котором говорит граф Де-Мартель в своем меморандуме, министерство финансов продолжает держаться высказанного им ранее взгляда о невозможности такого рода выпуска. Что же касается делаемого высоким комиссаром Франции заявления о том, что расходовавшиеся до сего времени суммы на приобретение воинского снаряжения будут заменены доставлением необходимых предметов в натуре, то я не возражал бы против указанной формы в том случае, если бы можно было рассчитывать на действительное доставление всего необходимого в нужное время и в достаточном количестве; надеяться на это, очевидно, едва ли возможно. Принимая во внимание, однако, декларативный характер указанной ноты, мне представляется, что возражения в данном вопросе едва ли могут дать какие-либо результаты, и остается лишь принять сделанное графом де-Мартель заявление к сведению.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном уважении и искренней преданности.

Михайлов.

Его пр—ву И. И. Сукину.

№ 9.

Омск
Совет министров
Тальбергу
для Куракина.

Осведомьте всероссийское правительство о наших расходах и рессурсах. Расходы за пять месяцев минувшего года, включая общегосударственные и военные,—восемьдесят семь миллионов шестьсот семьдесят девять тысяч пятьсот пять рублей. За первые пять месяцев текущего года израсходовано сто двенадцать миллионов девятьсот три-

дцать семь тысяч семьсот пятьдесят пять рублей. Кроме того, английским правительством израсходовано на Мурманский край непосредственно в восемнадцатом году тринадцать миллионов восемьсот тысяч и в девятнадцатом году двадцать два миллиона восемьдесят две тысячи восемьсот девяносто шесть рублей. Далее, вследствие падения курса русского государственного рубля и повышения вследствие этого стоимости отпускаемой союзниками населению области муки, правительство приняло разницу цен муки на счет казны, что за три месяца составило семь миллионов северных рублей. Таким образом, пассив Северной области за вышеуказанный период составляет двести тридцать пять миллионов семьсот двадцать тысяч шестьсот пятьдесят один общегосударственный рубль и семь миллионов северных рублей. Рессурсы области составляют: выпущено Займа Доверия на семьдесят миллионов рублей; англичанами выдано непосредственно на содержание Мурманского края тридцать пять миллионов восемьсот восемьдесят две тысячи восемьсот девяносто шесть рублей. В эмиссионной кассе занято двадцать девять миллионов северных рублей, составляющих пятьдесят восемь миллионов общегосударственных. Кроме того, от англичан получена субсидия в тридцать миллионов шестьсот тысяч в общегосударственных рублях. Далее, государственных доходов поступило за август—декабрь минувшего года пятнадцать миллионов триста двадцать семь тысяч четыреста двадцать пять рублей и за пять месяцев текущего года двадцать четыре миллиона шестьсот сорок одна тысяча семьсот семьдесят один рубль. Независимо от сего англичанам выдана субсидия в семь миллионов северных рублей, зачтенных в разницу, вследствие повышения стоимости муки.

Всего денежных рессурсов в Северной области, со 2 августа минувшего года по 1 июня текущего, имелось двести сорок два миллиона четыреста пятьдесят две тысячи девяносто два общегосударственных рубля и семь миллионов северных рублей.

Таким образом, остаток рессурсов на первое июня сего года составляет шесть миллионов семьсот тридцать одну тысячу четыреста сорок один рубль.

30/XII

(Подпись).

№ 10.

Копия.

Получена 14/II 19 г.

Министерство Иностранных Дел.
Секретная телеграмма Упр. Пос. в Лондоне.
На имя министра иностранных дел
от 11 февраля 1919 г. № 78.

Принадлежащие русскому правительству суммы, находящиеся в Лондоне, арестованы весной 1918 года. Они состояли из сумм посольства—112—133 фунтов, министерства финансов—3.646.511 фунтов, морской агентуры — 148.962 фунтов, военной агентуры — 163.172 фунта, министерства путей сообщения — 84.636 фунтов, министерства земледелия — 8.095 фунтов, министерства торговли — 1.996 фунтов, русского правительственного комитета — 1.406.113, а всего 5.551,521 фунтов. Сумма правительственных обязательств по заказам русского правительственного комитета составляла 656.370 фунтов. До последнего времени английское казначейство давало надежду, что при установлении точной суммы правительственных обязательств и отчисления некоторого покрытия на уплату купонов по внешним займам, размещенным в Англии, составляющих за время с февраля 1918 года по июнь 1919 года 4.018.928 фунтов, — остаток в 876.223 фунта может быть освобожден. До сих пор на содержание существующих в Англии правительственных учреждений английское казначейство открыло, в виде ссуды, ежемесячные кредиты, при чем учреждения могли существовать лишь только в сильно урезанном составе, с сокращенными содержаниями. Теперь казначейство заявило, что, во-первых, по формальным основаниям, на неопределенное время кредиты освобождены быть не могут, и во-вторых, что в виду закрытия военных кредитов, ежемесячные ассигнования должны быть прекращены, и предложило оказать содействие для перевода необходимых средств из Омска. Для восстановления действий учреждений в необходимом об'еме потребуется: для посольства, консульства и пособия русским гражданам — 2.500 фунтов, для военной агентуры — 600 фунтов, торговли и финансов — 300 фунтов, на окончание расчетов русского правительственного комитета — 4.000 фунтов, на все—8.000 фунтов, в месяц, с расчетом на 6 месяцев. Кроме того, необходим единовременный перевод для удовлетворения оставшихся в Англии чинов различных ведомств, не получивших никакого содержания за истекшее время, и некоторых неотложных обстоятельств — 45.000 фунтов.

В виду изложенного, прошу войти в сношение с представителями английского правительства в Омске о содействии к переводу денег в мое распоряжение и срочно уведомить.

(Подпись) *Набоков.*

С подлинным верно: и. д. делопроизводителя (подпись).

№ 11.

Перевод.

Архангельск, 9 апреля 1919 г.

Посольство Французской республики.

Господин Министр.

Согласно инструкциям, только что полученным мною от моего правительства, имею честь сообщить вашему превосходительству нижеследующее:

Предложения концессий, недавно сделанные правительством народных комиссаров некоторым иностранным капиталистам, побудили французское правительство рассмотреть возможные последствия концессий, которые могли бы в настоящее время быть испрошены в России как частными лицами, так и группами частных лиц, у какого-либо из действующих в настоящее время фактических правительств.

Французское правительство поставлено в необходимость принять во внимание, что уплата процентов по русскому государственному долгу приостановилась. На нем поэтому лежит обязанность рассматривать неразрабатываемые богатства России, а также имеющие быть созданными источники дохода, как обеспечение кредиторов государства на тех же основаниях, как и государственные имущества, уже существующие, как, например, сооружения сети железных дорог, порты, рудники и копи, леса и проч. Французское правительство полагает в виду этого, что не имеет возможности допустить ни со стороны большевистского правительства, ни со стороны какого-либо из областных правительств, чтобы кто-бы то ни было из них отчуждал часть государственного достояния, которым те и другие в настоящее время распоряжаются, или чтобы они связывали бы его обязательством в будущем.

Согласно данным мне указаниям, я имею честь уведомить правительство Северной России о точке зрения французского правительства на этот предмет, которая одновременно сообщается правительствам в Омске и Екатеринодаре. Мне предложено, чтобы, делая

вашему превосходительству настоящее сообщение, я привлек бы ваше внимание на отказ правительства республики признавать с настоящего момента действительность концессий, которые были или могли бы быть испрошены у правительства Северной области. Я не сомневаюсь, что вашему превосходительству угодно будет должным образом оценить те неудобства, которые могут проистечь для заинтересованных лиц в виду указанного решения правительства республики.

Примите, господин министр, уверения в моём высоком к вам уважении.

(подпись) *М. Гияр.*

Я. СЛАЩОВ.

ЛОЗУНГИ РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА НА СЛУЖБЕ ФРАНЦИИ.

Период Деникина. — Период Врангеля.

Период Деникина.

О том, как Франция использовала русскую армию для своей выгоды в царский период империалистической войны, много говорить не приходится: здесь достаточно прочесть хотя бы воспоминания самого французского посла в России, Палеолога: его книга говорит об этом, может быть и несознательно, но с достаточной откровенностью.

Когда в марте 1917 г. в России рухнуло самодержавие, и грозившая французским банкирам опасность заключения сепаратного мира России с Германией как-будто отпала, то первым же обращением французского посла Палеолога к новому министру иностранных дел Милюкову был вопрос: остается ли новое правительство верным заключенному союзу? Сомнения в ответе быть не могло. Сколько ни менялось в своем составе временное правительство, оно неизменно провозглашало эту верность. Иначе и не могло быть, так как временное правительство было правительством буржуазии.

Русские меньшевики и эсеры, базируясь на патриотические лозунги, поддерживали интересы капитала Антанты. Эти лозунги и эти интересы предопределили собою наступление 1-го июля (18 июня).

Для чего оно было? Нужно ли оно было рабочим и крестьянам России? Нет. Оно было нужно и было продиктовано финансистами Франции.

Партия большевиков была единственной, которая боролась против патриотических лозунгов. Она завоевывала массы и какой же ненавистью за это она пользовалась среди французской и русской буржуазии! Говорить о силе ее пропаганды не приходится: она была слаба, и массы нутром своим шли за лозунгами большевиков, а сильна, наоборот, была именно пропаганда буржуазная, стремившаяся внушить массам убеждение в том, что большевики суть ставленники немцев.

Все лето 1917 г. временное правительство, под давлением держав Антанты, кричало на разные лады о святой идее отечества-демократии и о верности заключенным с союзниками договорам. Чтобы успокоить усталые, прозревшие массы, был выдвинут лозунг—«война

до победного конца, с миром без аннексий и контрибуций»... Лозунг этот, однако, силы не возымел, и 7 ноября 1917 г. народ прогнал Керенского с его министрами. Державы Антанты, и особенно Франция, заволновались. Их деньги, уплаченные за кровь рабочих и крестьян России, рисковали пропасть. Франция не могла помириться с тем, что русская буржуазия и ее прислужники потеряли власть. Она не могла помириться с тем, что русский фронт, спасавший буржуазию Антанты до сих пор, отказался действовать, т.-е. спасать дальше, и заключал теперь сепаратный мир. Однако, до РСФСР добраться было нельзя: немцы стояли поперек дороги и вошли на Украину и Дон. Единственно открыт был далекий путь через Сибирь. И вот начинается борьба с восстания чехо-словацкого корпуса, разросшегося в колчаковское движение.

В то же время богатое население Северного Кавказа летом 1918 г. восстало против Совласти из-за передела земли и отобрания излишков продуктов. Это движение было довольно серьезно. Оно питалось мелкой буржуазией, которая желала эксплоатировать пролетариат и беднейшее крестьянство и которая по условиям времени не чувствовала на себе гнета крупного капитала. Это движение слилось с остатками добрармии Алексеева и Деникина. Антанта приветствовала это движение, но использовать его сразу она, естественно, не могла, ибо война против Германии еще продолжалась. Но вот прошло 9-е ноября 1918 года. Буржуазия центральных держав была разбита буржуазией Антанты. В Новороссийск, через Дарданеллы и Босфор, прибыли суда держав-победительниц. И вот тут-то и началась вакханалия скрытого найма российской патриотической идеи на службу держав Антанты. Скрытым этот наем я называю потому, что хотя теперь он стал проводиться с меньшим стеснением, чем в старой армии, но все же еще он проводился под флером. В этом вопросе надо разделить три периода: 1) период старой русской армии, когда очень стеснялись, и все было под вуалью дипломатической тайны, и фронтовики под патриотическим лозунгом дрались за свое отечество, не сознавая диктовки Франции; 2) период Деникина, когда фронтовики поднимали восстания и шли на лишения и смерть тоже за идею отечества, но уже под очевидным руководством «союзников» и 3) период Врангеля, когда диктовка Франции становилась открытой, и фронтовикам приходилось решать: становиться ли им простыми ландскнехтами или, по своим воззрениям, отходить в сторону.

27-го ноября 1918 г. в Екатеринодаре правительство добровольческой армии Деникина встречало представителей держав Антанты.

Встреча была обставлена крайне торжественно. Это был банкет, напоминавший зал заседаний. Сходство еще более подчеркивалось наличием стенографисток. Перед этим, радио судов, пришедших в Новороссийск, работали без устали. Миноносцы носились срочным порядком в Константинополь и обратно. Все, что говорилось на этом банкете-заседании, говорилось не от имени прибывших адмиралов, а от имени и по полномочию правительств главных держав — Англии, Америки и Франции. Речи обеих сторон были заранее отпечатаны и переведены на иностранные языки.

Основная идея речей, высказанных за этим «столом», заключалась в том, что державы Антанты решили покончить с большевизмом и всеми силами поддержать «здоровое» русское движение, основанное на идее отечества и признающее все государственные обязательства старой России. Верность договорам старого правительства о борьбе с центральными державами со стороны добровольческой армии Деникина заставляет державы Антанты смотреть на ее участников как на представителей настоящей России и заранее гарантировать деникинцам полную поддержку. Но тут же немедленно сказалось и стремление держав Антанты расчленить бывшую Россию, чтобы создать из нее ряд отдельных совершенно самостоятельных государств и, используя богатый источник сырья, взаимными распрями этих государств создать ряд экономических затруднений, разоряющих бывшую Россию и ставящих ее в зависимость от той или другой державы.

Тенденция к этому выявилась в создании из очищенной от немцев Грузии самостоятельного государства, распри которого с Деникиным привели весной 1919 г. к движению частей добровольческой армии на Грузию. В Крыму было тоже создано самостоятельное правительство из местной интеллигенции, и только настоятельное давление Деникина на то, чтобы иностранные войска не занимали Крыма, и ввод туда частей добрармии, несколько подчинили крымское правительство особому совещанию (правительство Деникина).

Эти действия Деникина были крайне нежелательны для буржуазии держав Согласия, которые хотя наружно и согласились с белыми, но скоро пошли другим путем и выявили свою собственную волю в Одессе.

Правительство Деникина было признано «де-юре» правительствами Антанты, как представляющее русский народ (подчиненным правительству Колчака и лишь не имеющим, по условиям обстановки, связи с ним и поэтому действущим самостоятельно). Но, несмотря

на это признание, Антанта творила свою волю и преследовала лишь свои собственные интересы. Территория бывшей России была буквально разодрана на части. Кругом РСФСР образовалось целое кольцо «самостоятельных» государств, независимых или почти независимых друг от друга и которые толкались Антантой, и в частности Францией, на вражду и войну друг с другом, что наносило русскому народу тяжелые экономические удары, разоряя его хозяйство и все более и более ставя в зависимость от той или другой из держав-«покровительниц».

Патриотическая идея русского отечества опять начала интенсивно использовываться для интересов держав Антанты. Надо отдать справедливость, что это делалось еще очень тонко и совершенно незаметно для большинства добрармии. Так же, как при царе и при Керенском, непрестанно давили и на Деникина, заставляя его предпринимать те или иные операции, выгоды от которых должны были попасть в руки держав Антанты. Самым главным здесь было свержение Совласти и торжество правительств, признающих долги старой России и ослабленных взаимными междуусобиями.

Теперь уже начался открытый поход держав Антанты против РСФСР. После того, как высадка французов в Одессе кончилась отказом их войск действовать и эвакуацией Одессы, — что вызвало сильное брожение в армии Деникина, — руководящую роль над добрармией на себя взяла Англия, при поддержке Франции и остальных держав Антанты. С этого момента можно было уже определенно утверждать, что Антанта, и в частности Франция, не только использовали русских рабочих и крестьян для своего спасения во время империалистической войны, но выступили теперь как открытые их разорители, поддерживающие и настаивающие на гражданской войне. Если раньше при упоминании о долгах можно было спрашивать, при чем тут рабочие и крестьяне РСФСР, то теперь уже можно спросить: сколько должна Антанта, и, в частности, Франция, СССР за то, что она ее разорила, вмешиваясь в ее внутренние дела?

Для войны с рабочими и крестьянами РСФСР Антантой были ассигнованы громадные средства и в добрармии появились орудия, снаряды и снаряжение. Как я уже сказал, в то время первую скрипку играла Англия.

Франция устроила одесский инцидент, и ее поражение вызвало настолько громогласную радость некоторых слоев добрармии, что ей пришлось стушеваться и действовать только через свою союзницу

Англию; впрочем дело от этого не менялось: капитал Антанты попрежнему владел целой частью России, с ее богатейшими источниками сырья и богатейшим рынком. На этот театр военных действий Антанта бросила все запасы, неиспользованные в империалистической войне для борьбы с Совластью.

Я уже указывал, что гегемония была на стороне Англии, но Франции было очень опасно положение английского превосходства, и она боялась потерять те выгоды, которые сулили Англии победы Деникина. Ей нужно было найти другие пути, чтобы если и не овладеть полным влиянием и, следовательно, барышами, то иметь, по крайней мере, возможность давить на строптивого по отношению к ней Деникина. Кроме того, великодержавная политика Деникина с лозунгом «единая, великая и неделимая Россия» не согласовалась с интересами ни одного из союзников.

На помощь стремлению французов явился Петлюра. Петлюровское движение не могло бороться против Соввласти на Украине. Оно хирело и гибло. Но теперь доступ к нему оказался открытым для французов через их вассала, Польшу, из которой германские войска были выведены.

И вот получилась картина:Англия снабжает Деникина и пользуется в этом отношении завистливой помощью Франции. Польша устраивается, снабжается и руководится Францией. Польша снабжает Петлюру французскими деньгами и оружием. Деникин дерется с Петлюрой. На спинах русских рабочих и крестьян державы Антанты боролись между собой за создание из бывшей России мелких не-советских государств, которые бы можно было превратить в колонии, используя их как рынок сбыта товаров, как источник дешевых рабочих рук и как поставщика дешевого сырья.

Эти действия буржуазии Антанты залили территорию СССР кровью и разорили рабочих и крестьян. Сколько сгорело деревень, сколько убито и искалечено людей, сколько уничтожено имущества, сколько погибло железно-дорожных сооружений! Это долг, и долг неоплатный держав Антанты, а Франции особенно, по отношению к Украине и части Донецкого бассейна. И для всего этого использовывалась патриотическая идея русского отечества, внедренная многолетним воспитанием. Политически безграмотные люди шли на смерть, чтобы «спасти отечество», а на самом деле они только служили интересам международной буржуазии.

Действия французского буржуазного правительства, направленные к окончательному разорению России, к ее ослаблению и передаче

по частям в руки держав-победительниц, были совершенно беззастенчивы и доходили теперь уже до того, что Франция через Польшу и Петлюру спабжала боевыми припасами такого бандита, как Махно.

Махно воевал и с красными и с белыми. Он грабил, убивал, жег, взрывал ценнейшие железно-дорожные мосты, и вот этот-то бандит получал от французов, под фирмой Петлюры и Польши, снаряжение и боевые припасы. Мне это точно известно, благодаря тому, что летом 1919 года я был Деникиным послан воевать с Петлюрой и Махно в район Екатеринослав—Умань—Гайсин—Могилев - Подольский. И мне за время операции против Махно пришлось принимать специальные меры, чтобы отрезать пути доставки боевого довольствия от Петлюры к Махно в район Умани.

Таким образом, летом 1919 г. богатейший по хлебу район Украины сделался, благодаря сознательному желанию Франции, районом боев всех против всех. Его население было разорено до последней крайности.

Население юга России и без того было недовольно гнетом белой власти, а деятельность Петлюры и Махно, вызывавших постоянные бои с Деникиным, окончательно возмутила население края. Деникину пришлось выделять все большие и большие силы для борьбы с этими ставленниками Франции.

Таким образом Франция достигла двух целей: с одной стороны, —ослаблялась и разорялась бывшая Россия, с другой — ослаблялся ставленник Англии, Деникин.

Разгром под Орлом Деникина и его бегство на Кавказ, к Новороссийску, с кошмарной эвакуацией в Крым и эвакуацией войск Шиллинга и Драгомирова из Одессы в тот же Крым, положили конец английским надеждам на эту армию. Это был разгром Англии, который дал возможность Франции восстановить свои утраченные права на «русское отечество». Белая армия была принуждена с Кавказа и из Одессы бежать в Крым и собралась там в апреле 20 года.

Англия теперь теряла свою гегемонию. Деникин, как дискредитированный, оставаться во главе армии и правительства не мог. Англия, в лице Ллойд-Джорджа, настаивала на мире, чтобы потом на досуге заняться завоеванием богатств бывшей России.

Но Франция немедленно выдвинула своего кандидата, который должен был повести дальнейшую борьбу с РСФСР, но уже под гегемонией Франции.

Таким кандидатом, наиболее подходящим по своим нравственным качествам, был Врангель. Он и раньше сильно ссорился с Деникиным по поводу проведения или, вернее, назначения операции. Надо помнить, что Деникин, как я уже указывал, принужден был встать на английскую ориентацию, Врангель же проводил интересы буржуазии французской.

Движение зажиточного крестьянства и мелкой буржуазии против Советской власти на юге России в 1918 году, использованное державами Антанты для своих целей, идеологически рухнуло и привело массы, испытавшие гнет иностранного капитала, желавшего сделать их колониальным народом, к тому, что восставшие элементы стали выдвигать единый фронт с пролетариатом и беднейшим крестьянством.

Действия крупной буржуазии убедили эти массы, что те временные неудобства, которые несла им Советская власть, все же меньше давят их, чем иностранный капитал, явившийся вместе с белой армией делать в России свое дело. Идеология участников белой армии сильно пошатнулась—я, конечно, говорю уже не о солдатской массе, а об офицерской, которая раньше шла в бой под лозунгом отечества. Все чаще и чаще стала у ее отдельных членов вкрадываться в голову мысль: где же правда, и являются ли они действительными защитниками отечества? Выдвижение снова старых полицейских и начальников, удобных крупному капиталу и готовых на все; выявившаяся теперь окончательно политика Антанты с ее поддержкою разнородных течений, лишь бы ослабить и раздробить Россию; громкое и все растущее недовольство народной массы белой властью,—все это раскрывало глаза многим и подводило к переоценке ценностей. Появились зародыши так называемого сменовеховства, которое, впрочем, шло неуверенными шагами и, как все колеблющееся, не могло пользоваться общим доверием.

Я здесь не буду останавливаться на подробностях ломки идеологии участников белой армии, а отошлю читателя к моей книге «Воспоминания о белом движении на юге России». Здесь будет достаточно сказать, что ломка происходила страшная, хотя, конечно, я и мне подобные еще не могли тогда смотреть на события теми глазами, которыми я смотрю на них сейчас, описывая эти события.

Так или иначе поражение белого движения на юге России вызвало среди его участников ломку идеологии и расслоило командный состав, унаследованный белой армией от старой русской армии, — на

нежелающих продолжать борьбу с открытым ландскнехством и грабительством, на колеблющихся и на желающих уйти. Но Франции нужно было продолжение войны, и она приняла все меры наперекор колебаниям самих участников.

Период Врангеля. Дискредитированный, нравственно убитый Деникин решил уйти, тем более, что Англия пред'явила требование о заключении мира, как РСФСР, так и правительству Деникина.

Настроение белых частей, как я уже указывал, было подавленное и разочарованное — из частей сохранился только один Крымский корпус под моей командой, удерживавший Крым—все же остальное представляло собой стадо беглецов, разбитое и испытавшее кошмарные новороссийскую и одесскую эвакуации, за время которых старшие начальники, ради своего спасения, бросали на произвол судьбы и милость победителя свои части. Среди добрармии было очень многочисленное течение за заключение мира, безразлично от того, останется ли Крым отдельным, или будет амнистия Советской власти.

Результатом этих стремлений и наличия в Крыму остатков белой армии Деникина и явилось назначение главнокомандующим вооруженными силами юга России генерала Врангеля, выдвинутого на этот пост французами.

Совещание, собранное Деникиным 4 апреля 1920 года, под председательством генерала Драгомирова, для выбора нового главнокомандующего, отказалось голосовать, и тогда, под давлением общественных группировок и под руководством высшего духовенства и старых сенаторов, придерживавшихся французской ориентации, Деникин подписал приказ о назначении генерала Врангеля главнокомандующим и извещение о своем от'езде из армии.

На совещании 4 апреля 1920 г. мнения ораторов разделились; большинство стояло за заключение мира, причем выдвигалось (тогдашняя французская и английская точки зрения), что Крым должен остаться самостоятельным, так же как и Грузия и прочие лимитрофы. И Антанте нужно было дробление бывшей России на мелкие части, а кроме того, наличие самостоятельного Крыма давало лишний путь к новой интервенции. Но эта «формула» не собрала себе достаточного большинства. Так, например, заявление ген. Сидорина о том, что надо заключить мир безоговорочный с самой минимальной эвакуацией (лиц) и передать весь черноморский флот РСФСР, как законной русской власти, встретило большое сочувствие (как известно, в первые же месяцы правления Врангеля, командующий

Донским корпусом генерал Сидорин был отдан под суд за разлагающую корпус деятельность и разжалован).

Совещание 4 апреля не могло вынести определенного решения относительно судьбы армии. Как я уже указывал выбирать главкома оно отказалось, но по вопросу о Крыме ни одно мнение не имело большинства.

Поэтому Врангелю было поручено заключение мира с РСФСР, с тем, чтобы на худший конец, лицам, неприемлемым для красных, был гарантирован свободный выезд за границу. Постановление это было подписано президиумом совещания. Но все это не входило в планы французской буржуазии и ее ставленника Врангеля.

Путь к проведению французского плана был очень легок. Так как разговоры о мирных переговорах разлагали даже мой корпус и грозили преждевременным крушением фронта, то эти переговоры должны были вестись тайно. А раз тайно, то, под давлением Франции, их вовсе вести не стали.

Под давлением Франции, которая теперь взяла руководство белой армией в свои руки, было об'явлено, что большевики не согласны на переговоры с белыми и, чтобы их подвинуть на это, требуется доказать свою силу; вместе с тем об'являлось, что изменников идеи родины за границей никто не примет. Была начата японская оккупация в Сибири и интенсивное польское наступление с запада. Надо подчеркнуть, что подробности польской войны усиленно скрывались, видимо по тем причинам, которые указывались мною выше, т.-е., что в некоторых кругах поражения иностранцев встречались с ликованием. Врангель немедленно об'явил о признании им всех прежних русских долгов, в ответ на что Франция признала правительство Врангеля «де-юре».

Так или иначе, французам удалось толкнуть армию Врангеля на наступление в северную Таврию, и 7 июня 1920 г., под давлением десанта через Азовское море, 12 армия красных принуждена была начать поспешный отход на Каховку, вследствие потери железнодорожного сообщения на Мелитополь.

Франции удалось двинуть даже колебавшихся людей на новое наступление, что, в связи с наступлением Польши, вносило страшное разорение в РСФСР.

Движение Махно и, в особенности, восстание хуторян в Приднепровьи позволили опять поднять усиленную пропаганду идеи отечества и защиты народа против «ига красных, поставленных германцами». Все это было шито белыми нитками, но позволяло отговариваться перед политически безграмотными людьми.

Сменивший английского генерала Нокса французский генерал Пелле действовал много менее тактично. Если при Деникине все шло под патриотическими лозунгами «отечества» и его нужд, то Пелле уже просто и открыто диктовал Врангелю свою французскую волю.

Картина была такая: Приднепровье было охвачено восстанием хуторян, от которых Совласть отобрала излишки в пользу бедняков; казалось бы, что уж если драться за народ, то надо итти туда, где он волнуется, а между тем Пелле требовал операции в направлении на Дон. На Дон было итти не за чем; там все, способное носить оружие, ушло на польскую войну; там не было сочувствия и поддержки. Но если расшифровать эту загадку, то мы увидим, что на пути следования лежит Донецкий бассейн, угольные копи которого были очень нужны французскому капиталу; занятие их наносило большой экономический удар РСФСР.

Я категорически восстал против этого проекта, указывая на все его недостатки.

Врангель уехал от меня сильно расстроенный и отменил свой приказ наступать моему корпусу. По возвращении Врангеля в Севастополь к нему немедленно приехал сильно встревоженный генерал Пелле. И нажим генерала Пелле был настолько силен, что я получил по аппарату из ставки указание выполнить движение. Тогда же мне пришлось спросить Врангеля: за что мы боремся, за отечество или за французов? Мне пришлось заявить, что я поднимал восстание против Совласти, как против ставленников немцев, а теперь вижу, что мы служим французам и отдаем им отечество; чем же немцы хуже французов? Для меня идея борьбы становится не ясна, и я не могу прямо и открыто смотреть в глаза своим подчиненным.

Была сделана уступка: мой корпус был с донецкого направления переброшен на днепровское, где начиналось, к тому же, наступление красных, но операции продолжались в прежнем духе.

Я подал в отставку и уехал с фронта.

Могу с чистой совестью сказать, что моими первыми учителями политграмоты, хотя и не желая этого, были генералы Врангель и Пелле. Открытое использование Францией идеи «русского отечества» для своих целей помогло мне прозреть.

Мне пришлось видеть, как давил генерал Пелле на производство донского и кубанского десанта, с целью захватить Донецкий бассейн, т.-е., уголь, и отрезать грозненский и бакинский районы, т.-е., нефть. Даже Врангеля передергивало, когда он приезжал. Возможно, впрочем,

что это было из-за самолюбия, потому что мне раз пришлось столкнуться с генералом Пелле у Врангеля, с которым я говорил опять-таки о ненормальности всего положения. Генерал Пелле, не стесняясь меня, или думая, что я не понимаю по-французски, очень резко и прямолинейно высказал приведенную выше расшифровку стремлений на Дон и Кубань. Он прямо заявил: «Это ослабит РСФСР, это нанесет ей удар»... и потом добавил: «она станет с вами разговаривать».

Потом пришлось видеть, как наштаб Врангеля, генерал Шатилов, нарочно раскрывал карты о кубанском десанте для вздутия цен на нефтяные бумаги и занимался продажей их.

Пришлось видеть, как премьер-министр Врангеля, Кривошеин, с большой пользой для себя пропускал через себя поставки на армию.

Это все шло усиленным темпом, когда армия Врангеля шла вперед в сентябре 1920 года и докатилась до Синельникова. Но это торжество продолжалось недолго. Части Врангеля были нравственно совершенно разложены: это были люди, либо разочаровавшиеся в идее белой армии и только колебавшиеся, надо ли немедленно бросить дело, вера в правоту которого колеблется, или добиться заключения мира; либо — люди, потерявшие всякую идеологию и готовые служить кому и чему угодно, лишь бы платили деньги, а так как денег всегда было мало, то ударившиеся в грабежи. И эту армию французская буржуазия толкала наступать на РСФСР с единственной целью—возможно больше разорить первое пролетарское государство и если не сломить, то сделать его более сговорчивым.

Как я уже указал, среди армии происходили большие колебания. Так, например, история с моим уходом, конечно, вызвала немало разговоров и повлекла массовый уход командного состава из 2-го армейского корпуса (бывшего Крымского). Достаточно сказать, что из двух начальников дивизий ушел один; из 9 командиров полков ушло 5; в артиллерии была та же картина; относительно более мелких чинов офицерства картина была та же; 8-й кавполк пришлось расформировать из-за полного разложения полка и ухода большинства офицеров во главе с командиром полка. Крымский корпус перестал быть боевой ценностью — в этом Врангелю самому пришлось признаться. Это показывает, насколько крупную ломку идеологии вызвали грабительские действия французской буржуазии, даже в стане тогдашних врагов Соввласти.

Единственная неразбитая часть бывшей армии Деникина перестала существовать, как ценная боевая сила. Оставались только беглецы из Новороссийска и Одессы, которые уже испытали, что

значит эвакуация, и которые, как я уже указывал, в большинстве по идеологии были простые ландскнехты, а солдатская масса пополнялась по всеобщей мобилизации. А французы все гнали и гнали вперед...

Как я уже сказал, торжество наступления Врангеля, захватившего Синельниково осенью 1920 года, продолжалось недолго. 14 октября армия Кутепова была разгромлена в районе Никополь — Александровск. Ландскнехты почувствовали, что они разбиты и что им предстоит еще одна эвакуация. А что значит эвакуация при ландскнехтах-начальниках — они уже испытали.

Напрасно ездил Пелле к Врангелю. Врангель был бессилен. После перекопских боев на фронте почти никого не оставалось. Еще до них огромные массы шли на портовые города и грабили по дороге, чтобы побольше увезти с собою.

Последним средством Франции удержать растерявшегося Врангеля в Крыму была угроза, что беглецов за границей не примут. Насколько Франция не была подготовлена к столь быстрому крушению Крыма показывает то, что в момент самого бегства (еще до эвакуации) в Севастополь прибыл ледокол «Илья Муромец», возвращенный Францией Врангелю из состава бывшего русского добровольного флота, застрявшего во время войны за границей. Правда, что потом Франция сторицей вознаградила себя за это возвращение, задержав у себя весь черноморский флот.

Угроза Франции, как я уже сказал, не помогла, и Врангель должен был покинуть Крым. Конечно, Франция принуждена была принять его в Константинополь. Ей об этом жалеть не пришлось: она приобрела несколько десятков тысяч ландскнехтов. И она их, хоть впроголодь, но содержала.

В дальнейшем эта армия ландскнехтов пользовалась все большей и большей поддержкой. Можно только поражаться Франции в этом отношении. Официально армия Врангеля превратилась в рабочих, но сохранила военный командный состав и даже в Болгарии принимала участие в подавлении революции, как кадровые войсковые части. Для чего сохраняются управление и кадры армии Врангеля? Можно ли сомневаться в том, что это не только для экзекуции на Балканах, но и для новых попыток интервенций под лозунгом «за отечество»? Ведь наступать на СССР так неудобно и неловко, но поддержать «представителей русского народа» можно.

Сохранением, хоть в скрытом виде, армии Врангеля французская буржуазия сделала еще один враждебный выпад против СССР.

Весь конец 1920 г. и начало 1921 г. и Франция и Англия стремились создать затруднения РСФСР, используя для этого оставшиеся в Галлиполи (Константинополь) кадры белой армии.

Начать новую открытую интервенцию было невозможно из-за возмущения широких слоев населения названных стран, а в особенности их рабочих масс, так что приходилось действовать под сурдинку.

Поэтому, Франция и Англия старались организовать волнения в РСФСР, переправляя туда мелкие отряды из белой армии, для поднятия восстаний, которые позволили бы Антанте вновь вмешаться во внутренние дела РСФСР, или использовать эти волнения при переговорах с нею. Такое давление Антанте было необходимо. Огромный рынок и источник сырья пропал, пропала и возможность их эксплоатации. Но если вызвать волнения, то есть надежда сделать Советское правительство более сговорчивым и менее строптивым. К таким действиям и перешли Франция и Англия, еще увеличивая этим свой долг перед рабочими и крестьянами первого пролетарского государства.

Ландскнехтов стали настраивать опять на лозунг «за отечество», но это уже действовало слабо. Для ландскнехтов этот лозунг был не убедителен, а для тех, кто искренне раньше шел на смерть, он уже был расшифрован: они видели, что под патриотическим лозунгом отечества ведется борьба против их народа.

Приехав в Константинополь я немедленно подал заявление об уходе из армии. К этому меня побудила вся совокупность вышеописанной мною обстановки (более подробно это описано в моих воспоминаниях).

Зная, как Врангель, по политическим соображениям, заминал мою историю — я открыто обратился к общественному мнению с письмом, в котором излагал состояние армии. Результатом этого было назначение суда надо мной. И генштаба генерал-лейтенант Слащов-Крымский был приговорен к исключению из белой армии за его разлагающую армию деятельность. К большему меня приговорить не могли, ибо я был частным человеком, под охраной турецких властей. Демократической Франции по политическим причинам вмешиваться в эту историю не хотелось.

Но на этом дело не кончилось. Казалось бы, что если Франция и Англия не имеют вражды к русским рабочим и крестьянам и что если они во имя прежних заслуг России (так официально заявлялось) поддерживают лозунг русского отечества, то им нечего обращаться к «отступнику» и нечего натравливать находившихся за границей

русских на РСФСР. Но здесь пришлось считаться с двумя обстоятельствами: 1) Слащов видится с «подозрительными» людьми и 2) идеология Слащова понятна многим из белой армии, а его противники, не имея возможности откровенно сказать, что они под лозунгом за отечество прикрывают свою службу Франции, не могут выставить против него обвинения. И вот Пелле (Франция) и Уоккер (Англия) повели другую линию, выказав свое неудовольствие ландскнехтам белой армии и Врангелю.

Для спасения русского «отечества» были предприняты старания примирить Врангеля и Слащова и вернуть последнего на должность мавра, который еще не сделал своего дела. Тут, естественно, был важен не сам Слащов, а та группа, которая, так же как и я, политически прозревала.

Я в то время кое с кем уже говорил и собирался уезжать в РСФСР. Это был как раз разгар посылок отрядов из состава белой армии на Кавказ и в Крым, для того, чтобы вызвать там волнения, которые, если разрастутся, то нанесут новый экономический удар РСФСР, по соседству с источниками нефти и угля. В Крым поехали генерал и капитан Моисеевы с тремя стами ландскнехтами, снаряженными за счет Антанты. Подобные же отряды посылались и на Украину.

Я переехал на «угол» Босфора и Черного моря, в 20 верстах от Константинополя, в имение Мемет-паши, и, как я уже указывал, готовился к побегу в РСФСР.

Среди лета неожиданно приехал в имение Энвер-паши сербский консул и немедленно сделал мне визит, приглашая притти к нему поужинать.

За ужином я застал офицеров лейб-гвардии Атаманского полка из штаба Врангеля, и разговор вертелся на том, что в тяжелый для родины момент нельзя ссориться, а надо действовать всем за одно, во имя отечества.

Сербский консул мало вмешивался в разговор, ограничиваясь сочувственным киванием головы: он старался, видимо, выдержать роль лица, желающего примирить две стороны, предоставившего им даже для этого помещение, но не желающего оказывать явного предпочтения той или другой. Все же когда я ответил, что если говорить об отечестве, то, по-моему, оно там, а не в стане заграничных эмигрантов, то он не выдержал и заявил: «мы с этим не согласны: настоящая Россия тут, и мы, сербы, боролись бы до конца и прекратили бы свои между собою споры».

Должен сознаться, что я был несколько груб и неосторожен (своими словами я мог сорвать весь план моего от'езда), но я прекратил этот разговор очень резко.

Сербский консул был, конечно, страшно шокирован. Ужин оказался впустую — я ушел к себе, — но виновник торжества, генерал Врангель, предупрежден во-время о неудаче не был и разлетелся в имение Энвер-паши. Это характерный штрих заграничных попыток Франции проводить свои желания при посредстве зависимых от нее государств, одним из которых являлась Сербия.

Я скоро почувствовал результаты своей неосторожности. Контрразведки Франции и Англии убедились, что я их враг и что слухи о моем, если не желании уехать в РСФСР, то, во всяком случае, о сочувствии к советской власти верны. В имение Мемет-паши стали наезжать кавалькады для осмотра документов и нет ли оружия. Придирки делались во всем.

Я же продолжал готовиться к от'езду и подчеркиваю, что еще о классовой борьбе существенного понятия не имел, а продолжал руководствоваться патриотическим лозунгом «за отечество», и вся моя вина была в том, что я хотел вернуться в свое отечество. Франция и Англия сделали все, чтобы это не состоялось.

Как они поступили со мною, так они поступили и с остальными: им нужно было раздробленное, ослабленное русское буржуазное отечество, а не РСФСР, во главе которого стоял класс пролетариата. Присоединение бывших ландскнехтов к отечеству пролетарскому грозило нарушить возможность натравливать свои народные массы на продолжение войны с РСФСР и продолжать использование идеи русского отечества для своих целей.

За границей оставались десятки тысяч русских крестьян обманутых и загнанных, которых можно было превратить в своих белых рабов (это так и делается), и дурной пример возвращения в РСФСР был крайне нежелателен буржуазии Антанты.

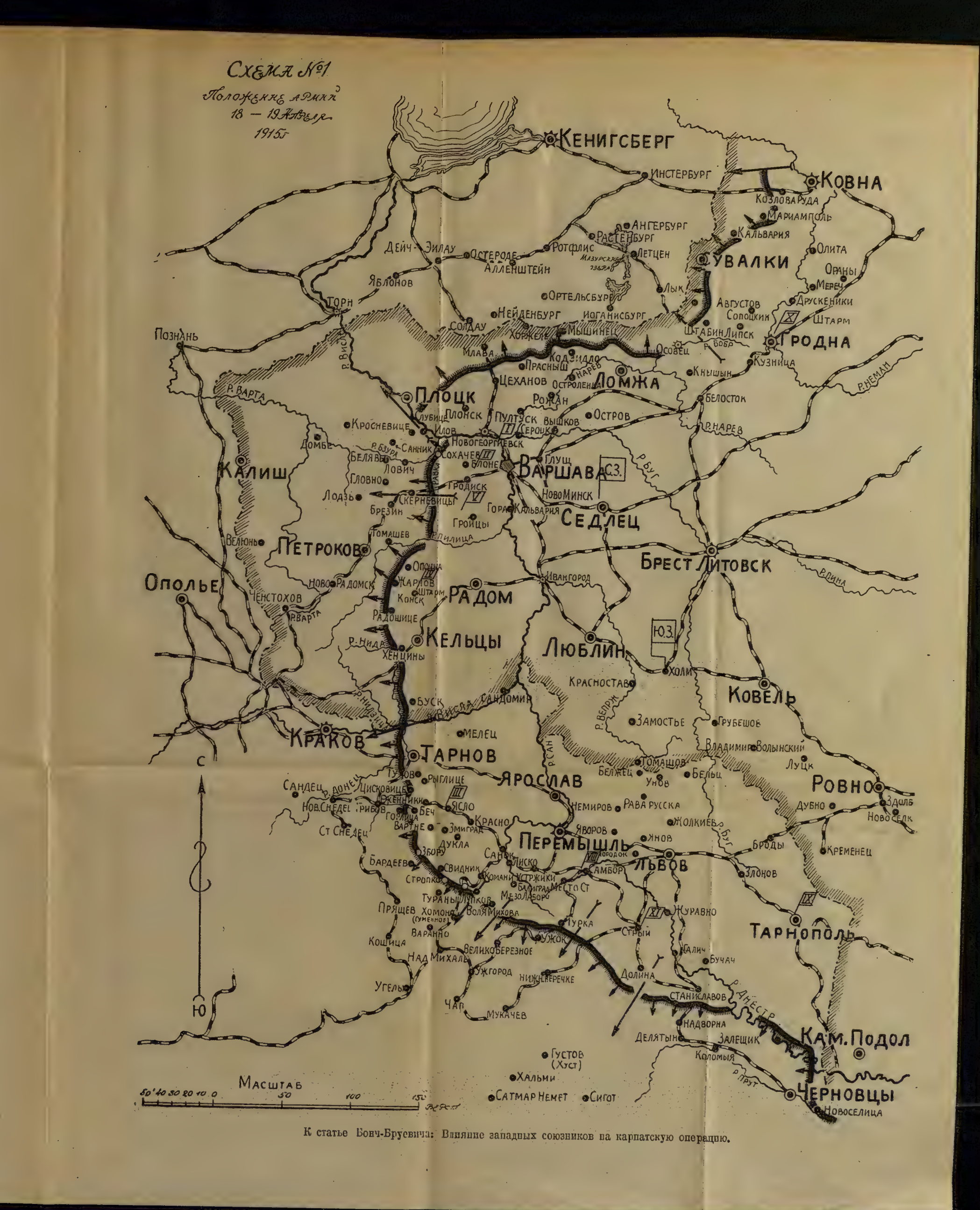
Исходя из того, как Франция относилась к России во время империалистической войны и как она толкала несознательные элементы на борьбу с РСФСР, равно как и из того, что она и сейчас содержит кадр ландскнехтов для создания волнений в СССР, — можно сделать правильный, ясный и легкий вывод о том, кто кому должен: мы ли французской буржуазии или французская буржуазия — нам.

Может быть, некоторые читатели упрекнут меня в пристрастии, но я заверяю, что пристрастия с моей стороны не было: в этой статье

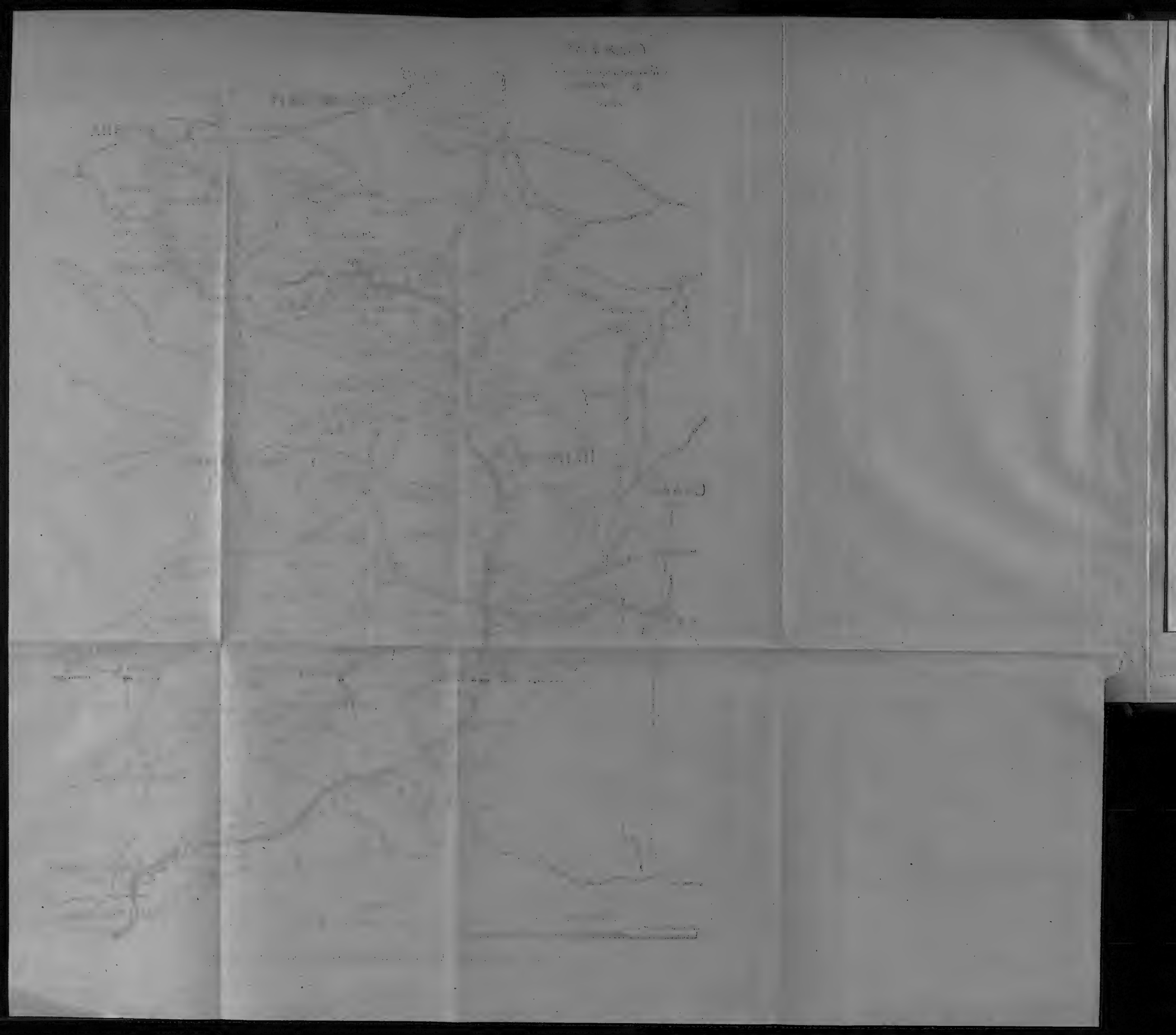
я приводил факты, и их не выдумывал. Я нарочно не базировался ни на одном источнике СССР. За исключением лишь одной ссылки на воспоминания французского посла Палеолога, — я приводил только свои личные, мною виденные факты.

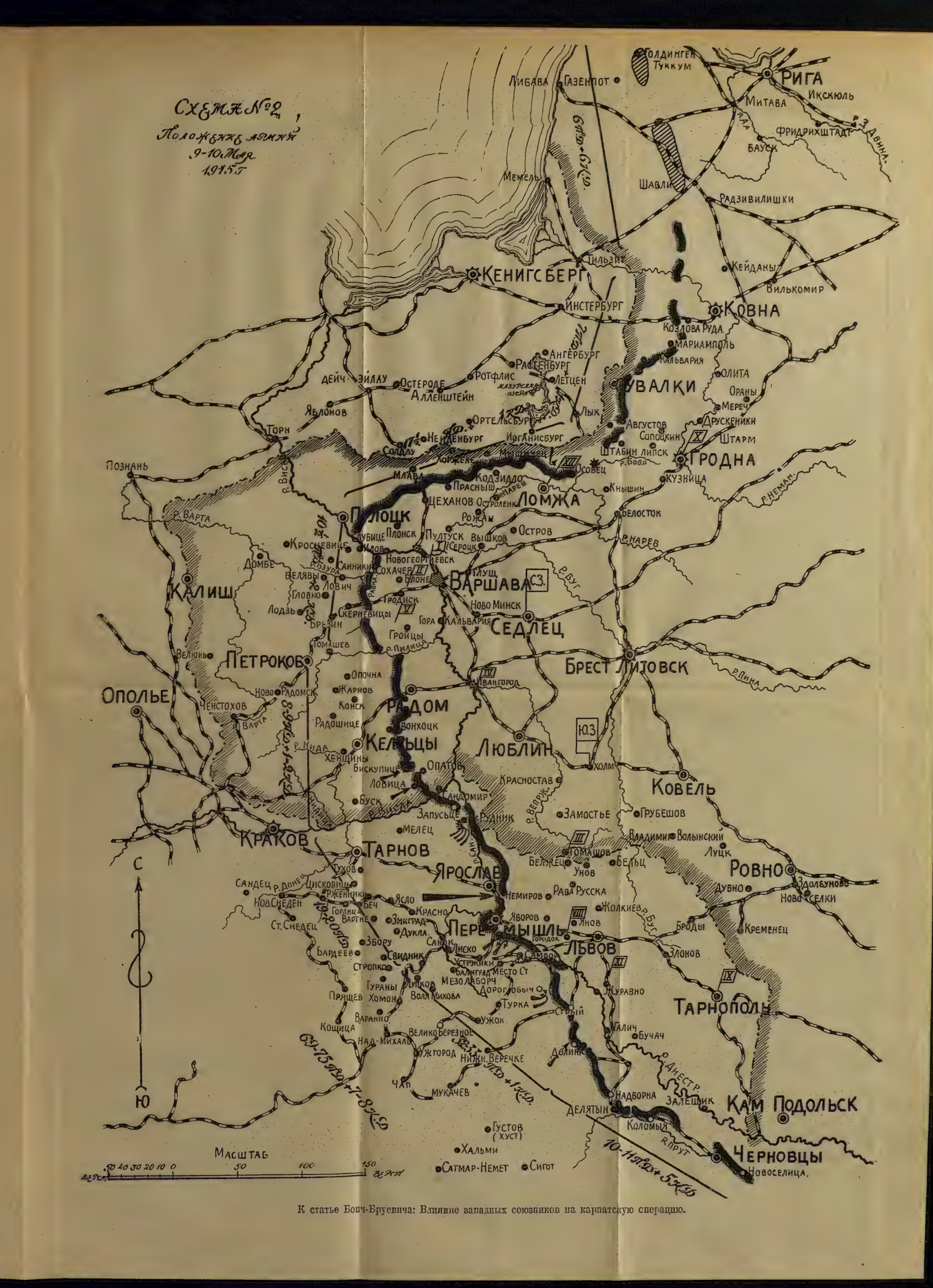
СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

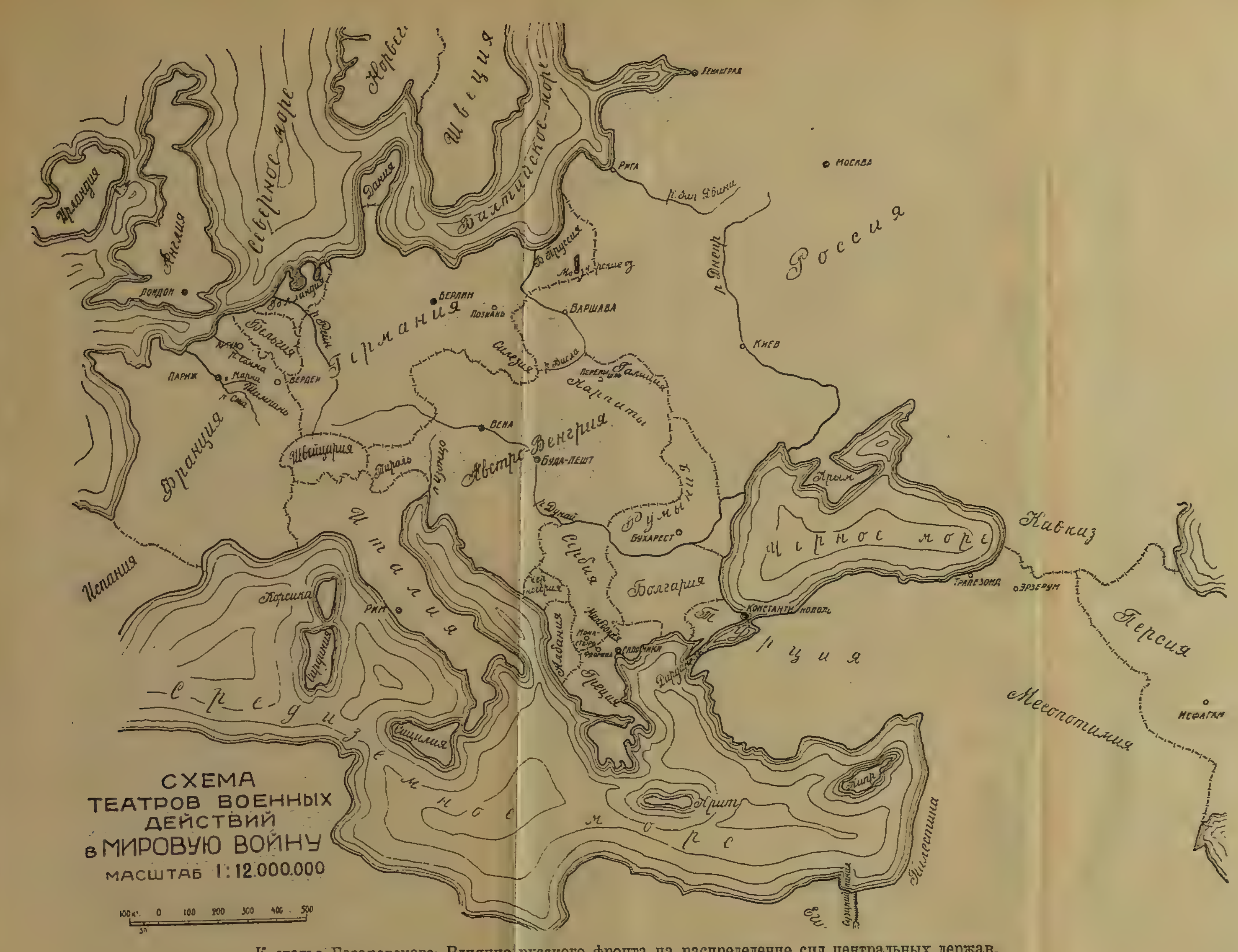

К статье Бонч-Бруевича: Влияние западных союзников на карпатскую операцию.

К статье Бонч-Бруевича: Влияние западных союзников на карпатскую операцию.

К статье Базаревского: Влияние русского фронта на распределение сил центральных держав.

Цена 3 руб.

